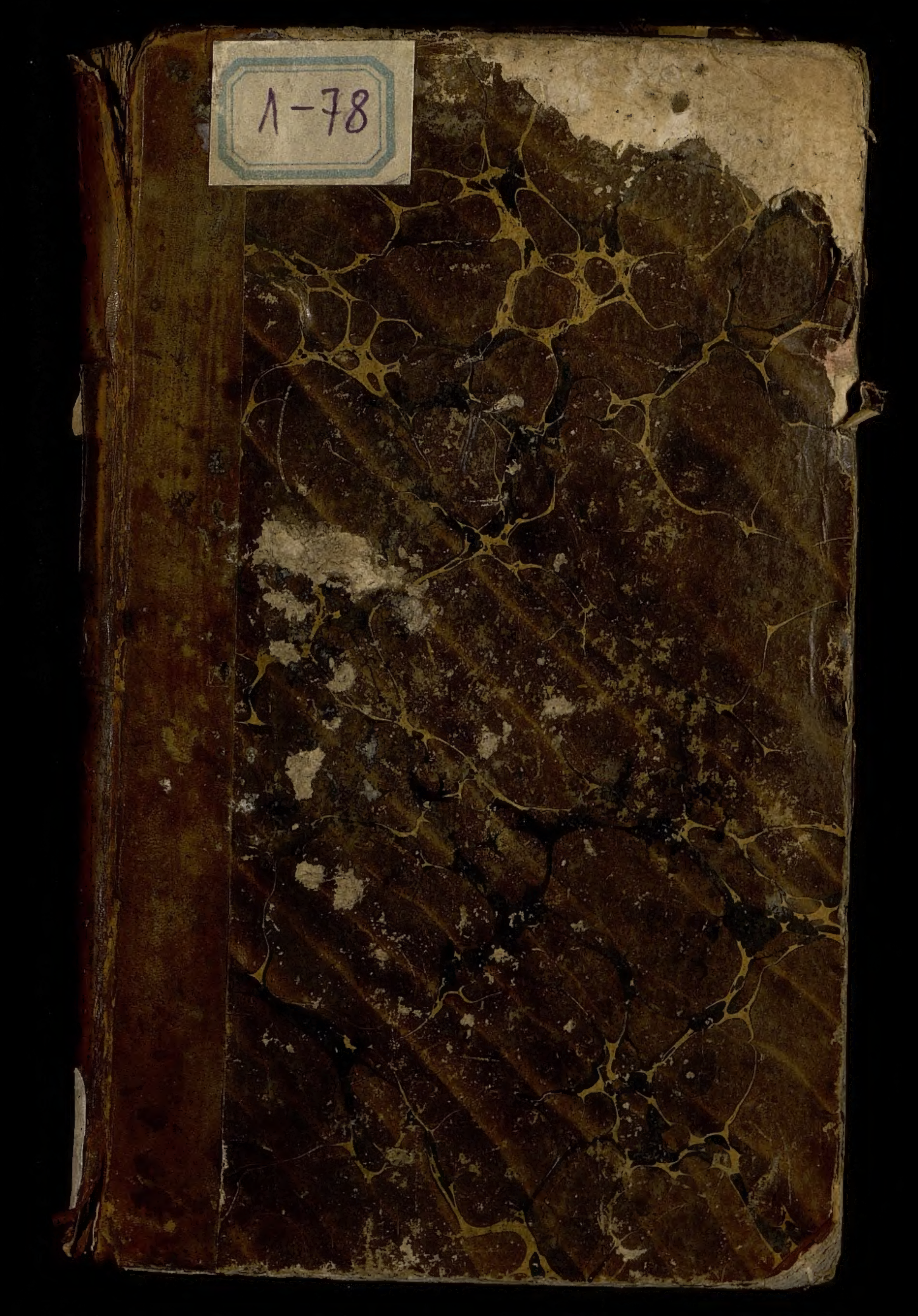
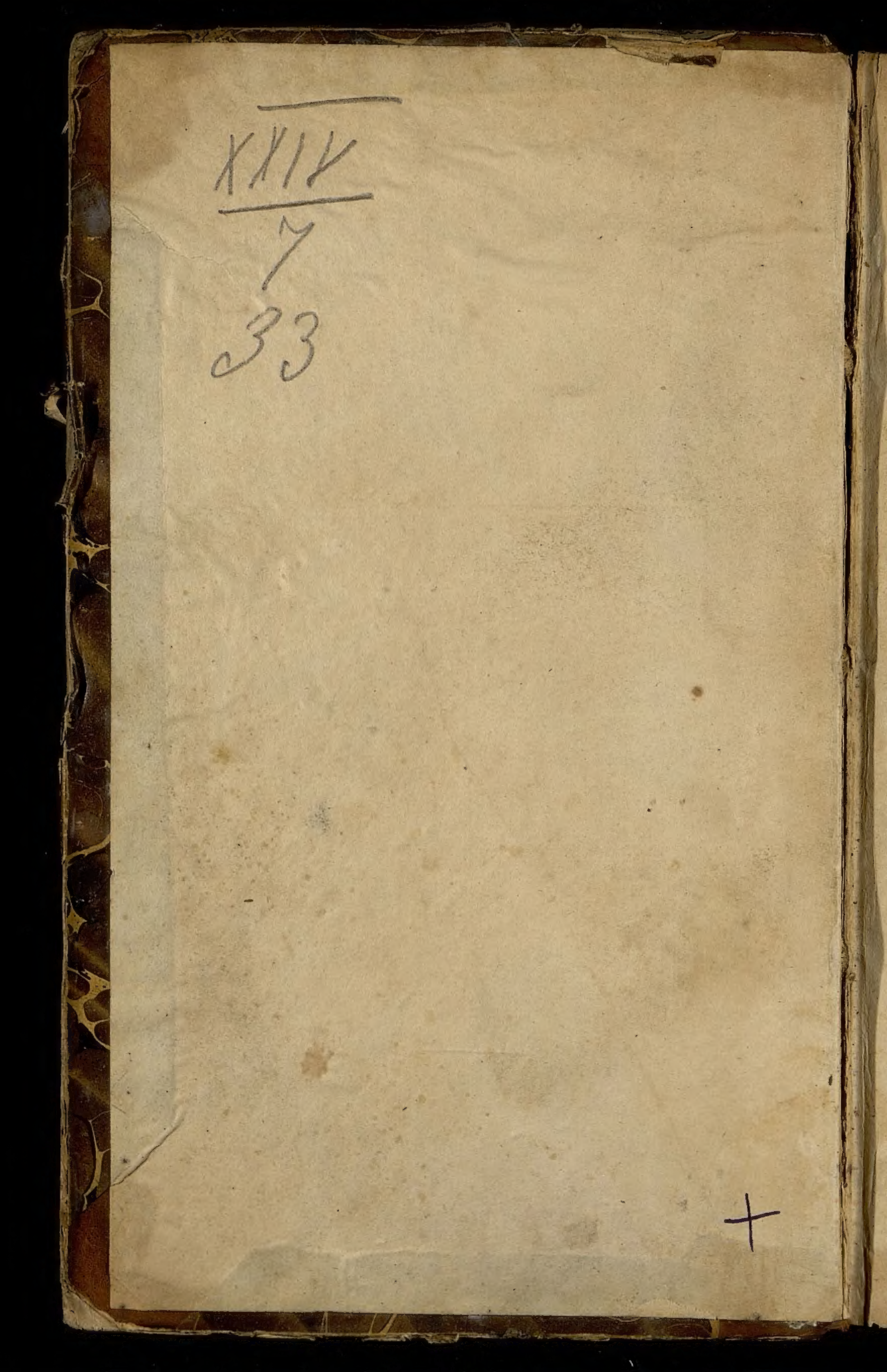

1-78


XXIV
7
33
+

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ I.

РУКОВОДСТВО

КЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Dr. *Фридриха Лоренца*,

Орд. Профессора Главнаго Педагогическаго Института и Директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Петра.

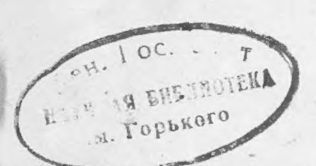
ЧАСТЬ I.

изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У ИЗДАТЕЛЯ, КНИГОПРОДАВЦА Ю. А. ЮНГМЕЙСТЕРА.

1845.





ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 8 Февраля 1845.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первая часть моего руководства къ Всеобщей Исторіи разошлась еще до выхода въ свѣтъ всего сочиненія. Это надобно, кажется, приписать тому, что этотъ томъ удовлетворилъ потребностямъ учащагося юношества и былъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ принятъ въ руководство при преподаваніи Древней Исторіи. Въ самомъ дѣлѣ исторія древнихъ народовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, которыя съ наивозможно большею подробностію и основательностію должны излагаться молодымъ людямъ, приготовляющимся къ ученымъ занятіямъ. Она преимущественно воз-

буждаетъ и развиваетъ стремленіе къ познанію историческихъ отношеній и понятій. Хотя она и изображаетъ времена отдаленныя, но юноша понимаетъ ее лучше, и она занимаетъ его болѣе Средней и Новой Исторіи. Постоянное занятіе древними языками и древнею литературою, на которыхъ основано все ученое образованіе, освоиваетъ ученика съ духомъ древности, и онъ такимъ образомъ знакомится съ Греціею и Римомъ прежде, нежели съ своимъ собственнымъ отечествомъ. Древняя Исторія своимъ легко обозрѣваемымъ развитіемъ, своими простыми и ясно опредѣленными отношеніями, своими величественными и такъ сказать *типическими* характерами, привлекаетъ его болѣе исторіи новыхъ временъ, для понятія которой нужно больше приготовленія и больше опытности въ жизни. Но и для всякаго образованнаго человѣка вообще необходимо нужно подробное знаніе Древней Исторіи. Сколькихъ отношеній, намековъ, изреченій, превратившихся въ поговорки, не понялъ бы онъ безъ зна-

нія Древней Исторіи! Деревянныя стѣны Аѳинъ, разсѣченіе Гордіева узла, Мартовскія Иды—вотъ нѣсколько примѣровъ изъ безчисленнаго множества выраженій, употребляемыхъ безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія, и если говорятъ о Аннибалѣ ante portas, о Маріи на развалинахъ Карѳагена, о Цезарѣ и его счастіи, то предполагаютъ, что всякій образованный человѣкъ понимаетъ эти *стереотипныя* выраженія.

При этой важности Древней Исторіи для общаго образованія меня обрадовало то, что первая часть моей Всеобщей Исторіи распространилась, кажется, именно въ томъ кругѣ, гдѣ она можетъ принести наиболѣе пользы. Чтобы второе изданіе не вытѣснило изъ употребленія перваго, я счелъ за лучшее не дѣлать большихъ перемѣнъ и ограничился только исправленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ и прибавленіемъ немногихъ необходимыхъ дополненій. Такъ какъ многіе, занимающіеся науками, не знаютъ греческаго языка, то я и перевелъ греческія примѣчанія, находящіяся подъ тек-

стомъ, хотя желательно-бы было, что-бы все болѣе и болѣе уменьшалось число тѣхъ, которые, какъ монахи среднихъ вѣковъ, должны говорить: **Graeca sunt, non leguntur.**

Санктпетербургъ,
15 Мая 1845.

Dr. ФРИДРИХЪ ЛОРЕНЦЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Нынѣшнее состояніе міра и его образованіе, развитіемъ своимъ представляетъ содержаніе, а совершеніемъ результатъ Всеобщей Исторіи. Хотя человѣкъ не измѣняется въ своей умственной и физической природѣ, хотя онъ все тотъ же, какимъ вышелъ изъ рукъ Создателя; тѣ же желанія наполняютъ его сердце, тѣ же страсти управляютъ его поступками, тѣ же горести и радости сопровождаютъ его, которыя онъ чувствовалъ при началѣ своего земнаго странствованія, однако, въ развитіи своихъ способностей, онъ не всегда одинаковъ, но различно пользуется своими силами, и умственныя его богатства увеличиваются. Ибо ничто не погибаетъ изъ того, что производитъ человѣческій родъ въ своемъ развитіи. Одна генерація идетъ въ слѣдъ за другою, и каждое поколѣніе прибавляетъ къ наслѣдству, полученному отъ предковъ, свои собственныя пріобрѣтенія, и, увеличивъ его такимъ образомъ, передаетъ своимъ наслѣдникамъ.

Что для одной генераціи ново и должно было пройти чрезъ всѣ противорѣчія и побѣдить всѣ

предразсудки, то становится знакомою вещью для слѣдующей за нею. Теперь дѣти понимаютъ то, что было тайною для мудрѣйшихъ людей временъ прошедшихъ, потому что всѣ понятія, всѣ мысли, истекающія изъ дѣятельности ума человѣческаго, подобно атмосферѣ, ложатся надъ человѣчествомъ. И какъ наше тѣло вдыхаетъ въ себя физическую атмосферу, такъ и духъ дышитъ этою духовною атмосферою, которая становится для него воздухомъ жизни.

Естественно, что эта умственная атмосфера, подобно физической, имѣетъ свои, такъ сказать, климатныя особенности, смотря по тому, больше или меньше какой либо народъ пользуется результатами всеобщаго развитія. Но каковъ бы ни былъ народъ, находящійся въ области Исторіи, во всякомъ можно найти хоть часть этихъ результатовъ. И только тамъ, гдѣ исчезаетъ всякій слѣдъ Исторіи, нашъ духъ не можетъ дышать, лишась своей атмосферы, какъ человѣкъ не можетъ жить въ водѣ. Образованный человѣкъ, находясь среди Новозеландцевъ, чувствуетъ то же самое, если бъ его окружало стадо дикихъ звѣрей. Человѣческій духъ подобенъ неистощимому руднику, изъ глубины котораго извлекаются всегда новыя сокровища. Извлеченіе этихъ сокровищъ и очищеніе ихъ отъ нечистой примѣси—вотъ трудъ, который составляетъ собственный предметъ Исторіи; и тотъ народъ самый богатый, который является въ Исторіи самымъ дѣятельнымъ. Такой народъ мы называемъ *историческимъ*, потому что онъ, думая трудиться только для своей пользы, трудится

для пользы цѣлаго міра, и результаты его дѣятельности раньше или позднѣе дѣлаются общимъ достояніемъ. Потому-то историкъ не съ равнымъ вниманіемъ смотритъ на всѣ народы; но все свое вниманіе устремляетъ въ особенности на какой либо народъ, который началъ или продолжалъ дальнѣйшее развитіе умственной дѣятельности человѣческаго рода, который не только усвоилъ себѣ всѣ прежнія пріобрѣтенія, но и умножилъ ихъ. Такъ Греція, въ продолженіе нѣкотораго времени, была центромъ Всеобщей Исторіи, потомъ сошла со сцены и потеряла всякій историческій интересъ. Такъ Палестина нѣкогда пріобрѣла великое значеніе и теперь только своими священными памятниками возбуждаетъ наше вниманіе. Но то, что развилось на этихъ ничтожныхъ точкахъ Земнаго Шара, распространилось по всей землѣ, потому что другіе усвоивали эти пріобрѣтенія и развивали далѣе. И такъ, хотя народы, по совершеніи своего умственнаго развитія, необходимо ослабѣваютъ и умираютъ, однако, во всякомъ случаѣ, человѣчество, разсматриваемое какъ одно цѣлое, идетъ впередъ. Законъ, по которому все происходитъ, вѣченъ и неизмѣненъ, и Исторія, въ цѣломъ своемъ составѣ, прекрасна и велика, какъ прекрасны и велики другія творенія, въ которыхъ Духъ Божій соблаговолилъ открыть міру свое могущество и мудрость.

Какъ ни важны изысканія о происхожденіи народовъ, потому что изъ этого можно объяснять всѣ естественныя ихъ способности и склонности, но Исторія не занимается этимъ предметомъ. Она

начинается уже въ то время, когда человѣческій родъ разселился по большой части Земнаго Шара, раздѣлился на племена, различныя какъ по физической, такъ и по умственной природѣ.

Новѣйшіе естествоиспытатели, Кювье и Ласепедъ, дѣлятъ человѣческій родъ только на три племени, именно: 1. Кавказское, 2. Монгольское и 3. Эѳіопское или Негровъ, и всѣ различныя племена причисляютъ къ одному изъ этихъ трехъ. Но есть народы, напр. Малайцы, занимающіе средину между Монголами и Неграми, племя Папусъ, Готтентоты, Лапландцы, Самоѣды и другіе, которыхъ нельзя строго причислить ни къ одному изъ трехъ приведенныхъ племенъ. Впрочемъ всѣ сіи изысканія болѣе важны для Естественныхъ Наукъ, нежели для Исторіи.

При началѣ Исторіи, всѣ племена и особенно Кавказское, котораго вліяніе на Исторію является господствующимъ, уже составляютъ различные народы, говорящіе совершенно различными языками; но это напрасный трудъ, напрасное желаніе поднять покрывало, скрывающее колыбель человѣчества. Младенчество народовъ, равно какъ и младенчество всякаго недѣлимаго, не имѣетъ Исторіи, потому что какъ у того, такъ и у другаго нѣтъ яснаго самопознанія. Для этой эпохи существуютъ только сказки—произведенія фантазіи, раждающейся и стремящейся уже къ самопознанію. Только одному народу дано неоцѣненное преимущество: возможность соединить начало своей Исторіи съ началомъ бытія. Этотъ народъ — Іудеи. Онъ одинъ, чрезъ божественное откровеніе, получилъ живое и ясное сознаніе о своей связи съ началомъ міозданія.

Всемірная Исторія дѣлится на двѣ огромныя

половины; основная точка этого дѣленія есть явленіе Господа нашего *Іисуса Христа*. Характеръ временъ до-христіанскихъ состоитъ въ приготовленіи человѣчества къ сему чудесному событію и въ проложеніи пути для новыхъ идей, долженствовавшихъ образоваться въ слѣдствіе онаго. Если мы называемъ Всемірную Исторію изображеніемъ средствъ и путей, которыми человѣчество дошло до настоящей степени совершенства въ политическомъ, религіозномъ и умственномъ отношеніи, то само собою разумѣется, что мы, въ этомъ смыслѣ, обращаемъ особенное вниманіе на тѣ народы, коихъ умственное развитіе служило моментами образованія цѣлаго человѣчества. Таковы были во времена до-христіанскія Іудеи, Греки и Римляне, потому что все, произведенное сими народами, служитъ основаніемъ образованія новѣйшихъ временъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, почему Исторія Китая оставлена нами безъ вниманія, хотя это государство есть одно изъ самыхъ древнѣйшихъ. Какъ ни любопытно разсматривать Исторію сего государства въ особенности, но во Всеобщей Исторіи ему нѣтъ мѣста. Не дѣйствуя на другія государства и отъ нихъ ничего не заимствуя, оно, съ незапамятныхъ временъ, существуетъ только для себя. Китайцы, народъ Монгольскаго происхожденія, поселившись въ странѣ, располагающей къ земледѣлію, получили образованіе, совершенно отличающее ихъ отъ единоплеменныхъ имъ кочующихъ Монголовъ. Географическое положеніе этой обширной страны дало Китайцамъ возмож-

ность вести такую отдѣльную жизнь. Имѣя разнообразную почву, различные климаты, всѣ возможные продукты, Китай не нуждается въ чужей помощи: Китай производитъ все, что нужно для употребленія его жителей, а они съ давнихъ временъ привыкли довольствоваться тѣмъ, что можно найти въ своемъ отечествѣ. Равнымъ образомъ Китайцы независимы и въ образованіи. Всѣми понятіями они обязаны самимъ себѣ; они не заняли ничего у другихъ народовъ и, не смотря на то, что кругъ этихъ понятій весьма ограниченъ, Китайцы гордятся ими, считаютъ ихъ совершеннѣйшими, на все чужое смотрятъ съ гордостію и презрѣніемъ и тѣмъ исключаютъ себя изъ Всеобщей Исторіи. Мы имѣемъ право пропустить Китай, какъ пропустили бы Перу или Мексику, если бы даже Исторія этихъ государствъ была извѣстна съ самыхъ древнихъ временъ.

Совсѣмъ другое значеніе въ Исторіи развитія человѣческаго духа имѣетъ Индія по своей литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что произведенія Индѣйской Литературы, особенно отличающіяся глубокомысліемъ и блескомъ фантазіи и превосходящія всѣ произведенія Востока позднѣйшихъ временъ, дошли до насъ изъ самой глубокой древности. Отсюда раждается вопросъ: не были ли древніе народы въ непосредственномъ или посредственномъ сношеніи съ Индѣйцами и не заняли ли у нихъ многаго, что показалось имъ достойнымъ подражанія?

Но, къ сожалѣнію, у Индѣйцевъ нѣтъ Исторіи. Недостатокъ вѣрной хронологіи дѣлаетъ совершен-

но невозможнымъ отыскать въ Индѣйскихъ сказаніяхъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

По мнѣнію Индѣйцевъ, міръ долженъ существовать въ продолженіе четырехъ огромныхъ періодовъ, и мы живемъ уже въ послѣднемъ. Первый изъ этихъ періодовъ продолжался 17 лахесовъ и 28,000 лѣтъ, а каждый лахесъ заключаетъ въ себѣ 100,000, слѣдовательно время перваго періода равно 1,728,000 лѣтъ. Сверхъ того во всѣхъ хронологическихъ показаніяхъ замѣтна у нихъ большая неопредѣленность, напр. одни полагаютъ, что время Будды было за 1200, а другіе за 400 лѣтъ до Рождества Христова или лучше: историки въ своихъ показаніяхъ о времени Царя Викрамадитія, при дворѣ котораго жилъ поэтъ Калидаса, извѣстный по своей драмѣ Сакontала, колеблются между 1082 и 56 г. до Р. Х. (Смотри Essay on Vicramaditya and Salivahana въ 9-мъ томѣ Asiatic Researches, стр. 82).

Индѣйское Государство, въ своей древней формѣ, основано на раздѣленіи на касты. Каста Браминовъ, или жрецовъ, есть господствующая; ей подчинены всѣ прочія, и эта зависимость считается необходимымъ закономъ природы и сохраняется свято и ненарушимо. Но еще въ давнія времена возникло вѣроисповѣданіе, противное Браминисму—Буддисмъ.

Оба вѣроисповѣданія согласно допускаютъ перехожденіе душъ, но основанія того и другаго различны. По ученію Браминовъ, божество отъ времени до времени нисходитъ на землю подъ видомъ человѣка или какого либо животнаго, для поддержанія религіи; по ученію Буддистовъ, самъ человѣкъ по временахъ дѣлается богомъ. По ученію Браминовъ, матерія создана Богомъ, который неусыпно заботится о своемъ созданіи; напротивъ, Буддисты утверждаютъ, что матерія вѣчна, и Богъ

находится въ вѣчномъ спокойствіи. У Буддистовъ нѣтъ раздѣленія на касты, и всякій можетъ быть жрецомъ; хотя жрецамъ у нихъ запрещено жениться, но они могутъ оставлять это званіе. Законъ Браминовъ во всемъ противорѣчитъ Буддисму. Естественно, что два вѣроисповѣданія, столь противныя одно другому, не могли оставаться въ покоѣ; повидимому и происходили жестокія религіозныя войны, кончившіяся тѣмъ, что ученіе Браминовъ утвердилось въ собственной Индіи, а изгнанное ученіе Будды распространилось по другимъ странамъ и особенно въ Тибетѣ.

Чтобы укрѣпить навсегда свое владычество, Брамины должны были составить законы религіи и на нихъ основать все политическое устройство народа. Они сдѣлали то и другое. Перваго они достигли Ведами, втораго законодательствомъ Мену.

Веды написаны на Санскритскомъ языкѣ и содержатъ въ себѣ хвалебные гимны божеству (Ричведа), предписанія, касательно богопочтенія (Діадшушведа), молитвы (Самаведа) и религіозныя пѣсни (Атарваведа). Ясно, что законы *Мену* написаны были съ цѣлію, положить твердое основаніе Іерархіи и утвердить строго раздѣленіе на касты. Этого они и достигли: Индѣйскій бытъ въ сущности сохранилъ и донынѣ ту форму, которую получилъ въ незапамятное время *).

Четыре главныя касты суть: 1. Брамины — жрецы, господствующая каста. 2. Четрисъ—воины; 3. Визасъ—

*) Кто хочетъ лучше познакомиться съ Исторіею Индѣйскою, тотъ долженъ прочесть книгу подъ заглавіемъ: Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten, von P. v. Bohlen. Königsberg 1830 II., и Heeren, über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Bd. I., Abth. 3. Indien.

земледѣльцы и купцы; 4. Судрасъ—ремесленники. Кромѣ того есть еще много кастъ нечистыхъ, происшедшихъ, или отъ браковъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ кастамъ, или отъ смѣшенія съ другими племенами, какъ напр. Паріи.

Далѣе къ западу, въ Бактріи, въ древнѣйшія времена жили Зенды, также управлявшіеся жрецами и дѣлившіеся на четыре касты. Прежде ученые пытались доказать, что немногія извѣстія, дошедшія до насъ объ Исторіи и образѣ правленія этого народа, относятся къ Исторіи Мидо-Персидской т. е. что Зенды и Мидо-Персы одно и тоже. Но эта попытка осталась безъ успѣха. Правда, Мидяне и Персы приняли ученіе Зороастра, распространившееся сначала между Зендами, и прежде господствовавшая здѣсь каста, жрецы, удержали и у Персовъ свое вліяніе; но время появленія этой религіи и относящейся къ ней литературы гораздо прежде основанія Мидо-Персидскаго Царства. Такъ какъ несомнѣнная связь сей древней іерархіи Зендовъ съ Мидо-Персидскимъ Государствомъ, посредствомъ господствовавшей въ ней религіи, именно посредствомъ ученія Зороастрова, появившагося сначала у Зендовъ, доказана, то мы должны знать дошедшія до насъ объ ней извѣстія *).

Эрисъ или Эрійцы, какъ называли себя Зенды,

*) Zendavesta, ouvrage de Zoroastre, traduit en français sur l'original Zend par Anquetil du Perron. Paris 1771, и нѣмецкій переводъ этой книги, Клейкера 1776.—Die heilige Sage und das gesammte Religionssystem der alten Baktrer, Meder und Perser oder des Zendvolks von J. G. Rhode. Frankfurt a. M. 1820. Dschemschid, Feridun, Gustasp, Zoroaster. Eine kritisch-historische Untersuchung über die beiden ersten Kapitel des Vendidad, von A. Hölty. Hannover 1829.

послѣ долговременной кочевой жизни, наконецъ поселились въ Бактріи и основали тамъ земледѣльческое государство. При четвертомъ царѣ изъ династіи Пиждадіевъ, Джемшидѣ, царство Пиждадіевъ было обширно и могущественно до царствованія внука Джемшидова, Феридуна. Когда сей послѣдній умеръ, дѣти его, Туръ и Иретъ, вступили въ войну за наслѣдство; тогда произошло раздѣленіе государства на двѣ части: Туранъ и Иранъ. Послѣ продолжительной войны, Иретъ былъ побѣжденъ и царство его покорено. Сынъ дочери его, Миночеръ, въ послѣдствіи освободилъ Иранъ и вступилъ на престолъ. Съ нимъ прекратилась династія Пиждадіевъ. Преемникъ его, Кайкобадъ, былъ родоначальникомъ династіи Кеянидовъ. Въ царствованіе пятаго царя изъ этой династіи, Густаспа, жилъ Зороастръ, котораго ученіе содержится въ Вендидатѣ, одной изъ священныхъ книгъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ *Авеста*. Зороастръ говоритъ, что вѣчное существо, причина бытія всѣхъ вещей, родило изъ себя Ормузда и Аримана. Первый есть источникъ всякаго блага, второй отецъ зла. Ормуздъ сотворилъ землю со всѣмъ, что на ней находится; Ариманъ, напротивъ, старается разрушить его твореніе; отсюда происходитъ смѣсь добра и зла въ природѣ, добродѣтелей и пороковъ въ родѣ человѣческомъ. Въ Зендавестѣ повѣствуется, что однажды Зороастръ взошелъ на высокую гору и тамъ, въ пламенной молитвѣ, просилъ Свѣтъ о своемъ просвѣщеніи; вдругъ предъ нимъ явился первый изъ добрыхъ духовъ, именемъ Баманъ, и

вознесъ его прямо къ престолу божества. Первый вопросъ, сдѣланный Зороастромъ Ормузду, былъ: «Какое творенiе тебя всѣхъ любезнѣе?» Ормуздъ отвѣчалъ: «То, чье сердце правдиво, кто не ищетъ богатствъ, кто готовъ дѣлать добро всѣмъ земнороднымъ. Блаженъ человѣкъ, такъ поступающiй!» Потомъ Ормуздъ открылъ ему всѣ таинства природы мiра духовъ и наставилъ его, что должно дѣлать для учрежденiя порядка въ обществѣ и въ религiи. По этимъ предписанiямъ, Зороастръ раздѣлилъ Зендовъ на четыре касты, именно: первую касту составляли жрецы, вторую—воины, третью—земледѣльцы, четвертую—ремесленники. Цари принадлежали къ сословiю жрецовъ. Такъ какъ, по ученiю Зороастра, злые духи всегда стараются вредить счастiю людей, то на этомъ особенно жрецы утвердили свою власть, имѣя всѣ средства отвратить это пагубное влiянiе. Прошли столѣтiя; Зенды подпали подъ власть Мидо-Персовъ; но побѣдители приняли ученiе Зороастра, и жрецы, подъ именемъ Маговъ, утвердились и у нихъ, какъ наслѣдственная каста.

Чѣмъ дальше къ западу, чѣмъ ближе къ народамъ, которыхъ Исторiи тѣсно соединены одна съ другою, тѣмъ больше разсѣвается мракъ Исторiи, потому что тутъ мы можемъ пользоваться историческими преданiями Iудеевъ и Грековъ, бывшихъ въ сношенiи съ этими народами, и узнаемъ съ историческою вѣрностью, какiе народы и царства находились въ средней и передней Азiи, какiе въ Африкѣ. И хотя дошедшiя до насъ извѣс-

тій объ этихъ государствахъ и народахъ отрывочны, однако жъ имѣютъ прочное основаніе.

И такъ, во-первыхъ разскажемъ въ связи Исторію Вавилоніи, Ассиріи, Финикіи, Мидіи, Персіи, Лидіи и Египта, сколько она намъ извѣстна. Потомъ разсмотримъ Исторіи Іудеевъ, Грековъ и Римлянъ въ цѣломъ ихъ составѣ. Такимъ образомъ Исторія временъ до-христіанскихъ распадается на три части:

I. Исторія древнихъ государствъ въ Азіи и въ Египтѣ.

II. Исторія развитія и усиленія Греческаго народа до паденія Македонскаго Царства.

III. Исторія развитія Римскаго Государства и распространенія его владычества надъ всѣмъ историческимъ міромъ.

I.

ИСТОРІЯ ДРЕВНИХЪ АЗІЯТСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ И ЕГИПТА.

1. ДРЕВНѢЙШІЯ ГОСУДАРСТВА ПО ТИГРУ И ЭВФРАТУ.

Древнѣйшія Азіятскія государства, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя извѣстія, суть земли Арамейскихъ племенъ. Театръ этой Исторіи есть обширное пространство земли отъ устій Тигра и Эвфрата до Понта Эвксинскаго, на западъ до рѣки Галиса и Средиземнаго Моря, на востокъ вдающейся далеко во внутренность Азіи, такъ что съ этой стороны нельзя положить опредѣленныхъ границъ. Народы, населявшіе это пространство, извѣстны подъ именемъ Арамейцевъ, какъ они сами себя называли, или Ассиріянъ, какъ называли ихъ Греки.

Вѣрнѣйшій источникъ для исторіи этихъ странъ священныя книги Вѣтхаго Завѣта, потомъ сочиненіе Греческаго писателя Геродота Галикарнасскаго. Кромѣ того, до насъ дошли отрывки изъ Халдейской Исторіи Бероза, собранные въ сочиненіи: De Beroso Chaldaeorum historiae veteri scriptore scripsit — Richter. Lipsiae 1825. Также очень важно сочиненіе Нибура Abhandlung über den historischen Gewinn aus der Armenischen Uebersetzung des Eusebius. Сочиненіе Грека Ктезія, отъ котораго также

намъ достались одни отрывки (Ctesiae Persica ed. Bähr. 1824); оно наполнено баснями и невѣрными показаніями; за него надобно браться съ большою осторожностію. Cp. Dr. P. L. Blum, Herodot und Ktesias, die frühesten Geschichtsforscher des Orients. Heidelberg 1836. Изъ новѣйшихъ писателей сочиненіе Герена, о которомъ мы уже упоминали, (Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt), можетъ служить хорошимъ пособіемъ. Также замѣчательно philologisch-kritischer und historischer Commentar zum Propheten Jesaia, von Gesenius.

Въ Священномъ Писаніи, съ которымъ согласны Геродотъ и Берозъ, древнѣйшимъ государствомъ является Вавилонъ. Свойство этой страны располагаетъ къ основанію земледѣльческаго государства и къ переходу изъ доселѣ бывшаго кочеваго состоянія къ осѣдлой жизни. Тигръ и Эвфратъ, вытекающіе изъ Армянскихъ горъ, въ направленіи къ югу, и изливающіеся въ Персидскій Заливъ, ограничиваютъ Вавилонію съ запада и востока. Разлитія ихъ благодѣтельны, потому что дѣлаютъ почву плодородною, но вмѣстѣ и опустошительны. Естественно, что такая страна побуждала къ трудолюбію и изобрѣтательности: къ трудолюбію потому, что оно было щедро вознаграждаемо, къ изобрѣтательности потому, что надобно было полагать преграду опустошительнымъ наводненіямъ *). Но сколько Вавилонія была богата хлѣбомъ, столько бѣдна лѣсомъ, имѣла большой недостатокъ въ камнѣ, слѣдовательно искусство вездѣ должно было помогать природѣ.

*) О плодородіи и объ искусственномъ орошеніи Вавилоніи смотри у Геродота кн. 1, глав. 193.

Но эти выгоды и препятствія, въ одно время представлявшіяся человѣку, сильно дѣйствовали на развитіе его образованія: онъ вступалъ въ борьбу съ природою и умомъ побѣждалъ ее; такимъ образомъ Вавилонія сдѣлалась колыбелью гражданственности и Исторіи. Въ Библіи основаніе Вавилонскаго Царства приписывается Нимвроду, который тамъ названъ великимъ ловцемъ предъ Господомъ. Касательно Исторіи этого государства, мы знаемъ изъ Бероза, что оно нѣсколько разъ было обезпокоиваемо набѣгами окружавшихъ его кочевыхъ народовъ, и было ими покоряемо; изъ этихъ побѣдителей каждый разъ происходила новая династія.

Отъ потопа до покоренія Вавилоніи Персами, Берозъ насчитываетъ семь династій. Время правленія *первой династіи* (Нимврода), отъ основанія Вавилонскаго Царства, продолжалось 309 лѣтъ. *Вторая династія Мидійская*. Мидяне покорили Вавилонъ и владѣли имъ въ продолженіе 224 лѣтъ. *О третьей династіи* Берозъ только упоминаетъ; но о происхожденіи ея и о времени правленія не говоритъ ни слова. *Четвертая династія Халдейская*. Она владычествовала въ продолженіе 458 лѣтъ. *Пятая Аравійская*, царствовавшая 215 лѣтъ. Но только съ *шестою династіею* мы вступаемъ въ область Исторіи и можемъ положительно и съ хронологическою точностію опредѣлить время правленія царей Вавилонскихъ. Это *династія Ассирійская*. По численію Бероза, владычество *Ассиріянъ* продолжалось 526 лѣтъ, въ чемъ согласенъ съ нимъ и Геродотъ, который говоритъ (именно въ 1-й книгѣ, 95 гл.), что царство Ассиріянъ въ Азіи продолжалось 520 лѣтъ. Ясно, что онъ беретъ только круглымъ числомъ 526 Берозовыхъ.

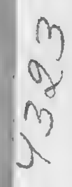
Въ правленіе Ассирійской династіи, резиденція была перенесена изъ Вавилона въ Нинevію. Но

Исторія Ассирійскаго Царства стала намъ извѣстна только съ того времени, когда Ассиріяне, окончивъ свои завоеванія на востокѣ, обратились на западъ, потому что тогда они пришли въ столкновеніе съ Израильтянами, которыхъ историческія книги знакомятъ насъ съ цѣлымъ рядомъ Ассирійскихъ и Вавилонскихъ царей.

Первый Ассирійскій царь, о которомъ упоминается въ Израильской Исторіи и у Бероза, есть *Фулъ*. Онъ наложилъ дань на Израильскаго царя Манаима, царствовавшаго отъ 772—761. И когда Факія (769—739), одинъ изъ царей, слѣдовавшихъ послѣ Манаима, вознамѣрился освободиться отъ этой дани, *Өеглафеласаръ*, наслѣдникъ Фула, вторгнулся въ землю Израильтянъ и часть ихъ отвелъ въ плѣнъ.

Ассирійскіе завоеватели, распространяя свои владѣнія на западѣ, ничего столько не желали, какъ покоренія богатой Финикіи. Собственная Финикія была однимъ изъ самыхъ небольшихъ государствъ древняго міра. Она занимала Сирійскіе берега отъ Тира до Арада и въ ширину не имѣла нигдѣ больше 30 или 35 верстъ. Море, съ ужасною яростію ударяясь о скалистые берега, оторвало отъ твердой земли многіе мысы; изъ нихъ образовалось множество прибрежныхъ острововъ, которые вскорѣ покрылись цвѣтущими торговыми городами, селеніями и фабриками. На одномъ изъ такихъ острововъ расположенъ былъ Арадъ, самый сѣверный городъ Финикіи; напротивъ его, на твердой землѣ, лежалъ Антарадъ. Къ югу, на разстояніи 20 верстъ, находился городъ Триполисъ. Далѣе, въ томъ же направленіи и почти на такомъ же разстояніи одинъ отъ другаго, слѣдовали города Библъ и Беритъ; потомъ Си-

донъ, и на самой южной границѣ первый изъ всѣхъ Финикійскихъ городовъ, Тиръ. Промежутки между этими городами были покрыты множествомъ богатыхъ селеній, такъ что весь берегъ, съ прилежащими къ нему островами, имѣлъ видъ одного, цѣлаго, необозримаго торговаго города. Всѣ Финикійскіе города были колоніями одинъ другаго. Древнѣйшій изъ нихъ былъ Сидонъ; его колоніи—Тиръ и Арадъ. Городъ Триполисъ основанъ колонистами изъ сихъ трехъ городовъ.



При всей недостаточности извѣстій объ этой странѣ, кажется, можно сказать утвердительно, что всѣ Финикійскіе города составляли одинъ союзъ, главою котораго, въ самый счастливый періодъ могущества и совершенной независимости Финикіянъ, былъ Тиръ. Потомъ можно принять за вѣроятное, что каждый городъ имѣлъ свой образъ правленія и былъ, въ этомъ отношеніи, независимъ отъ другихъ, что верховная власть находилась въ рукахъ наслѣдственныхъ царей, и что, не смотря на то, образъ правленія Финикіи болѣе приближался къ республиканскому, нежели къ монархическому. Въ то время, когда имя Финикіи начало упоминаться въ Исторіи, она уже пережила эпоху своей славы. Тогда уже большая часть острововъ и береговъ Средиземнаго Моря была заселена ея колоніями, которыхъ Исторія также мало извѣстна, какъ и самой ихъ метрополіи.

По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ *) о торго-

*) Главный источникъ, откуда почерпнуты свѣдѣнія о торговлѣ



влѣ Финикiянъ можно положить, что мануфактуры были главнымъ источникомъ ихъ богатства. На эти произведенiя они вымѣнивали товары, привозимые изъ внутренней Азiи, и развозили ихъ по всему свѣту. Главныя произведенiя ихъ мануфактуръ были: пурпуровыя ткани, въ то время бывшiя въ большой модѣ, и стеклянныя издѣлiя. Пурпуръ и стекло, какъ извѣстно, открыты Финикiянами, и торговля этими произведенiями была въ ихъ рукахъ. Тирскiй фiолетовый и пунцовый пурпуръ былъ долгое время въ большой славѣ.

И такъ богатая, цвѣтущая Финикiя должна была возбудить алчность завоевателей, и тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше казалась способною противостать имъ. Въ самомъ дѣлѣ Финикiяне, по своей политикѣ, устранялись отъ всякой войны, которая могла разорить ихъ, и, если могли получить выгодныя условiя, то добровольно уступали силѣ. По покоренiи царства Ефремова Ассирiянами, Финикiяне должны были подвергнуться той же участи. Между тѣмъ какъ Ассирiйскiе цари распространяли свои владѣнiя на отдаленныхъ берегахъ Средиземнаго Моря, отложилась ближайшая ихъ провинцiя, Вавилонъ. Набонассаръ, намѣстникъ Вавилонскiй, объявилъ себя независимымъ; съ этого времени начинается (именно 26 Февраля 747 года) такъ называемая *Набоннассарова Эра*, принятая Вавилонянами.

Салманассаръ, наслѣдникъ Ѳеглафелассара, за-

Финикiянъ, есть 27 гл. Пророка Iезекiиля. Смотри отдѣленiе о Финикiянахъ въ сочиненiи Герена: Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt.

пятый на западѣ дѣлами Израильтянъ, которые были покорены имъ въ 722 году, оставилъ мятежниковъ въ покоѣ: они воспользовались этимъ временемъ для утвержденія своей независимости. Хотя Сеннахеримъ, наслѣдовавшій Салманассару, успѣлъ принудить Вавилонянъ къ повиновенію, но, продолжая свои завоеванія на западѣ, онъ приготовилъ паденіе Царства Ассирійскаго. Въ 714 году, Сеннахеримъ, съ многочисленнымъ войскомъ, предпринялъ походъ для завоеванія Египта, но былъ отраженъ и разбитъ Египтянами, встрѣтившими его на самыхъ границахъ своего отечества. Послѣ этого, подъ стѣнами Іерусалима, онъ понесъ еще большую потерю, такъ что, вмѣсто сильнаго войска, привелъ назадъ только жалкіе остатки.

Это ужасное пораженіе было сигналомъ къ возмущенію для всѣхъ покоренныхъ народовъ. Мидяне и за ними Вавилоняне снова объявили себя независимыми. Вавилоняне однако должны были покориться; но Мидяне удержали свою свободу.

Первымъ правителемъ отложившагося Вавилона былъ *Акизъ*, который, послѣ 30-ти дневнаго правленія, былъ свергнутъ *Меродахъ-Валаданомъ*. Но и Меродахъ пользовался властію только шесть мѣсяцевъ. Ему наслѣдовалъ убійца его, *Элибъ*. Въ третій годъ его правленія явился предъ стѣнами Вавилона Сеннахеримъ. Элибъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и со всѣми своими сообщниками отправленъ въ Ассирію. Ассаргадонъ, сынъ Сеннахерима, сдѣланъ былъ правителемъ Вавилона.

Упадокъ Ассирійскаго могущества, которому начало положилъ несчастный походъ Сеннахерима противъ Египта, еще болѣе былъ усиленъ раз-

дорами, происшедшими между членами царской фамиліи. Въ 690 г. Сеннахеримъ былъ умерщвленъ двумя своими сыновьями. *Ассаргадонъ*, правитель Вавилона, выступилъ противъ своихъ братьевъ-отцеубійцъ, разбилъ ихъ и самъ завладѣлъ престоломъ. Ему наслѣдовалъ *Саммухъ*, а послѣ него вступилъ на престолъ братъ его, *Сарданапалъ*. Невоздержный, расточительный Сарданапалъ, проводившій все время внутри своего сераля, представлялъ въ себѣ живое изображеніе слабости своего царства.

Набопаласаръ, намѣстникъ Вавилонскій, соединясь съ Кіаксаромъ, царемъ Мидійскимъ, поднялъ противъ него оружіе. Союзники осадили Ниневію. Необыкновенное разлитіе Тигра, разрушивъ часть стѣны, рѣшило участь города: онъ былъ взятъ, и Сарданапалъ, не желая отдаться въ постыдный плѣнъ, самъ себя лишилъ жизни. Завоеваніе Ниневіи, которая была разрушена, и паденіе Ассирійскаго Царства произошли въ 610 году *).

Новая династія, которая, по паденіи Ассирійской Монархіи, начала царствовать въ Вавилонѣ, была, по счисленію Бероза, седьмая и названа имъ Халдейскою, вѣроятно потому что *Набопаласаръ* самъ былъ Халдей. Теперь ей оставалось выдержать опасную борьбу съ Египетскимъ Царемъ Нехо, также стремившимся къ завоеваніямъ, за обладаніе странами западной Азіи, дотолѣ на-

*) Описаніе этого происшествія находится въ отрывкахъ изъ Исторіи Бероза и Полигистора Александра, сохранившихся въ Армянскомъ переводѣ хроникъ Евсевія. Сравн. Universal-historische Uebersicht der Geschichte der alten Welt, von Schlosser. Томъ I, стран. 215 и слѣд.

ходившимися въ зависимости отъ Ассиріянъ. Набопаласаръ, по болѣзни, не могъ самъ итти на встрѣчу своему сопернику; онъ поручилъ это сыну своему *Навуходоносору*, котораго принялъ себѣ въ соправители. Въ 606 году оба войска сошлись на Эвфратѣ и близъ Цирцезіума (Кархамиса) произошло сраженіе, въ которомъ Египтяне были разбиты наголову. Преслѣдуя побѣжденныхъ, Навуходоносоръ покорилъ Финикію, Іудею, и, можетъ быть, напалъ бы на Египтянъ въ самомъ ихъ отечествѣ, если бъ извѣстіе о смерти отца не заставило его поспѣшить въ Вавилонъ.

Важнѣйшія событія его царствованія суть: осада и разрушеніе Тира (590), разрушеніе царства Іудейскаго и отведеніе Іудеевъ въ *плѣненіе Вавилонское* (588).

Сокровища, пріобрѣтенныя во время этихъ войнъ, Навуходоносоръ употребилъ на украшеніе и укрѣпленіе Вавилона; онъ построилъ многія зданія, которыя, по своей удивительной огромности, считались въ древности въ числѣ семи чудесъ свѣта.

Геродотъ и въ этомъ совершенно согласенъ съ Берозомъ; онъ полагаетъ, что *Нитокриса*, супруга Навуходоносора, была виновницею построенія зданій, описанныхъ Берозомъ. Эти зданія были: *храмъ Ваала, городскія стѣны* и такъ называемые *висячіе сады*. Строителемъ ихъ Берозъ называетъ Навуходоносора. Висячіе сады построилъ онъ для удовольствія своей супруги Нитокрисы, урожденной Мидянки, чтобъ она на широкихъ равнинахъ Вавилонскихъ могла видѣть хоть подобіе горъ своей милой родины.

Въ 562 году умеръ Навуходоносоръ, и съ нимъ исчезъ блескъ Вавилонскаго Царства. Уже наслѣдникъ его *Эвильмеродахъ* долженъ былъ бороться

съ внутренними безпокойствами. Въ 560 году онъ былъ низложенъ и умерщвленъ зятемъ своимъ *Периглоссаромъ*, который царствовалъ до 556 года; онъ палъ въ битвѣ съ Персами. Сынъ его, *Лаборозоарходъ*, бывшій еще младенцемъ, чрезъ девять мѣсяцевъ былъ устраненъ отъ престола и убитъ *Набоннедомъ*, сыномъ Эвильмеродаха. Геродотъ называетъ этого государя *Лабинетомъ*, а Пророкъ Даніилъ *Валтасаромъ*; онъ былъ послѣднимъ царемъ изъ Халдейской династіи. При немъ Персы овладѣли Вавилономъ.

О политическомъ устройствѣ Вавилонскаго Царства мы въ подробности не знаемъ. Вѣроятно, оно въ этомъ не отличалось отъ другихъ восточныхъ государствъ, въ которыхъ обыкновенно государь съ неограниченною властію былъ верховнымъ правителемъ, а провинціями управляли намѣстники, или сатрапы. Особенно замѣчательна въ Вавилонѣ каста жрецовъ, такъ называемыхъ Халдеевъ, которые одни занимались науками, необходимыми для этой страны. Какъ естественное положеніе Месопотаміи побуждало жителей, съ самаго начала, къ пріобрѣтенію многихъ познаній, на пр. геометріи, механики и архитектуры, такъ религія, еще въ древнѣйшія времена, увлекла ихъ къ астрономіи и астрологіи. Вавилоняне поклонялись тогда извѣстнымъ семи планетамъ *); планету Юпитера они обожали подъ именемъ Ваала, а планету Венеру подъ именемъ Астарты; другія планеты также имѣли особенныя имена и значенія. Отъ этого прежде

*) ☉ ☽ ♂ ☿ ♃ ♀ ♄.

всего здѣсь образовалось мнѣніе, что по констелляціи планетъ можно предсказывать будущее. Рузумѣется, астрологія была главнымъ источникомъ и опорою вліянія Вавилонскихъ жрецовъ. Имя *Халдей* и въ позднѣйшія времена значило то же, что астрологъ, или звѣздочетъ.

Но они пріобрѣли значительныя свѣдѣнія и въ астрономіи, и можно сказать, первые положили основаніе этой наукѣ.

Вавилонскія зданія извѣстны намъ только по описаніямъ, потому что отъ прежняго Вавилона осталась одна груда кирпичей, изъ которыхъ большая часть покрыта странными клинообразными письменами. Такъ исполнилось надъ Вавилономъ пророчество Іереміи, который предсказывалъ это въ самую блестящую эпоху могущества его: *Стѣна Вавилонская сія прешироко подкопаніемъ подкопана будетъ, и врата его высоки огнемъ сожжены будутъ, и будутъ трудитися людіе вотще и языцы въ началѣ погибнутъ.*

═

2. МИДО-ПЕРСИДСКОЕ ЦАРСТВО.

Мидяне, по языку, религіи и нравамъ, совершенно сходны съ Зендами, отъ которыхъ, въ незапамятное время, приняли Зороастрово ученіе и съ нимъ соединенное образованіе. Мидія, еще въ царствованіе Салманассара, составляла часть Ассирійскаго Царства; это видно изъ того, что Салманассаръ переселилъ покоренныхъ Израильтянъ

въ Мидію и Персію, и царство Ефремово заселилъ жителями сихъ странъ *).

Послѣ несчастнаго похода, предпринятаго Сеннахеримомъ, наслѣдникомъ Салманассара, противъ Египта, Мидяне немедленно отложились, и, какъ съ того времени Ассирійское Царство начало клониться къ паденію, они утвердили свою независимость. Сначала у нихъ не было общаго главы, единодержавнаго царя, а каждое племя повиновалось своему родоначальнику. Одинъ изъ этихъ предводителей, *Дейокъ*, своимъ умомъ и правосудіемъ пріобрѣлъ отъ всѣхъ племенъ такое уваженіе, что всѣ единогласно предложили ему корону.

Дейокъ принялъ корону въ 700 году, и такимъ образомъ всѣ Мидійскія племена слилъ въ одинъ народъ. Новая монархія устроена была по образцу другихъ Азіятскихъ государствъ. Чтобы дать ей средоточіе, онъ основалъ Экбатану. Здѣсь съ восточнымъ великолѣпіемъ онъ учредилъ многочисленный придворный штатъ и самый строгій церемоніялъ.

Дейокъ царствовалъ 53 года (700—647) и это время употребилъ на то, чтобъ мирнымъ образомъ утвердить власть, пріобрѣтенную мирными средствами.

Сынъ и наслѣдникъ его *Фраортъ* могъ уже употребить силы Мидійской націи, соединенной и устроенной отцемъ, на распространеніе своихъ владѣній. Онъ покорилъ Персиду и страны при Кас-

*) Вторая Книга Царствъ 17, 6. сравн. Joseph Antiquitat. IX. глав. 14.

пійскомъ Морѣ. Потомъ вторгнулся въ Ассирію и побѣдоносно шелъ до самой Ниневіи, подъ стѣнами которой былъ убитъ въ 625 году. Сынъ его *Кіаксаръ* (625—585) продолжалъ эту войну. Но въ то время, какъ онъ осаждалъ Ниневію, Скиѳы вторгнулись въ Мидію и заставили его поспѣшить домой. По удаленіи Скиѳовъ, Кіаксаръ, соединившись съ Набопаласаромъ, опять началъ войну съ Ассиріею, которая, какъ уже сказано, кончилась, въ 610 году, взятіемъ и разрушеніемъ Ниневіи.

Всѣ народы, кочевавшіе на сѣверъ отъ Чернаго и Каспійскаго Морей, въ древности были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Скиѳовъ. Часто упоминается въ Исторіи, что изъ степей, обитаемыхъ номадами, подобно опустошительному потоку, дикія орды вторгались въ южныя государства. Это случилось и теперь. Неотразимые по своей многочисленности и страшные своею дикостью, они прошли чрезъ всю Азію, повсюду оставляя за собою пожаръ и опустошеніе. Они проникли даже въ Египетъ, но были склонены дарами къ отступленію. Этотъ потокъ мало по малу изсякъ; Мидяне напали на оставшихся и всѣхъ истребили.

Земли Средней Азіи, принадлежавшія царямъ Ассирійскимъ, были раздѣлены между побѣдителями. Границею Мидіи къ западу сдѣлана была рѣка Галисъ, за которою начинались владѣнія обширнаго Лидо-Фригійскаго Царства въ Малой Азіи. Новые сосѣди недолго жили въ согласіи; начались споры и скоро вспыхнула война.

Лидяне, одно изъ Карійскихъ племенъ, сдѣлались извѣстны и могущественны при династіи *Мермнадовъ*. Родоначальникъ этой династіи, *Гигесъ*, царствовалъ отъ 716—678. При немъ были открыты богатые руд-

нпки между Пергамомъ и Атарне, положившіе основаніе могуществу Лидянъ. Завоеваніемъ Колофона, Гигесъ самъ началъ покореніе Греческихъ колоній на берегахъ Малой Азіи. Его наслѣдникъ *Ардисъ* (678 — 629), покорилъ Пріене, и мало по малу завладѣлъ бы всѣмъ берегомъ, если бъ въ это время Киммеріяне, племя номадовъ, не вторгнулись въ южныя государства. Это случилось за нѣсколько лѣтъ до нашествія Скиѳовъ, о которомъ мы упоминали выше. Они наводнили Лидію и овладѣли всею страною до самыхъ Сардъ, въ которыхъ заключились Лидійскіе цари. Впрочемъ это замедлило только развитіе Лидійскаго могущества, но не подавило его совершенно. Сынъ Ардиса *Садіаттъ* (629 — 617) и особенно его наслѣдникъ *Аліаттъ* выгнали Киммеріянъ изъ своихъ владѣній; послѣдній распространилъ уже предѣлы своего царства до рѣки Галиса.

Долго успѣхъ войны колебался между Мидіею и Лидіею. Наконецъ, въ пятомъ году, послѣдовало рѣшительное сраженіе. Во время самаго жаркаго боя, вдругъ солнце затмилось, и среди яснаго, безоблачнаго дня все покрылось мракомъ ночи. Это было ничто иное, какъ полное солнечное затмѣніе. Но Мидяне были поражены страхомъ. Они видѣли въ этомъ гнѣвъ божества за неугодную ему войну, потому тотчасъ прекратили битву и, при посредствѣ Навуходоносора, царя Вавилонскаго, заключили миръ. Для утвержденія прочнаго согласія между обоими государствами, Аліаттъ выдалъ дочь свою, Аріеннсъ, за *Астіага*, сыня Кіаксарова *). По окончаніи этой войны, Средняя и Малая Азія долгое время наслаждались миромъ. Въ 585 году умеръ Кіаксаръ, оста-

*) Геродотъ 1, 74. По вычисленіямъ найдено, что это полное солнечное затмѣніе, положившее конецъ войнѣ между Мидіею и Лидіею, произошло 28 Мая 585.

вивъ престолъ сыну своему Астіагу, который былъ миролюбивъ. Вавилонъ въ это время, лишась своего побѣдоноснаго царя Навуходоносора, клонился къ паденію. Лидія была занята внутренними дѣлами. Казалось, при такихъ обстоятельствахъ, ничто не могло нарушить спокойствія Азіи. Но вышло иначе. Въ это время возстали сильныя Персидскія племена, предводимыя геніальнымъ вождемъ; они совершенно измѣнили положеніе дѣлъ. Этотъ великій переворотъ произошелъ въ то время, когда на Лидійскій престолъ вступилъ сынъ Аліатта *Крезъ*, а въ Вавилонѣ захватилъ верховную власть *Нериглоссаръ*.

Персы жили въ горахъ области Фарсъ. Такъ какъ эта страна не вездѣ представляла имъ одинаковыя выгоды и удобства, то они раздѣлились на нѣсколько поколѣній, изъ которыхъ три главныя, именно: *Пассаргады*, *Марафіи* и *Маспіи*, считались благородными. Три другія: *Пантіалейцы*, *Дерузіейцы* и *Германійцы*, занимались земледѣліемъ, а четыре послѣднія: *Дайцы*, *Марды*, *Дропики* и *Сангартійцы* вели жизнь кочевую. Посему Персы были не всѣ равно образованы, какъ при первомъ своемъ появленіи, такъ и въ послѣдствіи. И то, что мы называемъ Персидскою Исторіею, есть собственно Исторія трехъ первыхъ поколѣній. Первое мѣсто между всѣми поколѣніями занимали Пассаргады. Изъ этого племени, изъ знаменитой фамиліи *Ахеменидовъ*, происходилъ основатель Персидскаго Царства. Сперва онъ назывался *Аградатомъ* *), но когда соединенныя Персидскія пле-

*) Это имя Кира сохранилъ Страбонъ Кн. XV, гл. 3.

мена признали его своимъ вождемъ, онъ, по обычаю, общеупотребительному на Востокѣ, перемѣнилъ имя и назвался *Киромъ*, или *Коресомъ*, что значитъ солнце.

Мидяне не были въ состояніи поддержать свою власть оружіемъ. Большая часть ихъ войска, повидимому, состояла изъ Персовъ, потому что во всей Мидійской Монархіи не было народа сильнѣе ихъ и воинственнѣе. И такъ, когда, въ 560 году, между Киромъ и Астіагомъ произошла битва при Пассаргадѣ, всѣ Персы, находившіеся въ войскѣ Астіага, при самомъ началѣ сраженія перешли къ своимъ землякамъ, и Киръ безъ труда одержалъ рѣшительную побѣду.

Взятіемъ Экбатаны и плѣненіемъ Астіата кончилось владычество Мидянъ, и власть перешла къ Персамъ. Впрочемъ Киръ обошелся съ плѣннымъ царемъ кротко и дружелюбно, и даже, чтобы тѣснѣе соединиться съ побѣжденными, женился на дочери Астіага. Но покоренные Мидяне, будучи гораздо образованнѣе Персовъ, удержали надъ ними умственное превосходство.

Естественно, что Персы, жившіе доселѣ въ простомъ состояніи, послѣдовали теперь образу жизни Мидянъ. Эта склонность къ усвоенію чужихъ нравовъ, по словамъ древнихъ историковъ, была главною отличительною чертою ихъ характера. Придворный штатъ, одежда, частная жизнь Персидскихъ вельможъ — все было скопировано съ Мидійскаго. Даже Зороастрова религія, вмѣстѣ съ кастою жрецовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Маговъ, была принята Персами.

Теперь ходъ дальнѣйшихъ завоеванiй Кира зависѣлъ отъ отношенiй его къ сосѣднимъ Мидiи государствамъ. Никто не имѣлъ столько причинъ принять участiе въ судьбѣ плѣннаго Астiага, какъ его шуринъ, царь Лидiйскiй, Крезъ; между нимъ и Персами тотчасъ возгорѣлась война. Въ 550 году противники сошлись при Птерiи, но битва была нерѣшительна. Впрочемъ Крезъ отступилъ и, въ ожиданiи союзниковъ, распустилъ войско. Киръ, слѣдовавшiй за нимъ, вдругъ явился передъ Сардами, осадилъ и взялъ городъ приступомъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ самъ Крезъ. Въ слѣдствiе завоеванiя Лидiи, покорились Греческiя Мало-Азiйскiя колонiи. Столь быстрое паденiе Лидiйскаго Царства разстроило сильный союзъ, составившiйся противъ Кира между Лидiею, Вавилономъ и Египтомъ.

Во-первыхъ, Киръ обратилъ свое оружiе противъ Вавилона. Набонидъ, разбитый въ открытой битвѣ, заключился въ городѣ, который послѣ двухлѣтней осады былъ взятъ, и такимъ образомъ пало Царство Вавилонское (538). Iудеи, находившiеся здѣсь въ плѣну, получили позволенiе возвратиться въ Палестину. Финикiяне покорились добровольно. Они, въ послѣдствiи, доставляли важныя пособiя Персидскому флоту и всегда оставались вѣрны своимъ избраннымъ повелителямъ до самаго паденiя Персидской Монархiи. Потому Персы не угнетали ихъ и, кромѣ части войска и небольшой подати, не требовали съ нихъ ничего; напротивъ, подъ ихъ покровительствомъ, процвѣтали торговля и благосостоя-

ніе Финикіянъ. Послѣдній походъ Кира былъ противъ Скиѳскихъ племенъ, кочевавшихъ въ степяхъ, граничившихъ съ сѣверными областями Персидскаго Царства. Но, среди степей, онъ долженъ былъ преодолѣть множество препятствій и, кажется, былъ побѣжденъ болѣе природою, нежели храбростію непріятелей. Большая часть Персидскаго войска погибла, и въ одномъ сраженіи палъ самъ Киръ. Это случилось въ 529 году до Рождества Христова, въ третій годъ 62-й олимпіады, 218-й эры Набопассаровой.

Персы, до позднѣйшихъ временъ, воздавали Киру почти божескія почести. Они называли его отцемъ народа; и въ самомъ дѣлѣ, въ немъ были соединены благороднѣйшія качества: величіе души и справедливость. Греческій писатель Ксенофонтъ избралъ его въ герои своего политическаго романа, Киропедіи, чтобъ въ этомъ примѣрѣ показать Греческимъ республиканцамъ, какъ счастливъ и могущественъ народъ, имѣющій столь благороднаго и мудраго монарха.

Объ учрежденіяхъ, сдѣланныхъ Киромъ, какъ для управленія завоеванными землями, такъ и для утвержденія въ нихъ своей власти, намъ извѣстно очень немногое: всѣ они сообразны съ тою степенью образованія, на какой стояли тогда Персы. Въ покоренныхъ странахъ оставляли полководцевъ съ арміями, чтобъ удерживать ихъ въ повиновеніи. Къ нимъ были присоединяемы царскіе сборщики податей, которые должны были собирать и отсылать ихъ въ царское казнохранилище. Подати сначала не были опредѣлены, но совершенно зависѣли отъ произвола побѣдителя и назывались дарами.

Средства для утвержденія пріобрѣтенной власти

были также очень просты. Если недостаточно было арміи, поставленной въ какой либо области для обузданія безпокойныхъ подданныхъ, часть ихъ переселяли въ другую, отдаленную область государства, или прибѣгали къ иному средству: у побѣжденныхъ отбирали оружіе и не позволяли имъ никакихъ воинскихъ упражненій, какъ, на примѣръ, поступили съ Лидянами.

Киръ оставилъ двухъ сыновей: старшій изъ нихъ, *Камбизъ*, наслѣдовалъ престолъ; младшій, *Смердесъ* или *Таніоксаркесъ*, получилъ, какъ бы въ удѣлъ, нѣкоторыя восточныя провинціи. Камбизъ распространилъ предѣлы Персидскаго могущества за Египетъ; но, прежде нежели мы увидимъ, какъ это древнее достопримѣчательное государство изчезло въ громадѣ Персидскихъ завоеваній, необходимо раскрыть древнѣйшую его исторію.

3. ЕГИПЕТЪ.

Нильская долина есть одна изъ самыхъ древнихъ образованныхъ странъ. Многочисленные памятники, покрытые изображеніями и надписями, суть живые свидѣтели ея образованности и величія. Къ несчастію, они для насъ безмолвны, потому что никто не могъ объяснить этихъ изображеній и прочесть надписей. Только нынѣ, при общемъ стремленіи къ изслѣдованіямъ и изысканіямъ, оживаетъ надежда, что, въ слѣдствіе неутомимыхъ трудовъ, іероглифы будутъ разгада-

ны, и многочисленныя рукописи, открываемыя въ гробницахъ, будутъ прочитаны *).

Собственно изслѣдованіе древне-Египетскихъ письменъ начинается съ занятія Египта Французами. При войскѣ, съ которымъ 1798 года Наполеонъ Бонапарте совершилъ походъ въ Египетъ, находилась коммисія ученыхъ, которая, подъ защитою Французскаго оружія, могла открывать и осматривать пирамиды, разрывать могилы и срисовывать зданія. Въ продолженіе этой войны, Французы, при постройкѣ шанцевъ въ Розеттѣ, нашли камень, покрытый съ трехъ сторонъ надписями: съ одной по-Гречески и Греческими буквами, а съ другихъ двухъ по-Египетски, іероглифическими и іератическими письменами. Содержаніе этихъ надписей есть постановленіе коллегіи жрецовъ, въ честь царя Птоломея Фискона. Англичане, завладѣвъ Розеттою, взяли въ добычу и камень, найденный Французами, и отправили его въ Лондонъ. Тамъ сняли съ него нѣсколько вѣрныхъ копій, которыя и разослали къ славнѣйшимъ Европейскимъ ученымъ, чтобы на первый разъ разобрать Греческій текстъ. Это было удачно исполнено филологами *Порсономъ*, профессоромъ Оксфордскаго, и *Гейне*, профессоромъ Геттингенскаго Университетовъ. Такимъ образомъ найдено прочное основаніе для изъясненія Египетскихъ письменъ, потому что Греческій текстъ содержалъ въ себѣ тоже самое, что и обѣ Египетскія надписи. За этотъ трудъ взялись въ Англіи Д. *Юнгъ* а во Франціи *Шамполліонъ* младшій, и оба, независимо одинъ отъ другаго и различными путями, дошли до результата, что Египетскія письмена раздѣляются на три главныя отдѣленія: 1. *Іероглифическія* или *священныя*. 2.

*) Précis du système hiéroglyphique des anciens Egyptiens, ou recherches sur les élémens premiers de cette écriture sacrée, sur leurs diverses combinaisons et sur le rapport de ce système avec les autres méthodes graphiques des Egyptiens par *M. Champollion*. Paris 1824 и 1828. Все пріобрѣтенное для исторіи изъ разобранныхъ досель рукописей и надписей заключается въ слѣдующемъ сочин.: I monumenti dell' Egitto e della Nubia disegnati dalla spedizione scientifico-letteraria Toscana in Egitto, distribuiti in ordine di materia, interpretati ed illustrati dal dottore *Ippolito Rosellini*. Pisa 1832 и слѣд.

Іератическія, или *письмена жрецовъ* и 3) *Демотическія*, или *свѣтскія*. Іероглифическія письмена выражаютъ предметъ или образно, настоящими фигурами, или изображеніемъ предмета подобнаго, который бы напоминалъ объ немъ, что можно назвать символическими, тропическими, загадочными знаками; или, наконецъ, совокупленіемъ отдѣльныхъ звуковъ, слѣдовательно, фонетическими знаками. Самое грубое и самое простое выраженіе предмета есть его изображеніе; но для полноты письменнаго языка, однихъ такихъ знаковъ не достаточно; по этому въ іероглифахъ нѣкоторые знаки получили характеръ буквъ, и эти знаки называются *фонетическими*. Совокупленіе ихъ весьма произвольно, и даже самое направленіе, то отъ правой руки къ лѣвой, то наоборотъ, затруднительно, и его можно узнать только по направленію головъ изображенныхъ животныхъ. Іератическія письмена суть упрощенныя и приспособленныя въ скорописному употребленію іероглифы. Они состоятъ изъ горизонтальныхъ линій, отъ правой руки къ лѣвой. Отъ упрощенныхъ письменъ іератическихъ произошли демотическія, которыя называются также энхорическими и эпистолографическими (Геродотъ II, 36). Изъ сихъ послѣднихъ исключены всѣ фигурныя изображенія, и они походятъ на обыкновенный алфавитъ Семитическихъ языковъ. При изученіи Египетскихъ письменъ, начинали съ этого простѣйшаго рода, и потомъ приступали къ другимъ, труднѣйшимъ, хотя историческое ихъ происхожденіе было въ обратномъ отношеніи.

Но прежде, нежели будемъ въ состояніи узнать Исторію древняго Египта изъ собственныхъ его памятниковъ, мы должны держаться источниковъ доселѣ извѣстныхъ и доступныхъ. Впрочемъ, всѣ извѣстія такъ несогласны между собою, что не допускаютъ ни какого сравненія. Потому можно сказать утвердительно, что связная и вѣрная Исторія Египта начинается только съ династіею Псамметиха.

Кромѣ Геродота, который самъ былъ въ Египтѣ и слышалъ отъ жрецовъ всѣ преданія о древнѣйшей его Исторіи, кромѣ Діодора Сицилійскаго, который, 400 лѣтъ спустя, составилъ компиляцію всѣхъ историческихъ извѣстій, безъ всякой критики и хронологіи, намъ могутъ еще служить источникомъ отрывки изъ лѣтописей Египетскаго жреца *Манеѳо*, жившаго въ царствованіе Птоломея Филадельфа, которыя сохранены для насъ особенно Іосифомъ, въ его сочиненіи contra Apionem, и также Георгомъ Синкелломъ (въ его Chronographia ab Adamo usque ad Diocletianum. изд. Як. Гоар. въ Венец. 1729.)

Все, что можно сказать о времени, предшествовавшемъ этой династіи, состоитъ въ отрывкахъ, и чѣмъ отдаленнѣе какое либо время, тѣмъ болѣе надобно остерегаться, чтобы не увлечься какимъ нибудь ложнымъ свѣтомъ. Въ такія времена, какъ въ темныя ночи, трудно отличить настоящій свѣтъ отъ блуждающаго огонька и легко сбиться съ дороги.

Египетъ собственно состоитъ только изъ Нильской долины, отъ Сіены до впаденія Нила въ Средиземное Море. Эта долина, отъ Сіены до Керказора, имѣетъ въ ширину отъ 18 до 24 верстъ; границы ея съ востока—гранитныя горы, съ запада—песчаныя степи. Близъ Керказора начинаетъ она расширяться; здѣсь Нилъ раздѣляется на два главные рукава, изъ которыхъ восточный изливается въ море близъ города Пелузія, а западный близъ Канопа. Земля, заключающаяся между сими двумя рукавами, по своей треугольной фигурѣ, названа Дельтою. Уже древніе знали, что Египетъ есть намывная земля. Новѣйшіе изслѣдователи утверждаютъ, что Нилъ нѣкогда

протекалъ чрезъ пустыни, на которыхъ теперь изрѣдка зеленѣются оазы, подобно островамъ среди песчанаго океана; но что онъ, прорвавшись сквозь горы, съ которыхъ низвергается и теперь множествомъ шумныхъ водопадовъ, проложилъ себѣ новый настоящій свой путь и своими плодотворными разлитіями образовалъ Нильскую долину. Образованіе, послѣ сдѣлавшееся господствующимъ въ Египтѣ, принесено туда изъ страны за водопадами, изъ Нубіи и Эѳіопіи, и отъ города Мероэ мало по малу распространилось по берегамъ рѣки. Мероэ было іерархическое государство, основанное на дѣленіи на касты. Высшее по образованію и способностямъ племя, не Африканскаго, а Кавказскаго происхожденія, овладѣло страною, которой жители раздѣлены были на касты, смотря по ремеслу и занятію каждаго. Завоеватели управляли страною, составивъ двѣ касты жрецовъ и воиновъ. Религія, служившая основаніемъ такому государственному устройству и высокому значенію жрецовъ, состояла въ почитаніи трехъ божествъ: *Аммона*, *Озириса* и *Фты*.

Распространеніе жреческой касты, отъ юга на сѣверъ, происходило, по видимому, не въ цѣлой массѣ, но сначала отдѣльными колоніями. При основаніи каждой колоніи, первымъ дѣломъ было построеніе храма, который мало по малу дѣлался центромъ отдѣльнаго іерархическаго государства. Такимъ образомъ переселенцы изъ Мероэ основали Ѳивы, Ѳивы основали Мемфисъ, и оттуда жрецы, съ своими храмами и образованіемъ, распространили свою власть далѣе по берегамъ

Нила. Повсюду народъ дѣлился на касты, и господствующею была каста жрецовъ.

Это государственное устройство, основанное на раздѣленіи на касты, подобно какъ въ Индіи, пережило власть жрецовъ, изъ которой проистекало. Во время Геродота было семь кастъ (онъ упоминаетъ объ нихъ въ кн. II, гл. 164) именно: 1) жрецы, 2) воины, 3) земледѣльцы, 4) пастухи, 5) ремесленники, 6) толмачи, 7) кормчіе. Основнымъ камнемъ власти Египетскихъ жрецовъ было религіозное убѣжденіе въ томъ, чему должна была подвергнуться душа умершаго. Они думали, что состояніе души въ будущей жизни зависѣло отъ того, будетъ ли тѣло набальзамировано, или предано гніенію; въ первомъ случаѣ душа нисходила въ вѣчное жилище спокойствія, въ послѣднемъ она должна была оставаться на землѣ и блуждать по ней, переходя въ разныя животныя. Когда кто умиралъ, сорокъ судей разсматривали его жизнь и рѣшали, достоинъ ли онъ набальзамированія или нѣтъ. Разумѣется, чѣмъ болѣе страшились этого рѣшенія, тѣмъ сильнѣе было вліяніе жрецовъ, которые одни могли произнести его. О бальзамированіи Египетскихъ и Эѳіопскихъ мумій смотри у Геродота II, 86. III, 24.

Мирное и спокойное состояніе Египта въ первый разъ было нарушено вторженіемъ Аравійскихъ кочующихъ племенъ, такъ называемыхъ *Гиксовъ*, которые, утвердившись въ Нижнемъ Египтѣ, владычествовали надъ всею Нильскою долиною. Ихъ изображаютъ притѣснителями жрецовъ и религіи. Египтяне, для которыхъ сіе иго казалось несноснымъ, соединились, и подъ предводительствомъ Ѳивскаго владѣтеля *Аменофиса*, или, какъ называютъ его другіе, *Тумозиса*, изгнали притѣснителей. Важнѣйшимъ слѣдствіемъ сего событія было то, что виновникъ освобожденія былъ избранъ въ цари всего Египта, кото-

рый съ того времени соединился въ одно цѣлое государство. Хотя намъ извѣстны имена нѣкоторыхъ царей изъ этой династіи, или Фараоновъ, какъ они назывались, и хотя до насъ дошли извѣстія о завоеваніяхъ Сезостриса и Рамезеса, но этихъ извѣстій такъ мало, а тѣ, которыя есть, такъ недостаточны, что мы не можемъ изъ нихъ составить вѣрнаго описанія. Можно только сказать, что блестящая эпоха царствованія Фараоновъ продолжалась до 10-го столѣтія до Рождества Христова. Въ то время, какъ въ Іудеѣ царствовалъ Аса (955—914) Египетъ покоренъ былъ Эѳіоплянами. *Зарай*, или *Сабаконъ*, предводитель Эѳіоплянъ, изъ Египта вторгнулся и въ Іудею, но былъ разбитъ при Марезѣ. Всѣ историки согласны въ томъ, что, по изгнаніи сихъ новыхъ завоевателей, Египетъ находился въ анархическомъ состояніи. Вѣроятно, это произошло въ слѣдствіе несогласія двухъ господствующихъ кастъ, жрецовъ и военныхъ. Въ то время, когда Сеннахеримъ предпринялъ походъ противъ Египта, имъ управлялъ жрецъ Фты, по имени *Сеѳосъ*; онъ долженъ былъ встрѣтить непріятеля съ войскомъ изъ простаго народа, потому что воины отказались итти подъ его предводительствомъ. Хотя Сеннахеримъ и былъ отраженъ, но нѣтъ сомнѣнія, что это несогласіе между господствующими кастами было причиною распаденія государства на двѣнадцать отдѣльныхъ областей, или *додекархію*. Одинъ изъ двѣнадцати правителей, *Псамметихъ*, по причинѣ прибрежнаго положенія своей области, имѣлъ случай вступить въ сноше-

нія съ Карійскими и Іонійскими морскими разбойниками. Эти отважные воины, обольщенные большимъ жалованьемъ и надеждою на богатую добычу, охотно вступали въ его службу. Изъ сихъ наемныхъ солдатъ Псамметихъ мало по малу составилъ цѣлую армію, и, покоривъ прочія области, опять соединилъ Египетъ подъ однимъ скипетромъ. Греческіе наемники, которымъ новая династія обязана была своею властію, были и въ послѣдствіи постоянными ея защитниками. Такъ какъ большая часть Египетской военной касты, недовольной новымъ порядкомъ вещей, удалилась за Эѳіопскія границы, Псамметихъ все болѣе и болѣе принималъ къ себѣ Грековъ; онъ составилъ изъ нихъ два военныя поселенія и посылалъ туда Египетскихъ юношей учиться военному искусству и языку Грековъ. И съ того времени, какъ Греки вступили съ Египтянами въ такія тѣсныя сношенія, мы знаемъ исторію сей страны въ связи и достовѣрно.

По счисленію Геродота, который полагаетъ, что Псамметихова династія царствовала 145 лѣтъ, эта эпоха относится къ 670 году до Рождества Христова. Съ симъ согласно и сказаніе Манеѳо, разнящееся только пятью годами. Такимъ образомъ и самый хронологическій порядокъ удовлетворителенъ, сколько это возможно въ такой отдаленной исторіи.

Псамметихъ (670—616) сдѣлалъ резиденціею городъ *Саисъ*. По причинѣ сношеній и связей съ другими государствами, Египетское правительство устремило свою политику особенно на торговлю и на военныя силы. Псамметихъ построилъ флотъ и началъ распространять предѣлы

своего государства за Сирійскія границы. Но, покоривъ часть земли Филистимлянъ, былъ задержанъ осадою *Аздода*, или *Азота*, жители котораго храбро отразили непріятеля и только послѣ двадцатидевятилѣтней осады принуждены были къ сдачѣ. Наслѣдникъ Псамметиха, *Нехо*, слѣдовалъ политикѣ своего отца (616—600). Для удобства торговли, онъ хотѣлъ, посредствомъ канала, соединить Аравійскій Заливъ съ Средиземнымъ Моремъ; но когда этотъ планъ, по причинѣ непредвидѣнныхъ препятствій, рушился, онъ повелѣлъ Финикіянамъ, отъ береговъ Аравійскаго Залива объѣхать вокругъ Африки *). Нехо намѣревался и въ Сиріи продолжать завоеванія своего отца. *Іосія*, царь Іудейскій, первый долженъ былъ встрѣтить непріятеля, но былъ разбитъ при *Мегеддонѣ*; Іерусалимъ былъ взятъ, и Царство Іудейское сдѣлалось зависимымъ отъ Египтянъ. Впрочемъ Нехо, распространяя далѣе свои завоеванія, встрѣтилъ могущественнаго соперника въ Навуходоносорѣ, и въ 606 году на Эвфратѣ, при Цирцезіумѣ, претерпѣлъ жестокое пораженіе, вслѣдствіе котораго всѣ Египетскія завоеванія въ Сиріи были потеряны. Наслѣдникъ Нехо, *Псаммисъ* (600—594) предпринималъ походъ на югъ противъ Эѳіопіи; но былъ ли успѣшенъ этотъ

*) Разсказъ Геродота (IV, 42) о плаваніи Финикіянъ вокругъ Африки, уже заключаетъ въ себѣ доказательство дѣйствительности событія. А что открытый ими путь въ послѣдствіи былъ забытъ, это можно объяснить тѣмъ, что путь былъ слишкомъ дологъ, и надобно слишкомъ много времени, чтобъ пройти его (именно три года). Только въ концѣ 15-го столѣтія по Р. Х., когда искусство мореплаванія было усовершенствовано, этотъ вновь открытый путь сдѣлался важнымъ для торговли.

походъ, неизвѣстно. При наслѣдникѣ его *Апріи* (Фараонъ Гофра) (594—569) этотъ духъ завоеваній былъ причиною паденія Псамметиховой династіи.

Апрій предпринялъ походъ противъ Греческой колоніи *Кирене* и не взялъ съ собою Греческихъ наемниковъ, а только однихъ Египтянъ; когда это войско было разбито на голову, въ Египтѣ вспыхнулъ мятежъ. Апрія обвиняли, что онъ нарочно началъ этотъ походъ, чтобы истребить послѣдніе остатки военной касты. Онъ послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ, *Амазиса*, чтобы благоразумнымъ объясненіемъ дѣла привести мятежниковъ къ повиновенію; но они самого посланника избрали царемъ. Апрій поспѣшилъ въ свои Греческія поселенія; но въ это время весь Египетъ принялъ сторону Амазиса. Сраженіе при Момемфисѣ, въ 569 году, окончило начавшуюся междоусобную войну. Апрій былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и, по желанію Египтянъ, удавленъ. Хотя *Амазисъ* (569—525) обязанъ былъ престоломъ неудовольствію народа на царя за предпочтеніе къ иностранцамъ, однако не перемѣнилъ ничего и продолжалъ держаться политики своего предшественника. Онъ покорилъ островъ Кипръ и такимъ образомъ пріобрѣлъ страну, которая доставляла лѣсъ, необходимый для построенія кораблей.

Долговременное царствованіе Амазиса славится какъ счастливѣйшее время Египта; но въ это-то время и было положено основаніе его паденію. Остатки военной касты удалились въ Эѳіопію. Бо-

гатство Египтянъ скоро должно было возбудить алчность какого либо завоевателя, и если бъ наемныя войска, единственная ихъ опора, оказались ненадежными, онъ легко могъ бы овладѣть беззащитною страною. Такъ какъ Амазисъ былъ въ союзѣ съ Лидіею и Вавилоніею противъ новообразовавшагося Персидскаго Царства, то Камбизу легко было найти предлогъ къ войнѣ съ Египтомъ.

Но прежде нежели военныя приготовленія Персовъ были кончены, Амазисъ умеръ (525), оставивъ престолъ сыну своему *Псаммениту*, который тотчасъ долженъ былъ защищать свое наслѣдство отъ Персовъ. Камбизъ предпринялъ походъ чрезъ пустыни. На этомъ пути Эдомитскій царь снабдилъ его водою, и онъ счастливо достигъ Пелузіума, гдѣ ожидали его Египтяне, подъ предводительствомъ своего царя. Сраженіе, происшедшее при семъ городѣ, выиграно было Камбизомъ, и отъ одного этого удара Египетъ палъ, потому что Мемфисъ, куда съ остатками войска бѣжалъ Псамменитъ, былъ взятъ послѣ краткой осады. Сначала съ плѣннымъ царемъ обходились хорошо; но вскорѣ потомъ ввергнули его въ темницу и тамъ умертвили за то, что онъ будто бы хотѣлъ возмутить народъ. Вообще Персы поступали теперь съ побѣжденными совсѣмъ не такъ, какъ прежде; особенно жестокость и презрѣніе къ религіи и жрецамъ навсегда отвратили отъ нихъ сердца Египтянъ, такъ что въ послѣдствіи Персамъ всего труднѣе было держать въ повиновеніи эту страну, очень легко покоренную. Такое неожиданно-легкое завоеваніе Египта увлекло Пер-

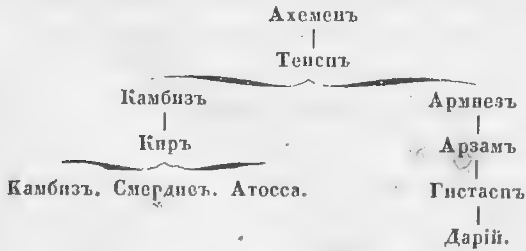
псидскаго царя къ новымъ предпріятіямъ; онъ начерталъ планъ трехъ новыхъ походовъ противъ Карѳагена, Аммоніума и Эѳіопіи. Но такъ какъ Карѳагенъ былъ Финикійскою колоніею, то Финикіяне отказались слѣдовать за Камбизомъ, и такимъ образомъ этотъ походъ не состоялся. Два другіе хотя были исполнены, но имѣли несчастный конецъ. Войско, посланное противъ *Аммоніума*, оаза въ Ливійской пустынѣ, гдѣ находился богатый храмъ Аммона, пропало безъ вѣсти; другое, которымъ предводительствовалъ самъ Камбизъ, не дошедши еще до границъ Эѳіопіи, по причинѣ открывшагося тамъ голода, должно было воротиться назадъ. Камбизъ пробылъ въ Египтѣ до 522 г. Въ это время въ Персіи одинъ магъ, воспользовавшись сходствомъ съ *Смердисомъ*, который былъ, по повелѣнію Камбиза, на пути въ Персію тайно умерщвленъ, объявилъ себя царемъ Персіи. Камбизъ тотчасъ отправился въ Персію; случайно самъ себя ранилъ и отъ раны умеръ. Посему правленіе ложнаго Смердиса продолжилось еще нѣсколько времени. Но Персы, скоро замѣтивъ, что ихъ вездѣ обходятъ, что при дворѣ сильны одни маги, и что весь бытъ государства начинаетъ принимать совершенно новый характеръ, стали подозрѣвать, не похищенъ ли престолъ какимъ нибудь Мидяниномъ. Семь знатнѣйшихъ вельможъ, увѣрившись въ основательности своего подозрѣнія, поклялись умертвить похитителя. Они проникли во дворецъ и низложили Лже-Смердиса. Равно и всѣ маги были повсюду захвачены и умерщвлены. Персы праздновали, до самаго на-

денія своего царства, этотъ день возвращенія своей власти; праздникъ сей назывался *Μαγοφονία* или избіеніе маговъ, и ни одинъ магъ не смѣлъ на немъ показываться. Заговорщики возвели на престолъ ближайшаго родственника Кирова, *Дарія*, сына Гистаспова, и новый царь, желая еще больше утвердить свои права, вступилъ въ бракъ съ Атоссою, дочерью Кира *).

Дарій I, вскорѣ по вступленіи на престолъ, долженъ былъ бороться съ опаснымъ возмущеніемъ, именно въ 518 году, Вавилоняне свергнули съ себя Персидское иго, и съ такою рѣшимостью, что даже умертвили своихъ женъ, дабы имѣть возможность долѣе защищаться. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлые двадцать одинъ мѣсяцъ продолжалась осада, и только необыкновенное самопожертвованіе Зопира было виною паденія этого города. Въ примѣръ другимъ, Дарій приказалъ распять 3000 знатнѣйшихъ Вавилонянъ и, чтобы на будущее время отнять у нихъ возможность къ подобному возмущенію, разрушилъ крѣпкія и высокія стѣны Вавилонскія.

Къ востоку распространилъ онъ предѣлы своей

*) По Геродоту (VII, 11,) Дарій находился въ слѣдующихъ родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліею Кира:



монархіи до рѣки Инда, который, по его повелѣнію, былъ занятъ флотомъ, находившимся подъ начальствомъ одного Карійскаго морехода, по имени Скилакса. Его походы въ Европу привели Персовъ въ такія близкія сношенія съ Греками, что съ сихъ поръ Исторія Персіи находится въ тѣсной связи съ Исторіею Греціи. И такъ мы можемъ здѣсь прервать нашъ разсказъ и возобновимъ его, когда будемъ говорить о государствахъ Греческихъ.

Главная заслуга Дарія состоитъ въ томъ, что онъ далъ твердое внутреннее устройство своей обширной монархіи. Во-первыхъ, избравъ Сузу постоянною резиденціею, онъ опредѣлилъ центръ государственной администраціи. Необходимымъ слѣдствіемъ такого устройства было раздѣленіе государства на провинціи; и въ самомъ дѣлѣ, оно было раздѣлено на *двадцать сатрапій*, и каждой изъ нихъ назначена опредѣленная подать, смотря по естественнымъ ея произведеніямъ.

Геродотъ (кн. III, гл. 88—96) оставилъ намъ подробное описаніе этихъ сатрапій; но въ его описаніи находится много неудобопонятныхъ мѣстъ, и вообще оно несогласно съ тѣми чертами, въ которыхъ намъ изображаютъ Персію другіе Греческіе историки, описывавшіе ее послѣ Геродота, по собственнымъ наблюденіямъ. Представляемъ обзоръ этихъ сатрапій, извлеченный изъ разсѣянныхъ извѣстій древнихъ писателей.

I. *Земли, лежащія между Средиземнымъ Моремъ и Эвфратомъ.*

На полуостровѣ Малой Азіи, съ которой начнемъ наше обозрѣніе, жили многіе народы, подвластные Персамъ только по имени; не смотря на то, весь по-

луостровъ считался покоренною страною и дѣлился на десять сатрапій. Первая изъ нихъ была *Лидія*, не только потому, что была самою богатою страною, но и потому, что въ то время, когда Персы ее покорили, она господствовала надъ всѣмъ полуостровомъ. Сарды, столица прежнихъ Лидійскихъ царей, сдѣлались мѣстопребываніемъ сатрапа; здѣсь же останавливались и Персидскіе цари, когда посѣщали Малую Азію. Сарды лежали на рѣкѣ Меандрѣ; но при всей своей обширности и при всемъ многолюдствѣ, построены были непрочно. Греческія колоніи по берегамъ Лидіи и Каріи были независимы отъ сатрапа и имѣли правителей изъ своего народа, назначаемыхъ Персидскимъ царемъ.

Вторая сатрапія была *Карія*; но здѣсь нѣкоторые города, съ принадлежащею къ нимъ землею, имѣли, кромѣ сатрапа и своихъ царей. Третія сатрапія, *Мизія* или *Фригія на Геллеспонтѣ*. Съ того времени, какъ вся политика Персидскаго Двора устремлена была на дѣла Европейскихъ Грековъ, эта страна, открывавшая путь въ Европу, сдѣлалась весьма важною. Отъ того-то надзоръ надъ нею поручаемъ былъ мужамъ самымъ знаменитымъ. Постоянною резиденцію сатрапа былъ Дасцилій. Внутреннія страны Малой Азіи дѣлились на двѣ сатрапіи: *Фригію* и *Каппадокію*. Во Фригіи земледѣліе и скотоводство находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и обогащали жителей. Многія частныя лица имѣли огромныя суммы наличными деньгами; примѣромъ тому можетъ служить разсказъ Геродота объ одномъ Фригійцѣ, Пиѳіи (кн. VII гл. 27.). Столицею Фригійскаго сатрапа были *Келены*. Напротивъ, *Каппадокія* была страна дикая, очень бѣдная и весьма худо обработанная; притомъ жители ея отличались въ древнія времена своимъ тупоуміемъ. Столица Каппадокіи, *Мазака*, была просто мѣстечко, не имѣвшее никакихъ укрѣпленій. Шестою сатрапіею считался *Понтъ*, хотя очень немногія племена его признавали надъ собою власть Персовъ. Въ такихъ же точно отношеніяхъ находилась и седьмая сатрапія, *Пафлагонія*. Берега этой области занимала Греческая колонія *Синопе*, имѣвшая обширныя владѣнія, но платившая

дань Персамъ. Виѳинія присоединена была къ Мизіи, потому что Дасциліи, резиденція этой сатрапіи, находился на границѣ обѣихъ земель. Южныя страны полуострова Малой Азіи весьма гористы; горный хребетъ Тавръ пересѣкаетъ ихъ въ различныхъ направленіяхъ; потому завоеваніе ихъ было очень трудно. Впрочемъ, Персы называли своими и эти страны, хотя онѣ принадлежали имъ только по имени. *Ликія* оставалась при своемъ образѣ правленія. *Памфилія* и *Писидія* были всегда въ войнѣ съ Персидскими сатрапами, а *Киликія* въ самомъ дѣлѣ имѣла своего царя, *Сіеннезиса*, который только платилъ дань Персамъ. *Сирія* вполнѣ принадлежала Персамъ, и они обращали на нее особенное вниманіе, потому что отъ обладанія Сиріею зависѣло обладаніе Египтомъ. Сирійскій сатрапъ не жилъ ни въ одномъ изъ большихъ городовъ: его мѣстопребываніемъ было мѣстечко на притокахъ рѣки Дарадака, къ западу отъ Тапсака на Эвфратѣ. *Финикія* и *Палестина* находились подъ управленіемъ Сирійскаго сатрапа, но онѣ пользовались многими привилегіями, потому что покорились добровольно. Финикіяне совершенно удержали свой прежній образъ правленія и своихъ правителей; вся зависимость ихъ состояла въ томъ, что они платили дань и обязаны были, во время войны, соединять свой флотъ съ Персидскимъ. Равно и Іудеи, находясь подъ властію Персовъ, могли жить по своимъ законамъ и подъ управленіемъ своего первосвященника. *Египетъ* образовалъ особенную сатрапію, столицею которой былъ *Мемфисъ*.

II. *Земли между Эвфратомъ и Тигромъ.*

Вавилонія составляла особенную сатрапію, и Персы дорого цѣнили обладаніе этою богатою и плодоносною страною. Отъ степей была она отдѣлена укрѣпленіями, простиравшимися отъ Тигра до Эвфрата, которыя Ксенофонтъ называетъ Мидійскою стѣною. Гористыя сѣверныя области Месопотаміи не были покорены. Напротивъ, *Арменія* была Персидскою сатрапіею. Армяне преимущественно занимались скотоводствомъ и жили въ селеніяхъ, не имѣвшихъ ни какихъ укрѣ-

пленій; въ одномъ изъ такихъ селеній жилъ самъ сатрапъ.

III. *Персидскія владѣнія между Тигромъ и Индомъ.*

Персида, отечество господствующаго племени, хотя составляла также особенную сатрапію, но не платила податей. *Персеполисъ*, главный городъ этой страны, не былъ впрочемъ столицею всей монархіи, а только мѣстомъ коронованія и погребенія государей. Здѣсь они, при вступленіи на престолъ, получали освященіе своей власти; здѣсь же по смерти находили спокойное пристанище. Развалины этого города весьма замѣчательны. Къ западу отъ Персиды лежала *Сузіана*; она населена была Киссійцами, народомъ соплеменнымъ съ Персами; здѣсь находилась *Суза*, столица всего государства. Дорога отъ Сузы въ Мидію вела черезъ степь и горы; по степи кочевали хищническія орды Паратекеновъ; въ горахъ жили Коссейцы. Персы никогда не могли покорить этихъ хищниковъ, такъ что Персидскій царь долженъ былъ платить имъ за каждый проѣздъ изъ Сузы въ Экбатану. *Мидія*, одна изъ обширнѣйшихъ и важнѣйшихъ сатрапій, особенно замѣчательна своими конскими заводами, которые составляли главный предметъ ея торговли. Тогда повсюду славились Низскіе кони. *Арія* собственно принадлежала къ Мидіи, но, по раздѣленіи государства, составила особенную сатрапію. Дорога изъ Мидіи въ эту страну вела чрезъ Каспійскія Ворота. Такъ назывался узкій, укрѣпленный проходъ, который былъ запираемъ желѣзными воротами. За Аріею непосредственно слѣдовала *Бактрія*, одна изъ богатѣйшихъ провинцій. Эта страна, кромѣ плодородія почвы, замѣчательна еще тѣмъ, что была центромъ всей Азіятской торговли. Персидскіе цари такъ дорожили этою страною, что всегда посылали туда сатрапами своихъ сыновей. Между рѣками Оксомъ и Яксартомъ находилась самая отдаленная Персидская область, *Согдіана*. Эта страна замѣчательна тѣмъ, что какъ теперь, такъ и въ древнія времена, составляла границу между кочевыми и земледѣльческими народами Азіи и заключала въ себѣ оба эти элемента. Собственные Согдіанцы жили въ городахъ и занимались торговлею и

земледѣліемъ; по сюда, отъ времени до времени, изъ степей, находящихся по ту сторону Яксарта, переходили кочующія орды, и съ своими стадами бродили по всей Согдіанѣ. Провинціи Арахозія, Гедрозія, Караманія, Гирканія и Парѳія весьма мало извѣстны.

При такомъ раздѣленіи государства на сатрапіи, сдѣлалось возможнымъ твердое гражданственное устройство онаго. Чтобы сатрапы не могли употреблять во зло своей власти, Дарій вручилъ имъ одну только власть гражданскую, а начальниками надъ арміею каждой сатрапіи поставилъ другихъ. Почему же, не смотря на все это, въ послѣдствіи власть сатраповъ сдѣлалась столь великою и опасною для власти царской? Основанія ея развитія были частію слабость преемниковъ Дарія, частію естественный ходъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, государственное устройство, введенное Даріемъ, сначала было весьма благодѣтельно, и идея, которую составили Персы о совершенномъ правительствѣ, повсюду была исполняема. Эта идея состояла въ томъ, что царь обязанъ заботиться о безопасности, образованіи и благосостояніи государства.

Персидскій царь, какъ всѣ вообще государи на Востокѣ, былъ неограниченнымъ властелиномъ надъ жизнію и собственностію своихъ подданныхъ, которые всѣ безъ исключенія назывались царскими рабами. И власть его была тѣмъ сильнѣе, что его не только считали господиномъ, но и обожали какъ священную особу; придворный церемоніялъ носилъ на себѣ характеръ этого обожанія, которое старались выражать во всѣхъ случаяхъ. У Персовъ были законы и обычаи, освященные упо-

треблениемъ; даже при дворѣ находилась коллегія судей, которые объясняли смыслъ законовъ и, основываясь на нихъ, дѣлали приговоры; но само собою разумѣется, что царь не стѣснялся ни этими законами, ни рѣшеніемъ своихъ придворныхъ судей *).

По извѣстіямъ, сохранившимся до нашего времени, дворъ и частная жизнь Персидскихъ Государей представляются совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ всегда являются на Востокѣ. Такъ, на пр. царскій дворъ и правительство назывались *Портою* (*αἱ πύλαι* или *αἱ θύραι*). Благоговѣйный страхъ, внушаемый особою монарха, былъ причиною, что никто не дерзалъ къ нему приближаться; для этого, во внѣшнихъ отдѣленіяхъ дворца или на внѣшнемъ дворѣ, находились особенные придворные чиновники, чрезъ которыхъ, обыкновенно, представляемы были царю всѣ государственныя дѣла. Самыя названія, которыя давались этимъ чиновникамъ: *очи государевы*, *уши государевы* и т. п., показываютъ, что они имѣли сношенія съ самимъ царемъ и объявляли его повелѣнія. О многочисленности царской прислуги можно судить изъ того, что, по свидѣтельству Ктезія, за царскимъ обѣдомъ ежедневно находилось до 15,000 человѣкъ **). Но для само-

*) Геродотъ (кн. III, гл. 31) разсказываетъ объ одномъ дѣлѣ, отданномъ на рѣшеніе царскихъ судей, и приводитъ ихъ приговоръ: *Τῷ βασιλεύοντι Περσέων ἐξεῖναι ποιέειν, τὸ ἂν βούληται.* (т. е. Персидскому Царю позволено дѣлать все, что онъ ни пожелаетъ).

**) Polyaen. Strateg. lib. IV. cap. 3. Athenaeus (Deipnosoph. lib. IV, p. 145) основываясь на Персидской Исторіи Гераклида, исчисляетъ сколько припасовъ ежедневно выходило на царскій столъ.

го царя приготовлялся особенный столъ. Онъ, какъ владыка и повелитель всей страны, употреблялъ въ пищу только то, что было въ ней лучшаго и драгоцѣннѣйшаго: изъ рѣки Хоаспа доставляли ему воду, другой онъ не пилъ; даже во время путешествій, за нимъ возили ее въ серебряныхъ сосудахъ. Изъ Ливійскихъ Степей, отъ храма Аммонова присылали соль. Пилъ вино только Халибонское и вкушалъ хлѣбъ только изъ Эолійской пшеницы. Хотя Дарій сдѣлалъ средоточіемъ правленія Сузу, но это не препятствовало Персидскимъ государямъ мѣнять свое мѣстопребываніе. Лѣто дворъ обыкновенно проводилъ въ Экбатанѣ, гдѣ Мидійскія Горы служили защитою отъ солнечнаго зноя; на осень переѣзжалъ въ Вавилонъ.

Гаремъ Персидскаго царя былъ наполненъ прекраснѣйшими женщинами. Ихъ привозили изъ всѣхъ провинцій государства и отдавали подъ присмотръ гаремныхъ стражей, эвнуховъ. Въ книгѣ *Эсѳирь*, внутренность гарема описана самымъ подробнымъ образомъ. Онъ раздѣлялся на два отдѣленія: въ первомъ жили дѣвицы, готовившіяся къ царской благосклонности, во второмъ—уже осчастливленныя ею любовію. Но отъ этихъ наложницъ должно отличать законныхъ супругъ *), которыя всегда избирались изъ фамиліи Ахеменидовъ. Онѣ пользовались царскимъ титуломъ и

*) Уже Геродотъ (кн. I. гл. 135) находитъ въ этомъ у Персовъ такое различіе: *γαμέουσι δὲ ἕκαστος αὐτέων πολλὰς μὲν κουριδίας γυναῖκας, πολλῷ δ' ἔτι πλεῦνας παλλακὰς κτῶνται.* (т. е. Каждый изъ нихъ имѣетъ много женъ и еще болѣе наложницъ).

носили діадему; не смотря на то, въ жизни были такъ же ограничены, какъ и наложницы. Но за это лишеніе онѣ могли достаточно вознаграждать себя вліяніемъ на государственныя дѣла; потому что на Востокѣ слабые правители всегда находятся подъ властію гарема. Жены или эвнухи сперва пріобрѣтаютъ ихъ довѣренность, а потомъ совершенно подчиняютъ своей волѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ въ Персіи кормило правленія перешло въ руки женщинъ и эвнуховъ.

Теперь остается описать военную систему Персовъ. Владычество, пріобрѣтенное ими посредствомъ завоеваній, заставляло ихъ имѣть постоянныя многочисленныя военныя силы, которыя стояли по разнымъ провинціямъ, для удержанія ихъ въ повиновеніи. Въ каждой области находились войска двоякаго рода: стоявшія въ полѣ и занимавшія крѣпости — арміи и гарнизоны; первыя ежегодно ревизовались и должны были, по первому приказанію, быть готовы къ походу: потому-то Персы могли, въ короткое время, собирать огромныя силы. Напротивъ, гарнизоны состояли подъ властію особенныхъ начальниковъ и были отъ тѣхъ войскъ отдѣлены совершенно.

Первоначально въ гарнизонную службу поступали Персы, но, по прошествіи нѣкотораго времени, желая наслаждаться только выгодами власти и отдалить всѣ сопряженныя съ нею заботы, они стали нанимать для этой службы Гирканцевъ, Пареянъ, Саковъ или Грековъ и др. Въ послѣдствіи принимали больше всего Грековъ, но

они стоили очень дорого, потому что брали большое жалованье и притомъ наличною монетою. Въ особенныхъ случаяхъ, кромѣ этихъ регулярныхъ войскъ, повелѣвалось вооружаться всѣмъ поголовно. Тогда разсылали воззванія во всѣ провинціи, и каждая должна была выставлять опредѣленное число воиновъ, коней или кораблей и уготовить потребное количество провіанта. Подобное воззваніе сдѣлалъ Ксерксъ, намѣреваясь покорить Грецію, и Геродотъ, при этомъ случаѣ, насчитываетъ до пятидесяти шести племенъ, различныхъ по одеждѣ и вооруженію, составлявшихъ его войско. Тутъ былъ и Индѣецъ подъ пестрою бумажною тканью, и Эѳіопъ подъ львиною кожей; полунагіе звѣроловы, безъ всякаго желѣзнаго или мѣднаго оружія, съ одними только арканами, и воины, затянутые въ желѣзные панцыри; Ливіецъ въ колесницѣ, влекомой четверкою коней, и Аравитянинъ — на верблюдѣ. Всякій можетъ рѣшить, возможно ли при такихъ противоположностяхъ какое либо единство. И такъ неудивительно, что Персія, не смотря на свои огромныя силы, не могла побѣдить такой ничтожной по величинѣ страны, какъ Греція, и сама принуждена была ей покориться.

4. Исторія Іудеевъ до возвращенія ихъ изъ плѣна Вавилонскаго.

Народъ Іудейскій имѣетъ великое значеніе во Всемірной Исторіи. Въ немъ сохранилось истин-

ное вѣдѣніе о Богѣ и отношеніяхъ человѣка къ Богу, которое, получивъ полное раскрытіе въ Христіанской Религіи, свѣтомъ своимъ озарило всю вселенную. Въ то время, какъ весь міръ, увлеченный ложными сужденіями человѣческаго разума, стремился къ многобожію, Іудеи одни, наставляемые божественнымъ откровеніемъ, вѣровали въ единаго истиннаго Бога. Чего не могъ постигнуть наблюдательный умъ Грековъ, чего не могъ проникнуть зоркій разумъ Римлянъ, то приняли сердцами, тому вѣровали бѣдныя горныя племена. Столь великое, неоцѣненное сокровище, и въ такомъ простомъ сосудѣ! Богъ, въ святомъ откровеніи, явилъ себя Іудеямъ, далъ имъ законъ и такъ направилъ ихъ судьбы, что сей законъ долженъ былъ сдѣлаться условіемъ ихъ существованія. Такимъ образомъ Іудеи суть Богомъ избранный народъ. Имъ суждено было, среди различныхъ вѣрованій, сохранить истинную вѣру и, по прошествіи назначеннаго времени, явить всему міру обѣтованнаго Искупителя.

Съ этой только точки зрѣнія должно смотрѣть на всю Іудейскую Исторію, въ чемъ могутъ служить образцами ихъ священныя книги, которыя представляютъ человѣка, какъ существо, ниспадшее изъ первобытнаго чистаго и блаженнаго состоянія. Чтобы возстановить человѣчество отъ сего паденія, нуженъ божественный Искупитель. Онъ обѣщанъ отъ начала. Онъ долженъ родиться отъ Дѣвы, племени Іудейскаго, и основать всемірное царство; но это царство не отъ міра сего—царство, возвышающееся надъ міромъ чув-

ственнымъ, царство небесное. Такимъ образомъ, Іудейскій народъ съ самаго начала является важнымъ для всего человѣческаго рода; чего онъ надѣется и желаетъ для себя, въ послѣдствіи совершается для всего человѣчества; его исторія есть зеркало, въ которомъ съ перваго взгляда мы видимъ иное, высшее существованіе.

Родоначальникъ Израильтянъ, Авраамъ, за 2000 лѣтъ до Рождества Христова, провождавшій странническую и пастушескую жизнь въ странахъ между Эвфратомъ и Палестиною, имѣлъ живую вѣру въ истиннаго Бога и удостоенъ былъ многихъ откровеній. На немъ было особенное благословеніе Божіе, и ему даны многія утѣшительныя обѣтованія отъ Бога о размноженіи и будущемъ величіи его потомства, и особенно о томъ, что о сѣмени его (Христѣ) благословятся всѣ племена земныя. Потомство Авраама, при внукѣ его *Іаковѣ*, или *Израилѣ*, переселилось въ Египетъ, и тамъ, по прошествіи нѣкотораго времени весьма размножилось, такъ, что составило многочисленный народъ, который, по числу двѣнадцати сыновей Іакова, раздѣлился на двѣнадцать колѣнъ. Іаковъ имѣлъ отъ Ліи шесть сыновей: Рувима, Симеона, Левію, Іуду, Иссахара и Завулона; отъ рабы жены своей Ліи, Зелфы, двухъ: Гада и Асира; отъ рабы жены своей Рахили, Валлы, также двухъ: Дана и Нефѳалима; наконецъ отъ своей любимой супруги Рахили, двухъ: Іосифа и Веніамина. Колѣна Іудино и Іосифово были самыя многочисленныя и могущественныя; но послѣднее, по сыновьямъ Іосифа, раздѣлилось на

два колѣна, Ефремово и Манассіино; потому часто считаютъ колѣна Израильтянъ въ числѣ тринадцати.

Вскорѣ эта многочисленность Израильтянъ возбудила опасенія въ Египетскомъ правительствѣ, потому что религія и нравы не только отдаляли ихъ отъ всякаго соединенія съ Египтянами, но даже ставили въ совершенную противоположность. Египтяне рѣшились подавить возрастающее могущество Израильскаго народа: начались притѣсненія. Израильтяне должны были терпѣть и переносить жестокое иго. Но вскорѣ явился освободитель, который, по повелѣнію Божію, вывелъ дѣтей Израиля изъ Египта съ тѣмъ, чтобы поселить ихъ въ странѣ, которая ихъ праотцу Аврааму была обѣщана, какъ наслѣдство его потомкамъ—въ Странѣ Обѣтованной. Царь Египетскій, тяжкими казнями, наведенными на Египетъ рукою Моисея, принужденный отпустить Израильтянъ, раскаявшись потомъ, что освободилъ ихъ отъ рабства, погнался за ними со всѣмъ своимъ войскомъ и настигъ ихъ при берегахъ Чермнаго Моря. Но они чудеснымъ образомъ невредимо прошли по дну морскому, а Египтяне всѣ были поглощены волнами. Исходъ Израильтянъ изъ Египта полагаютъ около 1550 года до Рождества Христова. Моисей не повелъ освобожденнаго имъ народа прямо въ Обѣтованную Землю, но пребылъ съ нимъ долгое время въ Пустынѣ Синайской. Здѣсь возвѣстилъ онъ народу законъ, полученный имъ отъ Бога, на которомъ основывается

не только религія Израильтянъ, но и гражданское ихъ устройство.

Согласно съ симъ закономъ, Іудеи приняли θеократическій образъ правленія: Богъ есть незримый, но повсюду присутствующій властитель Израильтянъ. Народъ, изведенный имъ изъ Египта и освобожденный отъ ига рабства, сдѣлался его народомъ. Богъ, повелитель народа, есть единственный владыка и земли, обитаемой симъ народомъ; обитатели ея суть приставники, которымъ онъ отдалъ ее въ потомственное владѣніе. Въ законѣ Моисеевомъ сказано: Земля моя; вы же пришельцы предо мною, и о самихъ Израильтянахъ: Вы рабы мои, изведенные мною изъ Египта. Посему, когда, по занятіи Палестины, каждое колѣно, исключая колѣна Левіи, получило въ удѣлъ назначенный участокъ земли, и каждое семейство имѣло свою наслѣдственную долю, съ этимъ распредѣленіемъ соединились разныя условія, которыя должны были всегда напоминать о томъ, что земля принадлежитъ Богу, и что человѣкъ не можетъ располагать ею по своему произволу. Потому-то каждый владѣтель недвижимаго имѣнія долженъ былъ отдавать жрецамъ, какъ служителямъ самого Бога, ежегодно десятую часть произведеній земли. По той же самой причинѣ, въ седьмой день и въ седьмой годъ, земля не была воздѣлываема; ибо если чрезъ каждые шесть дней седьмой, Суббота, былъ праздникъ, то и седьмой годъ долженъ быть праздничнымъ, который потому и назывался субботнимъ. Изъ того условія, что Израильтяне бы-

ли только приставники, а не дѣйствительные владѣльцы недвижимыхъ имѣній, слѣдовало, что они не могли ихъ продавать. Напротивъ, законъ дѣлалъ каждое имѣніе неотъемлемою собственностію того семейства, которому оно доставалось; а если какое имѣніе переходило въ другія руки, то законъ назначалъ опредѣленный срокъ—семью семь лѣтъ, по прошествіи котораго оно было возвращаемо въ прежнемъ видѣ; этотъ срокъ назывался *лѣтомъ оставленія*. И такъ, если какой Израильтянинъ приходилъ въ бѣдность, то продавалъ свою ниву, но не самую землю, а только жатву, на которую терялъ всѣ права со дня продажи до лѣта оставленія. (3. кн. Моис. 25). Наконецъ повелѣніе, по занятіи Палестины изгнать или истребить всѣхъ идолопоклонниковъ, было необходимымъ слѣдствіемъ отношеній, въ которыхъ Израильтяне находились къ Богу. Естественно, что въ странѣ, назначенной въ непосредственное управленіе единому и истинному Богу, не могли терпѣть язычниковъ и многобожія.

Изъ тринадцати колѣнъ, на которыя, какъ сказано выше, раздѣлились Израильтяне, колѣно Левіи, (изъ котораго происходилъ самъ Моисей) назначено было для отправленія богослуженія и для храненія законовъ. Если уже во всякомъ государствѣ сословіе жрецовъ весьма важно, то, въ царствѣ Израильскомъ, управляемомъ ѳеократически, оно должно было сдѣлаться душею всего. Родъ Аарона, брата Моисеева, былъ первымъ въ сословіи священниковъ; изъ этой фамиліи избирались первосвященники, а прочія священнослужебныя

должности занимали происходившие изъ другихъ фамилiй колѣна Левiина, и законъ опредѣлялъ тому смерть, кто, не будучи изъ колѣна Левiи, принялъ бы какую либо изъ сихъ должностей (4. кн. Моис. 3, 9 и 10). Въ слѣдствiе этого назначенiя, потомки Левiи разсѣялись по всѣмъ колѣнамъ, потому что для всѣхъ они были равно важны и необходимы; какъ жрецы, писцы, законовѣдцы и судiи, они входили во всѣ житейскiя отношенiя и такимъ образомъ составляли главный господствующiй элементъ въ бытѣ Израильтянъ. Они не имѣли недвижимаго имѣнiя, но получали десятую часть произведенiй всей страны.

При таковомъ образѣ правленiя, обрядовыя постановленiя и другiе законы, въ которыхъ заключались постановленiя о бракѣ, о семейныхъ отношенiяхъ и объ общественной жизни, основанныя на строгой нравственности, сдѣлали народъ Израильскiй способнымъ къ сохраненiю истинной вѣры среди идолопоклонниковъ. По много требовалось времени, чтобы онъ въ страданiяхъ и утѣшенiяхъ всякаго рода сроднился съ духомъ сего закона. Это воспитанiе Израильскаго народа для цѣли, назначенной ему во Всемiрной Исторiи, есть содержанiе его политической исторiи.

Моисей довелъ Израильтянъ только до границъ Обѣтованной Земли. Сынъ Нуна, Авсiя, или *Iисусъ*, избранный предводителемъ на мѣсто Моисея, въ 1500 году перешелъ черезъ Iорданъ и вступилъ въ собственную Палестину. Между тѣмъ какъ колѣна Гадово и Рувимово и половина колѣна Манассiи завладѣли землею по лѣвому берегу Iордана,

то и эта страна въ послѣдствіи была также причислена къ Землѣ Обѣтованной. Обѣтованная Земля находилась во власти семи Хананейскихъ народовъ: Хеттеевъ (въ странѣ Хевронской) Іевусеевъ (около Іерусалима,) Аморреевъ, Гергесеевъ, Евеевъ, Хананеевъ и Ферезеевъ, которыхъ должно было покорить оружіемъ.

Лучшее описаніе Обѣтованной Земли находится въ слѣдующемъ сочиненіи: Palästina von C. von Raumer, Prof. in Erlangen. Leipzig 1835.

Палестина, по пространству, ею занимаемому, есть страна весьма малая, но и въ этомъ незначительномъ объемѣ представляетъ чрезвычайное разнообразіе природы. Въ этомъ отношеніи ее можно раздѣлить на четыре части, которыя, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдствіи явились отдѣльными странами, какъ то: Галилея, Самарія, Іудея и полоса земли по берегу Средиземнаго моря. 1. *Галилея* состоитъ изъ равнины и пограничной съ сѣвера гористой страны. Равнина называлась Эздраилонъ и была театромъ важнѣйшихъ историческихъ событій; въ сѣверныхъ частяхъ ея возвышается гора Ѳаворъ; здѣсь протекаетъ рѣка Кисонъ, впадающая въ заливъ Птоломаиды. Эта страна была плодородна и въ древнія времена превосходно воздѣлана, теперь же дикая, безплодная пустыня. На сѣверѣ отрасли горъ Антиливана, къ востоку Іорданъ, къ сѣверо-востоку озеро Тиверіадское служили ей естественными границами. Окрестности сего озера живописны, но климатъ тамъ жаркій и нездоровый, потому что оно со всѣхъ сторонъ окружено горами и ни откуда не освѣжается чистымъ воздухомъ. Примѣчательнѣйшія мѣста сей страны суть Назаретъ и Тиверія. 2. *Самарія*, прекраснѣйшая область Палестины, не смотря на горы, пересѣкающія ее во многихъ направленіяхъ, весьма плодородна, и не только долины, но и горы до самыхъ вершинъ способны къ воздѣлыванію. Луга, поля виноградныя и масличныя рощи попеременно поражаютъ взоры и повсюду представляется благодатная природа. 3. *Іудея* также го-

риста, по существеннымъ характеромъ своимъ отли-
чается отъ Самаріи. Восточныя части Іудеи суть пу-
стыни, среди которыхъ, подобно оазамъ, представля-
ются мѣста, гдѣ природа является во всей своей рос-
коши, какъ напр. Іерихонъ; западныя плодоносныя
области перерѣзываются каменистыми обнаженными
горами. Въ этой странѣ находился центръ Іудейска-
го царства — Іерусалимъ. 4. Приморскія области при-
надлежали Филистимлянамъ, у коихъ было здѣсь пять
городовъ: Геѳъ, Азотъ, Аскалонъ, Аккаронъ и Газа;
потомъ, когда Израильское царство находилось въ
самомъ цвѣтущемъ состояніи, эти области были ими
покорены, но не имѣли почти ни какого вліянія на
развитіе духа Іудейской націи, потому что Іудеи ма-
ло занимались торговлею.

Занятіе Палестины Израильтянами не было со-
вершено въ одинъ разъ; оно было послѣдствіе
долгаго времени и многихъ геройскихъ подви-
говъ, и окончено уже Давидомъ, который поко-
рилъ всю страну. Такъ какъ при вступленіи въ
Палестину каждое колѣно долженствовало занять
назначенное ему мѣсто для поселенія, и туземцы,
которыхъ не могли выгнать, были оставляемы со-
вершенно вопреки данной заповѣди, то отъ это-
го произошли большіе безпорядки.

Смѣшеніе съ язычниками съ одной стороны про-
извело то, что многіе обратились къ идолопоклон-
ству: съ другой, что Израильтяне не должны были
выпускать изъ рукъ оружія, если не хотѣли поко-
риться язычникамъ. Но промыслъ Божій не остав-
лялъ Іудеевъ: въ потребныя времена являлись
мужи, воздвигаемые Богомъ и одушевленные рев-
ностію въ законѣ Божіемъ, спасали свободу на-
рода и ниспровергали язычество. Это время, про-
должавшееся около 400 лѣтъ, есть время судей,

какъ назывались сіи Богомъ избранные спасители народа.

Несогласіе, раздѣленіе и происходившее отъ того безсиліе колѣнъ Израильскихъ подавали случай иногда Сирійцамъ, иногда сосѣднимъ племенамъ Аравійскимъ и Филистимлянамъ покорять ихъ, или вытѣснять изъ равнины въ горы. Чуждое иго напоминало имъ о Богѣ; являлся мужъ, воодушевленный святою ревностію къ отеческой вѣрѣ и свободѣ Израиля, дѣлался предводителемъ одного или нѣсколькихъ колѣнъ и побѣждалъ непріятелей. Первый изъ такихъ боговдохновенныхъ мужей былъ *Гоѳоніилъ*, сынъ Кенеза, освободившій Израильтянъ отъ ига Сирійскаго; второй судія была *Аодъ*, сынъ Гирановъ, который избавилъ народъ Божій отъ владычества Моавитянъ, умертвивъ ихъ царя. Потомъ судіею и освободительницею является *Деввора*: «И Деввора жена пророчица, жена Лафидоѳова, сія судяше Израилю въ то время. И сія живяше подъ финикомъ Деввора между Рамою и между Деѳилемъ, въ горѣ Ефремли: и восхождаху сынове Израилевы къ ней тамо на судъ.» Книга Судей. 4, 4. Освобожденіе Израильтянъ отъ владычества Мадіанитянъ было совершено *Гедеономъ*, сыномъ Іоаса. Израильтяне, удивленные его геройскимъ подвигомъ, предложили ему престолъ; но онъ отвергъ этотъ даръ, сказавъ: Не возобладаю азъ вами и не возобладаетъ сынъ мой вами; Господь да владѣетъ вами. Но сынъ его Авимелехъ думалъ отнюдь не такъ. По смерти отца онъ принялъ царскій титулъ, но былъ признанъ царемъ весьма немногими и вскорѣ въ одномъ сраженіи противъ своихъ противниковъ былъ убитъ. Послѣ него являлись судіями Богомъ избранные мужи: *Ѳола*, *Іаиръ*, *Іеффай*, *Сампсонъ* и *Самуилъ*. Послѣдній оказалъ особенную услугу Израильтянамъ тѣмъ, что вездѣ истребилъ идолопоклонство, утвердилъ истинную Вѣру и управлялъ ими совершенно по закону Моисееву, со всею строгостію и правосудіемъ.

Но когда Самуилъ, послѣдній судія и спаситель независимости народа, пришелъ въ старость, и ко-

рыстолюбивыя дѣти его стали торговать правосудіемъ, тогда собрались старѣйшины Израильтянъ и потребовали царя. Самуилъ былъ не доволенъ симъ своеволіемъ и предоставилъ сіе дѣло на усмотрѣніе Божіе. Богъ, не взирая на такое явное отпаденіе отъ Его попеченій, снисшедъ на ихъ желаніе, представилъ имъ, что сія перемѣна во многихъ лишитъ ихъ прежней свободы, и что цари ихъ будутъ имъ иногда въ тягость. Такимъ образомъ, по опредѣленію Божію, *Саулъ*, сынъ Кисовъ, былъ первый избранъ и помазанъ на царство. Саулъ своею храбростію оказалъ многія услуги Израильскому народу, поражая и ослабляя враговъ его въ Аравіи, въ самой Ханаанской Землѣ и въ Сиріи. Но какъ онъ сдѣлался непокорнымъ Божіимъ повелѣніямъ, которыя ему были возвѣщаемы Самуиломъ, то Богъ не благоволилъ оставить царскій санъ въ его потомствѣ. Почему, еще при жизни Саула, Богъ повелѣлъ Самуилу помазать на царство *Давида*, сына Іессеева, изъ колѣна Іудина, который въ юношескихъ лѣтахъ отличался своимъ умомъ и геройскимъ мужествомъ. Послѣ несчастной битвы съ Филистимлянами, въ 1055 году, въ которой пали трое изъ сыновей Саула, и въ числѣ ихъ великодушный другъ Давида, Іонаѳанъ, Саулъ самъ себя лишилъ жизни. По смерти Саула, царемъ немедленно былъ признанъ всѣмъ колѣномъ Іудинымъ Давидъ и въ Хевронѣ торжественно помазанъ на царство. Прочія колѣна остались вѣрны сыну Саулову, Іевосѳею, и только въ 1048 году, по смерти Іевосѳея, Давидъ признанъ

былъ паремъ всѣми Израильтянами. Въ правленіе Давида Царство Израильское достигло твердаго внутренняго устройства и пріобрѣло великую славу. Давидъ истребилъ послѣдніе остатки Хананеянъ, кое-гдѣ поселившихся въ Палестинѣ: они были или изгнаны, или обращены въ рабовъ. Давидъ покорилъ всѣ сосѣдніе народы, распространилъ владычество Израильтянъ надъ Сиріею и землею Филистимлянъ, отъ Эвфрата до береговъ Чермнаго Моря, и сдѣлалъ царство свое самымъ славнымъ и могущественнымъ между всѣми Передо-Азійскими государствами. Центромъ Израильскаго Царства избранъ былъ Іерусалимъ, куда Давидъ перенесъ Кивотъ Завѣта. Давидъ былъ великъ во всемъ; но особеннаго удивленія заслуживаетъ его смиреніе: онъ никогда не забывалъ, что онъ только намѣстникъ Божій, и безпрекословно покорялся Его повелѣніямъ, которыя были возвѣщаемы черезъ пророковъ. Сынъ и наслѣдникъ Давида, *Соломонъ*, вступилъ на престолъ въ 1015. Онъ нашелъ сокровищницу отца своего наполненною; всѣ гражданскія и военныя постановленія въ надлежащемъ порядкѣ; всѣ племена соединенными; ему оставалось только пожинать то, что было посѣянно отцомъ. Самое важное дѣло его правленія было построеніе въ Іерусалимѣ великолѣпнаго храма, который долженъ былъ служить общимъ мѣстомъ поклоненія для всѣхъ племенъ Израильскихъ. Строеніе храма продолжалось семь лѣтъ и кончилось въ 1008 году. Въ семъ великолѣпномъ и блистательно украшенномъ храмѣ

начали совершать и обряды съ большимъ великолѣпіемъ и блескомъ.

Соломонъ, въ послѣдніе годы царствованія, изъ любви къ своимъ иноплеменнымъ женамъ, воздвигъ капища идоламъ и отпалъ отъ истиннаго Бога. За сіе отпаденіе ему возвѣщено было черезъ пророка, что большая часть его царства отнимется и дана будетъ его подданному. Еще при жизни Соломона начались возмущенія, и отъ владѣній его отторгнутъ былъ Дамаскъ. Но сіе пророческое предреченіе въ полной мѣрѣ исполнилось при сынѣ и наслѣдникѣ его, Ровоамѣ. Когда, по смерти Соломона, въ 975, народъ Израильскій потребовалъ отъ него уменьшенія налоговъ и другихъ тяжкихъ постановленій, и онъ отвѣчалъ ему: мой отецъ наложилъ на васъ тяжкое иго, я наложу еще больше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, я буду наказывать скорпіонами; тогда десять колѣнъ отложились отъ него и избрали себѣ въ цари Іеровоама, сына Навата, изъ колѣна Ефремова; только два колѣна: Іудино и Веніаминово, остались вѣрными дому Давидову. Ровоамъ хотѣлъ усмирить возмущеніе оружіемъ и собралъ большое войско; но пророкъ Самей явился въ его станъ и сказалъ: Такъ говоритъ Господь: вы не должны сражаться съ вашими братьями, Израильтянами. Разойдитесь по домамъ вашимъ, ибо Я такъ хочу, чтобъ это случилось. Всѣ повиновались слову Божію и возвратились въ свои домы. Такимъ образомъ, въ 975 году, народъ Божій раздѣлился на два царства: Царство Израильское и Царство Іудейское.

Существенный характеръ Царства Израильскаго заключался въ самомъ его основаніи: оно возникло чрезъ отпаденіе отъ законной власти дома Давидова; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было отпаденіе отъ истиннаго Бога. Такъ какъ единственное святилище истиннаго Бога было въ Іерусалимѣ, то Израильскіе цари старались дать религіи своихъ подданныхъ другое средоточіе. И такъ они построили капища и отложились отъ Бога отцовъ своихъ. Но истинная религія глубоко вкоренена была въ сердцахъ лучшей части народа и не могла быть такъ легко истреблена. Потому языческая религія всегда встрѣчала сильное сопротивленіе отъ тѣхъ, которые не измѣнили религіи своихъ предковъ. Святые мужи, какъ напр. Илія и Елисей, съ пламенною ревностію и мужествомъ возставали противъ царей и порицали ихъ за сношенія съ Финикіянами, Сирійцами и другими языческими народами. Вслѣдствіе несогласія нечестивыхъ царей съ Пророками Божіими, въ Царствѣ Израильскомъ происходили безпрерывныя безпокойства; которыя кончились порабощеніемъ Израильтянъ подъ иго Ассирійское. Послѣдній Израильскій царь Осія, въ 722 году былъ побѣжденъ Салманассаромъ, царемъ Ассирійскимъ; онъ самъ и большая часть народа были отведены во внутреннія страны Азіи.

Исторія Царства Израильскаго, представляетъ цѣлый рядъ одна другую смѣняющихъ династій, что часто соединено было съ неслыханными злодѣяніями. *Іеровоамъ* царствовалъ до 954 г., по съ сыномъ и наслѣдникомъ его *Наватомъ*, который былъ низложенъ съ престола и умерщвленъ *Ваасою* въ 953 г. пре-

кратилась его династія. Вааса царствовалъ до 930 года; но и его фамилія не была счастливѣе Іеровоамовой. Въ 929 г. сынъ его *Ила* былъ умерщвленъ *Замвріемъ;* но убійца самъ скоро былъ низложенъ *Амвріемъ*, котораго войско провозгласило царемъ. Амврій, побѣдивъ этого соперника, тотчасъ встрѣтилъ другаго, *Ѳамнія*, который впрочемъ умеръ въ 925 году. Утвердившись на престолѣ, Амврій (925—918) построилъ городъ Самарію, надѣясь заложеніемъ столицы дать болѣе твердости Царству Израильскому. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Ахаавъ* (918—897), Ахааву *Охозія* (897—896) и Охозіи послѣдній царь изъ сей династіи, *Іорамъ* (896—883), который былъ свергнутъ Іиуемъ. Новая династія (*Іиуй* 883—856, *Іоахазъ* 856—849, *Іоасъ* 849—825, *Іеровоамъ* II. 825—784, *Захарія*, который достигъ престола послѣ двѣнадцати лѣтней анархіи въ 772 г.) продолжалась до 772. *Селлумъ* свергнулъ съ престола Захарію, но не долго пользовался плодами своего злодѣянія: въ этомъ же году онъ былъ умерщвленъ *Манаимомъ*, царствовавшимъ отъ 772—761 г., но въ зависимости отъ Ассирійскаго царя Фула, которому платилъ дань. И наслѣдникъ его *Факія*, царствовавшій отъ 761—759, оставался данникомъ Ассиріянъ. Онъ былъ низложенъ и умерщвленъ *Факеемъ*, который царствовалъ отъ 759—739. Онъ свергнулъ иго Ассирійское и, для утвержденія независимости Царства Изральскаго, соединился съ царемъ Дамасскимъ Раассономъ. Союзники приглашали принять участіе въ ихъ предпріятіи Іудейскаго царя Ахаза, но онъ отказался и даже перешелъ на сторону Ассиріянъ. Ѳеглаѳфелассаръ, царствовавшій тогда въ Ассиріи, вторгнулся съ огромнымъ войскомъ въ Сирію, взялъ Дамаскъ и предалъ смерти Раассона; та же участь постигла и Израильтянъ, жившихъ на востокъ отъ Іордана. Большая часть ихъ должна была оставить свое отечество, и поселиться на отведенномъ имъ мѣстѣ во внутреннихъ областяхъ Ассиріи.

Покорностью и данью Факей удержался на тронѣ, впрочемъ не надолго: въ 739 году онъ былъ низложенъ и лишенъ жизни *Осіею*. Новый царь сначала показывалъ себя покорнымъ Салманассару, царю Ас-

сирійскому, а между тѣмъ вступилъ въ тайные переговоры съ Египтянами и наконецъ, надѣясь на ихъ помощь, отказался платить дань. Слѣдствіемъ этого было взятіе Самары Салманассаромъ и совершенное паденіе Израильскаго Царства въ 722 году. Большую часть жителей Салманассаръ переселилъ въ Мидію, а опустѣлыя мѣста заселилъ жителями изъ другихъ провинцій Ассиріи. Несчастная участь колѣнъ Израилевыхъ была справедливымъ наказаніемъ за отпаденіе отъ законныхъ царей и отъ истиннаго Бога. Въ 4 кн. Царствъ 17,16. сказано: «И оставиша заповѣди Господа Бога своего, и сотвориша себѣ двѣ юницы слиты, и сотвориша дубравы, и поклонишася всей силѣ небеснѣй, и послужиша Ваалу, и превождаху сыны своя и дщери своя чрезъ огнь и волхвоваху волхвованіемъ, и вражаху: и продашася, еже творити лукавое предъ очима Господнима, еже прогнѣвати его. И разгнѣвася Господь на Израиля зѣло, и отрину ихъ отъ лица своего, и не остася, токмо едино колѣно Іудино.»

Исторія Іудейскаго Царства представляетъ совсѣмъ другой видъ, нежели исторія Царства Израильскаго. Тамъ одна династія свергала другую; здѣсь, напротивъ, царская власть постоянно оставалась въ родѣ Давидовомъ и спокойно передаваема была отцемъ сыну. Только въ позднѣйшія времена, когда чужеземные завоеватели вмѣшивались въ дѣла Іудеевъ, случалось, что этотъ порядокъ нарушался. Царство Израильское отпало отъ закона Моисеева и оставило вѣру отцовъ своихъ; Царство Іудино, напротивъ, сохранило истинную вѣру и богослуженіе въ храмѣ Іерусалимскомъ, и многочисленное сословіе жрецовъ старалось поддерживать блескъ и уваженіе къ сему святилищу. Число жрецовъ еще больше увеличилось, когда Іеровоамъ изгналъ Левитовъ изъ

своего царства, и все колѣно Левіино сосредоточилось въ Царствѣ Іудейскомъ. Но и здѣсь были несчастныя времена забвенія вѣры и уклоненія къ идолопоклонству: но это нечестіе было прекращено Іосіею, который привелъ въ исполненіе законы Моисеевы и возобновилъ союзъ съ Богомъ.

Цари Іудейскіе до Іосіи были слѣдующіе: 1. *Ровоамъ* (975 — 958), 2. *Авія* (958—955), 3. *Аса* (955 — 914), 4. *Іосафатъ* (914 —891). Союзомъ съ Царствомъ Израильскимъ онъ положилъ основаніе безпокойствамъ, нѣкоторое время продолжавшимся въ Іудеѣ; онъ женилъ сына своего Іорама на дочери Ахава, *Гоѳоліи*. 5. *Іорамъ* (891 — 884); 6. *Охозія* (884 — 883), онъ подвергся участи дома Ахаавова, обреченнаго на погибель. Гоѳолія, при извѣстіи объ ужасной судьбѣ своей фамиліи, приказала умертвить всѣхъ оставшихся въ живыхъ изъ дома Давидова. Только Іоасъ, сынъ Охозіи, былъ спасенъ отъ смерти. Но онъ долгое время скрывался во храмѣ, потому что Гоѳолія захватила правленіе въ свои руки и удерживала власть въ продолженіе семи лѣтъ (883 — 876). Между тѣмъ Іоасъ былъ тайно воспитанъ во храмѣ, и, когда все было готово къ возведенію на престолъ, первосвященникъ Іодай помазалъ его на царство и при звукѣ трубъ провозгласилъ царемъ. *Гоѳолія*, оставленная своими тѣлохранителями, была схвачена и предана смерти; введенное ею служеніе Ваалу уничтожено, и Царство Іудейское явилось въ прежнемъ видѣ. 7. *Іоасъ* (876 — 838), 8. *Амасія* (838 — 811). 9. *Осія* или *Азарія* (811—759), 10. *Іоаѳамъ* (759—743), 11. *Ахазъ* (743 — 728). При немъ, въ первый разъ, Царство Іудейское вступило въ сношенія съ Ассиріянами. Ахазъ, притѣсняемый царями Израильскимъ и Дамасскимъ, рѣшился прибѣгнуть къ помощи Ассиріянъ. Что произошло послѣ этого въ Царствѣ Израильскомъ и Дамаскѣ, о томъ мы уже говорили. Для Царства Іудейскаго походъ Ѳеглаѳфелассара имѣлъ слѣдствіемъ то, что оно не только сдѣлалось политически зависимымъ отъ Ассиріи, но даже должно было принять Ассирійское идолослуженіе. Ахазъ самъ

отправился въ Дамаскъ, призналъ себя зависимымъ отъ Ѳеглаѳфелассара и ввелъ идолослуженіе въ Іудеѣ. 12. *Езекія* (728 — 699) прекратилъ поклоненіе идоламъ и объявилъ себя независимымъ. Сеннахеримъ осадилъ Іерусалимъ, но, потерявъ почти все свое войско, воротился. 13. *Манассія* (699 — 644). 14. *Аммонъ* (644 — 642) 15. *Іосія* (642 — 611). Въ правленіе его предшественниковъ идолопоклонство опять усилилось въ Іудеѣ, и всѣ древніе обряды, также и законы Моисеевы, были почти всѣми забыты. По этому подвигъ Іосіи заслуживаетъ великаго уваженія: онъ указалъ заблудшему народу его древнее назначеніе и направилъ его на истинную стезю.

Поклоненіемъ идоламъ цари нарушили союзъ съ Богомъ, заключенный на Синаѣ Моисеемъ, по которому Богъ долженъ быть владыкою Израиля, а Израильтяне народомъ Божіимъ. Іосія возобновилъ этотъ союзъ, именно въ 624 году. Въ то время, какъ, по его приказанію, въ храмѣ дѣлали нѣкоторыя поправки, первосвященникъ Хелкія нашелъ тамъ Моисеевы законы и представилъ ихъ царю. Читая ихъ, царь пришелъ въ такой ужасъ, что разодралъ свою одежду. Такъ рѣзко противорѣчила жизнь Іудеевъ заповѣдямъ Божіимъ! Онъ рѣшился ввести опять сіи законы, и самымъ торжественнымъ образомъ. «И возвѣстиша сія глаголы цареви: и посла царь, и собра къ себѣ вся старѣйшины Іудины, и Іерусалимляны. И вниде въ домъ Господень, и вси мужи Іудины и вси живущіи во Іерусалимѣ съ нимъ, и жрецы, и пророцы, и вси людіе отъ мала и до велика, и прочте во ушеса ихъ вся словеса книги Завѣта обрѣтшіяся въ дому Господни. И ста царь у столпа, и завѣща завѣтъ предъ Господемъ еже ходити въ слѣдъ Господа, и хранити заповѣди Его, и

свидѣнія Его, и оправданія Его всѣмъ сердцемъ и всею душею, еже возставити словеса завѣта сего, яже писана въ книзѣ сей; и сташа вси людіе въ завѣтѣ.» 4. кн. Царствъ гл. 23, ст. 1—3.

Такимъ образомъ религія была возстановлена, и истинное богослуженіе возобновилось въ Царствѣ Іудейскомъ. Это случилось около того времени, когда Іудейское Царство, вмѣшавшись въ борьбу двухъ могущественныхъ государствъ, утратило свою независимость и было совершенно уничтожено. Самъ Іосія погибъ въ войнѣ противъ Фараона Нехао, царя Египетскаго; его наслѣдники сначала были въ зависимости отъ Вавилона, и наконецъ весь народъ отведенъ былъ въ Вавилонское плѣненіе.

Послѣ битвы при Магеддонѣ, въ которой Іосія, въ 611 году, нашелъ свою смерть, Фараонъ Нехао, посадилъ на престолъ Іудейскій сына Іосіи, 16. *Еліасцима*, или *Іоакима* (611—599). Послѣ битвы при Цирцезіумѣ, Еліакимъ, изъ данниковъ царя Египетскаго, сдѣлался данникомъ Навуходоносора, Царя Вавилонскаго. 17. *Іехонія* тотчасъ по вступленіи на престолъ отложился отъ Вавилона. Навуходоносоръ взялъ городъ въ третій мѣсяцъ по возмущеніи и отвелъ царя съ знатнѣйшими его сообщниками плѣнникомъ въ Вавилонъ. На мѣсто Іехоніи Навуходоносоръ назначилъ царемъ Еліакимова брата 18. *Седекію*. Этотъ несчастный государь не убѣдился ни судьбою своего предшественника, ни предсказаніями Пророка Іереміи, и вступилъ въ союзъ съ Египтомъ противъ Вавилона. Но для отклоненія удара, готоваго поразить Іудею, недостаточно было помощи Египтянъ, равно какъ и всѣхъ силъ, истощенныхъ безпрерывными войнами. Четыре раза Іудеи, одни за другими, были выводимы изъ Земли Обѣтованной. Только остался непокореннымъ одинъ Іерусалимъ, но и этотъ городъ въ 588 г. принужденъ былъ сдаться и разрушенъ до осно-

ванія; Царское семейство подверглось жесточайшей участи. Навуходоносоръ приказалъ представить къ себѣ Седекію вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя при глазахъ несчастнаго отца всѣ были умерщвлены. Послѣ этого Седекія былъ лишенъ зрѣнія, и съ остатками Іудеевъ отправленъ въ Вавилонъ. Въ Іудеѣ оставлены были очень немногіе, и то для того, чтобъ обучать новое народонаселеніе обработывать землю. Изъ смѣшенія новопоселенцевъ съ оставшимися Іудеями образовался въ Палестинѣ новый народъ—*Самаряне*, которые впрочемъ, по возвращеніи Іудеевъ изъ Вавилонскаго плѣненія, не были признаны ими за единоплеменниковъ, но даже были презираемы какъ нечистые.

Вавилонское плѣненіе много послужило къ возбужденію угасавшаго духа благочестія въ Іудеяхъ. Обладая твердымъ характеромъ, они не позволяли себѣ смѣшиваться съ народами, среди коихъ принуждены были жить. Теперь книги Моисеевы сдѣлались для нихъ средоточіемъ; вокругъ нихъ собирались всѣ гордившіеся своимъ происхожденіемъ отъ племени Іуды; между тѣмъ, какъ въ счастливыя времена, сіи законы часто были оставляемы и даже забываемы. Уваженіе къ религіи предковъ увеличивалось въ нихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе они сознавали свое безсиліе, въ которое повергнули ихъ собственные грѣхи и неповиновеніе Творцу.

И такъ бѣдствія, которыя терпѣли Іудеи въ изгнаніи, направили души ихъ на путь, имъ свыше предназначенный. И чѣмъ болѣе сближались они съ духомъ законовъ Моисеевыхъ, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ ощутительнѣе становилась для нихъ тоска по родинѣ и желаніе возвратиться въ отечество: только тамъ они могли достойно покланяться

своему Богу. Потому, когда Киръ взялъ Вавилонъ, Левиты неотступно умоляли его, дать имъ позволеніе возвратиться въ землю отцовъ своихъ. Великодушный царь исполнилъ не только то, чего они просили, но даже выдалъ имъ всѣ утвари храма, найденныя имъ въ Вавилонскомъ казнохранилищѣ. Этимъ позволеніемъ воспользовались въ особенности тѣ, которые были всѣхъ преданнѣе своей религіи. Туда отправились жрецы, Левиты, также знатнѣйшіе главы фамилій изъ племени Іудина и Веніаминова, и всѣ тѣ, которыхъ вѣра влекла въ землю предковъ. Іисусъ, сынъ Іоседековъ, и Зоровавель, сынъ Салаѳіиля, первый какъ первосвященникъ, послѣдній, какъ вождь, были главами переселенцевъ. Возвратившись въ Іудею, они нашли страну пустою и невоздѣланною, потому что всѣ жители разбѣжались, страшась наказанія за умерщвленіе намѣстника, поставленнаго надъ ними царемъ Вавилонскимъ. Потому Іудеямъ не нужно было прибѣгать къ оружію для изгнанія прежнихъ поселенцевъ, и они спокойно завладѣли страною. Но скоро открылись у нихъ несогласія съ Самарянами, которыхъ предложеніе, принять ихъ по прежнему въ свое общество, они съ гордостію отвергли. За это Самаряне старались оклеветать Іудеевъ при Персидскомъ дворѣ, чтобъ такимъ образомъ воспрепятствовать имъ строить храмъ. Сіи споры продолжались до вступленія на престолъ Дарія I, при которомъ наконецъ храмъ былъ достроенъ. Когда Іудеи обратились къ возстановленію вѣры отцовъ своихъ, и храмъ былъ оконченъ, единовѣрцы ихъ,

разсѣянные по Азіи, отъ времени до времени въ большемъ числѣ возвращались въ Обѣтованную Землю. Такъ, въ 478 Эздра и въ 445 году Неемія привели въ Іерусалимъ, снова обнесенный стѣнами, новыхъ переселенцевъ. Такимъ образомъ Іудеи, подъ покровительствомъ Персовъ, основали небольшое іерархическое государство, управляемое первосвященникомъ, къ которому былъ присоединенъ еще синедріонъ изъ семидесяти человѣкъ. Съ Персидскимъ правительствомъ Іудеи сносились чрезъ первосвященника, который, какъ второстепенный намѣстникъ, подчиненъ былъ сатрапу Сиріи, и вмѣстѣ главному начальнику Палестины.

Персы не вмѣшивались въ дѣла Іудеевъ и не касались ихъ вѣры; они заботились только о томъ, чтобъ имъ исправно платили подати. Такъ совершилось исправительное наказаніе Іудейскаго народа, начавшаго теперь жизнь богобоязненную и отличавшуюся единобожіемъ отъ жизни язычниковъ. Прежняя склонность ихъ къ идолопоклонству превратилась въ сильнѣйшее отъ него отвращеніе, такъ что ни какая земная сила не могла уже заставить ихъ чтить идоловъ.

II.

ИСТОРІЯ РАЗВИТІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГРЕЧЕСКАГО НАРОДА ДО РАСПАДЕНІЯ МАКЕДОНСКОЙ МОНАРХІИ.

Греція есть полуостровъ, отдѣленный отъ Македоніи горами и къ югу вдающійся въ Средиземное Море. По своему географическому положенію, она имѣетъ двѣ особенности; во-первыхъ, по отношенію къ пространству, ею занимаемому, берега, изрѣзанные безчисленными заливами, въ которыхъ сама природа образовала безопасныя гавани, слишкомъ растянуты. Во-вторыхъ, горы, проходящія по этому полуострову во всѣхъ направленіяхъ, полагаютъ опредѣленныя границы между многими его частями и образуютъ почти совсѣмъ отдѣльныя области. Острова, окружающіе Грецію и причисляемые къ ней географами, въ самомъ дѣлѣ, съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ мы только знаемъ, составляютъ съ твердою землею одно цѣлое, связанное однимъ народнымъ духомъ—національностью, общею для всѣхъ обитателей этой страны.

Греція раздѣляется на четыре части: 1. Сѣверную Грецію, или Θессалію и Эпиръ, 2. Среднюю Грецію, или Элладу, 3. Пелопоннезъ и 4 острова.

1. *Сѣверная Греція.* Области, заключающіяся въ ней, суть: a) *Θессалія*, страна окруженная горами; дороги, ведущія сюда, по большей части идутъ чрезъ горы, покрытыя неприступными скалами и ущельями. Высочайшія вершины суть: Эта, Отрисъ, Осса, Пеліонъ, Пиндъ и Олимпъ. Самая замѣчательная рѣка есть Пеней. И съ юга Θессалія совершенно отдѣлена горами, чрезъ которыя ведетъ одна только дорога — проходъ Θермопилы. b) *Эпиръ.* Къ западу сія страна граничитъ съ Адріатическимъ Моремъ, на сѣверъ Кераунскія Горы отдѣляютъ ее отъ Иллиріи, на востокъ Пиндъ отъ Θессаліи. Здѣсь находился храмъ Додонскаго Зевса, славнѣйшее прорицалище въ древности. Только въ религіозномъ отношеніи Эпиръ имѣлъ нѣкогда вліяніе на жизнь Грековъ, между тѣмъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи духа Греческой націи, Эпирцы приняли участіе уже довольно поздно.

2. *Средняя Греція*, или *Эллада*, раздѣляется на семь областей: a) *Акарнанія* лежитъ при Іонійскомъ Морѣ. Замѣчательный городъ Аргосъ Амфилохскій. Здѣсь находится Актійскій Мысъ. b) *Этолія* отдѣляется отъ Акарнаніи рѣкою Ахелоемъ и простирается до Коринѳскаго Залива. c) *Фокида* и d) *Локрида* лежатъ между Коринѳскимъ Заливомъ и отраслями горы Эты, отдѣляющей обѣ страны отъ Θессаліи. Здѣсь лежитъ гора Парнасъ, на склонѣ которой находились Дельфы съ храмомъ Аполлона, гдѣ было прорицалище въ древности. e) *Дорида*, страна малая, гористая и суровая. Она лежитъ между Локридою, Фокидою и Этоліею. f) *Беотія.* Высочайшія горы этой страны суть Геликонъ и Киѳеронъ, отрасли горы Эты. Изъ рѣкъ, здѣсь протекающихъ, самая замѣчательная Азопъ. Сія страна примѣчательна по множеству городовъ и особенно по тому, что была театромъ славныхъ войнъ и важныхъ событій. Здѣсь почти каждый городъ прославленъ какимъ либо сраженіемъ, какъ на пр. Платея, Галіартъ, Коронея, Левктры, Херонея, Орхоменъ; впрочемъ Ѳивы считались главнымъ городомъ всей страны. g) *Аттика.* Сія область въ видѣ остра-

го треугольника далеко вдается въ море и образуетъ оконечностью своею мысъ Суній. Изъ самаго положенія сей страны можно видѣть, что обитатели ея должны заниматься мореплаваніемъ. Она лежитъ между двумя морями и имѣетъ превосходныя гавани, образованныя самою природою. Главнымъ городомъ области были Аѳины.

3. *Пелопоннезъ.* Центръ этого полуострова занимаетъ гористая *Аркадія,* вокругъ которой расположены были прочія страны; онѣ касались береговъ моря и со всѣхъ сторонъ замыкали эту внутреннюю область Пелопоннеза. Эти страны были: *Элида, Мессенія, Лаконія, Арголида* и *Ахаія.* На Истмѣ (Перешейкѣ), отдѣляющемъ Пелопоннезъ отъ материка Греціи, лежалъ *Коринѳъ*, имѣвшій на двухъ противуположныхъ моряхъ двѣ гавани, *Лехейскую* и *Кенхрейскую.* Острова, окружающіе Грецію, можно назвать прекраснымъ, цвѣтущимъ вѣнкомъ. Они суть слѣдующіе: близъ западныхъ береговъ *Корцира, Итака, Закинѳъ*, близъ восточныхъ: *Эгина, Саламинъ, Эвбея* и *Скиръ;* на югъ лежала *Цитера*, за нею далѣе *Критъ.* Сверхъ того всѣ острова Кикладскіе и Спорадскіе въ Архипелагѣ, и многіе, лежащіе у береговъ Ѳракіи и Малоій Азіи, принадлежали также къ Греціи, и здѣсь-то во всемъ блескѣ развивалось Греческое образованіе.

Исторія древней Греціи принадлежитъ къ области наукъ филологическихъ, но была разсматриваема болѣе въ отдѣльности, нежели въ цѣломъ своемъ объемѣ. *) Сами Греки довольно

* Англичане имѣютъ двѣ отличныя полныя исторіи Греціи, неуступающія одна другой въ достоинствѣ: первая *ДжонаДжилисса* (John Gillies) The history of ancient Greece, its colonies and conquests, from the earliest accounts till the division of the Macedonian Empire in the East, including the history of literature, philosophy and the fine arts. London, II voll. in 4-to. Отличительное ея достоинство есть остроумное истолкованіе событій древней Греческой Исторіи, и въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо выше исторіи *ВилліамаМитфорда* (William Mitford), которая на своей сторонѣ имѣетъ два важныя преимущества—ученость и основательность. Въ Нѣмецкой Литературѣ находится только одно хорошее обозрѣніе Греческой исто-

поздно обратили вниманіе на свою исторію; вымыслы поэтовъ и народныя преданія уже такъ исказили ее, что весьма трудно было отличить дѣйствительное отъ вымышленнаго, истину отъ украшенія. Немногіе народы обладали такою цвѣтущею и творческою фантазіею, какъ Греки; это можно видѣть изъ ихъ преданій о герояхъ. Характеръ Греческихъ преданій состоитъ въ томъ, что въ нихъ является герой для каждаго племени, для каждаго города и даже для каждаго постановленія, происхожденіе которыхъ неизвѣстно: этого героя стараются возвысить надъ обыкновенными людьми; для сего или производятъ его отъ боговъ, или онъ самъ, за свои подвиги, принимается въ число небожителей. И такъ исторія первобытнаго состоянія Греціи смѣшана съ миѳологіею. Основательнѣйшее и остроумнѣйшее изслѣдованіе древнѣйшей исторіи Греціи, между всѣми Греческими историками, принадлежитъ Ѳукидиду. Онъ, въ своемъ введеніи въ исторію Пелопоннезской Войны, коснулся самыхъ отдаленныхъ временъ и источникомъ для своихъ изысканій принялъ рапсодіи Гомера; изъ нихъ онъ заимствовалъ понятія какъ о народномъ духѣ,

ріи, *Іоан. Вильгельма Цинкейзена* (Joh. Wilh. Zinkeisen) Geschichte Griechenlands, vom Anfange geschichtlicher Kunde bis auf unsere Tage. Leipzig 1832. — Изъ исторіи отдѣльныхъ Греческихъ племенъ и областей замѣчательнѣйшія суть: Geschichte Hellenischer Stämme und Städte. Докт. К. О. Мюллера. Томъ первый: Orchomenos und die Minyer. Бреславль 1820. Geschichte des alten Griechenlands. Erster Band, enthaltend die älteste Geschichte bis zu der sogenannten Wanderung der Herakliden. Von Herm. Gottl. Plaß. Leipzig, 1831. Замѣчательнѣйшими монографіями мы воспользуемся для объясненія событій, до которыхъ онѣ касаются.

такъ и объ образѣ жизни Грековъ: эти же рапсодіи должны служить источниками и для насъ.

Ѳукидидъ изображаетъ древнѣйшее состояніе Греціи въ слѣдующемъ очеркѣ: «Полагаю, что земля, называющаяся теперь Элладою, въ древнія времена не была заселена постоянными жителями, но спачала они часто смѣняли одни другихъ; и каждое племя, тѣснимое другимъ сильнѣйшимъ, тотчасъ оставляло свои пажити. Такъ какъ они не знали еще торговли и не вступали охотно въ дружескія связи ни землею, ни моремъ, такъ какъ они устроивали свой бытъ, чтобъ только прожить какъ нибудь, не имѣли избытка въ имуществѣ, не обработывали земли (потому что, не имѣя укрѣпленій, должны были всегда ждать непріятеля, который могъ все у нихъ расхитить), то безъ труда переселялись, надѣясь вездѣ найти себѣ дневное пропитаніе. Оттого древніе обитатели Греціи не были сильны ни большими городами, ни другими учрежденіями *).»

Первые владѣльцы Греціи были *Пелазги*. Они пришли въ Европу изъ Малой Азіи и заняли всѣ южныя стрѣны до самыхъ береговъ Атлантическаго Океана. Время владычества этого народа и

*) Ѳукидидъ книга 1, гл 2: *Φαίνεται γὰρ ἡ νῦν Ἑλλὰς καλουμένη οὐ πάλαι βεβαίως οἰκουμένη, ἀλλὰ μεταναστάσεις τε οὖσαι τὰ πρότερα καὶ ῥαδίως ἕκαστος τὴν ἑαυτῶν ἀπολείποντες βιαζόμενοι ὑπό τινων ἀεὶ πλειόνων. Τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδ᾽ ἐπιμιγνύντεз ἀδεῶς ἀλλήλοις, οὔτε κατὰ γῆν, οὔτε διὰ θαλάσσης, νεμόμενοί τε τὰ αὑτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν, καὶ περιουσίαν χρημάτων οὐκ ἔχοντες, οὐδὲ γῆν φυτεύοντές (ἄδηλον ὄν, ὁπότε τις ἐπελθὼν, καὶ ἀτειχίστων ἅμα ὄντων, ἄλλος ἀφαιρήσεται) τῆς τε καθ᾽ ἡμέραν ἀναγκαίου τροφῆς πανταχοῦ ἂν ἡγούμενοι ἐπικρατεῖν, οὐ χαλεπῶς ἀπανίσταντο. Καὶ δι᾽ αὐτὸ, οὔτε μεγέθει πόλεων ἴσχυον, οὔτε τῇ ἄλλῃ παρασκευῇ.*

образъ правленія совершенно неизвѣстны; только нѣкоторые слѣды ихъ религіи, обожанія Кабировъ, сохранились въ религіозныхъ таинствахъ Грековъ. Они были покорены или принуждены оставить свои владѣнія, народомъ, извѣстнымъ послѣ подъ однимъ общимъ именемъ *Эллиновъ*, который съ горъ, лежащихъ на сѣверѣ Эллады, устремился на нихъ, завладѣлъ страною и распространилъ свое владычество надъ многими островами. Всѣ эти племена тогда назывались Ахейцами; между тѣмъ въ сѣверныхъ горахъ поселилось, сродное съ Ахейцами, племя Доріійцевъ. Это вторженіе Ахейцевъ и Доріійцевъ въ страну, которую они въ послѣдствіи украсили всѣмъ, что только могутъ произвести науки и искусства, произошло въ то самое время, когда Израильтяне предприняли походъ въ Обѣтованную Землю, слѣдовательно въ 1550 г. до. Р. Х.

Склонность Грековъ, относить все къ одному лицу, обнаружилась и въ томъ, что они родоначальникомъ всѣхъ различныхъ племенъ считаютъ одного Девкаліона. Имя *Эллина*, одного изъ сыновей Девкаліона, сдѣлалось ихъ общимъ родовымъ именемъ. Другому сыну Девкаліона, Амфиктіону, они приписывали соединеніе всѣхъ Эллинскихъ племенъ въ одинъ священный союзъ. Отъ трехъ сыновей Эллиновыхъ *Дора*, *Эола* и *Ксута*, именно отъ двухъ первыхъ, произошли Доріійцы и Эоліійцы. Ксутъ хотя самъ и не передалъ потомству своего имени, но его три сына, *Ахей*, *Іонъ* и *Этолъ*, были родоначальниками трехъ племенъ: Ахейцевъ, Іоніійцевъ и Этоліійцевъ. Когда имя Эллиновъ сдѣлалось господствующимъ, этого опредѣлить нельзя. Оно извѣстно было уже Гомеру, но онъ называетъ имъ не весь Ахейскій народъ, а только одно Ѳессаліійское племя, которымъ предводительствовалъ герой Иліады, Ахиллъ. Какъ въ преданіяхъ о

происхожденіи различныхъ племенъ, Ахейцы старались все относить къ одному лицу, такъ поступали они и въ преданіяхъ о вліяніи на нихъ другихъ образованныхъ народовъ. Такъ *Кекропсъ* и *Данай* были первыми основателями Египетскихъ колоній въ Грецію. Первый прибылъ въ Аттику, послѣдній въ Арголиду. Такъ *Кадмъ* привелъ Финикійскую колонію въ Ѳивы, а *Пелопсъ* изъ Мизіи на полуостровъ, въ послѣдствіи названный его именемъ. По крайней мѣрѣ преданія объ этихъ колоніяхъ вѣрны въ томъ, что Ахейцы, подъ вліяніемъ образованныхъ иностранцевъ, начали развивать свои умственныя силы и изъ состоянія дикихъ варваровъ переходить къ жизни болѣе образованной.

Ахейцы основали на твердой землѣ и на островахъ, ими занятыхъ, небольшія аристократическія государства. Главы племенъ, подъ именемъ царей (βασιλῆες), были главами этихъ государствъ. Но еще правильнаго гражданскаго устройства не существовало. Ахейцы долго еще вели разбойническую жизнь, пока наконецъ одно государство не пріобрѣло перевѣса надъ другими, какъ на островахъ, такъ равно и на твердой землѣ, и не образовались правильныя между ними отношенія.

Ѳукидидъ описываетъ состояніе Ахейцевъ на первой ступени гражданственности слѣдующимъ образомъ: «Когда корабли начали чаще появляться на моряхъ, древніе Эллины, равно какъ и варвары, обитавшіе на твердой землѣ близъ моря и всѣ островитяне обратились къ разбоямъ. Разумѣется, сильнѣйшіе, какъ для своихъ собственныхъ выгодъ, такъ и для подкрѣпленія слабѣйшихъ, всегда въ подобныхъ предпріятіяхъ были предводителями. Они нападали на города неукрѣпленные и построенные подобно селеніямъ, грабили все и по большей части такимъ образомъ доставали себѣ жизненныя потребности. Такія дѣла не только не считались безчестными, но даже пріобрѣтали имъ славу. Это подтверждаютъ древніе поэты.

Первый вопросъ, какой предлагаютъ у нихъ мореходцамъ, есть: не морскіе ли разбойники? Тѣ, къ которымъ обращались съ подобнымъ вопросомъ, ни мало не считали своего ремесла постыднымъ; равно и спрашивавшіе вовсе не думали своимъ вопросомъ упрекать ихъ. Точно такіе же разбои происходили и на сушѣ.»*) Это состояніе совершенно сходно съ состояніемъ Скандинавовъ въ началѣ гражданскаго образованія; вождями Скандинавовъ на морѣ, подобно вождямъ, описываемымъ Ѳукидидомъ, были мужи, отличные породою и храбростью. Они назывались морскими королями. Собравъ храбрую дружину, они разъѣзжали по всѣмъ морямъ и опустошали всѣ берега. Скандинавы, такъ же какъ и Ахейцы, не считали своихъ разбоевъ дѣломъ постыднымъ.

Первое могущественное государство возникло на островахъ, и именно на одномъ изъ большихъ острововъ, на Критѣ, котораго обладатель, Миносъ, могущественнѣйшій изъ морскихъ вождей, сдѣлался повелителемъ всего Архипелага. Своею громкою славою онъ особенно обязанъ тому обстоятельству, что Доріицы, въ послѣдствіи овладѣвъ Критомъ, причислили его къ своимъ героямъ и приписали ему изданіе туземныхъ Критскихъ законовъ. Всѣ свѣдѣнія наши о Миносѣ и его морскомъ царствѣ ограничиваются только

*) Ѳукидидъ кн. 1. гл. 5: *Οἱ γὰρ Ἕλληνες τοπάλαι, καὶ τῶν βαρβάρων οἵ τε ἐν τῷ ἠπείρῳ παραθαλάσσιοι, καὶ ὅσοι νήσους εἶχον, ἐπειδὴ ἤρξαντο μᾶλλον περαιοῦσθαι ναυσὶν ἐπ᾽ ἀλλήλους, ἐτράποντο πρὸς λῃστείαν, ἡγουμένων ἀνδρῶν οὐ τῶν ἀδυνατωτάτων, κέρδους τοῦ σφετέρου αὐτῶν ἕνεκα καὶ τοῖς ἀσθενέσι τροφῆς· καὶ προσπίπτοντες πόλεσιν ἀτειχίστοις καὶ κατὰ κώμας οἰκουμέναις ἥρπαζον καὶ τὸν πλεῖστον τοῦ βίου ἐντεῦθεν ἐποιοῦντο· οὐκ ἔχοντός πω αἰσχύνην τούτου τοῦ ἔργου, φέροντος δέ τι καὶ δόξης μᾶλλον· δηλοῦσι δὲ οἱ παλαιοὶ τῶν ποιητῶν, τὰς πύστεις τῶν καταπλεόντων πανταχοῦ ὁμοίως ἐρωτῶντες, εἰ λῃσταί εἰσιν· ὡς οὔτε ὧν πυνθάνονται ἀπαξιούντων τὸ ἔργον, οἷς τ᾽ ἐπιμελὲς εἴη εἰδέναι, οὐκ ὀνειδιζόντων. ἐληΐζοντο δὲ καὶ κατ᾽ ἤπειρον ἀλλήλους.* Срав. Hom. Od. lib. III. 71.

тѣмъ, что всѣ острова Архипелага, съ котораго онъ изгналъ Карійцевъ, обязаны ему введеніемъ греческихъ нравовъ и обычаевъ, уничтоженіемъ морскихъ разбоевъ и обезпеченіемъ свободнаго мореплаванія, что было существеннымъ основаніемъ торговли и началомъ образованнѣйшей жизни *).

Преданія о состояніи Ахейцевъ на твердой землѣ показываютъ, что въ первый разъ во время Троянской войны тамъ является царь, имѣющій перевѣсъ надъ всѣми прочими. Всѣ прежнія ихъ предпріятія, какъ напр. походъ Аргонавтовъ, походъ Семи противъ Ѳивъ, походъ Эпигоновъ, были слѣдствіемъ произвольныхъ союзовъ нѣкоторыхъ владѣтелей. Напротивъ того, передъ началомъ Троянской войны мы видимъ царство Микены, которое силою и личными достоинствами своего царя Агамемнона достигло первенства надъ всѣми Ахейскими государствами: онъ соединилъ всѣхъ Грековъ для похода противъ Трои. Сія война, продолжавшаяся отъ 1194 до 1184, весьма важна для Греческой Исторіи, потому что въ

*) Ѳукидидъ 1. гл. 4. *Μίνως γὰρ παλαίτατος, ὧν ἀκοῇ ἴσμεν, ναυτικὸν ἐκτήσατο καὶ τῆς νῦν Ἑλληνικῆς θαλάσσης ἐπιπλεῖστον ἐκράτησε. καὶ τῶν Κυκλάδων νήσων ἦρξέ τε, καὶ οἰκιστὴς πρῶτος τῶν πλείστων ἐγένετο, Κᾶρας ἐξελάσας, καὶ τοὺς ἑαυτοῦ παῖδας ἡγεμόνας ἐγκαταστήσας. Τὸ δὲ ληστικὸν, ὡς εἰκὸς, καθῄρει ἐκ τῆς θαλάσσης, ἐφόσον ἠδύνατο, τοῦ τὰς προσόδους μᾶλλον ἰέναι αὐτῷ.* (т. е. Минось, древнѣйшій изъ всѣхъ, извѣстныхъ намъ по преданію, пріобрѣлъ морскую силу и властвовалъ надъ большею частію Эллинскаго Моря. Онъ господствовалъ надъ Цикладскими островами и первый заселилъ большую часть изъ нихъ, изгнавъ Карійцевъ и поставивъ своихъ сыновей правителями. Естественно, что онъ уничтожалъ морскихъ разбойниковъ, сколько могъ, чтобы имѣть тѣмъ болѣе доходовъ).

ней участвовали всѣ Греческія племена и, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, соединенными силами стремились къ одной цѣли. Слѣдствіемъ этого было возрожденіе одного общаго всѣмъ, народнаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, со времени Троянской войны Греки всегда смотрѣли на себя какъ на *одинъ* народъ. Правда, частныя происшествія сей войны относятся собственно къ области поэзіи; но изъ поэтическихъ изображеній этой борьбы, которыя поражаютъ насъ въ пѣсняхъ Гомера, можно составить довольно вѣрное понятіе о эпохѣ греческаго героисма *).

Въ твореніи Гомера исчезла уже грубость древнѣйшихъ преданій, исчезли чудовища и исполины, съ которыми должны были бороться ихъ баснословные герои. Въ немъ повсюду видимъ жизнь полную силъ и свѣжести, и стремящуюся къ высшему образованію; въ немъ уже видны отпрыски тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи возрасли роскошные плоды греческаго образованія. Что касается до гражданскаго устройства Грековъ, то первое мѣсто занималъ царь и послѣ него воинственное дворянство, сражавшееся обыкновенно на колесницахъ; онъ предводительствовалъ народомъ, который былъ худо вооруженъ и сражался пѣшій. Впрочемъ не было строгаго раздѣленія, подобно кастамъ; но, въ дѣлахъ общественныхъ, послѣ дворянства имѣлъ голосъ и народъ; тогда собирались на общій совѣтъ, которымъ рѣшали и миръ и войну. Въ подобномъ собраніи и Ѳерситъ осмѣлился поносить безчестными словами верховнаго царя Агамемнона. Также и жрецы не составляли здѣсь высшаго іерархическаго сословія, какъ напр. въ Индіи, Египтѣ и др.; они имѣли вліяніе на дѣла только какъ провозвѣстники и, по извѣстнымъ зна-

*) Описаніе Троянской войны смотри у Ѳукидида кн. 1. гл. 9 — 12. Geschichte des Trojanischen Krieges, von Johann Uschold. Штутгартъ и Тюбингенъ 1837.

меніямъ, истолкователи воли боговъ; но это вліяніе не было исключительно въ ихъ власти; потому что герои сами находились въ непосредственномъ сношеніи съ богами, и цари совершали жертвоприношенія. Въ своихъ богахъ Греки олицетворяли нравственныя идеи, и притомъ всегда въ двоякомъ образѣ, въ мужескомъ и женскомъ. Такъ Ахейцы обожали Зевса и Геру, Іонійцы Посейдона и Аѳину, Дорійцы—Аполлона и Артемиду; другія племена имѣли иныхъ боговъ, которые въ послѣдствіи всѣ были общими богами Греческаго народа *). По ихъ понятіямъ, боги имѣютъ такое же сложеніе, какъ и всѣ люди; только безсмертіе дѣлаетъ ихъ возвышеннѣе и прекраснѣе. Они подвержены также человѣческимъ слабостямъ; самъ Зевсъ проливалъ слезы, когда неумолимая судьба похитила его собственнаго сына. (Ил. XVI, 431. сл.) Что касается до образованія Грековъ, временъ героическихъ, то они уже знали музыку, любили ее, равно какъ и разсказы о подвигахъ героевъ, служившіе украшеніемъ ихъ пиршествъ (*τὰ γὰρ ἀναθήματα δαιτός*); потому пиры ихъ не носили характера грубыхъ чувственныхъ удовольствій; на нихъ кипѣло разгульное веселье, умѣряемое впрочемъ умственными наслажденіями. У нихъ былъ вкусъ и къ изящнымъ искусствамъ: оружіе и сосуды, принадлежавшіе знатнымъ, отличались искусною обработкой; уже тогда проявлялся вкусъ къ изящнымъ формамъ. Жизнь представлялась имъ съ самой веселой стороны, и потому смерть, исторгающая человѣка изъ круга радостей, казалась для нихъ ужасною; они имѣли свои Элисейскія Поля — не тотъ Элизій, который сотворило воображеніе позднѣйшихъ Грековъ, но уединенный островъ среди океана, доступный только для того, ко-

*) Такъ какъ сіи божества, почитаемыя у отдѣльныхъ племенъ, сдѣлались общими только со времени Троянской войны и отчасти этимъ обязаны пѣснямъ Гомера, то Геродотъ правъ, когда говоритъ кн. II, гл. 53: οὗτοι (Гомеръ и Гезіодъ) *δέ εἰσιν οἱ ποιήσαντες θεογονίην Ἕλλησι καὶ τοῖσι θεοῖσι τὰς ἐπωνυμίας δόντες, καὶ τιμάς τε καὶ τέχνας διελόντες καὶ εἴδεα αὐτῶν σημήναντες*; (т. е. Гомеръ и Гезіодъ составили для Грековъ родословіе боговъ, дали богамъ ихъ имена, раздѣлили между ними почести и искусства и опредѣлили ихъ наружный видъ).

го избиралъ Зевсъ по особенному своему благоволенію. Другихъ же ожидала мрачная обитель Аида, гдѣ тѣни ихъ блуждали печальныя и безутѣшныя. При такомъ понятіи о состояніи душъ послѣ смерти, легко объяснить, почему Ахиллъ желалъ лучше быть рабомъ подъ золотыми лучами солнца, нежели царемъ подземнаго міра.

Пѣсни Гомера, изъ которыхъ мы заимствовали эти черты, кто бы ни былъ ихъ авторомъ, суть произведенія героическаго времени Греческаго народа. Позднѣйшіе Греки видѣли въ нихъ картину юной, первобытной и полной силъ своей народности; они считали ихъ святынею; съ нихъ они начинали свое образованіе и воспитаніе. Можно сказать утвердительно, что Гомеровы пѣснопѣнія дошли до насъ въ своей первоначальной формѣ, потому что древніе, благоговѣя передъ отцемъ поэзіи, считали за святотатство искажать его творенія. И такъ ихъ древность и вліяніе на греческое образованіе неоспоримы. Всѣ Гомеровы герои суть живые портреты греческихъ характеровъ: пылкій и благородный Ахиллъ и другъ его Патроклъ, хитрый Улиссъ, величественный Агамемнонъ, краснорѣчивый Несторъ, демагогъ Ѳерситъ и многіе другіе, — всѣ они схвачены съ природы; во всѣхъ поступкахъ ихъ и чувствованіяхъ отражается образъ мышленія и дѣйствованія Грековъ. Теперь ясно, почему эти стихотворенія имѣли такое вліяніе на Грековъ: въ нихъ искали они примѣровъ, въ нихъ искали выраженія всѣхъ чувствованій греческаго сердца, и искали не напрасно.

Кромѣ пѣсней Гомера, у Грековъ было много другихъ сочиненій, которыхъ авторы, по преданію жи-

ли или до Гомера, или были ему современны. Съ самой глубокой древности насчитываютъ до семидесяти писателей отъ Лина, Музея и Орфея до Сивиллинскихъ оракуловъ. Но эти творенія по большей части потеряны, а немногія, дошедшія до насъ, безъ всякаго сомнѣнія, суть произведенія временъ позднѣйшихъ: такъ напр. стихотвореніе о походѣ Аргонавтовъ, приписываемое Орфею, было написано во время Александра Великаго.

Походъ Ахейцевъ противъ Трои и взятіе сего города послѣ десятилѣтней осады есть событіе само по себѣ историческое, и послѣдствія, отсюда происшедшія, также извѣстны *). По окончаніи долговременной осады и еще должайшаго блужданья по морямъ, Ахейскіе князья, возвратившись домой, нашли все совершенно въ другомъ видѣ. Союзъ между Ахейскими государствами въ Пелопоннезѣ, составленный и поддерживаемый

*) Θукид. кн. I. гл. 12. Ἐπεὶ καὶ μετὰ τὰ Τρωϊκὰ ἡ Ἑλλὰς ἔτι μετανίστατό τε καὶ μετῳκίζετο, ὥστε μὴ ἡσυχάσασα αὐξηθῆναι. ἥ τε γὰρ ἀναχώρησις τῶν Ἑλλήνων ἐξ Ἰλίου χρονία γενομένη πολλὰ ἐνεόχμωσε, καὶ στάσεις ἐν ταῖς πόλεσιν ὡς ἐπιπολὺ ἐγίγνοντο, ἀφ᾽ ὧν ἐκπίπτοντες τὰς πόλεις ἔκτιζον. Δωριεῖς τε γὰρ ὀγδοηκοστῷ ἔτει ξὺν Ἡρακλείδαις Πελοπόννησον ἔσχον. μόγις τε ἐν πολλῷ χρόνῳ ἡσυχάσασα ἡ Ἑλλὰς βεβαίως, καὶ οὐκέτι ἀνισταμένη ἀποικίας ἐξέπεμψε· καὶ Ἴωνας μὲν Ἀθηναῖοι καὶ νησιωτῶν τοὺς πολλοὺς ᾤκισαν, Ἰταλίας δὲ καὶ Σικελίας τὸ πλεῖστον Πελοποννήσιοι, τῆς τε ἄλλης Ἑλλάδος ἔστιν ἃ χωρία. (т. е. И послѣ Троянской войны въ Греціи продолжались еще переселенія племенъ, такъ что она не наслаждаясь спокойствіемъ, не могла возвыситься. Ибо возвращеніе Грековъ изъ подъ Трои, требовавшее много времени, произвело много переворотовъ, и въ городахъ образовались партіи, и изгнанные ими заводили колоніи. Именно Дорійцы съ Ираклидами овладѣли Пелопоннезомъ въ восмидесятомъ году. И теперь Греція, послѣ долгаговремени едва достигшая прочнаго спокойствія и болѣе не волнуемая переселеніями, стала высылать колонистовъ, и Аѳиняне заселили Іонію и большую часть острововъ, а Пелопоннезцы большую часть Италіи и Сициліи и нѣкоторыя части прочей Греціи).

силою Агамемнона, распался послѣ его смерти. Произошли внутреннiе безпорядки, которыхъ важнымъ слѣдствiемъ было покоренiе Пелопоннеза Дорiйцами. Одинъ Ахейскiй княжескiй домъ, производившiй родъ свой отъ Иракла *), былъ вытѣсненъ изъ Пелопоннеза фамилiею Пелопса и удалился къ Дорiйцамъ. Спачала всѣ ихъ попытки, возвратиться въ отечество, были напрасны; наконецъ это удалось праправнукамъ Иракла, Темену, Кресфонту и Аристодему. Въ то время, когда, въ слѣдствiе Троянской войны происшедшiе безпорядки ослабили могущество Ахейскихъ князей, они явились, предводительствуя дикими и воинственными сѣверными племенами, и завоевали свои наслѣдственныя земли. Именно спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны, въ 1104 году, Дорiйцы спустились съ своихъ горъ прямо въ Локриду и, переправившись при Навпактѣ черезъ проливъ, вторгнулись въ Пелопоннезъ. Элида была пощажена, потому что прежде заключила съ ними союзъ; Аркадiю защитили ея горы, въ которыя непрiятелю опасно было углуб-

*) Ираклиды, вскорѣ по занятiи Пелопонеза, объявили о своемъ происхожденiи родословною, которая безъ всякаго измѣненiя дошла и до насъ. Они сдѣлали это, чтобы показать свои права на завоеванныя области.

Родословная ихъ есть слѣдующая:

Ираклъ.
|
Гиллъ.
|
Клеодей.
|
Аристомахъ.

Теменъ. Кресфонтъ, Аристодемъ.

ляться; напротивъ, Мессенія, Лаконія и Арголида, равно какъ и всѣ острова, лежащіе близъ Пелопоннеза, какъ напр. Эгина, были покорены Доріійцами. Ахейцы удержали за собою въ Пелопоннезѣ только одну небольшую область, которая, по ихъ имени, называлась Ахаіею. Всѣ прочіе, если не покорялись, оставляли полуостровъ.

Слѣдствіемъ переворота, произведеннаго въ Греціи возвращеніемъ Ираклидовъ, было начало основанія колоній, которыя мало по малу распространились почти по всѣмъ берегамъ и островамъ Средиземнаго Моря; и прежде, нежели приступимъ къ исторіи Доріійскаго племени, овладѣвшаго Пелопоннезомъ и явившагося въ развитіи своемъ совершенно противоположнымъ Іоніійскому, мы должны обратить вниманіе на основаніе греческихъ колоній *). Уже одно распространеніе по такому огромному пространству дѣлаетъ Греческій народъ достояніемъ Всемірной Исторіи. Повсюду, гдѣ только поселялись, они развивали свои врожденныя способности, и плоды сего развитія были обильны и роскошны. Отличительный характеръ колоній есть тотъ, что здѣсь народный духъ развивался быстрѣе, нежели въ метрополіяхъ, потому что колонисты, вступая въ страну, въ которой намѣревались поселиться, не были связаны ни какими постоянными отношеніями и могли, не вредя никому, во всей строгости слѣдовать теоретическимъ началамъ въ учрежденіяхъ, ка-

*) Hegewisch geographische und historische Nachrichten, die Colonien der Griechen betreffend. Altona, 1808. Histoire des colonies Grecques, par M. Raoul-Rochette. Paris, 1823. III Voll. in 8°.

сательно жизни общественной и образа правленія; имѣли полную свободу ввести у себя такое устройство, какое имъ нравилось. Потому-то колоніи, на пути образованія, всегда были впереди своихъ метрополій. По всѣмъ обстоятельствамъ, Греки на чужихъ берегахъ должны были составлять общины, и такимъ образомъ образовалось столько государствъ, сколько было городовъ съ принадлежащими къ нимъ владѣніями. Почти во всѣхъ этихъ государствахъ, при самомъ ихъ основаніи, введенъ былъ республиканскій образъ правленія, во всѣхъ его разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Вообще можно принять за истину, что образъ правленія государствъ Ахейско-Іонійскихъ приближался къ демократіи; напротивъ, всѣ Дорійскія держались аристократіи; далѣе, что во всѣхъ торговыхъ городахъ имѣла перевѣсъ демократія; напротивъ, тамъ, гдѣ благосостояніе жителей зависѣло болѣе отъ земледѣлія, нежели отъ торговли, богатѣйшіе владѣльцы помѣстій составляли господствующее сословіе—аристократію. Но, во время борьбы партій и гражданскихъ безпорядковъ, легко могла явиться тираннія, особенно въ государствахъ демократическихъ: тиранніей у Грековъ назывался перевѣсъ власти одного, который, силою или хитростію, или искусно воспользовавшись обстоятельствами, дѣлался самовластнымъ главою государства.

Древнѣйшія колоніи основаны на берегахъ *Малой Азіи*, которые были имъ извѣстны со времени Троянской войны и даже нѣкоторымъ образомъ составляли ихъ владѣнія. Здѣсь, отъ устій

рѣки Граника до устій Герма, поселились Ахейцы и Эолійцы. Двѣнадцать городовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ахейско-Эолійскаго Союза, были слѣдующіе: Кумы, Неонтейхосъ, Темносъ, Килла, Нотіонъ, Айгироесса, Питане, Эгея, Мирина, Гринея, Лариссы и Смирна *). Сверхъ того Эолійцы завладѣли островомъ Лесбосомъ, гдѣ основали пять городовъ, изъ которыхъ самый замѣчательный Митилена, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи средоточіемъ Эолійскаго образованія. Іонійцы, вытѣсненные Дорійцами изъ Пелопоннеза, сначала удалились въ Аттику; но и отсюда они вышли въ 1044 г. и переправились на берега Малой Азіи. Тамъ они утвердились на югъ отъ Эолійцевъ, заняли всѣ берега отъ устьевъ Герма до мыса Посейдіона и нѣкоторые острова, и подъ именемъ Іонійскаго Союза основали слѣдующіе двѣнадцать городовъ: Эфесъ, Милетъ, Міунтъ, Лебедъ, Колофонъ, Теосъ, Эритры, Фокею, Клазомены, Пріене, Самосъ и Хіосъ. Паніоніонъ, храмъ Посейдона, на мысѣ Микале, былъ мѣстомъ собранія, средоточіемъ ихъ союза и религіи. Здѣсь они торжествовали свои общественныя праздества и на общемъ совѣтѣ разсуждали о дѣлахъ союза, хотя каждый городъ въ отдѣльности управлялся совершенно независимо отъ другихъ. И Дорійцы имѣли свои колоніи въ Малой Азіи; именно по берегамъ Каріи и на островахъ Косѣ и Родосѣ они основали шесть городовъ: Галикарнассъ, Линдъ, Ялиссъ, Камейросъ, Косъ и Книдъ.

*) Геродота кн. 1. гл. 149. Въ послѣдствіи Іонійцы отняли Смирну у Эолійцевъ и сами поселились въ ней. — Тамъ-же глав. 150.

Эти города составляли также союзъ, и мѣстомъ конгреса ихъ былъ храмъ Тріопскаго Аполлона. Неизвѣстно, встрѣчали ли Греки сопротивленіе при заселеніи этого берега: Исторія сохранила намъ извѣстіе только объ основаніи Милета. Колонисты, заложившіе этотъ городъ, истребили Карійцевъ, которымъ принадлежало мѣсто, женились на ихъ дочеряхъ и женахъ и сдѣлались господами всѣхъ ихъ владѣній. Обширная торговля скоро обогатила Мало-Азійскихъ колонистовъ, а богатства сдѣлали ихъ могущественными. Не смотря на то, они не сохранили своей независимости: сперва покорили ихъ цари Лидійскіе, а когда Лидія пала — Персы.

Изъ островитянъ прежде всѣхъ сдѣлались знамениты по торговлѣ и пріобрѣли владычество на морѣ, между Іонійцами — *Самосцы*, а между Дорійцами — *Эгинитяне*. Какъ велики силы Самоса, можно видѣть изъ того, что тиранъ Поликратъ (540—523), соединившій ихъ подъ своею властію, кромѣ тысячи тѣлохранителей, содержалъ постоянное наемное войско и флотъ изо ста военныхъ кораблей. Владѣя такими средствами, онъ безъ труда покорилъ всѣ сосѣдніе острова. Но когда, по умерщвленіи Поликрата, братъ его Силозонъ, въ 517, при помощи Персовъ, снова утвердилъ тиранію, Самосъ потерпѣлъ жестокое опустошеніе. Въ послѣдствіи онъ былъ въ зависимости отъ Аѳинъ. Эгинитяне достигли цвѣтущаго состоянія, производя торговлю предметами жизненныхъ потребностей, которые вывозили изъ плодоноснаго Пелопонеза и продавали на островахъ, съ избыткомъ населенныхъ. Между ними и Самосцами была безпрерывная война за владычество надъ Эгейскимъ Моремъ, и счастіе попеременно склонялось то на ту, то на другую сторону. Наконецъ, когда Самосцы потерпѣли жестокое опустошеніе отъ Силозона, перевѣсъ Эгинитянъ былъ рѣшительный. Потому Аѳиняне, усилив-

шись на морѣ, прежде всего вознамѣрились ослабить этихъ опасныхъ непріятелей; но достигли своей цѣли только по совершенномъ истребленіи или изгнаніи Эгинитянъ. Если вѣрить извѣстіямъ древнихъ о населенности сего острова, должно представить его въ видѣ одного, необозримаго города.

Этому-то цвѣтущему времени мы обязаны такъ называемыми Эгинитскими произведеніями искусства, которыя служатъ самымъ яснымъ доказательствомъ того, что колоніи и острова приготовили блестящій періодъ Аѳинъ, не одною только своею поэзіею, но и пластическими произведеніями. Туловища воиновъ, которыхъ Эгинитскіе художники брали предметами своего рѣзца, изображаемы были со всею красотою и вѣрностью, и даже съ сохраненіемъ всѣхъ анатомическихъ подробностей. Положенія ихъ были свободны и непринужденны; тѣмъ удивительнѣе, что на головы изображеній они не обращали ни какого вниманія: въ чертахъ лица каждой статуи видна какая-то холодность, безжизненность, и выражалось совершенное отсутствіе души и мысли *).

Изъ Іонійскихъ городовъ на материкѣ, *Милетъ* первый достигъ богатства, силы и блеска. Милетскіе корабли стояли во всѣхъ гаваняхъ. Милетскіе купцы проникали даже въ глубину Азіи; повсюду у нихъ были факторіи, которыя въ послѣдствіи превратились въ богатые города. Потому-то Милетъ съ гордостію именовался метрополіею осьмидесяти колоній. Между этими колоніями были по берегамъ Чернаго Моря: Синопе, Гераклея, Трапезунтъ и друг.; въ Колхидѣ — Діоскуріи; въ нынѣшней южной Россіи — Олвія и Одессъ; въ Таврическомъ Херсонесѣ — Пантикапея; въ Египтѣ—Навкратисъ; на Тигрѣ—Ампе; на Эвфратѣ — Клавдіи. Милетъ велъ продолжительную войну съ царями; въ послѣдствіи съ Аліаттомъ и его наслѣдникомъ Крезомъ находился въ союзѣ. Персамъ Милетъ покорился добровольно. Фокея также производила обширную торговлю, особенно въ западныхъ странахъ Европы, въ Италіи, Галліи и Испаніи. Когда

*) Wagner über die Aeginetischen Bildwerke. Штутгартъ 1817, 8°.

Персы напали на ихъ города, большая часть Фокейцевъ оставила отечество и сперва переправилась въ Корсику, гдѣ еще прежде была основана ими факторія Алалія. Карѳагеняне, опасаясь сосѣдства такихъ соперниковъ, принудили ихъ оттуда выйти. Они пошли далѣе и сперва поселились на берегу Италіи въ Элеѣ, потомъ удалились и оттуда въ *Массилію*—факторію, основанную ими въ Галліи, при устьяхъ Родана, за сто лѣтъ до изгнанія изъ Малой Азіи. Здѣсь они утвердились. Мало по малу всѣ южные берега Галліи были ими покорены; ихъ колоніи появились на берегахъ Испаніи, и такимъ образомъ Фокейцы достигли самаго цвѣтущаго состоянія, которое продолжалось до паденія Римской Республики. Аристотель хвалитъ образъ правленія Массилійцевъ. Верховная власть въ Массиліи была въ рукахъ совѣта, состоявшаго изъ 600 мужей, которые назывались *τιμοῦχοι*. Однажды избранный въ этотъ совѣтъ, оставался въ немъ до конца своей жизни. Изъ числа сихъ членовъ избирались десять человѣкъ, которые составляли малый совѣтъ, и троимъ имъ изъ нихъ поочередно вручаема была исполнительная власть.

О прочихъ Мало-Азійскихъ колоніяхъ вообще можно замѣтить, что въ нихъ господствовала повсюду такая же жизнь и дѣятельность, и всѣ онѣ находились въ цвѣтущемъ состояніи. Правленіе въ Іонійскихъ городахъ было демократическое, нерѣдко смѣнявшееся тиранніею. Дорійскія колоніи сначала считали закономъ имѣть у себя правленіе аристократическое, но оно смѣнялось демократіею, какъ скоро городъ дѣлался торговымъ. Только *Критъ* составляетъ изъ этого исключеніе. Мы возвратимся къ нему при изложеніи Ликургова законодательства.

Изъ Греческихъ колоній въ Африкѣ особенно замѣчательна Кирене. По преданію, основаніе сего города находится въ связи съ переселеніемъ Дорійцевъ въ Пелопоннезъ. Ѳеръ, дядя и опекунъ первыхъ двухъ Спартанскихъ царей изъ Дорійскаго племени, принужденный сдать прав-

леніе своимъ питомцамъ, когда они достигли совершеннолѣтія, удалился на островъ Каллисту и основалъ тамъ колонію, которая, по его имени, названа была Өерою. По прошествіи нѣкотораго времени, народонаселеніе этого острова такъ усилилось, что недоставало произведеній его для продовольствія жителей. Въ подобныхъ случаяхъ необходимымъ дѣломъ было переселеніе, и Дельфійскій оракулъ указалъ Өерянамъ на берегъ Африки, какъ на самое выгодное мѣсто для основанія колоніи. Первое выбранное колонистами мѣсто было очень невыгодно; но потомъ, ознакомившись лучше со страною, они нашли другое, гораздо удобнѣйшее, богатое естественными произведеніями и весьма плодородное, и на немъ заложили городъ Кирене въ 631 году *).

Сначала образъ правленія былъ здѣсь монархическій. *Баттъ*, предводитель колонистовъ и основатель колоніи, былъ первымъ ея царемъ (631 — 591). Ему наслѣдовалъ сынъ его *Аркезилай* (591—575). Въ его царствованіе Кирене уже достигла извѣстной степени благосостоянія. Но могущественною и опасною для туземцевъ она сдѣлалась въ правленіе третьяго своего царя *Батта II Счастливаго* (575 — 554). Ливійцы, стѣсненные колонистами, просили помощи у Египетскаго царя, Апрія. Но Киренейцамъ не страшны были и Египтяне. Въ 570 году, при источникѣ Өестѣ, Апрій потерпѣлъ отъ нихъ жестокое пораженіе, которое было причиною паденія его династіи. Эта побѣда положила основаніе могуществу Киренейцевъ; они завладѣли всѣмъ берегомъ Ливіи и, распространяя свои владѣнія на западѣ, дошли до областей Карөагенскихъ; впрочемъ споръ о границахъ, происшед-

*) Геродотъ кн. IV. гл. 145—168 и 200—205. Res Cyrenensium. auct. *Dr. F. Thrige. Hafniae* 1828. 8.

шій между сими торговыми государствами, былъ конченъ мирно, и для избѣжанія его, на будущія времена они поставили на границахъ, такъ называемые жертвенники Филеновъ.

Но распространеніе могущества Киренейцевъ было замедленно внутренними безпорядками, которые возникли въ самой царской фамиліи. *Аркезилай* II (554—550) поссорился съ своими братьями; они, собравъ вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ, оставили отечество и основали городъ Барку. Аркезилай былъ умерщвленъ братомъ своимъ Леархомъ, но и этотъ, послѣ кратковременнаго правленія, былъ сверженъ съ престола своею тещею Эриксо, и на престолъ вступилъ *Баттъ III Хромой* (550—526). Слѣдствіемъ сихъ безпорядковъ было то, что Киренейцы почувствовали нужду въ лучшемъ политическомъ устройствѣ. Для этого они призвали изъ Мантинеи Демонакса, и онъ преобразовалъ ихъ правленіе. Царю онъ оставилъ только достоинство жреца и доходы съ государственныхъ имуществъ; но верховную власть вручилъ совѣту, избиравшемуся изъ среды народа. Это устройство скоро было нарушено. Сынъ и наслѣдникъ Батта, *Аркезилай III* (526—520), по совѣту матери своей Феретимы, старался ниспровергнуть Демонаксову конституцію; за что оба были изгнаны; но вскорѣ опять силою принудили Киренейцевъ къ повиновенію и начали править съ такимъ самовластіемъ и жестокостью, что снова вооружили противу себя подданныхъ. Мятежники умертвили Аркезилая, а Феретима въ другой разъ принуждена была бѣжать изъ города. Помышляя только о мщеніи, престарѣлая царица удалилась въ Египетъ, незадолго предъ тѣмъ покоренный Персами и убѣдила тамошняго сатрапа Аріанда напасть на Киренею. Персы выступили въ походъ, взяли и разрушили Барку, но города Кирене взять не могли потому что граждане защищали его весьма мужественно. И такъ ничего не сдѣлавши, принуждены были воротиться. Освободившись отъ этой опасности, Киренейцы ввели у себя республиканскій образъ правленія. Какой именно, намъ неизвѣстно. Въ Киренеѣ, какъ случается почти во всѣхъ республиканскихъ торговыхъ государствахъ, скоро открылась большая не-

соразмѣрность въ имуществахъ; граждане обратились съ просьбою къ философу Платону, чтобы онъ привелъ въ порядокъ ихъ дѣла и новыми постановленіями оградилъ ихъ отъ этого. Но славный философъ благоразумно отказался отъ сего порученія. Не извѣстно, какимъ образомъ Кирене вышла изъ этого затруднительнаго положенія. Исторія не рѣшаетъ этого вопроса, и даже совершенно умалчиваетъ объ этомъ государствѣ. Снова Кирене является въ Исторіи въ эпоху распаденія Александровой Монархіи, когда она вошла въ составъ царства Птоломея.

Берега Сициліи были заняты съ самыхъ древнихъ временъ греческими колоніями, послѣ того какъ Аѳинянинъ Ѳуклъ, занесенный сюда бурею, посѣтилъ этотъ островъ. Благопріятное его положеніе, плодородіе почвы и невѣжество жителей подали ему мысль основать здѣсь греческое поселеніе. Колонисты, заселившіе въ послѣдствіи Сицилію, были и Іонійскаго и Дорійскаго происхожденія: потому соперничество, возникшее между Іонійцами и Дорійцами въ метрополіи, тотчасъ отразилось и въ Сициліи.

Ѳуклъ, въ 736 году, построилъ городъ *Наксъ*, на восточномъ берегу Сициліи. Большая часть колонистовъ, поселившихся здѣсь, были изъ города Халкиды на островѣ Эвбеѣ; потому всѣ Іонійскія колоніи, основанныя въ Сициліи, назывались также Халкидскими. Наксійцы сами основали двѣ колоніи *Катану* и *Леонтины*. Къ нимъ въ послѣдствіи присоединились въ Сициліи: *Мессина*, *Милы*, *Гимера*, *Каллиполь*, а въ Италіи *Регіумъ*, и законодателемъ всѣхъ сихъ городовъ былъ Катанецъ Харондъ. *) Древнѣйшія изъ

*) Введеніе въ законы Харонда сообщаетъ намъ *Stobæus*. Serm. XLII. Самые законы намъ неизвѣстны, кромѣ немногихъ извѣстій, находящихся въ 12-й кн. Исторіи Діодора Сицилійскаго. Аристотель (Polit. lib. II. cap. 10) говоритъ, что въ законодательствѣ Харонда не было ничего новаго и отличнаго.

Дорійскихъ колоній въ Сициліи *Сиракузы*, основанныя Коринѳяниномъ Архіемъ въ 735 году. Онѣ были построены сперва на одномъ островкѣ Ортигіи, потомъ заняли большое пространство и на материкѣ и скоро сдѣлались такъ могущественны, что въ однихъ стѣнахъ ихъ заключалось почти столько же жителей, сколько теперь находится ихъ на всемъ островѣ. Въ 690 году жители Родоса и Крита основали городъ *Гелу*, который вскорѣ такъ усилился, что въ 582 году самъ основалъ городъ *Агригентъ;* и этотъ городъ скоро сдѣлался могущественнѣе своей митрополіи. Послѣднею колоніею на югозападномъ берегу Сициліи былъ Селинунтъ, основанный въ 625 году Дорійцами.

Такимъ образомъ всѣ берега Сициліи были покрыты богатыми греческими городами; только на западномъ нѣкоторыя мѣста были заняты Финикійскими колоніями, зависѣвшими отъ Карѳагена. Вскорѣ интересы двухъ торговыхъ націй пришли въ противорѣчіе, и оттого необходимо должна была произойти война.

Южная Италія, берега которой также заняты были Греческими колоніями, въ древности называлась Великою Греціею. Изъ многочисленныхъ городовъ, ими здѣсь основанныхъ, примѣчательнѣйшіе суть: Кротонъ, Сибарисъ, Тарентъ и Локры, основанныя на мысѣ Зефиріи, и потому названныя *Эпизефирійскими*.

Сибарисъ и *Кротонъ* основаны были Ахейцами, первый въ 720 году, второй десять лѣтъ позже; но, не смотря на одинаковое происхожденіе, оба сіи города питали одинъ къ другому непримиримую ненависть, прекратившуюся только съ паденіемъ Сибариса. Въ 510 году Кротонцы побѣдили Сибаритянъ, которые, по своей изнѣженности и роскошной жизни, вошли даже въ пословицу; городъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія.

Этою побѣдою Кротонцы были обязаны *Пиѳагору*, который тогда преобразовалъ ихъ нравы и образъ правленія, и съ своими учениками, соединенными

вѣчною дружбою, управлялъ республикою. Пиѳагоръ родился на островѣ Самосѣ, и во время путешествій по Египту и Азіи пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія о образѣ правленія въ различныхъ государствахъ и сдѣлалъ важныя наблюденія надъ состояніемъ разныхъ народовъ. Изъ сихъ свѣдѣній онъ извлекъ все лучшее и составилъ себѣ идеалъ совершеннаго правленія. По его положенію ἄριστοι (лучшіе, благородные) должны управлять всѣми дѣлами: благороднымъ же онъ считалъ не того, кто рожденъ отъ знатныхъ или богатыхъ родителей, но того, кто хорошо воспитанъ и мудръ. Отечество его, Самосъ, находилось тогда подъ властію тиранна Поликрата: потому онъ не могъ явиться въ немъ законодателемъ и установителемъ новаго устройства. Для осуществленія своей идеи, онъ прибылъ въ Кротонъ и сначала имѣлъ великій успѣхъ. Здѣсь онъ основалъ общество, и самъ, какъ высшій, не погрѣшающій умъ, сдѣлался его главою; αὐτὸς ἔφα служило для его учениковъ доказательствомъ самымъ неоспоримымъ. Новопоступающій сперва подвергался испытанію. Удостоенный принятія въ общество долженъ былъ прожить пять лѣтъ подъ искусомъ; въ продолженіе этого времени онъ не имѣлъ случая видѣть учителя, который училъ, сидя за занавѣсомъ. Молчаніе было первою обязанностію новопоступившаго; счастливо выдержавъ искусъ, онъ поступалъ въ число учениковъ эсотериковъ, т. е. тѣхъ, которые были посвящены въ таинства мудрости и таинства ордена, и не только могли лично бесѣдовать съ Пиѳагоромъ, но даже жили съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ. Главными законами Пиѳагорова ордена были нераздѣльность имущества, одинаковый образъ жизни и однообразіе въ одеждѣ. 300 посвященныхъ, соединенные постоянною дружбою, управляли Кротономъ и старались распространить сей образъ правленія и въ другихъ Греческихъ государствахъ.

Строгая жизнь, введенная учениками Пиѳагора, доставила Кротонцамъ перевѣсъ надъ изнѣженными Сибаритянами. Но это самое завоеваніе Сибариса было причиною революціи, сокрушившей орденъ. Именно, когда Пиѳагорейцы не хотѣли дать народу части до-

бычи, взятой въ Сибарисѣ, Килонъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ просился въ ихъ орденъ и не былъ принятъ, воспользовался неудовольствіемъ народа и произвелъ бунтъ. Всѣ Пиѳагорейцы были преданы смерти, и побѣда надъ ними ознаменована была введеніемъ демократіи. Примѣру Кротона послѣдовали всѣ города, въ которые проникла Пиѳагорова система. Хотя Пиѳагоръ самъ избѣжалъ участи своихъ послѣдователей, но его нигдѣ не принимали, опасаясь его вліянія. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей утверждаютъ, что онъ, доживъ до глубокой старости, умеръ въ одномъ храмѣ въ Метапонтумѣ. Основанная имъ школа, какъ ученое общество, существовала до позднѣйшихъ временъ.

Тарентъ, Дорійская колонія, по преданію, былъ заложенъ такъ называемыми Спартанскими Парѳеніями, около 707 года. Вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ городовъ и перемѣнилъ первоначально введенный аристократическій образъ правленія на демократію. Аристотель (Polit. lib. VI, cap. 4) отзывается съ похвалою о Тарентинской демократіи и ставитъ ее въ примѣръ другимъ, ибо здѣсь все было такъ устроено, что никто изъ правительствующихъ лицъ не могъ воспользоваться должностію для своихъ личныхъ выгодъ.

Городъ *Локры*, также примѣчательный своимъ законодательствомъ, былъ построенъ на мысѣ Зефиріи, и потому назывался эпизефирійскимъ. Разнородное по своему составу, народонаселеніе было причиною продолжительнаго неустройства: возникли партіи и междоусобія, которыя продолжались до половины седьмаго столѣтія до Рождества Христова, пока наконецъ Залевковы законы не примирили всѣхъ партій и не доставили спокойствія республикѣ. До насъ дошло одно только введеніе въ его законы, которое представляетъ цѣлый рядъ правилъ, основанныхъ на строгой нравственности. Локрійцы, повинуясь симъ законамъ, жили мирно и счастливо до самыхъ временъ Діонисія II, въ исторіи котораго мы опять коснемся этого города.

Греческія колоніи, всѣ безъ исключенія, запи-

мали лучшія по положенію и прекрасному климату страны Земнаго Шара. Вмѣстѣ съ благосостояніемъ, которымъ онѣ обязаны были своему счастливому положенію и торговой дѣятельности, столь же блистательно развилось у нихъ и умственное образованіе. Если помыслимъ, что въ такомъ множествѣ греческихъ городовъ каждый составлялъ особенное государство, то легко понять причину такого быстраго развитія ихъ политическаго ума. Далѣе, если представимъ, что благородное соревнованіе одушевляло всѣ сіи города, что каждый старался опередить въ наукахъ и искусствахъ всѣ другіе, что каждый считалъ величайшею честью и славою имѣть въ числѣ своихъ гражданъ искуснаго художника, славнаго поэта, отличнаго оратора или знаменитаго философа, то очевидно, что съ увеличеніемъ богатства колоній и острововъ, науки и искусства быстро шли впередъ. Произведенія такъ называемыхъ циклійскихъ поэтовъ, которые могли бы дать намъ самое вѣрное понятіе о переходѣ отъ представителя героическихъ временъ, Гомера, къ поэзіи лирической, процвѣтавшей на островахъ и въ колоніяхъ, не дошли до насъ, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ. Впрочемъ, основываясь на томъ, что дошло до насъ, и на сужденіяхъ древнихъ, мы можемъ заключить, что эпосъ послѣ Гомера явился въ двухъ видахъ; первый составляетъ переходъ къ чисто-историческому изображенію, второй къ представленіямъ о происхожденіи міра, боговъ и людей.

Къ послѣднему роду принадлежатъ дошедшія до

насъ творенія Гезіода, его Өеогонія и ἔργα καὶ ἡμέραι. Въ первомъ онъ изображаетъ жизнь боговъ и возвышается надъ чувственнымъ воззрѣніемъ Гомера; второе его твореніе есть приложеніе Өеогоніи къ жизни. Его өеологія есть пантеисмъ. Онъ воспѣваетъ разлитую во всей природѣ божественную силу, которой сами боги обязаны своимъ происхожденіемъ, которая живетъ во всемъ, что только существуетъ. Форма Гезіодовыхъ стихотвореній совершенно гомерическая. Сюда относятся также религіозныя пѣсни, извѣстныя подъ именемъ *Гомеровыхъ гимновъ*. Хотя нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ стихотвореній сочинены уже въ позднѣйшія времена, но формою и тономъ они всѣ приближаются къ этому времени, именно къ времени между Гомеромъ и возрожденіемъ лирической поэзіи *).

На островахъ и колоніяхъ развилась поэзія совершенно отличная отъ этой миөөеологической. Первый родъ этой поэзіи былъ дидактическій, или гномическій. Какъ восточные мудрецы облекали свои ученія въ краткія изрѣченія, параболы и басни, такъ точно сначала поступали и Греки. Извѣстные семь Греческихъ мудрецовъ получили сіе имя за то, что высказали въ подобныхъ изрѣченіяхъ множество практическихъ правилъ для жизни и государства. Залевкъ и Харондъ написали свои законы въ стихахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы граждане могли выучить ихъ наизустъ и пѣть при торжественныхъ случаяхъ. Это было основаніемо поэзіи *гномической*, которая собственно можетъ назваться поэзіею только по формѣ; по содержанію же она чистая и часто даже слиш-

*) О древности сихъ гимновъ можно заключить изъ того, что многіе изъ нихъ уже во время Өукидида извѣстны были подъ именемъ Гомеровыхъ. См. Өукид. Кн. III гл 104.

комъ обыкновенная проза *). Той же причинѣ обязана происхожденіемъ и Греческая басня. Чтобы сдѣлать свое ученіе нѣсколько пріятнѣе, они облекали его въ одежду веселаго разсказа, и выводили изъ особеннаго случая общія истины опыта и нравственности. Посему, чтобъ соблюсти, сколько возможно, краткость, въ дѣйствующія лица избирали животныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, которыхъ имена выражали отличительныя ихъ качества. Напр. льва избирали представителемъ величія, лисицу хитрости и такимъ образомъ избѣгали пространной характеризовки. Эти басни, по имени Езопа, который, какъ полагаютъ, былъ первымъ ихъ сочинителемъ и жилъ во времена Солона, названы Езоповыми.

Второй родъ этой поэзіи былъ *лиро-элегическій* и *сатирическій*.

Богатые островитяне и колонисты часто торжествовали праздники, которые всегда сопровождались пѣснями, пляскою и играми. Герои Гомеровы любили слушать пѣсни о подвигахъ славныхъ отцевъ своихъ, а теперь предметомъ ихъ пѣснопѣній сдѣлались радости и наслажденія жиз-

*) Слѣдующіе примѣры изъ изрѣченій Θеогниса могутъ служить доказательствомъ:

ст. 173. *Θεοῖς εὔχευ, οἷς ἐστι μέγα κράτος, οὔτι ἄτερ θεῶν*
γίγνεται ἀνθρώποις, οὔτ' ἀγάθ', οὔτε κακά.
ст. 501. *οἶνος πινόμενος πουλὺς, κακὸν. ἢν δὲ τις αὐτὸν*
πίνῃ ἐπισταμένως, οὐ κακὸν, ἀλλ' ἀγαθόν.

(т. е. Молись Богамъ, которые обладаютъ великою силою; потому что безъ Боговъ смертнымъ не дается ни благо ни зло.
Вредно, пить вино въ большемъ количествѣ; если же кто пьетъ его умѣренно, то не вредно, а полезно.)

ніи; но выражаемое въ нихъ сожалѣніе о неудовлетворительности наслажденій, неисполнимости желаній, о непостоянствѣ всего земнаго, сообщаетъ большой части этихъ стихотвореній унылый, меланхолическій тонъ элегіи. Первыми благами жизни Греки считали тогда здоровье, тѣлесную красоту, честно нажитое богатство и всегда юное, всегда открытое для желаній и радостей сердце *). Но что ненадежнѣе здоровья? Что кратковременнѣе красоты и цвѣтущей юности? Что непостояннѣе богатства? По этому естественно, что пѣсни поэтовъ принимали иногда элегическій тонъ, а ѳеологи вывели положеніе, что божество завистливо, что ему непріятно видѣть людей счастливыми **). *Анакреонъ Теосскій* прекрасно выражаетъ мнѣніе, что только въ умѣренныхъ чувственныхъ наслажденіяхъ заключается все земное счастіе. Его игривые, неподражаемые пріемы особенно приличны этому роду поэзіи. Любовь и вино—предметы его пѣсней, и если иногда въ душѣ его пробуждается грустное

*) *Симонидъ* выразительно говоритъ объ этомъ въ слѣдующемъ сколіонѣ ap. Brunck. Anal. I, Стр. 122 nr. 11:

Ὑγιαίνειν μὲν ἄριστον ἀνδρὶ θνατῷ,
δεύτερον δὲ καλὸν φυὰν γενέσθαι,
τὸ τρίτον δὲ πλουτεῖν ἀδόλως,
καὶ τὸ τέταρτον ἡβᾶν μετὰ τῶν φίλων.

(т. е. Быть здоровымъ первое благо для смертнаго, второе имѣть красоту, третье пріобрѣтать богатство честнымъ образомъ, и четвертое быть вѣчно юнымъ съ друзьями).

**) Геродотъ часто повторяетъ положеніе: *τὸ θεῖον ἔστι φθονερόν.* Въ третьей книгѣ своей Исторіи, повѣствуя о тираннѣ Самосскомъ Поликратѣ, онъ говоритъ, что чистое, ничѣмъ не помрачаемое счастіе человѣка, непріятно богамъ; изъ зависти они даютъ ему ужасный горестный конецъ.

воспоминаніе о смерти, то это только усиливаетъ въ немъ желаніе спѣшить наслажденіемъ. Къ сожалѣнію, многихъ поэтовъ, отличившихся въ этомъ родѣ, въ Греціи, Малой Азіи и на островахъ, мы знаемъ только по имени. Такъ напр. *Антимахъ Теосскій, Ксенокритъ Локрскій, Периклитъ Лесбосскій, Хрисотемъ Критскій, Терпандръ Лесбосскій, Аріонъ Метимнійскій, Ивикъ Регійскій* — всѣ эти имена приведены нами только для показанія, что лирическая поэзія процвѣтала во всѣхъ странахъ Греческаго міра. Читая нѣкоторыя дошедшія до насъ стихотворенія Мимперма, Симонида и другихъ, не можемъ не жалѣть, что имѣемъ ихъ такъ мало, потому что и въ этомъ немногомъ встрѣчаемъ необыкновенныя красоты и самыя живыя изображенія характера Грековъ тѣхъ странъ и временъ.

Иногда лирическая поэзія выражала политическія мнѣнія и являлась въ видѣ злой сатиры. Такъ *Алкей* Митиленскій, который также воспѣвалъ наслажденія жизни, по поводу политическихъ обстоятельствъ своего отечества, сдѣлался политическимъ поэтомъ и вооружился сатирою. Именно, около 600 года Митилена подпала подъ власть тиранна. Питтакъ, предводительствуя соединенными гражданами, изгналъ его; но теперь начались споры о томъ, какой ввести у себя образъ правленія. По приговору большой части гражданъ, Питтакъ избранъ былъ главою государства, какъ *αἰσυμνήτης* (верховный правитель по избранію); ему вручена была неограниченная власть съ тѣмъ, чтобы онъ далъ хорошіе законы и водворилъ хорошіе нравы. Но Алкей составилъ

противъ Питтака партію и самыми язвительными сатирами нападалъ на его правленіе. Осужденный за это на изгнаніе, онъ хотѣлъ возвратиться силою и былъ взятъ въ плѣнъ; но, къ своему счастію нашелъ въ Питтакѣ великодушнаго врага: Питтакъ простилъ его. Славнѣйшій изъ сатирическихъ поэтовъ того времени былъ *Архилохъ* Паросскій, хотя его сатиры были направлены болѣе противъ частныхъ лицъ, нежели противъ правительства.

Теперь намъ осталось сказать о третьемъ родѣ древней Греческой Литературы, о Философіи, которая тѣмъ важнѣе, что служила въ послѣдствіи основаніемъ разнообразному развитію Философіи Аѳинской. Колыбелью Греческой Философіи были колоніи, и древнѣйшія изъ философскихъ школъ были Іонійская и Италико-Сицилійская. Къ первой принадлежали *Ѳалесъ*, *Анаксименъ* и *Анаксимандръ*. Главный характеръ этой школы состоитъ въ томъ, что она при своихъ изслѣдованіяхъ оставалась въ чисто-физической области, полагая, что сила природы была основнымъ элементомъ всего существующаго. Именно, по мнѣнію Ѳалеса, главнымъ элементомъ была вода; Анаксименъ утверждалъ, что воздухъ, а Анаксимандръ напротивъ училъ, что начало всего въ безконечномъ (ἄπειρον). Важнѣйшимъ слѣдствіемъ такого направленія было наблюденіе надъ природою и усовершенствованіе естественныхъ наукъ; ему мы обязаны тѣмъ, что Греки съ самыхъ древнихъ временъ начали заниматься Астрономіею, Физикою и Математикою и оказали въ нихъ большіе успѣхи.

Славнѣйшіе философы Италико-Сицилійской школы были *Ксенофанъ*, *Парменидъ* и *Зенонъ*, изъ города Элеи, и Сикеліотъ *Эмпедоклъ*, изъ Агригента. Первые усовершенствовали діалектику, между тѣмъ какъ послѣдній не выходилъ изъ области физики, утверждая, что всѣ вещи одолжены своимъ бытіемъ и формою дѣйствіямъ любви или враждѣ четырехъ основныхъ элементовъ. Сочиненія сихъ философовъ, дошедшія до насъ только въ немногихъ отрывкахъ, облечены въ піитическую форму *).

Теперь возвратимся къ Дорійцамъ, которыхъ вторженіе въ Пелопоннезъ было первою причиною основанія колоній. Дорійскій характеръ больше всего развился въ Лакедемонѣ, или Спартѣ, такъ что въ послѣдствіи Спартанцы должны были занять первое мѣсто между всѣми Дорійскими государствами. Лаконія, Мессенія, Арголида, области на Истмѣ, до самыхъ границъ Аттики, подпали подъ власть побѣдоносныхъ Дорійцевъ. И такъ племя Дорійское было самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ Греческихъ племенъ, и потому во-первыхъ мы обратимся къ его исторіи **).

Ираклиды раздѣлили свои завоеванія такъ: Теменъ получилъ Аргосъ, Кресфонтъ — Мессенію, а братья-

*) Уже въ 1573 г. Стефанусъ издалъ отрывки этихъ философскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: poësis philosophica. Съ того времени количество этихъ отрывковъ увеличилось и они чаще были издаваемы отдѣльно.

**) Лучшая исторія Дорійскаго племени находится въ слѣдующемъ сочиненіи: K. O. Müllers Geschichte Hellenischer Stämme und Städte и именно II-й и III-й томъ. Для исторіи Спарты особенно важно слѣдующее сочиненіе: Sparta, ein Versuch zur Aufklärung der Geschichte und Verfassung dieses Staates von J. C. F. Manso. Leipzig. 1800 и слѣд. 3 части.

близнецы Проклъ и Эвристенъ, дѣти Аристодема — Лаконію. Въ государствахъ, такимъ образомъ пріобрѣтенныхъ, Дорійцы составляли благородное, господствующее племя, а изъ покоренныхъ только тѣ сохранили нѣкоторыя политическія права, которые долго не оставляли оружія и покорились на извѣстныхъ условіяхъ; всѣ прочіе подпали подъ иго тяжкаго рабства.

Почти вся земля сдѣлалась собственностью побѣдителей, и побѣжденные должны были обработывать ее для нихъ; для себя же они считали достойнымъ одно только занятіе — носить оружіе, доставившее имъ владычество надъ цѣлыми странами. Съ Мессенцами и Лаконцами они обращались весьма жестоко, напротивъ, съ Аргосцами, какъ кажется, весьма кротко. Эти Дорійскія государства, ведя безпрерывныя войны и между собою, и со вновь покоренными, долгое время не могли достигнуть спокойствія и твердаго устройства. И именно въ Лаконіи дѣла находились въ такомъ разстроенномъ состояніи, что Геродотъ (lib. I. cap. 65), о цѣломъ періодѣ времени между вторженіемъ Дорійцевъ и законодательствомъ Ликурга говоритъ только, что Лакедемоняне имѣли самый худой образъ правленія и вели съ сосѣдями непрерывныя войны.

Лакедемонское Государство обязано законамъ Ликурга своимъ твердымъ основаніемъ, силою и первенствомъ между всѣми Дорійскими государствами. О жизни самого Ликурга трудно было сказать что либо положительное уже въ то время, когда его біографію писалъ Плутархъ; потому что всѣ преданія между собою противорѣчатъ, и историки не согласны даже во времени, въ которомъ онъ жилъ. По счисленію Өукидида, Ликургъ жилъ въ половинѣ IX столѣтія до Р. Х. *) Ликургъ,

*) Thucyd. I, cap. 18: *ἡ γὰρ Λακεδαίμων μετὰ τὴν κτίσιν τῶν νῦν ἐνοικούντων αὐτὴν Δωριέων, ἐπὶ πλεῖστον ὧν ἴσμεν χρόνον στασιάσασα, ὅμως ἐκ παλαιτάτου καὶ εὐνομήθη καὶ ἀεὶ ἀτυράννευτος ἦν.*

прежде нежели явился законодателемъ, путешествовалъ по всѣмъ Доріійскимъ государствамъ. На островѣ Критѣ онъ нашелъ образъ правленія, котораго основныя начала показались ему самыми сообразными съ обстоятельствами его отечества. Такимъ образомъ Доріійскія постановленія Критянъ послужили образцемъ для законодателя Спартанцевъ.

Вскорѣ по основаніи Доріійскаго государства въ Арголидѣ, Алтеменъ, сынъ царя Капза, вывелъ колонію на островъ Критъ. Переселенцы, покоривъ туземцевъ, учредили у себя военную аристократію. Побѣжденные были обращены въ рабовъ и обязаны отправлять всѣ работы, которыя повелители ихъ считали для себя недостойными. Сами же Доріійцы занимались только воинскими упражненіями и заботами о сохраненіи строгихъ нравовъ, потому что этимъ только могли утвердить за собою пріобрѣтенную власть. Такимъ образомъ народонаселеніе Критское раздѣлилось на два класса: господствующихъ благородныхъ и служащихъ поселянъ. Ежегодно избирались десять правителей, которые подъ именемъ *κόσμιοι*, составляли высшую правительственную коллегію, предсѣдателемъ ея былъ *πρωτοκόσμιος*. Герусія, состоявшая изъ тридцати членовъ, помогала имъ въ дѣлахъ правленія. Народныя собранія имѣли весьма ограниченную власть. Для тѣснѣйшаго соединенія господствующихъ фамилій, былъ учрежденъ общій столъ. «Въ Критѣ,» говоритъ Аристотель, (polit. II. 7) «отъ всѣхъ плодовъ и стадъ, отъ всѣхъ общественныхъ

ἔτη γάρ ἐστι μάλιστα τετρακόσια καὶ ὀλίγῳ πλείω ἐς τὴν τελευτὴν τοῦδε τοῦ πολέμου (пелопонезской войны) *ἀφ᾽ οὗ Λακεδαιμόνιοι τῇ αὐτῇ πολιτείᾳ χρῶνται.* (т. е. Хотя Лакедемонъ по утвержденіи въ немъ Доріійцевъ, которые и по нынѣ населяютъ его, долѣе всѣхъ государствъ, о которыхъ мы знаемъ, подверженъ былъ безпорядкамъ, однакоже съ давняго времени получилъ хорошіе законы и никогда не находился подъ властію тиранна. Ибо прошло болѣе четырехъ сотъ лѣтъ до конца Пелопоннезской войны съ того времени, какъ Лакедемоняне имѣютъ тотъ же образъ правленія).

доходовъ и дани, приносимой покоренными туземцами, одна часть назначается для богослуженія и для государственныхъ издержекъ, а другая для общихъ сисситій, такъ что цѣлыя семейства, мужья, жены и дѣти питаются на общественный счетъ.» *)

На возвратномъ пути въ Спарту, Ликургъ прежде посѣтилъ Дельфы, гдѣ оракулъ привѣтствовалъ законодателя какъ мужа высшаго смертныхъ, и нѣкоторымъ образомъ давалъ ему божескую власть; **) не смотря на то, введеніе новыхъ постановленій, совершенно преобразовавшихъ общественныя отношенія и подчинявшихъ частныя выгоды пользѣ общей, сопряжено было съ величайшими затрудненіями, какъ это видно изъ сказаній древнихъ о томъ, какимъ образомъ они были введены и какія для того употреблены средства. Первымъ дѣломъ Ликурга было постановленіе верховныхъ властей и строгое опредѣленіе круга ихъ дѣйствій. Обоимъ царямъ, потомкамъ Прокла и Эвристена, оставлена была верховная и наслѣдственная власть только по имени; она ограничи-

*) Гёттлингъ въ своемъ изданіи Политики Аристотеля (Politicorum libri VIII ed. C. Göttling. Jenæ 1823) въ выноскѣ дѣлаетъ подробный и хорошій обзоръ критскаго образа правленія. Срав. K. Hoeck, Kreta, ein Versuch zur Aufhellung der Mythologie und Geschichte, der Religion und Verfassung dieser Insel. Leipz. 1823 ff. 3 Bd.

**) Изрѣченіе Пиѳіи приводитъ въ кн. I, гл. 65 Геродотъ:

Ἥκεις, ὦ Λυκόοργε, ἐμὸν ποτὶ πίονα νηόν,
Ζηνὶ φίλος καὶ πᾶσιν Ὀλύμπια δώματ᾽ ἔχουσι.
δίζω, ἤ σε θεὸν μαντεύσομαι, ἢ ἄνθρωπον.
Ἀλλ᾽ ἔτι καὶ μᾶλλον θεὸν ἔλπομαι, ὦ Λυκόοργε.

(т. е. О Ликургъ, ты пришелъ въ мой блестящій храмъ любимый Зевсомъ и всѣми Олимпійскими богами. Недоумѣваю, назвать ли тебя богомъ или смертнымъ; но лучше назову тебя богомъ, о Ликургъ).

валась отправленіемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, должностей жреца и судіи, и главнымъ начальствомъ на войнѣ. Къ нимъ присоединилъ онъ сенатъ изъ двадцати осьми старцевъ, который назывался *Герусіею.* Геронты избирались народомъ и изъ среды народа, должны были имѣть не менѣе шестидесяти лѣтъ и пользовались властію пожизненно. Такъ какъ и цари, по своей власти, принадлежали къ этой правительственной коллегіи, то и здѣсь, подобно какъ въ Критѣ, число всѣхъ членовъ было тридцать. Герусія представляла нѣкоторымъ образомъ комитетъ народнаго собранія. Она обязана была обсуживать всѣ дѣла, чтобы народъ могъ рѣшать прямо, безъ дальнѣйшихъ преній, большинствомъ голосовъ. Народныя собранія происходили только въ особенныхъ случаяхъ, когда надлежало рѣшить о мирѣ или войнѣ, объ измѣненіи или ограниченіи какого либо закона и т. п. Всѣ же обыкновенныя дѣла были рѣшаемы установленными властями, безъ всякаго участія народнаго собранія. Власть пяти эфоровъ, которыхъ избирали, не обращая вниманія на возрастъ, первоначально ограничивалась одною должностью судейскою; но она, по прошествіи нѣкотораго времени, получила великое значеніе. И этого они достигли тѣмъ, что имѣли право требовать на свой судъ всѣхъ другихъ чиновниковъ, и притомъ не только по истеченіи срока службы, но даже могли отрѣшать ихъ отъ должности. Въ семъ отношеніи самые цари были въ зависимости отъ эфоровъ. Сія неограниченная судейская власть въ позднѣйшія времена сдѣлалась единственною

пружиною, приводившею въ движеніе все государство.

Но главное и самое прочное основаніе Ликургъ далъ своему государству введеніемъ строгихъ нравовъ. Только оружіемъ могли Спартацы удержать за собою владычество надъ покоренною страною, только воинственностью могли обезопасить и утвердить оное; и Ликургъ обратилъ на это особенное вниманіе. Хотя онъ во всемъ строго держался Критскихъ постановленій, принятыхъ имъ за образецъ, не смотря на то, иныя отношенія къ покореннымъ принудили его къ нѣкоторымъ отступленіямъ. Именно въ Лаконіи, кромѣ Доріійцевъ или Спартіатовъ, имѣли политическое значеніе и такъ называемые Періеки; это были или Ахейцы, которыхъ права были признаны побѣдителями, или происходившіе отъ браковъ разноплеменныхъ лицъ. Эти Періеки или Лакедемонцы составили, послѣ Доріійцевъ, второй классъ. Вся Лаконія была раздѣлена на 39,000 участковъ, 9,000 большихъ и 30,000 малыхъ; первые достались господствующимъ Доріійцамъ (Спартіатамъ, или Спартанцамъ), а послѣдніе Періекамъ, или Лакедемонцамъ. Тѣ и другіе равно подвергались суровому воспитанію и обязаны были упражняться въ одномъ только оружіи. Служащій классъ народа — Илоты, должны были обработывать земли и заниматься всѣми необходимыми ремеслами. И такъ Ликургово государство состояло изъ 39,000 владѣвшихъ землею фамилій, которыя должны были проникнуться однимъ духомъ, одною гордостью, внушаемою воинскими занятіями, и

презрѣніемъ ко всему, что показываетъ низость и малодушіе. Запрещеніемъ имѣть серебряныя и золотыя деньги, и введеніемъ сисситій, или общаго стола мужей, Ликургъ изгналъ роскошь и всѣ невоинственныя упражненія.

Подъ страхомъ смертной казни, было запрещено Спартанцамъ держать золотыя и серебряныя деньги. И хотя законодатель вмѣсто нихъ ввелъ желѣзныя, но тяжелому куску этого металла далъ столь малую цѣнность, что, по словамъ Плутарха, для того, чтобы вывесть десять минъ Спартанскими деньгами (около 700 р. асс. на наши), надо было имѣть лошадь и повозку. А чтобъ это желѣзо сдѣлать негоднымъ на всякое другое употребленіе, раскаливъ его докрасна, опускали въ уксусъ. Постановленіе о сисситіяхъ было слѣдующее: каждый долженъ былъ ежемѣсячно доставлять, для общаго стола, опредѣленное количество съѣстныхъ припасовъ. За каждый столъ садилось по пятнадцати чел., и только съ согласія всѣхъ можно было другому вступить въ это общество. Никто не смѣлъ отлучаться отъ сисситій безъ достаточной причины. Изъ Спартанскихъ кушаньевъ особенно извѣстна знаменитая черная похлебка (ὁ μέλας ζωμός. Plut. Lycurg. cap. 12).

Законъ о раздѣленіи имѣнія между всѣми поравну и объ изгнаніи всѣхъ предметовъ роскоши введенъ былъ не безъ сопротивленія; но за существованіе этихъ законовъ въ послѣдствіи вѣрнымъ ручательствомъ было то, что новое поколѣніе, получивъ введенное Ликургомъ воспитаніе, долженствовало мало по малу свыкнуться съ его постановленіями и все свое бытіе и стремленіе заключить въ назначенныхъ ими предѣлахъ. Посему воспитаніе для государства и государственныхъ цѣлей было однимъ изъ главныхъ предметовъ

его законодательства, и Ликургъ направилъ всѣ отношенія частной жизни къ тому, чтобы доставлять государству здоровыхъ и сильныхъ гражданъ и гражданокъ.

Семейная жизнь въ Спартѣ была совершенно подчинена общественной. Дѣти принадлежали государству. Даже самый бракъ былъ больше дѣломъ правительства, нежели частныхъ лицъ. Правительство смотрѣло, чтобъ не соединялись такіе люди, отъ которыхъ государство не могло надѣяться на рожденіе хорошихъ дѣтей. Новорожденное дитя тотчасъ отдавалось на судъ старѣйшинъ, которые рѣшали—достойно ли оно воспитанія или нѣтъ. И если находили его сильнымъ (ῥωμαλεὸν) и хорошо сложеннымъ (εὐπαγές), то отдавали кормилицѣ; слабыхъ же и безобразныхъ бросали въ пропасть, въ горѣ Тайгетѣ (Ἀποθέται). Первыя семь лѣтъ дитя воспитывалось у мамки, которая особенно была обязана заботиться о развитіи физическихъ его силъ, и по прошествіи этого срока вступало въ общество къ своимъ сверстникамъ. Уже здѣсь было нѣкотораго рода правленіе. Главою этого общества дѣлался тотъ, кто смѣлѣе всѣхъ отвѣчалъ на вопросы и отличался силою и ловкостію въ воинскихъ упражненіяхъ. Вся ученость ихъ состояла въ умѣньи читать и писать; сверхъ того, при воспитаніи старались въ короткихъ изрѣченіяхъ напечатлѣть въ ихъ памяти законы, пріучить къ строгому повиновенію, къ продолжительнымъ трудамъ и къ мысли, что честь требуетъ отъ мужа въ битвѣ побѣдить или умереть. Мальчики, во время своего воспитанія находились подъ надзоромъ такъ называемыхъ ейреновъ и меллейреновъ: первые были изъ достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, а послѣдніе изъ приближавшихся къ оному. Они назначали работы и упражненія; они награждали и наказывали. Музыка и пѣніе были единственныя искусства, которыми занимались въ Спартѣ, но и они направлены были единственно къ оживленію воинственнаго духа. Это выражали даже гимны, которые пѣли въ торжественныхъ случаяхъ. Плутархъ говоритъ, что для

каждаго возраста былъ особенный припѣвъ. Хоръ старцевъ пѣлъ: *Ἄμμες ποκ' ἦμες ἄλκιμοι νεανίαι*; хоръ мужей: *Ἄμμες δὲ γ' εἰμές· αἰ δὲ λῆς πεῖραν λάβε*; хоръ дѣтей: *Ἄμμες δὲ γ' ἐσσόμεσθα πολλῷ κ' ἄῤῥονες.* Все у Спартанцевъ было устремлено на то, чтобъ возбуждать и поддерживать расположеніе въ войнѣ.

Поколѣніе, возросшее подъ вліяніемъ сихъ законовъ, достигло высокой степени совершенства съ той стороны, на которую устремлено было особенное вниманіе законодателя. Въ то время, какъ въ другихъ греческихъ государствахъ силы человѣка въ пространнѣйшемъ кругу дѣятельности развивались для поприща болѣе обширнаго, въ Спартѣ все ограничивалось воинскимъ бытомъ, а это непосредственно, вмѣстѣ съ воинскою гордостію, раждало въ нихъ чрезмѣрную суровость и холодность. Это чувствовалъ болѣе всѣхъ порабощенный народъ — Илоты; съ ними поступали такъ унизительно и такъ жестоко, что нельзя встрѣтить ничего подобнаго у другихъ народовъ. Хотя главною цѣлію Ликургова законодательства было *уединить* Спарту, однако оно не только не расторгло узъ, соединявшихъ всѣ греческія племена и государства въ одинъ народъ, но даже еще сильнѣе укрѣпило ихъ. Единство языка и религіи, общія всѣмъ святилища и храмы отдѣльныхъ племенъ, совершаемыя при нихъ празднества составляли эти узы. Такъ *оракулъ Пиѳійскаго Аполлона въ Дельфахъ* и великія Олимпійскія торжественныя игры были центромъ соединенія всѣхъ племенъ. Ликургъ самъ учредилъ, или, лучше, возобновилъ Олимпійскія игры.

Въ Пизѣ, въ одномъ изъ городовъ Элиды, еще во

времена владычества Ахейцевъ, отправляемы были игры; но когда, въ слѣдствіе вторженія Доріійцевъ, въ Пелопоннезѣ произошелъ великій переворотъ, эти игры пришли въ упадокъ. Эліецъ Ифитъ съ Ликургомъ возстановили и опредѣлили отправлять ихъ при храмѣ Зевса Олимпійскаго. Время торжествованія этихъ игръ было священно; тогда умолкала неистовая ярость партій, затихали междоусобныя войны, священный миръ господствовалъ повсюду, до самаго окончанія игръ. Сіе торжество совершаемо было чрезъ каждые четыре года. И чѣмъ больше собиралось народу, тѣмъ игры были блистательнѣе. Сюда стекались изъ всѣхъ греческихъ земель и городовъ, кто за тѣмъ, чтобъ блеснуть передъ другими или оборотливостью ума или тѣлесною гибкостью, а кто за тѣмъ, чтобы подивиться симъ достоинствамъ въ другихъ. Какъ бы ни враждебны были отношенія нѣкоторыхъ государствъ, какъ бы ни противорѣчили ихъ взаимныя выгоды, здѣсь всѣ чувствовали себя сынами *одного* отечества, всѣ радовались талантамъ, проявлявшимся здѣсь во всемъ блескѣ, какъ отличительнымъ признакамъ превосходства греческаго образованія надъ грубымъ варварствомъ. Побѣда, одержанная на Олимпійскихъ играхъ, считалась, въ Греціи высочайшею честію, какая только можетъ достаться въ удѣлъ смертному, такъ что славнѣйшіе, геніяльные греческіе поэты едва считали себя достойными воспѣвать побѣдителей на сихъ играхъ. Всѣ гимны Пиндара сочинены въ честь счастливцевъ, получившихъ на нихъ награду. Эти собранія доставляли еще большія удобства относительно торговли. Купцы, съѣзжавшіеся сюда изъ отдаленнѣйшихъ концевъ Греціи, здѣсь могли видѣться другъ съ другомъ и легче заключать торговые контракты. По причинѣ сихъ выгодъ, начали чаще собираться на игры, такъ что торжественное собраніе назначаемо было ежегодно. Такимъ образомъ явились Пиѳійскія игры въ Дельфахъ, Истмійскія въ Коринѳѣ и Немейскія въ Немеѣ. Но такъ какъ Олимпійскія игры были первыя по времени, то и по важности и значенію онѣ удержали первое мѣсто. И такъ естественно, что сіе торжество, періодически повторяемое, было принято Греками за

основаніе лѣтосчисленія. Впрочемъ, только со времени Александра Великаго оно вошло во всеобщее употребленіе. Лѣтосчисленіе по олимпіадамъ начинаютъ съ 776 года до Р. Х., именно съ того времени, когда Коребъ въ первый разъ провозглашенъ былъ на нихъ побѣдителемъ. При переводѣ на наше лѣтосчисленіе, нужно число всѣхъ прошедшихъ олимпіадъ помножить на четыре, къ произведенію придать число годовъ текущей олимпіады и потомъ эту сумму вычесть изъ 776 или 777, смотря по тому, случилось ли означенное происшествіе прежде или послѣ Іюля.

Спартанцы воздавали Ликургу божескія почести; они воздвигли ему храмъ и ежегодно въ честь его праздновали одинъ день. И конечно, они дѣлали это не безъ причины, потому что всѣмъ своимъ политическимъ значеніемъ они обязаны были ему и его законамъ *). Проникнутые духомъ Ликурговыхъ законовъ, Спартанцы вскорѣ пріобрѣли перевѣсъ надъ всѣми непріятелями. Мессенцы, уже давно спорившіе съ ними о границахъ, первые должны были испытать это. *Первая Мессенская война* отъ 742—722 кончилась побѣдою и покореніемъ Мессенскихъ Дорійцевъ подъ власть Спартанцевъ. Побѣжденные обязались давать имъ въ дань ежегодно половину всѣхъ произведеній своей земли и являться въ Спартѣ на одинъ праздникъ въ унизительной одеждѣ. Эти жестокія условія довели Мессенцевъ до отчаянія, а въ другихъ Пелопоннезскихъ государствахъ возбудили сожалѣніе къ ихъ участи; къ тому присоединился еще страхъ возрастающаго могущества Спартанцевъ. По симъ причинамъ Элійцы, Ар-

*) Геродота кн. 1. гл. 66.

гивцы и Аркадяне объявили себя союзниками Мессенцевъ, когда они, въ 682 году, избравъ предводителемъ героя Аристомена, свергнули Спартанское иго. Во время этой *второй Мессенской войны*, продолжавшейся до 668 г., Спартанцы такъ были стѣснены, что рѣшились, по совѣту оракула, искать себѣ вождя въ чужой землѣ *). Тиртей Эринейскій, избранный ими въ вожди, своими воинственными пѣснями умѣлъ столь же хорошо пробудить въ Спартанцахъ чувство храбрости, какъ и воспользоваться опымъ. Въ третій годъ войны, Мессенцы, въ одномъ рѣшительномъ сраженіи, были совсѣмъ разбиты. Причиною этого жестокаго пораженія Мессенцевъ была измѣна Аркадскаго Царя Аристократа. Въ наказаніе за то, Аркадяне побили его каменьями и совсѣмъ уничтожили у себя царское достоинство. Съ этого времени Аркадія распалась на столько республикъ, сколько было въ ней городовъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ были Тегея и Мантинея. Послѣ этого Мессенцы защищались еще въ продолженіе одинадцати лѣтъ, заключившись въ крѣпости Ирѣ; наконецъ, будучи не въ состояніи долѣе держаться, они оставили Пелопоннезъ и удалились въ Италію, въ городъ Регіумъ. От-

*) Обыкновенно говорятъ, что Тиртей былъ Аѳинянъ; но, по показанію Страбова (кн. VIII), онъ былъ Доріецъ изъ Эринея, и это извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что Тиртей самъ, въ одной пѣсни, которую Страбонъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія, говоритъ:

Οἷσιν ἅμα προλιπόντες Ἐρινεὸν ἠνεμόεντα
Εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

(т. е. Оставивъ Эриней, обуреваемый вѣтрами, мы прибыли съ ними на обширный островъ Пелопса).

сюда они завладѣли городомъ Занклами, на противоположномъ берегу Сициліи, и назвали его именемъ своего несчастнаго, но любезнаго отечества. Мессенцы, оставшіеся въ Пелопоннезѣ, были обращены въ рабовъ (Илотовъ).

Подробное повѣствованіе о двухъ первыхъ Мессенскихъ войнахъ, какое находимъ мы у Павзанія (кн. IV. гл. 12 и слѣд.), есть чистая поэзія и притомъ произведеніе фантазіи позднѣйшихъ временъ; историческаго въ немъ только одинъ главный результатъ. Удивительно, что Геродотъ, который подробно описываетъ ничтожныя войны Спартанцевъ съ Тегейцами, объ этой важной войнѣ не говоритъ ни слова.

Пѣсни Тиртея много способствовали къ поддержанію и укрѣпленію духа воинственности въ Спартанцахъ; потому ихъ высоко цѣнили при воспитаніи юношей. Время не сохранило для насъ всѣхъ военныхъ пѣсней Тиртея, но и оставшихся отрывковъ довольно для того, чтобъ судить о ихъ духѣ. Цѣль ихъ есть возбужденіе воинской храбрости, и пѣвецъ достигаетъ оной, изображая въ яркой картинѣ жалкія слѣдствія малодушія и увлекая воиновъ въ пылъ битвы, онъ умѣетъ вдохнуть въ сердца ихъ чувства, достойныя героевъ *). И такъ пѣсни Тиртея имѣютъ полити-

*) Напримѣръ, въ одной пѣсни къ воинамъ, желая возбудить ихъ храбрость, онъ говоритъ, что труса изгонятъ изъ отечества и доказываетъ, что во сто кратъ лучше пасть со славой въ бою, чѣмъ на чужбинѣ влачить жалкую жизнь:

Τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐπὶ προμάχοισι πεσόντα
Ἄνδρ᾽ ἀγαθὸν, περὶ ᾗ πατρίδι μαρνάμενον.
Τὴν δ᾽ αὐτοῦ προλιπόντα πόλιν καὶ πίονας ἀγρούς
Πτωχεύειν πάντων ἔστ᾽ ἀνιηρότατον,
Πλαζόμενον σὺν μητρὶ φίλῃ καὶ πατρὶ γέροντι,
Παισί τε σὺν μικροῖς κουριδίῃ τ᾽ ἀλόχῳ.
Ἐχθρὸς μὲν γὰρ τοῖσι μετέσσεται, οὕς κεν ἵκηται

ческое значеніе, ибо способствовали къ тому, что Спартанцы болѣе и болѣе роднились съ духомъ своего правленія и воодушевлялись воинскою гордостію, составлявшею отличительную черту ихъ характера. Юноши старались напечатлѣть въ памяти эти пѣсни, какъ преданіе подвиговъ и чувствованій ихъ предковъ, и пѣли ихъ во время войны.

Пользуясь своимъ перевѣсомъ, Спартанцы не прекращали войны до тѣхъ поръ, пока не покорили всѣхъ Пелопоннезскихъ государствъ, за исключеніемъ Ахаіи, и пока не подчинили своей гегемоніи всѣхъ Дорійскихъ государствъ внѣ Пелопоннеза. Они достигли этого или силою, какъ въ Аркадіи и Арголидѣ, или изгнаніемъ тирановъ и возстановленіемъ аристократіи, какъ въ Сикіонѣ, Коринѳѣ и Мегарѣ. Повсюду Спартанцы являлись противниками демократіи и тирановъ, и защитниками власти благородныхъ Дорійскихъ фамилій.

Сикіонъ и Коринѳъ были богатые торговые города, важные для Спарты своими морскими силами. Коринѳъ

Χρησμοσύνῃ τ' εἴκων καὶ στυγερῇ πενίῃ,
Αἰσχύνει τε γένος, κατὰ δ' ἀγλαὸν εἶδος ἐλέγχει,
Πᾶσα δ' ἀτιμίη καὶ κακότης ἕπεται.
Εἶθ' οὕτως ἀνδρός τοι ἀλωμένου οὐδεμί' ὤρη
Γίγνεται, οὔτ' αἰδὼς εἰσοπίσω τελέθει.

(т. е. Славно для храбраго умереть въ первыхъ рядахъ, сражаясь за отечество. За то всего позорнѣе, оставя свой родной городъ и свои плодоносныя поля, просить милостыни и бродить съ любезною матерью, сѣдымъ отцемъ, маленькими дѣтьми и съ молодою супругою. Онъ ненавидимъ будетъ всѣми, къ кому ни придетъ, уступая нуждѣ и печальной бѣдности. Онъ позоритъ свой родъ, его прекрасный станъ свидѣтельствуетъ противъ него и за нимъ слѣдуетъ безчестіе и стыдъ. Такого бродягу никто не уважаетъ и за нимъ не останется добраго имени).

обязанъ былъ географическому положенію своимъ значеніемъ и благосостояніемъ. Онъ имѣлъ гавани на обоихъ моряхъ, омывающихъ Истмъ, и всѣ, не желавшіе дѣлать опаснаго плаванія вокругъ Пелопоннеза, выгружали свои товары въ одной изъ этихъ гаваней, и въ другой нагружались опять. Что касается до политической исторіи Коринѳа, то извѣстно, что здѣсь отъ 1089 до 777 правили цари изъ рода Ираклидовъ. Первый изъ нихъ былъ Алетъ, а послѣдній Телессъ. По смерти Телесса, Бакхіады, боковая линія дома Ираклидовъ, захватили верховную власть и ввели олигархію; она уничтожена была въ 657 г. Кипселомъ, который объявилъ себя тиранномъ. Кипселъ не только самъ удержалъ эту власть, но даже передалъ ее въ наслѣдство своему сыну, Періандру (627 г.). Періандру наслѣдовалъ его племянникъ Псамметихъ (587). Противъ сего послѣдняго, въ 584 г., Коринѳяне возмутились и, съ помощію Спартанцевъ изгнавъ его изъ города, возстановили прежнюю олигархію.

Первенство, пріобрѣтенное надъ всѣми Дорійскими государствами военнымъ и политическимъ перевѣсомъ, Спарта утвердила за собою умѣренностью и справедливостью; союзъ, или симмахія, главою котораго была Спарта, заключенъ былъ въ особенности для дѣйствованія общими силами противъ непріятелей. Каждое союзное государство обязывалось выставлять въ поле извѣстное число войска. Предводителями соединенныхъ силъ, по договору, были Спартанскіе Цари. Не смотря на то, Спартанцы не могли употреблять союзнаго войска для своихъ цѣлей произвольно, но должны были просить согласія союзниковъ при каждомъ предпріятіи, въ которомъ они принимали участіе. Впрочемъ, когда родилась идея о первенствѣ въ Греціи, отношенія между государствами совершенно измѣнились. Эта идея возник-

ла въ то время, когда могущественная Аѳинская Республика явилась соперницею Спарты. И такъ намъ должно разсмотрѣть исторію Аѳинъ до того времени, когда этотъ городъ вступаетъ въ соперничество съ Спартою.

Въ то время, какъ въ Спартѣ развивался характеръ исключительно свойственный Дорійскому племени, въ Аѳинахъ проявился самостоятельный духъ Ахейско-Іонійскій. Только одинъ этотъ живой, богатый и дѣятельный духъ могъ возвысить безплодную страну, какова Аттика, до той степени, которую не только она занимала въ древности, но и займетъ во всѣ времена, пока люди будутъ въ состояніи цѣнить прекрасное и высокое въ греческихъ искусствахъ и наукахъ. Тщеславіе Аѳинянъ изукрасило древнѣйшую ихъ исторію множествомъ вымысловъ. У колыбели Аѳинъ стояли боги Посейдонъ и Аѳина, и особенно послѣдняя, богиня мудрости, искусствъ и оружія, любила городъ, названный ея именемъ.

Что касается до древнѣйшаго образа правленія въ Аттикѣ, то мы находимъ здѣсь, какъ и во всѣхъ Іонійскихъ колоніяхъ и союзахъ, раздѣленіе на двѣнадцать общинъ. Каждая изъ нихъ имѣла свои судилища и народныя собранія, но кажется, что первенство въ религіозномъ и политическомъ отношеніи принадлежало Аѳинамъ, и Царь Аѳинскій былъ главою всей страны *).

*) Ѳукидидъ, кн. II, гл. 15: *Ἐπὶ γὰρ Κέκροπος καὶ τῶν πρώτων βασιλέων ἡ Ἀττικὴ ἐς Θεσέα ἀεὶ κατὰ πόλεις ᾠκεῖτο, πρυτανεῖά τε ἔχουσα καὶ ἄρχοντας καὶ ὁπότε μή τι δείσειαν, οὐ ξυνῄεσαν βουλευσόμενοι ὡς τὸν βασιλέα, ἀλλ’ αὐτοὶ ἕκαστοι ἐπολιτεύοντο.* (т. е. При Кекропсѣ и первыхъ царяхъ до Тезея Аттика была раздѣлена

Такой порядокъ продолжался до Тезея. Сему герою преданіе приписываетъ основаніе Аттическаго *демоса*, и это справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ измѣнилъ прежній образъ правленія, соединилъ Аттику въ одно цѣлое, нераздѣльное государство, и главнымъ и единственнымъ мѣстомъ правленія сдѣлалъ Аѳины. Въ память этого соединенія двѣнадцати отдѣльныхъ городовъ, установили торжество Синойкію, или Панатеней, которое было празднуемо до позднѣйшихъ временъ республики *).

Жители Аттики раздѣлялись на четыре Филы, которыхъ имена (*ὅπλητες*—воины, *Ἀργαδῆς*—ремесленники, *Αἰγικορῆς*—пастухи, и *τελέοντες*, или *Γελέοντες*—земледѣльцы) указываютъ на первоначальное различіе ихъ по роду жизни; впрочемъ, во времена историческія, они являются въ смѣшеніи и ничего подобнаго раздѣленію на касты уже не существуетъ **). И такъ какъ это дѣленіе не мог-

на отдѣльные города, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой судъ и свое начальство, и, если имъ нечего было опасаться, они не приходили къ царю за совѣтомъ, но управляли самостоятельно.)

*) Thucyd. l. c.: *Ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε, γενόμενος μετὰ τοῦ ξυνετοῦ καὶ δυνατὸς, τά τε ἄλλα διεκόσμησε τὴν χώραν, καὶ καταλύσας τῶν ἄλλων πολέων τά τε βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχὰς, ἐς τὴν νῦν πόλιν οὖσαν, ἓν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρυτανεῖον, ξυνῴκισε πάντας καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσι.* (т. е. когда царемъ сдѣлался Тезей, мужъ и сильный, и умный, онъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ превосходно устроилъ страну и соединилъ всѣ города, уничтоживъ въ нихъ судилища и начальства и учредивъ въ нынѣшнемъ главномъ городѣ общее совѣщательное собраніе и общій судъ. Съ того времени Аѳиняне еще и до нынѣ празднуютъ въ честь богинѣ Синойкію). О измѣненіи образа правленія въ Аѳинахъ Тезеемъ и о постановленіяхъ, имъ предписанныхъ, срав. Плутархъ. Тезей гл. 24 и 25.

**) Описаніе этихъ Филъ можно найти въ сочиненіи Михаила Куторги: *Колѣна и сословія Аттическія*. С. Петерб. 1838.

ло быть принято за основаніе политическаго значенія отдѣльныхъ сословій, то Тезей раздѣлилъ народъ на три класса: 1. *Эвпатридовъ*, богатыхъ владѣльцевъ помѣстій; изъ нихъ избирались всѣ правительственныя особы и жрецы; 2. *Геоморовъ*, владѣвшихъ небольшими участками земли, и 3. *Деміурговъ*, ремесленниковъ. Введенный Тезеемъ образъ правленія продолжался до самаго уничтоженія царскаго достоинства, до 1068 года.

Потомки Тезея потеряли престолъ около того времени, когда Доріійцы вторгнулись въ Пелопоннезъ; это видно изъ того, что тогда Царемъ Аѳинскимъ былъ одинъ изгнанный изъ Пелопоннеза Ахейскій князь Меланѳъ, изъ фамиліи Нелидовъ. Онъ и сынъ его Кодръ такъ счастливо защищали Аттику противъ сихъ завоевателей, что они завладѣли одною только Мегарою, а все прочее осталось за Аѳинами. Это успѣшное сопротивленіе было облегчено тѣмъ, что большая часть Іоніійцевъ, бѣжавшихъ изъ Пелопоннеза, прибыла въ Аттику и такимъ образомъ умножила Аѳинскія силы.

По окончаніи войны, прекратившейся смертію Кодра, великодушно принесшаго себя на жертву отечеству, Іоніійцы, подъ предводительствомъ его сыновей, недовольныхъ уничтоженіемъ царскаго достоинства, удалились въ Малую Азію и тамъ основали колоніи, о которыхъ мы упоминали выше. Вотъ почему городъ Аѳины считался метрополіею всѣхъ Іоніійскихъ колоній въ Малой Азіи, и еще въ то время, когда владѣнія его ограничивались нѣсколькими квадратными милями каменистой земли, уже составлялъ сильный оплотъ Ахейско-Іоніійскій противъ могущества Доріійцевъ.

Поставивъ архонтовъ вмѣсто царей, Эвпатриды, одни имѣвшіе право на занятіе сей должности, старались все болѣе и болѣе сокращать время ея отправленія и допускать больше и больше бла-

городныхъ фамилій къ участію въ правленіи, такъ что наконецъ положили избирать ежегодно по *девяти Архонтовъ*.

По уничтоженіи царскаго достоинства, главою государства сдѣланъ былъ безсмѣнный архонтъ, изъ фамиліи Кодра. Сіи пожизненные архонты отличались отъ царей тѣмъ, что были *ὑπεύθυνοι* т. е. должны были давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ коммиссіи, составленной изъ Эвпатридовъ. Отъ 1068 до 752 г. тринадцать мужей облечены были въ сіе достоинство; первый изъ нихъ назывался *Медономъ*, а послѣдній *Алкмеономъ*. Съ 752 г. время власти архонтовъ ограничили десятью годами. Изъ семи архонтовъ съ этою властію, управлявшихъ государствомъ до 682, два послѣдніе не были уже изъ фамиліи Кодра. И съ того времени, какъ господствующая фамилія при избраніи была обойдена, и верховная власть перешла къ другимъ, началось быстрое развитіе республиканскаго духа, потому что теперь это мѣсто сдѣлалось цѣлію домогательства всѣхъ благородныхъ фамилій. Въ 682 г. дошло то того, что для удовлетворенія притязаніямъ многихъ, опредѣлили смѣнять архонтовъ ежегодно, а съ 673 г. власть, которая дотолѣ возлагаема была на одного, раздѣлили между девятью архонтами, также ежегодно избираемыми. Первый изъ нихъ, именемъ котораго означался годъ ихъ правленія, носилъ титулъ: *Эпонимъ*, второй назывался *Базилейсъ*, на него возложены были священные обряды, которые прежде совершали цари; имя третьяго было *Полемархъ*, онъ завѣдывалъ всѣми военными дѣлами. Шесть послѣднихъ, которыхъ дѣятельность преимущественно была обращена на дѣла судебныя, назывались *Тесмотетами*.

Такимъ образомъ изъ раздробленной власти царской возникла аристократія; прочіе классы народа, исключенные отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія, смотрѣли съ недовѣрчивостью на ея владычество, потому что архонты рѣшали всѣ дѣла, или соображаясь съ обычаями, или совсѣмъ про-

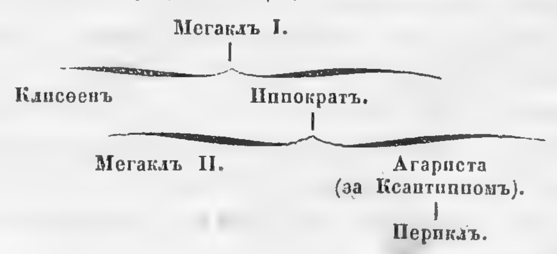
извольно, и не было писанныхъ законовъ, которые опредѣляли бы и собственную ихъ власть, и укрѣпляли и оберегали права другихъ. Наконецъ въ 625 г., для прекращенія возникшихъ по сей причинѣ безпокойствъ и безпорядковъ, одному изъ архонтовъ, Дракону, поручили дать письменные законы государству. Необыкновенная строгость, принятая Дракономъ въ опредѣленіи наказаній, была въ рукахъ Эвпатридовъ новымъ орудіемъ для притѣсненія прочихъ сословій и имѣла слѣдствіемъ еще большее противъ нихъ неудовольствіе народа.

Повидимому, Драконъ написалъ только уголовные законы и въ опредѣленіи наказаній былъ такъ строгъ, что за каждое преступленіе казнилъ смертію. При составленіи законовъ, онъ принялъ за основное правило, наказывать смертію какъ за самыя незначительныя, такъ и за самыя важныя преступленія; потому что первыя сами по себѣ достойны смерти, а для послѣднихъ нѣтъ другаго большаго наказанія. По этому-то Демадъ въ послѣдствіи сказалъ, что Драконъ написалъ законы свои кровью.

Одинъ предпріимчивый мужъ, по имени Килонъ, не принадлежавшій къ сословію Эвпатридовъ, хотѣлъ воспользоваться неудовольствіемъ народа противъ правительства и захватить верховную власть. Эта мысль могла родиться въ немъ тѣмъ скорѣе, что тесть его, Ѳеагенъ, былъ тиранномъ въ Мегарѣ и что оракулъ, котораго онъ вопрошалъ объ этомъ, одобрилъ его намѣреніе. Въ 598 Килонъ, съ своими единомышленниками, занялъ Акрополь и заставилъ провозгласить себя тиранномъ. Но народъ еще боялся возстать на защиту его противъ Эвпатридовъ; они

тотчасъ осадили Акрополь. Осажденные, послѣ долговременной и отчаянной защиты, не имѣя съѣстныхъ припасовъ и воды, должны были сдаться. Килонъ съ братомъ спасся бѣгствомъ, всѣ прочіе были умерщвлены Мегакломъ Алкмеонидомъ и его воинами, непощадившими даже и тѣхъ, которые искали спасенія у алтарей Эвменидъ. Симъ кровавымъ поступкомъ Мегаклъ запятналъ какъ свою фамилію, такъ и весь городъ. Городъ былъ очищенъ Критяниномъ Эпименидомъ посредствомъ религіозныхъ обрядовъ. Вина пролитія невинной крови осталась на Алкмеонидахъ. Посему они въ послѣдствіи были призваны къ суду и всѣ осуждены на изгнаніе, даже кости умершихъ были вырыты и выброшены изъ отечественной земли. Хотя они въ послѣдствіи возвратились изъ изгнанія, но это преступленіе для враговъ ихъ было всегда вѣрнымъ орудіемъ къ уменьшенію ихъ политическаго значенія. Это средство употребляли даже противъ Перикла, который, по матери, былъ въ родствѣ съ Алкмеонидами *).

*) Ѳук. кн. 1. гл. 126. Герод. кн. VI. гл. 131. Плутархъ. жизнь Солона. гл. 12. Родство Перикла съ Алкмеонидами видно изъ слѣдующей генеалогической таблицы:



Слѣдствіемъ внутреннихъ междоусобій было ослабленіе государства. Это видно изъ того, что Аѳиняне, въ войнѣ съ Мегарою за обладаніе островомъ Саламиномъ, должны были уступить. Въ это время, въ первый разъ является Солонъ. Побѣдою надъ Мегарійцами и взятіемъ Саламина, онъ пріобрѣлъ всеобщую довѣренность. Надѣялись, что онъ возстановитъ въ отечествѣ, раздираемомъ междоусобіями, миръ и тишину, примиритъ враждующихъ и спасетъ отъ перелома, который угрожалъ имъ погибелью.

Аѳины тогда раздѣлены были на три партіи, которыхъ выгоды и притязанія находились къ такой противоположности, что трудно было представить возможность какого-либо единства при такомъ раздѣленіи и спокойствія при такомъ волненіи. Первую партію составляли *Діакріи*, или *Иперакріи*. Это былъ простой народъ, бѣдный и обремененный долгами, полагавшій всю свою надежду на демократію, отъ которой надѣялся не только уравненія правъ, но и раздѣленія полей и имѣнія поравну между всѣми. Вторая партія, *Педіэевъ*, которую составляли богатые владѣльцы помѣстій, была чисто аристократическая. Она стремилась захватить всю власть въ свои руки и совершенно подчинить себѣ задолжавшій народъ. Къ счастію между сими крайностями была средина, партія *Параліевъ*. Она состояла изъ гражданъ, ни слишкомъ богатыхъ, чтобы, гордясь своимъ имѣніемъ, стремиться къ исключительной власти, ни слишкомъ бѣдныхъ, чтобъ все спасеніе свое полагать въ раздѣленіи имѣній. Цѣлію и желаніемъ этой партіи было достиженіе такого состоянія, въ которомъ всѣ сословія равно могли бы пользоваться свободою и спокойствіемъ. Если вѣрить Плутарху, который вообще склоненъ къ рѣзкимъ изображеніямъ, неравенство имуществъ и притѣсненіе бѣдныхъ было ужасно. «Весь народъ, говоритъ Плутархъ, (жизнь Солона, глава 13) былъ въ долгу у богатыхъ. Должники или обработывали

земли своихъ кредиторовъ и отдавали имъ шестую часть доходовъ, или, если давали на себя кабалу по прошествіи срока не выплачивали долга, были обращаемы въ рабовъ и даже продаваемы въ другія страны. Многіе, для уплаты долговъ, продавали своихъ дѣтей (потому что законъ этого не запрещалъ) или спасались бѣгствомъ изъ отечества. Многіе, и притомъ сильнѣйшіе, соединясь вмѣстѣ, рѣшились возстать противъ притѣснителей и, поставивъ главою надежнаго мужа, заставить ихъ раздѣлить поля и измѣнить образъ правленія.»

Въ это время, когда дѣла находились въ такомъ состояніи, Солонъ является примирителемъ враждующихъ. Онъ, по своему характеру и по своимъ отношеніямъ къ обѣимъ партіямъ, былъ самымъ лучшимъ посредникомъ, какого можно было желать. Онъ происходилъ изъ фамиліи Кодра, слѣдовательно принадлежалъ къ первѣйшимъ аристократическимъ фамиліямъ, но наслѣдство, оставленное ему отцемъ, было такъ незначительно, что онъ по необходимости рѣшился заняться торговлею, и такимъ образомъ, будучи аристократомъ по рожденію, былъ демократомъ по роду жизни. Познанія, пріобрѣтенныя имъ во время путешествій по дѣламъ торговымъ, и слава его мудрости еще болѣе усилили всеобщую къ нему довѣренность, которую укрѣпило уже его положеніе относительно обѣихъ партій.

Солонъ принялъ на себя тяжелый трудъ устроить дѣла государства. По зрѣломъ размышленіи онъ отказался отъ тиранніи, которую предлагали ему друзья *), и удовольствовался тѣмъ, что его избрали въ архонты съ титуломъ примирителя и законодателя (*διαλλακτὴς καὶ νομοθέτης*). Но до приведенія въ надлежащій порядокъ политиче-

*) По словамъ Плутарха онъ отвѣчалъ имъ такъ: *καλὸν μὲν εἶναι τὴν τυραννίδα χωρίον, οὐκ ἔχειν δὲ ἀπόβασιν.* (т. е. тираннія прекрасное мѣсто, но безъ выхода). Объ этомъ же предметѣ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

скихъ отношеній, онъ старался помочь настоящей нуждѣ, именно уничтожить источникъ всѣхъ дотолѣ бывшихъ безпокойствъ—притѣсненіе бѣдныхъ. Этой цѣли достигъ онъ посредствомъ *сейзахтіи*, смягченіемъ Драконовыхъ постановленій, ограниченіемъ права на владѣніе землею, и наконецъ новыми постановленіями о долгахъ.

О томъ, что такое была *сейзахтія*, и древніе были несогласны между собою. Кажется, она состояла въ уменьшеніи процентовъ и въ измѣненіи цѣнности монетъ. Именно Аттической минѣ, до того стоившей только 73 драхмы, онъ далъ цѣну 100 драхмъ. И этимъ онъ оказалъ важное пособіе должникамъ, не вредя впрочемъ и заимодавцамъ. Онъ уничтожилъ строгія наказанія, предписанныя Дракономъ, кромѣ казни, положенной за смертоубійство и прелюбодѣяніе. Чтобъ и на будущее время пресѣчь источникъ большаго неравенства въ имуществахъ, Солонъ предписалъ, что никто не долженъ имѣть земли, свыше мѣры, назначенной закономъ, и, чтобы никто за долги не жертвовалъ своею личною свободою, онъ запретилъ давать на себя кабалу.

Въ образѣ правленія Солонъ старался удержать, сколько возможно, древнія постановленія и соединить аристократическій и демократическій элементы. Но предоставивъ политическія права и участіе въ управленіи не знатной породѣ а богатству, которое перемѣнчиво и доступно каждо-

— — εἰ δὲ γῆς ἐφεισάμην
πατρίδος, τυραννίδος δὲ καὶ βίης ἀμειλίχου
οὐ καθηψάμην μιάνας καὶ καταισχύνας κλέος,
οὐδὲν αἰδοῦμαι. πλέον γὰρ ὧδε νικήσειν δοκέω
πάντας ἀνθρώπους.

(т. е. Если я пощадилъ свое отечество и не употребилъ тиранніи и суроваго насилія, чѣмъ запятналъ бы и опозорилъ свою славу, я не стыжусь этого; потому что думаю такимъ образомъ превзойти всѣхъ людей).

му, онъ далъ Аѳинской Республикѣ существенно демократическій характеръ, и аристократія уже не является господствующею, но только противодѣйствующею.

Оцѣнивъ имущество каждаго гражданина и исчисливъ получаемые имъ доходы, Солонъ раздѣлилъ народъ на четыре класса. Чистый годовой доходъ былъ мѣрою этого дѣленія. Получавшіе не менѣе пяти сотъ медимнъ, составляли *первый классъ*, и назывались: *πενταχοσιομεδίμνοι*.

Ко *второму классу* принадлежали получавшіе отъ 500 до 300 мед. доходу, и назывались *всадниками*: *ἱππεῖς* или *ἱππάδα τελοῦντες*.

Третій классъ состоялъ изъ тѣхъ, коихъ доходъ равнялся $\frac{2}{5}$ доходу перваго класса, и извѣстенъ подъ именемъ: *ζευγῖται*.

Всѣ другіе, не имѣвшіе недвижимаго имѣнія и постоянныхъ доходовъ, причислялись къ *четвертому классу* и назывались *θῆτες*.

Всѣ государственные чиновники избирались изъ первыхъ трехъ классовъ, а послѣдній имѣлъ мѣсто и голосъ только въ общемъ народномъ собраніи, которое называлось *Экклезіею*. Въ этомъ высшемъ правительственномъ собраніи были разсматриваемы и рѣшаемы дѣла самыя важныя. Оно принимало то, что считало за лучшее, и приговоръ его былъ закономъ. Но чтобы все представляемое на рѣшеніе Экклезіи было зрѣло обсужено, для сего Солонъ учредилъ *βουλή*, которое состояло изъ четырехъ сотъ членовъ, избранныхъ по сту изъ каждой филы. Эта коллегія обязана была обсуживать все, что должно было представлять въ народное собраніе; но ея *προβούλευμα* (предположеніе) могло быть *ψήφισμα*, (постановленіемъ, указомъ) только по приговору повелителя — народа. Мы разберемъ подробнѣе устройство сихъ двухъ правительственныхъ собраній въ послѣдствіи, потому что форма, данная имъ Солономъ, измѣнится.

Девяти архонтамъ онъ оставилъ всю ихъ прежнюю власть. За безпорочное исполненіе своей должности, архонты вступали въ *Ареопагъ*, государственную коллегію, которой члены, единожды избранные, остава-

лись въ этой должности безсмѣнно на всю жизнь. Уже изъ сего послѣдняго обстоятельства можно усмотрѣть, что Ареопагъ былъ учрежденіе аристократическое. Впрочемъ это судилище существовало съ древнѣйшихъ временъ, и учрежденіе его приписываютъ самой богинѣ Аѳинѣ. Такимъ образомъ Ареопагъ составлялъ ограниченіе демократическаго духа. Кругъ его дѣятельности ограничивался судейскими и полицейскими обязанностями. По части судебной Ареопагъ судилъ за всѣ уголовныя преступленія, какъ то: за убійство, поджигательство, святотатство, отравленіе и т. д.; по части полицейской онъ имѣлъ надзоръ за нравами гражданъ. Но главное его политическое значеніе состояло въ томъ, что онъ надзиралъ за мѣрами правительства и имѣлъ право поправлять ошибки, которыя дѣлалъ народъ по опрометчивости. Сверхъ того въ Аѳинахъ было множество другихъ судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ засѣдали судьи, избираемые изъ народа. Собраніе этихъ судей называлось Ἡλιαία (геліея), и составляло высшій аппелляціонный судъ. Съ увеличеніемъ могущества Аѳинъ увеличились число и кругъ дѣйствія этихъ судилищъ, такъ что большая часть гражданъ въ продолженіе года занималась судебными дѣлами. Духъ адвокатства, который Аристофанъ осмѣялъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ комедій, проникнулъ всѣхъ гражданъ. Въ послѣдствіи Аѳиняне начали искать и другихъ должностей кромѣ судейскихъ; множество мѣстъ по части администраціи доставляли случай каждому испытать свои силы по всѣмъ отраслямъ управленія. Притомъ частая перемѣна чиновниковъ—въ характерѣ демократическаго государства и необходима для того, чтобъ каждый гражданинъ могъ участвовать въ правленіи *) Равенство въ правахъ всѣхъ гражданъ было основа-

*) Изъ всѣхъ сочиненій о правленіи и законахъ Аѳинъ, написанныхъ въ новѣйшія времена, самое замѣчательное есть: die Staatshaushaltung der Athener, von A. Böckh. 4 Bücher. Berlin 1817. 2 Bde. Кромѣ того нѣкоторыя мѣста въ книгахъ: Tittman über Griechische Staatsverfassung, Wachsmuths hellenische Alterthumskunde, и K. Fr. Hermanns Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer aus dem Standpunkt der Geschichte des Athenischen Staates.

ніемъ Аѳинскаго Государства, какимъ оно явилось по устройствѣ, данномъ ему Солономъ. Посему въ послѣдствіи государство должно было имѣть средство сдѣлать безвредными силу и славу нѣкоторыхъ гражданъ, пріобрѣтенныя богатствомъ или талантами. Съ этою цѣлью введенъ *остракизмъ*, которымъ каждый гражданинъ, впадавшій въ немилость у народа, былъ осуждаемъ на десятилѣтнее изгнаніе изъ отечества. 6000 было законное число голосовъ для осужденія на это изгнаніе.

Солонъ потребовалъ, чтобъ его законы сохраняемы были со всею строгостію въ продолженіе ста лѣтъ, и заставилъ въ томъ поклясться Буле и всѣхъ правительствующихъ особъ республики. Но и послѣ этого ему не давали покоя, одни своими упреками, другіе предложеніями измѣнить то тотъ, то другой законъ; по этому онъ рѣшился на нѣсколько времени удалиться изъ отечества и, взявъ клятву съ собраннаго имъ народа, свято хранить его законы, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ, отправился въ путешествіе. Тотчасъ по отъѣздѣ Солона, прежнія партіи выступили на сцену. И теперь не оставалось ни какого другаго средства къ возстановленію тишины, кромѣ того, которое съ такимъ презрѣніемъ отвергнулъ Солонъ, именно силою тиранніи подавить партіи и, доставивъ уваженіе правительству, дать вѣсъ законамъ.

Алкмеониды снова возвратились въ отечество, и Мегаклъ, находившійся въ родственныхъ связяхъ съ тиранномъ Сикіонскимъ, сдѣлался главою Паралієвъ; главою противной партіи Педіэевъ явился Ликургъ; но третья партія выступила подъ предводительствомъ мужа, который своими даро-

ваніями далеко превосходилъ своихъ соперниковъ: то былъ *Пизистратъ*, родственникъ Солона. Хитростью и происками получивъ позволеніе содержать тѣлохранителей, онъ въ 561 году занялъ Акрополисъ и объявилъ себя тиранномъ. Впрочемъ онъ пользовался менѣе одного года властію, такимъ образомъ похищенною, потому что начальники другихъ двухъ партій, Мегаклъ и Ликургъ, соединившись, въ 560 году, принудили его бѣжать изъ отечества.

Во время сихъ безпорядковъ умеръ Солонъ; впрочемъ при смерти онъ утѣшался тѣмъ, что Пизистратъ, даже сдѣлавшись тиранномъ, соблюдалъ его законы, и отрадная мысль, что цѣль, дать отечеству полезные законы, будетъ достигнута, послѣдовала за нимъ въ могилу. По удаленіи Пизистрата, распался союзъ, заключенный противъ него между предводителями другихъ двухъ партій. Мегаклъ обратился къ Пизистрату, приглашая его къ примиренію и обѣщаясь помочь ему возвратиться въ Аѳины, если онъ согласится жениться на его дочери и по смерти сдѣлать наслѣдникомъ своей власти одного изъ прижитыхъ съ нею сыновей. Пизистратъ принялъ это предложеніе и въ 558 г. снова овладѣлъ замкомъ и захватилъ верховную власть. На этотъ разъ Пизистратъ оставался правителемъ государства въ продолженіе четырехъ лѣтъ и правилъ по законамъ Солона со всею строгостію, не отступая отъ нихъ ни на шагъ. Разсказываютъ даже, что онъ самъ явился однажды на судъ въ Ареопагъ, чтобъ оправдаться въ какомъ-то взво-

димомъ на него преступленіи, и покорился приговору сего судилища. Онъ и самъ издалъ нѣкоторые законы, которые были написаны совершенно въ духѣ Солоновыхъ. Но сколько Аѳиняне были довольны его правленіемъ, которое доставило имъ спокойствіе и благодѣтельное устройство, столько, съ другой стороны, Мегаклъ былъ имъ не доволенъ. Хотя Пизистратъ по договору и женился на его дочери, но не хотѣлъ имѣть отъ нея дѣтей и тѣмъ нарушилъ главное условіе договора, по которому онъ долженъ былъ оставить свою власть одному изъ сыновей отъ сего брака. Посему Мегаклъ снова сблизился съ партіею Ликурга, и этотъ союзъ имѣлъ слѣдствіемъ вторичное изгнаніе Пизистрата. Онъ удалился на островъ Эвбею, гдѣ владѣлъ большими помѣстьями и гдѣ былъ довольно близко отъ Аѳинъ и слѣдовательно могъ постоянно сноситься съ своею партіею. Между тѣмъ прошло довольно времени, прежде нежели онъ рѣшился предпринять что-либо для возвращенія себѣ власти. Наконецъ убѣжденія сына его, Гиппія, предложеніе помощи Ѳиванцевъ, деньги, данныя ему Наксійцемъ Лигдамисомъ и особенно неотступныя требованія Аѳинскихъ единомышленниковъ, вывели его изъ бездѣйствія. Онъ собралъ войско и вышелъ съ нимъ на берегъ близъ Мараѳона. Здѣсь къ нему присоединились всѣ его приверженцы, какъ городскіе, такъ и сельскіе. Получивъ небольшой перевѣсъ надъ высланнымъ противъ него войскомъ, человѣколюбіемъ и кротостію къ побѣжденнымъ онъ умѣлъ сдѣлать изъ него рѣшительную побѣ-

ду. И такъ въ 538 г. онъ снова вступилъ въ Аѳины, которыя, такимъ образомъ, въ третій разъ подпали его власти. Изгнаніемъ Алкмеонидовъ и принятіемъ строгихъ мѣръ противъ аристократовъ онъ утвердилъ свое владычество и спокойно правилъ до самой смерти, которая послѣдовала въ 527 г. (во второмъ году 63 олимп.)

Пизистратъ есть весьма замѣчательное лицо въ Аѳинской исторіи. Такъ какъ потомство изъ ненависти къ тиранніи умышленно исказило не только исторію сего мужа, но и исторію дѣтей его, то необходимо нѣсколько остановить на немъ наше вниманіе. Платонъ и Ѳукидидъ суть единственные повѣствователи исторіи Пизистрата и его фамиліи, непричастные духу партій. Пизистратъ имѣлъ прекрасную наружность, такъ что голова бога Діониса, которую въ пластикѣ обыкновенно считаютъ идеаломъ красоты, была только его портретомъ. Съ этою привлекательною наружностью онъ соединялъ кротость характера и щедрость. Ѳукидидъ, говоря о немъ и его дѣтяхъ, замѣчаетъ, что сіи тиранны правили государствомъ справедливо и благоразумно. Они брали съ Аѳинянъ только двадцатую часть ихъ доходовъ, которую издерживали на самыя полезныя для города учрежденія, военныя потребности и на торжественныя празднества религіозныя. Государство пользовалось во всемъ прежними законами, и Пизистратиды старались только, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ всегда въ числѣ Архонтовъ (кн. VI. гл. 54). Лучшее свидѣтельство того, какъ умѣли Пизистратиды цѣнить науки и искусства и какъ много они покровительствовали имъ, есть то, что имъ обязаны собраніемъ Гомеровыхъ пѣсней и приведеніемъ ихъ въ ту форму, какую онѣ сохранили и доселѣ. Платонъ особенно выхваляетъ Иппарха за его любовь къ наукамъ и за ревность, съ какою онъ старался возбудить ее и въ народѣ.

Пизистрату наслѣдовалъ старшій сынъ его, Гиппій; впрочемъ и младшіе, Иппархъ и Ѳессалъ,

участвовали въ правленіи. Сначала Гиппій слѣдовалъ во всемъ политикѣ своего отца, и всѣ покушенія Алкмеонидовъ, возвратиться въ отечество, были тщетны; но положеніе дѣлъ скоро измѣнилось. Въ 514 г. Иппархъ былъ умерщвленъ Армодіемъ и Аристогитономъ. Съ этого времени Гиппій началъ править жестоко и самовластно, многихъ гражданъ казнилъ, другихъ принудилъ спасаться бѣгствомъ изъ города и старался обезопасить свою власть связями съ другими государствами. Но онъ не имѣлъ уже прежняго могущества: время ослабило его силу такъ, что Алкмеониды, склонивъ на свою сторону Спартанцевъ, успѣли въ 510 году уничтожить тираннію и изгнать Пизистратидовъ.

Если прочесть безпристрастный расказъ Ѳукидида о поводѣ къ умерщвленію Иппарха, то убійцы его вовсе не заслуживаютъ той славы, которую приписываютъ имъ Аѳиняне. Армодій, юноша очень красивой наружности, находился въ любовныхъ связяхъ съ Аристогитономъ. Его благосклонности искалъ также и Иппархъ. И такъ ревность вооружила Аристогитона противъ тиранна, а имя свободы служило ему только средствомъ привлечь къ участію въ этомъ заговорѣ другихъ. Планъ заговорщиковъ былъ: истребить всю фамилію Пизистратидовъ, во время праздника Панатенея, въ который обыкновенно совершалась священная процессія. Но они, изъ страха, быть открытыми, не дождались условленной минуты и умертвили Иппарха. Гиппій, избавившись отъ опасности, безъ труда разсѣялъ мятежниковъ. Армодій былъ убитъ во время самой стычки, а Аристогитонъ схваченъ и казненъ. Изгнаніе Гиппія весьма подробно описываетъ Геродотъ. (Кн. V. гл. 62 и слѣд.) Алкмеониды, собравъ вокругъ себя всѣхъ Аѳинскихъ бѣглецовъ, скрывшихся оттуда послѣ этого происшествія, хотѣли силою возвратиться въ отечество, и

когда это имъ не удалось, они избрали другую дорогу. Въ то время сгорѣлъ въ Дельфахъ храмъ Аполлона. Алкмеониды взялись возстановить его на свой счетъ, и выстроенный ими храмъ былъ гораздо красивѣе и великолѣпнѣе нежели какъ требовалось по плану; фасадъ храма они построили изъ отличнаго Паросскаго мрамора. Этимъ поступкомъ они не только прославились во всей Греціи, но, что для нихъ было важнѣе, склонили на свою сторону жрецовъ храма, такъ что Пиѳія, каждый разъ когда Спартанцы, по какому нибудь случаю, приходили просить совѣта у оракула, къ своему отвѣту прибавляла, что они должны освободить Аѳины Спартанцы наконецъ сочли это священною для себя обязанностію и послали на помощь Алкмеонидамъ войско, подъ предводительствомъ одного изъ знатнѣйшихъ своихъ согражданъ, Анхимолія. Гиппій, съ своей стороны, также хорошо приготовился къ нападенію. Онъ вступилъ въ союзъ съ Ѳессалійцами и получилъ отъ нихъ тысячу всадниковъ вспомогательнаго войска. Въ битвѣ, происшедшей съ непріятелемъ, побѣда осталась за нимъ. Самъ Анхимолій и множество Спартанцевъ остались на полѣ сраженія. Народная гордость заставила Спартанцевъ предпринять новый походъ; они собрали гораздо многочисленнѣйшее войско и послали его подъ предводительствомъ царя Клеомена. Ѳессалійская конница, въ первой битвѣ выигравшая побѣду, въ этотъ разъ была разбита. Гиппій заключился въ Акрополисѣ и въ немъ былъ осажденъ Спартанцами и народомъ, который также поднялъ оружіе противъ тиранна. Но онъ такъ хорошо запасся съѣстными припасами, что Спартанцы, утомленные долговременною осадою, отступили. Оставшіеся хотя продолжали осаду, однако едва ли бы успѣхъ увѣнчалъ ихъ усилія, если бъ счастливый случай не предалъ въ ихъ руки дѣтей Гиппія, которыхъ онъ хотѣлъ отправить въ безопасное мѣсто. Для спасенія дѣтей, онъ согласился сложить съ себя власть и въ теченіе пяти дней оставить Аттику. Сперва онъ удалился на мысъ Сигей, оттуда отправился къ Персидскому Двору. Дарій удостоилъ его благосклоннаго пріема и одарилъ богатыми помѣстьями.

По изгнаніи Пизистратидовъ и по возвращеніи Алкмеонидовъ, тотчасъ обнаружились прежніе раздоры, которые дотолѣ были связаны властію тиранна. Теперь Алкмеониды перешли на сторону народа, и *Клисѳенъ*, старшій сынъ Мегакла, сдѣлался предводителемъ демократической партіи. Между тѣмъ аристократы соединились подъ начальствомъ Исагора и склонили на свою сторону Спартанцевъ, которые тогда имѣли намѣреніе въ Аѳинахъ ввести такой образъ правленія, который бы сдѣлалъ Аѳины отъ нихъ зависимыми. Клисѳенъ всѣми силами старался дать перевѣсъ демократическому духу и тѣмъ упрочить свою власть. Въ 509 году, какъ архонтъ, онъ предпринялъ то великое преобразованіе во внутреннемъ устройствѣ государства, которое дало рѣшительный перевѣсъ демократіи въ Аѳинахъ. Средство, употребленное имъ къ достиженію цѣли, было новое раздѣленіе на филы и увеличеніе числа ихъ, потому что этимъ онъ уничтожилъ зависимость кліентовъ отъ ихъ покровителей и вообще измѣнилъ всѣ прежнія отношенія, укоренившіяся въ обществѣ отъ долговременныхъ постоянныхъ связей. Этимъ же онъ умножилъ число членовъ Буле и далъ составу его видъ болѣе сложный. Солонъ оставилъ прежнее дѣленіе народа на четыре филы, потому что оно было важно по своей древности и освящено религіею. Каждая фила дѣлилась на три фратріи, или тритиса, каждая изъ нихъ въ свою очередь подраздѣлялась еще на тридцать родовъ, которые назывались *Δῆμοι*. Такъ какъ всѣ эти отдѣльныя общества гражданъ

имѣли свои особенныя собранія, своихъ чиновниковъ и свои праздники, то естественно, что, въ продолженіе времени, между фамиліями, принадлежавшими къ одному и тому же отдѣленію, образовалась тѣсная связь, и что преимущества нѣкоторыхъ фамилій предъ другими, укоренившіяся здѣсь съ древнихъ временъ, были тверды еще и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ устройствѣ основывалась главная сила аристократіи; по этой причинѣ Клисѳенъ и уничтожилъ его. Вмѣсто прежнихъ четырехъ филъ, онъ сдѣлалъ десять и назвалъ ихъ именами отечественныхъ героевъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этихъ перемѣнъ было то, что Буле и Экклезія получили новый видъ, который и сохранили до самаго паденія Аѳинскаго Государства.

По учрежденію Солона, изъ каждой филы, которыхъ было при немъ четыре, надлежало выбирать членами въ Буле по сту человѣкъ. Напротивъ Клисѳенъ увеличилъ число членовъ этого собранія до пяти сотъ, опредѣливъ выбирать по пятидесяти чел. изъ каждой вновь устроенной филы. Только въ важныхъ случаяхъ было полное собраніе совѣта Буле; обыкновенными же дѣлами занимался только десятая часть, то есть пятьдесятъ членовъ, которые смѣнялись чрезъ каждые тридцать пять дней, и ежедневно изъ среды своей избирали новаго предсѣдателя. Этотъ комитетъ, назначаемый для тридцати-пяти дневнаго правленія, назывался *пританіею*. Во все время отправленія своей должности, члены ея содержались на общественномъ иждивеніи, и къ ихъ столу, по назначенію народа, допускали только тѣхъ изъ гражданъ, которые были достойны сей высокой чести за свои великія заслуги. Зданіе, назначенное для жительства сихъ правителей, называлось Пританеемъ.

Совѣтъ Буле долженъ былъ тщательно разсматривать каждое предложеніе, прежде нежели оно поступало на рѣшеніе народа. Опредѣленіе Буле называлось *пробулевма*, и эти-то пробулевмы служили основаніемъ всѣхъ опредѣленій народа, называвшихся *псефисмами*. Въ правленіе каждой пританіи, то есть, въ продолженіе тридцати пяти дней, народъ собирался непремѣнно четыре раза. Во время собранія, городскія ворота запирались, и прекращалось всякое сообщеніе. Кого усматривали на улицѣ, тотчасъ прогоняли въ Пниксъ, мѣсто народнаго собранія; здѣсь присутствовала правящая пританія и весь Буле; изъ членовъ Буле, непринадлежащихъ къ правящей пританіи, избирались по жребію девять проэдровъ или предсѣдателей, изъ коихъ одинъ, называвшійся эпистатъ, наблюдалъ за ходомъ совѣщанія.

Исагоръ не осмѣлился напасть прямо на Клисѳеновы постановленія, любимыя народомъ; но старался, при посредничествѣ Спарты, сперва удалить изъ Аѳинъ самого Клисѳена. По его просьбѣ, Спартанское правительство послало въ Аѳины требованіе, изгнать фамилію Алкмеонидовъ, запятнавшую себя преступленіемъ противъ религіи. Клисѳенъ долженъ былъ оставить городъ, потому что Клеоменъ, царь Спартанскій, уже шелъ къ Аѳинамъ съ войскомъ, чтобы силою подкрѣпить это требованіе. Клеоменъ вступилъ въ Аѳины и изгналъ изъ города до семи сотъ человѣкъ, на которыхъ донесъ ему Исагоръ, какъ на людей безпокойныхъ. Не довольствуясь этимъ, Исагоръ хотѣлъ, съ помощію своихъ союзниковъ, измѣнить и самое правленіе; уже положено было уничтожить пятисотенный совѣтъ Буле и передать власть тремъ стамъ приверженцамъ Исагора, но здѣсь-то выказался со всею энергіею демокра-

тическій духъ Аθинянъ. Совѣтъ Буле объявилъ себя противъ этого рѣшенія; граждане взялись за оружіе, и Клеоменъ принужденъ былъ, вмѣстѣ съ Исагоромъ, спасаться бѣгствомъ въ Акрополисъ.

Послѣ двудневной осады Клеоменъ сдалъ крѣпость, выговоривъ себѣ и Исагору свободный пропускъ. Всѣ изгнанные ими, въ числѣ ихъ и Клисθенъ, возвратились. Клеоменъ дѣлалъ еще нѣсколько покушеній подавить въ Аθинахъ демократію и подчинить этотъ городъ Спартѣ, но тщетно. Сія борьба пробудила въ Аθинянахъ чувство собственнаго достоинства, которое должно было увлечь ихъ къ великимъ подвигамъ и исполнила духомъ, способнымъ ко всему великому.

Немедленно по возвращеніи изъ Аθинъ, Клеоменъ собралъ сильное войско изъ всѣхъ союзныхъ съ Спартою Пелопоннезскихъ государствъ и вторгнулся съ нимъ въ Элевзинъ. Въ то же время Беотійцы сдѣлали опустошительный набѣгъ на границы Аттики, и Халкидяне, вышедъ на берегъ со стороны Эвбеи, грабили и разрушали пограничныя селенія. Двухъ послѣднихъ непріятелей Аθиняне оставили сначала безъ вниманія и двинули всѣ свои силы въ Элевзинъ, противъ Пелопоннезцевъ. Здѣсь нѣкоторое время оба войска, готовыя къ битвѣ, стояли одно противъ другаго. Къ счастію Аθинянъ, въ Спартанскомъ лагерѣ не было согласія. Какъ скоро планъ Клеомена, поставить Исагора тиранномъ въ Аθинахъ, сдѣлался извѣстенъ, Коринθяне первые, не желая долѣе принимать участія въ этой несправедливой войнѣ, ушли назадъ. Вскорѣ вспыхнула вражда между самими Спартанскими царями, Клеоменомъ и Демаратомъ, которые уже давно питали другъ къ другу зависть, и Демаратъ отказался помогать своему товарищу въ исполненіи его плана. Въ слѣдствіе этого раздора, все войско разсѣялось, и Аθиняне не только освободи-

лись отъ опасности, но даже могли отмстить своимъ врагамъ: Беотійцамъ, за вторженіе въ Аттику, отплатили они подобнымъ же вторженіемъ въ ихъ собственные предѣлы, а Халкидянъ, за опустошенія, наказали покореніемъ ихъ страны.

Между тѣмъ Клеоменъ не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія отмстить Аѳинянамъ и со всѣмъ жаромъ своего пылкаго характера стремился къ достиженію желаемой цѣли. Сначала онъ предложилъ законъ, что одно войско не должно находиться въ одно время подъ начальствомъ двухъ царей, и заставилъ утвердить его. Потомъ онъ приступилъ къ исполненію плана, возвратить Гиппію, сыну Пизистратову, потерянную власть въ Аѳинахъ, и дѣлалъ это подъ тѣмъ предлогомъ, что оракулъ, совѣтовавшій освободить Аѳины отъ Пизистратидовъ, былъ подкупленъ Алкмеонидами. Гиппій, находившійся въ то время на мысѣ Сигеѣ, прибылъ въ Спарту; сюда же Клеоменъ созвалъ всѣхъ Дорійскихъ союзниковъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону. Но это не удалось. Коринѳянинъ Созиклъ, въ рѣчи, которую сохранилъ намъ Геродотъ, (Кн. V. гл. 92) столь сильно выразилъ свое негодованіе и такъ ярко описалъ несправедливость Спартанцевъ, что всѣ союзники согласились съ нимъ, и рѣшили оставить Аѳинянъ въ покоѣ. (*μὴ ποιέειν μηδὲν νεώτερον περὶ πόλιν Ἑλλάδα*).

Едва успѣвъ утвердить независимость, Аѳиняне возымѣли такое высокое понятіе о своихъ силахъ, что даже осмѣлились нанести обиду Персидскому правительству. Оскорбленіе состояло въ томъ, что Аѳиняне послали помощь Мало-Азійскимъ Іонійцамъ, своимъ единоплеменникамъ, вознамѣрившимся свергнуть Персидское иго. Этимъ поступкомъ они обратили противъ себя оружіе Персовъ, которые уже начали распространять свои завоеванія въ Европѣ, и ускорили борьбу между Персидскимъ Государствомъ и Греческою націею. Хотя Греческія племена не составляли одного,

политическаго цѣлаго; но чувство одноплеменности, общія святилища, языкъ, нравы, все это связывало ихъ неразрывными узами, такъ что почти всѣ греческія государства *) соединились для отраженія варваровъ, которые во всемъ были имъ противоположны. И съ этого времени Греческая Исторія приходитъ въ тѣснѣйшую связь съ Персидскою. Возстаніе Мало-Азійскихъ греческихъ колоній было поводомъ къ открытію войны. Это событіе находится въ тѣсной связи съ первыми предпріятіями Персовъ противъ Европы, именно съ походомъ Дарія противъ Скиѳовъ.

Положивъ опредѣленныя границы своему царству въ Азіи и давъ ему твердое внутреннее устройство, какъ было уже нами выше описано, Дарій въ 513 году предпринялъ походъ въ Европу, чтобы съ этой стороны напасть на Скиѳовъ, которымъ онъ обязанъ былъ еще отмстить за смерть Кира. Въ этомъ походѣ должны были участвовать и Мало-Азійскіе Греки, и уже здѣсь оказалось умственное превосходство Грековъ надъ варварами. Всѣми хорошими распоряженіями, планами, постройками, Персы обязаны были Грекамъ. Они построили мостъ на Босфорѣ, по которому Дарій перевелъ свое войско во Ѳракію; они же поставили пловучій мостъ на Истерѣ и остались охранять его, между тѣмъ, какъ Дарій повелъ свое войско въ предѣлы Скиѳіи. Конецъ этой войны былъ несчастливъ для Персовъ. Чѣмъ дальше они проникали въ степи Скиѳіи, тѣмъ опаснѣе становилось ихъ положеніе. И что было бы съ ними, если бъ они, на возвратномъ пути, преслѣдуемые Скиѳами, не на-

*) У Геродота (кн. VIII гл. 144) Аѳиняне исчисляютъ все, что должно удерживать ихъ отъ союза съ Персами, и между прочимъ: *τὸ Ἑλληνικὸν ἐὸν ὅμαιμόν τε καὶ ὁμόγλωσσον, καὶ θεῶν ἱδρύματά τε κοινὰ καὶ θυσίαι, ἤθεά τε ὁμότροπα.* (т. е. у всѣхъ Грековъ одна кровь, одинъ языкъ, общіе храмы и жертвы богамъ и сходные нравы).

шли на Истерѣ ни моста, ни кораблей для переправы? Хотя Аѳинянинъ Мильтіадъ, который, какъ правитель Ѳракійскаго Херсонеса, находился также въ зависимости отъ Персидскаго Правительства, предложилъ разрушить мостъ и оставить Дарія со всѣмъ его войскомъ на погибель, но его предложеніе было отвергнуто Гистіеемъ, тиранномъ Милетскимъ, который убѣдилъ и прочихъ правителей греческихъ колоній сохранить мостъ въ цѣлости. Дарій, такимъ образомъ спасенный отъ погибели, возвратился въ Азію, оставивъ во Ѳракіи восемьдесятъ тысячъ войска, подъ предводительствомъ Мегабаза, который и покорилъ всю эту страну. Уже теперь Персы были недалеко отъ границъ Греціи; подобное порабощеніе угрожало и ей, если бъ въ это время не произошло возстаніе Мало-Азійскихъ Грековъ. Гистіей Милетскій, въ награду за великую услугу, оказанную имъ царю, получилъ позволеніе просить какой угодно милости. Онъ просилъ, чтобъ ему позволили во Ѳракіи, недавно покоренной Персами, построить и укрѣпить городъ, который бы остался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи его фамиліи. Царь согласился. Гистіей выбралъ себѣ мѣсто на берегахъ рѣки Стримона. Но оно, по своему выгодному положенію, было весьма важно, или по крайней мѣрѣ могло сдѣлаться важнымъ въ послѣдствіи; потому Мегабазъ представилъ царю, какъ опасно позволить предпріимчивому Греку поселиться въ странѣ, изобилующей корабельнымъ лѣсомъ и богатой рудниками. Онъ совѣтовалъ царю милостиво призвать Гистіея ко Двору и удержать тамъ навсегда. Дарій послѣдовалъ этому совѣту и тотчасъ повелѣлъ дружески пригласить къ себѣ Гистіея, и какъ вѣрнѣйшаго совѣтника взялъ его съ собою въ Сузу; а въ Милетъ назначилъ правителемъ родственника Гистіеева, Аристагора.

Неудачный походъ Персовъ, предпринятый по совѣту Аристагора, вмѣстѣ съ интригами недовольнаго Гистіея, были причиною возмущенія: именно, Наксійскіе аристократы, изгнанные изъ отечества, обратились съ просьбою къ Аристагору, какъ къ человѣку, имѣвшему сильное вліяніе при Персидскомъ Дворѣ, надѣясь при его содѣйствіи получить помощь отъ

Персовъ, и силою возвратиться на островъ. Аристагоръ отправился къ Артаферну, главному правителю Малой Азіи, представилъ ему просьбу Наксійцевъ, и вмѣстѣ выгоды, которыя можетъ извлечь Персидское Правительство, подавъ помощь изгнанникамъ. Артафернъ сперва донесъ объ этомъ Дарію и, получивъ отъ него согласіе, приказалъ снарядить флотъ изъ двухъ сотъ кораблей, и главное начальство надъ нимъ поручилъ одному знатному Персу Мегабату. Но предпріятіе рушилось, и главною причиною неудачи было несогласіе Мегабата съ Аристагоромъ. Такъ какъ эта война предпринята была по совѣту Аристагора, то онъ боялся, чтобъ его не заставили заплатить за всѣ издержки и потери. Онъ не видѣлъ другаго средства для своего спасенія отъ угрожающей бѣды, кромѣ возмущенія, къ чему уже давно побуждалъ и ободрялъ его Гистіей, который очень желалъ бы оставить Дворъ, ибо онъ надѣялся, что, въ случаѣ возмущенія, его непремѣнно пошлютъ въ Малую Азію для ея усмиренія.

Въ 504 г. Аристагоръ сложилъ съ себя достоинство правителя и ввелъ въ Милетѣ демократію. Этому примѣру послѣдовали и прочіе Іонійскіе города; повсюду правители, если не хотѣли добровольно отказаться отъ власти, были изгоняемы или умерщвляемы, и союзъ возстановилъ свое древнее правленіе. Теперь опредѣлили съ точностію, сколько каждый городъ долженъ доставить войска, кораблей и денегъ для войны, которую уже можно было предвидѣть.

Возмущеніе, такъ необдуманно начатое, разумѣется, не могло и счастливо кончиться. Аристагоръ не столько полагался на силы самихъ Іонійцевъ, сколько на помощь Грековъ изъ метрополіи. Въ этой надеждѣ онъ отправился туда самъ и сперва обратился съ просьбою къ Спартанцамъ, но, получивъ отъ нихъ отказъ и повелѣніе оставить городъ, отправился въ Аѳины. Здѣсь онъ нашелъ хорошій пріемъ и безпрепятственно былъ выслушанъ. Въ рѣчи своей онъ напомнилъ Аѳинянамъ о единоплеменности ихъ съ Іонійцами и въ яркихъ краскахъ описалъ и богатство, и неспособность Персовъ защищаться. Убѣжденные

имъ Аѳиняне рѣшились послать на помощь Іонійцамъ двадцать кораблей, къ которымъ присоединились еще пять кораблей Эретрійскихъ; съ этимъ флотомъ Аѳинянинъ Меланѳій, назначенный имъ начальствовать, отправился въ Азію. По прибытіи его Іонійцы предприняли походъ противъ Сардъ, главнаго пункта Персидскихъ владѣній въ Малой Азіи, и такъ какъ Персы совсѣмъ не ожидали такого нападенія, то предпріятіе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Въ 500 г. они вдругъ явились предъ Сардами; городъ былъ ими взятъ и сожженъ. Прежде нежели Греки успѣли отступить отъ Сардъ къ своимъ кораблямъ, были они настигнуты Персидскимъ войскомъ, посланнымъ за ними въ погоню, и разбиты. Послѣ сего Аѳиняне оставили Іонійцевъ и возвратились въ отечество, возбудивъ противъ себя гнѣвъ Персидскаго царя. Въ самомъ дѣлѣ, Дарій такъ былъ раздраженъ ими, что приказалъ каждый день трижды произносить предъ собою слова: «Царь, помни Аѳинянъ!» но онъ могъ отмстить имъ не прежде, какъ по усмиреніи Мало-Азійскихъ Грековъ, которые въ то время, какъ Персы готовились къ войнѣ, овладѣли важнымъ пунктомъ, Византіею; обладаніе этимъ городомъ доставляло владычество надъ всѣмъ Геллеспонтомъ. Такъ какъ и Карійцы согласились принять участіе въ возмущеніи, и островъ Кипръ перешелъ на сторону мятежниковъ, то Іонійцы могли выставить силы, которыхъ, при хорошемъ вождѣ, весьма довольно было для отпора Персамъ. Но этого-то имъ и недоставало. Правда, Гистіей успѣлъ удалиться изъ Сузы и прибылъ къ нимъ, но онъ не былъ отличнымъ полководцемъ, и потому въ критическій моментъ у нихъ не быко рѣшимости ни въ совѣтѣ, ни въ дѣйствіи. Іонійцы спокойно смотрѣли, какъ сперва Карія а потомъ Кипръ приведены были въ повиновеніе, и, чувствуя свою слабость на сушѣ, рѣшились вовсе не вступать въ битву сухопутными войсками, но, укрѣпивъ достаточно города и поставивъ ихъ въ оборонительное положеніе, сосредоточить всѣ силы на морѣ. Флотъ союзныхъ Іонійцевъ соединился при Милетѣ, въ 498 г.; онъ состоялъ изъ трехъ сотъ пятидесяти трехъ кораблей, изъ которыхъ восемьде-

сятъ Милетскихъ, двѣнадцать Пріенскихъ, три Міунтскіе, семнадцать Теосскихъ, сто Хіосскихъ, восемь Эретрійскихъ, три Фокейскіе, семьдесять Лесбосскихъ и шестьдесятъ Самосскихъ.

Хотя у непріятелей было до шести сотъ кораблей, но они боялись искусства Грековъ на морѣ, въ которомъ далеко отъ нихъ отставали, и потому старались избѣгать сраженія. Іонійцы поручили главное начальство надъ флотомъ Фокеянину Діонисію, который извѣстенъ былъ какъ искусный и опытный адмиралъ. Но когда онъ началъ вводить строгую дисциплину, заставлялъ ежедневно дѣлать военныя экзерциціи, и постоянно держалъ ихъ наготовѣ къ отраженію всякаго нападенія, то не прошло семи дней, какъ между Іонійцами поднялся ропотъ и обнаружилось неудовольствіе за то, что Фокеянинъ, имѣющій только три корабля, вздумалъ повелѣвать и ежедневно мучить тѣхъ, у коихъ кораблей въ тридцать разъ больше, нежели у него. Никто не хотѣлъ ему повиноваться. Этими безпорядками воспользовались Финикіяне: они напали на Іонійскій флотъ при небольшомъ островѣ Ладѣ и одержали рѣшительную побѣду. Послѣ сего Милетъ былъ взятъ приступомъ, и жители его, избѣгшіе меча, были переселены на берега Тигра. Отъ 498 г. до 496 г. Персы покорили одинъ за другимъ всѣ мятежные города и поступили съ ними весьма жестоко. Погибли и виновники возстанія, Аристагоръ и Гистіей: первый палъ въ одномъ сраженіи во Ѳракіи, послѣдній попался въ плѣнъ и былъ распятъ.

Бѣглецы изъ колоній стремились со всѣхъ сторонъ въ свою Греческую метрополію и, разсказами о своихъ бѣдствіяхъ, возбудили всеобщее негодованіе противъ Персовъ. Извѣстно, что поэтъ Фринихъ представилъ въ Аѳинахъ на сценѣ взятіе Милета, и народъ, при видѣ страданій своихъ единоплеменниковъ, проливалъ слезы и испускалъ вопли. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ и Мильтіадъ, правитель Ѳракійскаго Херсонеса. Еще во время Пизистрата Аѳинянинъ Мильтіадъ, сынъ Кипсела, основалъ княжество во Ѳракійскомъ Херсонесѣ, которымъ управлялъ до самой смерти: ему наслѣдовалъ племянникъ его, Сте-

сагоръ, сынъ Кимоновъ; Стесагору наслѣдовалъ братъ его, Мильтіадъ.

По завоеваніи Ѳракіи Персами, Мильтіадъ принужденъ былъ признать себя вассаломъ царя и, во время похода Даріева противъ Скиѳовъ, присоединилъ свое войско къ царскому. Впрочемъ Персамъ не безъизвѣстны были его враждебныя противъ нихъ намѣренія и потому, по усмиреніи Іонійцевъ, они хотѣли захватить его въ плѣнъ, но Мильтіадъ бѣжалъ, нагрузивъ нѣсколько кораблей своими сокровищами. Только одинъ изъ этихъ кораблей, на которомъ находился старшій его сынъ, попалъ въ руки Персовъ, самъ же Мильтіадъ счастливо ушелъ въ Аѳины. Мильтіадъ зналъ по опыту образъ войны Персовъ; потому естественно, что Аѳиняне не могли найти у себя лучшаго вождя, когда Персы, угрожая мщеніемъ за нанесенное имъ оскорбленіе, двинули противъ нихъ всѣ свои силы.

Усмиривъ мятежныхъ Грековъ Мало-Азійскихъ, Персы хотѣли покорить и Европейскихъ. Въ 495 г. Дарій послалъ тотъ же самый флотъ и то же сухопутное войско, которые доставили ему побѣду надъ бунтовщиками, для наказанія Аѳинянъ и Эретрійцевъ за участіе ихъ въ мятежѣ Іонійцевъ, и предводителемъ поставилъ зятя своего, Мардонія. Но это предпріятіе не удалось. Флотъ, при обходѣ Аѳонскаго Мыса, сильною бурею былъ отчасти разбитъ, отчасти разсѣянъ, а сухопутное войско столь потерпѣло отъ нападеній Ѳракійскихъ народовъ, что Мардоній принужденъ былъ вести его назадъ въ Азію. Готовясь къ новому походу, Дарій разослалъ по островамъ и по всѣмъ городамъ твердой земли требованія покорности; многіе острова, въ томъ числѣ и Эгина, повиновались: только Спарта и Аѳины отважились открыто и смѣло отвергнуть это требованіе, и даже

соединившись вознамѣрились принудить и прочіе города отложиться отъ Персовъ. Именно этимъ обстоятельствомъ воспользовались Аѳиняне для ослабленія и униженія своего давняго соперника, острова Эгины. Они же, вспомоществуемые только Платейцами, побѣдою при Мараѳонѣ въ 490, уничтожили вторую экспедицію Персовъ.

Эта вторая экспедиція была предпринята подъ предводительствомъ Датиса и Артаферна. При нихъ находился также и Гиппій, прежній Аѳинскій тираннъ. На пути Персы покорили, во-первыхъ, Наксосъ и Делосъ, потомъ благополучно вышли на островъ Эвбею и осадили Эретрію. Въ продолженіе шести дней граждане отражали приступы Персовъ, въ седьмой измѣнники предали городъ; всѣ жители его были отведены въ Азію, гдѣ Дарій, въ области Киссіи, назначилъ имъ мѣста для поселенія. По совѣту Гиппія, Персы, вмѣсто того, чтобы плыть вокругъ мыса Сунія, пошли прямо въ Аттику и высадили свои войска на Равнинѣ Мараѳонской. Приближеніе грознаго непріятеля и отдаленность ожидаемой помощи привели Аѳинянъ въ страхъ. Они послали въ Спарту вѣстника Фейдиппида съ просьбою о скорѣйшей помощи, чтобы варвары не лишили Эллады древнѣйшаго изъ ея городовъ. Фейдиппидъ совершилъ этотъ путь съ невѣроятною скоростію и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ великую славу; но Спартанцы не были такъ поспѣшны. Обыкнувъ сохранять строжайшимъ образомъ во всей формѣ свои постановленія, они отказались выступить въ походъ, потому что не смѣли сдѣлать этого до наступленія полнолунія, и рѣшились лучше оставить на погибель Аѳинянъ, если бъ они собственными силами и храбростію не спасли своей свободы, нежели нарушить это постановленіе. Только Платея прислала на помощь Аѳинянамъ тысячу оплитовъ, и эта услуга, во-время оказанная, связала неразрывными дружескими узами оба города, такъ что, не смотря на свою разноплеменность, съ того времени они всегда неразлучно дѣлили счастіе и несчастіе,

радость и горе *). Войско Аѳинянъ, состоявшее изъ десяти тысячъ оплитовъ, 29 Сент. 490 (72 олимп. 2), подъ предводительствомъ Мильтіада, вышло на встрѣчу непріятелю и вступило въ битву. Аѳиняне, одушевленные храбростью и искусно воспользовавшись мѣстностью, легко одержали побѣду, потерявъ съ своей стороны только сто девяносто двухъ человѣкъ. Впрочемъ и Персы понесли весьма незначительный уронъ (6,400 ч.) и имѣли еще довольно силъ для новаго покушенія противъ Аѳинъ. И въ самомъ дѣлѣ, подвигъ Аѳинянъ, совершенный ими послѣ сраженія, болѣе рѣшилъ успѣхъ войны, нежели самая битва. Именно, Персы, сбитые съ поля сраженія, бросились на корабли и тотчасъ на всѣхъ парусахъ поплыли къ Аѳинамъ, чтобъ съ другой стороны напасть на беззащитный городъ; но побѣдители, не смотря на усталость, съ такою поспѣшностію устремились на защиту отечественнаго города, что многіе отъ напряженія теряли дыханіе и падали мертвыми. И такъ непріятели, вступивъ въ Фалерейскую гавань, увидѣли тѣхъ же воиновъ, которыми за нѣсколько времени ранѣе были разбиты на полѣ битвы и, не отваживишись напасть на городъ, отплыли въ Азію. Съ великою добычею, они оставили Аѳинянамъ громкую славу и сознаніе собственнаго достоинства, что больше всего послужило къ возвышенію государства. Спартанцы пришли, когда все уже было кончено. И имъ ничего больше не оставалось, какъ осмотрѣть поле сраженія и воздать достойную хвалу геройскому мужеству Аѳинянъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ, до втораго нашествія Персовъ, Аѳиняне, стремясь осуществить возобладавшую ими идею владычества на моряхъ, со всею энергію свѣжей побѣдоносной силы положили основаніе своему будущему величію. Къ этой идеѣ они приведены были обстоятельствами. Именно, какъ побѣдители, они приняли на себя

*) Срав. Герод. кн. VI. гл. 108.

обязанность наказать острова, помогавшіе Персамъ, и принудить ихъ снова соединиться съ Греками. Первое предпріятіе, сдѣланное съ этою цѣлію, по совѣту Мильтіада, противъ острова Пароса, не имѣло успѣха, и даже было причиною паденія самого полководца, но не осталось и безъ послѣдствій. На мѣсто Мильтіада вступилъ Ѳемистоклъ, мужъ, обладавшій гораздо большими талантами, нежели его предшественникъ; его дѣятельности обязаны Аѳины своимъ первенствомъ на морѣ; ему обязаны тѣмъ, что были въ состояніи во вторую Персидскую войну принять на себя такую же рѣшительную роль на морѣ, какую въ первую войну доставила имъ на сушѣ Битва Мараѳонская.

Мильтіадъ возвратился больнымъ изъ несчастнаго похода противъ Пароса. Эта неудача много повредила ему въ уваженіи согражданъ; теперь многочисленные враги явно возстали противъ него, а Ксантиппъ, отецъ Перикла, требовалъ осужденія его на смерть. Народъ, изъ благодарности за оказанную имъ услугу въ Битвѣ Мараѳонской, хотя и отвергнулъ это требованіе, но осудилъ его на уплату большой денежной пени пятидесяти талантовъ *). Во время этого процесса, Мильтіадъ умеръ отъ раны, полученной имъ при Паросѣ. Сынъ его, Кимонъ, получившій въ наслѣдство огромное имѣніе, нажитое отцемъ еще въ Херсонесѣ, заплатилъ пеню. По паденіи Мильтіада особенно возвысились два мужа, *Аристидъ* и *Ѳемистоклъ*; сначала занимались они дѣ-

*) Чтобы убѣдиться, какъ много сентиментальности примѣшано въ позднѣйшихъ повѣствованіяхъ объ этомъ событіи, какъ напр. у Плутарха и у Римскихъ писателей, надобно прочесть о судьбѣ Мильтіада у Геродота, (кн. VI г. 136), который вовсе не упоминаесъ о бѣдности и о заключеніи его въ темницу за долги.

лами правленія вмѣстѣ, потомъ сдѣлались соперниками. Въ то время, какъ Ѳемистоклъ приводилъ въ исполненіе планъ Мильтіада на островахъ, Аристидъ управлялъ дѣлами въ Аѳинахъ. Но его правдивость не согласовалась съ душою Ѳемистокла, который весь былъ преданъ политическимъ интригамъ и расчетамъ. Это различіе въ образѣ мыслей заставляло ихъ противорѣчить другъ другу при каждомъ совѣщаніи. И такъ одному должно было уступить. Народъ принялъ сторону Ѳемистокла, и Аристидъ въ 486 г. остракизмомъ осужденъ былъ на изгнаніе. Цѣлію всей дѣятельности Ѳемистокла было возвышеніе отечественнаго города; для этого онъ старался доставить Аѳинамъ первенство на морѣ и, въ противоположность могуществу Спарты, которая, располагая силами своихъ Дорійскихъ единоплеменниковъ, пріобрѣла первенство на сухомъ пути, сдѣлать Аѳины главою всѣхъ Іонійскихъ городовъ.

Между Аѳинами и Эгиною съ давнихъ временъ существовала непримиримая вражда за владычество на морѣ. Этимъ воспользовался Ѳемистоклъ и убѣдилъ своихъ согражданъ отказаться отъ доходовъ съ Лавріійскихъ рудниковъ, которые дотолѣ были раздѣлены между ними, и употребить ихъ на постройку кораблей. Этою мѣрою и также введеніемъ тріерархіи, которая обязывала каждаго богатаго гражданина поочередно, въ продолженіе цѣлаго года, доставлять матросовъ, оружіе и продовольствіе для корабля, построеннаго на счетъ казны, Аѳиняне составили значительный флотъ. Въ первый разъ онъ былъ употребленъ въ дѣло противъ Эгинптянъ, но въ это время пришло извѣстіе о страшныхъ приготовленіяхъ Персидскаго Царя къ новому походу въ Грецію; по этому оба соперничествующія государства спѣшили примириться.

Ѳемистоклъ воспользовался изрѣченіемъ оракула, совѣтовавшаго Аѳинянамъ искать спасенія отъ Персовъ за деревянными стѣнами, и убѣдилъ ихъ сосредоточить всѣ свои силы на корабляхъ, увѣривъ, что подъ ними разумѣлъ оракулъ деревянныя стѣны. Впрочемъ распоряженіе мѣрами обороны принято было на себя не Аѳинами, а Спартою, такъ какъ пер-

венство ея уже было признано всѣми. Не смотря на то, многіе Греческіе государства, не терпя гордости Спартанцевъ, отказались сражаться подъ ихъ начальствомъ. Особенно возставали противъ этого отдаленнѣйшія государства въ Сициліи, гдѣ тогда Гелонъ, правитель Сиракузъ, имѣлъ столько же войска, сколько могли выставить въ поле всѣ Греческія государства въ совокупности. Гелонъ обѣщалъ посламъ, прибывшимъ къ нему изъ Греціи съ просьбою о помощи, прислать двѣсти военныхъ кораблей, десять тысячъ оплитовъ, двѣ тысячи всадниковъ, столько же стрѣлковъ и пращниковъ и двѣ тысячи легко вооруженныхъ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ему поручено было главное начальство надъ всѣми соединенными силами Грековъ. Но послы Спартанскіе объявили, что гегемонія принадлежитъ имъ, и что они готовы скорѣе отказаться отъ его помощи, нежели отъ своихъ правъ. Послѣ этого Гелонъ требовалъ только начальства надъ флотомъ; но тутъ послы Аөинскіе возразили, что если бъ Спартанцы захотѣли отказаться отъ гегемоніи на морѣ, то ближайшее притязаніе на нее имѣли бы Аөины, и присовокупили, что они пришли къ нему просить войска, а не вождя. Такимъ образомъ Аөиняне и Спартанцы сами лишили себя важной помощи при великой опасности, угрожавшей имъ совершенною погибелью; впрочемъ показанная ими въ этомъ случаѣ самоувѣренность поразительна: она доказывала, что для нихъ легче было лишиться всякаго пособія, нежели отказаться отъ своей чести и славы.

Дарій, не успѣвъ окончить приготовленій къ новому походу противъ Грековъ, которыя онъ началъ и ревностно продолжалъ во все остальное время своего царствованія, умеръ въ 486 г. Предъ смертью онъ рѣшилъ споръ, возникшій между его сыновьями о престолонаслѣдіи. Дарій, еще до вступленія на престолъ, имѣлъ трехъ сыновей: старшій изъ нихъ былъ Артобарзанъ; избранный въ цари, онъ женился на дочери Кира, Атоссѣ, и

имѣлъ отъ нея еще четырехъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ Ксерксъ. Артобарзанъ и Ксерксъ вступили въ споръ о престолѣ, и послѣдній, опираясь на томъ, что только тѣ дѣти имѣютъ право наслѣдовать отцу въ царскомъ достоинствѣ, которые родились во время его царствованія, одержалъ верхъ. Ксерксъ имѣлъ на своей сторонѣ еще ту выгоду, что его мать имѣла большое вліяніе на дѣла правленія. И такъ Ксерксъ вступилъ на престолъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ онъ долженъ былъ подавить мятежъ въ Египтѣ. Братъ его, Ахеменъ, привелъ мятежниковъ въ повиновеніе, но съ такою жестокостью, что Египтяне выжидали только удобнаго случая къ новому возстанію. И такъ не трудно объяснить, почему они въ послѣдствіи такъ охотно соединились съ Греками.

Усмиривъ мятежниковъ, Ксерксъ, склонясь на совѣтъ Мардонія и на просьбы Греческихъ изгнанниковъ, находившихся при дворѣ его, рѣшился самъ отправиться въ походъ противъ Грековъ, а если Персидскій Монархъ лично присутствуетъ при войскѣ, то за нимъ должно слѣдовать ополченіе всего царства. Собравъ, такимъ образомъ, многочисленное войско, въ 480 г. Ксерксъ двинулся на Грецію, сухимъ путемъ и моремъ. Всего страшнѣе и опаснѣе для Грековъ былъ Персидскій флотъ. Если удивляются тому, что Греки, клятвенно соединившіеся для сопротивленія непріятелю общими силами, не пали духомъ, когда увидѣли передъ собою силы, далеко превосходившія ихъ собственныя, то какъ не удивляться,

что въ сраженіи при Саламинѣ, которое рѣшило судьбу войны въ пользу Грековъ, они разбили напавшій на нихъ непріятельскій флотъ!

Извѣстно, что древніе не точны въ своихъ статистическихъ показаніяхъ, и собенно Греки склонны къ преувеличеніямъ. Посему если уменьшимъ пятимилліонное войско, которымъ будто бы Ксерксъ наводнилъ Грецію, въ половину, то и тогда не будетъ далеко отъ истиннаго числа. Впрочемъ, не смотря на то, войско, приведенное Ксерксомъ, было такъ многочисленно, въ составѣ его было такъ много различныхъ элементовъ и такъ мало единства и дисциплины, что уже въ своей нестройной многочисленности оно заключало причину погибели; трудность доставлять провіантъ для такого множества людей и кормъ для животныхъ, составляла препятствіе, отъ котораго должно было рушиться предпріятіе. Правда, у Ксеркса было до восьми тысячъ перевозныхъ судовъ, которыя поддерживали подвозъ жизненныхъ припасовъ; но по этому существованіе войска зависѣло отъ флота, который легко могъ быть разсѣянъ или даже разбитъ бурею. Персидскій флотъ состоялъ изъ тысячи двухъ сотъ военныхъ кораблей, доставленныхъ Іонійцами, Карійцами и Финикіянами, пользовавшимися тогда заслуженною славою отличныхъ моряковъ. Хотя Өемистокъ прибивалъ при всѣхъ пристаняхъ объявленія, въ которыхъ требовалъ, чтобъ Іонійцы, помня о своемъ происхожденіи, не помогали варварамъ покорять свободныхъ Грековъ подъ иго рабства, по повидимому, требованіе мало подѣйствовало на Іонійцевъ: во время битвы они не только исполняли свой долгъ, но даже употребляли всѣ усилія, чтобы только возвратить себѣ прежнюю довѣренность Персовъ и загладить вину послѣдняго возмущенія.

Ксерксъ перевелъ свое огромное войско черезъ Геллеспонтъ по мосту, составленному изъ кораблей, и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, дошелъ до прохода, открывающаго путь изъ Өессаліи въ средину самой Греціи. Греки хотѣли сначала защищать Өессалію и въ самомъ дѣлѣ послали туда десять тысячъ

оплитовъ вспомогательнаго войска. Они заняли проходъ между Оссою и Олимпомъ, но, по совѣту Македонскаго Царя Александра, который увѣдомилъ ихъ, что Ксерксъ намѣренъ пройти по другой дорогѣ, оставили этотъ постъ. И такъ сухопутное войско вышло изъ Θессаліи подъ предводительствомъ Спартанскаго Царя Леонида и заняло Термопилы; вблизи отъ него, въ проливѣ между Эвбеею и Θессаліею, расположился и флотъ.

Храбрая защита Термопилъ и геройская смерть Леонида, съ тремя стами Спартанцевъ и семью стами Теспійцевъ (6 Іюля. 480), когда измѣнникъ Маліецъ Эпіалтъ завелъ Персовъ къ нимъ въ тылъ, такъ извѣстны и такъ прославлены, что обратились почти въ пословицу. Сей подвигъ, прекрасный и удивительный самъ по себѣ, въ рѣчахъ ораторовъ и въ поэтическихъ изображеніяхъ разукрашенъ даже до излишества *).

Теперь сухопутному войску Персовъ открылась дорога въ средину Греціи, и сообразно съ его движеніями, началъ дѣйствовать флотъ. Греческій флотъ состоялъ изъ слѣдующихъ кораблей: сто двадцать семь Аθинскихъ; къ нимъ присоединены были послѣ еще пятьдесятъ три корабля, на которые помогли поставить экипажъ вѣрные союзники Аθинянъ, Платейцы; сорокъ Коринθскихъ, двадцать Мегарскихъ, двадцать вооруженныхъ Халкидянами, принадлежавшихъ впрочемъ Аθинянамъ. Эгинитяне привели только восемнадцать кораблей — доказательство, что они ослаблены были войною съ Аθинянами и что борьба съ флотомъ, созданнымъ Θемистокломъ, была уже имъ не по силамъ. Сикіонскихъ кораблей было двѣнадцать, Лакедемонскихъ десять, Эпидаврійскихъ восемь, Эретрійскихъ семь, Трезенскихъ пять, Стирійскихъ два, Косскихъ четыре и наконецъ четыре Опунтско-Локрійскихъ. Весь флотъ, собравшійся при

*) Амфиктіоны приказали начертать надъ могилою павшихъ здѣсь Спартанцевъ слѣдующую простую но прекрасную надпись:

ὦ ξεῖν᾽, ἀγγέλλειν Λακεδαιμονίοις, ὅτι τῇδε
κείμεθα, τοῖς κείνων ῥήμασι πειθόμενοι.

(т. е. Прохожій, возвѣсти Лакедемонянамъ, что мы здѣсь лежимъ, вѣрные ихъ законамъ.)

Артемизіи, состоялъ изъ двухъ сотъ восьмидесяти кораблей, и такъ какъ Аѳиняне доставили почти цѣлую половину, то по этому они имѣли полное право требовать начальства надъ флотомъ. Но Пелопоннезцы объявили, что будутъ повиноваться только Спартанскому адмиралу, и Аѳиняне, чтобъ не погубить Греціи раздоромъ, котораго источникомъ было тщеславіе и соперничество, показали въ этомъ случаѣ довольно патріотизма, и оставили свое требованіе. И такъ начальникомъ флота избрали Спартанцы Эврибіада; но, въ самомъ дѣлѣ, душою всѣхъ предпріятій былъ Ѳемистоклъ. Онъ держалъ флотъ при Артемизіи, между тѣмъ какъ Леонидъ защищалъ Термопилы, и хотя въ двухъ, происшедшихъ въ это время, морскихъ битвахъ, Греки не разбили Персидскаго флота, но они много выиграли уже и тѣмъ, что устояли противъ такихъ огромныхъ силъ. Движеніе сухопутнаго непріятельскаго войска сдѣлало необходимымъ отступленіе Греческаго флота.

Занявъ Термопилы, Ксерксъ вторгнулся въ собственную Элладу и чрезъ Беотію, принявшую сторону Персовъ, направилъ путь прямо къ Аѳинамъ, а между тѣмъ часть войска послалъ въ Фокиду съ повелѣніемъ ограбить богатый храмъ Дельфійскій. Геродотъ повѣствуетъ о чудесномъ защищеніи храма самими богами — разсказъ, заимствованный имъ изъ храмовыхъ легендъ. Дѣло, по всей вѣроятности, состояло въ томъ, что Персы, застигнутые бурею на тѣсной, усѣянной пропастями дорогѣ, были разбиты Фокейцами, которые бѣжали отъ нихъ на гору Парнассъ и оттуда сдѣлали нечаянное нападеніе. Можетъ быть, Персамъ отъ страха въ самомъ дѣлѣ показалось, что они видѣли самихъ боговъ, или, можетъ быть, они только изъ желанія прикрыть стыдъ пораженія увѣряли, что силы высшія человѣческихъ воспрепятствовали исполненію ихъ предпріятія. Ксерксъ, съ своимъ войскомъ, явился предъ Аѳинами. Между тѣмъ городъ былъ всѣми оставленъ; всѣ способные носить оружіе сѣли на корабли, а женъ и дѣтей перевезли на острова или въ Пелопоннезъ, гдѣ они нашли почетный и радушный пріемъ. Только немногіе укрѣпились за деревянными стѣнами въ Акрополисѣ,

и очевидно могли оказать весьма незначительное сопротивленіе. Но Персы овладѣли Акрополисомъ, сдѣлавъ нечаянное нападеніе. Аѳиняне или сами бросались съ высотъ и погибали, или искали спасенія у алтарей, и тамъ были убиваемы варварами. Акрополисъ и часть города, въ отмщеніе за сожженіе Сардъ, были обращены въ пепелъ. И такъ теперь судьба войны зависѣла отъ кораблей. Греческій флотъ стоялъ на якорѣ въ Сароническомъ Заливѣ при островѣ Саламинѣ; число кораблей, составлявшихъ его, увеличилось до трехъ сотъ семидесяти восьми. Впрочемъ, не смотря на это усиленіе, извѣстіе о взятіи и сожженіи Аѳинъ навело такой страхъ и уныніе на Грековъ, что Пелопоннезцы первые положили отступить и защищать только укрѣпленный Истмъ. Ѳемистоклъ предвидѣлъ опасность, угрожавшую Греціи, и когда всѣ его убѣжденія, доказательства и угрозы не могли преклонить Грековъ остаться и дѣйствовать соединенными силами, онъ прибѣгнулъ къ хитрости: увѣдомилъ Ксеркса о рѣшеніи союзниковъ и совѣтовалъ окружить ихъ, чтобъ имѣть возможность однимъ ударомъ поразить всѣхъ. Ксерксъ послѣдовалъ этому совѣту, и въ то время, какъ Греческіе вожди спорили, въ военномъ совѣтѣ, объ окончательномъ рѣшеніи, Персидскіе корабли преградили имъ дорогу къ отступленію. *) Такимъ образомъ Греки принуждены остаться и вступить въ сраженіе. 23-го Іюля при Саламинѣ произошла битва, имѣвшая для Грековъ самый счастливый рѣшительный успѣхъ. Большая часть Персидскаго флота погибла, и Ксерксъ, видѣвшій битву съ высоты мыса Эгалея, положилъ тотчасъ возвратиться въ Азію, и, оставивъ въ Греціи зятя

*) Аристидъ, изгнанный изъ отечества остракизмомъ, первый увѣдомилъ Грековъ о движеніи Персидскаго флота. Геродотъ (кн. VIII гл. 79) описалъ прекрасную сцену, когда Аристидъ вызвалъ Ѳемистокла изъ военнаго совѣта, чтобъ сказать ему эту новость. Благородный историкъ, котораго сердце трогалось всякимъ прекраснымъ поступкомъ, при этомъ случаѣ восклицаетъ: *ἀνὴρ Ἀθηναῖος, τὸν ἐγὼ νενόμικα, πυνθανόμενος αὐτοῦ τὸν τρόπον, ἄριστον ἄνδρα γενέσθαι ἐν Ἀθήνῃσι καὶ δικαιότατον.* (т. е. Аѳинянинъ, котораго я, испытавъ его характеръ, почитаю лучшимъ и самымъ справедливымъ въ Аѳинахъ.) За храбрость, оказанную въ Саламинской Битвѣ, Аристидъ былъ вызванъ народомъ изъ ссылки.

своего Мардонія, съ отборнымъ войскомъ, котораго число простиралось до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, съ остальными поспѣшно удалился изъ страны, опустошенной голодомъ, и чѣмъ болѣе гордости и увѣренности показалъ онъ при вступленіи въ Грецію, тѣмъ сильнѣе было его уныніе при такомъ несчастномъ отступленіи. На возвратномъ пути голодъ и болѣзни, происшедшія въ слѣдствіе дурной пищи, и также нападенія Ѳракійскихъ народовъ произвели въ его войскѣ страшное опустошеніе. Къ довершенію несчастія, мостъ, наведенный имъ на Геллеспонтѣ, былъ разбитъ бурею, и Ксерксъ принужденъ былъ искать корабля для достиженія безопасныхъ береговъ своего царства. Чтобы разительнѣе представить противоположность между выступленіемъ его въ походъ и возвращеніемъ, въ послѣдствіи выдумали сказку, что Персидскій царь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ прежде по мосту переводилъ чрезъ море свои милліоны, теперь переѣзжалъ одинъ, всѣми оставленный, въ бѣдной рыбачьей лодкѣ.

Впрочемъ, съ удаленіемъ его, война нисколько не кончилась. Напротивъ, она сдѣлалась еще опаснѣе для Грековъ, потому что гораздо труднѣе было побѣдить отборное трехъ-сотъ-тысячное войско нежели Ксерксовы милліоны. Но Греки восторжествовали и надъ этою силою. Въ Сентябрѣ 479, при Платеѣ Персы потерпѣли жестокое пораженіе; самъ Мардоній погибъ въ битвѣ. Въ то же время Греки одержали побѣду при Микалѣ, и перенесли театръ войны въ предѣлы самой Персіи. И такимъ образомъ изъ оборонительнаго состоянія начали дѣйствовать наступательно. Этою двойною побѣдою перевѣсъ Грековъ надъ варварами рѣшенъ былъ навсегда.

Въ то время, какъ Мардоній располагалъ свои войска на зимнихъ квартирахъ въ Беотіи и Ѳессаліи, Греки совершали благодарственныя жертвы богамъ

за дарованную имъ побѣду и на общемъ конгресѣ въ Истмѣ роздали достойнѣйшія награды. Первую награду получилъ Ѳемистоклъ. Даже Спартанцы были къ нему довольно справедливы: они признали его заслуги и не оставили безъ награды. Когда онъ, вскорѣ послѣ морскаго сраженія, прибылъ въ Спарту, то получилъ тамъ блистательный пріемъ. На него возложили масличный вѣнокъ и, осыпавъ богатыми дарами, отпустили. Сверхъ того онъ удостоился такой почести, какой, по замѣчанію Геродота, не имѣлъ никто ни прежде, ни послѣ него: триста благородныхъ Спартанскихъ юношей сопровождали его до самой границы. Но лучшая награда ожидала Ѳемистокла на Олимпійскихъ Играхъ: при его появленіи вся Греція, соединившаяся тамъ, рукоплескала ему съ громкими криками одобренія.

Весною 479 г. Мардоній выступилъ въ поле, и Аѳиняне снова должны были оставить городъ. Персы заняли его во второй разъ, и теперь все, что еще оставалось въ цѣлости, было выжжено окончательно. Сначала Спартанцы отказались сражаться внѣ Пелопоннеза, но послѣ, убѣжденные Павзаніемъ, правившимъ вмѣсто Плистарха, сына Леонидова, рѣшились подать помощь Аѳинянамъ. Въ числѣ сорока пяти тысячъ выступили они изъ Пелопоннеза, и Мардоній поспѣшно отступилъ въ Беотію; къ нимъ присоединились Аѳиняне, подъ предводительствомъ Аристида, и прочіе союзники; все войско состояло теперь изо ста десяти тысячъ человѣкъ. Впрочемъ силы Мардонія все еще были втрое больше; притомъ у него была конница, которой Греки вовсе не имѣли. Но, несмотря на то, въ битвѣ при Платеѣ проиграли Персы, и Мардоній самъ палъ на полѣ сраженія. Послѣ того Персы бѣжали за окопы, въ которыхъ держались еще нѣсколько времени, уже не столько съ надеждою на спасеніе, сколько съ храбростію отчаянія; несмотря на мужественную оборону, укрѣпленія ихъ были взяты Аѳинянами, которые въ этомъ году пріобрѣли такую же славу на сушѣ, съ какою въ предшествовавшей кампаніи сражались на морѣ. Отъ всего Персидскаго войска воротились только сорокъ тысячъ, подъ предводительствомъ Артабаза.

Въ тотъ же самый день Греки одержали великую побѣду при Микалѣ. Греческій флотъ, подъ начальствомъ Спартанца Леотихида и Ксантипа Аѳинянина, шелъ вслѣдъ за флотомъ непріятельскимъ, который, при его приближеніи, тотчасъ началъ отступать къ берегамъ Малой Азіи. Приставъ къ берегу близъ Микале, Персы вышли на сушу и вытащили корабли; Греки послѣдовали за ними и, разбивъ непріятелей, въ одно время завладѣли ихъ лагеремъ и флотомъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было вторичное отпаденіе Іонійскихъ Грековъ отъ Персовъ.

Теперь, когда свобода и независимость Греціи были спасены, Спартанцы, желая возстановить прежнія отношенія, обезопасивавшія пріобрѣтенное ими первенство, предложили переселить Азіятскихъ Грековъ въ Европу. Но Аѳиняне, главнымъ основаніемъ возвышенія которыхъ была война противъ Персовъ, надѣясь отъ продолженія оной пріобрѣсть новую славу и силу, воспротивились этому плану. И такъ, какъ Спартанцы отказались отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ, то, вмѣсто ихъ, начальство надъ союзниками, соединившимися для продолженія оной, приняли Аѳиняне. И ни одно государство отъ этого столько не выиграло, сколько Аѳины, потому что теперь всѣ берега, острова и море были открыты ихъ побѣдоносному флоту, и Ѳемистоклъ, не смотря на всѣ препятствія, умѣлъ возстановить разрушенный городъ и поставилъ его на такихъ основаніяхъ, которыя долженствовали не только упрочить, но и возвысить его могущество. Ясно понимая выгоды своего отечества и предвидя блестящую его будущность и величіе, Ѳемистоклъ составилъ планъ построить вокругъ города новыя

стѣны и соединить ихъ непосредственно съ обширною Пирейскою гаванью, и такимъ образомъ сдѣлать Аѳины приморскимъ городомъ *).

Спартанцы хотѣли воспрепятствовать укрѣпленію Аѳинъ и также снова принять начальство въ войнѣ противъ Персовъ, но старанія ихъ въ томъ и другомъ случаѣ были безуспѣшны. Аѳины противъ ихъ желанія были укрѣплены, а посланный ими предводитель, Павзаній, своими поступками такъ раздражилъ союзниковъ, что всѣ острова присоединились къ Аѳинамъ. И такъ какъ Спартанцы послѣ этого отказались отъ всякаго участія въ войнѣ противъ Персовъ, то Аѳиняне безпрепятственно присвоили себѣ гегемонію надъ островами. Такимъ образомъ, подъ начальствомъ Аѳинъ, составился Іонійскій Союзъ, въ противоположность Дорійскому, главою коего была Спарта.

Спартанцы, получивъ извѣстіе о намѣреніи Аѳинянъ укрѣпить городъ и гавань, старались воспретить имъ подъ предлогомъ, что варвары при новомъ нашествіи на Грецію, найдутъ для себя за этими стѣнами твердый пунктъ, изъ котораго трудно будетъ ихъ выгнать. Такъ какъ Спартанцы требовали этого отъ имени всѣхъ союзниковъ, то Аѳиняне должны были поступить съ большою осторожностью. Ѳемистоклъ рѣшился обмануть ихъ. Онъ отправился посланникомъ въ Спарту, и между тѣмъ, какъ въ Аѳинахъ всѣ, кто только имѣлъ руки, день и ночь трудились надъ постройкою стѣнъ, онъ увѣрялъ, что стѣны не строятся.

*) Хотя, по словамъ Ѳукидида, построеніе длинныхъ стѣнъ (*τὰ μακρὰ τείχη*) совершено было позднѣе, но Ѳемистоклъ первый подалъ эту мысль. Срав. Плутарха *Жизнь Ѳемистокла* гл. 19.

Но когда въ Спарту со всѣхъ сторонъ дошли извѣстія о противномъ, онъ убѣдилъ Спартанцевъ отправить въ Аөины пословъ для удостовѣренія въ истинѣ словъ его. Какъ скоро послы туда прибыли, то были задержаны, какъ залогъ, за безопасность Өемистокла. Теперь Өемистоклъ смѣло объявилъ въ герузіи, что Аөиняне окружили свой городъ стѣнами, считая это полезнымъ для себя и для всей Греціи — и герузія, скрывъ неудовольствіе, должна была отпустить его невредимымъ, чтобъ Спартанскіе послы не подверглись оскорбленіямъ въ Аөинахъ. Непріязнь, выказанная ими уже при этомъ случаѣ, еще болѣе усилилась, когда Аөиняне, захвативъ въ свои руки гегемонію, въ войнѣ противъ Персовъ, умѣли извлечь изъ нея совершенно иныя выгоды, нежели Спартанцы. Именно послѣ битвы при Микалѣ, Спартанскій царь Леотихидъ, не дожидаясь послѣдствій, возвратился въ отечество. Между тѣмъ здѣсь всѣ острова и большая часть городовъ отпали отъ Персовъ и присоединились къ Греческому Союзу. Аөиняне не только ждали этого случая, но даже старались споспѣшествовать оному всѣми силами; они подали Іонійцамъ свою помощь для покоренія Геллеспонта. Спартанцы прислали на союзный флотъ вождемъ Павзанія. Онъ завоевалъ часть Кипра и взялъ Византію, но суровымъ и гордымъ обхожденіемъ вооружилъ противъ себя новыхъ союзниковъ, между тѣмъ какъ вожди Аөинскіе, Аристидъ и Кимонъ, поступали съ ними кротко и справедливо, такъ что Іонійцы присоединились къ Аөинянамъ, своимъ единоплеменникамъ, и вручили имъ гегемонію. Такъ какъ Спартанцы въ то же время отозвали Павзанія и отказались отъ дальнѣйшаго участія въ Персидской войнѣ, то Аөиняне безспорно приняли начальство надъ союзниками.

Спартанцы, какъ замѣчаетъ Өукидидъ, тѣмъ охотнѣе уступили Аөинянамъ начальство въ войнѣ противъ Персовъ, что боялись отъ нея вреда для своихъ нравовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Персы приняли теперь такую оборонительную систему, ко-

торая для Спарты была или могла быть со временемъ гораздо пагубнѣе открытаго боя. Они старались привлечь на свою сторону Греческихъ вождей, и не безъ успѣха. Спартанецъ Павзаній и, какъ по крайней мѣрѣ тогда думали Аѳиняне, Ѳемистоклъ вступили съ ними въ сношеніе, и оба сіи главные защитника отечества умерли измѣнниками. Касательно Павзанія дѣло не подлежитъ ни какому сомнѣнію, и онъ заслужилъ постигшую его участь; напротивъ, очень можетъ быть, что Ѳемистоклъ осужденъ невинно. Онъ бѣжалъ къ Персидскому Двору и жилъ тамъ до самой смерти.

Павзаній, недовольный своимъ положеніемъ въ Спартѣ, вступилъ въ сношенія съ Персами. По взятіи Византіи, онъ отпустилъ безъ выкупа всѣхъ знатныхъ Персовъ, попавшихся въ плѣнъ, и вмѣстѣ съ ними послалъ къ царю письмо, въ которомъ обѣщался покорить ему всю Грецію. Разумѣется, царь принялъ это предложеніе, уполномочилъ Артабаза вести съ нимъ переговоры и послалъ на его письмо самый лестный отвѣтъ. Павзаній, гордый по природѣ, сдѣлался еще надмѣннѣе и началъ поступать безъ всякой осторожности. Онъ принялъ одежду и образъ жизни Персидскаго сатрапа, и своимъ страннымъ поведеніемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Спартанцы поспѣшили отозвать его домой. Онъ повиновался, но вскорѣ опять возвратился въ Азію подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ принять участіе въ войнѣ, избралъ мѣстопребываніемъ своимъ Троадскій городъ Колоны и оттуда продолжалъ сноситься съ Артабазомъ. Эфоры, извѣщенные объ этомъ, послали къ нему другое строгое повелѣніе, тотчасъ возвратиться въ Спарту и явиться на судъ; въ противномъ случаѣ, угрожали объявить его врагомъ отечества. Такъ какъ для счастливаго окончанія предпріятія, ему должно было сколько возможно отдалять отъ себя всякое подозрѣніе, то онъ рѣшился ѣхать въ Спарту. Хотя тотчасъ по прибытіи онъ былъ взятъ подъ

стражу и представленъ на судъ, но, по недостаточности доказательствъ его вины, скоро получилъ свободу и былъ только оставленъ подъ строгимъ присмотромъ. Не смотря на все это, Павзаній изъ самой Спарты продолжалъ переписываться съ Артабазомъ, пока наконецъ измѣна не открылась слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ никто изъ посланныхъ имъ въ Азію не возвращался, то одному изъ нихъ, отправленному съ тѣмъ же порученіемъ, показалось это подозрительнымъ. Опасаясь подобной участи, онъ рѣшился прочесть письмо и нашелъ въ немъ доказательство измѣны и повелѣніе умертвить подателя письма. Посланный тотчасъ представилъ письмо эфорамъ, и они рѣшили взять Павзанія подъ стражу. Онъ бѣжалъ въ храмъ Аѳины Халкіекской, который тотчасъ былъ окруженъ, и Павзаній, не имѣя нигдѣ выхода, умеръ въ немъ съ голоду въ 469 г.

Неизвѣстно, участвовалъ ли Ѳемистоклъ въ планахъ Павзанія, но Спартанцы, ненавидѣвшіе его съ того времени, какъ онъ обманулъ ихъ, объявили, что въ письмахъ Павзанія нашли доказательство его вины и потому требовали отъ Аѳинянъ, чтобъ и Ѳемистоклъ подвергся равной участи съ своимъ единомышленникомъ. Ѳемистокла въ это время не было въ Аѳинахъ; онъ еще въ 471 г. былъ изгнанъ остракизмомъ и спокойно жилъ въ Аргосѣ. Въ это время взнесли на него обвиненіе въ измѣнѣ. Народъ тотчасъ повѣрилъ, и въ слѣпой ярости, не выслушавъ даже обвиненнаго, осудилъ его на смерть. Получивъ извѣстіе о произнесенномъ противъ него приговорѣ, Ѳемистоклъ бѣжалъ. Это сочтено было за добровольное сознаніе въ преступленіи. Но Ѳемистоклу демократія была знакома: онъ видѣлъ ясно, что если явится въ Аѳинахъ теперь, когда всѣ умы раздражены противъ него, то никто не станетъ его и слушать. При томъ онъ опасался всего отъ ненависти Спартанцевъ. И такъ онъ отправился сперва въ Корциру, надѣясь, что жители этого острова, изъ благодарности за многія услуги, которыя онъ оказалъ имъ, дадутъ ему безопасное убѣжище, но получилъ отказъ. Враги не могли сильнѣе огорчить его, чѣмъ эти облагодѣтельствованные имъ друзья! Съ горь-

кимъ чувствомъ онъ рѣшился просить покровительства у личнаго врага своего, Адмета, царя Молосскаго. Тронутый такою рѣдкою довѣренностью и бѣдственнымъ положеніемъ столь славнаго мужа, Адметъ доставилъ ему средства къ дальнѣйшему бѣгству. Такимъ образомъ Ѳемистоклъ счастливо достигнулъ предѣловъ Азіи. Тамъ, при Персидскомъ Дворѣ, онъ нашелъ отличный пріемъ и пользовался царскими милостями до самой смерти.

Впрочемъ исторія остальной его жизни сомнительна и искажена баснями; такъ, напримѣръ, есть сказаніе, будто бы онъ принялъ ядъ, не желая вести Персидское войско противъ Греціи. Это преданіе извѣстно было и Ѳукидиду; не смотря на то, онъ говоритъ, что Ѳемистоклъ умеръ отъ болѣзни *).

Дѣло Павзанія открыло всему свѣту тайну, что порча начала вкрадываться и въ Спарту, не смотря на всѣ строгости и суровость воспитанія. Вскорѣ послѣ этого представился другой подобный примѣръ. Царь Леотихидъ, Микальскій побѣдитель, былъ обличенъ въ принятіи подкупа, и осужденъ на изгнаніе. Напротивъ, Аѳиняне были счастливы и въ этомъ отношеніи: у нихъ дѣла правленія находились постоянно въ рукахъ мужей достойныхъ. Послѣ Ѳемистокла главами государства сдѣлались Аристидъ и Кимонъ. Аристидъ представилъ, что въ награду за храбрость, оказанную всѣми сословіями народа, въ войнѣ противъ Персовъ, по всей справедливости должно дать всѣмъ одинаковыя права, и сдѣлалъ то, на что прежде не рѣшался и Клисѳенъ—именно, онъ

*) Время прибытія Ѳемистокла въ Азію достовѣрно не извѣстно. По словамъ Ѳукидида, Ѳемистоклъ прибылъ туда уже по смерти Ксеркса, къ наслѣднику его, Артаксерксу; между тѣмъ большая часть другихъ историковъ утверждаетъ, что онъ засталъ еще въ живыхъ Ксеркса. См. Плутарх. Ѳемист. гл. 27.

доставилъ и четвертому классу тѣ же политическія права, какими дотолѣ владѣли только три первые. Съ этого времени люди изъ низшихъ классовъ начали стремиться къ занятію высшихъ должностей; возникло всеобщее соревнованіе, которому Аѳины обязаны блистательнѣйшими своими дѣлами, лучшими произведеніями изящныхъ искусствъ, величайшими ораторами и государственными мужами, но которое вмѣстѣ повлекло за собою распространеніе нравственной порчи.

Всѣ, противившіеся быстрому развитію демократіи и желавшіе удержать прежнія аристократическія начала, составили аристократическую партію, главою которой былъ Кимонъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ пользовался уваженіемъ народа, государство сохраняло еще нѣкоторую умѣренность во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ.

Кимонъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Аѳинахъ и воспользовался своимъ богатствомъ для пріобрѣтенія любви народной. Онъ держалъ открытый столъ для всѣхъ безъ разбора; позволялъ каждому прогуливаться въ своихъ садахъ и дачахъ; бѣднымъ помогалъ деньгами, а если кому не было счастья на родинѣ, доставлялъ ему средства въ другомъ мѣстѣ поправить свое состояніе, именно, отсылалъ въ основанныя имъ колоніи. За это, съ 471 года, Кимонъ былъ ежегодно избираемъ стратегомъ, и, предводительствуя соединенными силами союзниковъ, продолжалъ войну противъ Персовъ со славою и выгодою для Аѳинъ. Овладѣвъ городомъ Эіономъ на Стримонѣ, онъ положилъ основаніе владычеству Аѳинянъ во Ѳракіи и принудилъ силою къ повиновенію многіе острова и города, какъ напр. Каристъ на островѣ Эвбеѣ и Наксъ, которые хотѣли отстать отъ союза съ Аѳинами. Въ 470 г. онъ одержалъ великую побѣду надъ Персами при устьѣ рѣки Эвримедона въ

Памфиліи, въ одно время на морѣ и на сушѣ, и отнялъ у непріятеля до двухъ сотъ кораблей. Послѣ этого военныя дѣйствія на время прекратились, потому что Персы не смѣли болѣе показаться на морѣ, а Греки, еще не отваживались сдѣлать высадку и напасть на нихъ внутри Азіи. Что жъ касается до такъ называемаго Кимонова мира, который одни относятъ ко времени битвы при Эвримедонѣ, а другіе къ 449 г. (олимп. 82, 4), о немъ мы знаемъ такъ мало достовѣрнаго, что не только время, но даже и существованіе его подлежатъ сомнѣнію. Ѳукидидъ нигдѣ не упоминаетъ о Кимоновомъ мирѣ, а слова позднѣйшихъ историковъ, писавшихъ о немъ, такъ мало имѣютъ авторитета, что, основываясь только на нихъ, нельзя утверждать такого важнаго событія *). Достовѣрно же извѣстно только то, что послѣ битвы при Эвримедонѣ война прекратилась на время сама собою, потому что у Персовъ не было флота. И хотя они скоро построили новый и возобновили войну, но въ 449 г. снова были разбиты, потеряли флотъ, и тогда приняли совершенно другую оборонительную систему. Именно, они старались питать открывшіяся въ Греціи несогласія, вооружали Грековъ противъ Грековъ, поддерживали одну партію противъ другой и тѣмъ сохраняли отъ паденія свое колеблющееся царство.

Могущество Аѳинянъ возрасло особенно отъ того, что они мало по малу привели союзниковъ въ совершенную отъ себя зависимость и начали распоряжаться ихъ силами, какъ своими собственными. Союзники, скоро наскучивъ безпрерывными походами, согласились, вмѣсто кораблей и солдатъ, вносить на военныя издержки ежегодно деньги. Мѣстомъ храненія союзнической кассы назначенъ былъ храмъ Латоны, на островѣ Делосѣ. Сюда союзники вносили положенную сумму.

*) Срав. статью über den Kimonischen Frieden, въ Dahlmann's Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Altona 1822.

Эта касса, хранясь въ Делосѣ, находилась въ полномъ распоряженіи Аѳинянъ, а когда, въ 461 году, перенесена была въ самыя Аѳины, то совсѣмъ сдѣлалась общественнымъ достояніемъ. Союзники превратились теперь въ настоящихъ подданныхъ Аѳинскихъ, потому что, не смотря на прекращеніе военныхъ дѣйствій, они принуждены были продолжать уплату назначенныхъ податей, хотя сначала согласились платить ихъ только во время Персидской войны. На эти деньги Аѳиняне усилили свой флотъ и тѣмъ легче могли уничтожить всякое покушеніе союзниковъ къ возвращенію утраченной независимости, что сіи послѣдніе, доставивъ имъ всѣ средства къ своему порабощенію, лишили себя всѣхъ способовъ къ защитѣ *). Аѳиняне, воспользовавшись такимъ образомъ ввѣренною имъ гегемоніею, сдѣлались повелителями своихъ союзниковъ, и въ народѣ могущественномъ и счастливомъ во всѣхъ предпріятіяхъ, съ мыслію о первенствѣ надъ союзниками, легко могла родиться мысль о первенствѣ надъ всею Греціею. Отсюда непосредственно проистекли два слѣдствія: первое—ропотъ и неудовольствіе Аѳинскихъ союзниковъ, и особенно Дорійскихъ по происхожденію, которые обратили взоры свои на Спарту, надѣясь, что она избавитъ ихъ отъ порабощенія; второе—города Дорійскаго Союза, раз-

*) Ѳукид. кн. I. гл. 99: *καὶ τοῖς μὲν Ἀθηναίοις ηὔξετο το ναυτικὸν ἀπὸ τῆς δαπάνης, ἣν ἐκεῖνοι (οἱ ξύμμαχοι) ξυμφέροιεν, αὐτοὶ δὲ ὁπότε ἀποσταῖεν ἀπαράσκευοι καὶ ἄποροι ἐς τὸν πόλεμον καθίσταντο.* (т. е. у Аѳинянъ возрастала морская сила отъ податей, платимыхъ союзниками, но сіи послѣдніе при каждомъ отпаденіи были безъ приготовленія и безъ средствъ для веденія войны).

раздраженные многократными оскорбленіями и нападеніями Аѳинянъ, тѣснѣе соединились вокругъ Спарты и становились часъ отъ часу непріязненнѣе Аѳинамъ.

Война между обоими союзами вспыхнула бы еще въ 465 г., если бъ Спартанцы не были отвлечены отъ всѣхъ внѣшнихъ предпріятій возстаніемъ Мессенцевъ, такъ называемою *третьею Мессенскою войною.*

Первый поводъ къ обнаруженію непріязни между Дорійскимъ и Іонійскимъ Союзами подалъ островъ Тазосъ. Дѣло происходило такъ: Аѳиняне приняли благоразумную политику заводить на отдаленныхъ берегахъ колоніи изъ своихъ согражданъ; эти колонисты служили превосходными гарнизонами для наблюденія за каждымъ движеніемъ союзниковъ или покоренныхъ варваровъ, и въ случаѣ нужды могли подавлять ихъ. Такимъ образомъ Аѳиняне послали къ рѣкѣ Стримону десять тысячъ человѣкъ; поселенцы утвердились въ Амфиполисѣ и съ одной стороны распространяли владычество Аѳинянъ во внутренность Ѳракіи, съ другой начали оспаривать у Тазосцевъ часть рудниковъ Скапта-Гиле, находившихся во владѣніи острова Тазоса. За это, въ 465 г., между Аѳинянами и Тазосцами дошло дѣло до войны. Кимонъ разбилъ Тазосцевъ и заперъ островъ со всѣхъ сторонъ. Осажденные обратились съ просьбою о помощи къ Спартанцамъ и навѣрное получили бы просимое, если бъ въ томъ же году ужасное землетрясеніе не разрушило и не опустошило Спарты. Это несчастіе послужило сигналомъ къ возстанію всѣхъ илотовъ, которые, терпя всегда притѣсненія и жестокости, съ злобою и ненавистью въ сердцѣ выжидали только удобнаго случая. Въ числѣ поднявшихъ оружіе для возвращенія свободы, больше всѣхъ было Мессенцевъ; почему и самая война, продолжавшаяся десять лѣтъ (465 — 455) названа третьею Мессенскою войною. Это неожиданное происшествіе воспрепятствовало Спартанцамъ подать обѣщанную помощь, и

Тазосцы принуждены были согласиться на жестокія условія, предложенныя имъ Аѳинянами: разрушить свои стѣны, отказаться отъ спорныхъ рудниковъ и, кромѣ вознагражденія за военныя издержки, платить ежегодную дань. Между тѣмъ Мессенцы укрѣпились въ Итомѣ, и Спартанцы, не искусные въ осадѣ крѣпостей, просили помощи у Аѳинянъ, которыхъ искусство въ этомъ дѣлѣ было извѣстно. Хотя Аѳиняне хорошо понимали, что только возстаніе илотовъ удержало Спартанцевъ отъ вторженія въ Аттику, однако, по убѣжденію Кимона, согласились на ихъ просьбу. Но и Аѳиняне въ осадѣ Итомы не были счастливѣе Спартанцевъ, потому что Мессенцы защищались съ храбростію отчаянія. Эту неудачу, происшедшую единственно отъ храбрости осажденныхъ, Спартанцы приписывали злымъ умысламъ Аѳинянъ и простерли недовѣрчивость свою до того, что отослали назадъ ихъ вспомогательное войско. Это оскорбленіе сдѣлало вражду между обѣими республиками рѣшительною. Неудовольствіе Аѳинянъ обнаружилось тѣмъ, что Кимона осудили на изгнаніе, и демократическая партія, главою коей былъ Перiклъ, получила перевѣсъ; существовавшій дотолѣ союзъ съ Спартою былъ разорванъ, а заключенъ другой съ Аргосомъ и Ѳессаліею. Наконецъ, когда Спартанцы заключили съ осажденными договоръ, по которому предоставили имъ свободный выходъ изъ Пелопоннеза, только подъ условіемъ никогда туда не возвращаться, Аѳиняне приняли храбрыхъ Мессенцевъ подъ свое покровительство, дали имъ для поселенія городъ Навпактъ и такимъ образомъ пріобрѣли воинственную и совершенно преданную имъ колонію, насупротивъ самаго Пелопоннеза.

И такъ теперь ненависть между Аѳинами и Спартою приняла рѣшительный характеръ; не было недостатка въ поводахъ къ спорамъ; происходили даже небольшія битвы, но это было только прелюдіею великой борьбы, становившейся часъ отъ часу неизбѣжнѣе. Хотя Кимонъ, возвратив-

нись изъ ссылки, своимъ посредничествомъ успѣлъ возстановить въ Греціи миръ и еще разъ соединить силы Грековъ противъ Персовъ, которые потеряли теперь Кипръ, и потерпѣли отъ него въ 449 году, послѣднемъ году его жизни, жестокое пораженіе, при всемъ томъ взаимная ненависть была такъ сильна, что не могла не обнаружиться. Огонь тлѣлся уже подъ пепломъ; оставалось только подуть порывистому вѣтру, чтобы раздуть пламя пожара. Правда, въ 445 г. снова заключено было перемиріе на тридцать лѣтъ, но самое ненадежное, потому что тогда въ Аѳинахъ умѣренная партія совершенно пала, и на мѣсто ея съ Перикломъ, сыномъ Ксантиппа, который съ сего времени до самой смерти правилъ государствомъ, выступила на сцену неограниченная демократія.

Изъ событій, предшествовавшихъ Пелопоннезской войнѣ и служившихъ къ ней какъ бы приготовленіями, примѣчательнѣйшія суть: Аѳиняне отвлекаютъ Мегару отъ Дорійскаго Союза. Между Мегарою и Коринѳомъ возникъ споръ о границахъ, и Спартанцы рѣшили его въ пользу послѣдняго. Мегарцы, недовольные этимъ рѣшеніемъ, обратились къ Аѳинянамъ; позволили имъ ввести у себя демократическій образъ правленія и построить стѣны вокругъ города и гавани Низеи. Въ то же время Аѳины вступили въ войну съ Эгиною, которую поддерживали всѣ морскія государства Дорійскаго Союза, какъ-то: Коринѳъ, Эпидавръ и др. Въ трехъ морскихъ битвахъ Аѳиняне остались побѣдителями и принудили также и Эгину отстать отъ Дорійскаго Союза. Между тѣмъ какъ всѣ Аѳинскія войска, одни стояли подъ Эгиною, другія отправились въ Египетъ, Коринѳяне съ сухопутными силами вторгнулись въ Мегару; но къ ней на помощь пришли дѣти и старцы Аѳинскіе подъ пред-

водительствомъ Миронида и, къ стыду и посрамленію Коринѳянъ, отразили ихъ войско. Это еще болѣе усилило взаимную ненависть. До сихъ поръ Спартанцы оставались въ покоѣ, но и они наконецъ взялись за оружіе, когда Аѳиняне нанесли оскорбленіе ихъ собственной метрополіи. Именно приверженные къ демократіи Фокеяне завладѣли однимъ городомъ въ небольшой, гористой странѣ Доридѣ; Спартанцы тотчасъ отправились на помощь своему отечеству, встрѣтили при Танагрѣ въ Беотіи Аѳинянъ, хотѣвшихъ преградить имъ путь, вступили съ ними въ сраженіе и одержали побѣду (457). Аѳиняне отмстили за это пораженіе высадками на берега Пелопоннеза, которыя всегда сопровождались большими опустошеніями. Въ 450 г. заключено было пяти-лѣтнее перемиріе; но враждебныя дѣйствія не прекращались. Мегара снова отпала отъ Аѳинянъ; Беотійцы прервали съ ними сношенія; оба союза съ оружіемъ въ рукахъ стояли другъ противъ друга, и, не смотря на тридцатилѣтнее перемиріе, заключенное въ 445 году, война должна была открыться непремѣнно.

Периклъ, съ именемъ котораго соединено воспоминаніе о самомъ цвѣтущемъ періодѣ силъ, искусствъ и наукъ Аѳинскихъ, по матери происходилъ отъ фамиліи Алкмеонидовъ. Онъ усвоилъ себѣ все образованіе того времени и, обладая такимъ образомъ всѣми средствами для обширнаго круга дѣятельности, явился на политическомъ поприщѣ. Однако онъ остерегся показаться главою партіи и борьбу съ партіею аристократовъ, или умѣренныхъ, главами которой, по смерти Кимона, были Ѳукидидъ, сынъ Милезія, и Толмидъ, предоставилъ демагогамъ Эфіалту и Леократу, которыхъ онъ употреблялъ орудіями для достиженія своихъ цѣлей. Удивительно, что онъ, вовсе не пользуясь тѣми средствами и хитростями, къ

которымъ обыкновенно прибѣгаютъ въ демократическихъ государствахъ для пріобрѣтенія народной любви, внушилъ къ себѣ такое уваженіе, что властвовалъ въ Аѳинахъ какъ монархъ. Главнымъ основаніемъ великаго политическаго значенія Перикла было уничтоженіе Ареопага, послѣдней преграды, противопоставленной аристократіею развитію демократическаго духа, и послѣдовавшее за тѣмъ паденіе аристократической партіи. Именно онъ настроилъ Эфіалта предложить и утвердить законъ, по которому Ареопагъ лишался власти отвергать или измѣнять опредѣленія народнаго собранія. Въ слѣдствіе этого постановленія, противная партія должна была уступить, и никто уже не могъ спорить съ Перикломъ о власти *). Но болѣе всего прославляетъ и дѣлаетъ достойнымъ удивленія правленіе Перикла его неутомимая заботливость въ одно время и о дѣлахъ воинскихъ, и о блескѣ и славѣ государства. Чтобъ понять, какимъ образомъ Периклъ совершилъ всѣ свои предначертанія, прославившія какъ его самого, такъ и его отечество, должно знать внутреннее состояніе и средства Аѳинъ.

По изысканіямъ Бека можно принять, что въ Аѳинахъ было до десяти тысячъ домовъ и около ста восьмидесяти тысячъ жителей, въ томъ числѣ двадцать тысячъ гражданъ. Сверхъ того, при рудникахъ,

*) Ѳукидидъ говоритъ, что Аѳины подъ управленіемъ Перикла были *λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή* (т. е. по названію — демократія, на дѣлѣ же — монархія подъ управленіемъ перваго мужа).

по его мнѣнію, находилось до двадцати тысячъ ч. и до трехъ сотъ тысячъ въ остальной Аттикѣ. Но могущество Аѳинъ заключалось не въ этомъ незначительномъ количествѣ жителей, а въ томъ, что этотъ городъ составлялъ средоточіе, по крайней мѣрѣ пятнадцати милл. подданныхъ, и что онъ, какъ всякій изъ нынѣшнихъ торговыхъ городовъ, служащихъ въ тоже время резиденціею правительства, велъ весьма обширную торговлю. Граждане Аѳинскіе имѣли помѣстья въ отдаленнѣйшихъ владѣніяхъ республики, и всѣ доходы, оттуда получаемые, отсылались въ Аѳины. Въ 461 году, союзная касса была перенесена въ Аѳины и такимъ образомъ сдѣлалась собственностію государства. Постоянные государственные доходы были слѣдующіе: 1. *Плата за постой съ Метойковъ*, которая полагалась съ мужчины двѣнадцать, а съ женщины шесть драхмъ. 2. *Подати союзниковъ*, которыя, въ половинѣ Пелопоннезской войны, простирались до тысячи трехъ сотъ талантовъ, такъ, что тысячу талантовъ можно принять за среднее число ежегоднаго сбора, что составитъ пять милліоновъ четыреста тысячъ рублей, если одинъ Эвбейскій талантъ цѣнился въ пять тысячъ четыреста рублей. А если перевесть эту сумму на наши деньги, по нынѣшнему курсу, должно помножить ее еще по крайней мѣрѣ на восемь. 3. *Доходы съ рудниковъ и подати гражданъ*. Если причислить сюда еще всѣ *косвенные доходы*: пошлинные, портовые, отъ конфискаціи имѣній, денежныя пени и другіе, то легко можно усмотрѣть, что Аѳины могли располагать огромнѣйшими суммами, и, за вычетомъ всѣхъ общественныхъ расходовъ, можно съ достовѣрностью положить, что въ продолженіе немногихъ лѣтъ въ казнѣ оставалось еще до восьми тысячъ талантовъ. Естественно, что въ такомъ богатомъ государствѣ и частные граждане были очень богаты. Впрочемъ на богатыхъ лежали значительныя повинности, и только этимъ можно объяснить себѣ, почему въ демократическомъ государствѣ, которое по природѣ своей стремится къ равенству, нѣкоторыя лица могли имѣть огромныя богатства, не подвергаясь за то ни зависти, ни пре-

слѣдованію. Эти повинности состояли въ четырехъ такъ называемыхъ литургіяхъ: 1. *Хорагія.* Она состояла въ томъ, что богатые должны были по очереди принимать на себя содержаніе хора при трагическихъ, политическихъ и сатирическихъ играхъ. Хорагъ платилъ учителю хора, давалъ хористамъ платье, вѣнки и украшенія, и содержалъ ихъ во все время ихъ занятій и представленій. 2. *Гимназіархія.* Гимназіархъ обязанъ былъ выдавать бойцамъ на общественныхъ играхъ жалованье, пищу, масло и тому подобное. 3. *Гестіазисъ.* Она состояла въ томъ, что во время праздниковъ Филъ, самые богатые члены оныхъ должны были угощать на свой счетъ всѣхъ прочихъ. Но самою великою и важною литургіею была *Тріерархія*, или обязанность въ продолженіе года заботиться о вооруженіи и снабженіи войскомъ военнаго корабля, принадлежащаго государству. Во время Пелопоннезской Войны, когда эта литургія была весьма тягостна, государство выставляло только одинъ оставъ корабля и мачты, и заботилось о жалованьѣ и продовольствіи служащихъ; доставленіе всего прочаго возлагалось на тріерарха. Такимъ образомъ Аѳиняне, имѣя возможность безъ большихъ издержекъ для государства выставлять значительный флотъ, содержали не менѣе значительное сухопутное войско. У нихъ было до тринадцати тысячъ оплитовъ для полевой службы и до шестнадцати тысячъ гарнизонныхъ. Притомъ Греческій оплитъ былъ почти тоже, что рыцарь среднихъ вѣковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что сражался пѣшій; съ нимъ было всегда множество служителей, которые въ легкомъ вооруженіи слѣдовали за нимъ и на войну, и назывались псилами или пелтастами. Кромѣ того у Аѳинянъ считалось до тысячи двухъ сотъ всадниковъ и конныхъ стрѣлковъ, и тысяча шестьсотъ пѣшихъ стрѣлковъ и до шестидесяти тысячъ служившихъ на флотѣ. Войско, которое могъ выставить Дорійскій Союзъ, было не менѣе значительно. Такимъ образомъ мы видимъ готовыми къ борьбѣ два могущественные города, которые, обиліемъ средствъ и особенно духомъ и образованностію воиновъ, не уступаютъ ни одному изъ сильнѣйшихъ государствъ новѣйшихъ временъ.

Аѳины обладали величайшими богатствами, когда Периклъ вступилъ въ управленіе дѣлами. Теперь главною цѣлію его политики было разлить это богатство между народомъ, и онъ достигъ ея двумя путями, во-первыхъ, установленіемъ или увеличеніемъ въ государствѣ жалованья, и во-вторыхъ, построеніемъ огромныхъ зданій. Этимъ онъ привлекъ къ участію въ дѣлахъ правленія и бѣднѣйшихъ гражданъ и возбудилъ во всѣхъ сословіяхъ равную любовь къ наукамъ и искусствамъ, такъ что каждый Аѳинянинъ изъ самаго простаго состоянія исполненъ былъ увѣренности, что лучше можетъ судить о дѣлахъ государственныхъ и объ изящномъ, нежели кто либо изъ Грековъ. Для этого обогащенія и украшенія Аѳинъ была расточаема союзная касса, но Периклъ такъ возвысилъ этимъ государство, что смѣло могъ торжественно сказать Аѳинянамъ, что они не должны давать отчета союзникамъ въ расточеніи ихъ денегъ, потому что деньги принадлежатъ не тѣмъ, которые даютъ, но тѣмъ, которые получаютъ *).

Периклъ установилъ не только давать жалованье судьямъ, но даже платить по три обола (около сорока копѣекъ) каждому, кто только бываетъ въ народномъ собраніи. Онъ учредилъ это, основываясь на томъ, что справедливость требуетъ вознаграждать промышленный классъ Аѳинянъ за потерю времени. На томъ же основаніи онъ положилъ постоянное жалованье и войску. Аѳинскій всадникъ получалъ

*) Плут. Периклъ, гл. 12: *ἐδίδασκεν οὖν ὁ Περικλῆς τὸν δῆμον, ὅτι χρημάτων μὲν οὐκ ὀφείλουσι τοῖς συμμάχοις λόγον, — — ἃ τῶν διδόντων οὐκ ἔστιν, ἀλλὰ τῶν λαμβανόντων.* (т. е. Периклъ вразумилъ народъ, что онъ не долженъ союзникамъ давать отчета въ деньгахъ, которыя принадлежатъ не дающимъ, но получающимъ).

ежедневно около рубля. Капитанъ вдвое больше, а лохагъ вчетверо. Пѣхотный солдатъ получалъ половину жалованья кавалериста; тоже отношеніе сохранялось и между офицерами. При дешевизнѣ жизненныхъ потребностей во время похода и особенно въ землѣ непріятельской, солдатъ всегда возвращался домой съ деньгами, хотя бы не имѣлъ случая обогатиться добычею, при взятіи какого нибудь города. Но эта система вскорѣ повлекла за собою злоупотребленіе; нашлось много чужеземцевъ, которые, будучи привлечены богатымъ жалованьемъ, вступали въ военную службу къ Аѳинянамъ такъ, что къ концу Пелопоннезской войны войска обѣихъ сторонъ состояли изъ наемниковъ, и та сторона должна была побѣдить, которая больше имѣла денегъ.

Лучшею мѣрою для вспомоществованія бѣднымъ служило также увеличеніе ѳеорикона. Такъ называлась касса, изъ которой уплачивались издержки на театральныя представленія и также давались пособія неимущимъ; изъ этой же кассы, во время великихъ праздниковъ, отпускали деньги бѣднѣйшимъ гражданамъ на жертвенные расходы, праздничное угощеніе и тому подобное. Ѳеориконъ есть чисто демократическое учрежденіе, но Периклъ такъ увеличилъ его, что онъ поглощалъ огромнѣйшія суммы, между тѣмъ какъ отъ недостатка въ деньгахъ государство проигрывало войны. Народъ съ такою ревностію хранилъ эту сумму, назначенную для его удовольствія, что запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, дѣлать предложеніе обращать эти деньги, въ случаѣ нужды, на военныя издержки. Периклъ не имѣлъ въ виду такой расточительности; онъ стремился къ одной только цѣли, чтобы образованнѣйшій въ то время народъ въ мірѣ не былъ исключенъ отъ умственныхъ наслажденій, которыя доставляли ему образцовыя произведенія отечественныхъ драматическихъ поэтовъ, потому что главною и послѣднею цѣлію всей его политики было сдѣлать Аѳины не только могущественнѣйшимъ но и образованнѣйшимъ государствомъ въ Греціи—школою Эллады *).

*) Чтобы понять характеръ и политику Перикла, надобно про-

О литературныхъ произведеніяхъ мы будемъ говорить послѣ; здѣсь непосредственно слѣдуетъ сказать о зданіяхъ, построенныхъ Перикломъ. Около сего времени въ горѣ Пентеликѣ открыли мраморъ, и слѣдовательно въ этомъ благородномъ матеріялѣ недостатка не было. Первое достойное наименованія зданіе, построенное Перикломъ, былъ *Одеонъ*. Со времени Пизистрата было въ Аѳинахъ обыкновеніе, что декламаторы и игроки на цитрѣ, во время панатенейскихъ праздниковъ вступали въ поэтическія и музыкальныя состязанія. Скоро почувствовали нужду въ особенномъ для этого зданіи, которое бы притомъ было такъ устроено, чтобы съ каждаго мѣста можно было все явственно слышать. Для этого Периклъ воздвигъ Одеонъ, который былъ не что иное, какъ крытая ротонда, и чтобъ съ этимъ зданіемъ соединить воспоминаніе о Персидской войнѣ, онъ велѣлъ покрыть его досками съ Персидскихъ кораблей, отнятыхъ у непріятеля. Одеонъ сгорѣлъ во время войны Митридата съ Римлянами, когда Аристіонъ упорно защищалъ Аѳины противъ сихъ послѣднихъ. Его второе зданіе — *храмъ Аѳины Сунійской*— находилось на самой южной оконечности Аттики, на скалистомъ мысѣ Суніи, и было построено изъ бѣлаго мрамора въ Дорійскомъ стилѣ. Этотъ храмъ далеко былъ виденъ и служилъ мореплавателямъ, при обходѣ мыса, вмѣсто маяка. Но съ особеннымъ великолѣпіемъ должно было возстановить храмъ покровительницы Аѳины въ самомъ городѣ, въ Акрополисѣ, гдѣ онъ стоялъ прежде и былъ сожженъ Персами. И это совершено было по плану Иктина и Каллистрата; этотъ храмъ, которому не было подобнаго во всей Греціи, назывался Парѳенонъ. Теперь онъ лежитъ въ развалинахъ, но находившіеся на немъ барельефы, къ счастію, спасены. Уже въ началѣ прошед-

честь надгробную рѣчь, говоренную имъ надъ тѣлами Аѳинянъ, павшихъ въ первый годъ Пелопонезской войны, и сохраненную Ѳукидидомъ (кн. II. гл. 35—47). Въ этой рѣчи онъ выражаетъ мысль, въ какомъ смыслѣ Аѳины должны быть *παίδευσις τῆς Ἑλλάδος*. Сравн. Плутарха въ жизн. Перикл. гл. 12, гдѣ подробно и ясно развиты планы Перикла.

шаго столѣтія Французскій посолъ Шуазель (Choiseul) успѣлъ вывезть столько ихъ оттуда, сколько позволили ему Турки, и привезъ во Францію; остальное, въ началѣ сего столѣтія, увезено Лордомъ Эльгиномъ въ Англію.

Наконецъ Периклъ же построилъ *Пропилеи*, великолѣпнѣйшее зданіе, стоившее ему великихъ издержекъ. Акрополисъ стоялъ на холмѣ, возвышавшемся среди равнины, къ которому только съ одной стороны вела дорога; прочія были круты и утесисты. По этой-то дорогѣ отъ города къ Акрополису построены были Пропилеи. Онѣ шли уступами, въ видѣ длинной, непрерывной галереи изъ колоннъ, мимо портика, на которомъ Полигнотъ изобразилъ нѣкоторыя сцены изъ Персидской войны, и мимо многихъ священныхъ мѣстъ. Вступавшій на послѣдній уступъ, видѣлъ съ одной стороны великолѣпныя зданія Акрополиса, а съ другой весь городъ и покрытое кораблями море. Вокругъ Перикла соединились всѣ художники, умѣвшіе понимать его планы и достойно приводить ихъ въ исполненіе. Изъ нихъ особенно прославился Фидій, дѣлавшій превосходныя статуи боговъ и умѣвшій изъ мрамора, мѣди и слоновой кости возсоздавать прекраснѣйшія произведенія фантазіи поэтовъ. До него статуи боговъ можно было различать только по прилагаемымъ къ нимъ аттрибутамъ; но статуи Фидія отличались выраженіемъ, которое онъ умѣлъ придавать лицамъ. Такъ Зевса онъ представилъ такимъ, какимъ изобразилъ его Гомеръ, и по истинѣ ни одно еще изъ художественныхъ произведеній новѣйшихъ временъ не выражало того достоинства и величія, какія онъ придалъ головѣ своего Зевса. Древніе изображали силу съ развѣвающимися волосами, мудрость съ высокимъ открытымъ челомъ, а благость съ кроткою улыбкою на устахъ. Особенно замѣчательны изображенія богини покровительницы Аѳинъ, созданныя симъ славнымъ художникомъ. Три статуи богини поставилъ онъ въ Аѳинахъ: 1. Колоссальная статуя, вылитая изъ мѣди, на сооруженіе которой употреблена была десятая часть Мараѳонской добычи. Она представлена въ видѣ вооруженнаго воина (*Πρόμαχος*), готоваго защищать Аѳины про-

тивъ Персовъ. На щитѣ ея, по рисунку живописца Парразія, вырѣзана была битва Кентавровъ съ Лапитами. 2. Статуя Аѳины Поліасъ или Поліухосъ, которую онъ изваялъ для Парѳенона; внутренность статуи была деревянная, голова, руки и ноги изъ слоновой кости, а одежда изъ чистаго золота; ее можно было снимать, и она обыкновенно хранилась во внутренности храма и надѣвалась только въ торжественные дни. Хотя величина статуи простиралась до тридцати девяти Парижскихъ футовъ, не смотря на то, она такъ хорошо была отдѣлана, что, по увѣренію древнихъ, издали казалась будто живою. Она вооружена была эгидою съ поднятымъ вверхъ копьемъ и опущеннымъ внизъ щитомъ; на правой рукѣ ея парила побѣда (*Νίκη*). На щитѣ ея были вырѣзаны прекрасные рельефы, представлявшіе битву Аѳинянъ съ Амазонками. 3. Третья статуя Аѳины вылита была Фидіемъ изъ бронзы и, по отличной красотѣ своей, получила названіе *καλλίμορφος* (благообразная). Въ древности она извѣстна была также подъ именемъ Лемносской, потому что поставлена была въ Аѳинахъ Лемносцами и сдѣлана на ихъ деньги. Естественно, что эти постройки и художественныя произведенія поглощали огромныя суммы; потому нѣкоторые замѣчаютъ, что безъ этихъ издержекъ Аѳиняне побѣдили бы Спартанцевъ. Это, можетъ быть, и правда, но пусть Аѳиняне одержали бы блистательную побѣду, что была бы эта слава въ сравненіи съ тѣмъ вѣчнымъ непреходящимъ блескомъ, которымъ искусства покрыли Аѳины? Побѣдивъ, Аѳины получили бы только перевѣсъ надъ Спартою; но любовію къ искусствамъ они превзошли цѣлый міръ, потому что никогда пластическое искусство не достигало того совершенства и самобытности, какими отличалось въ вѣкъ Перикла.

Периклъ показалъ заботливость свою о народѣ основаніемъ колоній. Онъ послалъ тысячу колонистовъ въ Ѳракійскій Херсонесъ, который повелѣлъ укрѣпить; пяти стамъ Аѳинянъ онъ далъ владѣнія на островѣ Наксосѣ и основалъ еще

колопію (въ которой находился историкъ Геродотъ,) въ Греческой Италіи, на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса, гдѣ заложилъ городъ Туріи. Естественно, что острова были недовольны правленіемъ Перикла. Но когда одинъ изъ нихъ, именно Самосъ, въ 440 г. возмутился, то былъ за это строго наказанъ. Периклъ самъ повелъ войско противъ Самоса, подавилъ возмущеніе и поступилъ съ побѣжденными не безъ жестокости. Главнымъ основаніемъ политики Аѳинянъ было вводить въ союзныхъ городахъ демократію и уничтожать или ослаблять аристократію. И только этимъ средствомъ, во время Пелопоннезской войны, они могли удержать союзниковъ въ повиновеніи, потому что выгоды ихъ правителей тѣсно соединены были съ выгодами Аѳинянъ. Большая часть приморскихъ городовъ, принадлежавшихъ доселѣ къ Дорійскому Союзу, какъ напр. Потидея, на полуостровѣ Паллене, покорилась Аѳинянамъ. Периклъ составилъ планъ еще разъ соединить подъ начальствомъ Аѳинянъ силы всей Греціи и снова направить ихъ противъ Персовъ. Для этого, по опредѣленію народа, онъ разослалъ приглашенія ко всѣмъ Грекамъ Азіятскимъ и Европейскимъ, явиться на конгрессъ въ Аѳины, для совѣщанія о томъ, какимъ образомъ отмстить варварамъ за сожженіе Греческихъ храмовъ, и для заключенія общаго священнаго союза. Съ этою цѣлію онъ отправилъ пятьдесятъ пословъ; но они, какъ можно было ожидать, не имѣли успѣха *).

*) Плутархъ, жизнь Перикла. Гл. 17.

Впрочемъ тогда легкомысленному народу Аѳинскому, обольщенному счастіемъ, ни одно предпріятіе не казалось труднымъ. Египетъ казался ему легкимъ завоеваніемъ; Сицилія привлекала его взоры, и онъ мечталъ уже объ уничтоженіи Карѳагенскихъ и Этрусскихъ морскихъ силъ, и о владычествѣ надъ всѣмъ Средиземнымъ Моремъ. Но Периклъ, по своему благоразумію и прозорливости, не вдавался въ такіе обширные планы, тогда какъ вблизи угрожалъ опасный и еще не побѣжденный Дорійскій Союзъ. Напротивъ, онъ съ радостію пользовался каждымъ обстоятельствомъ, которое способствовало чѣмъ нибудь къ ослабленію Дорійскихъ силъ. Такимъ случаемъ было отпаденіе Корциры отъ Дорійцевъ. Принятіе этого острова въ Аѳинскій Союзъ послужило поводомъ къ открытію военныхъ дѣйствій между обѣими непріязненными партіями Греческаго міра.

Корцира была Коринѳская колонія, но, по торговому соперничеству, давно уже находилась во враждѣ съ своею метрополіею. Вмѣсто тѣснаго союза, бывшаго прежде между обоими сими государствами, возникла непримиримая ненависть, и они не упускали ни одного случая вредить другъ другу. Эти непріязненныя отношенія скоро вовлекли ихъ въ открытую войну, именно, когда Коринѳъ принялъ подъ свою защиту Корцирскую колонію Эпидамнъ, противъ Корциры. Въ Эпидамнѣ произошелъ споръ между народомъ и аристократіею, имѣвшій слѣдствіемъ изгнаніе сей послѣдней. Изгнанники обратились къ Иллирійцамъ и при помощи ихъ осадили городъ. Стѣсненные Эпидамнійцы сперва просили помощи у Корцирянъ и, получивъ отъ нихъ отказъ, обратились къ Коринѳянамъ, которые, изъ ненависти къ Корцирѣ,

приняли ихъ сторону, а Корциряне тотчасъ объявили себя на сторонѣ изгнанныхъ аристократовъ (436). Хотя Корциряне и одержали побѣду, но противники ихъ сдѣлали такія приготовленія, что они принуждены были искать помощи, и обратились къ Аѳинамъ. И Коринѳяне также отправили въ Аѳины пословъ, для воспрепятствованія этому союзу. Въ самомъ дѣлѣ, Аѳиняне не отважились тотчасъ принять Корциру въ свой союзъ; но заключили съ нею только оборонительный союзъ (ἐπιμαχία), по которому оба союзныя государства обязались взаимно защищать другъ друга противъ чужеземныхъ непріятелей. При этомъ Аѳиняне слѣдовали той политикѣ, что не желали казаться нарушителями мира, съ другой же стороны, предвидя неминуемый разрывъ съ Спартой, не хотѣли лишиться столь важной помощи, какъ помощь Корцирянъ. Коринѳяне смотрѣли на этотъ оборонительный союзъ между Аѳинами и Корцирою, какъ на нарушеніе мира, и старались въ этомъ видѣ представить его Спартанцамъ; но они все еще медлили принять это за основательную причину къ объявленію войны. Только въ 432 г., когда Аѳины торжественно приняли Корциру въ свой союзъ, и когда Коринѳяне и другіе союзники угрожали имъ отпаденіемъ, если они не воспротивятся притѣсненіямъ Аѳинъ, Спартанцы взялись за оружіе.

Кромѣ принятія Корцирянъ въ Аѳинскій Союзъ, Доріійскіе союзники были еще сильно оскорблены поступками Аѳинянъ съ Потидеею и Мегарою. Потидея, Коринѳская Колонія, была осаждена ими за то, что не хотѣла, по требованію ихъ, отказаться отъ всѣхъ связей съ своей метрополіею и разрушить часть своихъ стѣнъ, а Мегарцамъ, въ наказаніе, по опредѣленію народа, подъ смертною казнію запрещено было являться въ Аѳинскія гавани и на рынки. Спартанцы потребовали, чтобы Аѳиняне прекратили осаду Потидеи, объявили Эгину свободною и уничтожили

изданное противъ Мегарцевъ постановленіе; послѣ они прибавили еще условія, чтобы Аѳиняне предоставили автономію своимъ союзникамъ. Въ то же время Спартанцы старались удалить изъ Аѳинъ Перикла, основываясь на томъ, что онъ находился въ родствѣ съ Алкмеонидами, и требовали, чтобъ и онъ подвергся той же участи, какой обречена эта фамилія, но безъ успѣха. Въ сію рѣшительную минуту Периклъ явилъ всю силу своего вліянія и убѣдилъ Аѳинянъ не соглашаться ни на какое требованіе Спартанцевъ *). И такъ, въ 431 году до Р. Х., или въ первомъ году восемьдесятъ седьмой олимпіады, Спартанцы объявили войну Аѳинянамъ.

Судя по силамъ, какія могли выставить обѣ воюющія стороны, и особенно по искусству, оказанному ими во время войны въ военномъ и политическомъ отношеніи, Пелопоннезская война есть важнѣйшая и занимательнѣйшая, какая только когда либо была ведена. Особенно когда мы, владѣя превосходнымъ описаніемъ Ѳукидида, можемъ изучить событія до тончайшихъ подробностей. Впрочемъ мы ограничимся здѣсь однимъ обзоромъ военныхъ событій, а желаю-

*) Периклъ развиваетъ свой планъ въ рѣчи, которую сообщаетъ Ѳукидидъ кн. I, гл. 140—145. Новѣйшіе писатели обвиняли планъ этотъ въ слабости, но онъ напротивъ того есть выводъ самаго зрѣлаго размышленія и самаго глубокаго познанія обстоятельствъ, и непремѣнно доставилъ бы Аѳинянамъ побѣду, если бы былъ вполнѣ исполненъ. Онъ спрашиваетъ: *εἰ γὰρ ἦμεν νησιῶται, τίνες ἂν ἀληπτότεροι ἦσαν*; (т. е. если бы мы были островитянами, кто побѣдилъ бы насъ?) Въ увѣренности, что Аѳины, овладѣя неистощимыми денежными средствами и охраняющею ихъ морскою силою, не потерпятъ никакого значительнаго вреда отъ опустошенія Аттики, онъ съ силою восклицаетъ: *καὶ εἰ ᾤμην πείσειν, ὑμᾶς αὐτοὺς ἂν ἐξελθόντας ἐκέλευον αὐτὰ δῃῶσαι, καὶ δεῖξαι Πελοποννησίοις, ὅτι τούτων γε ἕνεκα οὐχ ὑπακούσεσθε.* (т. е. если бы я думалъ, что могу уговорить васъ, то предложилъ бы вамъ, выступить самимъ и опустошить землю и доказать тѣмъ Лакедемонянамъ, что вы изъ-за этого не уступите имъ).

щему знать все это въ подробности совѣтуемъ обратиться къ Θукидиду.

Пелопоннезская война, въ первыя десять лѣтъ до Никіева мира (431 — 421), ведена была безъ рѣшительныхъ битвъ. Пока живъ былъ Периклъ и управлялъ Аθинскими дѣлами, Аθиняне твердо держались его плана уступать непріятелю, превосходившему ихъ сухопутными силами, на сушѣ, вредить ему, сколько возможно, на морѣ, и, не нуждаясь въ деньгахъ, имѣя превосходный флотъ, до тѣхъ поръ вести войну, пока она не сдѣлается тягостною для самихъ Спартанцевъ и ихъ союзниковъ. При такомъ образѣ войны, воюющія стороны никогда не могли бы вступить въ рѣшительную битву, потому что какъ Аθиняне не могли противустоять Спартанцамъ на сушѣ, такъ равно Спартанцы не смѣли появляться на морѣ. По смерти Перикла, который, въ 429 году, похищенъ былъ язвою, свирѣпствовавшею въ Аθинахъ, демагоги, не могшіе возвыситься при немъ, теперь захватили открытое поприще, и особенно *Клеонъ*, владѣвшій большими кожевенными заводами въ Аθинахъ, почему Аристофанъ и називалъ его кожевникомъ. Они требовали перемѣнить образъ войны на болѣе рѣшительный; между тѣмъ, партія умѣренныхъ, составившая противъ нихъ оппозицію, главою коей былъ Никій, дѣйствовала въ пользу мира. Но въ это время Клеонъ, незаслуженнымъ счастіемъ на войнѣ, пріобрѣлъ великое вліяніе на народъ, и пока былъ живъ, дѣлалъ тщетными всѣ старанія умѣренной партіи. Не прежде какъ въ 422 г., когда Клеонъ палъ въ битвѣ при Амфиполисѣ, Никій успѣлъ за-

ключить съ Спартанцами миръ, который, по его имени, названъ Никіевымъ.

Война открылась нападеніемъ Өиванцевъ на Платею. Уже давно Өиванцы питали ненависть къ этой вѣрной союзницѣ Аөинянъ, потому что она одна изъ всѣхъ Беотійскихъ городовъ не была въ союзѣ съ ними. Теперь, когда война противъ Аөинъ готова была возгорѣться, Өиванцы сочли это время самымъ удобнымъ для удовлетворенія своей ненависти. Однажды, ночью, триста Өиванцевъ, впущенные въ Платею аристократическою партіею, овладѣли городомъ, провозгласили новый образъ правленія и разрывъ съ Аөинами. Демократы оставались спокойны до наступленія дня, но когда увидѣли малочисленность вторгнувшихся непріятелей и ихъ приверженцевъ, то напали на нихъ, взяли ихъ въ плѣнъ и вскорѣ потомъ умертвили. За это городъ былъ осажденъ сперва Өиванцами а послѣ и Спартанцами. Эта осада есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ, по геройской отвагѣ и храбрости осажденныхъ. По долговременномъ облежаніи, страдая отъ всевозможныхъ недостатковъ, въ 428 году, въ темную зимнюю ночь, часть Платейцевъ храбро и отважно пробилась сквозь непріятельскіе окопы. Оставшіеся еще долго защищались, и не прежде какъ въ пятый годъ осады должны были сдаться и сдѣлаться жертвою ожесточенія своихъ непріятелей. Какъ безпощадно и жестоко Пелопонезцы поступили съ Платеею, такъ точно поступили Аөиняне съ Эгиною. Они изгнали всѣхъ Эгинетянъ, и островъ заселили своими согражданами. Изгнанные удалились въ Аркадію, гдѣ Спартанцы отвели имъ мѣсто для поселенія. Сначала война ведена была такимъ образомъ: Спартанцы каждый годъ вторгались въ Аттику и опустошали страну до самыхъ стѣнъ Аөинскихъ; между тѣмъ Аөинскій флотъ мстилъ тѣмъ же Пелопонезу. Въ слѣдствіе такого образа войны, владѣльцы Аөинскихъ полей принуждены были оставить свои жилища, и съ лучшимъ имуществомъ и скотомъ бѣжать въ городъ, и въ Аөинахъ скопилось такое множество народа, что даже храмы обращены были въ жилища. Естествен-

но, что Аттическіе земледѣльцы не могли хладнокровно смотрѣть на опустошеніе своихъ полей, и наполняли городъ криками и жалобами на Перикла; но также очевидно и то, что Аѳиняне должны были оставить дѣла правленія въ его рукахъ, потому что онъ одинъ, свободно, по своей волѣ, могъ располагать возбужденными имъ духовными силами народа. По этому, смерть Перикла была для нихъ величайшимъ несчастіемъ; онъ умеръ въ 429 г. отъ чумы, открывшейся въ Аѳинахъ во второй годъ войны *). Какую великую потерю потерпѣлъ городъ въ этомъ великомъ государственномъ мужѣ, оказалось тотчасъ по его смерти. Теперь открылось свободное поприще демагогамъ, которыхъ онъ умѣлъ обуздывать, и черни (ὄχλος), которою онъ управлялъ. Клеонъ, любимецъ охлоса, сдѣлался главою государства. Умѣренная партія противупоставила ему Никія; впрочемъ, хотя онъ былъ хорошій полководецъ и благородный патріотъ, но слишкомъ робокъ и скроменъ; по этому не могъ пріобрѣсть особеннаго вліянія на разстроенную Аѳинскую демократію. Также и изъ прочихъ значительныхъ въ то время мужей никто не былъ въ состояніи явиться соперникомъ Клеона. Демосѳенъ былъ отличный воинъ, но безъ всякихъ способностей для дѣлъ правленія, а Ламахъ слишкомъ бѣденъ, и могъ играть только второстепенныя роли **). Притомъ Клеонъ, для ослабленія своихъ противниковъ, старался сдѣлать ихъ подозрительными въ склонности къ аристократіи и оговаривалъ предъ народомъ, утверждая, что они съ измѣнническимъ намѣреніемъ длятъ войну, и хотятъ, при помощи Спартанцевъ, ввести въ Аѳинахъ аристократическій образъ правленія.

Въ то время, какъ Клеонъ стремился заступить мѣсто Перикла, главный театръ войны сосредоточился на томъ самомъ пунктѣ, который въ новѣйшія вре-

*) Прекрасное изображеніе характера и правленія Периклова находится у Ѳукидида кн. II гл. 65.

**) Ламахъ былъ такъ бѣденъ *ὥστε καθ' ἑκάστην στρατηγίαν ἀπολογίξεσθαι τοῖς Ἀθηναίοις μικρὸν ἀργύριον εἰς ἐσθῆτα καὶ κρηπῖδας ἑαυτῷ.* (т. е. что онъ при каждомъ военачальствѣ вносилъ въ счетъ Аѳинянамъ небольшую сумму денегъ на платье и на обувь.)

мена сдѣлался всѣмъ извѣстенъ славною Наваринскою Битвою. Именно, Аѳиняне заложили близъ Пилоса крѣпостцу, которая сдѣлалась весьма важною тѣмъ, что въ ней находили защиту и пристанище бѣглые илоты, стекавшіеся сюда со всѣхъ сторонъ. Спартанцы, ничего столько не страшившіеся, какъ возстанія илотовъ, отправили 420 Спартіатовъ на островъ Сфактерію, лежавшій въ Пилосскомъ Заливѣ, чтобы прекратить здѣсь вторженія Аѳинянъ и воспрепятствовать имъ помогать крѣпости, которую намѣревались осадить. Но Аѳиняне окружили этотъ островокъ кораблями, и такимъ образомъ заградили всѣ пути находившимся на немъ Спартіатамъ. Для спасенія четырехъ сотъ двадцати мужей изъ благороднѣйшихъ фамилій государства, Спартанцы предложили миръ на выгодныхъ для Аѳинянъ условіяхъ. Клеонъ воспрепятствовалъ принятію этого предложенія и убѣдилъ народъ, что надобно сперва взять Сфактерію и захватить въ плѣнъ Спартіатовъ, и что тогда Спартанское Правительство приметъ миръ на какихъ угодно условіяхъ. Въ то же время онъ жаловался на стратеговъ, за проволочку осады острова, который легко можетъ быть взятъ. Ѳукидидъ подробно описалъ это народное собраніе, въ которомъ Клеонъ неожиданно сдѣланъ былъ стратегомъ, и изъ словъ его видно, съ какимъ негодованіемъ онъ смотрѣлъ на тогдашнее состояніе государства, въ которомъ какой нибудь демагогъ, безъ всякаго достоинства, волновалъ народъ, и важнѣйшія дѣла отправляемы были между смѣхомъ и шутками. Порицая полководцевъ, Клеонъ до того забылся, что вдругъ воскликнулъ, что если бъ они были мужи и патріоты, то островъ давно уже былъ бы взятъ, ибо ничего нѣтъ легче этого, и онъ увѣренъ, что если бъ ему вручили начальство надъ войскомъ, то онъ могъ бы исполнить это. Народъ подхватилъ его на словѣ и потребовалъ исполненія; но чѣмъ больше къ нему приступали, тѣмъ сильнѣе онъ отказывался и старался отклонить отъ себя эту честь тѣмъ, что есть уже стратегъ, Никій. Но Никій устранилъ это препятствіе, объявивъ, что онъ охотно ему уступаетъ. И когда, не смотря на это, Клеонъ не переставалъ отказываться, народъ

поднялъ такой крикъ, что онъ долженъ былъ рѣшиться. Теперь, отъ упорства онъ вдругъ перешелъ къ дерзости и самохвальству, и обѣщалъ, при громкомъ смѣхѣ народа, въ продолженіе двадцати дней взять Спартіатовъ живыми или мертвыми. Благоразумные люди не безъ удовольствія смотрѣли на эту сцену, надѣясь, что Клеонъ посрамитъ себя своимъ хвастовствомъ, и чрезъ то потеряетъ вліяніе на народъ; но онъ, противъ ихъ ожиданія, сдержалъ слово. Демосѳенъ уже сдѣлалъ такія хорошія распоряженія, что когда прибылъ Клеонъ, Спартіаты сдались при первомъ нападеніи (425). Доселѣ Клеонъ считалъ себя только отличнымъ государственнымъ человѣкомъ, но теперь, возгордившись этимъ успѣхомъ, онъ воображалъ себя великимъ полководцемъ. Такъ какъ счастіе благопріятствовало ему и въ другихъ обстоятельствахъ, то народъ, приведенный сими побѣдами въ пагубное упоеніе, охотно позволялъ ему управлять собою. Въ 424 г., покорилась Мегара и сдала укрѣпленную гавань свою Низею. Въ то же время Аѳиняне заняли островъ Цитеру, весьма важный для Спартанцевъ, которые всегда держали на немъ гарнизонъ *). Такимъ образомъ Аѳиняне владѣли двумя пунктами, Пилосомъ и Цитерою, изъ которыхъ прямо могли дѣлать вторженія въ средину Пелопоннеза и возбуждать илотовъ къ возмущенію. Въ этомъ же году они проникли во внутренность Пелопоннеза и напали на ненавистныхъ имъ Эгинитянъ въ ихъ убѣжищѣ, городѣ Ѳиреѣ, который дали имъ Спартанцы. Городъ былъ разрушенъ; большая часть жителей бѣжала въ горы, а попавшіеся въ плѣнъ были съ тріумфомъ отведены въ Аѳины и тамъ казнены. Въ то же время Аѳиняне предприняли походъ въ Сицилію, который сначала, повидимому, обѣщалъ счастливый успѣхъ. И такъ не удивительно, что Аѳиняне, ослѣпленные счастіемъ, гордые своимъ могуществомъ и управляемые хвастливымъ Клеономъ отвергнули всѣ предложенія о мирѣ. Но въ это время предводителемъ Спартанскихъ войскъ явился мужъ, обладавшій необыкно-

*) О важности острова Цитеры въ военномъ отношеніи, срав. Геродота, кн. VII гл. 235.

венными талантами, и дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Этотъ мужъ былъ Бразидъ, сынъ Теллида. Поприще его было кратковременно, но блистательно и имѣло рѣшительное вліяніе на ходъ войны. Вопервыхъ, онъ возвратилъ Дорійскому Союзу Мегару, ниспровергнувъ тамъ введенную Аѳинянами демократію, и учредивъ олигархію. Но чувствительнѣйшій ударъ могуществу Аѳинянъ онъ вознамѣрился нанесть завоеваніемъ Аѳинскихъ колоній на Ѳракійскомъ и Македонскомъ берегахъ, и пресѣченіемъ богатаго источника ихъ доходовъ. Для этого онъ заключилъ союзъ съ Македонскимъ Царемъ Пердиккою. Бразидъ столь неожиданно и быстро устремился изъ Коринѳа, что Ѳессалійцы не успѣли собраться для преграждения ему пути. Соединившись съ вспомогательнымъ Македонскимъ войскомъ, сперва онъ взялъ Аканѳъ, а потомъ и Амфиполисъ. Въ то же время счастіе оставило Аѳинянъ и на другомъ полѣ битвы, близъ предѣловъ отечественной земли, и перешло на сторону Спартанцевъ. Аѳиняне вступили въ связи со многими Беотійскими городами и обѣщали имъ свою помощь для введенія демократіи, но прежде нежели посланное съ этою цѣлію войско успѣло укрѣпиться при Танагрѣ, Беотархи, собравъ многочисленное войско, сдѣлали на него нападеніе, и Аѳиняне въ отступленіи были разбиты на голову. Это несчастіе и потеря Ѳракіи дали наконецъ въ Аѳинахъ перевѣсъ умѣренной партіи, которой удалось заключить перемиріе на одинъ годъ. Но это перемиріе было непріятно какъ для Клеона, такъ и для Бразида, котораго остановило среди побѣдъ. Клеонъ до тѣхъ поръ не переставалъ кричать противъ него, пока Аѳиняне снова не возвысили его и не послали съ войскомъ противъ Бразида. Въ 422 (ол. 89. 3.) г. онъ вступилъ въ сраженіе съ Спартанцами при Амфиполисѣ и былъ побѣжденъ и убитъ, но и Бразидъ получилъ смертельную рану и прожилъ только до тѣхъ поръ, когда увидѣлъ счастливое окончаніе битвы. Такъ какъ оба полководца, особенно противившіеся заключенію мира, пали, то со смертію ихъ уничтожилось препятствіе, задерживавшее дотолѣ умѣренную партію. Теперь царь Спартанскій, Плейстонаксъ, и Никій, Аѳинянинъ, воспользо-

зовались своимъ вліяніемъ, и весною слѣдующаго года между Аѳинами и Спартою заключенъ былъ такъ называемый Никіевъ миръ. Обѣ стороны остались при своихъ завоеваніяхъ, исключая нѣкоторыхъ, взаимно возвращенныхъ ими другъ другу. Положили каждый годъ возобновлять этотъ миръ клятвою, и при всѣхъ священныхъ мѣстахъ Греціи поставить столбы, съ начертаніемъ на нихъ мирныхъ условій *). Въ слѣдующемъ году, примирившіяся государства заключили оборонительный и *усмирительный* союзъ, потому что нѣкоторые союзники, и особенно Коринѳяне, сначала не хотѣли и слышать о мирѣ. Но вражда прекратилась сама собою, когда Аѳиняне и Спартанцы объявили, что въ мирный договоръ включенъ и Коринѳъ. Напротивъ, съ Беотіею Аѳиняне заключили особенный договоръ.

По заключеніи мира, Аѳиняне наказали всѣхъ, отпавшихъ отъ нихъ въ продолженіе войны, и какъ жестоко они поступали при этомъ случаѣ, тому достаточнымъ примѣромъ можетъ служить участь города Скіоне, находившагося на полуостровѣ Паллене, который присоединился къ Бразиду. По взятіи города, Аѳиняне умертвили всѣхъ мужей, способныхъ носить оружіе, женъ, дѣтей и старцевъ продали въ рабство, и городъ отдали Платейцамъ.

Какъ мало можно было надѣяться на продолжительность этого мира при такомъ волненіи, въ какомъ находилась тогда Греція, когда повсюду разсѣяно было множество безпокойныхъ головъ, интересы перепутаны и между нѣкоторыми городами существовала какъ бы наслѣдственная непа-

*) Условія мира находятся у Ѳукидида кн. V гл. 18.

вість или дружба, еще болѣе усиленныя войною: это доказываетъ множество небольшихъ распрей, происходившихъ въ промежуткѣ времени, отъ заключенія мира до новаго взрыва войны. Можно было предвидѣть, что всеобщая война неизбѣжно должна возобновиться и кончиться не прежде, какъ по совершенномъ паденіи одного изъ соперничествующихъ городовъ или, по крайней мѣрѣ, когда одинъ изъ нихъ пріидетъ въ такое изнеможеніе, что безспорно предоставитъ другому рѣшительный перевѣсъ. Теперь нужно было явиться какому либо демагогу, чтобъ лишить вліянія умѣренную партію, захватить бразды правленія и власть надъ народомъ, и война должна открыться немедленно. Аѳины получили такого демагога въ Алкивіадѣ, сынѣ Клинія. Оскорбленный Спартанцами, Алкивіадъ вовлекъ Аѳинянъ въ связи, которыя должны были вести къ разрыву съ Спартою. Въ самомъ дѣлѣ, война открылась, хотя безъ формальнаго нарушенія мира, и была уже въ полномъ ходу, когда Алкивіадъ, пользуясь расположеніемъ Аѳинянъ къ обширнымъ планамъ, убѣдилъ ихъ предпринять походъ для завоеванія острова Сициліи и употребить для этого всѣ силы государства.

Алкивіадъ, при первомъ вступленіи на политическое поприще, былъ еще очень молодъ, но своими блистательными способностями, истинно Аѳинскимъ характеромъ, прекрасною наружностію и щедростію скоро пріобрѣлъ у народа такое расположеніе, что могъ бы быть въ Аѳинахъ вторымъ Перикломъ, если бъ, подобно ему, руководствовался въ управленіи столь же твердыми правилами. Сначала онъ присталъ къ партіи умѣренныхъ и оказывалъ располо-

женіе и услуги Спартанцамъ, но былъ отвергнутъ ихъ правительствомъ, которому пріятнѣе было имѣть дѣло съ мужемъ, подобнымъ Никію, нежели съ юношею, извѣстнымъ по своему легкомыслію. Такимъ пренебреженіемъ они глубоко поразили его самолюбіа, и съ этого времени онъ сдѣлался заклятымъ врагомъ Спартанцевъ.

Получивъ вліяніе на дѣла государства, онъ тотчасъ воспользовался имъ для того, чтобъ дать почувствовать Спартанцамъ свою силу. Именно, въ 420 г. онъ убѣдилъ Аѳинянъ вступить въ союзъ съ Аргосцами. Этотъ союзъ хотя не былъ прямымъ нарушеніемъ всеобщаго мира, но составлялъ уже шагъ къ разрыву, потому что возникла недовѣрчивость. Аргосъ, вслѣдствіе союза съ Аѳинами, послѣ кровопролитной революціи, ввелъ демократическій образъ правленія. Триста Аргосскихъ аристократовъ отвезены были на Аѳинскіе острова и тамъ содержались подъ стражею. Чтобы составить себѣ понятіе о смятенномъ состояніи Греческаго міра между 420 — 415 г., надобно прочесть Ѳукидида, который подробно описываетъ происходившія въ Греціи безпрерывныя перемѣны союзовъ, безпокойныя движенія партій въ отдѣльныхъ государствахъ, отпаденія союзниковъ и покоренія ихъ силою. Война въ Греціи снова открылась, когда Аѳиняне предприняли походъ въ Сицилію.

Но прежде нежели мы станемъ говорить объ этомъ предпріятіи Аѳинянъ противъ Сициліи, роковомъ для Аѳинъ и имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на окончаніе Пелопоннезской войны, намъ должно сдѣлать обзоръ *Исторіи Сициліи*. Въ Сициліи, подобно какъ и въ метрополіи, Греки основали столько государствъ, сколько было городовъ; по стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, Дорійская колонія, Сиракузы, получила гегемонію надъ всѣми прочими; посему одинъ этотъ городъ имѣетъ непрерывную исторію.

Сиракузы основаны были въ 735 г. (олимп. 11. 2) Коринѳяниномъ Архіемъ, на небольшомъ островѣ Ортигіи. Отсюда мало по малу городъ распространился на большой островъ, собственную Сицилію, и въ послѣдствіи Ахрадине, Тихе, Неаполь и Эпиполь были главными частями города, а на островѣ Ортигіи стояли только общественныя зданія и здѣсь построенныя во время тирановъ военныя казармы и Акрополисъ. Первоначальная исторія этого города неизвѣстна, но въ 665 г. онъ является уже довольно сильнымъ и самъ основываетъ колоніи Акры, и двадцать лѣтъ спустя, Касмены. Еще сорокъ лѣтъ послѣ этого, Сиракузяне основали Камарину. Такъ какъ образъ правленія былъ здѣсь аристократическій, основанный на неравенствѣ имѣній, то, при возраставшемъ могуществѣ города, внутреннія безпокойства были неизбѣжны. Скоро образовались двѣ враждебныя партіи: *Гаморы*, или богатые владѣльцы помѣстій, и *Килликирійцы*, или демократы. Происшедшіе отъ этихъ внутреннихъ раздоровъ безпорядки ослабили и поставили Сиракузы ниже города Гелы, въ которомъ въ 505 г. Клеандръ, сынъ Пантарея, захватилъ тираннію и значительно усилился. Чрезъ семь лѣтъ онъ былъ умерщвленъ; но это происшествіе не имѣло слѣдствіемъ освобожденія Гелы отъ тиранніи. Братъ умерщвленнаго, Иппократъ, заступилъ его мѣсто (498 г.). Этотъ предпріимчивый правитель привелъ въ зависимость отъ города Гелы всѣ Халкидскіе города; той же участи подверглись бы и Сиракузы, если бъ Коринѳяне и Корцирянe не приняли ихъ подъ свою защиту, и своимъ посредничествомъ не доставили имъ выгоднаго мира. Иппократъ палъ въ сраженіи противъ Сицилійцевъ (491). Между тѣмъ, какъ граждане Гелы провозглашали свою свободу, предводитель конницы Гелонъ удержалъ войско въ вѣрности дѣтямъ тиранна. Но вступивъ въ городъ онъ утвердилъ власть за собою. Къ нему-то обратились изгнанные около этого времени изъ Сиракузъ Гаморы и получили просимую помощь. Въ 484 онъ овладѣлъ Сиракузами и сдѣлалъ ихъ столицею и резиденціею своего владычества; такимъ образомъ этотъ городъ вдругъ сдѣлался главою всѣхъ Греческихъ городовъ въ Сициліи. Сколь

значительную силу могъ выставить Гелонъ, видно было, когда Греки просили у него помощи противъ Ксеркса. Но ихъ гордость удержала его отъ войны съ Персами; впрочемъ это послужило къ счастію Сициліи. Ибо въ томъ же году, въ которомъ Ксерксъ наводнилъ Грецію милліонами своихъ войскъ, Карѳагеняне, въ числѣ трехъ сотъ тысячъ, вышли на берегъ Сициліи. Что нападеніе Карѳагенянъ не имѣло ни какой связи съ походомъ Ксеркса противъ Грековъ, это видно изъ обстоятельствъ, подавшихъ къ тому поводъ *). Агригентъ былъ въ то время подъ властію тиранна, по имени Ѳерона, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гелономъ. Онъ, съ согласія Гелона, изгнавъ Гимерскаго тиранна, Терилла, присоединилъ городъ къ своимъ владѣніямъ. Териллъ сперва просилъ помощи у зятя своего Анаксила, владѣвшаго городами Регіемъ и Мессаною, но когда этотъ, чувствуя слабость силъ своихъ, отказалъ ему, онъ обратился къ Карѳагенянамъ. Стоитъ только принять въ разсмотрѣніе выгодное для торговли положеніе Сициліи и вспомнить, что берега, на которыхъ теперь процвѣтали Греческія колоніи, нѣкогда принадлежали Финикіянамъ: тогда будетъ ясно, что торговый Карѳагенъ по другимъ причинамъ, а не по союзу съ Ксерксомъ такъ охотно принялъ предложеніе Терилла, надѣясь воспользоваться несогласіемъ Грековъ для завоеванія острова. Многочисленность войска, съ которымъ Амилькаръ въ 480 г. высадился въ Сициліи, доказываетъ, что Карѳагеняне имѣли и въ виду больше, нежели возвращеніе Териллу его владѣній. Высадившись близъ Панорма, Амилькаръ тотчасъ пошелъ противъ Гимеры и пос-

*) Геродотъ кн. VII, гл. 165 — 168. Мнимый союзъ Ксеркса съ Карѳагенянами обязанъ своимъ существованіемъ съ одной стороны ложному прагматизму позднѣйшихъ историковъ, а съ другой тщеславію Сикеліотовъ. Единовременность вторженія Персовъ въ Грецію и Карѳагенянъ въ Сицилію казалась для позднѣйшихъ историковъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы принять за вѣрное существованіе взаимной связи между обоими этими событіями. А Сикеліоты охотно вѣрили такому мнѣнію, которое льстило ихъ тщеславію, что и они имѣли участіе въ славѣ, пріобрѣтенной Греками въ метрополіи побѣдою надъ Персами.

тавилъ передъ городомъ два стана, въ первомъ, составленномъ изъ кораблей, вытащенныхъ на сушу, находились матросы, во второмъ прочее войско. Ѳеронъ самъ бросился на помощь къ осажденному городу, но жители Гимеры, при видѣ безчисленнаго множества непріятелей, потеряли бодрость, и вѣстникъ за вѣстникомъ спѣшилъ въ Сиракузы, съ требованіемъ скорѣйшей помощи. Гелонъ немедленно выступилъ со всѣми своими силами и, увѣренный въ превосходствѣ Грековъ надъ варварами, тотчасъ по прибытіи велѣлъ отворить городскія ворота. Этому превосходству онъ обязанъ былъ рѣшительною побѣдою надъ непріятелемъ, который потерялъ весь свой флотъ; до 150,000 осталось на мѣстѣ сраженія и почти столько же взято Греками въ плѣнъ. Только немногіе возвратились въ Карѳагенъ съ печальною вѣстію о гибели ихъ вождя, войска и флота. Это привело Карѳагенянъ въ такой страхъ, что прошло семьдесятъ лѣтъ, прежде нежели они осмѣлились снова вмѣшаться въ дѣла Сициліи.

Побѣда при Гимерѣ доставила Сиракузамъ неоспоримую гегемонію надъ всѣми Сицилійскими городами, и Гелонъ сдѣлался такимъ образомъ главою цѣлаго острова. Доселѣ Гелонъ правилъ какъ похититель престола, хотя кротко и справедливо; даже жилъ безъ тѣлохранителей. Но теперь граждане, въ благодарность за услуги, оказанныя имъ городу, въ которомъ онъ усмирилъ партіи, который сдѣлалъ главою всего острова, прославилъ блестящею побѣдою надъ варварами и обогатилъ добычею, провозгласили его своимъ царемъ: этимъ они выразили то, что онъ не похитилъ власть, а пользуется ею законно. Гелонъ умеръ въ 478 г., два года спустя послѣ побѣды при Гимерѣ. Сиракузяне сохраняли память о немъ до позднѣйшихъ временъ въ великомъ почтеніи. Гелонъ оставилъ сына, но такъ какъ онъ былъ еще молодъ и не могъ управлять государствомъ, то наслѣдникомъ назначилъ брата своего Гіерона. Этотъ правитель не имѣлъ недостатка въ панегиристахъ; наемная муза Пиндара возвеличила его; но, кажется, его правленіе, сколько намъ извѣстно, не оправдываетъ этихъ похвалъ. Правда, онъ поддержалъ военными силами не-

ревѣсъ Сиракузъ на островѣ и даже распространилъ свое владычество въ Греческой Италіи; но онъ основалъ свою власть на страхѣ, а не на довѣренности и любви народной, какъ правилъ его братъ. Многими насильствами онъ такъ сдѣлалъ себя ненавистнымъ, что тотчасъ по его смерти, въ 467 г., въ Сиракузахъ вспыхнула революція. Собственно законнымъ наслѣдникомъ былъ сынъ Гелона; но у него оспоривалъ власть дядя его, Ѳразибулъ; противъ этого претендента соединились всѣ приверженцы Гелонова дома. Аристотель, описавшій сіе происшествіе, замѣчаетъ, что въ государствахъ, управляемыхъ тираннами, за несогласіемъ правящей фамиліи всегда должно слѣдовать ея паденіе (Polit. lib. V, cap. 8). Истина этого замѣчанія тогда же подтвердилась въ Сиракузахъ. Все народонаселеніе города схватилось за оружіе подъ предлогомъ борьбы за Гелонова сына, въ самомъ дѣлѣ, вообще противъ тиранніи. Когда попытка Ѳразибула потушить возмущеніе мирными средствами не удалась, онъ занялъ, съ своими приверженцами и наемниками, въ числѣ пятнадцати тысячъ, части города Ортигію и Ахрадине; мятежники напротивъ укрѣпились въ Тихѣ. Сіи послѣдніе, получивъ подкрѣпленія отъ всѣхъ Сицилійскихъ городовъ, одержали верхъ въ битвахъ, происходившихъ на улицахъ города. Ѳразибулъ отказался отъ власти и удалился въ Эпизефирійскія Локры, гдѣ прожилъ частнымъ человѣкомъ до самой смерти. Сиракузяне провозгласили демократическій образъ правленія; между тѣмъ въ городѣ произошли новыя безпокойства, въ слѣдствіе опредѣленія перваго, по возстановленіи республики, народнаго собранія. Именно, старые граждане хотѣли удалить отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія новыхъ, которыхъ переселили сюда и наградили правомъ гражданства тиранны. Новые граждане которыхъ число было не незначительно, воспротивились этому опредѣленію; городъ снова раздѣлился и снова произошла междоусобная война, которая кончилась въ 462 году тѣмъ, что новые граждане оставили Сиракузы. Освобожденіе Сиракузъ было сигналомъ для прочихъ городовъ Сициліи къ введенію демократіи, и Страбонъ дѣлаетъ справедливое замѣча-

ніе, что съ этихъ поръ по образу правленія Сиракузъ опредѣлялся образъ правленія прочихъ городовъ *). Впрочемъ въ Сиракузахъ было слишкомъ смѣшанное народонаселеніе, и демократія не могла развиться такъ правильно какъ въ Аѳинахъ. Тамъ бѣднѣйшіе граждане такъ были обезпечены государствомъ, и такъ тѣсно связаны съ интересами демократіи, что не допускали употреблять себя орудіемъ къ возвышенію какого нибудь богатаго и честолюбиваго гражданина. Здѣсь, напротивъ, большая часть бѣдныхъ всегда готова была помогать всякому, кто больше заплатитъ, достигнуть верховной власти. Не много лѣтъ спустя, по введеніи демократіи, Сиракузы испытали это. Одинъ богатый гражданинъ, по имени Тиндаридъ, подкупивъ бѣдныхъ, составилъ себѣ многочисленную партію, и хотя Сиракузскому правительству и удалось низложить его, но уже послѣ кровопролитной битвы, въ которой палъ самъ Тиндаридъ. Противъ этого зла Сиракузяне прибѣгли къ тому же средству, которое существовало въ Аѳинахъ подъ именемъ остракизма. Именно въ 454 г. Сиракузяне ввели петализмъ, такъ называемый потому, что на листахъ маслины писали имя человѣка, который казался слишкомъ сильнымъ и по этому опаснымъ для государства. Каждый осужденный петализмомъ долженъ былъ оставлять городъ на пять лѣтъ. Но если въ Аѳинахъ остракизмъ былъ полезенъ, то это потому, что введенъ былъ при самомъ основаніи демократическаго образа правленія и былъ умѣренно употребляемъ въ продолженіе развитія Аѳинской демократіи. Сиракузяне, напротивъ, ввели петализмъ противъ зла уже существовавшаго, и пользовались имъ такъ неумѣренно и неблагоразумно, что скоро совсѣмъ отмѣнили его.

Въ такомъ состояніи находились Сиракузы, когда въ Греціи вспыхнула Пелопоннезская война. Дорій-

*) *Καὶ συνέβη τοῖς Συρακουσίοις τυραννευομένοις τε δεσπόζειν τῶν ἄλλων καὶ ἐλευθερωθεῖσιν ἐλευθεροῦν τοὺς ὑπὸ τῶν βαρβάρων καὶ τυράννων καταδυναστευομένους.* (т. е. Сиракузяне, управляемые тираннами, господствовали надъ другими Греками въ Сициліи, а освобожденные-освобождали угнетаемыхъ варварами и тираннами).

скій союзъ требовалъ отъ Сиракузянъ участія въ этой борьбѣ, но они объявили себя нейтральными и заключили съ Спартанцами только торговый договоръ, по которому послѣдніе могли покупать въ Сициліи жизненные припасы и военные снаряды. Напротивъ Іонійскіе города въ Сициліи отложились отъ Сиракузъ; такимъ образомъ война, съ такимъ ожесточеніемъ веденная въ метрополіи, возгорѣлась и въ Сициліи. Городъ Леонтины сдѣлался главою Іонійскихъ городовъ въ Сициліи и обратился съ просьбою о помощи къ Аѳинамъ. Главою отправленнаго туда посольства былъ знаменитый софистъ Горгій, и Аѳиняне, увлеченные краснорѣчіемъ сего мужа, положили послать своимъ единоплеменникамъ въ Сициліи 100 вспомогательныхъ кораблей подъ предводительствомъ Лахеса и Хороида. Ѳукидидъ (III, 66) исчисляетъ союзниковъ обѣихъ партій: на сторонѣ Сиракузъ были всѣ Дорійскіе города въ Сициліи и Италіи, кромѣ Камарины, присоединившейся къ Іонійскому союзу, къ которому принадлежали всѣ Халкидскіе города. Со времени прибытія Аѳинскаго флота, въ 427 г., къ которому въ 424 г. прибыло сильное подкрѣпленіе подъ предводительствомъ Эвримедона и Софокла, война ведена была съ перемѣнными счастіемъ. Стремленіе Аѳинянъ явно клонилось къ тому, чтобы овладѣть крѣпкими приморскими мѣстами. Ихъ намѣреніе такъ было очевидно, что наконецъ въ Сикеліотахъ пробудился патріотизмъ. Во-первыхъ, Гела заключила въ 424 г. съ Камариною отдѣльный миръ и пригласила потомъ депутатовъ отъ всѣхъ Сицилійскихъ городовъ къ себѣ на конгресъ. Этотъ конгресъ дѣйствительно состоялся; но интересы враждующихъ партій были такъ различны, что онъ распался бы безъ всякаго успѣха, если бъ Сиракузянинъ Гермократъ не показалъ Сикеліотамъ ихъ настоящихъ выгодъ. Въ сильной рѣчи онъ выразилъ, что Іонійская единоплеменность служитъ Аѳинянамъ только предлогомъ для покоренія Сициліи, также какъ они поступили съ островами на востокѣ Средиземнаго Моря, которые сперва заманили къ себѣ въ союзъ, о потомъ силою принудили къ покорности. И такъ онъ предложилъ объявить автономію всѣхъ Сицилій-

скихъ городовъ и обезопасить ее навсегда взаимнымъ миромъ, утверждая, что такимъ соединеніемъ всѣхъ противъ одного общаго врага счастіе и спокойствіе острова было бы поддержано на долгое время *). Эта политика была такъ справедлива, что не возможно было всѣмъ не убѣдиться въ ней. Сиракузы первые подали примѣръ, пожертвовавъ нѣкоторыми своими выгодами; взаимные споры были прекращены и Аѳиняне по заключеніи мира отпущены. Это произошло въ осьмомъ году Пелопоннезской войны, въ 423 до Р. Х. Аѳиняне были очень недовольны тѣмъ, что ихъ полководцы позволили отослать себя Сикеліотамъ. Одни изъ нихъ осуждены были за это на изгнаніе, другіе оштрафованы деньгами. Демагоги представили народу, что полководцы должны бы были воспользоваться Гельскимъ миромъ, чтобы, подъ предлогомъ наказанія союзниковъ за отпаденіе, покорить весь островъ. Такъ кончилась первая попытка Аѳинянъ противъ Сициліи, и если бъ Сикеліоты оставались вѣрными указанной Гермократомъ политикѣ, то врядъ ли бы Аѳиняне въ другой разъ ее возобновили.

Но уже спустя одинъ годъ по заключеніи Гельскаго мира, въ Леонтинѣ произошли безпокойства. Богатые вступили въ споръ съ бѣдными за раздѣлъ земель; скоро дѣло дошло до насилій. Сиракузяне, призванные на помощь богатыми, изгнали народъ, разрушили городъ и взяли съ собою призвавшихъ ихъ Леонтинцевъ, принявъ ихъ въ число своихъ согражданъ. Но изгнанный народъ, по удаленіи Сиракузянъ, возвратился домой и укрѣпился въ развалинахъ своего города. Аѳиняне, получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи, послали въ Сицилію Феакса, чтобъ вывѣдать мнѣніе Сикеліотовъ относительно Сиракузъ; но Феаксъ нашелъ его неблагопріятнымъ для Аѳинъ и скоро воротился. Прошло шесть лѣтъ, прежде нежели Аѳинянамъ представился случай возобновить свой прежній планъ противъ Сициліи. Два сопредѣльные города Эгеста и Селинунтъ давно уже имѣли споры о границахъ. Наконецъ въ ссоры част-

*) Превосходная рѣчь Гермократа находится у Ѳукидида, кн. IV гл. 59—65.

ныхъ владѣтелей вмѣшались государства, и дѣло дошло до войны, въ которой Эгеста тѣмъ менѣе могла имѣть успѣха, что Сиракузы приняли сторону Селинунта. Стѣсненные Эгестяне просили помощи у Агригента и у Карѳагенянъ, но безъ успѣха, такъ что наконецъ, вынужденные необходимостію, они обратились къ Аѳинянамъ въ 416 г. Алкивіадъ убѣдилъ Аѳинянъ подать помощь Эгестянамъ, или лучше подъ этимъ предлогомъ предпринять походъ для завоеванія всего острова.

Согласившись на этотъ походъ, Аѳиняне назначили полководцами Алкивіада, Никія и Ламаха, и вручили имъ неограниченную власть надъ силами, какихъ еще ни какое Греческое государство не употребляло для исполненія одного предпріятія. Эти силы состояли изъ 136 военныхъ кораблей, 5,100 оплитовъ, 480 стрѣлковъ, 700 пращниковъ, 120 легко вооруженныхъ и 30 всадниковъ. За ними слѣдовали тридцать кораблей съ съѣстными припасами и сто съ другими необходимыми вещами; сверхъ того за флотомъ слѣдовало еще множество купеческихъ судовъ, которые пристали къ нему добровольно. Но предъ отплытіемъ флота, въ Аѳинахъ случилось происшествіе, которое приготовило неудачу похода, потому что успѣхъ подобнаго предпріятія всегда основывается на довѣренности войска къ своему вождю, на политической оборотливости и воинскомъ искусствѣ его, а Алкивіадъ, соединявшій въ себѣ всѣ эти качества, вдругъ впалъ въ немилость у народа. Во время приготовленій къ походу противъ Сициліи, въ одно утро увидѣли, что большая часть гермовъ, *) которые стояли на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и по угламъ улицъ, была ниспровергнута, и никто не зналъ, кто былъ виновникомъ преступленія. Объ этомъ распространилось множество слуховъ и толковъ. Старались отклонить отъ дальнѣйшаго изслѣдованія дѣло тѣмъ, что будто бы это оскорбленіе святыни сдѣлано было по проискамъ

*) Гермами назывались каменные столбы, съ головою Гермеса на верхней оконечности, стоявшіе на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и улицахъ. Они удержали свое имя и тогда, когда вмѣсто Гермеса начали ставить на нихъ изображенія и другихъ боговъ.

Коринѳянъ, съ намѣреніемъ отклонить Аѳинянъ отъ войны противъ ихъ колоніи Сиракузъ. Но народъ, возбужденный адвокатами и рабулистами, которымъ столь темное дѣло представляло надежду на продолжительные процессы, не успокоился и рѣшилъ сдѣлать изслѣдованіе о всѣхъ оскорбленіяхъ святыни, совершенныхъ въ послѣднее время. Между прочими обвиненіями, явившимися въ слѣдствіе этого опредѣленія, было одно и противъ Алкивіада, что онъ осмѣялъ таинства и ниспровергнулъ изображенія боговъ. Въ то время еще очень строго наказывали за нечестіе, потому что гражданскія постановленія такъ тѣсно были связаны съ религіею, что оскорбленіе боговъ было вмѣстѣ уголовнымъ государственнымъ преступленіемъ.

И такъ никакое обвиненіе не могло быть опаснѣе того, какое теперь представлено было противъ Алкивіада. По этому онъ настаивалъ, чтобъ его дѣло разсмотрѣно и рѣшено до отправленія его въ Сицилію, потому что въ этомъ случаѣ онъ былъ увѣренъ въ своемъ оправданіи. Но враги Алкивіада, которые хотѣли воспользоваться именно его отсутствіемъ для низверженія его, убѣдили народъ отложить процессъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится изъ похода. Но едва флотъ поднялъ паруса, какъ множество доносовъ представлено было на Алкивіада, въ которыхъ обвиняли его не только въ нечестіи, но даже въ заговорѣ противъ демократіи. Такими хитростями они успѣли любовь народа къ Алкивіаду превратить въ смертельную ненависть. Многихъ обвиненныхъ въ святотатствѣ и измѣнѣ предали смерти и послали государственный корабль Саламинію за Алкивіадомъ, чтобъ онъ явился въ Аѳины къ отвѣту *).

Алкивіадъ сперва спокойно повиновался, но послѣ, предвидя, что предъ такимъ изступленнымъ судомъ,

*) Ѳукидидъ кратко замѣчаетъ, какъ безсмысленъ былъ тогда народъ, вдавшись въ обманъ людей презрѣнныхъ; напротивъ Андокидъ (ap Reiske oratores Græci T. IV) говоритъ объ этомъ весьма подробно.

который тогда учрежденъ былъ въ Аѳинахъ для разсмотрѣнія дѣлъ противъ религіи, онъ навѣрное погибнетъ, на пути бѣжалъ изъ Туріи. Узнавъ, что Аѳиняне осудили его на смерть, онъ, полный мщенія, перешелъ на сторону Спартанцевъ *). Важнѣйшимъ слѣдствіемъ его перехода на ихъ сторону было не только неудачное окончаніе Сицилійской экспедиціи, но даже совершенное уничтоженіе всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Аѳинскихъ, собранныхъ для этого похода.

Уже одно устраненіе его отъ Сицилійской экспедиціи было несчастіемъ для Аѳинъ, потому что онъ былъ виновникомъ ея и доселѣ составлялъ душу всего предпріятія. Онъ овладѣлъ Наксосомъ, занялъ Катану и уже въ Мессанѣ имѣлъ партію, которая готова была предать городъ Аѳинянамъ. Первое зло, нанесенное имъ отечеству, было, что онъ, удаляясь изъ Сициліи, предалъ господствующей въ Мессанѣ партіи своихъ единомышленниковъ. По удаленіи Алкивіада главное начальство получилъ Никій, потому что Ламахъ былъ весьма мало уважаемъ и вскорѣ послѣ того въ одной битвѣ лишился жизни. Никій двинулся къ Сиракузамъ и осадилъ городъ съ суши и моря. Сицилійскіе туземцы соединились съ Аѳинянами, доставляли въ ихъ лагерь съѣстные припасы такъ, что Сиракузяне начали отчаяваться въ своемъ спасеніи, особенно когда еще внутри города открылись безпорядки. Здѣсь Алкивіадъ самымъ чувствительнымъ образомъ далъ почувствовать отечеству свое мщеніе. По его совѣту Спартанцы послали Гилиппа, чтобы, какъ только возможно, спасти Сиракузы. Выборъ такого отличнаго полководца доказывалъ необыкновенную проницательность Алкивіада. Гилиппъ отправился на Коринѳскихъ корабляхъ и, прибывъ въ Эпизефирійскія Локры, собралъ тамъ извѣстія о положеніи дѣлъ въ Сициліи и, высадившись на сѣвер-

*) По словамъ Плутарха (vita Alcibiadis, cap. 23) Алкивіадъ получивъ извѣстіе о своемъ осужденіи, воскликнулъ: *ἀλλ᾽ ἐγὼ δείξω αὐτοῖς ὅτι ζῶ.* (т. е. Я имъ покажу, что я живъ).

номъ берегу, совершилъ съ трехтысячнымъ войскомъ смѣлый маршъ черезъ островъ къ Сиракузамъ. Онъ счастливо вступилъ въ городъ, и его прибытіе оживило упавшій духъ осажденныхъ. Никій сначала смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, и гордость, съ какою онъ предлагалъ Аѳинянамъ пятидневный срокъ для безопаснаго отступленія, казалась ему забавнымъ хвастовствомъ. Но отъ Гилипповыхъ распоряженій положеніе дѣлъ такъ перемѣнилось, что Никій принужденъ былъ послать въ Аѳины печальное донесеніе о неуспѣшности осады и вмѣстѣ просьбу о подкрѣпленіи и преемникѣ (414). Но Аѳиняне отказали ему въ отставкѣ, а для облегченія трудовъ послали къ нему двухъ помощниковъ и обѣщали въ слѣдующемъ году прислать подкрѣпленіе. Хотя тогда война съ Спартою возобновилась съ большею силою, не смотря на то, Аѳиняне весною 413 г. дѣйствительно послали въ Сицилію опытнѣйшаго своего полководца, Демосѳена, съ 75 кораблями и 5,000 оплитовъ. Демосѳенъ, привыкшій дѣйствовать быстро, тотчасъ сообщилъ новый духъ военнымъ дѣйствіямъ Аѳинянъ. Но рѣшительное ихъ нападеніе вполнѣ было неудачно, такъ, что они рѣшились снять осаду.

Въ то время, какъ они готовы были къ отплытію, случилось лунное затмѣніе; суевѣрный Никій, считая это неблагопріятнымъ для себя признакомъ, настоялъ отложить отступленіе еще на 27 дней до другаго полнолунія. Этою остановкою воспользовались Сиракузяне и заперли большую гавань, въ которой находился Аѳинскій флотъ. И такъ спасеніе Аѳинянъ зависѣло отъ морскаго сраженія въ самой гавани; оно было для нихъ такъ гибельно, что они сами сожгли свои корабли, которые остались отъ битвы, и рѣшились сухимъ путемъ искать спасенія въ союзныхъ городахъ. Пораженіе Аѳинянъ было такъ велико, что они опустили исполнить священнѣйшую обязанность—предать трупы падшихъ погребенію, оставили за собою больныхъ и раненыхъ 40,000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и матросовъ, и въ 413 г. двумя отрядами пошли отъ Сиракузъ. Но отступленіе ихъ въ странѣ, гдѣ все для нихъ являлось непри-

ступнымъ, между тѣмъ какъ непріятель зналъ всѣ пути и непроходимыя мѣста, было безуспѣшно. Сперва сдался Демосѳенъ съ своимъ отрядомъ. Никій велъ свое войско еще въ порядкѣ до рѣчки Ассинара; но здѣсь палящая жажда разрушила всякій порядокъ; Сиракузяне напали на него, и кто не потонулъ въ рѣкѣ, былъ взятъ въ плѣнъ непріятелями. Въ числѣ плѣнныхъ находился самъ Никій. Сиракузяне жестоко поступили съ побѣжденными: Никій и Демосѳенъ были казнены. Прочіе плѣнные, въ продолженіе семидесяти дней, были содержимы въ каменоломняхъ; потомъ всѣ изъ нихъ, кромѣ Аѳинянъ, Сикеліотовъ и Италіотовъ, были проданы въ рабство; напротивъ сіи оставлены на всю жизнь въ Сиракузскихъ каменоломняхъ.

Чѣмъ менѣе Аѳиняне сомнѣвались въ счастливомъ исполненіи своего предпріятія противъ Сициліи, тѣмъ ужаснѣе была для нихъ вѣсть о погибели всего войска и флота. Несчастіе казалось имъ столь великимъ и безпримѣрнымъ, что они долго не хотѣли вѣрить, и, увѣрившись, пришли въ отчаяніе. Ихъ оплиты погибли въ Сициліи, корабельныя верфи опустѣли и казнохранилище истощилось, и еще къ непріятелямъ, съ которыми они доселѣ сражались, присоединились Сиракузяне, которыхъ побѣдоноснаго флота должно было ожидать каждую минуту. Народъ обратилъ свою ярость сперва на ораторовъ, совѣтовавшихъ предпринять этотъ походъ, и гадателей, предсказывавшихъ счастливое окончаніе онаго, но потомъ устремилъ всѣ свои силы на то, какъ избавиться отъ угрожающей опасности и принималъ совѣты только отъ людей благоразумныхъ. Послѣдняя тысяча талантовъ, остававшаяся еще въ ихъ сокровищницѣ, употреблена была на по-

строеніе новаго флота, чтобы на первый разъ хоть удержать союзниковъ въ повиновеніи и поддержать свое колеблющееся могущество. Въ самомъ дѣлѣ, Аѳины находились въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, и главною тому виною былъ Алкивіадъ. Онъ не только убѣдилъ Спартанцевъ послать Гилиппа въ Сицилію, но присовѣтовалъ еще, вмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, занять въ ней укрѣпленныя мѣста. Самый гибельный ударъ, нанесенный имъ отечеству, состоялъ въ томъ, что онъ вовлекъ въ эту войну Персовъ и выпросилъ у нихъ денежныя вспоможенія для Спартанцевъ. Такимъ образомъ Спарта могла теперь явиться и морскою державою. Большая часть острововъ готова была къ отпаденію отъ Аѳинъ, какъ скоро явится Спартанскій флотъ. Этотъ флотъ явился въ 412 году, и на немъ совѣтникомъ адмирала былъ хитрый и искусный Алкивіадъ. Хіосъ и Эритры первые отпали отъ Аѳинъ, въ слѣдъ за ними Клазомены; вскорѣ и Родосъ перемѣнилъ образъ правленія. Почти на всѣхъ островахъ происходили движенія, и только тѣ оставались вѣрны Аѳинянамъ, на которыхъ демократія одерживала верхъ; напротивъ, гдѣ аристократамъ удавалось пріобрѣсть перевѣсъ, они тотчасъ спѣшили утвердить за собою власть союзомъ съ Спартою. Всѣ сіи движенія сопровождаемы были ужаснымъ изступленіемъ партій и кровопролитіями. Въ это время Алкивіадъ заключилъ съ Персидскимъ сатрапомъ Тиссаферномъ два трактата для Спарты, по которымъ Персы платили жалованье Спартанскимъ матросамъ. Но

вскорѣ между Спартанцами и сатрапомъ произошли несогласія за выдачу жалованья, которыя еще болѣе были раздуваемы Алкивіадомъ, потому что онъ намѣревался оставить Спартанцевъ и возвратиться въ свое страждущее отечество, которое онъ повергнулъ въ несчастіе; казалось, что онъ одинъ могъ и возстановить его. Хотя съ переходомъ его на сторону Аѳинянъ было тѣсно связано измѣненіе ихъ образа правленія, не смотря на то, опасность была такъ велика и такъ далека надежда на иное спасеніе, что Аѳиняне наконецъ согласились на эту перемѣну. Сперва, въ 411 г., введена была олигархія, но такъ какъ она не могла удержаться, то ее замѣнили умѣренною демократіею. Алкивіадъ былъ возвращенъ, и права его возстановлены.

Алкивіадъ примѣтилъ, что Спартанцы начали ему недовѣрять, и что царь Агисъ старается погубить его за то, что онъ обольстилъ его супругу: по этому оставилъ Спартанцевъ и удалился ко двору Тиссаферна. Онъ въ одно время убѣждалъ Тиссаферна не такъ щедро помогать Спартанцамъ, представляя, что выгоды Персовъ требуютъ, сколько возможно долѣе поддерживать несогласія между Греками, и велъ переговоры съ Аѳинскими стратегами, которыхъ главная квартира была въ Самосѣ, обѣщаясь перейти на сторону Аѳинянъ подъ условіемъ, если въ Аѳинахъ будетъ измѣненъ образъ правленія. Всѣ начальники Аѳинскаго флота, исключая Фриниха, были согласны на его предложеніе, потому что онъ обѣщалъ лишить Спартанцевъ денежнаго пособія Персовъ, безъ котораго они не могли продолжать войну на морѣ. И такъ войско послало Пизандра въ Аѳины, чтобъ исполнить желаніе Алкивіада—измѣнить тамъ образъ правленія. Можно представить себѣ, какое онъ встрѣтилъ сопротивленіе, когда сдѣлалъ это предложеніе въ народномъ собраніи. Особенно возстали противъ

Алкивіада его враги, жрецы и священные провозвѣстники Деметры, надъ таинствами которой онъ будто бы издѣвался; они жаловались, что религія обращена въ посмѣяніе. Но Пизандръ на всѣ ихъ возраженія отвѣчалъ вопросомъ, предоставивъ каждому рѣшить его: какимъ средствомъ они думаютъ спасти отечество? Когда всѣ замолчали, Пизандръ прямо объявилъ, что нѣтъ другаго средства, кромѣ возвращенія Алкивіада. Алкивіадъ, говорилъ онъ, пользуется довѣренностью Персовъ, но готовъ возвратиться подъ условіемъ, чтобы бразды правленія были взяты изъ рукъ демагоговъ и переданы немногимъ. Онъ утѣшалъ народъ надеждою на лучшую будущность, когда имъ снова можно будетъ возстановить свой образъ правленія. Послѣ этого народъ уполномочилъ Пизандра вести переговоры съ Алкивіадомъ и вмѣстѣ отрѣшилъ обоихъ стратеговъ, преданныхъ демократіи, Фриниха и Скиронида, и на мѣсто ихъ назначилъ приверженцевъ новой системы. Въ то время, какъ Пизандръ вводилъ олигархію на островахъ, друзья его приготовили все въ Аѳинахъ. Главный демагогъ, Андроклъ, былъ тайно умерщвленъ; подобная участь постигла и другихъ начальниковъ партій, такъ, что всѣ, страшась кинжала олигарховъ, оставались спокойны; между тѣмъ, олигархи, руководимые ораторомъ Антифономъ и Пизандромъ и подкрѣпляемые Фринихомъ, который соединился съ ними предложили перемѣнить образъ правленія. Дѣло происходило такъ: избрали коммиссію изъ десяти мужей, которой повелѣно было разсмотрѣть, какой образъ правленія должно учредить при настоящихъ обстоятельствахъ; но въ назначенный день, когда эта коммиссія должна была дать отчетъ, она требовала только отъ каждаго высказать безъ утайки свое мнѣніе. Тогда олигархическая партія выступаетъ и даетъ слѣдующее предложеніе: назначить пятерыхъ гражданъ *проэдрами*; они должны тотчасъ избрать сто гражданъ, изъ которыхъ каждый могъ бы найти себѣ трехъ товарищей. Эти четыреста мужей должны составлять верховное правительство, и не болѣе пяти сотъ гражданъ, ими назначенныхъ, должны образовать народное собраніе.

Но это народное собраніе тогда только можетъ собираться, когда угодно будетъ совѣту четырехъ сотъ созвать его. Никто не противорѣчилъ. Буле былъ разогнанъ, и Аѳины, дотолѣ управлявшіяся демократіею и ею возвысившіяся, Аѳины теперь вдругъ подчинились олигархіи. Они скоро почувствовали всю невыгоду этого переворота *). Владычество олигарховъ, основанное на насиліи, не принесло съ собою ожидаемыхъ выгодъ; ни Алкивіадъ, ни кто другой изъ изгнанниковъ не былъ возвращенъ. Въ городѣ никто не смѣлъ воспротивиться олигархамъ, страшась ихъ приверженцевъ, которые всегда были вооружены и готовы на всякое злодѣяніе. Но войско, находившееся въ Самосѣ, объявило себя противъ олигарховъ и поставило начальниками своими двухъ рѣшительныхъ демократовъ, Ѳразибула и Ѳразилла. Всѣ Аѳиняне, находившіеся въ войскѣ и на флотѣ, соединились торжественною клятвою противъ олигархіи и объявили себя Аѳинскою республикою. Войско, какъ представитель республики, вызвало Алкивіада, потому что отъ него одного ожидали спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, теперь настало то время, когда спасеніе (если только Аѳины могли спастись) болѣе нежели когда-либо было необходимо, потому что Спартанцы, во время внутреннихъ безпорядковъ въ Аѳинахъ, сдѣлали большіе успѣхи и между прочимъ взяли Византію, городъ для Аѳинъ весьма важный. Принявъ начальство, Алкивіадъ удержалъ войско, тотчасъ хотѣвшее плыть въ Аѳины для низложенія олигарховъ. Онъ опасался, чтобъ въ такомъ случаѣ острова и союзные города не предались Спартанцамъ, и надѣялся, что извѣстіе о происшедшемъ въ Самосѣ само собою произведетъ въ Аѳинахъ революцію, и не обманулся. При извѣстіи о случившемся, одинъ изъ олигарховъ, Ѳераменъ, сдѣлался главою демократовъ, и въ городѣ произошли безпокойныя движенія. Фринихъ былъ убитъ на площади, среди бѣлаго дня; городу угрожала междоусобная война, и притомъ

*) Ѳукидидъ (кн. VIII гл. 70) говоритъ объ олигархахъ: *ἔνεμον κατὰ κράτος τὴν πόλιν*. (т. е. Управляли республикою насиліемъ).

въ это время по близости крейсировалъ непріятельскій флотъ. Войско, занимавшее Пирей, пришло въ городъ, и подъ его защитою собралась экклезія; но въ ту минуту, когда уже намѣревались приступить къ совѣщанію, пришло извѣстіе, что непріятельскій флотъ плыветъ прямо къ Аѳинамъ. Опасность, угрожавшая извнѣ, прекратила всѣ раздоры внутри; всѣ спѣшили защитить отечественной городъ — одни на корабли въ Пирей, другіе на стѣны и башни. Морское сраженіе, данное въ виду гавани, было несчастно для Аѳинянъ, и по мнѣнію Ѳукидида, Аѳины тогда бы еще пали, если бъ военный совѣтъ Спартанцевъ былъ рѣшительнѣй. Но прежде нежели Спартанцы воспользовались своею побѣдою, Аѳиняне ободрились и, для возстановленія внутренняго спокойствія, согласились ввести новый образъ правленія. Олигархи бѣжали къ Спартанцамъ. Четырехъ-сотенный совѣтъ былъ уничтоженъ и учреждена умѣренная демократія. Правленіе вручено было пяти тысячамъ гражданъ, но въ число ихъ поступали только тѣ, которые могли служить въ оплитахъ; выдача жалованья за отправленіе общественныхъ должностей прекращена; сдѣланы и другія учрежденія. Ѳукидидъ не входитъ объ нихъ въ подробность, но они заслужили полное одобреніе этого проницательнаго политика *).

Талантами Алкивіада Аѳины снова возвысились изъ своего, по истинѣ, отчаяннаго положенія. Тремя побѣдами, одержанными имъ въ 411 и 410 г. при Абидѣ, Кизикѣ и Халкедонѣ, онъ уничтожилъ Спартанскій флотъ, покорилъ отпавшихъ

*) Ѳукидидъ (VIII, 97) отзывается объ этомъ образѣ правленія такъ: *καὶ οὐχ ἥκιστα δὴ τὸν πρῶτον χρόνον ἐπί γε ἐμοῦ Ἀθηναῖοι φαίνονται εὖ πολιτεύσαντες. μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο καὶ ἐκ πονηρῶν τῶν πραγμάτων γενομένων τοῦτο πρῶτον ἀνήνεγκε τὴν πόλιν.* (т. е. По моему мнѣнію Аѳиняне въ первый разъ ввели у себя хорошій образъ правленія, потому что въ немъ была умѣренная смѣсь олигархіи и демократіи; это вывело республику изъ ея жалкаго положенія).

союзниковъ, доставилъ Аѳинской партіи перевѣсъ на островахъ и увѣнчалъ свои побѣды взятіемъ Византіи. Совершивъ это, Алкивіадъ въ первый разъ послѣ изгнанія отправился въ Аѳины. Народъ забылъ прежнія бѣдствія, видѣлъ въ немъ только виновника настоящаго благополучія и принялъ его съ безпримѣрнымъ торжествомъ. Алкивіадъ снова сдѣлался идоломъ народа и въ томъ же году былъ посланъ въ Азію полководцемъ съ неограниченною властію. Но, прибывъ къ берегамъ Малой Азіи, Алкивіадъ нашелъ тамъ большую перемѣну: мѣсто благопріятствовавшаго ему Тиссаферна занялъ Персидскій принцъ Киръ, который болѣе склоненъ былъ покровительствовать Спартанцамъ. Этимъ отлично воспользовался хитрый Лизандръ, принявшій главное начальство надъ Спартанскимъ войскомъ, и Алкивіадъ не былъ въ состояніи предпринять ничего важнаго. Онъ видѣлъ трудность своего положенія. Чтобъ переговорить съ Ѳразибуломъ, онъ сошелъ на берегъ, поручивъ между тѣмъ начальство надъ флотомъ своему Вице-Адмиралу Антіоху, съ строгимъ повелѣніемъ не вступать въ сраженіе; но тщеславный Антіохъ, завлеченный Лизандромъ, не послѣдовалъ его наставленію и былъ разбитъ при Эфесѣ. Потеря со стороны Аѳинянъ была очень маловажна (они потеряли пятнадцать кораблей), но важно было впечатлѣніе, произведенное тѣмъ на Персовъ и Аѳинянъ. Персы послѣ этой побѣды стали охотнѣе помогать Спартанцамъ, а Аѳиняне, ожидавшіе отъ Алкивіада побѣды за побѣдою, получивъ извѣстіе о пораже-

ніи, приписали его неосмотрительности. Они опять послушались его враговъ, и въ то время, когда государство менѣе всего могло безъ него обойтись, низложили его.

Принцъ Киръ, второй сынъ Царя Дарія II, по особенной любви матери своей Паризатиды, былъ сдѣланъ намѣстникомъ въ Малой Азіи. Онъ намѣревался, по смерти отца, овладѣть престоломъ и для этого старался вступить въ связи съ сильнѣйшею сухопутною державою въ Греціи, съ Спартою. Алкивіадъ тотчасъ проникнулъ его планы. Низложенный, онъ не захотѣлъ возвратиться въ Аѳины, но удалился во Ѳракію и прожилъ тамъ до паденія Аѳинъ. Послѣ этого событія, не считая себя здѣсь болѣе безопаснымъ отъ ненависти Спартанцевъ, онъ бѣжалъ въ Виѳинію и намѣревался оттуда отправиться ко Двору Артаксеркса II, который въ это время вступилъ на престолъ. Онъ тѣмъ болѣе надѣялся успѣть при Дворѣ этого Царя, что ему были извѣстны планы Кира Младшаго, которому, какъ онъ зналъ, Спартанцы обѣщали помощь. Спартанское правительство послало повелѣніе Лизандру, какимъ бы то ни было образомъ, умертвить Алкивіада, и Киръ, убѣжденный Лизандромъ, послалъ отрядъ войска схватить его. Посланные нашли его въ одной Фригійской деревнѣ и, не осмѣливаясь напасть открытою силою, хотя при немъ не было никакой свиты, ночью окружили и подожгли его домъ, и когда Алкивіадъ выскочилъ изъ пламени, издали поразили его стрѣлами.

Хотя Аѳиняне, по низложеніи Алкивіада, и одержали въ 406 г. блестящую побѣду при Аргинузскихъ Островахъ, но они показали себя ея недостойными своимъ жестокимъ и несправедливымъ поступкомъ съ полководцами, доставившими эту побѣду. Вмѣсто награды, ихъ обвинили въ томъ, что они послѣ битвы не извлекли изъ воды труповъ убитыхъ. Не смотря на то, что имъ

воспрепятствовала въ этомъ сильная буря, родственники убитыхъ настояли, чтобъ стратеговъ, начальствовавшихъ въ этой битвѣ, казнили смертію *). Шестеро изъ нихъ, въ томъ числѣ и сынъ Перикла, были дѣйствительно казнены, двое спаслись бѣгствомъ; потомъ народъ раскаялся и столь же несправедливо излилъ свое мщеніе на обвинителей. Послѣ всего этого, можно ли жалѣть, что народъ лишенъ былъ власти, которою злоупотреблялъ, и наученъ несчастіемъ умѣреннѣе пользоваться ею? Скоро несчастіе обрушилось на Аѳинянъ гибельнымъ пораженіемъ. Въ 405 весь ихъ флотъ уничтоженъ былъ Спартанцами при Эгосъ-Потамосѣ, и городъ осажденъ побѣдоносымъ непріятелемъ съ моря и суши. Вынужденные голодомъ, Аѳиняне сдали городъ, и хотя Спартанцы показали въ своихъ требованіяхъ болѣе умѣренности и сговорчивости, нежели какъ можно было ожидать въ такихъ обстоятельствахъ, не смотря на то, условія, предписанныя Аѳинянамъ, были все еще довольно жестоки и унизительны. Они должны были разрушить стѣны вокругъ города и гавани Пирея, выдать всѣ военные корабли, кромѣ двѣнадцати, возвратить всѣхъ изгнанниковъ и признать гегемонію Спарты **).

*) Извѣстно, съ какою благородною ревностію Сократъ, бывшій тогда пританомъ, противился этому опредѣленію. Тогда ясно было видно, что народъ управляется не законами, а страстями. См. Xenophont. Hellenic. lib. I, cap. 7.

**) Ксеноф. (Hellenic. lib. II. cap. 2, § 20): *ἐποιοῦντο εἰρήνην, ἐφ' ᾧ τά τε μακρὰ τείχη καὶ τὸν Πειραῖα καθελόντας, καὶ τὰς ναῦς πλὴν δώδεκα παραδόντας, καὶ τοὺς φυγάδας καταξάντας, τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν καὶ φίλον νομίζοντας, Λακεδαιμονίοις ἕπεσθαι καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, ὅποι ἂν ἡγῶνται.* (т. е. Заключили миръ, по

Также они должны были принять постановленную Спартанцами олигархію изъ тридцати мужей. Аѳиняне называютъ этихъ олигарховъ *тридцатью тираннами*, а время ихъ правленія — *анархіею*.

Спартанцы обязаны счастливымъ окончаніемъ Пелопоннезской войны военнымъ и дипломатическимъ талантамъ Лизандра. Послѣ пораженія при Аргинузскихъ Островахъ, союзники потребовали, чтобъ Лизандру поручено было начальство надъ флотомъ; но такъ какъ это было противъ закона (*οὐ γὰρ νόμος αὐτοῖς, δὶς τὸν αὐτὸν ναυάρχειν*), то Спартанцы, чтобы вмѣстѣ исполнить и желаніе союзниковъ, и законъ, поступили такъ: они назначили адмираломъ Арака, человѣка незначительнаго, и ему въ помощники (*ἐπιστολεύς*) дали Лизандра. Персамъ наскучило удовлетворять Спартанцевъ въ ихъ постоянныхъ требованіяхъ денежныхъ пособій; Лизандръ умѣлъ тотчасъ убѣдить Кира къ выдачѣ значительной суммы. Киръ, вскорѣ потомъ вызванный ко Двору, по случаю болѣзни отца, предъ отъѣздомъ призвалъ Лизандра и далъ ему столько денегъ, что ему легко было вести войну противъ истощенныхъ Аѳинъ. Послѣднее усиліе Аѳинянъ — сто восемьдесятъ кораблей — стояли въ Геллеспонтѣ при Эгосъ-Потамосѣ, а Лизандръ расположился при Лампсакѣ, выжидая благопріятной минуты къ нападенію. Алкивіадъ, жившій недалеко отъ этого мѣста въ своемъ замкѣ, проходилъ на Аѳинскій флотъ, показывалъ полководцамъ невыгоду ихъ позиціи и предостерегалъ отъ хитрости ихъ противника; но они по гордости отвергнули его спасительный совѣтъ и еще спасительнѣйшее предостереженіе. Лизандръ напалъ на Аѳинскій флотъ въ то время, какъ большая часть экипажа разсѣялась по берегу. Только одинъ изъ Аѳинскихъ вождей, Кононъ, бѣжалъ съ десятью кораблями, не въ Аѳины, которыя

которому они должны были разрушить длинныя стѣны вмѣстѣ съ гаванью Пиреемъ, выдать всѣ военные корабли, кромѣ двѣнадцати, возвратить всѣхъ изгнанниковъ и, считая съ Лакедемонянами одинхъ и тѣхъ же враговъ и друзей, слѣдовать за ними на сушѣ и на морѣ, куда бы они ни повели).

онъ считалъ погибшими, а въ Кипръ; всѣ прочіе корабли достались во власть непріятеля; войско было или истреблено, или взято въ плѣнъ (405 до Р. Х. олимп. 93, 3) Триста плѣнныхъ Аѳинянъ Лизандръ представилъ предъ военный судъ, составленный изъ Спартанцевъ и союзниковъ; всѣ были осуждены на смерть и казнены. При этомъ случаѣ мы узнаемъ, до какой степени ожесточенія, подъ конецъ войны, дошли обѣ враждующія стороны. Этотъ безчеловѣчный поступокъ былъ только мщеніемъ Аѳинянамъ за то, что они въ послѣднее время приказали отрубить правыя руки всѣмъ Спартанцамъ, взятымъ въ плѣнъ. Теперь Лизандръ быстро овладѣлъ всѣми островами и городами, союзными Аѳинамъ, вездѣ ввелъ олигархію, подъ главнымъ начальствомъ Лакедемонскаго армоста или военнаго начальника, и издалъ прокламацію, что каждый Аѳинянинъ, захваченный внѣ своего города, будетъ преданъ смерти. Оттого въ Аѳинахъ скопилось множество народа, которое, при недостаткѣ въ жизненныхъ потребностяхъ, потому что городъ не былъ приготовленъ къ осадѣ и снабженъ съѣстными припасами, долженствовало ускорить сдачу. Аѳинянами овладѣло отчаяніе, когда они получили извѣстіе о постигшемъ ихъ несчастіи. Теперь они съ ужасомъ вспомнили обо всѣхъ жестокостяхъ, совершенныхъ ими въ продолженіе войны, и думали, что Пелопоннезцы продадутъ ихъ въ рабство, какъ они сами нѣкогда поступили съ жителями Скіоне. Они приняли свои мѣры къ оборонѣ; но не столько въ надеждѣ на спасеніе, сколько съ намѣреніемъ получить, если можно, выгодную капитуляцію.— Между тѣмъ, Лизандръ все ближе и ближе подходилъ къ Аѳинамъ. Аѳиняне были выгнаны съ острова Эгины, и Эгинитяне, избѣжавшіе своей жестокой участи, возвращены въ отечественную землю. Наконецъ Лизандръ съ флотомъ явился предъ Пиреемъ, а цари Агисъ и Павзаній осадили городъ съ суши. Нѣсколько времени Аѳиняне мужественно выдерживали осаду; но вскорѣ у нихъ открылся страшный голодъ; многіе, не имѣя пищи, умирали; тогда они отправили въ Спартанскій лагерь пословъ съ просьбою о мирѣ. Послы объявили, что Аѳиняне готовы признать геге-

мощію Спартанцевъ, только съ условіемъ оставить ихъ стѣны. Спартанцы отослали пословъ назадъ, и хотя Аѳиняне сдѣлали теперь опредѣленіе, по которому запрещено было дѣлать предложеніе о разрушеніи стѣнъ, несмотря на то, они должны были наконецъ послать въ Спарту Ѳерамена съ полномочіемъ заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. На собраніи въ Спартѣ, озлобленные союзники, и особенно Коринѳяне, требовали совершеннаго уничтоженія Аѳинъ. Но Спартанцы, при воспоминаніи о томъ, что совершили Аѳиняне, защищая Грецію противъ Персовъ, не согласились на разрушеніе такого славнаго города и на продажу въ рабство потомковъ столь доблестныхъ предковъ. И такъ они предложили миръ на вышеисчисленныхъ условіяхъ. По принятіи мирныхъ условій обѣими сторонами, Лизандръ, въ маѣ 404 г., вступилъ въ Пирей. При звукахъ Спартанской военной музыки, стѣны были разрушены съ большею ревностію, нежели съ какою были построены, ибо думали, что теперь насталъ день свободы всей Греціи. Такъ кончилась долгая и ожесточенная борьба двухъ главныхъ племенъ Греціи, угнетеніемъ Іонійскаго Союза и паденіемъ демократіи.

Если Пелопоннезская война и рушила военное и политическое величіе Аѳинъ, то слава, которою они обязаны своимъ стремленіемъ къ литературѣ и наукамъ, пережила ихъ паденіе. Литература заставляетъ насъ еще разъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ Аѳинской жизни. Происходя изъ духа времени, она служитъ лучшимъ и нагляднымъ его отпечаткомъ. Мы видѣли, что древняя Греческая Литература раздѣлилась на двѣ главныя вѣтви—эпосъ и лирическую поэзію. Эпическая поэзія перешла въ исторіографію, лирическая привела къ драмѣ. Геродотово изображеніе борьбы Грековъ съ Персами есть еще полуэпопея. Геродотъ, по происхожденію, былъ соб-

ственно Доріецъ, потому что онъ родился въ Галикарнассѣ, по языку и духу Іонянинъ, а по пристрастію своему къ демократическимъ началамъ онъ принадлежалъ къ системѣ Аѳинскаго образованія, если еще не сдѣлался настоящимъ Аѳиняниномъ, переселившись съ одною Аѳинскою колоніею въ городъ Ѳурій. Въ своемъ превосходномъ твореніи онъ повсюду показываетъ духъ, оживлявшій возрастаніе Греческой и особенно Аѳинской жизни послѣ Персидской войны. Этотъ духъ проявляется во встрѣчающемся повсюду сознаніи превосходства Грековъ надъ варварами, въ строгой нравственности и религіозномъ убѣжденіи, по которому онъ во всемъ признаетъ и съ вѣрою обожаетъ произведеніе и силу боговъ, и наконецъ въ привязанности къ демократическому образу правленія. Тотъ же духъ времени выражаетъ трагическій поэтъ Эсхилъ. И онъ, подобно Геродоту, блистательно воспѣваетъ торжество Грековъ надъ варварами и проникнутъ тѣмъ же религіознымъ чувствомъ зависимости отъ боговъ. Содержаніе его трагедій — дѣла политическія и религіозныя; ходъ ихъ простъ и величественъ. Побѣду надъ Персами онъ представилъ на сценѣ въ произведеніи, которое и называется *Πέρσαι*. Сія драма, по своему предмету, должна заключать въ себѣ больше повѣствованія, нежели дѣйствія; не смотря на то, въ ней нѣтъ недостатка въ драматическомъ движеніи, потому что разсказъ весьма нагляденъ и впечатлѣніе, производимое на зрителей, увлекательно *). Какъ въ Пер-

*) И Эсхилъ, подобно Геродоту, представляетъ несчастіе, по-

сахъ онъ изобразилъ народъ, непокорившійся страшнымъ силамъ Азіятскаго деспота, такъ въ окованномъ Прометеѣ представилъ образъ сильной души, которая не склоняется предъ несправедливою волею Зевса, и которая, въ самомъ паденіи, среди мученій остается непобѣжденною. Въ Прометеѣ, нѣкоторымъ образомъ, выраженъ идеалъ свободнаго Грека, и нигдѣ съ такою силою не представлено торжество души, которой ни какія физическія силы не могутъ преклонить. Также въ «Семи противъ Ѳивъ» спасеніе отечества и религіи отъ насилія непріятелей есть основная идея творенія; не домъ Эдипа, но опасность, угрожающая городу, составляетъ главный интересъ его; потому у Эсхила весь драматическій интересъ обращается на сторону Этеокла, защитника отечественнаго города противъ иноземцевъ, приведенныхъ къ стѣнамъ его Полиникомъ. Съ какимъ чувствомъ должно смотрѣть на Этеокла, это выражаетъ въ заключеніи хоръ: онъ объявляетъ, что охотно послѣдуетъ за трупомъ Этеокла, и безъ сожалѣнія оставляетъ Полиника непогребеннымъ въ добычу птицъ и звѣрей *).

стигшее Персовъ, наказаніемъ за ихъ надмѣнность и святотатство, vs. 808:

ὕβρεως ἄποινα κ' αθέων φρονημάτων.
οἳ γῆν μολόντες Ἑλλάδ' οὐ θεῶν βρέτη
ᾐδοῦντο συλᾶν οὐδὲ πιμπράναι νέως.

(т. е. Въ возмездіе за ихъ высокомѣріе и безбожные помыслы, потому что они, нападая на Элладу, не страшились грабить статуи боговъ и сожигать храмы).

*) Sept. adv. Theb. vs. 1073:

Ἡμεῖς δ' ἅμα τῷδ', ὥσπερ τε πόλις
καὶ τὸ δίκαιον ξυνεπαινεῖ.
μετὰ γὰρ μάκαρας καὶ Διὸς ἰσχὺν

Трилогія: Агамемнонъ, Хоэфоры и Эвмениды соединяютъ съ отношеніемъ ко времени также и цѣль автора—представить, что всѣ древнія постановленія основаны на религіи. Въ Агамемнонѣ сцена открывается извѣстіемъ о побѣдѣ Грековъ надъ варварами. Стражъ Атридовыхъ палатъ вдругъ примѣчаетъ сигнальные огни, зажженные, начиная отъ Трои, на всѣхъ мысахъ и островахъ, которыми извѣщали Микенцевъ о паденіи Иліона. Торжество ихъ при этомъ извѣстіи напомнило Аѳинянамъ о ихъ собственномъ; но несчастная участь Агамемнона должна была, въ то же время, показать имъ, какъ опасно въ счастіи предаваться высокомѣрію, потому что кара боговъ тотчасъ постигнетъ виновныхъ. Во второй части трилогіи, Хоэфоры, развиваются слѣдствія умерщвленія Агамемнона. Дѣти его, Орестъ и Электра, ищутъ мщенія и успокоиваются не прежде, какъ по умерщвленіи матери своей и обольстителя ея, Эгиста. И такъ одно противуестественное злодѣяніе отмщено другимъ, не менѣе противуестественнымъ. Вина, тяготѣвшая надъ домомъ Атрида, увеличивается и не иначе можетъ быть заглажена, какъ при содѣйствіи боговъ. Въ третьей части трилогіи убійца матери, преслѣдуемый Эвменидами, проситъ защиты у богини Аѳины.

ὅδε Καδμείων ἤρυξε πόλιν
μὴ 'νατραπῆναι,
μηδ' ἀλλοδαπῶν κύματι φωτῶν
κατακλυσθῆναι τὰ μάλιστα.

(т. е. Съ этимъ то пойдемъ мы всѣ, какъ повелѣваетъ законъ и справедливость; ибо, послѣ блаженныхъ боговъ и могущественнаго Зевса, онъ извлекъ государство изъ опасности быть уничтоженнымъ и наводненнымъ чужестранцами).

Опа учреждаетъ въ любимомъ городѣ своемъ, Аѳинахъ, ареопагъ, и отдаетъ ему на рѣшеніе дѣло Ореста. Прежде нежели судьи произнесли свое рѣшеніе, богиня говоритъ рѣчь къ народу, въ которой изъясняетъ высокое значеніе ареопага *). Голоса судей раздѣлились поравну; тогда Аѳина рѣшила дѣло, подавъ голосъ въ пользу обвиненнаго, и сей голосъ богини (*ψῆφος Ἀθήνης*) навсегда сохранилъ свою силу въ ареопагѣ. Кромѣ того, эта часть трилогіи заключаетъ въ себѣ еще другое политическое отношеніе, именно: Орестъ, въ знакъ благодарности за свое спасеніе, заключаетъ вѣчный союзъ между Аргосомъ и Аѳинами.

Въ твореніяхъ Өукидида и Софокла также живо выражается дальнѣйшее развитіе Аѳинской жизни. Народъ вступилъ теперь на высшую степень образованія. Хотя можно принять, что всѣ были образованы по своему времени, не смотря на то, и теперь нѣкоторые, чрезъ практическія занятія дѣлами государства, или философскими науками, пріобрѣли лучшій взглядъ на вещи, которымъ возвышались надъ толпою. Геродотъ писалъ еще для всѣхъ; его Исторія имѣетъ прелесть для каждаго возраста и состоянія. Но у Өукидида мы видимъ уже совсѣмъ другое. Онъ пи-

*) Сія рѣчь находится въ «Эвменидахъ,» начиная съ 681 ст., въ ней между прочимъ сказано:

κερδῶν ἄθικτον τοῦτο βουλευτήριον,
αἰδοῖον, ὀξύθυμον, εὑδόντων ὕπερ
ἐγρηγορὸς φρούρημα γῆς καθίσταμαι.

(т. е. Это судилище, не соблазняемое корыстію, достойное уваженія, строгое, бодрствующее за спящихъ, я поставляю стражемъ земли).

салъ только для образованной и мыслящей публики, которая въ состояніи была проникать его мысли *). Онъ видѣлъ измѣненіе демократіи, владычество черни, поэтому не имѣлъ Геродотова энтузіасма къ сему образу правленія; впрочемъ не вдавался и въ другую крайность—наклонность къ олигархіи. По своимъ политическимъ мнѣніямъ, онъ былъ приверженцемъ правленія, введеннаго въ 411 г., когда не многочисленная толпа, а избранные граждане управляли государствомъ, и считалъ его для Аѳинъ самымъ лучшимъ. Далѣе у Ѳукидида уже совсѣмъ исчезло религіозное чувство, преобладавшее у Геродота: на мѣсто непосредственнаго дѣйствія боговъ, является естественная связь причинъ и слѣдствій **). Вообще

*) Онъ самъ сознаетъ это и говоритъ: (lib. I. cap. 22) *καὶ ἐς μὲν ἀκρόασιν ἴσως τὸ μὴ μυθῶδες αὐτῶν ἀτερπέστερον φανεῖται. ὅσοι δὲ βουλήσονται τῶν τε γενομένων τὸ σαφὲς σκοπεῖν, καὶ τῶν μελλόντων ποτὲ αὖθις, κατὰ τὸ ἀνθρώπειον, τοιούτων ὄντων καὶ παραπλησίων ἔσεσθαι, ὠφέλιμα κρίνειν αὐτὰ, ἀρκούντως ἕξει.* (т. е. И можетъ быть, отсутствіе баснословнаго въ моемъ сочиненіи покажется не столь пріятнымъ для чтенія, а удовлетворятъ меня тѣ, которые пожелаютъ узнать минувшее, какъ оно было, и счесть его полезнымъ, если, по ходу человѣческихъ дѣлъ, будущее будетъ нѣкогда снова одинаково и подобно). Потомъ торжественно прибавляетъ, что его твореніе есть *κτῆμά τε ἐς ἀεὶ μᾶλλον, ἢ ἀγώνισμα ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν.* (т. е. болѣе сокровище для вѣчности, нежели пустой разсказъ для мимолетнаго слуха).

**) Въ 54-й гл. II-й кн. Ѳук. находится самый очевидный примѣръ. Онъ разсказываетъ, что при появленіи язвы въ Аѳинахъ, старики вспомнили объ одномъ древнемъ изрѣченіи оракула: *Ἥξει Δωριακὸς πόλεμος καὶ λοιμὸς ἅμ' αὐτῷ.* (т. е. Наступитъ Дорическая война и съ нею язва). Другіе напротивъ утверждали, что здѣсь должно разумѣть не *λοιμός*-язва, а *λιμός*-голодъ. Ѳукидидъ замѣчаетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ чтеніе *λοιμὸς* получило перевѣсъ, и потомъ прибавляетъ: «но случись война съ Доріійцами и вмѣстѣ съ нею голодъ (*λιμός*), тогда, вѣроятно, изрѣченію оракула придали бы этотъ смыслъ.» Здѣсь говоритъ уже не религіозное чувство Геролота, для котораго каждый оракулъ былъ священнымъ, а человѣкъ государственный, который знаетъ и презираетъ суевѣріе толпы.

у Өукидида преобладаетъ политическое воззрѣніе, и его-то историкъ преимущественно излагаетъ въ рѣчахъ, которыя находятся въ его сочиненіи. Сіи рѣчи не суть реторическія выдумки, какъ у позднѣйшихъ историковъ, но, по своему содержанію и ходу мыслей, тѣ самыя, которыя были говорены. Өукидидъ самъ говоритъ, что не щадилъ ни какихъ трудовъ и издержекъ на пріобрѣтеніе извѣстій о важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ по своему вліянію рѣчахъ. Естественно, что форма ихъ есть его произведеніе; также нѣкоторые обороты и взгляды, можетъ быть, принадлежатъ ему; но совсѣмъ другое дѣло, заставляетъ ли Өукидитъ говорить вводимое имъ лицо, или какой нибудь позднѣйшій риторъ влагаетъ въ уста своего героя или государственнаго мужа свои пошлыя напыщенныя фразы. Рѣчи Өукидида представляютъ или различные политическіе выводы для одного и того же случая, или мнѣнія главнаго дѣйствующаго лица, желающаго, чтобъ и другіе ему сочувствовали. Софоклъ былъ моложе Эсхила одною только генераціею, но развитіе образованія шло впередъ такими исполинскими шагами, что въ трагедіяхъ его виденъ отпечатокъ совершенно другаго времени. Величественное, ужасное, возвышенное Эсхила, у Софокла является кроткимъ. Особенно это замѣтно въ обрисовкѣ женскихъ характеровъ и въ понятіяхъ о религіи. Женщины, изображенныя Эсхиломъ, являются въ страшномъ величіи, безъ всякаго чувства, свойственнаго женскому сердцу; напротивъ, у Софокла, во всѣхъ дошедшихъ до насъ

піесахъ, кромѣ Филоктета, характеры женскихъ лицъ сообразны съ общественною жизнію Аѳинянъ того времени, такъ Текмесса въ «Аяксѣ,» Хрисоѳемида въ «Электрѣ,» Іокаста въ «Эдипѣ тиранѣ,» Исмена въ «Эдипѣ Колонейскомъ и Антигонѣ,» Деянира въ «Трахинянкахъ.» У Эсхила религія является окруженная ужасомъ, и Аѳиняне трепетали предъ его Эвменидами. Совсѣмъ иное зрѣлище представляетъ Софоклъ: его блуждающій слѣпецъ Эдипъ находитъ въ рощѣ Эвменидъ спокойное пристанище, въ которомъ тихо оканчиваетъ свою страдальческую жизнь. Видно, ужасное перестало уже нравиться Аѳинскому народу. Образованная публика не хотѣла болѣе, чтобъ ее пугали или заставляли трепетать представленіемъ ужаснаго, но требовала истиннаго умиленія, впрочемъ далекаго отъ сентиментальности. Наконецъ въ планѣ Софокловыхъ піесъ видно больше искусства, нежели у Эсхила: поэтъ умѣлъ такъ устроить дѣйствіе, что души зрителей находились въ постоянномъ напряженіи, и развязкою онъ удовлетворялъ ихъ и успокоивалъ.

Съ измѣненіемъ устройства Аѳинскаго Государства измѣнилась и литература. Въ твореніяхъ Ксенофонта и Эврипида мы видимъ совсѣмъ другой характеръ: въ нихъ уже незамѣтно того, что одушевляло предшествовавшую генерацію. Ксенофонтъ презираетъ демократію, употребляемую во зло чернію, и думаетъ, что олигархія, подобная Спартанской, была бы спасительною для Аѳинъ, и что истинное воспитаніе есть Спартанское. Образъ мыслей этого времени всего яснѣе

выражается въ Ксенофонтовыхъ воспоминаніяхъ о Сократѣ; все идеальное у него исчезло; его Сократъ высчитываетъ въ предметахъ пользу и значеніе, какія они могутъ имѣть въ общественной жизни. Вмѣсто религіи является мораль, но хотя она и основывается на чистыхъ и благородныхъ правилахъ, однако не будетъ въ состояніи замѣнить недостатокъ религіозныхъ мыслей. Политическій романъ Ксенофонта, Киропедія, въ которомъ онъ представляетъ Персидское Царство, подъ правленіемъ Кира, идеаломъ монархическаго образа правленія, показываетъ, какъ этому времени свойственна была сентиментальность. Совсѣмъ другимъ является онъ въ своемъ «*Κύρου ἀνάβασις*;» здѣсь выступаетъ онъ, какъ писатель и какъ человѣкъ, въ равно благопріятномъ свѣтѣ; здѣсь Греки съ такою увѣренностію сознаютъ свое превосходство надъ Персами, что разрушеніе Персидскаго Царства для нихъ не кажется больше неудобоисполнимымъ предпріятіемъ. Хотя Ксенофонтъ приписываетъ это сочиненіе другому автору, Сиракузянину Θемистогену *), но это только вымышленное имя, подъ которымъ онъ скрываетъ свою скромность или благоразуміе. Безъ всякаго сомнѣнія, это твореніе есть его собственное, и приноситъ ему такъ много чести, какъ и самые его подвиги, которые онъ съ такою скромностію въ немъ описываетъ.

Анабазисъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ подробнаго анализа, что мы можемъ съ этимъ разборомъ соеди-

*) Hellenic. lib. III. cap. 11. § 2.

нить исторію возмущенія Кира Младшаго. Этотъ Принцъ составилъ планъ, какъ мы уже говорили, по смерти отца лишить наслѣдства старшаго брата своего, Артаксеркса. И такъ, едва только Артаксерксъ вступилъ на престолъ, Киръ поднялъ бунтъ и въ 402 г. съ многочисленнымъ войскомъ, въ которомъ находились тринадцать тысячъ Греческихъ наемниковъ, вторгнулся въ Вавилонію. Здѣсь, при Кунаксѣ, между братьями произошло сраженіе. Греки на своемъ флангѣ одержали совершенную побѣду, но она осталась безъ послѣдствій, потому что Киръ, занесшись въ запальчивости въ самый пылъ битвы, нашелъ свою смерть. Теперь варвары, принявшіе сторону Кира, оставили Грековъ, и они увидѣли себя одних среди непріятельской земли и передъ собою грозныя силы Царя. Читатель Анабазиса долженъ ожидать, что Греки будутъ покорены силою, когда отказались сдаться добровольно; но никто не осмѣливался напасть на нихъ. Напротивъ Тиссафернъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости и обману. Онъ заманилъ Грековъ на лѣвый берегъ Тигра и захватилъ всѣхъ Греческихъ полководцевъ, пригласивъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе. Онъ надѣялся, что войско, лишенное вождей, потеряетъ бодрость и сдастся ему безъ всякихъ условій, но, къ удивленію, увидѣлъ, что изъ простыхъ воиновъ и вольнослужащихъ тотчасъ явились новые полководцы. Въ числѣ вольнослужащихъ находился и Ксенофонтъ. Онъ принялъ участіе въ этомъ походѣ только изъ любви къ другу своему Проксену. Онъ воодушевилъ лишенное вождей войско, и по его совѣту составился новый генералитетъ, въ которомъ естественно онъ самъ занялъ первое мѣсто. По его убѣжденію, Греки рѣшились на смѣлое предпріятіе: проложить себѣ мечемъ обратный путь въ отечество. Только одинъ начальникъ отряда (*λοχαγός*) подалъ голосъ противъ этого рѣшенія; тогда Ксенофонтъ предлагаетъ лишить его должности и отправить въ обозъ: *οὗτος γὰρ τὴν πατρίδα αἰσχύνει καὶ πᾶσαν τὴν Ἑλλάδα, ὅτι Ἕλλην ὢν τοιοῦτός ἐστιν.* Но при точнѣйшемъ изслѣдованіи нашли, что онъ былъ вовсе не Грекъ, и съ безчестіемъ изгнали его изъ войска. Эта сцена прекрасно характеризуетъ и воинственный духъ, и

чувство чести, воодушевлявшее Грековъ. Хотя Ксенофонтъ самъ и не принялъ главнаго начальства, потому что гегемонія въ Греціи принадлежала Спартанцамъ, а предоставилъ его Спартанцу Хейризофу, но въ самомъ дѣлѣ Хейризофъ былъ вождемъ только по имени: ибо, въ продолженіе всего похода, Ксенофонтъ былъ душею войска и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ распоряжалъ всѣмъ, и словомъ, и дѣломъ. Едва ли можно прочесть что либо занимательнѣе описанія этого похода: небольшое войско пробиралось по берегамъ Тигра и Эвфрата черезъ страны, которыя не были подвластны самимъ Персамъ, въ безпрестанной борьбѣ съ дикими горцами и, что еще ужаснѣе, съ недостаткомъ въ жизненныхъ потребностяхъ и даже съ самою природою. Здѣсь Ксенофонтъ является совсѣмъ другимъ, нежели въ своей Кpropедіи. Здѣсь онъ самъ своею особою представляетъ превосходство Греческаго образованія и искусства надъ учрежденіями, такъ высоко прославленнаго имъ основателя Персидской Монархіи. Стоитъ только прочесть о распоряженіяхъ Ксенофонта во время марша, о стройности похода и предосторожностяхъ, какія принималъ онъ при расположеніи лагерей, въ противоположность неустройства Персовъ, и тогда превосходство Грековъ надъ варварами представится во всемъ блескѣ. Въ этомъ же сочиненіи мы видимъ Ксенофонта совершенно въ другихъ отношеніяхъ къ богамъ, нежели въ прочихъ его твореніяхъ. Онъ прежде втайнѣ презиралъ древнюю религію, а теперь, сдѣлавшись главою войска, является самымъ ревностнымъ ея поклонникомъ. Передъ каждымъ предпріятіемъ онъ гадалъ по внутренностямъ жертвъ; каждый сонъ, каждое случайное явленіе было важно для просвѣщеннаго и свободномыслящаго ученика Сократова, когда онъ принялъ начальство надъ войскомъ и, чтобъ управлять толпою, принужденъ былъ пользоваться ея суевѣріемъ. Богамъ приписываема была слава каждаго счастливаго предпріятія, а полководцу оставалась только честь за хорошее исполненіе того, что они повелѣли или на что дали свое соизволеніе. Интересъ, принимаемый нами въ Греческомъ войскѣ, еще больше увеличивается, когда

оно является намъ какъ бы странствующимъ государствомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ такое множество храбрыхъ и честныхъ людей изъ всѣхъ Греческихъ странъ, что по истинѣ признаемъ Греческое воспитаніе достойнымъ удивленія. Послѣ продолжительнаго пути, Греки увидѣли наконецъ, съ одной высоты въ Колхидѣ, Черное Море. Ксенофонтъ превосходно изобразилъ эту сцену. Онъ велъ арріергардъ; между тѣмъ, переднія войска поднимались на гору, и чѣмъ больше воиновъ всходило на вершину ея, тѣмъ громче раздавались ихъ крики. Ксенофонтъ сперва думалъ, что на нихъ хочетъ напасть непріятель, и такъ какъ онъ обыкновенно былъ вездѣ первымъ, гдѣ угрожала опасность, то тотчасъ вскочилъ на лошадь и, предводительствуя всадниками, бросился къ высотамъ, но чѣмъ больше приближался, тѣмъ явственнѣе слышалъ кликъ: *θάλαττα! θάλαττα!* Тогда во всемъ войскѣ произошло необыкновенное движеніе. Всѣ устремились къ высотамъ и когда оттуда увидѣли море, предѣлъ ихъ страданій и опасностей, воины, офицеры и вожди, проливая слезы радости, въ восторгѣ обнимали другъ друга. Описаніе похода вдоль береговъ Чернаго Моря, чрезъ Греческія колоніи Трапезунтъ, Синопе, Гераклею и Халкедонъ, занимательно въ другомъ отношеніи. Теперь, по преодолѣніи всѣхъ опасностей, живость и безпокойство Греческаго характера обнаружились во всей силѣ и разрушили господствовавшее дотолѣ согласіе. Вскорѣ послѣ того часть спасшагося войска нашла случай отмстить Персамъ, подъ предводительствомъ Ѳимброна, Деркиллида и Агезилая. Въ Анабазисѣ съ простотою и правдивостью разсказа соединена величайшая скромность автора. Онъ представляетъ себя однимъ изъ многихъ, раздѣляющихъ равное званіе въ военномъ дѣлѣ, и, разсказывая о своихъ подвигахъ, хочетъ показать, что они больше принадлежали образованію того времени, нежели ему.

Въ своемъ Анабазисѣ Ксенофонтъ является истинно великимъ, но онъ много теряетъ въ нашемъ мнѣніи своею Всеобщею Исторіею Греціи.

Нибуровъ взглядъ на его *τὰ Ἑλληνικά* очень справедливъ, именно, что первыя двѣ книги суть продолженіе Ѳукидида, а прочія составляютъ особенное самостоятельное сочиненіе. И дѣйствительно, тонъ обоихъ этихъ отдѣленій различенъ, и замѣтно, что они написаны въ разныя времена и съ различными взглядами. Главный недостатокъ этого сочиненія есть рѣшительное пристрастіе къ Спартѣ. Все что можно было бы выставить касательно жестокости и несправедливыхъ притѣсненій этого государства, онъ или совсѣмъ опустилъ, или выразилъ весьма слабо. Впрочемъ само собою разумѣется, что и въ этой исторіи есть мѣста, достойныя автора Анабазиса. Прочія сочиненія Ксенофонта, какъ напр. Разсужденіе объ Аѳинскомъ и Спартанскомъ образахъ правленія, жизнь Агезилая, сочиненіе объ Экономіи, разговоръ Гіерона съ Симонидомъ, Апологія Сократа и т. п., прибавляютъ къ изображенію этого времени также нѣкоторые характеристическія черты. Эврипидовы трагедіи также носятъ на себѣ отпечатокъ времени. У него господствуетъ судебное краснорѣчіе, сикофантизмъ и софистическое образованіе, какъ то было въ самой жизни этого времени. Хоры, у Эсхила и Софокла существенно принадлежавшіе къ дѣйствію, у Эврипида обыкновенно составляютъ только лирическое украшеніе. Сами по себѣ, отдѣльно, они суть прекрасныя стихотворенія; да и кто откажетъ Эврипиду въ призваніи къ поэзіи? Но обыкновенно они не имѣютъ ни какой необходимой связи съ ходомъ цѣлой піесы. Далѣе, большая часть его

піесъ начинается весьма слабо прологомъ, въ которомъ дѣйствующее лице, выходя на сцену, объявляетъ кто оно таково и что намѣрено дѣлать; напротивъ, Эсхилъ и Софоклъ тотчасъ становятся среди самаго происшествія и открываютъ піесу не скучнымъ толкованіемъ, но самымъ дѣйствіемъ. Наконецъ религіозное чувство совершенно исчезаетъ у Эврипида: дѣйствующія лица въ его піесахъ часто вдаются въ скептицизмъ *). Впрочемъ у современниковъ Эврипидъ пріобрѣлъ этими качествами, которыя мы порицаемъ какъ недостатки, славу перваго поэта, потому что склонность къ софистическимъ изложеніямъ и судебнымъ спорамъ была страстію того времени, но и тогда многіе признавали слабость Эврипидовой трагедіи въ сравненіи съ великими произведеніями предшествовавшихъ ему поэтовъ, и именно Аристофанъ жестоко нападалъ на ложный вкусъ Эврипида. Особенно онъ порицаетъ его за то, что онъ замѣнилъ плаксивымъ трогательное, и за совершенную наклонность къ сентиментальности, которая уже замѣтна въ многихъ произведеніяхъ Ксенофонта и особенно обнаруживает-

*) Онъ выражаетъ это въ одномъ, часто повторяемомъ стихѣ: *δουλεύομεν θεοῖς, ὅτι πότ' εἰσιν οἱ θεοί.* (т. е. Мы служимъ богамъ, кто бы ни были боги.) Еще разительнѣе онъ выражаетъ этотъ скептицизмъ въ слѣдующемъ обращеніи къ Зевсу: (Troad. vs. 884.)

ὦ γῆς ὄχημα κἀπὶ γῆς ἔχων ἕδραν,
ὅστις ποτ' εἶ σὺ, δυστόπαστος εἰδέναι,
Ζεὺς, εἴτ' ἀνάγκη φύσεος εἴτε νοῦς βροτῶν,
προσηυξάμην σε.

(т. е. О держащій землю и имѣющій на ней свой тронъ, кто бы ты ни былъ, непостижимый Зевсъ, необходимость ли природы или разумъ смертныхъ, молюсь тебѣ.)

ся въ трагедіяхъ Эврипида. Чтобы нравиться, Эврипидъ льстилъ публикѣ; посему изъ его сочиненій видно, чѣмъ тогда Аѳиняне обыкновенно занимались и въ чемъ находили удовольствіе: то было софистическое краснорѣчіе, скептицизмъ и наклонность къ упражненію въ судебныхъ спорахъ и адвокатскихъ диспутахъ. Какъ въ исторіографіи простота и естественность Геродота у Ѳукидида переходитъ въ искусственный и утонченный разсказъ государственнаго человѣка, и наконецъ у Ксенофонта въ поверхностное и съ какою либо цѣлію написанное сужденіе, такъ точно и въ трагедіяхъ Эсхилъ увлекалъ публику возвышенностію и пламенною любовію къ религіи и отечеству, Софоклъ искусствомъ и отдѣлкою, и наконецъ Эврипидъ пріобрѣлъ расположеніе своей публики софистикою и изысканностію. Оригинальность греческихъ трагедій исчезаетъ съ Эврипидомъ, и въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ драматическихъ произведеній временъ позднѣйшихъ, какъ много ни было ихъ написано и представлено, до насъ не дошло ни одного.

Театръ въ Аѳинахъ былъ мѣстомъ училища, и никто не давалъ народу уроковъ такъ чистосердечно, какъ *Аристофанъ*. Онъ стремился возвысить старое и хорошее надъ новымъ и худымъ и столько же старался сдѣлать смѣшнымъ ложный вкусъ, какъ и ложную политику, въ которой чернь допускала увлекать себя демагогамъ. Въ Аристофановыхъ комедіяхъ народъ видѣлъ себя на сценѣ, видѣлъ свою жизнь съ самой смѣшной и постыдной стороны, видѣлъ демагоговъ, какъ

напр. Клеона, представленныхъ, можетъ быть, для карикатуры, во всей ихъ наготѣ. Аристофанъ осмѣялъ все, что ни было худаго въ Аѳинской жизни. Въ «Облакахъ» онъ порицаетъ испорченное воспитаніе и особливо стремленіе посредствомъ діалектическихъ и софистическихъ утонченностей представлять справедливое несправедливымъ. Въ комедіи «Богатство» онъ учитъ, что счастіе жизни состоитъ не въ богатствѣ, которое можетъ доставлять только продолжительныя чувственныя наслажденія, но въ трудолюбіи, которое пріобрѣтаетъ сколько нужно для жизни, какъ думали древніе Аѳиняне. Въ «Всадникахъ» онъ осмѣялъ правленіе демагоговъ; въ «Насѣкомыхъ» показалъ испорченность Аѳинскаго судопроизводства; въ «Ахарнеяхъ» онъ старался доказать, какъ пагубна Пелопоннезская война, и что ничего не остается сдѣлать лучше, какъ заключить миръ. Словомъ, цѣлію всѣхъ Аристофановыхъ комедій было указать Аѳинянамъ ихъ настоящія выгоды и предостеречь отъ ослѣпленія, въ которое ихъ увлекали демагоги. Разсматривая Аристофановы творенія, кто можетъ не признать въ его лирическихъ твореніяхъ высокой творческой фантазіи, въ сужденіяхъ его о трагедіи образованнаго вкуса, и въ его оппозиціи противъ охлократіи какъ великаго намѣренія, такъ равно и великодушной любви къ отечеству?

Развратная жизнь, изображенная Аристофаномъ, повергла Аѳинское Государство въ то несчастное положеніе, въ которомъ мы его оставили. Оно томилось подъ игомъ тридцати олигарховъ и подъ

бичемъ Спартанскаго армоста Каллибія. Владычество тридцати, основанное на страхѣ и насиліи, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ имѣло слѣдствіемъ возстаніе, начатое изгнанниками, которые соединились съ гражданами и, не встрѣчая сопротивленія со стороны Спартанцевъ, низвергли олигарховъ и возстановили демократію.

Сначала олигархи въ поступкахъ своихъ наблюдали умѣренность; они преслѣдовали только сикофантовъ и демагоговъ, и то по заслугамъ, но скоро между ними возвысился мужъ совершенно съ другими видами — это былъ *Критій*, одинъ изъ учениковъ Сократа. Онъ велѣлъ обезоружить всѣхъ гражданъ, исключая трехъ тысячъ, которыя были преданы олигархіи, и требовалъ, чтобы каждый изъ тридцати назвалъ того, кого хочетъ лишить или жизни, или имѣнія. Ѳераменъ воспротивился этой жестокой мѣрѣ, и его оппозиція, казалось, нашла одобреніе въ совѣтѣ, въ которомъ разсуждали объ этомъ дѣлѣ. Тогда Критій отважился на рѣшительно дерзкій поступокъ: онъ окружилъ вооруженными домъ совѣта, и юноши съ скрытыми кинжалами заняли всѣ входы. Онъ призвалъ ихъ къ себѣ, исключилъ Ѳерамена изъ числа тридцати и повелѣлъ отторгнуть его отъ алтаря, гдѣ онъ искалъ спасенія, и тотчасъ предать смерти. Ѳераменъ встрѣтилъ ее съ великою твердостію. Его смерть была началомъ жестокостей, совершенныхъ Критіемъ и прочими олигархами, потому что теперь никто не имѣлъ смѣлости вступить съ нимъ въ борьбу. Аѳиняне толпами бѣжали изъ отечественнаго города; всѣ сосѣдніе города, особенно Мегара и Ѳивы, были наполнены бѣглецами. Въ Ѳивахъ, *Ѳразибулъ*, собравъ вокругъ себя небольшое число изгнанниковъ, занялъ съ ними Филе, одно укрѣпленное мѣсто на Аѳинской границѣ, и намѣревался соединить здѣсь всѣхъ недовольныхъ и изгнанниковъ, и силою освободить Аѳины. Олигархи сдѣлали нападеніе на Филе, но оно было неудачно. Послѣ этого Ѳразибулъ значительно усилился и былъ

уже въ состояніи сначала завладѣть Мунихіею и потомъ гаванью Пиреемъ. На пути между городомъ и Пиреемъ произошло сраженіе, которое было для демократической партіи тѣмъ рѣшительнѣе, что Критій, душа олигархіи, палъ въ битвѣ. Теперь Өразибулъ хотѣлъ привлечь на свою сторону 3,000 вооруженныхъ гражданъ, служившихъ защитниками и исполнителями воли олигарховъ; съ этою цѣлію вѣстникъ мистерій Клеокритъ говорилъ рѣчь къ гражданамъ*). Но тѣ, которые были въ числѣ 3,000, опасаясь подвергнуться наказанію отъ демократовъ, еще не соглашались на сдѣланныя предложенія. Они хотя и изгнали тридцать тиранновъ, но на мѣсто ихъ постановили десять новыхъ олигарховъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы. Всѣ приверженцы демократіи, недовольные этимъ постановленіемъ, устремились изъ города въ Пирей и усилили Өразибула. Олигархи обратились съ просьбою о помощи къ Спартѣ, но Аөины и теперь были спасены ненавистью царя Павзанія къ Лизандру, подобно какъ за сто лѣтъ прежде ихъ спасло соперничество между Демаратомъ и Клеоменомъ. Павзаній остановилъ насильственныя мѣры Лизандра и своимъ посредничествомъ заключилъ между обѣими партіями миръ, по которому въ Аөинахъ былъ возстановленъ учрежденный Солономъ образъ правленія **). Но прошло еще довольно времени прежде, нежели въ государствѣ водворилось совершенное спокойствіе. Безпорядки прекратились не прежде 403 года, въ слѣдствіе изданной Өразибуломъ амнистіи, по которой всѣ прежнія оскорбленія и несправедливости должны быть забыты. Изъ этого исключены были только тридцать тиранновъ и одиннадцать исполнителей казни, но и они,

*) Она находится въ Ксеноф. Hellenic. lib. II, cap. 4, § 20.

**) Andocides de mysteriis ap. Reiske. Orator. Graec. T. IV. p. 39: *πολιτεύεσθαι Ἀθηναίους κατὰ τὰ πάτρια, νόμοις δὲ χρῆσθαι τοῖς Σόλωνος καὶ μέτροις, καὶ σταθμοῖς, χρῆσθαι δὲ καὶ τοῖς Δράκοντος θεσμοῖς.* (т. е. чтобы Аөиняне управлялись отечественными постановленіями, пользовались законами Солона, своими мѣрами и вѣсами, и также законами Дракона.) 30 олигарховъ и граждане изъ числа 3000 могли переселиться въ Элевзинъ, если не считали безопаснымъ для себя пребываніе въ Аөинахъ.

отдавъ отчетъ въ своемъ управлении, могли получить въ ней участие. Наконецъ сия амнистия подтверждена была торжественною клятвою правительствующихъ особъ. Въ то же время Никомаху поручили сдѣлать новое издание Солоновыхъ законовъ.

Но съ возстановлениемъ древняго образа правления въ Аѳинахъ, прежний духъ и прежния силы не возвратились. Аѳины были открыты и доколѣ не оградились стѣнами, должны были оставаться въ зависимости отъ Спартанцевъ, которые на возстановление ихъ не соглашались ни за какую цѣну. И такъ Аѳинянамъ надлежало ожидать благоприятныхъ къ тому обстоятельствъ, когда Спартанцы не въ состоянии будутъ препятствовать имъ. Сии обстоятельства настали, когда Спартанцы вовлечены были въ войну съ Персами. Завоевания были совершенно противны духу Спартанскаго законодательства, и Спарта начала клониться къ падению, по мѣрѣ того, какъ ея правительство устремляло взоры внѣ своего отечества и столько же обращало внимания на деньги и подати, сколько прежде Аѳиняне. Спартанское иго скоро сдѣлалось для союзниковъ еще тягостнѣе, нежели было Аѳинское, потому что Спартанцы были чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ корыстолюбивѣе. Они скоро обратили свои взоры за предѣлы Греции. Они подкрѣпляли Кира Младшаго въ войнѣ противъ брата его, Артаксеркса, и если бы имъ удалось возвести его на престолъ, то, можетъ быть, Персидский Царь сдѣлался бы совершенно отъ нихъ зависимымъ. Но предприятие не удалось. Между Спартою и Персиею открылись враждебныя отношения, а наконецъ и война. Во

время этой войны Персы приняли за лучшую оборонительную систему возбуждать противъ Спартанцевъ и подкрѣплять тѣ Греческія государства, которыя въ состояніи были такъ безпокоить ихъ въ самой Греціи, чтобъ они по неволѣ оставили свои планы на завоеваніе Азіи.

Греческіе Мало-Азійскіе города, стѣсненные Тиссаферномъ, обратились съ просьбою о помощи къ гегемонамъ Греціи, Спартанцамъ, и Спартанское Правительство въ 400 г. отправило въ Азію Өимброна. Онъ взялъ съ собою только пять тысячъ Пелопоннезцевъ, но въ Азіи значительно усилилъ свое войско. Өимбронъ велъ войну успѣшно, но въ поступкахъ своихъ былъ такъ жестокъ, что Спартанцы отозвали его и на мѣсто его, въ 299 г., послали Деркиллида, о необыкновенной хитрости котораго тогда носилась молва по всей Греціи, и Деркиллидъ оправдалъ ее. Онъ успѣлъ поссорить Тиссаферна съ Фарнабазомъ и, безъ угнетенія союзниковъ, такъ счастливо велъ войну, что Фарнабазъ принужденъ былъ заключить перемиріе, по которому Персы признали независимость Греческихъ городовъ въ Малой Азіи. Во время перемирія Деркиллидъ водворилъ согласіе между отдѣльными городами и снова построилъ разрушенныя укрѣпленія въ Херсонесѣ, также смягчилъ многія постановленія Лизандра. Оскорбленный этимъ Лизандръ, чтобы усилить свое вліяніе, старался сдѣлать предводителемъ войска царя, который бы ему обязанъ былъ возвышеніемъ. И такъ, когда царь Агисъ въ 397 г. умеръ, Лизандръ возбудилъ брата его, хромаго Агезилая, объявить притязаніе на наслѣдство вмѣсто незаконнорожденнаго сына Агисова, Леотихида, который, по всей вѣроятности, былъ сынъ Алкивіада. Леотихидова партія выставила противъ избранія Агезилая изрѣченіе древняго оракула, который совѣтовалъ Спартанцамъ остерегаться хромаго царства (φυλάξασθαι τὴν χωλὴν βασιλείαν). Но Лизандръ уничтожилъ это препятствіе остроумнымъ истолкованіемъ изрѣченія. Онъ объявилъ, что они не должны опасаться царя, который случайно перело-

милъ себѣ ногу, но вѣроятно подъ хромымъ царствомъ оракулъ разумѣлъ то, если одинъ изъ двухъ царей не будетъ изъ фамиліи Ираклидовъ. Этимъ изъясненіемъ онъ склонилъ Спартанцевъ на сторону Агезилая. Впрочемъ Лизандръ очень обманулся въ своей надеждѣ располагать новымъ царемъ совершенно по своей волѣ. Агезилай, тотчасъ по полученіи начальства надъ войскомъ, въ войнѣ противъ Персовъ явилъ свою самостоятельность. Ксенофонтъ, искренній другъ Агезилая, сопровождавшій его въ походѣ въ Азію, увѣряетъ, что у него была та же мысль, которую въ послѣдствіи выполнилъ Александръ Великій. Число войска, находившагося подъ его начальствомъ, простиралось до 20,000. Спачала въ рѣшительной дѣятельности затрудняли Агезилая его отношенія къ Лизандру, который, не смотря на то, что былъ только однимъ изъ тридцати военныхъ совѣтниковъ, сопровождавшихъ Агезилая, вездѣ представлялъ себя выше самого полководца. Это напряженное состояніе тотчасъ повлекло за собою разрывъ, въ слѣдствіе котораго Агезилай освободился отъ тягостныхъ наставленій Лизандра, а Лизандръ, обманувшись въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, полный злобы, возвратился въ Спарту и составилъ планъ отмстить Агезилаю совершеннымъ уничтоженіемъ въ Спартѣ царскаго достоинства. По удаленіи Лизандра, Агезилай, въ войнахъ съ сатрапами Фарнабазомъ и Тиссаферномъ, образовалъ искусное войско и своими побѣдами воодушевилъ къ походу въ верхнюю Азію; онъ уже хотѣлъ предпринять походъ противъ Сузъ, но въ это время сильная буря собралась надъ Спартою въ Греціи. Персидскій Царь, на мѣсто умерщвленнаго по его повелѣнію Тиссаферна, поставилъ Титравста, которому вручилъ достаточныя денежныя суммы для возбужденія оппозиціи противъ Спарты, стремившейся къ завоеваніямъ, между самыми Греческими государствами. Въ то же время Аѳинянинъ Кононъ былъ сдѣланъ Персидскимъ адмираломъ. Послѣ сраженія при Эгосъ-Потамосѣ, Кононъ отплылъ въ Кипръ и жилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока открывшаяся между Персіею и Спартою война не подала ему случая оказать услугу своему отечеству смире-

ніемъ высокомѣрія его притѣснителей. Онъ предложилъ свои услуги Персидскому Царю, который, по настойчивымъ убѣжденіямъ Фарнабаза, послалъ его въ 395 г. въ Киликію съ письменнымъ повелѣніемъ ко всѣмъ морскимъ областямъ оказывать Конону всевозможныя пособія. Посему скоро Кононъ былъ уже въ состояніи съ Персидскимъ флотомъ явиться на морѣ. Агезилай имѣлъ свой флотъ на сихъ водахъ, но сдѣлалъ большую опрометчивость, назначивъ адмираломъ не опытнаго моряка, а зятя своего Пизандра. Между тѣмъ какъ Персы вооружались на морѣ, ихъ золото, вмѣстѣ съ неудовольствіемъ на притѣсненія Спартанцевъ, не менѣе подѣйствовало въ Греціи. Знатнѣйшіе Өиванцы, Коринөяне и Аргивцы, подкупленные Персами, употребляли всѣ усилія, чтобы еще болѣе разжечь ненависть своихъ соотечественниковъ къ Спартанцамъ и довести ихъ до явнаго разрыва. Хотя Аөиняне отослали назадъ Персидское золото, но естественно, что они всего охотнѣе готовы были къ возстанію противъ Спарты. Споръ, происшедшій между Локридою и Фокидою, подалъ случай къ открытію войны. Өиванцы приняли подъ свою защиту Локрійцевъ, а противники ихъ, Фокейцы, обратились къ Спартанцамъ.

Между Греками Өиванцы оказали самое смѣлое и сильное сопротивленіе Спартанцамъ. Съ незапамятныхъ временъ Өивы были главою всѣхъ Беотійскихъ городовъ за исключеніемъ Платеи, которая осталась вѣрною Аөинамъ до самаго паденія. Владѣя симъ правомъ, Өиванцы ежегодно изъ числа своихъ согражданъ избирали беотарха. Беотійцы нравами были суровы и грубы, и тѣмъ менѣе были способны безусловно повиноваться Спартанцамъ, что чувствовали въ себѣ довольно силы противустоять имъ. Со времени окончанія Пелопонезской войны, они вели себя гордо и независимо въ отношеніи къ Спартѣ; по этому

Спартанцы съ радостію воспользовались представившимся случаемъ смирить противоставшее имъ государство. Ѳиванцы нашли въ Аѳинянахъ явныхъ и въ Коринѳянахъ тайныхъ союзниковъ; ободренные побѣдою при Галіартѣ, они вступили въ соперничество съ Спартою, и Агезилай принужденъ былъ какъ можно скорѣе оставить Азію, чтобъ отвратить опасность, угрожавшую владычеству его отечества. Въ битвѣ при Коронеѣ, Агезилай хотя и поддержалъ честь Спартанскаго оружія побѣдою надъ союзниками, но въ то же время Спартанцы потерпѣли пораженіе на морѣ, которое, по уничтоженіи всего флота, сокрушило ихъ морское владычество. Аѳины снова оградились стѣнами, и снова флотъ ихъ явился на морѣ. Спартанцы чувствовали, что не могутъ устоять противъ двухъ такихъ непріятелей, какъ Персы и союзные Греки; изъ этого критическаго положенія они спаслись заключеніемъ, такъ называемаго, *Анталкидскаго мира*, въ 387 году, по которому всѣ Греческіе города въ Азіи были отданы Персамъ, а Европейскіе объявлены самоуправляющимися (*αὐτόνομοι*), и политическій видъ Греціи совершенно измѣнился.

Въ началѣ 394 г. Спартанцы собрали двѣ арміи противъ Ѳивъ. Первая составлена была изъ союзниковъ, и Лизандръ вступилъ съ нею въ Беотію изъ Фокиды; вторая, подъ предводительствомъ Павзанія, вторгнулась съ другой стороны, и Галіартъ былъ назначенъ мѣстомъ соединенія. Но Ѳиванцы, узнавъ объ этомъ отъ перехваченныхъ вѣстниковъ, напали на Лизандра, который уже стоялъ при Галіартѣ. Спартанцы были разбиты и самъ Лизандръ палъ въ битвѣ. Потерявъ вождя, войско разсѣялось, и каж-

дый разными путями спѣшилъ удалиться на родину. Вскорѣ на поле битвы прибылъ и Павзаній; но онъ не рѣшился отважиться на новое сраженіе, и здѣсь случилось то, чего не было съ незапамятныхъ временъ — Спартанскій царь вмѣстѣ съ военнымъ совѣтомъ положилъ выкупить тѣла убитыхъ выступленіемъ изъ Ѳиванскихъ областей! Это было смертельнымъ ударомъ для Спартанскаго владычества, основаннаго на военномъ перевѣсѣ. Спартанцы сами видѣли всю важность поступка Павзанія и потребовали его на судъ. Теперь вмѣняли ему въ преступленіе даже и то, что онъ возстановилъ въ Аѳинахъ демократію. Онъ былъ низложенъ и приговоренъ къ смерти, впрочемъ спасся бѣгствомъ въ Тегею. Теперь Коринѳяне открыто приняли сторону противниковъ Спарты, и въ союзѣ съ ними Ѳиванцы и Аѳиняне вторгнулись въ Пелопоннезъ, но послѣ битвы при Сикіонѣ отступили. Между тѣмъ Спартанское Правительство, не полагаясь на шаткую вѣрность и прочихъ союзниковъ, считало свое положеніе столь опаснымъ, что рѣшилось вызвать Агезилая.

Агезилай повиновался, хотя и не охотно, присланному повелѣнію и, оставивъ въ Азіи четырехтысячный отрядъ для защищенія Греческихъ городовъ отъ Персовъ, самъ выступилъ въ обратный путь. Удивительна быстрота, съ которою онъ совершилъ этотъ походъ, и порядокъ, сохраненный имъ въ войскѣ! Онъ силою проложилъ себѣ дорогу, ту самую, по которой нѣкогда шелъ Ксерксъ чрезъ непріязненную Ѳессалію, и, усиливъ свое войско множествомъ волонтеровъ, прибывшихъ къ нему изъ Спарты, тотчасъ вторгнулся въ Беотію. При Коронеѣ онъ встрѣтилъ союзное войско Беотійцевъ, Аѳинянъ, Аргивцевъ, Коринѳянъ, Эвбейцевъ и Локрійцевъ, и въ Августѣ 394 г. здѣсь произошло кровопролитнѣйшее сраженіе, которое впрочемъ не имѣло ни какого рѣшительнаго результата. Агезилай удержалъ за собою поле сраженія и возстановилъ честь Спартанскаго оружія, но не возвратилъ Спартѣ ея первенства *). Агезилай и

*) Что Спартанцы не одержали при Коронеѣ рѣшительной

не воспользовался своею побѣдою, но удалился въ Дельфы, гдѣ въ этомъ году совершались Пиѳійскія игры, для посвященія Аполлону части Персидской добычи. Напротивъ, не задолго до битвы при Коронеѣ Спартанцы потеряли флотъ и съ нимъ весь свой перевѣсъ на морѣ. Со времени уничтоженія Аѳинскихъ морскихъ силъ, Спартанцы владѣли и моремъ; имъ покорились всѣ союзники, составлявшіе Аѳинскій флотъ, и ни одно государство само по себѣ не имѣло довольно силъ, чтобы оспоривать у Спартанцевъ владычество на морѣ. Теперь это совершилъ Аѳинянинъ, хотя и съ Персидскими кораблями, и повидимому, для выгодъ Персіи, но въ самомъ дѣлѣ для выгодъ своего отечества. Это былъ Кононъ. Собравъ достаточное число кораблей, онъ искалъ Спартанскаго флота, который находился подъ предводительствомъ Пизандра, и нашелъ его на сѣверѣ отъ Родоса. Не далеко отъ мыса Книда, по имени котораго названо и сраженіе, Пизандръ былъ разбитъ и самъ палъ въ битвѣ. Слѣдствіемъ этого пораженія было то, что Спартанцы не могли долѣе держаться на морѣ, и ихъ армосты оставляли одинъ островъ за другимъ. Какой моментъ для возстановленія Аѳинскаго владычества! Къ счастію, въ Аѳинахъ не было недостатка въ людяхъ, которые поняли важность этой минуты и не упустили ею воспользоваться. Аѳиняне начали усиливать свой флотъ, которымъ начальствовали отличные адмиралы, Ѳразибулъ и Хабрій, а Ификратъ въ сухопутной войнѣ, продолжаемой противъ Спарты, возвысилъ славу Аѳинскаго оружія и усовершенствовалъ военное искусство. Эта война названа Коринѳскою, потому что союзныя войска дѣйствовали изъ Коринѳа, а для военныхъ силъ Спартанскихъ главнымъ пунктомъ былъ Сикіонъ. Отдѣльныя происшествія ея не значительны и не заслуживаютъ описанія. Самою большою выгодою Аѳиняне обязаны патріотизму Ко-

побѣды, какъ утверждаетъ пристрастный Ксенофонтъ, видно изъ словъ Плутарха, который говоритъ, что Ѳиванцы отступили въ хорошемъ порядкѣ; *μέγα τῇ μάχῃ φρονοῦντες, ὡς ἀήττητοι καθ' αὑτοὺς γεγονότες*. (т. е. Весьма гордясь этимъ сраженіемъ, какъ будто бы они сами по себѣ были непобѣдимыми).

нона. Онъ увѣрилъ Фарнабаза, что Аѳины послужатъ для Персовъ надежнѣйшимъ оплотомъ противъ Спарты, если снова такъ же будутъ укрѣплены, какъ были до несчастія, постигшаго ихъ въ Пелопоннезскую войну. Фарнабазъ далъ ему денегъ и позволеніе употребить своихъ солдатъ на постройку стѣнъ, и Кононъ, весною 393 г., на восмидесяти корабляхъ прибылъ въ Пирей. Персидскіе матросы, всѣ Аѳиняне и 500 рабочихъ, присланныхъ Ѳиванцами, работали безпрерывно, и длинныя стѣны въ короткое время были возстановлены. На сорока корабляхъ Ѳразибулъ отправился въ Геллеспонтъ, и съ появленіемъ Аѳинянъ на морѣ, во всѣхъ островахъ и городахъ демократическій духъ пробудился снова. Византія сдалась Аѳинянамъ и приняла демократію. Тазосъ, Халкедонъ, Лесбосъ послѣдовали ея примѣру. Аспендъ, по истеченіи долгаго времени, въ первый разъ опять заплатилъ имъ подать. Но Аѳинскіе солдаты своими насиліями раздражали Аспендіійцевъ; они снова отпали и умертвили самого Ѳразибула. На его мѣсто былъ посланъ Аргирій, и въ то время, какъ онъ продолжалъ начатое его предшественникомъ, Аѳиняне не менѣе были счастливы и въ другихъ мѣстахъ. Ификратъ, поразивъ Спартанскаго полководца Анаксибія, который самъ былъ убитъ, изгналъ Спартанцевъ изъ Херсонеса, а Хабрій разбилъ Спартанскій флотъ при Эгинѣ. Такимъ образомъ, съ помощію Персидскаго золота и дружбы Фарнабаза, пріобрѣтенной Канономъ, Аѳиняне возстановили свое прежнее владычество на морѣ. Спартанцы отчаялись въ возможности поддержать свое первенство безъ Персидскаго золота и обратились къ сатрапу Іоніи, Тирибазу, котораго посланный ими Анталкидъ привлекъ на свою сторону. Здѣсь мы видимъ странное явленіе: два сатрапа Персидскаго Царя помогаютъ обѣимъ враждующимъ партіямъ. Анталкидъ представилъ Тирибазу, что Кононъ имѣлъ въ виду только выгоды своего отечества, а не Персовъ, обѣщалъ отъ имени Спартанцевъ предоставить Персамъ всю Малую Азію и доказалъ ему такъ явно всю необдуманность войны противъ Спарты, что Тирибазъ, въ сопровожденіи Анталкида, самъ отправился ко двору въ Сузу, чтобы

убѣдить и Царя склониться на эти предложенія. Но прежде онъ заключилъ Конона въ темницу, въ которой онъ, спустя нѣсколько времени, былъ умерщвленъ. Потомъ Тирибазъ и Анталкидъ успѣли заключить такъ называемый *Анталкидскій миръ*, позорный для Спартанцевъ, какъ потому, что они предали Азіятскихъ Грековъ, такъ и потому, что при обнародованіи его видно было, что онъ написанъ былъ какъ бы подъ диктовкою Персовъ. Аѳиняне не приняли этого мира. Но такъ какъ по стараніямъ Тирибаза, другъ ихъ, Фарнабазъ, былъ удаленъ отъ должности, (хоть и съ честію, потому что онъ былъ женатъ на царской дочери), а на мѣсто его назначенъ Аріобарзанъ, державшій сторону Спартанцевъ, то Спартанцы опять могли удержать за собою морское владычество. Они преградили Аѳинянамъ подвозъ изъ Чернаго Моря, но въ то же время уступили имъ острова: Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ, и Аѳиняне согласились признать миръ. Теперь мы видимъ удивительное зрѣлище: послы отъ всѣхъ Греческихъ городовъ собрались у Тирабаза, для принятія повелѣній великаго Царя. Тирибазъ сперва показалъ имъ царскую печать и потомъ прочелъ мирный договоръ почти слѣдующаго содержанія: «Царь Артаксерксъ «требуетъ, чтобы всѣ города въ Азіи принадлежали «ему, также и острова Клазомены и Кипръ; всѣ дру«гіе Греческіе города большіе и малые должны быть «признаны самоуправляющимися (αὐτόνομοι) за исклю«ченіемъ Лемноса, Имброса и Скироса, которые, какъ «и прежде, должны оставаться подъ властію Аѳинянъ. «Кто не признаетъ сего договора, противъ того я буду «вести войну на сушѣ и водѣ, въ союзѣ съ признав«шими его, которымъ буду помогать деньгами и ко«раблями»*). Это объявленіе мира происходило въ Іюлѣ 387 г., во второмъ году 98 олимпіады. Всѣ Греческія государства, исключая Ѳивъ, тотчасъ приняли миръ; Ѳиванцы воспротивились, потому что не хотѣли согласиться на автономію Беотійскихъ городовъ, доселѣ находившихся отъ нихъ въ зависимости, но когда

*) Ксенофонтъ Hellenic. lib, V. cap. 1. § 31.

Агезилай собралъ противъ нихъ войско, то и они должны были признать миръ, и Беотійскіе города теперь получили независимость. Анталкидскимъ договоромъ Спартанцы утвердили свой перевѣсъ, только подъ другимъ видомъ и на счетъ своей чести; мало было такихъ Грековъ, которые не чувствовали постыднаго предательства относительно Азіятскихъ Грековъ и зависимости отъ Персовъ *).

Спартанцы, какъ виновники Анталкидскаго договора, явились и исполнителями его, и старались, повидимому, какъ можно строже наблюдать автономію, объявленную въ договорѣ. Они не допускали нигдѣ соединенія нѣсколькихъ государствъ. Даже, когда на Θракійскомъ берегу вокругъ Олинта началъ образоваться такой союзъ, они тотчасъ

*) Всего сильнѣе выражаетъ это Исократъ; (Panegyr. cap. 34) *Μάλιστα δ' ἄν τις συνίδοι τὸ μέγεθος τῆς μεταβολῆς, εἴπερ ἀναγνοίη τὰς συνθήκας, τάς τε ἐφ' ἡμῶν γενομένας, καὶ τὰς νῦν ἀναγεγραμμένας. τότε μὲν γὰρ ἡμεῖς φανησόμεθα τὴν ἀρχὴν τὴν βασιλέως ὁρίζοντες, καὶ τῶν φόρων ἐνίους τάττοντες, καὶ κωλύοντες αὐτὸν τῇ θαλάσσῃ χρῆσθαι. νῦν δὲ ἐκεῖνός ἐστιν ὁ διοικῶν τὰ τῶν Ἑλλήνων, καὶ προστάττων, ἃ χρὴ ποιεῖν ἑκάστους. καὶ μόνον οὐκ ἐπιστάθμους ἐν ταῖς πόλεσι καθιστάς. Πλὴν γὰρ τούτου τί τῶν ἄλλων ὑπόλοιπόν ἐστιν; οὐ καὶ τοῦ πολέμου κύριος ἐγένετο, καὶ τὴν εἰρήνην ἐπρυτάνευσε, καὶ τῶν παρόντων πραγμάτων ἐπιστάτης καθέστηκεν; οὐχ ὡς ἐκεῖνον πλέομεν, ὥσπερ πρὸς δεσπότην, ἀλλήλων κατηγορήσοντες; οὐ βασιλέα τὸν μέγαν αὐτὸν προσαγορεύομεν, ὥσπερ αἰχμάλωτοι γεγονότες; οὐκ ἐν τοῖς πολέμοις τοῖς πρὸς ἀλλήλους ἐν ἐκείνῳ τὰς ἐλπίδας ἔχομεν, ὃς ἀμφοτέρους ἡμᾶς ἡδέως ἂν ἀπολέσειεν;* (т. е. Болѣе всего всякій можетъ замѣтить, какъ велика перемѣна, сравнивъ договоры, заключенные до насъ, съ тѣми, которые заключены теперь. Изъ первыхъ видно, что мы ограничивали власть Царя, налагали подати и препятствовали ему, пользоваться моремъ. А теперь онъ располагаетъ дѣлами Греціи и предписываетъ каждому, что онъ долженъ дѣлать, и только не назначаетъ намѣстниковъ въ города. За исключеніемъ этого, что еще ему не достаетъ для полнаго господства? не онъ ли распоряжается войною и миромъ и наблюдаетъ за настоящимъ положеніемъ дѣлъ? Не къ нему ли, какъ къ повелителю, ѣздимъ мы жаловаться другъ на друга? не называемъ ли мы его великимъ Царемъ какъ военноплѣнные и во время междоусобныхъ войнъ не возлагаемъ ли надеждъ на него, между тѣмъ какъ онъ охотно бы истребилъ насъ обоихъ?)

напали на этотъ городъ и осаждали до тѣхъ поръ, пока не принудили къ сдачѣ. По Спарта завоеваніемъ Олинта не столько пріобрѣла, сколько потеряла чрезъ вѣроломный поступокъ противъ Өивъ: Спартанецъ Фебидъ, въ 382 г., занялъ замокъ Өивскій Кадмею, и когда, подъ покровительствомъ Спартанцевъ, въ Өивахъ была введена олигархія, то и этотъ городъ сдѣлался зависимымъ отъ Спарты. Но Өиванцы, исполненные ненависти и мщенія, впрочемъ сперва не многіе, отважились освободить городъ, а потомъ всѣ мужественно рѣшились защищать свою возстановленную независимость.

Въ Маѣ 382 г. Спартанцы послали Эвдамида съ небольшимъ войскомъ противъ Олинта. За нимъ долженъ былъ слѣдовать съ подкрѣпленіемъ братъ его Фебидъ, которому сверхъ того поручили присоединить къ себѣ войска союзниковъ. Фебидъ направилъ путь чрезъ Өивы, гдѣ тогда враждовали двѣ партіи: демократическая, подъ предводительствомъ Исменія, и олигархическая, подъ начальствомъ Леонтіада. Леонтіадъ представилъ Фебиду, что онъ окажетъ своему отечеству гораздо большую услугу покореніемъ враждебныхъ Өивъ, нежели завоеваніемъ Олинта. Фебидъ принялъ предложеніе и, сговорившись съ Өивскими олигархами, завладѣлъ крѣпостью съ такою быстротою, что противная партія не могла оказать ни какого сопротивленія. Это тотчасъ имѣло слѣдствіемъ перемѣну образа правленія, которая сопровождалась обыкновенными въ такихъ обстоятельствахъ явленіями. Исменій былъ захваченъ; четыреста гражданъ, принадлежавшихъ къ его партіи, въ числѣ ихъ Пелопидъ и Меллонъ, спаслись отъ подобной участи бѣгствомъ. Эпаминондъ въ то время не игралъ еще значительной роли и не привлекалъ общаго вниманія, и по этому могъ спокойно оставаться въ Өивахъ. Леонтіадъ поспѣшилъ въ Спарту для защище-

нія своего дѣла и возвратился съ Спартанскою коммиссіею, которой поручено было судить Исменія. Не смотря на маловажность и неосновательность обвиненій, Исменій былъ приговоренъ къ смерти и казненъ *). Такое вѣроломство и жестокость, оказанныя Спартанцами противъ Ѳивъ, долженствовали со временемъ потрясти основанія величія Спарты. Впрочемъ Ѳивы должны были нѣкоторое время сносить притѣсненія Спартанскаго гарнизона, оставшагося въ Кадмеѣ для защищенія олигарховъ. Смиривъ Ѳивы, Спартанцы такъ же успѣшно овладѣли Олинтомъ. Этотъ городъ защищался сначала счастливо. Самъ Эвдамидъ погибъ подъ стѣнами его, той же участи подвергся и преемникъ его, Телевтіадъ. Наконецъ Спартанцы, въ 380 г., послали противъ Олинта царя своего Агезиполида, который обложилъ осажденныхъ со всѣхъ сторонъ, и хоть самъ во время осады умеръ, но принявшій послѣ него начальство, Полибіадъ, продолжалъ ее до тѣхъ поръ, пока голодомъ не принудилъ ихъ къ сдачѣ. По паденіи Олинта, въ Греціи не оставалось ни одного государства, которое могло бы возстать противъ Спарты. Даже Аѳины не имѣли силъ противустать ея насиліямъ. Впрочемъ Аѳиняне дали у себя убѣжище Ѳиванскимъ бѣглецамъ, помня, что нѣкогда Ѳразибулъ и многіе другіе граждане, изгнанные тридцатью тираннами, нашли въ Ѳивахъ пріемъ и защиту. Такъ точно, какъ прежде изъ Ѳивъ вышли освободители Аѳинъ, такъ теперь Ѳиванцы, прибывшіе изъ Аѳинъ, освободили отечество, съ тѣмъ только различіемъ, что они исполнили это посредствомъ заговора и тайнаго убійства.

Главою заговора противъ Ѳиванской олигархіи былъ одинъ изъ членовъ ея, Филлидъ, служившій секре-

*) Даже изъ описанія пристрастнаго къ Спартѣ Ксенофонта видно, что онъ былъ убѣжденъ въ неосновательности и маловажности обвиненій противъ Исменія. Исменій успѣлъ оправдаться во всемъ, кромѣ укоризны, что онъ безпокойный человѣкъ; *οὐ μέντοι ἔπειθέ γε τὸ μὴ οὐ μεγαλοπράγμων τε καὶ κακοπράγμων εἶναι.* (т. е. Однакоже не убѣдилъ въ томъ, что онъ не безпокойный и не злонамѣренный человѣкъ). Xenoph. Hellenic. lib. V. cap. 2. § 35. и 36.

таремъ при полемархѣ Архіи. Правительство съ такою увѣренностію полагалось на свои распоряженія и Спартанскій гарнизонъ, что и не думало что-либо подозрѣвать. Филлидъ, отправленный по государственнымъ дѣламъ въ Аѳины, составилъ съ Меллономъ и прочими изгнанниками планъ умертвить олигарховъ и вооружить народъ. Въ Декабрѣ 379 г. Меллонъ съ шестью изъ заговорщиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Пелопидъ, тайно прибылъ въ Өивы. Въ ожиданіи благопріятнаго случая къ исполненію плана, они скрывались у Филлида. Этотъ случай представился имъ въ праздникъ Афродиты. Заговорщики, нарядившись въ женскія платья, вступили въ залу пиршества, въ которой находились начальники олигархіи, и умертвили ихъ. Но опаснѣйшій изъ нихъ, Леонтіадъ, человѣкъ воздержный, не присутствовалъ на пиршествѣ. Филлидъ, съ тремя изъ заговорщиковъ, отправился къ нему въ домъ и, какъ государственный чиновникъ, тотчасъ былъ впущенъ. Такимъ образомъ и Леонтіадъ палъ подъ кинжалами убійцъ. Послѣ этого они заперли его домъ и окружили стражею, чтобы молва не распространилась прежде времени, потому что имъ оставалось еще исполнить главное — освободить и вооружить государственныхъ преступниковъ. Какъ чиновникъ, Филлидъ получилъ пропускъ и въ темницу; за нимъ ворвались заговорщики, умертвили стражу: узники получили свободу и оружіе. Тогда они подняли тревогу и начали призывать гражданъ къ оружію. Спартанскій гарнизонъ, не имѣя въ замкѣ съѣстныхъ припасовъ, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (Январѣ 378 г.) сдалъ его подъ условіемъ свободнаго отступленія. Какъ смотрѣли на это Спартанцы, видно изъ того, что они предали военному суду армоста Кадмеи и осудили его на смерть за то, что сдалъ крѣпость, недождавшись отъ нихъ помощи. И такъ Өиванцы должны были приготовиться къ войнѣ.

Между гражданами освобожденныхъ Өивъ, долженствовавшихъ защищать свою независимость отъ насилія Спартанцевъ, явились отличные полко-

водцы и государственные мужи. Пробужденная въ Ѳиванцахъ энергія обнаружила ихъ силы, которыя, подъ управленіемъ такихъ мужей, какъ Пелопидъ и Эпаминондъ, быстро вознесли ихъ на высокую степень могущества. Побѣда при Левктрахъ, одержанная въ 371 г. Эпаминондомъ, сдѣлала Ѳивы центромъ соединенія всѣхъ недовольныхъ Спартою, и Спарта низверглась съ той высоты, которую дотолѣ занимала.

Ѳиванцы, послѣ своего освобожденія, ожидая новыхъ нападеній отъ Спарты, искали союзниковъ, и одинъ счастливый случай доставилъ имъ помощь отъ Аѳинъ. Спартанскій царь Клеомбротъ сдѣлалъ вторженіе въ Беотію, не для нападенія на Ѳивы, но для защищенія автономіи Беотійскихъ городовъ. Съ этою цѣлію онъ оставилъ въ каждомъ изъ нихъ Спартанскихъ армостовъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Сфодрій, Ѳеспійскій армостъ, своимъ поступкомъ противъ Аѳинъ подалъ поводъ къ тѣсному союзу ихъ съ Ѳивами. Онъ хотѣлъ то-же сдѣлать съ Аѳинами, что сдѣлалъ Фебидъ съ Ѳивами, т. е. нечаянно напасть и занять замокъ Спартанскимъ гарнизономъ, но планъ не удался, потому что Аѳиняне предупреждены были заблаговременно, и когда Сфодрій былъ оставленъ безъ наказанія, приверженцамъ Беотійцевъ въ Аѳинахъ не трудно было склонить народъ къ принятію участія въ возстаніи Ѳивъ противъ Спарты. Аѳиняне снарядили флотъ и послали Ѳиванцамъ вспомогательное войско, когда Агезилай уже во второй разъ вторгнулся въ Беотію; впрочемъ ничего не произошло кромѣ небольшихъ сшибокъ, которыя были важны развѣ потому, что научили Ѳиванцевъ, предводительствуемыхъ Эпаминондомъ и Пелопидомъ, не считать болѣе Спартанцевъ непобѣдимыми. Въ это время Пелопидъ составилъ такъ называемый *священный отрядъ* (ἱερὸς λόχος), состоявшій изъ 300 воиновъ. Они соединены были узами тѣснѣйшей дружбы, и на полѣ битвы въ благородномъ соревнованіи старались превзойти другъ друга мужествомъ и са-

моножертвованіемъ. Между тѣмъ, какъ Аѳиняне счастливо вели войну противъ Спартанцевъ на морѣ и снова присоединили къ своему союзу Корциру и многіе другіе острова, Өиванцы привели въ прежнюю зависимость Беотійскіе города. Но при этомъ случаѣ между союзниками родилось неудовольствіе. Өиванцы жестоко поступили съ Платеею, древнею союзницею Аѳинъ. Платейцы бѣжали въ Аѳины и были приняты тамъ въ число гражданъ. Между тѣмъ Өивы такъ усилились, что могли съ успѣхомъ противодѣйствовать Спартѣ и стать въ ряду первостепенныхъ государствъ. Въ этомъ качествѣ Өиванцы явили себя на конгрессѣ всѣхъ Греческихъ государствъ, собранномъ въ Спартѣ, въ Іюлѣ 372 г. Миръ, заключенный здѣсь, основывался на Анталкидскомъ, и главнымъ условіемъ его была автономія всѣхъ греческихъ городовъ; но Өиванцы требовали, чтобъ имъ позволено было подписаться за всѣхъ Беотійцевъ; потому что какъ Аттика зависитъ отъ Аѳинъ, Лаконія отъ Спартанцевъ, и оба сіи города служатъ представителями цѣлыхъ странъ, такъ точно Беотія составляетъ одно государство, и Өивы — глава его. И когда имъ въ этомъ отказали, они отвергли миръ и рѣшились мужественно противустать Спартанцамъ, которые силою хотѣли принудить ихъ къ признанію автономіи Беотійскихъ городовъ. Но Спартанскій Царь Агезилай былъ уже старъ и боленъ, а Өивы находились подъ начальствомъ двухъ мужей, которые безспорно принадлежатъ къ числу превосходнѣйшихъ героевъ Греческой націи, и которыхъ геній былъ единственною причиною временнаго возвышенія грубыхъ и лѣнивыхъ Беотійцевъ надъ образованными и отличавшимися своимъ умомъ Аѳинянами и надъ твердыми Спартанцами. Эпаминондъ, одинъ изъ сихъ мужей, отличался въ то время, когда роскошь достигла высочайшей степени, простотою жизни и непоколебимою неподкупностью; онъ могъ быть самымъ богатымъ человѣкомъ въ Греціи; не смотря на то, отвергалъ всѣ представлявшіеся къ тому случаи, и оставался такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ прежде нежели достигъ до высшихъ государственныхъ должностей. Онъ велъ такой простой образъ жизни изъ отвра-

щенія къ наслажденіямъ разрушительнымъ и убивающимъ всѣ умственныя способности. Для его суроваго ума величайшимъ наслажденіемъ было, когда онъ погружался въ самого себя или углублялся въ математическія или философскія изслѣдованія. Имѣя отличныя свѣдѣнія въ математическихъ наукахъ, онъ могъ сдѣлать важныя усовершенствованія въ военномъ искусствѣ и приводить въ разстройство своихъ противниковъ новымъ родомъ нападенія. Не менѣе, хотя въ другомъ отношеніи, отличался и Пелопидъ, и, что бываетъ очень рѣдко, эти два мужа всегда оставались въ дружбѣ и не показывали никогда другъ къ другу ни зависти, ни соперничества. Пелопидъ особенно прославился тѣмъ, что съ своимъ священнымъ отрядомъ разбилъ двѣ Спартанскія моры, а одна мора, по словамъ Плутарха, самая малая, заключала въ себѣ до 500 воиновъ, самая же большая до 900. Совершая такіе подвиги и предводительствуемые такими мужами, Ѳиванцы довольно чувствовали собственное достоинство и рѣшились одни, безъ союзниковъ, сдѣлать отпоръ Спартанцамъ, которые въ 371 г., подъ предводительствомъ Клеомброта, вторгнулись въ Беотію, для приведенія въ исполненіе условія мира, касательно автономіи. Эпаминондъ, съ помощію Пелопида, убѣдилъ Беотарховъ дать сраженіе и принялъ на себя распоряженія битвою, данною въ 371 г., 8 Іюля, при Левктрахъ. Посредствомъ клинообразнаго расположенія войска, имъ изобрѣтеннаго, онъ разбилъ Спартанцевъ въ открытой битвѣ. Самъ Клеомбротъ, съ четырмя стами Спартіатовъ и тысячью Лакедемонцевъ, палъ въ битвѣ. При извѣстіи объ этомъ совершенно неожиданномъ пораженіи Спартанцы показали большую твердость; эфоры, получивъ сію печальную вѣсть во время праздника Гимнопедіи, даже не прекратили торжества и не прежде, какъ по окончаніи его, объявили имена павшихъ, строго запретивъ громкіе вопли и слезы. На другой день родственники погибшихъ съ веселыми лицами ходили по городу. Впрочемъ самъ Агезилай не соглашался, чтобы съ бѣжавшими съ поля битвы было поступлено по всей строгости законовъ. «Пусть «на этотъ разъ, говорилъ онъ, законы уснутъ, а по-

«томъ уже вѣчно бодрствуютъ»! Впрочемъ, до новой битвы дѣло не дошло, ибо, при посредничествѣ Язона, тиранна Ферскаго, между Өивами и Спартою заключено было перемиріе.

Послѣ побѣды при Левктрахъ Өиванцы быстро распространили свое вліяніе: они приняли подъ свое покровительство составившійся въ Аркадіи союзъ; къ униженію Спарты, возстановили независимость Мессеніи и приняли рѣшительное участіе въ дѣлахъ Өессаліи и Македоніи. Но возвышеніе Өивъ прекратилось со смертію обоихъ мужей, въ умахъ которыхъ родилась мысль о первенствѣ ихъ отечества, и которые своими талантами способны были ее выполнить. По смерти Пелопида, павшаго въ бою, въ 364 г., въ Өессаліи, и Эпаминонда, въ 362, въ сраженіи при Мантинеѣ, кровопролитная борьба кончилась всеобщимъ миромъ, обезпечившимъ независимость всѣхъ государствъ, и даже Мессенія была провозглашена свободною. Хотя Спартанцы не согласились на это послѣднее условіе, но прекратили непріятельскія дѣйствія, а это было фактическимъ признаніемъ независимости Мессенцевъ.

Спустя два года послѣ Левктрской побѣды, происшествія въ Аркадіи подали Өиванцамъ поводъ вмѣшаться въ дѣла Пелопоннеза. Именно, Аркадскіе города составили планъ образовать одинъ союзъ, который долженъ быть управляемъ демократіею, и центромъ его назначенъ былъ новый городъ Мегалополь, съ сею цѣлію построенный. Недовольные сими перемѣнами призвали на помощь Спартанцевъ. Теперь противъ нихъ, для защищенія Аркадскаго союза, въ Декабрѣ 369 г., Өиванское войско, подъ предводительствомъ Пелопида и Эпаминонда, вторгнулось въ Пелопоннезъ. Спартанцы оставили Аркадію, но

Эпаминондъ послѣдовалъ за ними въ ихъ собственную землю, и послѣ того, какъ Исхолай, защищавшій горные проходы, погибъ со всею дружиною, Ѳиванское войско, въ Январѣ 368 г., явилось предъ неукрѣпленною Спартою и расположилось при храмѣ Посейдона. При такой великой опасности, въ самой Спартѣ составился заговоръ, котораго цѣль впрочемъ намъ неизвѣстна. Но Агезилай потушилъ его, предавъ смерти всѣхъ участвовавшихъ въ немъ безъ суда и оправданія, и спасъ городъ своими распоряженіями и вооруженіемъ илотовъ. Въ то же время Спартанское посольство отправлено было просить помощи въ Аѳинахъ. Воспоминаніе о великодушіи Спартанцевъ послѣ побѣды при Эгосъ-Потамосѣ и соревнованіе къ возрастающему могуществу Ѳивъ побудили Аѳинянъ къ рѣшенію помогать утѣсняемому городу всѣми силами. Эпаминондъ былъ объ этомъ увѣдомленъ, и такъ какъ многіе изъ Пелопоннезскихъ союзниковъ оставили его войско, чтобъ отнести полученную добычу въ безопасное мѣсто, то онъ отступилъ отъ Спарты; впрочемъ оставилъ Пелопоннезъ не прежде, какъ совершивши блистательный для Ѳивъ и унизительный для Спарты подвигъ. Онъ отступилъ въ Мессенію и возстановилъ политическое бытіе народа, въ продолженіе многихъ столѣтій находившагося подъ игомъ Спартанцевъ; построилъ тамъ и укрѣпилъ городъ, который названъ Мессеною, и для защищенія, оставилъ въ немъ Ѳиванскій гарнизонъ. Всѣ Мессенцы были объявлены свободными, и земля, которую они обработывали для Спартанцевъ, раздѣлена была между ними, какъ собственность. Тогда Эпаминондъ выступилъ изъ Пелопоннеза, и Ификратъ, стоявшій съ Аѳинскимъ войскомъ на Истмѣ, не отважился преградить ему пути. Спартанцы снова обратились къ Персамъ. Можетъ быть, по ихъ старанію, Филискъ явился въ Дельфахъ и именемъ Персидскаго Царя созвалъ туда Грековъ на конгрессъ; но когда всеобщій миръ, который онъ старался заключить, не состоялся, потому что Ѳиванцы отказались предать Мессенцевъ, то Филискъ сталъ помогать Спартанцамъ деньгами. Чтобы склонить Персидскаго Царя на свою сторону, Ѳиванцы рѣши-

лись послать въ Сузу Пелопида, который и успѣлъ въ этомъ тѣмъ легче, что Персы, по политикѣ своей, всегда соединялись съ сильнѣйшимъ государствомъ въ Греціи, и ему стоило только убѣдить, что побѣдою при Левктрахъ Ѳивы пріобрѣли перевѣсъ надъ Спартою, которой они дотолѣ благопріятствовали. И такъ Ѳиванцы были объявлены исполнителями царской воли, и эта воля клонилась совершенно къ ихъ выгодѣ: Мессенія должна была остаться свободною; Аѳинянамъ повелѣно разснастить свой флотъ; въ случаѣ же ихъ отказа, всѣ Греки должны были итти противъ нихъ войною. Аѳиняне, тотчасъ по возвращеніи своего посольства, показали, какъ мало они склонны были повиноваться этимъ предписаніямъ; они осудили на смерть своего перваго посла Тимагора, какъ предателя выгодъ отечества. Другія Греческія государства были недовольны тѣмъ, что ихъ послы при Персидскомъ Дворѣ совершенно унижены предъ Пелопидомъ. Говорятъ, что Анталкидъ, оставленный въ пренебреженіи Персами и пришедшій въ ненависть у Грековъ, самъ себя уморилъ голодомъ. Ѳиванцы созвали Грековъ въ свой городъ на конгрессъ и требовали принятія предписаній Персидскаго Царя, но депутаты извинялись тѣмъ, что не были уполномочены. Когда же Ѳиванцы сами отправили пословъ во всѣ города съ требованіемъ клятвеннаго подтвержденія условій мира, предписанныхъ Царемъ, Коринѳяне первые отвѣчали, что они не знаютъ, почему имъ должно клясться въ исполненіи предписаній Персидскаго Царя, которому нѣтъ до нихъ ни какого дѣла; большая часть послѣдовала ихъ примѣру. Не смотря на то, Пелопидъ своими переговорами выигралъ то, что Персы прислали Ѳиванцамъ денежныя пособія. Вліяніе Ѳивъ распространилось тогда на Ѳессалію и Македонію и утвердилось въ Пелопоннезѣ. Въ 365 г. у нихъ явились и морскія силы. Но достигнувъ такого могущества, Ѳивы лишились мужей, виновниковъ возвышенія ихъ. Пелопидъ погибъ въ походѣ противъ тирана Ферскаго Александра, въ 364 г., а Эпаминондъ, спустя два года, по дѣламъ Аркадіи снова принужденъ былъ предпринять походъ въ Пелопоннезъ, гдѣ удѣломъ

его была новая побѣда и смерть. Именно, Ликомедъ, сдѣлавшись главою Аркадскаго Союза, старался освободить его отъ вліянія Ѳивъ и для этого вступилъ въ переговоры съ Аѳинянами. Аѳиняне тотчасъ согласились; и странно было видѣть Аѳинянъ, союзниковъ Спарты, въ тоже время въ союзѣ съ врагами ея, Аркадскими демократами. Впрочемъ они успѣли убѣдить Спартанцевъ, что для нихъ будетъ выгоднѣе, если Аркадія освободится отъ вліянія Ѳиванцевъ и присоединится къ Аѳинамъ. Ликомедъ хотѣлъ самъ отправиться въ Аѳины, для заключенія новаго союза, но на пути былъ убитъ изгнанными имъ Аркадянами. Со смертію его рушился и планъ. Нѣкоторые Аркадскіе города остались вѣрны Ѳиванцамъ, другіе присоединились къ врагамъ ихъ. Чтобы поддержать вліяніе Ѳиванцевъ въ Пелопоннезѣ, въ 362 г. Эпаминондъ выступилъ туда въ походъ. Снова явился онъ передъ Спартою, и на сей разъ городъ едва бы не погибъ, если бъ Агезилай съ старпками, женщинами и дѣтьми не защитилъ его до вечера, когда Лакедемонское войско подоспѣло на помощь. Эпаминондъ отступилъ въ Тегею, и когда его попытка овладѣть Мантинеею также не удалась, потому что Аѳинскіе всадники заняли угрожаемый городъ, то онъ счелъ необходимымъ дать сраженіе, чтобы побѣдою оживить ревность и мужество союзниковъ. Эта битва произошла при Мантинеѣ, 4-го Іюля 362 (во 2-й годъ 104 олимп). Ѳиванцы побѣдили, но лишились своего великаго вождя Эпаминонда и съ нимъ утратили рѣшительный перевѣсъ. Сія кровавая борьба за первенство имѣла слѣдствіемъ истощеніе силъ всѣхъ Греческихъ государствъ, что ускорило заключеніе всеобщаго мира.

Сіи войны совершенно измѣнили положеніе Греціи. Спарта потеряла первенство, но и Ѳивы не пріобрѣли его. Ни одно государство не было господствующею главою всѣхъ; Ѳивы, Спарта и Аѳины были довольно равносильны. Возрожденіе Греческой жизни казалось только возможнымъ

чрезъ соединеніе всѣхъ Греческихъ государствъ подъ властію одного монарха. И сначала можно было думать, что это соединеніе произойдетъ въ Өессаліи, гдѣ тогда Язонъ Ферскій сосредоточилъ значительныя силы. Но по смерти его онѣ распались, и такъ не изъ Өессаліи должно было ожидать соединенія Греціи, а изъ Македоніи, которая въ это самое время вдругъ могущественно возвысилась изъ совершеннаго безсилія. Ей назначена эта важная роль.

Въ Өессаліи до сего времени сохранилось древнее политическое устройство. Народъ дѣлился на два класса, господствующіе благородные, изъ которыхъ знатнѣйшіе были Алейады, и служащіе земледѣльцы, или Пенесты. Иногда возвышались владѣльцы отдѣльныхъ городовъ, иногда вся Өессалія соединялась подъ властію такъ называемаго *Тагоса*, но эти отношенія не имѣли ни какого значенія для всеобщей исторіи Греціи и исчезали безъ послѣдствій. Около времени освобожденія Өивъ, въ Ферахъ захватилъ власть Язонъ, а въ Фарсалѣ Полидамъ. Язонъ обладалъ большими способностями; онъ тотчасъ увидѣлъ, какую роль могла бы играть Өессалія при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Греціи, если бы была соединена. Искусными переговорами онъ убѣдилъ Полидама отказаться отъ владычества надъ Фарсаломъ и употребить все свое вліяніе на то, чтобы Язонъ былъ избранъ Тагосомъ, или правителемъ, всей Өессаліи. Теперь Язонъ собралъ сильное войско *) и съ помо-

*) Ксенофонтъ (Hellenic. lib. VI. cap. 1. § 7.) говоритъ о Язонѣ такъ: *ἐπεί γε μὴν ἐτάγευσε, διέταξεν ἱππικόν τε, ὅσον ἑκάστη πόλις δυνατὴ ἦν παρέχειν, καὶ ὁπλιτικόν. Καὶ ἐγένοντο αὐτῷ ἱππεῖς μὲν σὺν τοῖς συμμάχοις πλείους ἢ ὀκτακισχίλιοι, ὁπλῖται δὲ ἐλογίσθησαν οὐκ ἐλάττους δισμυρίων, πελταστικόν γε μὴν ἱκανὸν πρὸς πάντας ἀνθρώπους ἀντιταχθῆναι.* (т. е. сдѣлавшись правителемъ Өессаліи, онъ установилъ, сколько каждый городъ долженъ доставлять конницы и тяжело-вооруженныхъ. У него было болѣе восьми тысячъ всадниковъ вмѣстѣ съ союзниками, оплитовъ считалось не менѣе двадцати тысячъ а легковооруженное войско могло противостоять всему свѣту).

щію его скоро пріобрѣлъ великое вліяніе. Но если у него не было недостатка въ силахъ для принятія на себя той роли, которую въ послѣдствіи игралъ Филиппъ Македонскій, то время ему не было такъ благопріятно, какъ сему послѣднему. При немъ Ѳивы имѣли Пелопида и Эпаминонда, въ Аѳинахъ были отличные полководцы Хабрій, Тимоѳей и Ификратъ, а въ Спартѣ былъ еще живъ Агезилай. Притомъ Язонъ, прежде нежели планы его на Грецію созрѣли, былъ убитъ (370 г.). Власть захватили Язоновы братья Полидоръ и Полифронъ. Но Полидоръ, отправившись вмѣстѣ съ братомъ въ Лариссу, однажды во время ночи внезапно умеръ; подозрѣніе на Полифрона было такъ сильно, что Ксенофонтъ прямо называетъ его братоубійцею. Полифронъ управлялъ весьма жестоко и самовластно; по этому племянникъ его, Александръ, легко могъ собрать противъ него партію, и въ 368 г. лишилъ его жизни. Александръ могъ удерживать власть, убійствомъ пріобрѣтенную, только несправедливостію, и въ продолженіе всего своего десятилѣтняго правленія безпрерывно долженъ былъ бороться съ отпадающими городами и съ Ѳиванцами, которые имъ помогали. Въ первый разъ Пелопидъ посланъ былъ, въ 367, въ Ѳессалію и Македонію, для прекращенія неустройствъ въ этихъ странахъ. Отправившись во второй разъ въ Македонію, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ Александромъ, тиранномъ Ферскимъ, и освобожденъ не прежде, какъ когда Ѳиванцы послали противъ него войско. Чтобы отмстить за оскорбленіе, Пелопидъ, въ 364 г. выступилъ противъ него въ походъ, и, во время этого-то похода, въ одномъ сраженіи нашелъ свою смерть. Семейные раздоры были причиною низверженія Александра; онъ былъ умерщвленъ 358 г. по желанію жены своей, Ѳивы, ея братьями. Теперь силы Ѳессаліи распались, и эта страна скоро сдѣлалась зависимою отъ Македоніи.

Изъ трехъ главныхъ государствъ Греціи ни одно не имѣло въ себѣ довольно силъ противустать Македоніи. Аѳины тогда уже не имѣли въ рукахъ источниковъ прежняго могущества, обшир-

ной торговли и богатыхъ Ѳракійскихъ рудниковъ. Большая часть хлѣба, потребляемаго въ Аѳинахъ, была привозная, слѣдовательно изъ государства выходили большія суммы, которыя не возвращались никакими путями *). И такъ благосостояніе государства упадало, и если нѣкоторыя фамиліи были еще богаты, то не существовало уже тѣхъ средствъ къ пріобрѣтенію, чтобы это благосостояніе разлилось на всѣ сословія, какъ во времена Перикла. Къ тому же восточная роскошь, проникшая въ Грецію со времени тѣсныхъ сношеній съ Персіею, особенно распространилась въ Аѳинахъ, такъ что государственныя должности отправляемы были уже не для государства, но каждый смотрѣлъ на нихъ какъ на средства къ обогащенію. Аѳинскіе государственные чиновники привыкли продавать свои услуги Персидскому Царю, и потому въ послѣдствіи они были тѣмъ доступнѣе золоту Царя Македонскаго. Оправданіе Эпикрата, обвиняемаго въ Аѳинахъ въ принятіи подарковъ отъ великаго царя, характеризуетъ тогдашній образъ мыслей: онъ вовсе не отвергаетъ обвиненія, но называетъ Аѳинянъ глупцами, если они считаютъ это преступленіемъ. Не полезно ли для Аѳинскаго Государства, спрашиваетъ онъ, если его граждане обогащаются на

*) Въ рѣчи противъ Лептина (стран. 467) Демосѳенъ, основываясь на отчетахъ, смотрѣвшихъ за этимъ чиновниковъ (*ἐκ τῆς παρὰ τοῖς σιτοφύλαξιν ἀπογραφῆς*) утверждаетъ, что изъ Крыма было привозимо на 400,000 медимнъ. Посему имѣлъ право сказать: *ἴστε γὰρ δήπου τοῦθ', ὅτι πλείστῳ τῶν ἁπάντων ἀνθρώπων ἡμεῖς ἐπεισάκτῳ σίτῳ χρώμεθα.* (т. е. Конечно вы знаете, что мы болѣе всѣхъ пользуемся привознымъ хлѣбомъ).

счетъ Персовъ? Онъ считаетъ за лучшее, если бы народъ избиралъ, подобно девяти Архонтамъ, девять бѣднѣйшихъ гражданъ, и отправлялъ ихъ послами въ Персію, чтобы они возвращались богатыми. Народъ смѣялся надъ этимъ и объявилъ его невиннымъ. Но это былъ корень зла въ государствѣ, ибо все дѣлалось продажнымъ. Спартанцы также были доступны подкупу, и здѣсь предпочтеніе частныхъ выгодъ тѣмъ губительнѣе должно было дѣйствовать на государство, чѣмъ менѣе согласовалось съ духомъ законовъ. Образъ тогдашнихъ пировъ ихъ, въ сравненіи съ черною похлебкою Ликурга, служитъ яснымъ доказательствомъ испорченности государства. Атеней *) описываетъ ихъ такъ: «Лакедемоняне уже не посѣщали своихъ сисситій, по обычаю предковъ, а если иногда и собирались, то только для вида обносимы были кругомъ нѣкоторыя кушанья. Ковры ихъ и подушки были такой величины и отличались такою пестротою и роскошью шитья, что иной чужестранецъ, приглашенный ими въ гости, боялся на нихъ облокотиться. И такъ тѣ, которые нѣкогда возлежали на деревянныхъ скамьяхъ, теперь впали въ такую изнѣженность!» И въ Өивахъ было не лучше, и тамъ дѣла правленія находились въ рукахъ своекорыстныхъ и продажныхъ людей.

Но рѣшительное измѣненіе Греческой жизни отразилось въ военномъ быту. Прежде того упражненіе въ оружіи было необходимымъ дѣломъ каж-

*) Deipnosoph. lib. IV, cap. 20, p. 141.

даго гражданина, чтобъ онъ способенъ былъ на службу отечеству. Прежде того, каждый гражданинъ безъ дальнѣйшихъ приготовленій могъ поступать въ войско, то рядовымъ, то офицеромъ. Все это измѣнилось, когда война болѣе и болѣе дѣлалась искусствомъ. Аѳинянинъ Ификратъ, Ѳиванецъ Эпаминондъ и Тагосъ Ѳессаліи Язонъ образовали новую тактику, въ которой можно было пріобрѣсть необходимое умѣнье только чрезъ постоянныя экзерциціи. Такимъ образомъ естественно, что военная служба становилась все болѣе чуждою для гражданина, и мы видимъ теперь, что войска состояли большею частію изъ наемниковъ. Дѣйствія такихъ отношеній оказались въ войнѣ Аѳинянъ съ союзниками, и особенно въ такъ называемой Священной войнѣ, которая дала случай Македонскому Царю вмѣшаться въ дѣла Греціи.

Война съ союзниками произошла отъ того, что Аѳиняне опять начали поступать съ государствами, присоединившимися къ нимъ во время войны Ѳивъ съ Спартою, какъ съ подданными. Въ 358 г. три морскія государства: Хіосъ, Родосъ и Византія, чтобы избавиться отъ несправедливыхъ требованій и притѣсненій Аѳинъ, заключили противъ нихъ союзъ съ Карійскимъ Царемъ Мавзоломъ. Аѳиняне послали противъ Хіоса флотъ, подъ предводительствомъ Хабрія и Хареса; но походъ былъ несчастливъ, и они лишились отличнаго своего полководца Хабрія, который былъ убитъ. Послѣ этого они послали два флота, одинъ подъ начальствомъ Хареса, другой подъ начальствомъ Мнестея, которому даны были совѣтниками Ификратъ и Тимоѳей. Но здѣсь оказались пагубныя дѣйствія наемничества, которое уничтожало всѣ ихъ усилія. Харесъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать для выгодъ отечества, принужденъ былъ,

чтобы достать денегъ на уплату жалованья своимъ войскамъ, помогать Персидскому сатрапу Артабазу, возмутившемуся противъ Царя. Впрочемъ эта помощь ускорила окончаніе войны, которая въ другомъ случаѣ навѣрное была бы продолжительнѣе. Персидскій Царь былъ такъ этимъ недоволенъ, что угрожалъ Аѳинянамъ войною, и они, опасаясь, чтобы онъ не подалъ помощи отложившимся союзникамъ, поспѣшили примириться, и по миру, заключенному въ третій годъ войны, союзники были признаны независимыми.

Священная война собственно была лишь продолженіемъ старой вражды Ѳиванцевъ противъ Спарты: религія служила имъ только предлогомъ. Религія въ то время, когда не существуетъ болѣе въ сердцахъ, дѣлается политическимъ орудіемъ, и религіозныя постановленія, дотолѣ игравшія незначительную роль въ Исторіи Греціи, теперь являются весьма важными. Съ древнѣйшихъ временъ существовалъ союзъ, извѣстный подъ именемъ *Амфиктіонова*, между двѣнадцатью Греческими племенами, изъ которыхъ семь жили внѣ Ѳермопилъ, именно: Этейцы, Маліийцы, Фтіоты, Ѳессаліийцы, Магнеты, Пергебы и Долопы, и пять за Ѳермопилами: Локріийцы, Фокейцы, Беотіийцы, Доріийцы и Іоніийцы. Центромъ этого союза былъ храмъ Дельфіийскаго Аполлона: собраніе союзниковъ называлось Пилеи (*Πυλαία*), члены пилегорами. Каждое изъ двѣнадцати племенъ имѣло два голоса, и такъ велика была несоразмѣрность, что многочисленное Іоніийское или Доріийское племя имѣло право подавать не больше голосовъ, какъ и малолюдная Фокида. Союзныя государства обязаны были клятвою не разрушать ни одного изъ союзныхъ городовъ и, если кто силою захватитъ принадлежащее божеству и вообще если нанесетъ оскорбленіе какому либо храму, соединить всѣ свои силы для наказанія виновнаго. Но какъ ни часто поступали противъ этой клятвы, рѣдко дѣло доходило до суда и расправы; только въ такомъ случаѣ, когда надѣялись, что какое-либо сильное государство приметъ на себя исполненіе приговора, іеромнемоны, или сочлены пилегоровъ изъ жрецовъ, приносили свои жалобы. Съ древнѣй-

шихъ временъ упоминается объ одной только священной войнѣ, произведенной ревностью Солона. Именно, городъ Кирра завладѣлъ нѣкоторыми лугами и нивами, принадлежавшими храму, и Солонъ дѣятельно старался объ исполненіи приговора Амфиктіоновъ противъ этого города. Кирра была разрушена. Послѣ этого Амфиктіоны исчезаютъ въ исторіи. Такъ какъ собранія ихъ были очень рѣдки, то и не могли имѣть политическаго значенія въ то время, когда распоряженіе политическими дѣлами всей Греціи находилось въ рукахъ одного государства. Амфиктіоновъ союзъ былъ направленъ къ состоянію политическаго равновѣсія, и такъ какъ теперь, по окончаніи борьбы за первенство, которое не досталось никому, Греція находилась въ подобномъ состояніи, то и Амфиктіоны получили свое значеніе и были орудіемъ, которымъ пользовались нѣкоторыя государства и партіи для достиженія своихъ цѣлей. Ѳиванцы первые привели въ дѣйствіе Амфиктіоновъ судъ противъ Спарты. Они обвиняли Спартанцевъ въ нарушеніи законовъ Амфиктіонова союза вѣроломнымъ занятіемъ Кадмеи во время праздника и разрушеніемъ Беотійскихъ городовъ. Спартанцы, по приговору, должны были заплатить денежный штрафъ въ 500 талантовъ, и, когда они этого не сдѣлали, пеня была удвоена. Противъ Фокейцевъ, по стараніямъ Ѳиванцевъ, произнесенъ былъ приговоръ за то, что они обработывали нѣкоторыя земли, прежде принадлежавшія Киррѣ и теперь составлявшія собственность храма. Такъ какъ Фокейцы не платили наложенной на нихъ пени, то Амфиктіоновъ судъ наложилъ на нихъ проклятіе и землю ихъ объявилъ принадлежащею храму. Этому же приговору подверглись Спартанцы и всѣ, которые не заплатили опредѣленной пени. Фокейцы не знали сначала, что имъ дѣлать, но Филомелъ, въ надеждѣ на помощь Спартанцевъ и Аѳинянъ, возбудилъ ихъ къ войнѣ. Онъ самъ отправился въ Спарту, получилъ тамъ денегъ, на которыя нанялъ наемное войско, и съ нимъ въ 356 г. (ол. 106. 1) напалъ на Дельфійскій храмъ, и такимъ образомъ сокровища, собранныя тамъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, перешли въ его руки.

Теперь онъ былъ въ состояніи нанять многочисленное войско. Теперь и малая Фокида при своихъ силахъ и неприступномъ положеніи страны смѣло могла рѣшиться на войну съ Ѳивами, которыя были исполнителями приговора Амфиктіоновъ.

Въ первый годъ войны Филомелъ защищался счастливо, но когда, въ 354 г., сдѣлали большія приготовленія, Филомелъ потерпѣлъ при Неонѣ пораженіе и съ отчаянія самъ себя лишилъ жизни. Начальство принялъ братъ его, Ономархъ. Онъ дѣйствовалъ съ большею энергіею, и далъ Священной войнѣ оборотъ, который вовлекъ въ нее Филиппа Македонскаго.

Для объясненія выступленія на сцену Македонянъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о древнѣйшей *Исторіи Македоніи* *). Македонія простиралась отъ пограничныхъ горъ Ѳессаліи на востокъ, по берегамъ Ѳермейскаго Залива, до устій рѣки Аксіоса, и въ скоромъ времени перешла и за Аксіосъ, на западъ до горы Дизорона, и вдавалась еще нѣсколько далѣе въ страну Пеонійцевъ. Она дѣлилась на двѣ части—верхнюю и нижнюю, и это раздѣленіе (*ἡ ἀνώ, ἡ κατώ Μακεδονία*) часто встрѣчается у Греческихъ историковъ. Верхняя Македонія занимала внутреннія горы, а нижняя расположена была на плоской прибрежной странѣ, вдоль Ѳермейскаго Залива. Македонское Царство и самое имя его возникло изъ области Эмаѳіи, и, по преданію, это были Греки, распространившіе отсюда свое владычество и имя Македоніи; и такъ Македонія, въ самомъ

*) Краткій обзоръ образованія и распространенія Македонскаго государства до начала Пелопоннезской войны находится у Ѳукидида кн. II, гл. 99. Новѣйшее историческое сочиненіе о Македоніи есть L. Flathe's Geschichte Macedoniens und der Reiche, welche von macedonischen Königen beherrscht wurden. Lpzg. 1832 u. 1834. 2 Bde.

началѣ своемъ, представляла государство, въ которомъ господствующая часть націи, Царь и дворянство, были Греческаго происхожденія, а подданные, напротивъ, составляли варварскій элементъ. Впрочемъ нѣтъ возможности дать историческій свѣтъ основанію Македонскаго Царства, сокрытому въ непроницаемомъ мракѣ. Уже древнѣйшіе изслѣдователи передаютъ намъ однѣ только сказанія. По Геродоту, основателемъ Македонскаго Царства былъ Пердикка, потомокъ Темена; по другимъ, Каранъ, также Ираклидъ изъ Аргоса или Теменидъ. И такъ оба преданія согласны въ томъ, что Грекъ благороднѣйшаго происхожденія былъ основателемъ Македонскаго Царства *). Рядъ царей, начиная съ сихъ основателей царства до Аминта I, не имѣетъ ни какой важности для Исторіи. Ни одно важное событіе не связано съ ними, и они теперь служатъ только для сохраненія генеалогическаго порядка. Македонія является въ ясномъ свѣтѣ Исторіи уже въ то время, когда Персы, въ царствованіе Дарія I-го, покорили Ѳракію и принудили Македонскаго царя Аминта признать свою власть. При этомъ случаѣ Геродотъ вводитъ Македонянъ въ исторію отважными и свободномыслящими **).

Рядъ Царей по Геродоту есть слѣдующій: Пердикка I до 666, Аргей до 640, Филиппъ I до 602, Эропъ до 576, Алкетъ до 547, Аминтъ I до 498. Онъ дол-

*) Баснословную исторію Пердикки Геродотъ разсказываетъ въ кн. VIII гл. 137 и слѣд. Исторія Карана находится у Юстина кн. VII, гл. 1.

**) Геродотъ кн. V, гл. 17—22.

женъ былъ покориться Персамъ и дать царю Дарію земли и воды. Но когда Персидскіе послы грубымъ поведеніемъ оскорбили Македонскіе нравы и приличія, то были убиты. Послѣ битвы при Платеѣ, наслѣдникъ Аминта, Александръ I-й, свергнулъ Персидское иго.

Хотя, въ слѣдствіе побѣдъ Грековъ надъ Персами, Македонія возвратила свою свободу, но ей еще должно было сдѣлать большія усилія, чтобы защититься отъ варваровъ и Грековъ, которые начали по берегамъ заводить свои колоніи. Усиленію ея также препятствовали частые споры о престолонаслѣдіи. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Принцъ Филиппъ, получившій образованіе въ Ѳивахъ, не достигъ престола. Искусно пользуясь еще неослабленными силами Македонскаго народа и хитро дѣйствуя на Грецію, которой внутреннія отношенія были ему коротко извѣстны, онъ быстро возвысилъ свое царство и сдѣлался гегемономъ всей Греціи.

Аминту I-му наслѣдовалъ Александръ I-й. Правленіе его продолжалось до 454 года, въ которомъ вступилъ на престолъ Пердикка II, царствовавшій до 413 г. Такъ какъ Аѳиняне въ это время, владычествуя на морѣ, начали заводить здѣсь свои колоніи и сдѣлались опасными сосѣдями Македонскому Царству, то Пердикка, въ продолженіе Пелопоннезской войны, постоянно держалъ сторону Спартанцевъ и старался, сколько возможно, ослабить могущество Аѳинянъ на своихъ берегахъ. Наслѣдникъ Пердикки, *Архелай* (413—399), есть замѣчательнѣйшій изъ Македонскихъ царей до Филиппа II. Первымъ дѣломъ его правленія было введеніе строгаго порядка во врутреннемъ устройствѣ государства; онъ проложилъ дороги, построилъ и укрѣпилъ города, и первый открылъ входъ въ свое царство Греческому образованію, которое

онъ во всѣхъ своихъ нововведеніяхъ принялъ за образецъ. Извѣстно, что Эврипидъ жилъ нѣкоторое время при дворѣ Архелая и былъ самъ распорядителемъ при представленіи своихъ трагедій. Но это возвышеніе, виновникомъ котораго былъ Архелай, рушилось по умерщвленіи его, въ 399 г., и Македонскій престолъ сдѣлался предметомъ споровъ между многими претендентами. Хотя Аминтъ II, въ 390 г., и успѣлъ утвердиться на престолѣ, но тогда городъ Олинтъ былъ сильнѣе Македонскаго Царства. Къ счастію Македоніи, Спартанцы сокрушили могущество этого города, въ чемъ Аминтъ ревностно помогалъ имъ. По смерти Аминта, между сыновьями его произошли споры о наслѣдствѣ, которые рѣшены были Ѳивами. Пелопидъ возвелъ на престолъ Александра II, а младшаго брата его, Филиппа, взялъ съ собою въ Ѳивы заложникомъ. Александръ былъ убитъ братомъ своимъ, *Итоломеемъ Алоритомъ*, побочнымъ сыномъ Аминта, и Ѳиванцы оставили тронъ за нимъ, впрочемъ подъ условіемъ, чтобъ онъ правилъ только какъ регентъ, вмѣсто младшаго брата своего Пердикки. Но Пердиккѣ скоро наскучило дожидаться, пока регентъ уступитъ ему престолъ; въ 364 г. онъ умертвилъ его и самъ вступилъ на престолъ, подъ именемъ Пердикки III. Его правленіе не было ни счастливо, ни продолжительно: другой претендентъ, Павзаній, вспомоществуемый Ѳракійцами, оспоривалъ у него корону. Пердикка могъ держаться въ Македоніи только при помощи Аѳинскаго полководца Ификрата. Въ 360 году онъ палъ въ несчастной битвѣ съ Иллирійцами, оставивъ наслѣдникомъ сына своего, Аминта, еще ребенкомъ. Часть Македоніи уже была занята Иллирійцами, какъ въ это время явился младшій изъ сыновей Аминта, Филиппъ II, не задолго передъ тѣмъ прибывшій туда изъ Ѳивъ. Во время пребыванія своего въ Ѳивахъ, онъ имѣлъ случай образоваться, совершенно какъ Грекъ, и отлично изучить политику и военное искусство Грековъ. Обладая великими способностями, онъ выступилъ теперь на поприще и принялъ правленіе хоть не подъ своимъ именемъ, но какъ опекунъ племянника своего Аминта. Для спасенія Македоніи, пу-

женъ былъ человѣкъ съ такими талантами, какіе имѣлъ Филиппъ, потому что, кромѣ внѣшняго врага, Иллирійцевъ, онъ долженъ былъ еще бороться съ двумя претендентами, съ выступившимъ снова Павзаніемъ, которому помогали Ѳракійцы, и съ Аргеемъ, которому Аѳиняне прислали трехъ-тысячное вспомогательное войско. Здѣсь Филиппу помогло собственное его благоразуміе. Деньгами онъ склонилъ Ѳракійцевъ прекратить непріятельскія дѣйствія и оставить Павзанія безъ пособій. Аѳины онъ привлекъ на свою сторону тѣмъ, что возвратилъ свободу многимъ Аѳинянамъ, взятымъ въ плѣнъ, и послалъ съ ними письмо, въ которомъ объявилъ, что отказывается отъ своихъ притязаній на Амфиполь и желаетъ возобновить съ Аѳинами союзъ своего отца. Аѳиняне заключили миръ, и Филиппъ тотчасъ воспользовался этимъ временемъ для изгнанія изъ Македоніи Иллирійцевъ и для покоренія Пеонійцевъ. Такимъ образомъ Филиппъ не только спасъ Македонію отъ опасности, но еще расширилъ ея предѣлы. Благодарные Македоняне провозгласили его царемъ. Что случилось съ племянникомъ его Аминтомъ, который былъ законнымъ наслѣдникомъ престола, не извѣстно. Теперь Филиппъ началъ съ большимъ искусствомъ вытѣснять Грековъ съ береговъ своего царства. Въ 358 г. онъ взялъ Амфиполь и обманулъ Аѳинянъ обѣщаніемъ возвратить этотъ городъ за Пидну. Потомъ, въ то время, какъ Аѳиняне были заняты войною противъ союзниковъ, онъ, соединившись съ Олинтомъ, овладѣлъ Пидною и Потидеею. Въ самый день занятія Потидеи (22 Іюля 356 г.) Парменіонъ, полководецъ Филипповъ, одержалъ великую побѣду надъ Иллирійцами, и жена Филиппа, Олимпія, родила сына, Александра Великаго. Занимаясь сими завоеваніями, Филиппъ не меньше заботился о внутреннемъ устройствѣ своего царства: онъ установилъ образъ правленія, образовалъ войско, покровительствовалъ распространенію греческаго образованія и тѣмъ доставилъ ему твердость, силу и славу.

Во-первыхъ, что касается до образа правленія, то Царство Македонское совершенно подобно тому древ-

ве-Греческому царству, которое изобразилъ въ своихъ пѣсняхъ Гомеръ: такимъ образомъ, здѣсь древнѣйшая форма Греческой жизни соединилась съ позднѣйшимъ образованіемъ Греческаго міра. Македонское дворянство не было подчинено царю безусловно, и безъ согласія его ни что не могло быть предпринято. Также и народъ находился къ Царю въ подобныхъ отношеніяхъ, какъ описанныя Гомеромъ народныя собранія. Криками онъ выражалъ свое согласіе. Посему Полибій не безъ основанія приписываетъ образу правленія Македонянъ исагорію, (равенство въ правахъ); каждый могъ быть судимъ только себѣ равнымъ, и смертная казнь была совершаема руками всѣхъ: виновнаго побивали камнями. И по правамъ Македоняне еще не слишкомъ отдалились отъ временъ героическихъ; сильное употребленіе вина составляло веселье общества; постоянное упражненіе въ оружіи на войнѣ или на охотѣ было занятіемъ дворянства. Хотя большія средства доставляли царю большее вліяніе, не смотря на то, патріархальная форма царства въ существѣ своемъ осталась неприкосновенною и въ правленіе Филиппа, и даже въ началѣ царствованія Александра Великаго. Оба они являлись не какъ неограниченные повелители, но только какъ первые изъ дворянства *). Устройство, данное Филиппомъ войску, доставило государству особенное значеніе. Македонская армія заключала въ себѣ всѣ роды войскъ, начиная съ тяжело вооруженнаго всадника до легкаго наѣздника, и въ пѣхотѣ, начиная съ оплита до стрѣлка и пращника. Зерно арміи составляли національныя силы Македонянъ: дворянство образовало тяжелую конницу, которая называлась *ἄγημα τῶν ἑταίρων*, потому что эти всадники пользовались сообществомъ царя. Простые воины составляли фалангу, или тяжело вооруженную инфантерію; образцемъ ея были Греческіе оплиты, и между ними было то только различіе, что фаланга, по своему вооруженію и по связи съ другими ро-

*) Курцій (de rebus Alexandri M. lib. VI, cap. 8.) превосходно опредѣляетъ власть Македонскаго царя словами: nihil potestas regum valebat, nisi prius valuisset auctoritas.

дами войскъ, вмѣстѣ съ нею дѣйствовавшихъ, получила совершенно другой видъ и рѣшительное превосходство. Македоняне употребляли мечи, которыми можно было и колоть и рубить, но главное ихъ оружіе была, такъ называемая, сарисса, или длинное копье; щитъ ихъ былъ такъ великъ, что могъ закрывать почти всего человѣка. Кромѣ фаланги, была еще пѣхотная гвардія *πεζέταιροι*, тяжелая инфантерія; она состояла изъ 3,000 человѣкъ, повидимому также изъ дворянъ, по крайней мѣрѣ, имѣла равныя права на сообщество съ царемъ. Въ послѣдствіи въ Македонскомъ войскѣ являются аргираспиды, которые, кажется, были гораздо легче вооружены и составляли переходъ отъ тяжелаго къ легко вооруженному войску. Равнымъ образомъ и между тяжелою и легкою конницею находились средніе, составлявшіе переходъ отъ одного къ другому, *Δίμαχαι*, которые были такъ вооружены и обучены, что могли сражаться и на лошадяхъ, и пѣшіе. Легко вооруженные всадники были набираемы изъ Пеоніійцевъ и изъ другихъ Ѳракійскихъ народовъ. Наконецъ Филиппъ учредилъ у себя блестящій дворъ, не смотря на то, что въ обхожденіи съ Македонскимъ дворянствомъ наблюдалъ большую простоту. Онъ былъ остроуменъ и обладалъ необыкновенною тонкостію въ обхожденіи, такъ что могъ блистать этимъ между Аѳинянами. Сколько ни велики были его доходы съ тѣхъ поръ, какъ онъ завладѣлъ золотыми рудниками на Стримонѣ, но онъ поставилъ Македонію на такую высоту, что ихъ уже было недостаточно. И такъ, въ послѣдствіи, самая нужда привела его къ мысли предпринять походъ противъ Персовъ, потому что тогда онъ могъ содержать свой дворъ и войско безъ всякихъ для себя издержекъ.

Священная война открыла царю Македонскому случай сперва привесть въ зависимость отъ себя Ѳессалію, а потомъ стать твердою ногою въ Греціи. Совершенное имъ окончаніе Священной войны доставило ему почетное мѣсто между всѣми

Греческими государствами, и онъ увеличилъ свое вліяніе тѣмъ, что, при помощи искусно расточенныхъ сокровищъ и продажныхъ душъ большей части государственныхъ людей Греціи, онъ составилъ себѣ партіи въ каждомъ государствѣ *). Подъ именемъ «друзей гостепріимцевъ» онъ вездѣ содержалъ на жалованьѣ агентовъ, дѣйствовавшихъ въ его пользу, и этимъ дипломатическимъ интригамъ болѣе былъ обязанъ покореніемъ Греціи, нежели своимъ военнымъ талантамъ и храбрости своего войска.

Едва Филиппъ успѣлъ овладѣть городомъ Метономъ, во время продолжительной осады коего онъ лишился одного глаза, какъ оборотъ, данный Священной войнѣ, завлекъ его въ дѣла Ѳессаліи. Ономархъ, по смерти Филомела принявшій начальство надъ Фокейцами, вознамѣрился утвердиться въ этой странѣ, гдѣ, со времени умерщвленія Александра Ферскаго, господствовали сильные безпорядки. Самыя Феры находились подъ властію тиранна Ликофрона, между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ было возстановляемо древнее аристократическое правленіе. Фокейцы помогали тиранну войскомъ и деньгами; аристократы нашли защиту у царя Македонскаго Филиппа. Онъ явился въ Ѳессаліи и разбилъ непріятеля. Но когда Ономархъ прибылъ на помощь со всѣми Фокейскими си-

*) О употребленіи доходовъ, увеличившихся съ того времени, какъ онъ овладѣлъ рудниками, Діодоръ Clib. XVI, cap. 8) говоритъ: *ἐκ δὲ τούτων ταχὺ σωρεύσας πλοῦτον, ἀεὶ μᾶλλον διὰ τὴν εὐπορίαν τῶν χρημάτων εἰς ὑπεροχὴν μεγάλην ἤγαγε τὴν Μακεδονικὴν βασιλείαν. νόμισμα γὰρ χρυσοῦν κόψας, τὸ προσαγορευθὲν ἀπ' ἐκείνου φιλίππειον, μισθοφόρων τε δύναμιν ἀξιόλογον συνεστήσατο καὶ τῶν Ἑλλήνων πολλοὺς διὰ τούτου προετρέψατο προδότας γενέσθαι τῶν πατρίδων.* (т. е. Собравъ изъ нихъ, въ скоромъ времени, большое богатство, онъ съ помощію его мало по малу возвелъ Македонское царство на значительную степень благосостоянія: чекаія золотыя монеты, которыя назывались по имени его Филиппіями, онъ составилъ большое наемное войско и заставилъ многихъ Грековъ сдѣлаться предателями своего отечества.

лами, то Филиппъ, претерпѣвъ двукратное пораженіе, спасся отъ совершенной гибели только искуснымъ отступленіемъ въ предѣлы своего царства. Впрочемъ, Ономархъ ни сколько не воспользовался своими побѣдами и отступилъ въ Беотію. И такъ Филиппъ, прежде нежели кто либо ожидалъ его, снова явился въ Θессаліи и присоединилъ Θессалійскую конницу къ своему войску. Хотя Ономархъ и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу съ 20,000 войскомъ, и Аθиняне вооружили флотъ и войско для вспомоществованія Фокейцамъ, но царь Македонскій своею конницею имѣлъ уже надъ непріятелемъ перевѣсъ, и Аθиняне опоздали. Ономархъ потерялъ двѣ битвы и въ послѣдней, происходившей на морскомъ берегу, въ виду Аθинскаго флота, самъ нашелъ смерть. Если правда, что Филиппъ велѣлъ распять трупъ Ономарха, какъ грабителя святыни, то онъ дѣлалъ это для того, чтобы уже теперь расположить къ себѣ Амфиктіоновъ. Послѣ этого Ликофронъ сдалъ Феры, и Филиппъ такъ искусно устроилъ дѣла Θессаліи, что на долгое время утвердилъ свое вліяніе на сію важную страну, не показывая и вида притѣсненія. Онъ раздѣлилъ Θессалію на четыре начальства — тетрархіи: Θессаліотиду, Фтіотиду, Пеласгіотиду и Эстіотиду, изъ которыхъ каждая имѣла своего главу; но кромѣ этого онъ учредилъ въ каждомъ городѣ особенную олигархію изъ десяти мужей. Такъ какъ Θермопилы были заняты Аθинянами, то Филиппъ и не покушался теперь вторгнуться въ самую Грецію. Онъ счелъ за лучшее обратить свое оружіе на Θракію и, показывая видъ, что вовсе не обращаетъ вниманія на Грецію, неусыпно наблюдалъ за ходомъ Священной войны. По смерти Ономарха, главное начальство надъ войскомъ принялъ братъ его, Фаилъ, и когда онъ вскорѣ послѣ того, въ 351 г., умеръ, Фалекъ, сынъ Ономарха, сдѣлался главою Фокейцевъ. Въ это самое время Филиппъ началъ тѣснить городъ Олинтъ. Аθинскій ораторъ Демосθенъ убѣдилъ своихъ согражданъ противодѣйствовать его намѣреніямъ; но, не смотря на помощь Аθинянъ, Филиппъ, въ 348 г., взялъ Олинтъ и жестоко поступилъ съ нимъ. Въ то время, какъ онъ договаривался съ Аθинянами о ми-

рѣ, въ который они хотѣли включить и Фокейцевъ, Беотійцы и Амфиктіоны потребовали его помощи противъ этого осужденнаго народа. Теперь онъ объявилъ, что Фокейцы не включаются въ статьи договора, заключеннаго съ Аѳинями, и тотчасъ выступилъ въ походъ противъ Фокиды, и Аѳинскіе послы, отправленные протестовать противъ исключенія Фокейцевъ, встрѣтили его уже на дорогѣ. Въ этотъ рѣшительный моментъ Фалекъ явился предателемъ своего отечества. Аѳиняне и потомъ Спартанцы предлагали свои гарнизоны для защищенія Фокейскихъ крѣпостей: но Фалекъ отвергъ ихъ предложенія, и когда, въ 346 г., явился Филиппъ, онъ отдалъ свое отечество на жертву врагамъ, купивъ сдачею крѣпостей себѣ и своимъ наемникамъ свободный пропускъ. Филиппъ поступилъ съ Фокейцами жестоко, впрочемъ все еще не такъ, какъ хотѣли Амфиктіоны. Тысячи Фокейцевъ были проданы въ рабство, города разрушены и жители должны были селиться только въ беззащитныхъ деревняхъ. У нихъ отняли лошадей, оружіе и сверхъ того они обязаны были платить ежегодно по 60 талантовъ до тѣхъ поръ, пока не вознаградятъ за всѣ сокровища, похищенныя изъ храма. Фокейцы утратили и свои два голоса въ Амфиктіоновомъ судѣ; ихъ получилъ Филиппъ вмѣстѣ съ честію первому вопрошать Дельфійскаго оракула и предсѣдательствовать на Пиѳійскихъ играхъ. Спартанцы также лишились голосовъ въ собраніи Амфиктіоновъ, и Аѳиняне теперь спѣшили принять миръ, противъ котораго протестовали до вступленія Филиппа въ Фокиду.

Священная война, продолжавшаяся десять лѣтъ (356—346), не только положила основаніе прочному вліянію Македонянъ, но и произвела большія перемѣны въ понятіяхъ о религіи и въ отношеніяхъ житейскихъ. Нападеніе на храмъ Дельфійскій и разграбленіе святилища нанесло смертельный ударъ богопочитанію Грековъ. Какъ разсуждалъ тогда самый простой народъ, это видно изъ слѣ-

дующаго случая: Ификратъ, нашедъ между добычею вещи, принадлежавшія храму, спросилъ своихъ солдатъ, что ему съ ними дѣлать; они отвѣчали, что онъ не о томъ долженъ безпокоиться, принадлежитъ ли что богамъ или нѣтъ, но о томъ, какъ заплатить жалованье воинамъ. Въ это же самое время тираннъ Сиракузскій Діонисій ограбилъ храмы въ Сициліи и въ Греческой Италіи. Такимъ образомъ множество сокровищъ, дотолѣ сохранявшихся въ храмахъ, теперь пущено было въ ходъ, какъ наличныя деньги. Въ короткое время и на относительно маломъ разстояніи количество ходячей монеты увеличилось весьма значительно. Отсюда возникла не только сбивчивость въ цѣнахъ всѣхъ предметовъ, но и необыкновенная жадность къ деньгамъ и быстро возраставшая продажность. Чѣмъ больше становилась роскошь, тѣмъ склоннѣе дѣлались Греки къ подкупамъ; посему не удивительно, что Филиппъ нашелъ такъ много предателей, готовыхъ продать даже свое отечество. Люди, остававшіеся еще вѣрными религіи, хотя и утѣшались мыслію, что всѣ святотатцы подверглись печальной участи, что Филомелъ прекратилъ свою жизнь самоубійствомъ, Ономархъ убитъ непріятелями, Фаилъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, Фалекъ пораженъ громомъ—хоть много разсказывали исторій, какой печальной конецъ имѣли всѣ обогатившіеся сокровищами храма, не смотря на то, слѣдствіе было то, что религія Грековъ впала въ то же презрѣніе и у средняго класса общества, въ какомъ уже давно была у высшаго, образованнѣй-

шаго сословія. Что для Геродота и Эсхила составляло предметъ глубочайшаго почтенія и истиннаго благоговѣнія, то теперь считалось смѣшнымъ суевѣріемъ.

Напротивъ это время благопріятствовало быстрѣйшему развитію другаго направленія духа—*политики* и *краснорѣчія.* Постоянные переговоры съ Персидскимъ Дворомъ и Македоніею, отдѣленіе круга дѣйствій государственнаго человѣка отъ поприща военачальника возвысили политику, и въ Демосѳенѣ она достигла высшей своей точки. И такъ здѣсь будетъ у мѣста сдѣлать краткій обзоръ развитію Греческаго краснорѣчія. Политическое устройство Греческихъ государствъ благопріятствовало краснорѣчію. Уже національный поэтъ Греціи, Гомеръ, приводитъ рѣчи, которыя могли служить образцами, начиная съ выраженія самыхъ сильныхъ страстей до спокойнаго разсужденія. Сценическое искусство, образовавшееся вмѣстѣ съ драмою, присоединило къ декламаціи еще дѣйствіе, и искусство краснорѣчиво выражаться (риторика) сдѣлалось особенною наукою. Съ того времени, какъ Леонтинецъ Горгій перенесъ въ Аѳины софистику и утвердилъ въ нихъ свое мѣстопребываніе, этотъ городъ сдѣлался средоточіемъ софистовъ и риторовъ. И могло ли быть иначе, когда въ Аѳинахъ, при множествѣ судебныхъ мѣстъ и процессовъ, жизнь адвоката открывала путь къ обогащенію, и одна искусная рѣчь, произнесенная передъ народомъ, пріобрѣтала оратору высочайшее уваженіе? И такъ Аѳины наполнены были софистами и сикофантами, про-

тивъ которыхъ Сократъ, сынъ Софрониска, основываясь на здравомъ смыслѣ, составилъ оппозицію и особенно старался пріобрѣсть вліяніе на государство тѣмъ, что привлекалъ къ себѣ молодыхъ людей изъ благородныхъ фамилій и образовалъ ихъ по своимъ правиламъ. Но онъ болѣе возвысилъ софистику, нежели подавилъ, потому что въ своихъ нападеніяхъ на софистовъ пользовался ихъ же искусствомъ. Такъ какъ Сократъ внушалъ также своимъ юнымъ друзьямъ отвращеніе къ демократіи и презрѣніе къ суевѣрнымъ понятіямъ отечественной религіи, то легко себѣ можно представить, почему Аѳинскій народъ дошелъ до того, что рѣшился осудить на смерть такого знаменитаго и добродѣтельнаго мужа. И такъ, старанія Сократа ни сколько не подавили софистики, напротивъ значеніе ея день ото дня становилось сильнѣе, и наконецъ она совершенно перешла въ краснорѣчіе. На мѣсто государственныхъ людей явились теперь напитанные школьными правилами риторы. Между многими, обучавшими въ Аѳинахъ правиламъ этого новаго краснорѣчія, примѣчательнѣйшій *Исократъ*, и его панегирикъ есть величайшее произведеніе въ этомъ родѣ, въ которомъ слогъ и искусство блистать эффектами суть необходимыя средства для достиженія предположенной цѣли. *Лизій* примѣнилъ это школьное краснорѣчіе къ общественной жизни, и здѣсь развилось оно во всемъ блескѣ, котораго высшіе представители суть *Демосѳенъ* и его противникъ, *Эсхинъ*. Демосѳенъ соединялъ въ себѣ все образованіе своего времени. Платонъ училъ его фило-

софіи, а Исократъ правиламъ краснорѣчія; другой знаменитый риторъ, Исей, въ продолженіе четырехъ лѣтъ жилъ въ его домѣ и руководствовалъ его въ практическихъ упражненіяхъ. Чувствуя важность мимики, онъ бралъ уроки въ этомъ искусствѣ у первыхъ Аѳинскихъ актеровъ, Сатира и Эвнома. Человѣкъ, одаренный отъ природы необыкновенными способностями и при помощи отличныхъ наставниковъ тщательно ихъ образовавшій, естественно долженъ былъ играть важную роль. Всю жизнь свою онъ стремился, со всею энергіею благородной души, къ одной цѣли — возвысить Аѳины на прежнюю степень ихъ славы, но безъ успѣха! Чувства, одушевлявшія его, нашли отголосокъ только въ сердцахъ немногихъ, а толпа не въ состояніи была ни понять его предостереженій отъ Филиппа, ни помогать ему. Демосѳену противодѣйствовалъ Эсхинъ, имѣвшій совершенно другой взглядъ на свое время и политику, которой надлежало слѣдовать. Онъ думалъ, что для Аѳинъ полезнѣе, вмѣсто непріязненныхъ противодѣйствій всѣмъ намѣреніямъ Македонскаго Царя, чего всегда хотѣлъ Демосѳенъ, вступить съ нимъ въ дружественныя сношенія. Демосѳенъ, воодушевленный чувствомъ древней славы Аѳинъ, стремился возбудить въ своихъ соотечественникахъ прежнія силы и дѣятельность. Эсхинъ зналъ жалкій образъ мыслей своихъ современниковъ и считалъ подобное возбужденіе безполезнымъ и даже вреднымъ. Демосѳенъ слишкомъ много надѣялся на свое отечество, Эсхинъ слишкомъ мало. Здѣсь источникъ

постояннаго противоборства обоихъ сихъ ораторовъ: одинъ старался возбудить Аѳины къ сопротивленію Македонянамъ, другой—къ покорности. Что Эсхинъ, по своему таланту и искуству, не былъ недостойнымъ противникомъ Демосѳена, это видно на дѣлѣ: онъ часто спорилъ съ Демосѳеномъ, и не безъ успѣха; въ этомъ согласны и древніе, и четыре рѣчи Эсхина, дошедшія до насъ, совершенно оправдываютъ ихъ отзывъ. Изъ прочихъ ораторовъ сего времени можно еще упомянуть о *Демадѣ, Ликургѣ и Иперидѣ*, имѣвшихъ также политическое значеніе. Демадъ, также какъ и Эсхинъ, былъ другомъ Македонянъ и старался утвердить и укрѣпить ихъ вліяніе въ Греціи. Впрочемъ изъ его рѣчей не дошло до насъ ни одной. Ликургъ отличался здравымъ образомъ мыслей, строгими нравами и долгое время управлялъ со славою финансами своего отечества. Въ дошедшей до насъ рѣчи его выражается строгость и правдивость характера, которыя были тѣмъ драгоцѣннѣе, чѣмъ рѣже можно было встрѣтить тогда подобныя качества. Изъ рѣчей Иперида, дѣйствовавшаго вмѣстѣ съ Демосѳеномъ противъ Македонянъ и подвергшагося одинаковой съ нимъ участи, до насъ не дошло ни одной. Въ послѣдствіи, съ утратою самостоятельности и политическаго значенія Греческихъ государствъ, исчезло и публичное краснорѣчіе, свойственное тому времени. Впрочемъ Греція долгое время еще оставалась школою краснорѣчія и политики. Аѳины, Родосъ и другія мѣста были нѣкоторымъ образомъ университетами, въ которыхъ

молодые люди изъ благородныхъ Римскихъ фамилій готовились къ выступленію на политическое поприще.

Въ это время, о которомъ мы теперь говоримъ, ораторы и дипломаты доставили Аѳинамъ такое значеніе, какого тогда не имѣло ни одно Греческое государство. Филиппъ больше страшился Демосѳена, проникавшаго его намѣренія, нежели цѣлой арміи. Филиппъ спѣшилъ пользоваться благопріятнымъ для своихъ плановъ временемъ и постоянно былъ предупреждаемъ Демосѳеномъ, который открывалъ не только цѣль его предпріятія, но и соединенныя съ нею слѣдствія. Онъ сдѣлалъ тщетнымъ покушеніе Царя на Перинѳъ и Византію, но не былъ въ силахъ отвратить роковой ударъ. Призванный Амфиктіонами во второй разъ, Филиппъ, въ 338 г., съ сильнымъ войскомъ явился въ Греціи, и чрезъ побѣду при Херонеѣ сдѣлался ея повелителемъ. Впрочемъ онъ искусно прикрылъ республиканскимъ названіемъ власть насиліемъ пріобрѣтенную, заставивъ избрать себя стратегомъ всѣхъ Грековъ въ войнѣ противъ Персовъ. Но онъ былъ умерщвленъ въ 336 г., въ то самое время какъ намѣревался выступить въ походъ.

Когда Филиппъ, въ 341 г., напалъ на города Перинѳъ и Византію, Демосѳену удалось возбудить Аѳинянъ къ открытой войнѣ съ Македоніею. Они послали на помощь осажденнымъ городамъ свое войско и флотъ; въ то же время Персидскіе сатрапы дѣятельно помогали врагамъ Македонянъ, и Филиппъ, не смотря на всѣ усилія овладѣть осажденными городами, на этотъ разъ не имѣлъ успѣха и, къ великой досадѣ, долженъ былъ отступить. Послѣ этого, каза-

лось, онъ совсѣмъ потерялъ изъ виду дѣла Греціи, и до 339 г. занимался войною съ Трибаллами; въ одномъ изъ этихъ походовъ онъ получилъ опасную рану, и Греки думали, что теперь они не имѣютъ ни какой причины его бояться. Но, показывая видъ бездѣйствія, онъ больше нежели когда-либо дѣйствовалъ въ Греціи чрезъ своихъ агентовъ, и собственныя ихъ интриги доставили ему новый случай вмѣшаться въ Греческія дѣла и нанести рѣшительный ударъ, повергшій Грецію въ зависимость отъ Македоніи. Демосѳенъ и Эсхинъ различно описываютъ это происшествіе. Первый прямо утверждаетъ, что Филиппъ склонилъ Амфиктіоновъ, чтобъ они призвали его. Напротивъ, Эсхинъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ такъ: жители города Амфиссы вспахали землю, принадлежавшую Дельфійскому храму, и Эсхинъ говоритъ, что онъ самъ возбужденный рѣчью одного Амфиссейца, прибылъ въ собраніе іеромнемоновъ и съ мѣста совѣта показалъ имъ воздѣланныя поля святилища. Тотчасъ опредѣлили собрать всѣхъ Дельфійскихъ гражданъ. Іеромнемоны, предводительствуя ими, пришли на показанное поле, разрушили жилища и приказали взрыть землю. Локрійскіе земледѣльцы, жаждущіе мести, сбѣжались на защиту своихъ нивъ и жрецы съ трудомъ успѣли скрыться отъ ихъ ярости. Послѣ этого было общее собраніе Амфиктіоновъ, на которое только Аѳиняне не прислали своихъ пословъ. Локрійцы были осуждены. Такъ какъ Аѳиняне держали сторону Локрійцевъ, то Амфиктіоны призвали царя Филиппа, чтобъ съ его помощью исполнить приговоръ *). Филиппъ охотно согласился на это предложеніе, потому что теперь наступилъ тотъ моментъ, въ который должна была рѣшиться участь Греціи. Уже при Ѳермопилахъ, требуя вспомогательнаго войска отъ всѣхъ государствъ, угрожая въ противномъ случаѣ наказаніемъ, онъ по-

*) Описанія этого важнаго происшествія обоихъ соперничествующихъ ораторовъ находятся у Демосѳена въ рѣчи pro corona, а у Эсхина въ рѣчи противъ Ктезифона, который предложилъ увѣнчать Демосѳена за его заслуги отечеству гражданскою короною.

ступалъ какъ повелитель Греціи. Нападеніемъ на Элатею онъ обнаружилъ свои виды. Демосѳенъ напомнилъ Аѳинянамъ о ихъ древней славѣ и одушевилъ ихъ къ борьбѣ за независимость. Всѣ граждане, способные носить оружіе, подъ предводительствомъ Хареса и Лизикла пошли противъ Филиппа. Не менѣе убѣдительно дѣйствовало краснорѣчіе Демосѳена въ Ѳивахъ; онъ побѣдилъ ненависть Ѳивянцевъ къ Аѳинамъ и такимъ образомъ весною 338 г. (110 ол. 3) явилось въ полѣ пятидесятитысячное Греческое войско, большею частію состоявшее изъ Аѳинянъ и Ѳиванцевъ; впрочемъ Эвбейцы, Мегарцы и Коринѳяне доставили также подкрѣпленія. Но граждане уже давно отвыкли отъ оружія. Демосѳенъ слишкомъ много надѣялся на одно воодушевленіе, и хотя всѣ силы Македонянъ состояли изъ 30,000 пѣхоты и 2,000 конницы, но это было опытное и побѣдоносное войско, и имъ предводительствовали полководцы испытанные, съ которыми Харесу и Лизиклу трудно было мѣряться. 2-го Августа произошло при Херонеѣ сраженіе, рѣшившее участь Греціи. Въ этой битвѣ сынъ Филипповъ, Александръ, разбилъ священный полкъ Ѳиванскій, доселѣ непобѣжденный, и своимъ счастіемъ и талантами сдѣлалъ побѣду рѣшительною. Теперь Греція подпала подъ произволъ Македонскаго царя. Спачала казалось, что Филиппъ намѣревался неблагородно воспользоваться своею побѣдою, но когда Демадъ напомнилъ ему, что онъ не долженъ безчестить поступками Ѳерсита роли Агамемнона, доставленной ему судьбою, онъ тотчасъ показалъ своимъ поведеніемъ, что не хочетъ притѣснять Греціи, но только соединить ее подъ своею гегемоніею. Совершенное покореніе показало бы въ немъ варвара; какъ Грекъ онъ могъ быть только гегемономъ. Эта мысль управляла всѣми поступками его съ Греческими государствами. Онъ освободилъ военноплѣнныхъ Аѳинянъ безъ выкупа, не касался Аттической земли и даже увеличилъ ее, присоединивъ къ ней Оропъ. Онъ даже не требовалъ наказанія или выдачи Демосѳена и довольствовался тѣмъ, что осмѣялъ его. Хотя онъ и оставилъ въ Ѳивской крѣпости гарнизонъ, но отъ него далека была мысль считать Гре-

цію провинціею своего царства. Это видно изъ того, что, когда Спарта и Аркадія не соглашались на его планы и требованія, онъ не принуждалъ ихъ и вообще дѣйствовалъ больше убѣжденіемъ, нежели силою. Перемѣна, происшедшая въ Греціи, въ слѣдствіе побѣды при Херонеѣ, состояла въ томъ, что Греческія государства снова соединились подъ одною гегемоніею, наложенною на нихъ перевѣсомъ силы, и что теперь политическое направленіе ихъ дѣйствій находилось въ рукахъ царя. Филиппъ воспользовался этимъ для возобновленія плана Спартанцевъ противъ Персіи. Въ 337 г. было въ Коринѳѣ собраніе всѣхъ Греческихъ государствъ. Много ораторовъ говорило здѣсь въ пользу Филиппа, никто противъ него: и такъ онъ былъ единогласно избранъ стратегомъ всѣхъ Грековъ, для отмщенія Персамъ за нанесенныя ими нѣкогда оскорбленія Греческимъ храмамъ.

Религія положила основаніе вліянію Македоніи на Грецію; она же послужила предлогомъ къ войнѣ противъ Персовъ. Филиппу предоставлено было право опредѣлить, что долженъ доставить каждый городъ. Онъ послалъ сперва въ Азію своихъ полководцевъ Аттала и Парменіона, чтобы освобожденіемъ Греческихъ городовъ въ Малой Азіи открыть себѣ путь; самъ готовился итти въ походъ въ слѣдующемъ году, но былъ внезапно умерщвленъ. Кажется, что Павзаній сдѣлалъ это изъ одного личнаго мщенія; именно, онъ требовалъ отъ Филиппа удовлетворенія за обиду, нанесенную ему Атталомъ и, получивъ въ этомъ отказъ, умертвилъ его среди удовольствій блестящаго пира, которымъ Филиппъ торжествовалъ бракъ дочери своей Клеопатры съ Александромъ, царемъ Эпирскимъ. На это торжество всѣ Греческія государства прислали пословъ и ни одно посольство не оказало столько раболѣпства, какъ Аѳинское; не смотра на то, при извѣстіи о смерти Филиппа, Аѳиняне, возбужденные Демосѳеномъ, учредили праздникъ и опредѣлили увѣнчать убійцу. Напрасно благоразумный Фокіонъ предостерегалъ ихъ, замѣтивъ, что войско Херонейское уменьшилось только *однимъ* человѣкомъ; Аѳиняне увлеклись восторгомъ. Впрочемъ и Фокіоново замѣчаніе было невѣрно, потому что

именно отъ этого *одного* мужа, такъ равно и отъ того, кто долженъ былъ заступить его мѣсто, зависѣло возрастаніе или ослабленіе Македонскаго могущества.

Сыну Филиппа, Александру, не было еще двадцати лѣтъ, когда онъ принялъ наслѣдство, но въ сраженіи при Херонеѣ онъ показалъ уже необыкновенные таланты полководца. Утвердивъ за собою Македонскій престолъ, онъ былъ признанъ сперва Өессалійцами, а потомъ всѣми Греками въ томъ званіи, которое было предоставлено его отцу. Въ слѣдующемъ году Өиванцы, повѣривъ ложному слуху о его смерти, возмутились противъ владычества Македонянъ; Александръ, съ сѣвера, гдѣ онъ тогда сражался съ Трибаллами, съ безпримѣрною быстротою прибылъ въ Беотію и разрушеніемъ Өивъ подавилъ возмущеніе. Этою строгостію онъ надѣялся устрашить Грековъ и страхомъ удержать ихъ отъ дальнѣйшихъ покушеній къ возстановленію своей независимости. Такимъ образомъ, обезопасивъ свой тылъ, Александръ сталъ готовиться къ походу въ Азію. Правителемъ Македоніи онъ поставилъ Антипатра, оставивъ ему для охраненія царства и содержанія въ покорности Греціи 12,000 пѣхоты и 1,500 конницы.

Александръ, соединявшій въ себѣ все величіе и всѣ недостатки Греческаго характера, получилъ отличное воспитаніе. Первымъ наставникомъ его былъ Леонидъ, человѣкъ строгихъ нравовъ и суроваго характера. Послѣ него Лизимахъ, и наконецъ, послѣ этого, Аристотель въ продолженіе восьми лѣтъ занимался его воспитаніемъ. Не задолго до смерти Филиппа, Александръ поссорился съ нимъ за мать свою Олимпію, и эта вражда при вспыльчивости отца и свое-

правіи сына могла сдѣлаться опасною, если бъ смерть Филиппа не прекратила ея. Во всякомъ случаѣ этотъ споръ не оставался безъ послѣдствій, потому что Александръ долженъ былъ проложить путь къ престолу уничтоженіемъ образовавшейся противъ него партіи. Но какъ скоро онъ утвердился на Македонскомъ престолѣ, Өессалія и Греція также признали его власть. На сеймѣ въ Коринѳѣ на него возложено было достоинство стратега всѣхъ Грековъ; только Спартанцы не согласились на это, но такъ какъ они оставались въ покоѣ, то Александръ и не думалъ о покореніи ихъ, поспѣшилъ къ сѣвернымъ предѣламъ своего царства, гдѣ тогда взбунтовались Иллирійцы и Трибаллы въ союзѣ съ Гетами, которыхъ часть перешла чрезъ Дунай. Какъ ни жестока была брань съ сими дикими и воинственными племенами, Александру не трудно было счастливо окончить ее, имѣя подъ начальствомъ такое войско и полководцевъ, какихъ образовалъ его отецъ. Его удаленіе на сѣверъ и предпріятіе войны, которой конца скоро не ожидали, подало поводъ государственнымъ людямъ, не расположеннымъ къ Македонянамъ, вооружить противъ нихъ Грековъ. Распустили слухъ о смерти Александра и въ надеждѣ на это Өиванцы, которыхъ свобода болѣе всѣхъ была стѣснена оставленнымъ въ крѣпости гарнизономъ, взялись за оружіе. Но Греческіе союзники не имѣли единодушія и энергіи, и прежде нежели они на что либо рѣшились, Александръ стоялъ уже въ Өермопилахъ; въ семь дней онъ совершилъ этотъ быстрый маршъ и отсюда черезъ шесть дней явился предъ Өивами. Войско, шедшее изъ Пелопоннеза для подкрѣпленія Өиванцевъ, воротилось, и Өивы теперь должны были положиться только на свои силы. Александръ сначала обѣщалъ имъ прощеніе на легкихъ условіяхъ, но Өиванцы твердо вѣря, что Александръ убитъ и что теперь Антипартъ стоитъ предъ стѣнами ихъ, не принимали никакихъ предложеній. Въ сраженіи, происходившемъ при городскихъ воротахъ, Өиванцы бились съ отчаянною храбростью, но были разбиты, и Өивы въ 335 г. взяты штурмомъ. Александръ счелъ за необходимое показать надъ Өивами примѣръ строгости, и это бы-

ло тѣмъ удобнѣе исполнить, что сами Греки, Фокейцы, Платейцы и другіе сосѣди побуждали его къ тому изъ ненависти противъ Ѳивъ. Ѳивы были разрушены, за исключеніемъ домовъ, принадлежавшихъ гостепріимцамъ Македонянъ и также того, въ которомъ жилъ Пиндаръ. 36.000 Ѳиванцевъ, избѣжавшихъ смерти въ битвѣ и не успѣвшихъ скрыться, проданы въ рабство. Эта строгость устрашила Грековъ; они униженно чрезъ посланниковъ изъявляли свою покорность. Александръ обошелся милостиво и снисходительно со всѣми и особенно съ Аѳинянами; онъ удержался отъ требованія выдачи Демосѳена; только предводитель наемниковъ Харидемъ долженъ былъ оставить городъ; онъ удалился въ Персію, куда бѣжали теперь многіе недовольные порядкомъ вещей въ Греціи. Послѣ этого Александръ вторично въ собраніи на Истмѣ провозглашенъ былъ вождемъ въ войнѣ противъ Персовъ и въ слѣдующемъ году выступилъ въ походъ *).

Когда Александръ предпринялъ походъ противъ Персіи, то упадокъ и внутренняя слабость этого

*) У древнихъ не было недостатка въ извѣстіяхъ о завоеваніяхъ Александра Великаго, потому что многіе изъ полководцевъ и также изъ ученыхъ, сопровождавшихъ его въ этомъ походѣ, издали свои дневники или записки; но очень немногіе писали истину. Множество противорѣчащихъ извѣстій и нелѣпыхъ выдумокъ, распространенныхъ объ Александрѣ, убѣждали въ необходимости критической его исторіи. — Въ первый разъ, во время Римскихъ императоровъ, два писателя, *Страбонъ* и *Арріанъ*, начали критически описывать, первый географическія открытія, а второй военную и политическую исторію Александра. И такъ Страбонъ для Географіи, а Арріанъ для Исторіи суть самые лучшіе указатели. Кромѣ того въ біографіи *Плутарха* находятся драгоцѣнныя поясненія, также въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно обращаться и къ Діодору. *Курціемъ* можно пользоваться тогда только, когда хотятъ увлекательнаго разсказа, не обращая вниманія на подлинность, потому что онъ имѣлъ въ виду болѣе слогъ, нежели содержаніе. Въ новѣйшія времена лучшее историческое сочиненіе объ этомъ времени есть: Geschichte Alexanders des Großen von Joh. Gustav Droysen. Mit einer Karte. Berlin 1833. Также замѣчательно слѣдующее сочиненіе: Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le Grand par *M. de St. Croix*. 2-de édition. Paris, 1804.

царства, которыя давно уже не были тайною для Грековъ, казались столь очевидны, что не доставало одного только сильнаго толчка для низверженія этого колосса, готоваго рушиться во всѣхъ своихъ основаніяхъ. Начало паденія Персидскаго царства можно считать со времени несчастнаго похода Ксеркса на Грецію. Продолженіе этой войны вынудило Персидское правительство сдѣлать средоточіемъ всей своей политики отдаленнѣйшую провинцію царства, Малую Азію, и сатраповъ этой страны, которые должны были вести войну, облечь большею властію. Положеніе, въ которое силою обстоятельствъ поставлены были Мало-Азійскіе сатрапы, сдѣлалось для прочихъ предметомъ стремленія, и между тѣмъ какъ въ Сузѣ цари превращались въ правителей Сераля, сатрапы провинцій присвояли себѣ одну власть за другою. Быстрыя и насильственныя смѣны правителей, возмущенія провинцій, особенно Египта, который даже утвердилъ на нѣкоторое время свою независимость и управлялся своими царями, возстанія сатраповъ, которыя часто могли быть подавлены только хитростью, все это привело царство на край погибели, когда за два года до похода Александрова вступилъ на престолъ последній царь изъ рода Ахеменидовъ, Дарій III Кодоманъ.

Уже Ксерксъ 1-й, при которомъ, какъ мы замѣтили, началось паденіе царства, сдѣлалался жертвою интригъ Сераля. Начальникъ гвардіи Артабанъ, вмѣстѣ съ эвнухомъ Митридатомъ, умертвилъ его въ 465 г. Намѣреваясь истребить и всѣхъ сыновей его, онъ отправился къ младшему принцу Артаксерксу,

оклеветалъ предъ нимъ брата его Дарія, какъ виновника смерти отца, и успѣлъ получить повелѣніе умертвить его. Совершивъ это, онъ хотѣлъ лишить жизни и Артаксеркса; но тотъ отразилъ направленный на него ударъ и умертвилъ самого убійцу. Такимъ образомъ *Артаксерксъ-Лонгиманъ* вступилъ на престолъ (465—424), и его способностямъ царство обязано тѣмъ, что въ продолженіе сорока-лѣтняго правленія его, оно держалось съ нѣкоторымъ достоинствомъ и твердостью. Ему удалось усмирить Египетъ, возмутившійся подъ предводительствомъ Инара и Амиртея въ 456 г., не смотря на то, что Аѳиняне помогали мятежникамъ.

Подавленіе этого бунта послужило поводомъ къ первому успѣшному возстанію сатрапа. Мегабизъ, начальникъ войска въ Египтѣ, убѣдилъ Инара сдаться, ручаясь за его жизнь. Сначала дворъ уважалъ обѣщаніе Мегабиза, но черезъ пять лѣтъ заключенія, Инаръ былъ безчеловѣчно умерщвленъ въ 451 г. Мегабизъ, глубоко этимъ оскорбленный, возмутился въ ввѣренной ему провинціи Сиріи и былъ такъ счастливъ въ битвахъ съ посланнымъ для усмиренія его войскомъ, что могъ самъ предписать царю условія примиренія. Непосредственно за смертью Артаксеркса, слѣдствія правленія Сераля открылись въ быстрыхъ и насильственныхъ смѣнахъ правителей. Отъ законной супруги Артаксерксъ имѣлъ одного только сына, *Ксеркса II*, который и наслѣдовалъ престолъ; но отъ другихъ женъ у него было семнадцать сыновей. Одинъ изъ нихъ *Согдіанъ* умертвилъ Ксеркса, который царствовалъ только сорокъ пять дней, но и самъ въ слѣдующемъ году (423) былъ низвергнутъ братомъ своимъ Охомъ, который вступилъ теперь на престолъ (423—404) подъ именемъ Дарія II. Въ правленіе его, или лучше, въ правленіе жены его Паризатиды, совершенно управлявшей имъ, внутреннее разстройство царства еще больше увеличилось. Обыкновеніе ввѣрять одному и тому же сатрапу нѣсколько провинцій, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ войскомъ, особенно влекло къ ослабленію царской власти. Амиртей, утвердившись въ низменной болотистой странѣ, прилегавшей къ Нилу,

снова поднялъ бунтъ, и царь не могъ ничего больше сдѣлать, какъ предоставить Египтянамъ нѣкоторую независимость за плату дани. И такъ Египетъ снова имѣлъ своихъ царей, которыхъ впрочемъ мы знаемъ одни имена, потому что о нихъ упоминается только въ тѣхъ случаяхъ, когда они или терпѣли нападенія отъ Персовъ, или были подкрѣпляемы Греками *).

Наслѣдникъ Дарія, *Артаксерксъ II Мнемонъ* (404—362), тотчасъ по вступленіи на престолъ долженъ былъ выдержать борьбу съ младшимъ братомъ своимъ Киромъ, въ которой главную роль, какъ мы уже видѣли, играли Греческіе наемники. Эта война приняла бы для царя опасный оборотъ, если бъ Киръ не палъ въ сраженіи при Кунаксѣ. Мы получимъ самое лучшее представленіе о состояніи двора и Сераля, когда разсмотримъ, какимъ образомъ эта борьба, давно уже оконченная на полѣ битвы, продолжалась въ Сералѣ. Царица-мать, Паризатида, державшая сторону Кира, велѣла умертвить всѣхъ, которыхъ подозрѣвала въ умерщвленіи Принца; самъ Тиссафернъ сдѣлался жертвою ея мести. Напротивъ, Статира, супруга Артаксеркса, преслѣдовала всѣхъ друзей Кира и была виновницею умерщвленія Греческихъ вождей и офицеровъ, которыхъ Тиссафернъ, послѣ сраженія при Кунаксѣ, коварнымъ образомъ захватилъ въ плѣнъ. Какую власть имѣли, въ правленіе этого царя, сатрапы, и какъ независимо было ихъ отношеніе къ Сузскому двору, мы видимъ въ сатрапахъ Фарнабазѣ и Тирибазѣ, изъ которыхъ одинъ помогалъ Аѳинянамъ, а другой Спартанцамъ. Если Персія теперь оказывала нѣкоторое вліяніе на дѣла Греціи, то этимъ была обязана своему золоту, своей политикѣ и несогласіямъ Грековъ. Впрочемъ это было скорѣе признакомъ слабости, нежели усилія. Походъ, совершенный Артаксерксомъ въ 374 г. противъ Египта, особенно замѣчателенъ тѣмъ, что Персы съ этой

*) Эти цари были: *Амиртей* до 449; *Павзирисъ* или *Псамметихъ* до 400; *Неферей* до 396; *Акорисъ* до 378; *Нектанебъ I.* до 365; *Тахосъ* до 362; *Нектанебъ II* до 354, — въ этомъ году Персы снова овладѣли Египтомъ.

поры начали полагаться преимущественно на Греческихъ наемниковъ и полководцевъ. Впрочемъ не смотря на то, что Ификратъ съ Греческимъ войскомъ участвовалъ въ этомъ предпріятіи, оно рушилось отъ хорошихъ оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ царемъ Нектанебомъ I, и особенно отъ несогласія между Греческими и Персидскими полководцами. Артаксерксъ II, имѣлъ 118 сыновей, но только трое изъ нихъ: Дарій, Аріаспъ и Охъ рождены были женами, носившими титулъ царицъ. Царь избралъ старшаго изъ этихъ трехъ, Дарія, себѣ въ соправители, но скоро поссорился съ нимъ за одну красавицу Сераля, Гречанку Аспазію. Персы и въ Сераль набирали Гречанокъ, какъ въ войско Греческихъ наемниковъ. Ослѣпленный страстью Дарій завлекся въ заговоръ противъ жизни отца; но планъ заговорщиковъ былъ открытъ, и Дарій вмѣстѣ съ 50-ю братьями, также принимавшими участіе въ этомъ дѣлѣ, заплатилъ за него жизнью. По смерти Артаксеркса II. 362 г. Охъ, подъ именемъ Артаксеркса III, овладѣлъ престоломъ (362 — 338) и утвердилъ его за собою умерщвленіемъ братьевъ. Новый царь предпринялъ походъ противъ Египта, потому что мятежъ распространился оттуда по Сиріи и Финикіи. Хотя для этой экспедиціи назначено было поголовное ополченіе всей націи, не смотря на то Греческіе наемники были душею огромнаго войска, съ которымъ Артаксерксъ явился на берегахъ Средиземнаго Моря. Во-первыхъ Финикія покорилась Персамъ, потомъ и Египетскій царь, Нектанебъ II, былъ побѣжденъ. Онъ бѣжалъ въ Ливійскія пустыни, и Египетъ снова сдѣлался Персидскою провинціею въ 354 году. Такъ какъ Персы, при возстановленіи своего владычества, не щадили ничего, что было драгоцѣнно и любезно для Египтянъ, то легко понять, какимъ образомъ въ послѣдствіи Александръ могъ овладѣть этою важною страною безъ боя. Египтяне принимали его какъ освободителя и мстителя за поруганныхъ Персами отечественныхъ боговъ. Послѣ этого похода Артаксерксъ возвратился въ Сузу и тамъ заключился въ стѣнахъ Сераля, поручивъ правленіе евнуху Багою. Но Багой сталъ подозрѣвать, что царь, которымъ онъ совер-

шенно управлялъ, хочетъ освободиться отъ этой постыдной зависимости, и, опасаясь лишиться своихъ почестей, или даже жизни, отравилъ его въ 338 г. и вмѣстѣ умертвилъ всѣхъ сыновей его, исключая самаго младшаго, *Арзеса*, котораго возвелъ на престолъ, чтобы царствовать самому подъ его именемъ. Но черезъ два года Багой замѣтилъ, что Арзесъ хочетъ править независимо и отмстить убійцѣ отца своего и братьевъ; по этому онъ поспѣшилъ предупредить его и умертвилъ въ 336 г. Теперь онъ возвелъ на престолъ родственника царствовавшей фамиліи по боковой линіи. Это былъ *Дарій III Кодоманъ* *). Новый царь имѣлъ предъ всѣми своими предшественниками, начиная съ Ксеркса, то преимущество, что былъ воспитанъ не въ Сералѣ. Будучи въ частномъ состояніи, онъ отличался храбростью и началъ свое правленіе повелѣніемъ тотчасъ казнить убійцу столь многихъ царей. Но при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, Дарій не былъ въ состояніи возстановить могущества своего царства, тѣмъ болѣе, что едва только утвердился на престолѣ, какъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Александромъ Македонскимъ. И такъ добродѣтели этого царя принесли ту только пользу, что Персидское царство пало съ большею честію и достоинствомъ, нежели какъ этого можно было бы ожидать при правителѣ, воспитанномъ въ Сералѣ.

Войско, съ которымъ Александръ весною 334 г. вступилъ въ Азію, состояло изъ 30,000 пѣхоты и 5,000 конницы; лучшую часть его составляла двѣнадцатитысячная Македонская фаланга и 1500

*) По Діодору Сиц. (lib. XVII, cap. 5). Дарій Кодоманъ происходилъ отъ Ахеменидовъ слѣдующимъ образомъ:

Дарій II.

Артаксерксъ II. — Останъ.

Останъ. → Арзанъ. → Дарій III Кодоманъ.

тяжелой Македонской конницы; сюда же надобно причислить столь же сильный отрядъ Ѳессалійскихъ всадниковъ. Грекамъ, участвовавшимъ въ походѣ, было оставлено ихъ оружіе и образъ дѣйствія, исключая 600 знатныхъ юношей изъ разныхъ Греческихъ государствъ, которыхъ царь избралъ заложниками вѣрности ихъ родственниковъ. Ихъ онъ присоединилъ къ своей тяжело вооруженной конницѣ съ тѣмъ же оружіемъ, какое носили Македонскіе дворяне, только они не пользовались подобно дворянству сообществомъ царя. Греки и Македоняне пошли на Персовъ, какъ *одна* нація; это видно уже изъ самаго предлога къ войнѣ, мщенія за сожженіе Греческихъ храмовъ, и если Греки гордились славою прошедшаго, любовью свободы, чувствомъ чести и образованіемъ, то Македоняне могли противоставить всему этому свою національную гордость. Впрочемъ Александръ велъ себя какъ настоящій Грекъ: это онъ показалъ уже тѣмъ, что тѣсно соединилъ свой походъ съ воспоминаніемъ о Гомерѣ и Геродотѣ, о богахъ и герояхъ Греціи. Александръ былъ второй Ахиллъ, а Персія — вторая Троя. Это поэтическое направленіе есть одно изъ самыхъ привлекательныхъ качествъ его характера; его юный умъ и свѣжая фантазія увлекала самыя холодныя сердца и наполняла возвышенными мыслями души самыя обыкновенныя. Вступивъ въ Азію, онъ тотчасъ сталъ искать непріятелей, и они, не смотря на благоразумныя предостереженія Родосца Мемнона, не уклонялись отъ битвы. Побѣдою при Граникѣ, одержанною въ Маѣ 334 г.

Александръ не только утвердился, но и получилъ въ свою власть всѣ Греческіе города въ Малой Азіи. Но Эгейское Море все еще находилось во власти Персовъ; чтобъ лишить ихъ и этого и вмѣстѣ, какъ можно скорѣе отрѣзать отъ всякаго сообщенія съ Европейскими Греками, Александръ вознамѣрился овладѣть всѣми морскими гаванями на Средиземномъ морѣ. Только этимъ можно объяснить себѣ походъ, который предпринялъ Александръ, прежде нежели рѣшился вторгнуться во внутреннія страны Персидскаго царства.

Прибывъ въ Азію, Александръ оживилъ всѣ соединенныя съ Гомеромъ воспоминанія торжественными играми и жертвами на могилахъ, павшихъ подъ Троею героевъ. Онъ самъ увѣнчалъ могилу Ахилла, а другъ его Гефестіонъ могилу Патрокла. Персидскіе сатрапы въ Малой Азіи собрали войско, которое частью состояло изъ Греческихъ наемниковъ, и стали за Граникомъ съ явнымъ намѣреніемъ вступить въ битву. Они отвергли мудрый планъ Грека Мемнона, который совѣтовалъ имъ опустошить страну и, утвердивъ за собою владѣніе моремъ, отрѣзать Александра отъ его царства и потомъ возбудить Грековъ къ возстанію противъ владычества Македонянъ, что, при расположеніи духа ихъ, не трудно было бы исполнить. Но гордость Персовъ пренебрегла этимъ спасительнымъ совѣтомъ. Арситъ, сатрапъ Фригіи, объявилъ, что не должно для такого ничтожнаго непріятеля, какъ Александръ, терять ни одной даже хижины. Впрочемъ Персидское войско не дѣйствовало наступательно, но, занявъ весьма выгодную позицію, ожидало нападенія. Для сего Македоняне должны были перейти Граникъ, въ виду непріятеля и сражаясь съ нимъ; впрочемъ, не смотря на всю трудность перехода, Александръ совершилъ его съ столь же великою смѣлостію, какъ и счастіемъ. Въ происшедшей здѣсь битвѣ онъ самъ сражался съ такою храбростью, что нѣсколько разъ подвергался опасности

быть убитымъ и своимъ спасеніемъ обязанъ только Клиту. Полная побѣда была наградою за его усилія. Греки, здѣсь сражавшіеся противъ него, по большой части погибли, а попавшіе въ плѣнъ живыми отосланы въ Македонію въ рабочіе домы, за службу ихъ варварамъ противъ опредѣленія всѣхъ Грековъ. Намѣреніе Александра представить эту войну національнымъ дѣломъ Греціи видно изъ того, что онъ триста Персидскихъ доспѣховъ, полученныхъ въ добычу, послалъ въ Аѳины, съ надписью: «Александръ, сынъ Филиппа и Греки (за исключеніемъ Лакедемонцевъ) отъ варваровъ, населяющихъ Азію.» Своими поступками послѣ сраженія онъ умѣлъ воодушевить и привлечь къ себѣ войско. Онъ приказалъ первому художнику того времени, Лизиппу, вылить изъ мѣди изображенія двадцати пяти воиновъ изъ своей дружины, которые пали въ самомъ началѣ битвы, освободилъ ихъ потомковъ отъ всѣхъ налоговъ и самъ посѣщалъ раненыхъ. Греческіе города, послѣ этой побѣды отворившіе ему ворота, какъ освободителю, онъ привлекъ на свою сторону возстановленіемъ прежняго образа правленія. Между тѣмъ, Дарій провозгласилъ главнымъ предводителемъ морскихъ и сухопутныхъ силъ Мемнона, котораго совѣтъ Персы отвергли къ собственному своему вреду. Мемнонъ вторгнулся въ Галикарнассъ, когда Александръ вступилъ въ Карію. Здѣсь, въ это время, Пиксодаръ спорилъ съ сестрою своею Адою о власти, и Александръ воспользовался симъ обстоятельствомъ для своей пользы. Онъ принялъ сторону Ады и, овладѣвъ Галикарнассомъ, отдалъ ей княжество Карію и вмѣстѣ велѣлъ усыновить себя. Не довѣряя своему флоту, потому что весь почти экипажъ его состоялъ изъ Греческихъ матросовъ, онъ распустилъ его и, чтобы лишить Персовъ перевѣса на морѣ, старался овладѣть всѣмъ берегомъ. Ибо доколѣ Персы владѣли Средиземнымъ Моремъ, то могли имѣть сношенія съ Греціею, и конечно, пока живъ былъ Мемнонъ, дѣло Александра нельзя было считать выиграннымъ. Но Мемнонъ умеръ въ томъ же году и теперь у Персидскаго царя не осталось ни одного искуснаго Греческаго полководца, заслуживавшаго довѣренность его

и его подданныхъ. Харидемъ, бѣжавшій къ Царю изъ Аѳинъ и находившійся при его особѣ, былъ такъ неостороженъ и такъ грубо оскорблялъ національную гордость Персовъ, что они сами убили его. Въ своемъ дальнѣйшемъ походѣ Александръ не встрѣчалъ нигдѣ значительнаго сопротивленія, потому что вездѣ оставлялъ неприкосновенными установленныя отношенія и образъ правленія; такъ въ Ликіи онъ не уничтожилъ союза, который состоялъ изъ двадцати трехъ городовъ. Усмиреніе горцевъ, которые не были покорены и Персами, онъ поручилъ своимъ намѣстникамъ, а самъ въ началѣ 333 г. вторгнулся во Фригію, гдѣ соединился съ войскомъ, которое Парменіонъ привелъ къ нему на подкрѣпленіе, и гдѣ воспользовался суевѣріемъ народа, чтобы сильнѣе укрѣпить мнѣніе о себѣ и о всемірномъ владычествѣ, ему предназначенномъ. Въ Гордіи онъ разрѣшилъ славный узелъ, съ чѣмъ, по изреченію древняго оракула, соединено было владычество надъ всею Азіею *). Изъ Гордія онъ пошелъ въ Киликію, чрезъ Каппадокію, и такъ спѣшилъ, что не остановился даже для покоренія сей страны, но предоставилъ это своему намѣстнику, потому что ему непремѣнно нужно было овладѣть, до прихода Дарія, такъ называемыми Киликійскими Воротами, единственнымъ проходомъ, который велъ чрезъ горы. Съ приближеніемъ Александра, Персидскій гарнизонъ оставилъ проходъ безъ защиты, и Александръ вступилъ въ Киликію. Въ Тарсѣ, главномъ городѣ страны, онъ опасно заболѣлъ; впрочемъ онъ во-время выздоровѣлъ и могъ самъ принять начальство надъ войскомъ въ предстоявшей

*) Обыкновенно говорятъ, что Александръ, не могши развязать этотъ узелъ, разсѣкъ его мечемъ; но это такъ нелѣпо и такъ несообразно съ характеромъ Александра, что не заслуживаетъ вѣры. По словамъ Арріана, (кн. II, гл 3.) Александръ разрѣшилъ узелъ слѣдующимъ образомъ: Ἀριστόβουλος δὲ λέγει, ἐξελόντα τὸν ἕστορα τοῦ ῥυμοῦ, ὅς ἦν τύλος διαβεβλημμένος διὰ τοῦ ῥυμοῦ διαμπὰξ, ξυνέχων τὸν δεσμὸν, ἐξελκῦσαι ἔξω τοῦ ῥυμοῦ τὸν ξυγόν. (т. е. Аристобулъ говоритъ, что онъ, вынувъ гвоздь дышла, который былъ деревянный брусокъ, пробитый сквозь него и задерживавшій концы узла, такимъ образомъ отвязалъ ярмо отъ дышла).

борьбѣ съ національными силами Персовъ, которыми предводительствовалъ самъ Дарій.

Дарій выступилъ на защиту своего царства съ войскомъ изъ 600,000 Азіятцевъ и 30,000 Грековъ; но вмѣсто того, чтобъ ожидать Александра на равнинахъ Сиріи, онъ пошелъ къ нему на встрѣчу въ Киликію, гдѣ на плоскости узкой и изрѣзанной отраслями Аманскаго Хребта, вовсе нельзя было развернуть всей массы его войска. Александръ самъ не ожидалъ такого неблагоразумія отъ своего соперника и на пути въ Сирію, къ своему удивленію и радости, узналъ, что Персидское войско по другой дорогѣ проникло въ Киликію и стоитъ у него въ тылу. И такъ онъ поспѣшилъ назадъ и въ Октябрѣ 333 г. при Иссѣ одержалъ рѣшительную побѣду. Сирія, Финикія, Палестина и Египетъ, которыя онъ занялъ въ этомъ и въ слѣдующемъ годахъ, при чемъ только Тиръ и Газа оказали упорное сопротивленіе, были наградою за эту блестящую побѣду.

Въ сраженіи при Иссѣ пала больше нежели шестая часть Персидскаго войска. Самъ Дарій съ большимъ трудомъ избѣжалъ плѣна, фамилія его была захвачена; впрочемъ Александръ обходился съ нею великодушно и съ кроткою снисходительностію. Греческіе наемники отступили не прежде, какъ все Персидское войско разсѣялось въ дикомъ бѣгствѣ; 12,000 изъ нихъ вышли изъ битвы въ хорошемъ порядкѣ и въ Триполѣ завладѣли кораблями, на которыхъ прибыли сюда. 8,000 вступили въ службу Спартанскаго царя Агиса, а прочіе 4,000 отправились въ Египетъ. Эта побѣда остановила замыслы въ самой Греціи противъ Македонскаго владычества. Спартанцы и Аѳиняне заключили союзъ и отправили пословъ къ Персидскому царю; это посольство, послѣ сраже-

нія, попало въ руки побѣдителя; впрочемъ Александръ отпустилъ ихъ домой неприкосновенно. Теперь онъ могъ быть спокойнымъ въ отношеніи къ Грекамъ, потому что сношенія между Персіею и Греціею прекратились, когда послѣ сраженія при Иссѣ ему покорились всѣ Финикійскіе города, исключая Тира, и вызвали свои корабли. Съ этого времени Персы потеряли свой флотъ и вліяніе на Средиземномъ Морѣ. Какъ мало сопротивленія встрѣчалъ Александръ со стороны туземцевъ, видно изъ того, что онъ счелъ возможнымъ послать Парменіона въ Дамаскъ для овладѣнія находившимися тамъ Персидскими сокровищами; Парменіонъ исполнилъ это порученіе и овладѣлъ однимъ изъ первыхъ городовъ Персидскаго царства, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Къ тому не мало способствовало и то, что Александръ вездѣ оставлялъ прежнія права и привилегіи и возстановлялъ, гдѣ они были нарушены Персами. Только Тиръ оказалъ сопротивленіе. Онъ просилъ нейтралитета и обѣщалъ въ продолженіе войны не отворять воротъ Персамъ, но также не хотѣлъ впускать и Македонянъ. Рѣшившись сопротивляться, Тирійцы надѣялись на укрѣпленное положеніе своего города, на вспоможеніе своей сильной колоніи Карѳагена и на освобожденіе, котораго ожидали отъ Персовъ. Между тѣмъ, Дарій предложилъ Александру миръ. Въ своемъ письмѣ онъ указывалъ на то, какъ несправедливо началъ войну самъ Филиппъ и какъ еще болѣе несправедливо продолжалъ ее Александръ. Но такъ какъ боги покровительствуютъ Македонскому царю, то пусть онъ возьметъ себѣ Азію до рѣки Галиса и довольствуется денежною платою за военныя издержки. Александръ отвергъ это предложеніе; въ своемъ отвѣтѣ онъ во-первыхъ доказывалъ законность войны тѣмъ, что онъ, какъ предводитель Грековъ, мститъ Персамъ за ихъ нападеніе на Грецію и какъ царь Македонскій платитъ враждою за вражду, которую Персы оказывали его отцу; потому что они не только помогали непріязненнымъ ему городамъ Перинѳу и Византіи, но даже поощряли на злодѣяніе его убійцу. И такъ онъ рѣшительно объявилъ, что его виды простираются не

на часть Азіи, но на всю эту часть свѣта. «И если Дарій, говорилъ онъ, пріидетъ ко мнѣ и уступитъ свое царство, то получитъ обратно больше, нежели сколько ожидаетъ; если жъ онъ хочетъ сражаться, то вездѣ встрѣтитъ меня противникомъ.» Сей отвѣтъ долженъ былъ побудить Персовъ къ нападенію на Македонянъ, во то время, когда они осаждали Тиръ; но они успѣли кончить эту достопримѣчательную осаду, не встрѣтивъ со стороны Персовъ ни какого сопротивленія. Тиръ лежалъ на островѣ, въ четырехъ стадіяхъ отъ твердой земли; но этотъ промежутокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ обмѣлѣлъ, что можно было провести плотину до самаго города. Хотя Македонянамъ и удалось построить ее и слѣдовательно напасть на городъ съ материка въ то время, когда флотъ прочихъ Финикійскихъ городовъ тѣснилъ его съ моря, не смотря на то, Тирійцы защищались съ мужествомъ, достойнымъ удивленія. Не прежде какъ въ Іюнѣ 332 г., послѣ отчаянныхъ усилій, удалось наконецъ Македонянамъ овладѣть городомъ. Большая часть жителей бѣжала на корабли и уплыла въ Карѳагенъ, прочіе были или убиты, или проданы въ рабство. Осада продолжалась семь мѣсяцевъ, слѣдовательно у Персидскаго царя было довольно времени сдѣлать что либо для освобожденія этого города. Но Дарій вмѣсто войска снова отправилъ пословъ, уступалъ Азію до Евфрата, обѣщалъ 10,000 талантовъ выкупа за плѣнную свою фамилію, предлагалъ Александру свою дочь въ супружество и взаимный дружественный союзъ. На всѣ эти предложенія Александръ далъ прежній отвѣтъ, что вся Азія принадлежитъ ему, но что Дарій найдетъ у него дружественный пріемъ, пусть только пріидетъ къ нему.

Во время осады Тира покорилась Іудея *). Какъ во всѣхъ государствахъ, Александръ оставилъ Іудеямъ ихъ образъ правленія, который былъ все тотъ же,

*) Іосифъ (Ant. Iud. lib. XI, cap. 8,) подробно разсказываетъ, что Александръ посѣтилъ Іерусалимъ и принесъ жертву въ храмѣ. Хотя этотъ разсказъ существенно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но странно то, что ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ Греческихъ писателей не упоминаетъ объ онομъ.

какимъ мы видѣли его выше: народомъ управлялъ первосвященникъ вмѣстѣ съ синедріономъ. Покоривъ Финикію и Палестину, Александръ прямо направлялъ путь въ Египетъ. Пограничная крѣпость Газа сопротивлялась цѣлые два мѣсяца и покорилась не прежде, какъ всѣ мужчины погибли; жены и дѣти ихъ заплатили за это свободою. И этимъ временемъ не воспользовался ни самъ Дарій, ни Египетскій сатрапъ его Мазакъ, для принятія мѣръ къ оборонѣ. И такъ Александръ въ концѣ 332 г. вторгнулся въ Египетъ и, не встрѣтивъ сопротивленія, овладѣлъ всею страною. Онъ проникъ до самаго Мемфиса и, желая польстить Египтянамъ, принесъ жертву Апису; потомъ внизъ по Нилу спустился къ морю и здѣсь повелѣлъ заложить новый городъ, который и теперь еще стоитъ, какъ памятникъ величія Александра. Александрія уже какъ средоточіе Греческой и Египетской учености имѣетъ всемірно-историческое значеніе; не менѣе важна была она какъ складочное мѣсто товаровъ между Востокомъ и Западомъ. И хотя въ послѣдствіи всемірная торговля приняла другое направленіе, не смотря на то, этотъ городъ и донынѣ остался однимъ изъ главнѣйшихъ торговыхъ городовъ. Въ Мартѣ 331 года Александръ предпринялъ походъ въ одинъ оазъ Ливійской Пустыни, на которомъ находился храмъ и прорицалище Аммона. Къ этому предпріятію побуждала его не столько политическая необходимость, сколько господствовавшая въ его духѣ поэтическая наклонность ко всему необыкновенному и чудесному. Преодолѣвъ множество затрудненій, онъ достигъ прорицалища и остался совершенно доволенъ отвѣтомъ оракула, возвѣщеннымъ ему устами жреца *). По возвращеніи въ Мемфисъ онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія для обезпеченія сво-

*) Арріанъ (lib. III, cap. 4,) говоритъ только, что отвѣтъ оракула понравился Александру (*ἀκούσας ὅσα αὐτῷ πρὸς θυμοῦ ἦν*). Плутархъ напротивъ повѣствуетъ, что жрецъ, не зная хорошо Греческаго языка, вмѣсто *παίδιον* привѣтствовалъ его словомъ *παίδιος* (*παῖ Διός*) и эта двусмысленность, происшедшая отъ грамматической ошибки, подала поводъ къ молвѣ, что оракулъ Аммона назвалъ Александра сыномъ Зевса.

его обладанія Египтомъ. Онъ поставилъ номархами, или областными правителями, природныхъ Египтянъ, а финансы поручилъ чиновникамъ изъ туземныхъ Грековъ. Начальниками войска, оставленнаго имъ здѣсь, онъ сдѣлалъ двухъ Македонянъ, и также комендантами знатнѣйшихъ городовъ назначилъ знатныхъ Македонянъ изъ своей дружины.

Во время пребыванія Александра въ Египтѣ, къ его войску присоединились новыя подкрѣпленія изъ Греціи и Македоніи. Естественно, что обладая великими сокровищами, онъ привлекъ къ себѣ всѣхъ наемниковъ, прежде искавшихъ службы у Персовъ. Съ этими силами онъ выступилъ противъ Дарія, который набралъ, въ оставшихся еще въ его власти Азіятскихъ провинціяхъ, войско, простиравшееся до милліона. Впрочемъ можно было предвидѣть, что стройная сила Македонской фаланги разсѣетъ эту смѣшанную, насильно согнанную толпу, тѣмъ болѣе, что притомъ не было принято никакихъ мѣръ къ оборонѣ, которыя, по крайней мѣрѣ, показывали бы умъ, храбрость и патріотизмъ. При Ѳапсакѣ Александръ перешеръ черезъ Эвфратъ, не встрѣтивъ сопротивленія, и также счастливо совершилъ переправу черезъ быстрый Тигръ. Повидимому Дарій ожидалъ его въ выбранной имъ позиціи, на равнинахъ Ассиріи, и Александръ спѣшилъ встрѣтиться съ нимъ и сразиться. При деревнѣ Гавгамелѣ, не далеко отъ города Арбелы, въ Октябрѣ 331 г., послѣдовало рѣшительное сраженіе, гибельное для Дарія; онъ бѣжалъ въ сѣверовосточныя провинціи своего царства, а Александръ между тѣмъ занялъ южныя: Вавилонію, Сузіану и

даже родину господствующаго народа, Персиду. Въ то время, когда онъ самъ побѣдоносно проникъ въ средину Азіи и въ Персеполѣ, въ отмщеніе за сожженіе Греческихъ храмовъ, велѣлъ сжечь царскій дворецъ, его намѣстникъ въ Македоніи, Антипатръ, подавилъ возстаніе Грековъ, подъ предводительствомъ Спартанскаго царя Агиса, обнаружившееся отчасти по наущенію Персовъ и при помощи ихъ золота.

Послѣ побѣды при Арбелѣ Александръ не преслѣдовалъ Дарія, бѣжавшаго въ Экбатану; но хотѣлъ сперва докончить легкое завоеваніе юга. Онъ вступилъ въ Вавилонъ и былъ принятъ тамъ съ торжествомъ, потому что возстановилъ древнее Вавилонское богослуженіе, приказалъ снова выстроить разрушенный Ксерксомъ храмъ Ваала, самъ приносилъ жертвы этому божеству и опять возвысилъ угнетенное Персами сословіе Халдейскихъ жрецовъ. Такимъ уваженіемъ къ духовной собственности каждаго народа Александръ повсюду пріобрѣталъ расположеніе побѣжденныхъ, не представляя, между тѣмъ, ни малѣйшей преграды вліянію Греческаго духа, которое скоро обнаружилось. Столь же хорошо онъ воспользовался богатою добычею и царскими наградами старался еще сильнѣе привязать къ себѣ войско. На торжественномъ смотрѣ въ Вавилонѣ онъ расточалъ золото и похвалы, и всѣхъ отличившихся повысилъ чиномъ. Также по временамъ онъ отсылалъ домой небольшіе отряды уже неспособныхъ воиновъ, съ богатою наградою; ихъ мѣсто тотчасъ заступали другіе, которыхъ привлекала надежда пріобрѣсть славу и добычу. Во время пребыванія Александра въ Вавилонѣ, одинъ изъ его генераловъ занялъ столицу Персіи Сузу, и съ этимъ городомъ Александръ получилъ въ свою власть безчисленныя сокровища и всѣ царскія драгоцѣнности. Онъ самъ, проложивъ себѣ оружіемъ дорогу въ Персиду, лично овладѣлъ городами

Пассаргадою и Персеполемъ *). Въ тоже время онъ не выпускалъ изъ виду Грецію, источникъ своей силы и значенія, и особенно показывалъ расположеніе къ Аѳинянамъ. Мы говорили уже, что Александръ, послѣ сраженія при Граникѣ, послалъ въ Аѳины часть добычи, какъ жертвенное приношеніе; при Иссѣ онъ не только отпустилъ Аѳинскихъ пословъ, которые находились въ Персидскомъ лагерѣ и были взяты въ плѣнъ, но даже оказалъ имъ особенное отличіе. Возвратившись изъ Египта, гдѣ Аѳинское посольство принесло ему поздравленія отъ имени своего отечества, онъ освободилъ всѣхъ Аѳинянъ, которые находились въ Персидской службѣ и попали въ плѣнъ. Онъ возвратилъ статуи Армодія и Аристогитона, которыя были вывезены изъ Аѳинъ Ксерксомъ, и при занятіи Сузы попали въ руки Македонянъ. Посредствомъ такихъ частыхъ и лестныхъ знаковъ отличія Александръ совершенно овладѣлъ тщеславными Аѳинянами, и когда, въ то время, какъ Александръ дѣлалъ такіе успѣхи въ Азіи, въ Греціи произошло движеніе, которое могло быть опасно не только для его гегемоніи надъ Греками, но и для престола въ Македоніи, они оставались спокойными. Виновникомъ возмущенія былъ предпріимчивый Спартанскій Царь Агисъ. Онъ принялъ къ себѣ на службу 8,000 Греческихъ наемниковъ, которые ушли съ Исской битвы, и сперва употребилъ ихъ въ дѣло въ пользу Персовъ, на островѣ Критѣ. Но съ того времени какъ Александръ овладѣлъ всѣмъ Финикійскимъ берегомъ и флотомъ, онъ, не получая больше никакой помощи отъ Персовъ, удалился съ ними въ Пелопонисъ. Здѣсь съ нимъ вступили въ союзъ всѣ недовольныя государства, такъ, что онъ могъ вы-

*) Александръ сжегъ царскій дворецъ въ Персеполѣ, не потому что былъ отуманенъ виномъ пиршества; но съ хорошо обдуманнымъ намѣреніемъ, показать внѣшнимъ знакомъ какъ бы осуществленіе предлога войны. Объ этомъ утвердительно говоритъ Арріанъ (кн. III, cap. 18:) *ὁ δὲ τιμωρήσαθσαι Πέρσας ἐθέλειν ἔφασκεν ἀνθ' ὧν ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα ἐλάσαντες τάς τε Ἀθήνας κατέσκαψαν καὶ τὰ ἱερὰ ἐνέπρησαν.* (т. е. Онъ говорилъ, что хочетъ отмстить Персамъ за то, что они, напавъ на Грецію, разрушили Аѳины и сожгли храмы).

ставить 22,000 пѣхоты и 2,000 конницы. Прочія государства положено было принудить силою къ участію въ возстаніи противъ Македонянъ. Агисъ во-первыхъ двинулся въ Аркадію противъ Мегалополя и осадилъ его. Антипатръ бросился изъ Македоніи на помощь, тѣмъ съ большею поспѣшностію, чѣмъ опаснѣе могло быть возмущеніе, если его не подавить при самомъ началѣ; обѣ стороны спѣшили рѣшить дѣло сраженіемъ. Оно произошло при Мегалополѣ, въ Августѣ 330 года. Послѣ кровопролитной битвы, въ которой Агисъ былъ такъ жестоко раненъ, что долженъ былъ оставить сраженіе, Антипатръ остался побѣдителемъ. Агисъ умеръ геройскою смертью Спартанца. Видя невозможность скрыться, онъ велѣлъ несшимъ и сопровождавшимъ его воинамъ заботиться о своемъ только спасеніи, а самъ, упершись въ землю колѣномъ, защищался до тѣхъ поръ, пока не получилъ желанной смерти. Антипатръ удовольствовался униженіемъ Спарты; Спартанцы должны были отправить къ Александру посольство съ просьбою о прощеніи. Впрочемъ въ Греціи не произошло никакихъ болѣе перемѣнъ, и послѣ этого, въ продолженіе семи лѣтъ, до самой смерти Александра, все было спокойно.

Съ того времени, какъ Александръ овладѣлъ столицами Персіи, перемѣна царствующей династіи была торжественно объявлена. Теперь Александръ предпринялъ походъ для изгнанія Дарія изъ сѣверовосточныхъ провинцій его царства и также для покоренія ихъ. Послѣ битвы при Арбелѣ Дарій бѣжалъ въ Экбатану и тщетно старался тамъ собрать новыя силы; при приближеніи Александра онъ оставилъ столицу Мидіи и спасся бѣгствомъ черезъ такъ называемыя Каспійскія Ворота; но онъ избѣжалъ великодушнаго врага только для того, чтобы попасть въ руки другаго, не столь великодушнаго. Бессъ, сатрапъ

Бактріи, сперва заключилъ его въ оковы и нѣсколько времени влачилъ за собою. Александръ быстро преслѣдовалъ его, и скоро Бессъ и его сообщники увидѣли, что не могутъ продолжать пути съ плѣннымъ царемъ, не затрудняя собственнаго бѣгства. Они нанесли ему множество смертельныхъ ранъ и бросили на дорогѣ. Въ этомъ положеніи онъ былъ найденъ преслѣдовавшими его Македонянами, и на ихъ рукахъ въ Іюлѣ 330 г. умеръ послѣдній Персидскій царь изъ рода Ахеменидовъ. Александръ послалъ трупъ Дарія въ Пассаргаду и велѣлъ положить въ царскую гробницу. Съ этой минуты онъ сталъ считать себя Персидскимъ царемъ и въ этомъ достоинствѣ былъ признанъ большею частью Персовъ; многіе Персидскіе вельможи, въ числѣ которыхъ былъ и Оксіартъ, братъ Дарія, вступили въ его гвардію. Естественно, что теперь въ поведеніи Александра произошла большая перемѣна: онъ являлся уже не врагомъ, но повелителемъ Персовъ, и долженъ былъ такимъ казаться. Онъ принялъ знаки царскаго достоинства и посредствомъ брака вступилъ въ родство съ Персидскою династіею; онъ давалъ Персамъ высшія государственныя должности и, что всего важнѣе, составилъ армію изъ Персовъ, которыхъ велѣлъ вооружить и обучить совершенно такъ, какъ и Македонянъ. Ему пріятно было, когда нѣкоторые генералы слѣдовали его примѣру и учились Персидскому языку, какъ то дѣлали Гефестіонъ, Леонатъ и Певкестъ. Но этимъ онъ оскорблялъ предразсудки Грековъ и Македонянъ, которымъ не хотѣлось

видѣть, что и варвары получили одинакія съ ними права. И такъ противъ него образовалась оппозиція; она-то возбудила въ благородномъ сердцѣ Александра нѣкоторую жестокость и раздражительность, которыя были прежде чужды его характеру. Въ 329 и 328 г., онъ покорилъ всѣ Персидскія провинціи отъ подошвы Индійскихъ горъ до береговъ Каспійскаго Моря, взялъ въ плѣнъ и предалъ казни Бесса, провозгласившаго себя царемъ, подъ именемъ Артаксеркса IV; въ то же время онъ долженъ былъ бороться съ недовольными изъ своихъ приближенныхъ; печальными слѣдствіями этого были смерть Филота и Парменіона, умерщвленіе Клита и казнь философа Каллисѳена.

Александръ пришелъ въ затруднительное положеніе, когда вдругъ долженъ былъ играть двѣ роли: царя Персидскаго и Македонскаго. Мысль—соединить въ одно Западъ съ Востокомъ, и съ одной стороны дать Персамъ Греческое образованіе, съ другой многое принять отъ нихъ, гораздо легче было составить, нежели выполнить. Между недовольными особенно отличался Филотъ, сынъ Парменіона. Еще прежде гордость увлекала его къ поступкамъ, которыми онъ явно показывалъ свое неуваженіе къ царю. Во время пребыванія Александра въ Drangianѣ, открыли противъ него заговоръ, и Филотъ былъ обвиненъ въ соучастіи. По Македонскому праву Филотъ былъ представленъ предъ судей изъ своего сословія, уличенъ въ томъ, что, зная о заговорѣ, не донесъ царю, и казненъ. Впрочемъ, не смотря на то, что Филотъ былъ обвиненъ, осужденъ и казненъ съ сохраненіемъ всѣхъ судебныхъ формъ, весьма вѣроятно, что Парменіонъ, казавшійся теперь царю опаснымъ, былъ убитъ по его повелѣнію. Съ этого времени Александръ началъ видимо возвышать двухъ любимцевъ, Гефестіона, который умѣлъ совершенно примѣниться

къ Персидскому быту, и Кратера, которому ввѣрилъ управленіе дѣлами Греціи и Македоніи. Покоривъ области Арію и Арахозію, въ которыхъ основалъ Македонско-Греческія колоніи, въ первой Александрію Арійскую (Гератъ), во второй Александрію Арахозійскую (Кандагаръ) и далѣе къ южной подошвѣ Гиндукуша заложивъ Александрію на Кавказѣ, устремился къ сѣверу и, преслѣдуя Бесса, который нигдѣ не осмѣлился противостать ему, проникнулъ за Оксъ въ Согдіану. Здѣсь Бессъ былъ выданъ сопровождавшими его приверженцами и подвергся жестокой казни. При этомъ случаѣ надобно замѣтить, что въ Бессѣ онъ наказалъ убійцу царя и притомъ, чтобъ угодить Персамъ, по ихъ законамъ и обычаямъ. Въ 328 г. Александръ проникъ до Яксарта, при устьяхъ котораго заложилъ новую Александрію: онъ перешелъ даже черезъ сію рѣку и вторгнулся въ Скиѳію, но больше для обзора этой земли, нежели для того, чтобъ въ ней утвердиться. Въ странѣ между Оксомъ и Яксартомъ онъ промедлилъ довольно долгое время, для смиренія отдѣльныхъ Персидскихъ намѣстниковъ, которые здѣсь еще держались. При этомъ случаѣ въ числѣ плѣнницъ взята была и прекрасная Роксана, которую Александръ избралъ себѣ въ супруги. Этимъ промедленіемъ онъ воспользовался также для приготовленій къ походу въ Индію. Между тѣмъ, во время пребыванія его здѣсь, оппозиція Македонянъ противъ его намѣреній выказывалась все съ большею силою. Онъ хотѣлъ казаться жителямъ востока въ такомъ видѣ, въ какомъ они привыкли видѣть своихъ властелиновъ; и такъ, чтобы удовольствовать Персовъ, не оскорбляя притомъ Грековъ, онъ вздумалъ воспользоваться идеею о полубогахъ и герояхъ, не чуждою Грекамъ, — выдать себя за сына божества: но это сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ Грековъ и ненавистнымъ въ глазахъ Македонянъ, тѣхъ самыхъ, которые по смерти Александра воздавали божескія почести, приписывали божескія имена и воздвигали храмы недостойнымъ его преемникамъ. Дѣйствительно Александръ имѣлъ при этомъ въ виду одну только

политическую цѣль *) и былъ огорченъ и раздраженъ, видя безуспѣшность своихъ намѣреній. Въ этомъ расположеніи духа, однажды на пиру, разгоряченный виномъ и гнѣвомъ, онъ поразилъ Клита, старавшагося всѣми способами раздражить его — того Клита, который спасъ ему жизнь при Граникѣ. Но когда убійство было совершено, гнѣвъ и страсть исчезли; Александръ пришелъ въ раскаяніе; въ отчаяніи жестоко обвинялъ себя и съ трудомъ былъ удержанъ отъ самоубійства; только неотступныя напоминанія друзей о его царскихъ обязанностяхъ и софистическія доказательства философовъ о вліяніи судьбы и предопредѣленія могли его успокоить **). Вскорѣ послѣ этого казненъ былъ Каллисѳенъ. Этотъ философъ, родственникъ и ученикъ Аристотеля, находился въ царской свитѣ и въ лести не отставалъ отъ другихъ; но когда Александръ сталъ оказывать особенное благоволеніе философу Анаксарху, то онъ перемѣнилъ поведеніе и изъ льстеца сдѣлался злѣйшимъ порицателемъ Александра. Онъ не старался теперь пріобрѣсть вліяніе на царя, но своею противъ него оппозиціею хотѣлъ получить вліяніе на Грековъ и Македонянъ. Особенно возставалъ онъ противъ обыкновенія падать ницъ передъ царемъ — церемоніи, существовавшей только для привыкшихъ къ ней Азіятцевъ, отъ которой, само собою разумѣется, Греки и Македоняне были свободны. Въ это время открытъ былъ заговоръ пажей противъ Александра, и Каллисѳенъ обвиненъ въ подущеніи. Его схватили и осу-

*) Арріанъ (кн. VII, cap. 29) говоритъ: *Ὅτι δὲ εἰς θεὸν τὴν γένεσιν τὴν αὑτοῦ ἀνέφερεν, οὐδὲ τοῦτο ἐμοὶ δοκεῖ μέγα αὐτῷ τὸ πλημμέλημα, εἰ μὴ καὶ σόφισμα ἦν τυχὸν ἐς τοὺς ὑπηκόους τοῦ σεμνοῦ ἕνεκα.* (т. е. За то, что онъ производилъ себя отъ бога, мнѣ кажется онъ не заслуживаетъ большаго упрека; даже если это и не было политическою мѣрою, чтобы вселить къ себѣ уваженіе въ подданныхъ).

**) При этомъ случаѣ софистъ Анаксархъ доказывалъ, что каждому позволительно дѣлать все, что въ силахъ исполнить. По словамъ Плутарха (жизнь Алек. гл. 52) онъ воскликнулъ: *οὐκ οἶσθα ὅτι τὴν Δίκην ἔχει πάρεδρον ὁ Ζεὺς καὶ τὴν Θέμιν, ἵνα πᾶν τὸ πραχθὲν ὑπὸ τοῦ κρατοῦντος θεμιτὸν ᾖ καὶ δίκαιον;* (т. е. Развѣ не знаешь, что возлѣ Зевса возсѣдаютъ Дика и Ѳемида, чтобы всякое дѣло повелителя было законно и справедливо).

дили на смерть. По сказаніямъ однихъ, онъ дѣйствительно былъ казненъ, другіе же напротивъ утверждаютъ, что онъ умеръ въ темницѣ. Достовѣрно, что софисты, подобные Анаксарху, своими безнравственными правилами и лестью пріобрѣли на Александра слишкомъ большое вліяніе и начали вливать порчу въ его благородную и по-истинѣ царскую душу.

Весною 327 г. Александръ, по теченію рѣки Кофена, направилъ путь въ Индію. Здѣсь, въ первый разъ, онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, возбужденное религіознымъ фанатизмомъ. Касательно политическаго устройства Индѣйцевъ, встрѣченныхъ Александромъ, можно замѣтить, что страна была раздѣлена между малыми князьками или раджами, зависѣвшими отъ одного могущественнѣйшаго князя, или верховнаго царя. Въ Верхней Индіи такихъ царей было два, Таксилъ и Поръ; они находились между собою во враждѣ, и Александръ воспользовался этими отношеніями для легчайшаго покоренія принадлежавшей имъ страны. Съ Таксиломъ онъ вступилъ въ союзъ, а Пора, взятаго въ плѣнъ, послѣ несчастной для него битвы, привлекъ къ себѣ великодушіемъ. Отъ береговъ Гифазиса, послѣдней изъ пяти рѣкъ, образующихъ страну, называемую нынѣ Пенджабъ, Александръ пошелъ въ обратный путь, вынужденный къ тому частью желаніемъ войска, отказавшагося отъ дальнѣйшихъ предпріятій, частью неустроенными еще дѣлами западныхъ провинцій своего царства.

Союзъ съ царемъ Таксиломъ, котораго владѣнія простирались до рѣки Гидаспа, открылъ Александру дорогу въ Индію; по другую сторону этой рѣки па-

чипались владѣнія противника Таксила Пора. Такъ какъ Александръ принялъ сторону Таксила, то для его соперника это было побужденіемъ къ сильнѣйшему сопротивленію. Въ то время, какъ Александръ былъ занятъ покореніемъ страны до Гидаспа, Поръ вооружался, и, когда Александръ явился на берегу сей рѣки, которая тогда сильно поднялась, онъ сталъ на противоположной сторонѣ, чтобы не допустить Македонянъ до переправы. Переходъ чрезъ Гидаспъ есть одинъ изъ величайшихъ подвиговъ Александра; но тѣмъ опасность ни чуть не миновалась: ибо сраженіе, происшедшее теперь между нимъ и Поромъ, было самое жаркое изъ всѣхъ, какія гдѣ либо доселѣ выдерживалъ Александръ, и Македонская фаланга едва не лишилась здѣсь славы своей непобѣдимости; здѣсь Александръ долженъ былъ напрячь всѣ силы своего генія, чтобы рѣшить дѣло въ свою пользу. Самъ Поръ былъ взятъ въ плѣнъ, но побѣдитель обошелся съ нимъ дружески и великодушно. Такъ какъ Александръ не могъ укрѣпить своего вліянія на Индію на прочнѣйшемъ основаніи, какъ на соперничествѣ царей Таксила и Пора, то онъ оставилъ за послѣднимъ не только всѣ прежнія его владѣнія, но еще увеличилъ ихъ новыми. Впрочемъ, и здѣсь онъ непосредственно утвердилъ свою власть, заложивъ на Гидаспѣ двѣ колоніи, Букефалу и Никею. Онъ проникъ до Гифазиса, но здѣсь войско отказалось идти далѣе, устрашенное разными слухами о томъ, что надобно въ продолженіи двѣнадцати дней проходить черезъ пустыню, что Гангесъ, котораго они послѣ этого достигнутъ, въ 32 стадіи шириною и есть глубочайшая изъ всѣхъ Индѣйскихъ рѣкъ, и что царь, владѣющій этою страною, кромѣ многочисленной арміи имѣетъ 4,000 боевыхъ слоновъ. Особенно страшны были для Македонянъ слоны, которыхъ они въ первый разъ увидѣли въ битвѣ съ Поромъ; Александръ взялъ себѣ сколько могъ этихъ громадныхъ животныхъ и обращалъ на нихъ особенное вниманіе *). Эти слухи такъ сильно подѣйство-

*) Александръ привелъ изъ Индіи въ западную Азію до трехъ сотъ слоновъ и съ этого времени они играютъ въ исторіи войнъ

вали на войско, что Александръ опасался явнаго непослушанія, еслибъ повелѣлъ переправляться чрезъ Гифазисъ. И когда ему не удалось склонить войско къ продолженію похода, то къ всеобщей радости онъ объявилъ, что соглашается на возвратный путь. На семъ мѣстѣ онъ поставилъ двѣнадцать алтарей, или, собственно, возвышеній на подобіе башенъ, памятниками того, какъ далеко онъ прошелъ и покорилъ вселенную образованію Грековъ. Впрочемъ отношенія, въ которыхъ находились къ нему Таксилъ и Поръ и Македонскіе гарнизоны, оставленные въ новозаложенныхъ городахъ, достаточно обезпечивали завоеванія Александра въ Индіи. Равно и на пути, которымъ пришелъ, онъ оставлялъ во всѣхъ крѣпостяхъ, или взятыхъ имъ, или вновь основанныхъ, свои гарнизоны, чтобы всегда имѣть изъ Персіи въ Индію открытый путь.

Возвращеніе по той дорогѣ, по которой пришелъ, было не въ духѣ Александра, и его любознательность и властолюбіе требовали, чтобъ и обратный путь былъ ознаменованъ новыми открытіями и завоеваніями. И такъ, среди множества опасностей и въ безпрестанной борьбѣ съ непріязненными народами, онъ велъ свое войско внизъ по теченію Инда до самаго впаденія его въ море, основывая вездѣ на выгодныхъ пунктахъ новые города и оставляя гарнизоны. Отъ устьевъ Инда Неархъ получилъ повелѣніе вести флотъ въ Персидскій Заливъ *), а самъ Александръ пошелъ сухимъ путемъ чрезъ пустыни Гедрозіи. Преодолѣвъ множество затрудненій и претерпѣвъ великія потери, въ концѣ 325 года, онъ достигъ

не незначительную роль. Сравн. статью касательно *исторіи слоновъ* въ первомъ томѣ A. W. von Schlegel's Indischer Bibliothek.

*) The voyage of Nearchus from the Indus to the Euphrates, by D. Vincent. London, 1797. 4.

Карамапіи, гдѣ соединился съ прочимъ войскомъ, приведеннымъ туда по другой дорогѣ Кратеромъ.

На возвратномъ пути, достигнувъ Гидаспа, Александръ раздѣлилъ войско на три части: одну повелъ Кратеръ, по правому берегу рѣки, другую Гефестіонъ, по лѣвому, а съ третьею онъ самъ сѣлъ на корабли, которые, между тѣмъ, по его повелѣнію, были построены, и пустился по теченію рѣки. На пятый день плаваніе сдѣлалось опаснымъ, русло рѣки начинало съуживаться, и чѣмъ больше приближались къ мѣсту соединенія Гидаспа съ Акезиномъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось плаваніе, такъ что Александръ принужденъ былъ выйти на берегъ. Послѣ этого, соединивъ все войско, онъ вторгнулся въ землю Малловъ; здѣсь встрѣтилъ мужественное сопротивленіе и за свою отважность, при осадѣ главнаго города страны, едва не заплатилъ жизнью. Это случилось такимъ образомъ: приступъ, сдѣланный Македонянами къ городу, былъ храбро отраженъ осажденными; Македоняне хотѣли уже отступить; тогда Александръ самъ схватилъ лѣстницу и бросился на стѣну; три генерала, Певкестъ, Абреасъ и Леонатъ, послѣдовали за нимъ, но только что они взошли, лѣстница подъ тяжестью устремившихся въ слѣдъ за ними переломилась, и имъ оставалось только спрыгнуть въ городъ и, прислонившись спиною къ стѣнѣ, защищаться до тѣхъ поръ, пока Македоняне не пріидутъ къ нимъ на помощь. Пораженный издали копьемъ Александръ палъ на землю. Певкестъ прикрывалъ его щитомъ, пока Македоняне, послѣ необыкновенныхъ усилій, не подоспѣли къ его спасенію. Ихъ горесть и сожалѣніе, когда они увидѣли бездыханное тѣло Александра, были невыразимы; радость, когда онъ въ первый разъ, по выздоровленіи, показался войску, была безпредѣльна и доходила почти до обожанія. Достигнувъ Инда, онъ основалъ на немъ новый городъ, Александрію на Индѣ. Потомъ, въ Февралѣ 325 г., Александръ опять сѣлъ на корабли и плылъ внизъ по теченію рѣки до города Согдійцевъ, который также превратилъ въ Грекомакедонскую колонію, подъ именемъ Александріи Согдійской. Отсюда онъ

послалъ третью часть войска, подъ предводительствомъ Кратера, въ Караманію, по прямой дорогѣ, а самъ продолжалъ плаваніе по Инду; часть войска, подъ начальствомъ Гефестіона, шла по берегу рядомъ съ флотомъ. Въ Іюлѣ онъ прибылъ къ городу Паттала, гдѣ Индъ дѣлится на два рукава. Здѣсь онъ приказалъ заложить крѣпость, построилъ гавань и верфь, а самъ объѣхалъ оба рукава до самаго Океана. Отъ устьевъ Инда, между тѣмъ, какъ Неархъ повелъ флотъ къ берегамъ Караманіи, Александръ пошелъ съ остальною частью войска чрезъ пустыни Гедрозіи и большими играми торжествовалъ свое прибытіе въ Караманію.

Первымъ дѣломъ Александра, по возвращеніи, былъ строгій и безпощадный судъ надъ намѣстниками, злоупотреблявшими его довѣріе и врученную имъ власть. Не оставляя безнаказанными преступленія, не менѣе заботливости показалъ онъ и въ отношеніи къ войску: наградилъ за подвиги и послѣ столькихъ трудовъ и опасностей далъ для увеселенія его великое блистательное торжество. Онъ установилъ также, чтобы варвары, вооруженные и обученные по образцу Македонянъ, были приняты въ составъ Македонскаго войска, хотя при этомъ долженъ былъ преодолѣть не малое сопротивленіе. Но безпрестанныя занятія внутреннимъ устроеніемъ своего царства и приготовленіями къ новому походу разстроили его здоровье. Отъ сдѣланныхъ имъ усилій, онъ впалъ въ болѣзнь, которая въ 323 году 11 Іюня свела его въ могилу. Онъ умеръ на 33 году и слѣдовательно кончилъ жизнь, подобно своему поэтическому первообразу, Ахиллу, въ цвѣтѣ юности и славы.

Возвращеніе Александра было громовымъ ударомъ для всѣхъ виновныхъ чиновниковъ, и молва о строгости, оказанной имъ противъ нѣкоторыхъ сатраповъ, побудила другихъ спастись отъ заслуженнаго наказанія бѣгствомъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился и Гарпалъ, завѣдывавшій царскою казною въ Экбатанѣ. Гарпалъ, въ то время, когда Александръ былъ еще принцомъ и находился во враждѣ съ отцемъ, ревностно держалъ его сторону и былъ за сіе награжденъ, равно какъ и всѣ, тогда показавшіе себя приверженцами Александра. Такъ какъ Гарпалъ былъ горбатъ и притомъ слабъ, то Александръ не могъ дать ему мѣста при войскѣ и посему вручилъ ему управленіе финансами и ввѣрилъ царскую казну въ Экбатанѣ. Пока Парменіонъ былъ еще главнымъ намѣстникомъ въ Мидіи и могъ смотрѣть за нимъ, Гарпалъ не осмѣливался тронуть царскихъ денегъ, но когда Парменіонъ былъ убитъ и, между тѣмъ, какъ Александръ далеко проникъ въ Индію, онъ воспользовался ввѣренными ему деньгами, какъ своею собственностью, и началъ неслыханную расточительность. По словамъ Страбона, казна простиралась до 180,000 талантовъ; въ самомъ дѣлѣ, такая огромная сумма казалась ему неистощимою, и Гарпалъ расточалъ ее безъ всякаго разсчета, какъ вдругъ роковая вѣсть о возвращеніи Александра и о его строгости пробудила его отъ усыпленія. Онъ рѣшился бѣжать и поступилъ при этомъ съ большою хитростію. Взявъ изъ ввѣренной ему казны еще значительную сумму, подъ предлогомъ, что ему поручено отвести эти деньги въ Европу, онъ выѣхалъ, въ сопровожденіи отряда наемныхъ воиновъ. Достигнувъ моря, онъ сѣлъ на корабль и съ своею поклажею прибылъ въ Грецію. Вѣроятно были и другіе примѣры подобной измѣны, за которые Александръ долженъ былъ наказывать. Въ Февралѣ 324 г. онъ прибылъ въ Сузу, куда созвалъ всѣхъ сатраповъ и вельможъ своего царства. Здѣсь во-первыхъ онъ наградилъ войско: уплатилъ всѣ долги офицеровъ и солдатъ, и, сумма на это истраченная, по словамъ Арріана, простиралась больше нежели на 20,000 талантовъ; вышедшимъ въ отставку во-первыхъ вы-

дано все оставшееся жалованіе, потомъ поденная плата до прибытія на родину, хотя они въ продолженіе дороги имѣли вездѣ безденежное содержаніе— и наконецъ, каждому изъ нихъ дано по таланту. Кромѣ того они пожизненно получили большія преимущества; такъ напр. на общественныхъ торжествахъ и играхъ они занимали первыя мѣста и имѣли право надѣвать побѣдные вѣнки. Генераламъ розданы были золотыя короны; въ числѣ удостоившихся этой почести находились Невкестъ, Неархъ, Онесикритъ, Гефестіонъ и всѣ тѣлохранители. Послѣ этого Александръ торжествовалъ великими и блистательными празднествами свой бракъ съ Персидскою принцессою; въ то же время 80 знатныхъ Македонянъ и многіе изъ низшихъ чиновъ войска праздновали свою свадьбу съ Персіянками. Это было какъ бы прелюдіею къ тѣснѣйшему соединенію обѣихъ націй. Первое, что сдѣлалъ для сего Александръ, было доставленіе Персамъ извѣстнаго разряда въ самомъ войскѣ. Еще до похода въ Индію онъ велѣлъ сдѣлать наборъ изъ Персовъ, и набранныхъ вооружить и обучить всѣмъ военнымъ экзерциціямъ по-македонски. По возвращеніи онъ нашелъ въ нихъ 30,000 отличныхъ воиновъ и далъ имъ мѣсто въ войскѣ непосредственно послѣ фаланги. Уже это возбудило въ Македонянахъ неудовольствіе и зависть, которыя еще болѣе усилились, когда Александръ сталъ принимать знатныхъ Персовъ и въ свою дружину. Войско явно обнаружило это неудовольствіе на одномъ смотрѣ, вскорѣ послѣ того происходившемъ близъ города Описа на Тигрѣ. Александръ объявилъ здѣсь, что хочетъ отпустить ветерановъ домой. Войско приняло это объявленіе за обиду и неблагодарность. Произошло волненіе; многіе кричали, что хотятъ получить увольненіе и, насмѣхаясь, прибавляли: пусть онъ идетъ въ походъ съ отцемъ своимъ Аммономъ и съ своими новонабранными Азіятскими плясунами завоевываетъ свѣтъ! При этомъ Александръ показалъ рѣшительность и поступилъ достойно своего великаго характера. Когда солдаты подняли такой шумъ, что нельзя было ничего слышать, Александръ твердыми шагами вошелъ въ толпу мятежниковъ, указалъ на тринадцать чело-

вѣкъ, которые кричали громче всѣхъ, и велѣлъ ихъ казнить на мѣстѣ. Такою твердостью возстановивъ тишину, онъ произнесъ къ войску рѣчь, въ которой доказалъ, что Македоняне до него и до отца его были народъ грубый, носившій звѣриныя кожи, едва могшій защищаться отъ Иллирійцевъ и Трибалловъ, и объявилъ, что безъ него Македоняне не значили бы ничего, и что онъ, напротивъ, можетъ обойтись и безъ нихъ. Сказавъ это, онъ удалился въ свою палатку и не показывался никому въ продолженіе двухъ дней; на третій нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Персовъ онъ удостоилъ названіемъ своихъ родственниковъ и изъ Персовъ же составилъ придворный штатъ и гвардію. Такая строгость произвела ожидаемое дѣйствіе. Македоняне въ раскаяніи столпились вокругъ его шатра и просили сказать ему, что онъ жестоко огорчаетъ ихъ, называя Персовъ своими родственниками и цѣлуя ихъ. Тогда Александръ вышелъ къ нимъ и возвѣстилъ прощеніе и примиреніе, и былъ принятъ съ неописаннымъ восторгомъ. Подобныя сцены показываютъ все величіе и самостоятельность души Александра; его наслѣдники зависѣли отъ войска; напротивъ, онъ былъ самодержцемъ въ высшемъ и лучшемъ значеніи сего слова. Кратеру дано было порученіе отвести ветерановъ въ Европу, а самъ Александръ пошелъ въ Экбатану, гдѣ провелъ лѣто 324 г. Здѣсь умеръ Гефестіонъ. Александръ лишился въ немъ преданнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга, котораго онъ долго и съ великою горестью оплакивалъ. Изъ Экбатаны онъ пошелъ черезъ горы Коссейцевъ и, покоривъ ихъ, прибылъ въ Вавилонъ, избранный имъ столицею. Занимаясь приготовленіями къ походу въ Аравію, онъ получилъ лихорадку, которая по прошествіи немногихъ дней перешла въ опасную болѣзнь. За два дня до его смерти, генералы, подозрѣвая, что онъ уже умеръ, и что отъ нихъ скрываютъ смерть его, силою ворвались въ его комнату. Еще разъ онъ подалъ имъ всѣмъ руку и, какъ говорятъ, произнесъ сіи многозначащія слова: «Я предвижу, что послѣ моей смерти произойдутъ великія военныя игры.» На вопросъ: кого онъ назначаетъ себѣ наслѣдникомъ, онъ будто бы отвѣчалъ: храбрѣйшаго; но это

ясно выдумка, потому что у него оставался сынъ Ираклъ, и супруга его Роксана была беременна. — Александръ умеръ въ Вавилонѣ, въ тринадцатый день болѣзни.

Характеръ Александра Великаго, въ слѣдствіе множества распущенныхъ о немъ невѣрныхъ разсказовъ, часто былъ представляемъ въ ложномъ свѣтѣ, посему, оканчивая его исторію, мы должны сказать нѣсколько словъ о его личномъ характерѣ — по крайней мѣрѣ сколько нужно для показанія обыкновенно взносимыхъ на него обвиненій. Онъ былъ геній—въ томъ никто не можетъ сомнѣваться; онъ имѣлъ необыкновенную прозорливость въ дѣлахъ военныхъ—въ этомъ ему уступали первенство даже старые опытные генералы, вышедшіе изъ школы его отца; политическій умъ и кротость души онъ показалъ въ поступкахъ своихъ съ побѣжденными. Съ этими качествами онъ соединялъ еще поэтическій духъ и живую, все одушевлявшую и все за собою увлекавшую фантазію. Если бы утверждали только, что Александръ, будучи еще такъ молодъ, не могъ предохранить себя отъ вліянія безпрерывнаго счастія и ласкательствъ, которыя обыкновенно дѣйствуютъ на душу человѣка; еслибъ его обвиняли только въ горячности, раздражительности и нетерпѣніи противорѣчія: то это было бы согласно, какъ съ психологическою, такъ и съ историческою истиною, потому что Александръ былъ человѣкъ и слѣдовательно подверженъ слабостямъ. Но такъ какъ всякое блистательное явленіе несносно для людской зависти, то обыкновенно стараются «мрачить лучезарное и попирать

ногами возвышенное.» Сія судьба постигла и Александра; въ слѣдъ за славою его подвиговъ идутъ обвиненія, что онъ будто бы былъ преданъ пьянству и другимъ порокамъ, и одну изъ величайшихъ душъ, которая когда либо являлась въ человѣческомъ тѣлѣ, втапываютъ въ грязь презрѣннѣйшихъ страстей. Преданія о наклонности Александра къ вину проистекаютъ изъ самаго мутнаго источника; за вѣрное можно принять только то, что Александръ часто угощалъ своихъ генераловъ, и по окончаніи завоеваній завелъ у себя гаремъ: то и другое соотвѣтствовало придворнымъ обычаямъ Македонянъ и Персовъ. Какъ царь Персидскій онъ долженъ былъ имѣть гаремъ, какъ царь Македонскій онъ долженъ былъ угощать своихъ знатныхъ вассаловъ и съ ними пить *). Но что онъ не предавался ни сладострастію гарема, ни пьянству, о томъ свидѣтельствуютъ его дѣла, которыхъ вѣрно не могъ совершить какой нибудь сластолюбивый и преданный пьянству человѣкъ. Также и то, что онъ объявилъ о своемъ божественномъ происхожденіи, не есть еще доказательство его надменной гордости; онъ самъ шутилъ на счетъ этого съ Греками; только для Персовъ оно долженствовало имѣть священный

*) Арріанъ (lib. VII, cap. 28 et 29) говоритъ, что Александръ наблюдалъ строгую воздержность во всѣхъ чувственныхъ удовольствіяхъ: *ἡδονῶν μὲν τοῦ σώματος ἐγκρατέστατος* и относительно употребленія вина, по показанію Аристобула, прямо замѣчаетъ: *καὶ οἱ πότοι οὐ τοῦ οἴνου ἕνεκα μακροὶ αὐτῷ ἐγένοντο (οὐ γὰρ πίνειν πολὺν οἶνον Ἀλέξανδρον) ἀλλὰ φιλοφροσύνης τῆς εἰς τοὺς ἑταίρους.* (т. е. Пиршества у него были продолжительны не изъ наклонности къ вину (ибо Александръ не пилъ много вина), но изъ расположенія къ его друзьямъ).

блескъ, въ которомъ они неохотно отказывали своимъ повелителямъ. Александръ ревностно заботился о распространеніи наукъ и искусствъ. Славнѣйшіе художники этого времени были: живописецъ Апеллесъ и скульпторъ Лизиппъ, которые слѣдовали еще хорошему вкусу, не смотря на то, что искусство начало тогда клониться къ фантастическому и колоссальному. Такъ Стасикратъ хотѣлъ сдѣлать изъ Аѳонской Горы колоссальную статую Александра. Въ правой рукѣ она должна была держать городъ съ 10,000 жителей, а въ лѣвой — чашу, изъ которой большая рѣка низпадала бы въ море. Умнымъ и прекраснымъ отвѣтомъ Александръ отклонилъ этотъ планъ. Онъ сказалъ: «оставьте гору Аѳонскую, какъ она есть; довольно и того, что она уже служитъ памятникомъ глупой гордости одного царя. Кавказъ, Гемоды и Каспійское Море скажутъ обо мнѣ потомству. Они будутъ памятниками моихъ дѣяній.» Любовь къ поэзіи Александръ показалъ не только глубокимъ уваженіемъ къ твореніямъ Гомера, но и тѣмъ, что онъ, среди громовъ войны и подъ бременемъ множества занятій, самъ писалъ поэтическія произведенія. Также на Естественную Исторію Аристотеля онъ употребилъ большія суммы, и безъ его пособій и повелѣній успѣшное исполненіе этого великаго творенія было бы невозможно *).

Побѣды и завоеванія Александра проложили Греческому образованію путь въ Азію. Все, что

*) Plin. hist. natur. lib. VIII, cap. 17.

создалъ Греческій духъ въ періодѣ творческой своей силы, было теперь переработываемо ученымъ образомъ въ главныхъ городахъ Азіи и Египта. Ученость заняла мѣсто изобрѣтенія, критика — мѣсто самостоятельности. Такое направленіе преимущественно преобладало въ Александріи, въ Египтѣ, по имени которой и самое это время называется *Александрійскимъ періодомъ*. Если у какого народа дѣлаются господствующими ученость и критика, то это вѣрный знакъ истощенія творчества, и въ самомъ дѣлѣ оно находилось въ Греціи въ такомъ упадкѣ, что даже чудесныя дѣла Александра не имѣли изъ современниковъ ни достойнаго историка, ни вдохновеннаго ими поэта. Только одна вѣтвь образованія процвѣтала еще въ Греціи во всей силѣ и самостоятельности, это — философія. О ней я долженъ упомянуть тѣмъ болѣе, что философское образованіе играло въ древности такую же роль, какую въ новыя времена религіозныя вѣрованія. Образованные люди того времени держались непремѣнно которой нибудь изъ господствовавшихъ тогда философскихъ системъ и сообразжались съ ея правилами и въ образѣ мыслей, и въ жизни. Особенно важны четыре системы, имѣвшія великое практически-моральное значеніе, именно: система Академиковъ, Перипатетиковъ, Стоиковъ и Эпикурейцевъ. Хотя всѣ онѣ происходятъ изъ одного общаго корня — отъ Сократа, но отъ разныхъ основателей каждая получила свой особенный характеръ, а отъ послѣдователей ихъ собственную обработанную догматику. Основателемъ академи-

ческой школы является Платонъ, основателемъ перипатетической — Аристотель: два мужа, вліяніемъ своего ума на развитіе человѣчества пріобрѣтшіе всемірное историческое значеніе. Особенность Платоновой философіи есть направленіе къ интеллектуальному, вышечувственному міру, возвышеніе сознанія въ область духовную, такъ, что интеллектуальное принимаетъ видъ вышечувственнаго, принадлежащаго мышленію *). Его произведенія не заключаютъ философіи въ системѣ, но въ формѣ разговоровъ свободныхъ и возвышенныхъ умовъ, которые, начиная съ самыхъ простыхъ вещей, постепенно доходятъ до самыхъ глубокихъ идей, и со всѣхъ сторонъ исчерпываютъ предметъ, составляющій содержаніе ихъ разговора. Повсюду встрѣчаемыя читателемъ краснорѣчивѣйшія мѣста, самыя глубокія мысли и сильныя чувствованія дѣлаютъ эти произведенія однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, доставшихся намъ отъ древняго міра. Философское ученіе Платона послужило основаніемъ школѣ, извѣстной подъ именемъ Академіи. Въ послѣдствіи Академія превратилась въ учебное заведеніе, гдѣ особенно занимались діалектикою для образованія ораторовъ, и подъ именемъ Академиковъ разумѣли тѣхъ, которые не принимали ни одной абсолютной истины, а только вѣроятность, которая можетъ быть больше или меньше, смотря потому, больше или меньше приближается къ истинѣ. Основатель перипатетической школы, Аристотель,

*) G. W. Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Bd. 2. S. 170.

сдѣлалъ больше завоеваній въ области ума и наукъ, нежели его воспитанникъ Александръ въ области политики. Онъ обнималъ не только всѣ умозрительныя знанія, но и вещественныя стороны всей вселенной и покорилъ понятію, какъ выражается Гегель, ея богатства и ея растройство: посему большая часть наукъ обязана ему своею самостоятельностью и вмѣстѣ своимъ отличіемъ. Хотя и Аристотель не оставилъ собственно ни какой системы, не смотря на то его философія распространилась по всей области человѣческихъ понятій, которыя онъ подчинилъ своей мысли. Повидимому онъ приступаетъ къ предмету съ эмпирической стороны: умствуетъ, говоритъ объ опытахъ, но въ то же время остается умозрительнымъ *). Отъ множества его сочиненій уцѣлѣла едва четвертая часть, и та, если обратить вниманіе на исторію Аристотелевыхъ рукописей, досталась намъ въ самомъ неполномъ и испорченномъ видѣ. Большую часть своихъ сочиненій Аристотель не издалъ въ свѣтъ, но оставилъ ученику своему Ѳеофрасту; отъ него получилъ ихъ въ подарокъ нѣкто Нелей, послѣ котораго они, или попали въ руки невѣждъ, смотрѣвшихъ за ними безъ раченія, или, какъ говоритъ другое преданіе, были спрятаны наслѣдниками Нелея, изъ опасенія, чтобъ у нихъ не отняли Пергамскіе цари, ревностно отыскивавшіе рукописи. Къ несчастію, сводъ, подъ которымъ ихъ скрыли, былъ сыръ, и, что еще хуже, ихъ тамъ забыли.

*) Гегель въ прив. мѣстѣ стран. 312.

И такъ, когда во время первой Митридатской войны ихъ открыли, то они были уже весьма повреждены сыростью и молью; предпринявшіе теперь трудъ пополнить недостающее и исправить поврежденія, не могли вполнѣ достигнуть цѣли. Уже въ древности объ Аристотелевой философіи составили понятіе, что она основывается на эмпиризмѣ и что Аристотель началомъ познанія полагаетъ то, что называютъ опытомъ. Согласно съ такимъ понятіемъ перипатетическая школа образовала популярную философію, которая особенно занималась естественными и нравственными науками, и съ этимъ соединяла также знанія, необходимыя для образованія ораторовъ и государственныхъ мужей. Остальныя двѣ системы, имѣвшія въ древности великое вліяніе и практическое значеніе, были стоическая и эпикурейская; первая изъ нихъ развилась изъ цинической, а послѣдняя изъ киринейской. Основателемъ цинической школы былъ *Антисѳенъ*, ученикъ Сократа. Во времена, когда господствуетъ роскошь и наружный блескъ жизни, всегда возникаетъ противоположное направленіе, цѣль котораго есть возвращеніе къ естественной простотѣ: это явленіе повторяется во всей исторіи. Лишенія, которымъ подвергался Антисѳенъ, по своей бѣдности, среди роскошныхъ и богатыхъ Аѳинъ, онъ перенесъ въ философскую систему и старался ограничить человѣческую жизнь удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ естественныхъ потребностей. Онъ самъ показалъ въ этомъ примѣръ и нашелъ последователей. Кромѣ основателя, между циниками

славенъ *Діогенъ*. Говорятъ, что самъ Александръ посѣтилъ его и удивился необыкновенной умѣренности и самодовольству философа, когда тотъ не сталъ ничего просить у царя, какъ только, чтобъ онъ отошелъ отъ солнца. Діогенъ жилъ и училъ въ Аѳинахъ и Коринѳѣ, слѣдовательно въ двухъ богатѣйшихъ и роскошнѣйшихъ городахъ Греціи. Впрочемъ очень сомнительно, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ жилъ въ бочкѣ и чтобъ вообще все, что разсказываютъ про него, было справедливо. Скоро цинизмъ измѣнился. Уже въ свитѣ Александра находились циники—отъявленные льстецы и лжецы. Ихъ неуваженіе приличій доходило до безстыдства, а бѣдность до нищенства, и то, чему сначала удивлялись въ нихъ, какъ строгому самоотверженію и самообладанію, по своемъ перерожденіи, впало въ презрѣніе. Не смотря на то, *Зенонъ* принялъ главное правило циниковъ — жить сообразно съ природою—за основаніе своей стоической системы. Онъ очистилъ цинизмъ отъ грязи, сдѣлавшей его наконецъ отвратительнымъ и презрѣннымъ, но удержалъ циническое самообладаніе и презрѣніе всѣхъ внѣшнихъ случайностей жизни; это сдѣлало его систему привлекательною для всѣхъ, отъ природы одаренныхъ твердою волею. По сему-то стоическая философія особенно распространилась между Римлянами, и ихъ исторія даже во времена Христіанскія представляетъ людей, которые принадлежали къ стоикамъ, не только по теоріи, но слѣдовали этой системѣ на практикѣ, въ самой жизни. Противоположная цинической была школа киринейская *Аристиппа*,

также ученика Сократова. Какъ бѣдный Антисѳенъ перенесъ въ философскую систему свои лишенія, такъ богатый Аристиппъ перенесъ въ нее свои удовольствія. Онъ училъ мудрымъ наслажденіямъ жизни, училъ искусству соединять душевныя и тѣлесныя наслажденія, не дѣлаясь рабомъ чувственности. Но, чтобы умѣть соблюдать справедливую умѣренность, надобно быть такимъ человѣкомъ, какъ Аристиппъ. Киренеизмъ измѣнился такъ же скоро, какъ и цинизмъ, и послѣдователи Аристиппа предались сластолюбію и сладострастію. Эпикуръ очистилъ его ученіе. Основное правило его системы — находить высочайшее благо въ наслажденіи *) — было принято за правило жизни многими знатными Римлянами, которые, обладая царскими богатствами, хотѣли наслаждаться благородно и философски.

Царство Александра Великаго состояло изъ слишкомъ неравныхъ элементовъ и по сему могло оставаться нераздѣльнымъ только до тѣхъ поръ, пока сильная рука завоевателя держала его въ соединеніи: оно распалось, но не прежде, какъ когда вся царская фамилія погибла, среди ужасовъ междоусобныхъ войнъ. По смерти Александра члены царской фамиліи были слѣдующіе: супруга его Барсина, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ родившая сына, Иракла, и вторая супруга, Роксана, которая была беременна уже шестой мѣ-

*) Впрочемъ удовольствія Эпикурейцевъ состояли не въ грубыхъ сластолюбивыхъ наслажденіяхъ, но въ томъ, чтобъ не терпѣть ни тѣлеснаго, ни душевнаго безпокойства (*μήτε ἀλγεῖν κατὰ σῶμα, μήτε ταράττεσθαι κατὰ ψύχην*).

сяцъ и вскорѣ родила сына Александра Эга. Кромѣ того оставались еще мать его Олимпія, побочный братъ Филиппъ Аридей и сестра Клеопатра, которая выдана была въ замужство за Александра, царя Эпирскаго, и теперь овдовѣла. Еще надобно замѣтить супругу Филиппа Аридея, Евридику, и принцессу Θессалонику. Законнымъ наслѣдникомъ Александра былъ Принцъ Ираклъ, но собравшіеся въ Вавилонѣ генералы, изъ которыхъ теперь особенно возвысились Пердикка, Леоннатъ и Птоломей, сынъ Лага, провозгласили царемъ дитя, ожидаемое отъ Роксаны, и которое, какъ надѣялись, будетъ мальчикъ. Но Фаланга, недовольная этимъ рѣшеніемъ, настояла, чтобы провозгласили и признали царемъ Филиппа Аридея. Регенство вручено было Пердиккѣ, а прочіе генералы получили сатрапіи. И такъ это дѣло было рѣшено войскомъ, и его вмѣшательство положило основаніе всѣмъ переворотамъ, которые въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ потрясали міръ.

Предводителемъ Фаланги былъ Мелеагръ и собственно ему обязанъ Филиппъ Аридей, доселѣ жившій въ забвеніи, своимъ возвышеніемъ. Такъ какъ конница приняла сторону генераловъ, то сначала казалось, что дѣло должно быть рѣшено оружіемъ. Впрочемъ успѣли согласиться, признали царемъ Филиппа Аридея, но не опредѣлили отношеній, въ которыхъ онъ долженъ находиться къ ожидаемому сыну Александра отъ Роксаны. На первомъ раздѣлѣ, происходившемъ послѣ того въ Вавилонѣ, Птоломей получилъ Египетъ, Леоннатъ Фригію на Геллеспонтѣ, Антигонъ Фригію, Памфилію и Ликію, Эвменъ Каппадокію и Пафлагонію, Лизимахъ Θракію. Антипатру и Кратеру поручено управленіе Македоніею и Греціею,

а прочіе сатрапы, какъ Пиѳонъ въ Мидіи и Певкестъ въ Персидѣ были утверждены въ своихъ провинціяхъ. Пердикка старался теперь склонить все войско на свою сторону, и когда это ему удалось, онъ велѣлъ умертвить Мелеагра и его приверженцевъ. Потомъ собралъ войско и съ его согласія положилъ оставить безъ исполненія всѣ предположенныя распоряженія Александра, которыя нашли въ его бумагахъ. Діодоръ (lib. XVIII. cap. 4.) сохранилъ эти распоряженія: Александръ хотѣлъ, чтобы въ Финикіи, Сиріи, Киликіи и въ Кипрѣ выстроена была 1.000 военныхъ судовъ, которые превосходили бы величиною корабли о трехъ рядахъ скамей для гребцовъ, и этотъ флотъ отправить въ походъ противъ Карѳагена и прочихъ народовъ Ливіи, Иберіи и другихъ, обитавшихъ по берегамъ Средиземнаго Моря, до самой Сициліи. Онъ хотѣлъ проложить военную дорогу по всему берегу отъ Ливіи до Геркулесовыхъ Столповъ, воздвигнуть шесть великолѣпныхъ храмовъ, употребивъ на постройку каждаго по 1,500 талантовъ и устроить для флота достаточное число новыхъ гаваней. Кромѣ того предполагалось еще заложеніе новыхъ городовъ и переселеніе жителей изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію, чтобы тѣмъ тѣснѣе соединить и сравнять эти обѣ части свѣта; отцу своему Филиппу онъ хотѣлъ соорудить памятникъ, который не уступалъ бы въ величинѣ самымъ большимъ Египетскимъ пирамидамъ. Когда эти планы, продолжаетъ Діодоръ, были объявлены въ собраніи, созванномъ Пердиккою, то Македоняне нашли ихъ превосходными, но слишкомъ обширными и трудными, и рѣшили оставить ихъ безъ исполненія.

Въ то время, какъ полководцы Александра дѣлили между собою его царство, Греки требовали себѣ свободы, какъ своей части изъ наслѣдства. Оставленные въ Азіи Греки соединились и, составивъ значительное войско, рѣшились силою открыть себѣ возвратный путь въ отечество; Греческія государства въ Европѣ свергли Македон-

ское иго. Но какъ первое предпріятіе кончилось гибелью всѣхъ принявшихъ въ немъ участіе, такъ точно рушилось и второе—и Ламійская война послужила только къ большему утвержденію покорности Греціи. Ревностнѣйшіе защитники независимости Греціи, сильнѣе всѣхъ возбуждавшіе къ возстанію противъ Македонянъ, Демосѳенъ и Иперидъ, теперь нашли свою смерть.

По смерти Александра, въ верхней Азіи соединилось въ большомъ числѣ Греки, оставленные имъ въ основанныхъ тамъ колоніяхъ: они состояли частью изъ служившихъ наемниками въ войскѣ Дарія, частью изъ удаленныхъ изъ Греціи по политическимъ причинамъ. Ихъ собралось до 20,000 слишкомъ пѣхоты и 3,000 конницы, и еще многіе должны были присоединиться къ нимъ на пути, потому что планъ ихъ былъ открыть себѣ дорогу въ отечество оружіемъ. Противъ нихъ выступилъ, по повелѣнію Пердикки, намѣстникъ Мидіи, Пиѳонъ. Такъ какъ это мятежное войско въ рукахъ честолюбиваго легко могло сдѣлаться опаснымъ орудіемъ, то Пердикка тайно приказалъ Македонянамъ, находившимся подъ командою Пиѳона, умертвить всѣхъ Грековъ. Македоняне исполнили это, когда Пиѳонъ, послѣ битвы, нерѣшительной для обѣихъ сторонъ, переговорами склонилъ Грековъ положить оружіе и вступить къ нему въ службу, и обманутый въ своихъ надеждахъ и раздраженный Пиѳонъ возвратился въ свое намѣстничество. Равнымъ образомъ при извѣстіи о смерти Александра пришли въ движеніе и Европейскіе Греки. Мѣры, принятыя имъ по возвращеніи изъ Индіи, относительно Греціи, возбудили тамъ всеобщее неудовольствіе; особенно онъ раздражилъ Аѳинянъ повелѣніемъ сдать островъ Самосъ. Пока Александръ былъ живъ, они вооружались въ тишинѣ; на украденныя деньги, привезенныя сюда Гарпаломъ, они собрали наемное войско и предводителемъ его назначили отличнаго полководца Леосѳена. И такъ все было готово къ возстанію, и только что пронеслась вѣсть

о кончинѣ царя, какъ война тотчасъ открылась. Демосѳенъ, жившій тогда въ изгнаніи, былъ возвращенъ, и блистательный пріемъ, приготовленный Аѳинянами своему славному оратору, ясно обнаружилъ общее расположеніе умовъ. Почти всѣ Греческія государства приняли участіе въ возстаніи, кромѣ Коринѳа, Спарты и Беотіи. Коринѳяне были удержаны отъ этого находившимся въ ихъ крѣпости Македонскимъ гарнизономъ; Спартанцы отказались изъ гордости, не желая сражаться подъ предводительствомъ Аѳинянъ, а Беотійцы — изъ своихъ выгодъ, опасаясь, чтобы соединенные Греки не возстановили разрушенныхъ Македонянами Ѳивъ. Къ союзникамъ присоединились также Ѳессалійцы, и все войско ихъ простиралось до 30,000 человѣкъ, въ томъ числѣ, кромѣ наемниковъ, находились и граждане нѣкоторыхъ государствъ; воодушевленные воспоминаніемъ о прежней независимости, они отважились снова начать борьбу, неудавшуюся имъ ни съ Филиппомъ, ни съ Александромъ. Антипатръ могъ противопоставить имъ только 13,000 пѣхоты и 6,000 конницы, и при Термопилахъ проигралъ битву. Разбитый, онъ бросился въ крѣпость Ламію, по имени которой и вся эта война называется *Ламійскою*, и держался въ ней до тѣхъ поръ, пока къ нему не прибылъ на помощь Леоннатъ. Между тѣмъ, во время осады, Греческій предводитель Леосѳенъ былъ убитъ брошеннымъ со стѣны камнемъ, и его мѣсто заступилъ Аѳинянинъ Антифилъ, не менѣе искусный полководецъ, но не пользовавшійся тою довѣренностью, какую пріобрѣлъ себѣ отъ всѣхъ побѣдоносный Леосѳенъ; не смотря на то, что его войско было ослаблено отступленіемъ Этолійцевъ, Антифилъ пошелъ на встрѣчу Леоннату и разбилъ его; самъ Леоннатъ палъ въ битвѣ. Между тѣмъ Антипатръ, пользуясь отступленіемъ Грековъ, оставилъ крѣпость и, присоединивъ къ себѣ остатки разбитаго войска Леонната, велъ оборонительную войну, до прибытія въ 322 г. Кратера съ ветеранами, которыхъ Александръ поручилъ ему отвести изъ Азіи въ Европу. И теперь, когда Македоняне угрожали Грекамъ превосходными силами, Аѳиняне въ продолженіе войны явили себя достойными

своихъ предковъ, и Θессалійцы снова доказали свою храбрость, которою отличались въ походахъ Александра. Послѣ многихъ незначительныхъ сшибокъ, въ Сентябрѣ 322 г. при Краонѣ, въ Θессаліи, дано было генеральное сраженіе: Македоняне удержали поле битвы. Но сіе сраженіе, само по себѣ такъ нерѣшительное, что и Греки присвоивали себѣ побѣду, имѣло рѣшительныя слѣдствія для возстановленія Македонскаго владычества въ Греціи, потому что вожди Грековъ сдѣлали предложеніе Македонскому полководцу о мирѣ, и когда Антипатръ соглашался договариваться только съ каждымъ государствомъ порознь, то всѣ спѣшили заключить сколько возможно выгоднѣйшій для себя миръ, такъ что наконецъ Аθиняне и Этолійцы были оставлены всѣми союзниками. Тогда Антипатръ двинулся прямо на Аθины; къ нему на встрѣчу выслали посольство, главами котораго были Антипатровъ другъ Фокіонъ и приверженный къ Македонской партіи Демадъ, не для переговоровъ о мирѣ, но для испрошенія отъ милости побѣдителя умѣренныхъ условій; но они были суровы: Аθиняне должны были принять Македонскій гарнизонъ, который былъ поставленъ въ Мунихіи и, по волѣ Антипатра, измѣнить образъ правленія. Каждый гражданинъ, имѣвшій меньше 2000 драхмъ, исключался отъ участія въ правленіи. Если вѣрить сказанію, то въ слѣдствіе сего постановленія изъ 30,000 гражданъ 21,000 лишились своихъ политическихъ правъ. Изъ этого видно, какъ пало древнее благосостояніе Аθинъ, и какъ богатство все болѣе и болѣе скоплялось въ рукахъ немногихъ *). Безъ Фокіона, пользовавшагося довѣріемъ Македонянъ, судьба Аθинъ была бы еще жесточе, потому что Антипатръ не питалъ того уваженія къ наукамъ и искусствамъ, какое имѣли къ нимъ Филиппъ и Александръ. Антипатръ преслѣдовалъ теперь и обоихъ ораторовъ, противоборствовавшихъ во всю жизнь свою Македонскому владыче-

*) Diodor. Sic. lib. XVIII, cap. 18. Довольно хорошій обзоръ исторіи Аθинъ отъ кончины Алекс. Вел. до возобновленія Ахейскаго союза находится въ Historische und philologische Analekten von D. W. H. Grauert. Münster 1833.

ству, Демосѳена и Иперида. Послѣдній былъ захваченъ и преданъ казни въ самомъ городѣ, Демосѳенъ же скрылся до вступленія Македонянъ въ Аѳины и искалъ спасенія въ храмѣ Посейдона, находившемся на островѣ Калавріи, насупротивъ Трезенъ. Македоняне преслѣдовали его и въ этомъ убѣжищѣ и окружили храмъ. Тогда Демосѳенъ, видя невозможность бѣжать, принялъ ядъ и умеръ въ Ноябрѣ 322 г. Антипатру предстояла теперь упорнѣйшая борьба съ Этолійцами, рѣшившимися защищаться, еслибъ важныя извѣстія изъ Азіи не заставили его заключить съ ними миръ. Онъ сдѣлалъ это, но съ твердымъ намѣреніемъ нарушить условія, при первомъ благопріятномъ случаѣ. Такою политикою онъ произвелъ то, что эти храбрые горцы, для утвержденія своей свободы, старались заключить тѣснѣйшій союзъ, и въ то время, какъ прочія Греческія государства, отжившія вѣкъ своей славы и силы, болѣе и болѣе склонялись подъ иго Македонянъ, Этолійцы, прежде не игравшіе въ Греческой Исторіи ни какой значительной роли, теперь пріобрѣтаютъ великое значеніе.

Между тѣмъ, какъ въ Греціи возмущеніе было подавлено, въ Азіи отношенія Пердикки и прочихъ намѣстниковъ приняли такой видъ, что война сдѣлалась неизбѣжною. Пердикка началъ явно выказывать свое намѣреніе, перейти за предѣлы ввѣренной ему власти и возбудилъ подозрѣніе въ стремленіи къ престолу. Утвердивъ Эвмена въ назначенной ему провинціи и тѣмъ пріобрѣтши въ немъ твердую себѣ опору, онъ измѣнилъ своимъ тайнымъ умысламъ двумя рѣшительными поступками: отказался жениться на Никеѣ, дочери Антипатра, съ которою уже былъ обрученъ, намѣреваясь вступить въ бракъ съ принцессою Клеопатрою, и старался разными жалобами оклеветать Антигона и Птоломея передъ войскомъ. Слѣдствіемъ сего было то, что оскорбленный Анти-

патръ и угрожаемые имъ Антигонъ и Птоломей заключили союзъ. Открывшаяся послѣ сего война кончилась въ 321 г. паденіемъ и смертью Пердикки и преслѣдованіемъ его приверженцевъ. На мѣсто его регентомъ сдѣланъ былъ Антипатръ: онъ перевезъ царскую фамилію въ Европу. Въ Азіи былъ оставленъ Антигонъ предводителемъ царскихъ войскъ, и такъ какъ въ его распоряженіи находились и царскія сокровища и военныя силы, то онъ явился тамъ значительнѣйшимъ человѣкомъ, какъ скоро ему удалось погубить Эвмена и прочихъ приверженцевъ Пердикки.

Пердикка повелѣлъ Антигону и Леоннату ввести Эвмена во владѣніе доставшеюся ему сатрапіею, Каппадокіею, которую сперва надобно было покорить; но такъ какъ Леоннатъ отправился въ Грецію на помощь къ Антипатру, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ лишился жизни, а Антигонъ не хотѣлъ исполнять приказанія, то Пердикка самъ помогъ Эвмену завоевать сатрапію, которая состояла изъ Каппадокіи или, лучше, изъ всей сѣверо-восточной части Малой Азіи. Естественное положеніе сей страны, мѣстами гористой и населенной дикими племенами, мѣстами представляющей богатыя пастбища и плодоносныя равнины, затрудняло ея завоеваніе. Посему Персы, довольствовавшіеся и тѣмъ, что признавали ихъ владычество, ограничивались здѣсь тѣмъ, что назначали правителя, который, кромѣ платы ежегодной дани, былъ совершенно отъ нихъ независимъ. Такимъ образомъ возникли царства Понтъ и Каппадокія. Независимости сей послѣдней Пердикка теперь положилъ конецъ. Царь ея Аріаратъ въ одномъ сраженіи лишился вѣнца и жизни; сынъ его бѣжалъ въ Арменію и, воспользовавшись въ послѣдствіи междоусобіями генераловъ, возвратилъ часть своихъ владѣній. Еще въ большей независимости отъ Персовъ находились гористыя страны: Писидія и Ликаонія. Пердикка покорилъ и ихъ, хотя при этомъ встрѣтилъ жестокое со-

противленіе; такъ напр. жители города Исаврія, не желая сдаться, сгорѣли въ своихъ домахъ. Пердикка, въ то время, какъ между нимъ и соединившимися противъ него полководцами открылась война, имѣлъ въ Эвменѣ вѣрнаго и преданнаго себѣ друга. Самъ онъ выступилъ въ походъ противъ Птолемея въ Египетъ, а Эвменъ остался для защиты Малой Азіи, куда, по усмиреніи мятежа въ Греціи, черезъ Геллеспонтъ, вторгнулись Антипатръ и Кратеръ. Хотя Эвменъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи, потому что Македоняне ненавидѣли его, какъ иноземца и напослѣдокъ совсѣмъ оставили, не смотря на то, своими талантами онъ успѣлъ склонить побѣду на свою сторону и разбилъ Кратера, который самъ палъ въ битвѣ. Пердикка напротивъ не былъ такъ счастливъ; онъ хотя и проникъ въ Египетъ, но, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ перейти чрезъ Нилъ, былъ умерщвленъ возмутившимся войскомъ (321 г.). Непосредственнымъ слѣдствіемъ паденія Пердикки было преслѣдованіе всѣхъ его родственниковъ и приверженцевъ. Подъ эту опалу попалъ и Эвменъ. Войско, рѣшившее участь Пердикки, присвоило себѣ право, назначить ему преемника; оно избрало въ регенты Пиѳона, который доселѣ былъ намѣстникомъ въ Мидіи. Но онъ, чувствуя себя мало способнымъ для перенесенія возложеннаго на него бремени, передалъ власть въ руки Антипатра, какъ скоро сей послѣдній прибылъ въ Азію. Въ Сиріи, въ Трипарадейзѣ, Антипатръ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ раздѣлѣ намѣстничествъ, и, между прочимъ, Селевкъ, предводитель конной дружины, получилъ въ удѣлъ сатрапію Вавилонію. Антипатръ возвратился въ Македонію, куда взялъ съ собою Филиппа Аридея, супругу его Евридику, и также юнаго Александра вмѣстѣ съ матерью его Роксаною, оставивъ въ Западной Азіи Антигона и поручивъ ему главное начальство надъ царскимъ войскомъ, для преслѣдованія и совершеннаго уничтоженія Эвмена. Антигонъ, имѣя 60,000 пѣхоты и 10,000 конницы, скоро принудилъ Эвмена заключиться въ горной крѣпости Норѣ, находившейся на границѣ Каппадокіи съ Ликаоніею, и такимъ образомъ сдѣлался облада-

телемъ всей Малой Азіи, а Птоломей присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Палестину, Финикію и Келосирію; въ это время переведено было въ Александрію множество Іудеевъ, которые заселили въ ней цѣлый кварталъ и пользовались большими привилегіями. Посему Александрія сдѣлалась средоточіемъ также и Іудейской Литературы, и совершенный здѣсь переводъ Ветхаго Завѣта на Греческій языкъ, такъ называемый 70 толковниковъ, въ первый разъ сдѣлалъ доступными Греческому міру истины Откровенія.

Смерть Антипатра, послѣдовавшая вскорѣ по возвращеніи его изъ Азіи, въ 320 г., произвела большія перемѣны, какъ во взаимныхъ отношеніяхъ важнѣйшихъ лицъ того времени, такъ и въ отношеніи къ царской фамиліи: Антипатръ назначилъ наслѣдникомъ своимъ въ регентствѣ не сына своего Кассандра, но стараго друга Полисперхонта. Такъ какъ Кассандръ, недовольный этимъ, соединился съ Антигономъ и получилъ отъ него вспоможеніе деньгами, кораблями и войскомъ, то естественно, что Полисперхонтъ возвысилъ теперь противника Антигонова Эвмена. Въ самомъ дѣлѣ, онъ назначилъ Эвмена царскимъ стратегомъ въ Азіи и отдалъ въ его распоряженіе всѣ находившіяся тамъ военныя силы и казнохранилища. Для утвержденія своего достоинства въ Европѣ онъ принялъ двѣ мѣры: вызвалъ изъ Эпира мать Александра В. Олимпію, удалившуюся туда по непріязни къ Антипатру, и выдалъ отъ имени царя декретъ, которымъ возстановлялъ автономію Греческихъ городовъ и освобождалъ ихъ отъ Македонскихъ гарнизоновъ: но въ обоихъ случаяхъ не достигъ цѣли. Кассандръ сперва утвердился въ Греціи и оттуда открылъ себѣ путь въ Маке-

донію, гдѣ царица Олимпія своими жестокостями возбудила противъ себя всеобщую ненависть. По ея повелѣнію былъ убитъ Филиппъ Аридей, вмѣстѣ съ супругою своею Евридикою и до ста знатныхъ Македонянъ; за это, когда Кассандръ овладѣлъ Македоніею, она сама была приговорена къ смертной казни и побита камнями. Теперь Кассандръ, владѣя Греціею и Македоніею, вступилъ въ бракъ съ принцессою Ѳессалоникою, а законнаго наслѣдника Александра вмѣстѣ съ матерью его Роксаною отправилъ въ Амфиполь и велѣлъ тамъ держать ихъ, какъ плѣнныхъ. Между тѣмъ, какъ въ Европѣ такимъ образомъ значеніе царской фамиліи было почти уничтожено, Эвменъ тщетно старался всѣми силами поддержать оное въ Азіи. Своекорыстіе окружавшихъ его уничтожало всѣ его усилія, наконецъ и самъ онъ, въ 315 году, сдѣлался жертвою ихъ измѣны. Какъ въ Европѣ Кассандръ, по изгнаніи Полисперхонта и смерти Олимпіи, принялъ видъ совершенно независимаго государя, такъ точно поступилъ Антигонъ, по паденіи Эвмена въ Азіи.

Эвменъ, узнавъ въ Норѣ, осаждаемой Антигономъ, о своемъ назначеніи въ царскіе стратеги, тотчасъ оставилъ эту крѣпость, привлекъ на свою сторону Аргираспидовъ и взялъ изъ царской сокровищницы, находившейся въ Киликійской крѣпости Квиндѣ, сколько было нужно денегъ для того, чтобъ быть въ состояніи сойтись съ своимъ противникомъ на открытомъ полѣ. Конечно это было самое лучшее средство, какое только могъ принять Полисперхонтъ, чтобы занять Антигона въ Азіи. Напротивъ, не такъ удачно онъ достигъ своей цѣли провозглашеніемъ Греческой автономіи: именно—онъ хотѣлъ этимъ склонить на свою сторону Греческія государства и отвлечь ихъ

отъ Кассандра, которому предана была большая часть комендантовъ или Эпимелетовъ, поставленныхъ Антипатромъ; но они во многихъ городахъ такъ утвердились, что вытѣснить ихъ было невозможно; а гдѣ это и удалось, то сопровождалось новыми безпорядками, увеличившими еще болѣе всеобщее замѣшательство. Примѣръ этого представляютъ Аѳины, въ которыхъ декретъ Полисперхонта, въ 318 г., произвелъ два переворота. Македонскій гарнизонъ, занимавшій Мунихію, по декрету долженъ былъ выйти и предоставить полную власть демократіи, но начальникъ его, Никаноръ, былъ другъ Кассандра, и зная, что сей послѣдній скоро явится туда съ флотомъ, не только не очистилъ Мунихіи, но еще занялъ Пирей. Послѣдовало возстаніе демократической партіи и ниспроверженіе учрежденнаго Антипатромъ правленія, главою котораго былъ Фокіонъ. Онъ бѣжалъ къ Полисперхонту, но былъ выданъ демократамъ и, по приговору ихъ, отравленъ. Черезъ четыре дня по смерти Фокіона вступилъ въ Аѳинскую гавань Кассандръ. Такъ какъ гарнизонъ, занимавшій Пирей, лишилъ городъ подвоза и остановилъ торговлю, то Аѳиняне покорились Кассандру и заключили съ нимъ договоръ. Кассандръ снова уничтожилъ демократію, исключивъ отъ участія въ правленіи всѣхъ имѣвшихъ менѣе десяти минъ, и поставилъ главою города равно славнаго государственнаго мужа, какъ и писателя Димитрія Фалерейскаго, который удерживалъ эту должность отъ 318 до 308 г. и пользовался ею съ великимъ благоразуміемъ ко благу своего отечества. Какъ многочисленно еще было народонаселеніе Аѳинъ, видно изъ исчисленія, сдѣланнаго при введеніи новаго правленія,—21,000 гражданъ, 10,000 не имѣвшихъ полнаго права гражданства и 400,000 рабовъ. Конечно нельзя положить, что всѣ они жили въ самыхъ Аѳинахъ: большая часть рабовъ вѣроятно находилась внѣ города и была употребляема для обработыванія земли и на фабрикахъ; не смотря на то, народонаселеніе все еще было велико. Подобно какъ въ Аѳинахъ, Кассандръ получилъ перевѣсъ въ большей части и прочихъ Греческихъ городовъ, а раздоры, происшедшіе въ царской фамиліи, скоро открыли ему

путь и въ самую Македонію. Прибытіе въ Македонію царицы Олимпіи имѣло слѣдствіемъ ужасныя явленія. Эта старая мстительная женщина возвратилась въ свое царство, предводительствуя войскомъ, и тотчасъ приняла подъ защиту своего внука Александра Эга и мать его Роксану. Супруга Филиппа Аридея также вывела на встрѣчу къ ней войско; но лишь только Олимпія, мать Александра Великаго и бабка юнаго наслѣдника престола, показалась передъ нимъ, держа на рукахъ своего внука, всѣ Македоняне перешли на ея сторону. Оставленная Евридика съ супругомъ была взята въ плѣнъ и брошена въ темницу, въ которой въ Октябрѣ 317 г. повѣсилась на своемъ поясѣ; Филиппъ Аридей былъ убитъ по приказанію Олимпіи; въ то же время сто знатныхъ Македонянъ, преимущественно изъ друзей и родственниковъ Кассандра, сдѣлались жертвою мстительной царицы. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Кассандръ поспѣшилъ въ Македонію и, послѣ безуспѣшной попытки пробиться чрезъ Ѳермопилы, сѣлъ въ Озольской Локридѣ на корабли и тотчасъ, по прибытіи въ Ѳессалію, устремился на Пидну, куда бѣжала Олимпія. Царица защищалась съ упорствомъ, въ надеждѣ, что Полисперхонтъ прійдетъ освободить ее; но ожиданія ея были тщетны, потому что войско Полисперхонта предалось Кассандру. Весною 316 г. отъ недостатка въ жизненныхъ припасахъ она принуждена была сдаться. Чтобы совсѣмъ освободиться отъ нея, Кассандръ воспользовался злобою и местью родственниковъ казненныхъ по повелѣнію ея Македонянъ; она была представлена на судъ войска, приговорена къ смерти и побита камнями. Роксана съ юнымъ сыномъ своимъ, также захваченная въ Пиднѣ, была отправлена плѣнницею въ Амфиполь, и вообще Кассандръ началъ поступать совершенно какъ царь Македоніи. Онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Ѳессалоникою, основалъ на полуостровѣ Палленѣ городъ Кассандрію, куда собралъ жителей нѣкогда разрушенныхъ Филиппомъ городовъ Олинѳа и Потидеи и возстановилъ разрушенныя Александромъ Ѳивы. Такими поступками онъ ясно обнаружилъ неуваженіе къ царской фамиліи и этимъ хотѣлъ привлечь и упрочить

расположеніе къ себѣ Грековъ. Власть Полиснерхонта ограничивалась нѣсколькими крѣпостями въ Пелопонпезѣ, которыя онъ еще удерживалъ за собою.

Между тѣмъ, какъ въ Европѣ достоинство царской фамиліи было такимъ образомъ почти совсѣмъ уничтожено, Эвменъ старался поддержать его въ Азіи. Запасшись деньгами и склонивъ на свою сторону Аргираспидовъ, онъ обратился въ Верхнюю Азію, надѣясь найти въ сатрапахъ этихъ областей уваженіе къ царской фамиліи и помощь. Селевкъ не хотѣлъ ему повиноваться; напротивъ Певкестъ и другіе сатрапы восточныхъ провинцій, которые въ это самое время собрали большое войско и изгнали изъ Мидіи Пиѳона, безъ противорѣчія присоединились къ нему. Впрочемъ положеніе Эвмена было весьма затруднительно: такой значительный человѣкъ, какъ Певкестъ, естественно имѣлъ притязанія на главное начальство; другіе стремились къ тому же; единодушіе полководцевъ казалось погибшимъ именно въ тотъ самый моментъ, когда было всего необходимѣе, потому что въ 317 г. Антигонъ также появился въ Верхней Азіи, и слѣдовательно здѣсь должно было произойти рѣшеніе войны. Изъ этой бѣды Эвменъ выпутался довольно страннымъ способомъ: онъ велѣлъ сдѣлать изображеніе Александра Великаго, поставилъ его на тронѣ въ великолѣпномъ шатрѣ, который назначенъ мѣстомъ военнаго совѣта, и такимъ образомъ сдѣлалъ предсѣдателемъ самого Александра; но когда дѣло доходило до совѣщаній, то своимъ умомъ и опытностью утверждалъ перевѣсъ за собою; также, пока у него были деньги, и войско оставалось вѣрнымъ. Такимъ образомъ сначала ему удалось принудить Антигона къ отступленію; но слѣдствія зависти прочихъ генераловъ не замедлили обнаружиться; только посредствомъ подложныхъ писемъ изъ Македоніи, Эвменъ могъ удерживать свое мѣсто; наконецъ онъ сдѣлался жертвою предательства. Въ 316 г. Антигонъ напалъ на Габіену, гдѣ онъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ и принудилъ его къ сраженію. Эвменъ, не смотря на то, что Певкестъ оставилъ его, умѣлъ такъ искусно вести битву, что она осталась бы не рѣшенною, если бы къ несчастію Антигонъ не овладѣлъ

обозомъ и семействами Аргираспидовъ. Эти корыстолюбивые солдаты рѣшились предать своего полководца въ оковахъ въ руки непріятеля, чтобъ этимъ постыднымъ поступкомъ купить себѣ возвращеніе утраченнаго имущества, женъ и дѣтей. Антигонъ хотѣлъ спасти его, хотѣлъ имѣть его другомъ, чтобы воспользоваться его талантами для своихъ честолюбивыхъ плановъ, но, побѣжденный настойчивыми просьбами прочихъ полководцевъ, принужденъ былъ произнесть его смертный приговоръ.

Сила, пріобрѣтенная Антигономъ и насильственныя мѣры, къ которымъ онъ прибѣгнулъ для подавленія своихъ соперниковъ, побудили ихъ къ общему противъ него союзу, и Антигонъ едва успѣлъ окончить борьбу съ Эвменомъ, какъ увидѣлъ себя снова запутаннымъ въ войну гораздо труднѣйшую, которую ему надлежало вести противъ Птоломея, Селевка, Кассандра и Лизимаха. Побѣда при Газѣ въ 312 г. открыла Селевку возвратный путь въ Вавилонъ, и между тѣмъ, какъ Антигонъ занятъ былъ войною на западѣ, онъ распространялъ свои владѣнія на востокѣ. Во время этой войны, какъ Антигонъ, такъ и его противники обнаружили духъ независимости, начавшій выказываться съ возрастающею силою, и царское достоинство фамиліи Александра Великаго казалось теперь однимъ только пустымъ призракомъ, который, смотря по обстоятельствамъ, могъ существовать только до тѣхъ поръ, пока въ немъ имѣли нужду. И такъ, хотя по миру, заключенному Антигономъ въ 311 г. съ своими соперниками, юный Александръ и былъ признанъ царемъ, но это провозглашеніе—было для него смертнымъ приговоромъ. Кассандръ велѣлъ умертвить

его въ томъ же году вмѣстѣ съ матерью. Принцъ Ираклъ, противупоставленный Кассандру Полиперхонтомъ, былъ убитъ въ 309 г.; въ тоже самое время погибла и сестра Александра В. Клеопатра, такъ, что отъ прежней царской фамиліи не оставалось въ живыхъ никого, кромѣ Өессалоники, супруги Кассандра.

Побѣдивъ Эвмена, Антигонъ сдѣлался безспорно самымъ могущественнымъ между полководцами Александра; хорошо понимая свои силы и значеніе, онъ началъ поступать какъ неограниченный повелитель: утвердилъ Пиөона, сатрапа Мидіи, отнялъ у Певкеста Персиду и поставилъ въ ней намѣстникомъ приверженца своего Асклепіодора. Что случилось потомъ съ Певкестомъ, не извѣстно; онъ исчезаетъ изъ Исторіи. Отъ Селевка Антигонъ потребовалъ отчета, и такъ какъ Селевкъ былъ столько гордъ, что не захотѣлъ признать себя его подчиненнымъ, и столько слабъ, что не могъ сопротивляться, то бѣжалъ въ Египетъ къ Птоломею. Птоломей, какъ только получилъ извѣстіе о дѣлахъ и намѣреніяхъ Антигона, тотчасъ отправилъ пословъ къ Кассандру и Лизимаху, приглашая ихъ къ общему противъ него союзу. Опасность была такъ очевидна, что никто не могъ отъ этого отказаться. Потомъ союзники предложили Антигону слѣдующія требованія: Карію, Каппадокію и Ликію уступить Кассандру, Фригію на Геллеспонтѣ Лизимаху, Птоломею всю Сирію, и наконецъ Селевку — Вавилонію. Сверхъ того, онъ долженъ былъ раздѣлить съ ними взятую имъ въ Сузѣ царскую казну. Антигонъ отвергъ всѣ эти требованія и объявилъ, что онъ одинъ одержалъ побѣду—ему одному принадлежатъ и плоды ея. И такъ открылась новая война, тѣмъ упорнѣйшая, чѣмъ больше силъ могли выставить обѣ стороны. Антигонъ прикрылся маскою защитника юнаго царя и, чтобы Кассандра, который держалъ его въ заключеніи, занять въ Европѣ, помогъ деньгами Полиперхонту и провозгласилъ автономію Греческихъ государствъ. Онъ самъ въ 314

году, вступилъ съ войскомъ въ Сирію и Палестину; Библъ, Сидонъ и Триполь были оставлены Египетскими гарнизонами; напротивъ Тиръ, Іоппе и Газа рѣшились сопротивляться; чтобы покорить ихъ, Антигонъ долженъ былъ имѣть флотъ. Для этого въ Финикіи и по всему берегу строили корабли и осадныя машины съ величайшимъ напряженіемъ. Войны наслѣдниковъ Александра, кромѣ своей политической важности, особенно примѣчательны еще тѣмъ, что благопріятствовали приложенію математическихъ наукъ къ военному искусству. Тогда Механика, Навтика, строеніе машинъ распространили свою область до предѣловъ, прежде совершенно неизвѣстныхъ. Антигону удалось овладѣть этими тремя городами, хотя Тиръ сдался не прежде, какъ черезъ пятнадцать мѣсяцевъ осады. Послѣ сего онъ отправился въ Малую Азію, гдѣ въ 313 г. разбилъ и уничтожилъ войско Кассандра, правителя Каріи, оставивъ въ Сиріи для прикрытія этой области сына своего Димитрія. Юный вождь, увлеченный пылкою храбростью, въ 312 году, при Газѣ вступилъ въ сраженіе съ Птоломеемъ и Селевкомъ, въ которомъ сіи состарѣвшіеся въ битвахъ полководцы одержали надъ нимъ рѣшительную побѣду; непосредственнымъ слѣдствіемъ сего была потеря всѣхъ сдѣланныхъ Антигономъ завоеваній: Аскалонъ, Акра, Іоппе, Сидонъ отворили ворота Египтянамъ и граждане Тира принудили коменданта сдать городъ, стоившій Антигону столько времени, денегъ и усилій. Селевкъ воспользовался этимъ временемъ, какъ самымъ благопріятнымъ для возвращенія себѣ своего намѣстничества, Вавилоніи. Не болѣе какъ съ 1300 человѣкъ онъ поспѣшилъ въ Вавилонъ, и такъ какъ успѣлъ укрѣпить и утвердить здѣсь свою власть, то въ послѣдствіи въ Селевкидскомъ царствѣ стали вести отъ этого событія лѣтосчисленіе. *Селевкидская Эра*, у Арабовъ Тарикъ Руми, начинается съ 30 Октября 312 года; по ней ведется лѣтосчисленіе въ книгахъ Маккавеевъ; во все продолженіе Среднихъ Вѣковъ она была въ употребленіи у Сирійскихъ Христіанъ и сохраняется ими и понынѣ. Впрочемъ, побѣда при Газѣ потеряла свое значеніе, когда самъ Антигонъ снова явился въ Сиріи; Димитрій загладилъ

стыдъ своего пораженія побѣдою надъ Египетскимъ генераломъ Киллесомъ и осторожный Птоломей отступилъ въ Египетъ. И такъ Антигонъ опять сдѣлался обладателемъ всѣхъ своихъ завоеваній, за исключеніемъ Вавилоніи, гдѣ Селевкъ дѣйствовалъ съ возрастающимъ счастіемъ; противъ него отправленъ былъ Димитрій. Онъ хотя и взялъ Вавилонъ, но своимъ поведеніемъ возбудилъ противъ себя такую ненависть, что, по удаленіи его, Селевкъ снова утвердилъ свою власть и, распространяя мало по малу предѣлы своихъ владѣній, образовалъ блестящее царство Селевкидовъ. Въ слѣдующемъ (311) году Антигонъ заключилъ съ своими противниками миръ, въ которомъ впрочемъ о Селевкѣ не было упомянуто, и потому кажется, что его исключили изъ договора. Условія были слѣдующія: Кассандру управлять Македоніею до совершеннолѣтія сына Александрова, прочимъ полководцамъ остаться при своихъ владѣніяхъ, Грекамъ предоставить автономію. Непосредственно за этимъ торжественнымъ признаніемъ наслѣдственныхъ правъ юнаго царевича послѣдовало умерщвленіе его и вмѣстѣ его матери. Комендантъ Амфиполя, Главкій, совершилъ это злодѣяніе. Гибель Александра Эга дала значеніе принцу Ираклу, единственной еще оставшейся отрасли Александра Великаго, и Полисперхонтъ воспользовался имъ, чтобъ получить перевѣсъ надъ Кассандромъ. При посредствѣ Антигона онъ вызвалъ его къ себѣ изъ Пергама и съ помощію Этолійцевъ собралъ войско для возвращенія царевичу наслѣдственнаго трона. Его предпріятіе началось какъ нельзя лучше, потому что Македоняне отказались сражаться противъ сына Александра Великаго. И такъ Полисперхонтъ сдѣлалъ большую ошибку, что, склонясь на обѣщанія Кассандра, въ 309 году отравилъ принца, за права котораго поднялъ оружіе. Кассандръ обѣщалъ ему за это уступить стратегію въ Пелопоннезѣ и принять къ себѣ въ соправители въ Македонію, но не исполнилъ ни того, ни другаго, и обманутый Полисперхонтъ умеръ въ безвѣстности, всѣми забытый, владѣя небольшимъ участкомъ земли, лежавшимъ между Эпиромъ и Это-

ліею. Въ 309 году по приказанію Антигона была убита и Клеопатра, жившая въ Сардахъ.

Трагическая гибель царской фамиліи открыла свободное поприще честолюбію полководцевъ, которые успѣли держаться доселѣ во ввѣренныхъ имъ областяхъ Александрова царства; никто больше не преграждалъ имъ пути, они теперь могли бы спокойно раздѣлить ихъ между собою и принять царскіе титулы, еслибъ каждый изъ нихъ не хотѣлъ имѣть всего. И такъ снова открылась война, и предлогомъ къ ней послужила автономія Греческихъ государствъ. Никому не хотѣлось уступить эту важную страну другому, каждый старался принудить соперниковъ вывести изъ Греческихъ городовъ свои гарнизоны. Автономія Греціи собственно была идея, отжившая свое время, и такія то идеи болѣе всего употребляются какъ поводы для политическихъ цѣлей. Сынъ Антигона, Димитрій Поліоркетъ, два раза являлся въ Греціи, какъ освободитель; престарѣлый отецъ его явно стремился къ тому, чтобъ всю монархію Александра Великаго соединить подъ своимъ скипетромъ. Онъ первый съ сыномъ въ 307 году принялъ царскій титулъ; его примѣру послѣдовали Птоломей, Селевкъ и Лизимахъ. Но его важнѣйшія предпріятія рушились: онъ не могъ покорить Египетъ и, не смотря на чрезвычайныя усилія, не успѣлъ смирить Родосъ, и наконецъ, когда соперники составили противъ него союзъ, въ 301 году при Ипсѣ проигралъ сраженіе и лишился жизни.

Антигонъ послалъ сына своего Димитрія въ Грецію, и онъ высадился въ Аѳинахъ. Димитрія можно срав-

пить съ Алкивіадомъ, или, какъ это сдѣлалъ Плутархъ, съ М. Антоніемъ. Съ одной стороны расточительный, развращенный и надменный, съ другой напротивъ, когда обстоятельства заставляли его дѣйствовать, онъ являлъ необыкновенную дѣятельность, предусмотрительность и силу. Въ 308 году онъ вступилъ въ Пирей съ флотомъ, войскомъ и богатою казною, и былъ принятъ Аѳинянами съ тріумфомъ, какъ освободитель. Димитрій Фалерейскій, подъ покровительствомъ Кассандра въ продолженіе десяти лѣтъ управлявшій государствомъ, сдѣлался бы непремѣнно жертвою ярости демократовъ, какъ прежде Фокіонъ, если бъ самъ Поліоркетъ не принялъ его подъ свою защиту. Онъ удалился послѣ этого въ Египетъ, гдѣ въ Александріи Птоломей открылъ Греческимъ ученымъ безопасное и почетное пристанище, и куда въ продолженіе постоянныхъ войнъ и смятеній изъ Греціи бѣжали весьма многіе; почему не удивительно, что Александрія съ этого времени сдѣлалась одною изъ столицъ Греческой учености и образованности. По удаленіи Димитрія Фалерейскаго, Македонскій гарнизонъ, занимавшій Мунихію, долженъ былъ сдаться. Теперь Аѳиняне безумно боготворили своего освободителя, надѣлившаго народъ деньгами и снабдившаго городъ съѣстными припасами; одинъ демагогъ старался превзойти другаго въ изобрѣтеніи народныхъ постановленій въ честь Поліоркета. Такъ они дали ему и его отцу царскій титулъ; Діонисіаки, священнѣйшій Аѳинскій праздникъ, назвали Деметріаками; подлѣ статуй Армодія и Аристогитона опредѣлили поставить золотыя изображенія Димитрія и Антигона; къ десяти филамъ присоединить двѣ новыя и назвать ихъ по имени Димитрія и его отца, вмѣстѣ съ другими подобными опредѣленіями, которыя Плутархъ (vit. Demetr. cap. 10—14) подробно исчисляетъ и обсуживаетъ. Также и Мегара сдѣлалась свободнымъ и демократическимъ государствомъ. Но Димитрій былъ отозванъ въ томъ же году, потому что его отецъ имѣлъ нужду какъ въ немъ, такъ и въ его флотѣ для похода въ Египетъ противъ Птоломея. Ему поручено было овладѣть Кипромъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ занятъ Птоломеемъ и обращенъ

въ Египетскую провинцію. Димитрій отправился изъ Аөинъ прямо въ Кипръ; высадившись на немъ, въ 307 году, въ рѣшительномъ сраженіи, разбилъ брата Птоломеева Менелая и осадилъ его въ столицѣ острова, Саламинѣ, съ моря и суши. Птоломей, которому Кипръ былъ необходимъ по своему строевому корабельному лѣсу, поспѣшилъ на защиту осажденнаго города. Здѣсь произошла морская битва, принадлежащая по огромности кораблей и искусству, показанному обѣими сторонами, къ самымъ примѣчательнымъ. Она рѣшилась въ пользу Димитрія; сорокъ непріятельскихъ кораблей онъ захватилъ въ плѣнъ и восемдесятъ потопилъ. Слѣдствіемъ побѣды было покореніе острова Кипра. Милетецъ Аристодемъ, принесшій о ней извѣстіе Антигону, привѣтствовалъ его предъ собравшимся войскомъ именемъ царя, и войско одобрило это. Тогда Антигонъ принялъ царскую діадему и возложилъ ее и на сына своего Димитрія. Птоломей, Селевкъ и Лизимахъ послѣдовали его примѣру и провозгласили себя царями странъ, которыми управляли дотолѣ какъ намѣстники. Одинъ Кассандръ не принялъ ни царскаго титула, ни діадемы. По завоеваніи Кипра Антигонъ имѣлъ намѣреніе совершенно подавить Птоломея. Для этой цѣли въ слѣдующемъ (306) году онъ предпринялъ походъ противъ Египта съ 80,000 пѣхоты, 8,000 конницы и 80 слонами, между тѣмъ, флотъ подъ начальствомъ Димитрія долженъ былъ помогать военнымъ операціямъ, дѣйствуя на берега. Но завоевать Египетъ весьма трудно, если со стороны его защитниковъ приняты хорошія мѣры къ оборонѣ. Такой искусный полководецъ, какъ Птоломей, умѣлъ превосходно воспользоваться естественнымъ положеніемъ своей страны, и предпріятіе Антигона рушилось безуспѣшно. Впрочемъ онъ не оставилъ своего плана, и что не удалось съ этой стороны, того старался достигнуть по другой дорогѣ. Теперь онъ замыслилъ совершенно вытѣснить Птоломея съ моря, уничтожить Египетскую торговлю и запереть Египетскимъ кораблямъ всѣ гавани. Для этого ему необходимо было содѣйствіе Родоса, который въ это время своею торговлею значительно усилился на морѣ; но такъ какъ Родосцы

отказались прервать выгодныя для нихъ торговыя сношенія съ Египтомъ, то Антигонъ далъ повелѣніе захватывать всѣ корабли ихъ, плывущіе въ Египетъ. Родосцы начали отправлять свои корабли подъ военнымъ прикрытіемъ и скоро между ними и Антигономъ открылись враждебныя дѣйствія. Тогда Димитрій сдѣлалъ такія страшныя приготовленія, что эта малая республика соглашалась на величайшія пожертвованія, чтобы только отвратить отъ себя войну. Но требованія, объявленныя теперь Димитріемъ, были такого рода, что Родосцы рѣшились лучше защищаться. Димитрій употребилъ въ дѣло все, что только могли доставить отцевы владѣнія, все, что могла произвесть механика того времени, всѣ возможныя машины; наконецъ самъ сдѣлалъ новыя изобрѣтенія и улучшенія, чтобы только покорить это свободное государство *); посему осада Родоса есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ; ибо съ одной стороны дѣйствовало все, что представляло совершеннѣйшее военное искусство — съ другой непоколебимое мужество Родосцевъ, защищавшихся съ такимъ упорствомъ, что Димитрій охотно прекратилъ бы осаду, еслибъ могъ это сдѣлать подъ благовиднымъ и почетнымъ предлогомъ; обстоятельства доставили ему оный: въ 304 году Этолійское посольство прибыло къ нему съ просьбою о помощи противъ Кассандра, въ тоже время Аѳины и другія Греческія государства явились ходатаями Родосцевъ, которые съ своей стороны охотно дѣлали все, что могло прикрыть стыдъ Димитрія, который напрасно настроилъ столько огромныхъ машинъ и безъ пользы потерялъ столько времени, людей и денегъ. По условіямъ мира Родосъ былъ признанъ государствомъ независимымъ, впрочемъ обязался выдать сто гражданъ въ залогъ того, что не предприметъ ничего противъ Антигона и Димитрія. Въ память этой геройской обороны Родосцы поручили Харесу воз-

*) Изъ машинъ, которыми дѣйствовалъ Димитрій при осадѣ Ролоса, примѣчательнѣйшая есть, такъ называемая, гелеполисъ, описанная полробно Діодоромъ (Lib. XX, cap. 91). За изобрѣтеніе такихъ удивительныхъ машинъ Димитрію дано прозваніе: *Πολιορκήτης*.

двигнуть знаменитый колоссъ, причисляемый къ семи чудесамъ свѣта. Со времени Александра, господствовавшій вкусъ въ искуствахъ былъ направленъ къ фантастическому и необыкновенно громадному: доказательствомъ тому служитъ этотъ колоссъ, имѣвшій въ вышину 70 локтей *). Родосцы же, съ согласія оракула, въ знакъ благодарности за оказанную помощь дали Птоломею имя спасающаго бога, опредѣлили воздавать ему божеское почитаніе и еще при жизни воздвигли храмъ, какъ герою. Такъ скоро наслѣдники Александра дошли до того, что позволили воздавать себѣ тѣ самыя почести, за которыя старались сдѣлать его смѣшнымъ и ненавистнымъ. Изъ Родоса Димитрій Поліоркетъ прямо отправился въ Грецію, гдѣ Кассандръ, пользуясь его отсутствіемъ, снова распространилъ свою власть, многіе города занялъ своими гарнизонами и тѣснилъ Аѳины. Высадившись въ Авлидѣ, Димитрій выгналъ Кассандровы войска изъ Беотіи, заключилъ союзъ съ Этолійцами и послѣ этого торжественно вступилъ въ Аѳины. Его развратная жизнь въ продолженіе зимы, здѣсь проведенной, и новыя почести, оказанныя ему Аѳинянами, весьма важны для изображенія состоянія нравственности этого времени, и служатъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ испорченности древняго воспитанія и нравовъ. Храмъ Парѳенонъ былъ назначенъ ему жилищемъ, и это святилище дѣвственной богини онъ осквернилъ самыми постыдными дѣлами. Для чести города Плутархъ умалчиваетъ о множествѣ гнусныхъ поступковъ, совершенныхъ Димитріемъ, и, не смотря на то, Аѳиняне опредѣлили все, — что Царю Димитрію угодно сдѣлать или повелѣть, считать священнымъ въ отношеніи къ богамъ и спра-

*) Кажется — выдумка, что эта мѣдная статуя ногами опиралась на оба противоположные берега гавани и что между ними проходили всѣ вступавшіе въ нее корабли. Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія, колоссъ былъ ниспровергнутъ землетрясеніемъ и еще въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ лежалъ въ гавани, ни кѣмъ не тронутый. Наконецъ въ 672 г. полководецъ Калифа Моавія I. продалъ его жиду, который разбилъ въ куски и переплавилъ его.

ведливымъ въ отношеніи къ людямъ *). Демагогъ, который дѣлалъ и приводилъ въ исполненіе всѣ эти предложенія и всякаго противорѣчившаго изгонялъ изъ города, назывался Стратоклъ. Великое вліяніе, пріобрѣтенное такимъ презрѣннымъ человѣкомъ, показываетъ, что Аѳины уже не были достойны автономіи. Лѣтомъ 303 г. Димитрій выгналъ Кассандровы гарнизоны изъ Ахаіи и подобно Филиппу и Александру В. велѣлъ провозгласить себя на Истмѣ, при Коринѳѣ, стратегомъ всѣхъ Грековъ; потомъ устремился на самаго Кассандра, который, чтобъ отклонить направленный противъ него ударъ, отправилъ къ Антигону пословъ съ просьбою о мирѣ; но сей послѣдній рѣшительно объявилъ себя единственнымъ наслѣдникомъ Александра и требовалъ отъ него безусловной покорности. Прочіе цари тотчасъ увидѣли, что это объявленіе относится также и къ нимъ; вслѣдствіе сего между Кассандромъ, Птоломеемъ, Селевкомъ и Лизимахомъ составился союзъ. Антигонъ вызвалъ Димитрія въ Азію, гдѣ намѣревался сосредоточить свои силы и гдѣ по всѣмъ признакамъ долженъ былъ рѣшиться споръ о власти, потому что сюда шелъ Птоломей изъ Египта, Селевкъ изъ Верхней Азіи и Лизимахъ изъ Ѳракіи. Впрочемъ, только Селевкъ и Лизимахъ соединили свои войска. Селевкъ прибылъ не съ многочисленною и безполезною свитою, какъ обыкновенно выступали въ походъ восточные государи, но предводительствуя отборнымъ войскомъ; восточнаго съ нимъ было только сто боевыхъ колесницъ и четыреста восемьдесятъ Индѣйскихъ слоновъ. Птоломей съ намѣреніемъ шелъ медленно, чтобъ не поспѣть къ сраженію; оно произошло въ 301 году при Ипсѣ во Фригіи; Антигонъ проигралъ его и самъ на 81 году отъ рожденія нашелъ смерть

*) Въ біографіи Димитрія Плутархъ говоритъ: *ἔτι δὲ προσεψηφίσαντο δεδόχθαι τῷ δήμῳ τῶν Ἀθηναίων πᾶν, ὅτι ἂν ὁ βασιλεὺς Δημήτριος κελεύσῃ, τοῦτο καὶ πρὸς θεοὺς ὅσιον, καὶ πρὸς ἀνθρώπους εἶναι δίκαιον.* (т. е. Еще опредѣлили, что Аѳинскій народъ согласенъ съ тѣмъ, что всѣ повелѣнія Димитрія священны въ отношеніи къ богамъ и справедливы въ отношеніи къ людямъ).

на полѣ битвы; напротивъ Димитрій бѣжалъ на свои корабли и отправился въ Европу.

Сраженіе при Ипсѣ рѣшило судьбу Азіи, и хотя, въ частности, во владѣніи нѣкоторыми областями произошло еще нѣсколько перемѣнъ, но вообще мы видимъ, что изъ земель Персидскаго царства, завоеванныхъ Александромъ, образовались двѣ великія монархіи: Египетъ, при царѣ Птоломеѣ, распространившемъ свою власть по берегамъ Африки за предѣлы Киренеи, и доставшаяся Селевку и присоединенная къ прочимъ обширнымъ владѣніямъ его, простиравшимся по всей Верхней Азіи, Сирія, именемъ которой какъ главной и, такъ сказать, столичной страны названо все царство Селевкидовъ; напротивъ царство Лизимаха, который послѣ сраженія при Ипсѣ, кромѣ Ѳракіи, получилъ еще всю Малую Азію, по смерти его распалось. Большая часть Малой Азіи досталась Селевкидамъ, между тѣмъ, въ другихъ частяхъ были возставлены или древнія варварскія княжества, какъ напр. въ Каппадокіи, Понтѣ и въ Виѳиніи, или возникли новыя, какъ Пергамъ и Галатская тетрархія. Во всѣхъ сихъ странахъ господствовали Греческія науки и искусства; города, которыхъ особенно много построено было Селевкидами *), получили Греческія

*) Изъ городовъ, частію вновь заложенныхъ, частію получившихъ только Греческія названія и населенія было: семнадцать Антіохій, пять Лаодикей, три Апамеи, сверхъ того многіе заняли свои имена отъ городовъ, Греческихъ и Македонскихъ. Но Греки, жившіе въ сихъ городахъ весьма скоро выродились и не составляли для Селевкидскаго царства никакой опоры, которую оно надѣялось имѣть въ нихъ. Смотри Flathe's Geschichte von Macedonien Bd. 2, S. 197, fg.

имена, и обитатели ихъ говорили по Гречески; національный языкъ, униженный Греческимъ, вездѣ дѣлался нарѣчіемъ черни. И такъ сіи государства не были основаны на народности, и этимъ недостаткомъ легко объясняется быстрое ихъ паденіе. Эти царства, основаніе коихъ стоило столькихъ усилій и крови, сдѣлались легкою добычею Римлянъ. Сраженіе при Ипсѣ, рѣшившее судьбу Азіи, послужило только къ тому, чтобы еще больше запутать дѣла Греціи и Македоніи; прошло много времени, пока сіи страны приняли опредѣленный видъ и достигли спокойнаго развитія условій своего быта. На Македонскомъ престолѣ наконецъ утвердилась династія Димитрія Поліоркета, а въ Греціи образовались союзы Ахейскій и Этолійскій—послѣднія формы, въ которыхъ проявилась политическая независимость Греческой націи.

Димитрій Поліоркетъ надѣялся, что Греція, такъ много обязанная ему, изъ благодарности приметъ его и въ несчастіи въ отверзтыя объятія. Въ сей надеждѣ, послѣ пораженія при Ипсѣ, онъ направилъ туда путь, но уже близъ Цикладскихъ острововъ встрѣтилъ его Аѳинскій государственный корабль съ просьбою не вступать въ Аѳины, потому что народъ опредѣлилъ соблюдать между воюющими партіями нейтралитетъ. Не имѣя довольно силъ, чтобы въ этотъ же моментъ принудить ихъ къ повиновенію и отмстить за неблагодарность, онъ обратился къ Истму, но и здѣсь нашелъ ворота вездѣ затворенными, откуда прежде, въ счастливое его время, все съ изъявленіями радости стремилось къ нему на встрѣчу. Впрочемъ Димитрій былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи средствъ: онъ усилилъ свой флотъ, пріобрѣлъ твердые пункты въ Пелопоннезѣ и потомъ устремился на Аѳины, гдѣ народъ вооружился въ то время про-

тивъ Лахареса, который находился подъ покровительствомъ Кассандра и стремился къ тиранніи. Въ 296 г. городъ принужденъ былъ къ сдачѣ, и хотя Димитрій не мстилъ Аѳинянамъ, однакоже не показалъ имъ прежней благосклонности. Онъ поставилъ гарнизонъ въ Мунихіи и Пиреѣ и сдѣлалъ Аѳины средоточіемъ новаго царства, которое готовился основать. Смерть Кассандра и послѣдовавшіе за тѣмъ безпорядки перемѣнили его намѣреніе. Кассандръ умеръ въ 298 г.; годъ спустя умеръ старшій сынъ и наслѣдникъ его Филиппъ. Теперь два младшіе сына Кассандра, Антипатръ и Александръ, вступили въ споръ о престолѣ, и когда Антипатръ искалъ помощи у Лизимаха Ѳракійскаго, Александръ призвалъ на свою защиту Димитрія Поліоркета. Димитрій пришелъ и по умерщвленіи Александра и изгнаніи Антипатра овладѣлъ Македоніею. Такимъ образомъ онъ вдругъ возвысился до трона Александра В. и только вступилъ на него, какъ тотчасъ почувствовалъ стремленіе соединить подъ своею державою всю его монархію; посему, едва утвердившись въ Македоніи, онъ началъ дѣлать великія приготовленія, чтобы выставить себя единственнымъ наслѣдникомъ Александра. Онъ собралъ большія силы сухопутныя и морскія, но мѣры, къ которымъ онъ прибѣгалъ при наборѣ ихъ, отвратили отъ него сердца всѣхъ въ Греціи и Македоніи. Войско, съ которымъ онъ мечталъ побѣдить своихъ соперниковъ, оставило его. Въ 287 г. изъ Македоніи онъ бѣжалъ въ Грецію, гдѣ Аѳины уже отпали отъ него; поручивъ Пелопоннезъ старшему сыну своему Антигону Гонату, самъ отправился въ Малую Азію, намѣреваясь тамъ разбить Лизимаха, но былъ имъ вытѣсненъ во владѣнія Селевка, который скоро взялъ его въ плѣнъ и содержалъ въ заточеніи до самой смерти (284) подъ строгимъ надзоромъ, впрочемъ прилично. На упраздненный престолъ Македонскій объявили теперь притязанія Пирръ Эпирскій и Лизимахъ Ѳракійскій. Впрочемъ Пирръ успѣлъ утвердиться только въ одной половинѣ страны, но и оттуда былъ выгнанъ Лизимахомъ. Послѣ этого Македонія была нѣкоторое время въ соединеніи съ Ѳракійско-Мало-Азійскимъ царствомъ Лизимаха; война, открывшаяся

между нимъ и Селевкомъ, имѣла слѣдствіемъ большія перемѣны; въ битвѣ при Курупедіонѣ, во Фригіи, въ 282 г. Лизимахъ не только былъ разбитъ, но лишился и самой жизни. Тогда Македонскимъ царемъ провозгласилъ себя побѣдоносный Селевкъ, но на пути въ Македонію въ 281 г. онъ былъ умерщвленъ сыномъ Египетскаго царя, Птоломеемъ Керавномъ, находившимся въ его свитѣ. Теперь Македонскимъ престоломъ овладѣлъ Керавнъ, но не успѣлъ онъ утвердиться, какъ вторгнулись Галлы; — безпорядки возрасли до высочайшей степени. Съ давняго времени Галльскія племена начали опустошительные набѣги и переселенія: во первыхъ на Италію, гдѣ многіе изъ нихъ поселились и стали вести осѣдлую жизнь; но въ дальнѣйшемъ распространеніи своихъ завоеваній встрѣтивъ тамъ отпоръ со стороны Римлянъ, они устремились на юговостокъ и многочисленными ордами вторгнулись въ Ѳракію и Македонію. Въ 279 году Птоломей Керавнъ встрѣтилъ ихъ и погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ; въ слѣдствіе сего въ Македоніи произошла совершенная анархія. Въ слѣдующемъ году (278) Галлы, подъ предводительствомъ Бренна, устремились на Грецію, но въ Ѳермопилахъ были остановлены Греками, соединившимися противъ варваровъ подъ начальствомъ Аѳинянина Каллипа. По незащищенной дорогѣ чрезъ Эту, Галлы измѣною пробрались имъ въ тылъ, и Греки успѣли спастись только бѣгствомъ на стоявшій вблизи Аѳинскій флотъ. Галлы пошли къ Дельфамъ, но здѣсь противустали имъ Греки, и тѣмъ съ большимъ мужествомъ, что сами боги по видимому явили имъ свое содѣйствіе: вдругъ произошло сильное землетрясеніе, которое сколько ободрило Грековъ, столько устрашило варваровъ, такъ что наконецъ, не достигнувъ своей цѣли, они принуждены были предпринять обратный путь, и такъ какъ возвращеніе ихъ скоро превратилось въ разсѣянное бѣгство, то большая часть была побита туземными жителями. 20,000 Галловъ, которые, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за своими единоплеменниками въ Грецію, остались для разоренія Ѳракіи, удалились въ Азію, гдѣ были приняты Виѳинскими царями на жалованіе и

получили для населенія страну, названную по имени ихъ Галатіею или Галлогреціею. Въ продолженіе этого времени въ Македоніи господствовала совершенная анархія. Сперва престоломъ Александра В. владѣло, одинъ послѣ другаго, нѣсколько узурпаторовъ; потомъ оспаривали его другъ у друга Пирръ и Димитріевъ сынъ, Антигонъ Гоннатъ; нѣсколько разъ эта страна переходила изъ рукъ въ руки, наконецъ последній одержалъ верхъ въ 266 году. Династія Антигона утвердилась на Македонскомъ престолѣ, равно какъ династія Селевка въ Сиріи и Птоломея въ Египтѣ. Напротивъ Греція сдѣлалась независимою отъ Македоніи съ того времени, какъ всѣ Греческія государства присоединились или къ воинственнымъ Этолійцамъ, или къ мирному союзу Ахейцевъ.

Греко-Македонскій міръ, котораго Исторію мы здѣсь прерываемъ, образовалъ систему государствъ, съ ревностью другъ за другомъ наблюдавшихъ. Малыя государства и республики обязаны этому соперничеству тѣмъ, что, не смотря на сосѣдство могущественныхъ династій Птоломея, Селевка и Антигона, могли сохранять свою независимость, потому что нужны были для поддержанія равновѣсія. Это равновѣсіе необходимо долженствовало рушиться, какъ скоро Римъ, государство непринадлежавшее къ ихъ кругу, вмѣшалось въ ихъ интересы. Всѣ малыя государства и республики явились усердными его союзниками противъ большихъ, которыя хитрою политикою, такъ равно и военнымъ счастіемъ и искусствомъ Римлянъ были сперва ослаблены и потомъ совсѣмъ покорены, такъ что наконецъ вся область Греко-Македонскаго міра совершенно слилась съ Римскою Имперіею. И такъ мы опять возвратимся къ симъ государствамъ въ Исторіи Рима. Но преж-

де нежели перейдемъ къ ней, намъ остается еще обратить вниманіе на Грековъ, обитавшихъ на западѣ Средиземнаго Моря и особенно въ Сициліи. Этотъ островъ, по географическому положенію своему, принадлежитъ къ Италіи и по сему представляетъ естественный переходъ отъ Грековъ къ Римлянамъ. Сиракузы, въ Исторіи которыхъ сосредоточивается Исторія всего острова, побѣдою надъ Аѳинянами утвердили свою гегемонію надъ нимъ. Демократическій образъ правленія, учрежденный здѣсь со времени изгнанія Ѳразибула, даже въ опасности, которою угрожала война, не потерпѣлъ никакого измѣненія; впрочемъ чувствовали, что древніе Дорійскіе законы не были больше совмѣстны съ отношеніями торговаго города, управляемаго демократіею, и потому желали или новаго законодательства, или смягченія стараго. Это трудное дѣло было поручено коммиссіи изъ почетнѣйшихъ гражданъ, подъ предсѣдательствомъ Діокла и еще въ 412 г. окончено *). Впрочемъ развитіе гражданской жизни Сиракузъ было подавлено возвышеніемъ тиранна, который успѣлъ утвердиться во время несчастной войны со внѣшнимъ непріятелемъ и яростной вражды партій внутри. Хитрый Діонисій воспользовался безпорядками, происшедшими въ Сиракузахъ въ слѣдствіе неуспѣшной войны съ Карѳагенянами, при-

*) По недостатку источниковъ подробности законодательства Діокла неизвѣстны. Діодоръ вмѣсто того, чтобъ сообщить намъ главныя черты онаго, говоритъ одни похвалы законодателю. Итакъ мы знаемъ только, что эти законы были хороши и благодѣтельны; доказательствомъ тому служитъ то, что они были соблюдаемы до самаго взятія Сиракузъ Римлянами.

званными на помощь городомъ Эгестою, и вражды между партіями Діокла и Гермократа, и объявилъ себя тиранномъ.

Эгеста, призывавшая на помощь Аеинянъ, когда они погибли, снова сдѣлалась жертвою мщенія своихъ враговъ. Въ самомъ дѣлѣ Селинунтяне такъ стѣснили эту малую республику, что она снова принуждена была искать чужой помощи и теперь обратилась къ Кареагену. Кареагеняне давно уже смотрѣли завистливымъ окомъ на цвѣтущее состояніе Греческихъ торговыхъ городовъ въ Сициліи, и еще прежде дѣлали попытку покорить весь островъ. Но Гимерское пораженіе рушило ихъ планы. Съ того времени прошло уже 70 лѣтъ; но этотъ несчастный походъ былъ еще въ такой свѣжей памяти, что, когда въ 410 году прибыли послы отъ Эгестянъ, съ просьбою помощи противъ Селинунта, Кареагенское правительство не знало, что предпринять. Сперва оно избрало бесопасный путь—именно предложило рѣшить споръ Эгесты съ Селинунтомъ Сиракузянамъ, и когда они отказались, то Кареагеняне поставили въ Эгесту гарнизонъ изъ 1000 Африканцевъ и 800 Кампанскихъ наемниковъ. Теперь враждующіе города помѣнялись ролями: нападающими явились Эгестяне и начали отплачивать Селинунтянамъ за всѣ причиненныя ими притѣсненія. Сиракузяне не могли отказать Селинунту въ помощи, такимъ образомъ въ 409 году открылась война. Аннибалъ, внукъ павшаго при Гимерѣ Амилькара, былъ посланъ въ Сицилію Кареагенскимъ правительствомъ съ многочисленнымъ войскомъ, состоявшимъ большею частію изъ Испанскихъ наемниковъ. Высадившись при Лилибеѣ, онъ тотчасъ пошелъ къ Селинунту. Селинунтяне, не смотря на мужественную оборону, не могли спастись. Кареагенскій полководецъ, желая взять городъ до прибытія Сиракузскаго войска, штурмовалъ его въ продолженіе девяти дней, не давая отдыху, и такъ какъ потеря людей его нисколько не безпокоила, то ведя войну съ такою энергіею, онъ достигъ своей цѣли. Изнуренные граждане были сбиты со стѣнъ, городъ

взятъ и разрушенъ. Сиракузяне между тѣмъ достигли уже Агригента, когда получили извѣстіе о печальной участи города, къ которому спѣшили на помощь. Здѣсь они остановились въ намѣреніи преградить дорогу Карѳагенянамъ въ дальнѣйшихъ ихъ предпріятіяхъ, но Аннибалъ принялъ совершенно неожиданное направленіе: онъ устремился черезъ островъ къ Гимерѣ, желая отмстить этому городу за пораженіе и смерть своего дѣда. Сиракузянинъ Діоклъ, хотя и привелъ сюда гарнизонъ, но, повѣривъ ложному слуху, что Сиракузскіе граждане идутъ на помощь къ осажденной Гимерѣ и, что Аннибалъ хочетъ воспользоваться ихъ отсутствіемъ для нападенія на самыя Сиракузы, поспѣшилъ оставить городъ. Посадивъ жителей съ женами и дѣтьми на корабли, сколько можно было помѣстить, онъ отправилъ ихъ въ Мессану, а самъ пошелъ въ Сиракузы, предоставивъ городъ его судьбѣ; она была ужаснѣе той, какой подвергся Селинунтъ: Аннибалъ сравнялъ городъ съ землею, а всѣхъ плѣнныхъ граждан умертвилъ, чтобъ такою жертвою успокоить тѣнь своего предка. Послѣ того онъ опять сѣлъ на корабли и отплылъ въ Карѳагенъ. Что Сиракузы оказали такъ мало энергіи для спасенія городовъ, которымъ во время собственной опасности были обязаны усердною помощью: тому причиною была раздиравшая городъ вражда приверженцевъ изгнаннаго Гермократа, въ числѣ которыхъ находился и Діонисій, съ Діокломъ, виновникомъ его изгнанія; хотя друзьямъ Гермократа и удалось низвергнуть Діокла, который за потерю Гимеры былъ осужденъ на изгнаніе, но они не успѣли склонить народъ къ возвращенію Гермократа. Гермократъ хотѣлъ достигнуть этого силою; ночью, чрезъ малыя ворота, отворенныя ему приверженцами, онъ пробрался въ городъ; но тревога открылась, прежде нежели все было приготовлено, народъ сбѣжался, и въ послѣдовавшей за тѣмъ свалкѣ Гермократъ былъ убитъ. Сообщникамъ его не оставалось ничего кромѣ бѣгства; опаснѣйшій изъ нихъ и хитрѣйшій, Діонисій, остался въ городѣ. Въ слѣдствіе сихъ внутреннихъ раздоровъ Сиракузяне старались уклониться отъ войны съ внѣшнимъ непріятелемъ, и отправили въ

Кароагенъ посольство, чтобы возстановить съ нимъ доброе согласіе. Но Кароагенское правительство приняло это за доказательство слабости Сиракузъ, и вмѣсто отвѣта отправило въ Сицилію 120,000-ное войско, подъ предводительствомъ того самаго Аннибала, который за два года передъ тѣмъ съ такимъ успѣхомъ совершилъ туда походъ. Теперь нападеніе Кароагенянъ было направлено на одинъ изъ самыхъ большихъ и населенныхъ Греческихъ городовъ — на Агригентъ *). Агригентъ принялъ къ себѣ на службу одного предводителя наемниковъ, Спартанца Дексиппа, и также отрядъ Кампанцевъ, оставленныхъ Аннибаломъ по окончаніи перваго своего похода. Приготовившись такимъ образомъ къ оборонѣ, Агригентяне спокойно ждали осады, въ надеждѣ, что сосѣди и союзники ихъ Сиракузяне тотчасъ освободятъ ихъ. При большомъ народонаселеніи города все зависѣло отъ исправнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ изъ Сиракузъ, но по неискусству генераловъ обозы часто попадали въ руки непріятелей, и между дѣйствіями гарнизона и прибывшимъ на помощь войскомъ изъ Сиракузъ не было согласія. Посему въ Агригентѣ произошли страшные безпорядки; раздраженный народъ многихъ генераловъ побилъ каменями; многіе граждане оставили городъ и удалились въ Гелу (406). Грубые Кароагенскіе наемники опустошили сей прекрасный городъ; множество произведеній искусствъ было отправлено въ Кароагенъ, откуда въ послѣдствіи часть ихъ перешла въ Римъ **). Паденіе Агригента произвело величайшее смятеніе во всей Сициліи. Многіе бѣжали въ Италію, многіе, оставляя свои неукрѣпленные города, переселялись въ Сира-

*) Діодоръ въ 13-й кн. своей исторіи подробно описываетъ Агригентъ и называетъ его *πόλιν οἰκουμένην ὑπὸ ἀνδρῶν εἴκοσι μυριάδων, ἀπόρθητον δὲ ἀπὸ τῆς κτισέως γεγενημένην, πλουσιωτάτην δὲ σχέδον τῶν τότε Ἑλληνίδων πολέων.* (т. е. городомъ, населеннымъ двумя стами тысячами мужей, не завоеваннымъ съ самаго основанія, богатѣйшимъ почти изъ всѣхъ тогдашнихъ городовъ Греціи). Развалины его и теперь еще могутъ дать понятіе о прежней его обширности и богатствѣ. Описаніе ихъ можно прочесть въ сочиненіи *Черткова:* Воспоминанія о Сициліи.

**) Ciceron. orat. in Verr. IV, cap. 33.

кузы. Здѣсь въ народѣ возникло страшное волненіе: обвиняли правительство въ измѣнническои выдачѣ Агригента. Для предпріимчиваго человѣка теперь настала самая благопріятная минута—подъ видомъ демагога явиться предводителемъ толпы и воспользоваться ея страстями для своихъ цѣлей. Теперь выступилъ Діонисій, вспомоществуемый другомъ своимъ историкомъ Филистомъ: онъ началъ обвинять полководцевъ въ томъ, что они, согласившись съ аристократами, хотятъ уничтожить демократію, и убѣдилъ народъ отрѣшить ихъ отъ должности. Разумѣется, что въ числѣ вновь избранныхъ начальниковъ находился онъ самъ, и что выборъ прочихъ происходилъ совершенно по его желанію. Первымъ дѣломъ его было возвращеніе изгнанной партіи Гермократа; это усилило его вліяніе, потому что она была предана ему какъ умнѣйшему изъ друзей Гермократа. Ему недоставало только наемнаго войска и неограниченной военачальнической власти, чтобы одному быть главою государства, и этого онъ достигъ своею хитростью. Онъ выхлопоталъ, чтобъ его отправили въ Гелу изслѣдовать: нѣтъ-ли и въ ней измѣнниковъ, и дѣйствовалъ тамъ также какъ въ Сиракузахъ: обвинялъ богатыхъ въ измѣнѣ, убѣждалъ народъ изгонять или убивать ихъ и конфисковалъ ихъ имѣніе. Деньгами, такимъ образомъ собранными, онъ заплатилъ отъ своего имени жалованіе наемникамъ Дексиппа и потомъ поспѣшилъ въ Сиракузы. Онъ такъ хорошо представилъ народу опасность, угрожавшую со стороны аристократовъ, и въ тоже время старался сдѣлать своихъ товарищей такъ подозрительными, что всѣ единогласно избрали его одного военачальникомъ съ неограниченною властію. Но такой ревностный другъ народа, какъ Діонисій, очевидно противопоставлялъ себя нападеніямъ аристократовъ, и такъ очень естественно, что народъ позволилъ мнимому защитнику своему держать тѣлохранителей и такимъ образомъ возвысилъ въ тиранны.

Правленіе Діонисія Старшаго началось при неблагопріятныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ: ему предстояло въ одно время бороться и съ Карѳа-

гепомъ, и съ противною партіею. Чтобы обезопасить себя со стороны сей послѣдней онъ заключилъ въ 405 г. съ Кареагенянами миръ, по которому уступилъ имъ большую часть Сициліи. Но, утвердивъ за собою пріобрѣтенную власть, онъ стремился всѣми силами возвратить себѣ то, чѣмъ принужденъ былъ пожертвовать въ нуждѣ, и теперь изгнаніе Кареагенянъ изъ Сициліи сдѣлалось первою мыслію и главною задачею его жизни. Впрочемъ въ двухъ войнахъ, веденныхъ имъ противъ Кареагена, онъ достигъ только того результата, что раздѣлилъ съ ними владычество надъ островомъ: рѣка Галикъ была принята границею между Кареагенскими и Греческими владѣніями. Напротивъ ему удалось пріобрѣсть гегемонію надъ Греческими республиками въ Италіи. Вообще правленіе Діонисія для Сиракузъ было благодѣтельно; величіе, народонаселеніе и благосостояніе ихъ возрастали въ той же степени, въ какой прочіе большіе города острова или совершенно упадали, или дѣлались незначительными. Характеръ Діонисія представлялъ странную смѣсь кротости съ жестокостью, довѣрчивости съ подозрительностью, военнаго таланта съ неискусствомъ; во всякомъ случаѣ онъ гораздо лучше, нежели какъ идетъ о немъ молва, которая по ненависти Грековъ къ тиранніи представляетъ его потомству въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ.

Кареагенское войско, завоевавшее Агригентъ, все еще стояло въ Сициліи и теперь находилось подъ предводительствомъ Гамилькона, который заступилъ мѣсто умершаго Аннибала. Весною 405 г. онъ двинулся противъ Гелы. Діонисію предстоялъ теперь

случай, подобно Гелону, побѣдою надъ варварами утвердить свою власть на вѣрныхъ и прочныхъ основаніяхъ. Съ 30,000 пѣхоты и 1000 всадниковъ онъ бросился на помощь къ осажденной Гелѣ, но предпріятіе его было неуспѣшно; посему онъ велѣлъ жителямъ Гелы и Камарины оставить свои города и отправилъ ихъ въ Сиракузы. Эта неудача внушила смѣлость аристократической партіи попытаться низвергнуть демагога, захватившаго тираннію. Всадники, по большой части принадлежавшіе къ аристократическимъ фамиліямъ, поспѣшили прежде него прибыть въ Сиракузы, разрушили Діонисіевъ домъ и до того ругались надъ супругою его, дочерью Гермократа, что она отъ этихъ насилій умерла. Діонисій смѣло бросился въ слѣдъ за ними; часть города Ахрадине затворила предъ нимъ ворота: онъ ворвался силою и подавилъ возмущеніе. Но чтобы прочнѣе утвердиться въ Сиракузахъ, онъ почелъ за необходимое заключить съ Карѳагенянами миръ, который впрочемъ долженъ былъ купить великими пожертвованіями: уступилъ всѣ завоеванные ими города, призналъ Леонтинцевъ, Мессанцевъ и Сицилійцевъ независимыми, и себѣ оставилъ господство въ однѣхъ Сиракузахъ. Спокойствіемъ, доставленнымъ этимъ миромъ, онъ воспользовался для расширенія и укрѣпленія Сиракузъ. По переселеніи сюда Грековъ, изъ разрушенныхъ Карѳагенянами городовъ, онъ далъ городу объемъ, который съ сего времени уже не измѣнялся, и обвелъ его крѣпкою изъ квадратныхъ плитъ стѣною. Островокъ Ортигію, образовавшій особенную часть города, онъ избралъ мѣстопребываніемъ для себя, своихъ совѣтниковъ и наемниковъ, и построилъ здѣсь такъ называемый Акрополь и огромныя казармы. Послѣ сего, прежде нежели рѣшился напасть на Карѳагенянъ, онъ старался покорить часть острова, признанную имъ независимою. Но исполненіе сего плана было прервано бунтомъ, который едва не стоилъ ему самой жизни. Войско, съ которымъ онъ выступилъ въ походъ, состояло изъ наемниковъ и гражданъ — изъ двухъ элементовъ, весьма непріязненныхъ между собою. Гражданамъ казалось, что имъ предпочитаютъ наемниковъ, и однажды, когда

одинъ изъ нихъ былъ оскорбленъ наглымъ солдатомъ, неудовольствіе обнаружилось явнымъ бунтомъ. Діонисій тотчасъ оставилъ войско и бѣжалъ въ Сиракузы, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи. Но едва достигъ Ортигіи, какъ все возстало противъ него; возвратившіеся изгнанники осадили его: за голову его была обѣщана богатая награда, чтобы побудить кого нибудь изъ наемниковъ, если можно, къ убійству, и хотя на это никто не отважился, однако многіе переходили къ мятежникамъ, и Діонисій уже отчаявался удержать за собою похищенную власть. Совѣту и ободреніямъ Филиста, который не оставилъ его въ сей опасности, Діонисій былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Онъ вступилъ съ мятежниками въ переговоры, а между тѣмъ тайно, обѣщаніемъ большихъ наградъ, склонилъ къ себѣ на службу Кампанскихъ наемниковъ, стоявшихъ въ Карѳагенской части Сициліи и, какъ скоро соединился съ ними, сдѣлалъ на осаждающихъ вылазку и обратилъ ихъ въ бѣгство. Впрочемъ онъ поступилъ очень милостиво: даже въ самомъ сраженіи вездѣ являлся на конѣ, повелѣвая солдатамъ щадить гражданъ, и, одержавъ побѣду, довольствовался только обезоруженіемъ ихъ и умноженіемъ наемныхъ войскъ. Діонисій вступилъ въ сношенія съ Спартою, которая около этого времени, побѣдивъ Аѳины, вездѣ уничтожала демократическій образъ правленія въ самой Греціи: посему подавленіе демократіи въ Сициліи для Спартанцевъ было очень пріятно; такимъ образомъ съ 403 г. между нимъ и Спартою утвердилась тѣсная связь. Теперь онъ возобновилъ свой планъ, въ исполненіи котораго былъ остановленъ бунтомъ, и покорилъ Леонтины, Катану и Наксъ, и когда это удалось, планъ его сдѣлался обширнѣе; онъ хотѣлъ теперь соединить всѣхъ Грековъ, обитавшихъ на западѣ Средиземнаго Моря, подъ своею гегемоніею и для этого искалъ связей съ республиками Нижней Италіи. Съ этою цѣлію онъ, не смотря на то, что имѣлъ уже супругу Аристомаху, сестру Діона, женился въ другой разъ на дочери одного знатнаго Локрійца, Доридѣ. Еще прежде онъ старался направить всю дѣятельность Сиракузянъ къ военнымъ приготовленіямъ. Когда всѣ машины, ору-

жіе и флотъ изъ 360 кораблей были готовы, Діонисій, созвавъ гражданъ, объявилъ свое намѣреніе изгнать Карѳагенянъ изъ Сициліи. Народъ тотчасъ началъ враждебныя дѣйствія; разграбилъ находившіеся въ Сиракузахъ магазины Карѳагенскихъ купцевъ, отнялъ у нихъ корабли и всякато Карѳагенянина, попадавшагося въ руки, подвергалъ жестокимъ оскорбленіямъ. Войско, выведенное въ 397 г. Діонисіемъ въ поле и наводнивше Карѳагенскія владѣнія въ Сициліи, простиралось до 100,000. Діонисій устремился на Мотію, находившуюся на югозападной оконечности Сициліи. Мотія собственно лежала на небольшомъ островкѣ, который впрочемъ, посредствомъ земляной плотины, соединялся съ материкомъ. Здѣсь у Карѳагенянъ были самые богатые магазины для складки товаровъ и Діонисій напрягъ всѣ свои силы, чтобъ принудить этотъ городъ къ сдачѣ до прибытія помощи изъ Карѳагена. Онъ успѣлъ наконецъ взять его штурмомъ; при этомъ произошло такое страшное кровопролитіе, что Діонисій самъ чрезъ глашатая велѣлъ жителямъ бѣжать къ алтарямъ. Грековъ напротивъ, сражавшихся въ Мотіи противъ своихъ единоземцевъ, велѣлъ распять. Но какъ ни многочисленно было его войско, находившееся съ нимъ при взятіи и разграбленіи Мотіи, потому что всѣ желавшіе участвовать въ богатой добычѣ стекались въ его лагерь, оно быстро разсѣялось, когда Гамильконъ въ 396 году привелъ изъ Карѳагена войско, набранное сею богатою республикою изъ воинственныхъ народовъ Галльскихъ и Испанскихъ, и состоявшее по самымъ малымъ показаніямъ больше нежели изъ 100,000 человѣкъ. Теперь счастіе оставило Діонисія: его войско разсѣялось, его флотъ былъ разбитъ, и наконецъ Гамильконъ явился предъ Сиракузами и осадилъ ихъ съ моря и суши. Въ этой опасности Діонисій показалъ великую дѣятельность и энергію; онъ послалъ въ Пелопоннезъ и Италію набирать войско, а самъ оставилъ городъ, чтобы лично наблюдать за правильнымъ доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, въ твердой увѣренности, что если городъ не будетъ терпѣть отъ голоду, то войска Карѳагенянъ также точно погибнутъ подъ стѣнами его, какъ

погибли Аѳинскія. Вскорѣ въ Карѳагенскомъ лагерѣ открылась зараза, тысячи людей гибли ежедневно; Діонисій отлично воспользовался симъ обстоятельствомъ — напалъ на непріятелей съ суши и моря, сжегъ ихъ флотъ, наемниковъ ихъ частію велѣлъ умертвить, частію принялъ къ себѣ на службу, а самого полководца со всѣми Карѳагенянами за большую сумму тайно отпустилъ въ отечество. Послѣ этой войны, такъ счастливо оконченной, Діонисій возстановилъ разрушенные Карѳагенянами города и началъ обнаруживать свои планы противъ Нижней Италіи; но, чтобы теперь не встрѣтить затрудненій со стороны Карѳагенянъ, онъ заключилъ съ ними въ 392 году миръ, по которому владычество надъ островомъ было раздѣлено между нимъ и Карѳагеномъ. Греческія государства Нижней Италіи составили противъ него союзъ, главою котораго былъ городъ Кротонъ. Предводителемъ союзнаго войска избрали одного Сиракузскаго изгнанника Гелорида. Но онъ въ 389 г. при Кавлоніи проигралъ сраженіе и былъ самъ убитъ. Кротко и съ дальновидностью политика, воспользовался Діонисій этою побѣдою; именно 10,000 плѣнныхъ Италіотовъ онъ возвратилъ свободу и пріобрѣлъ себѣ въ нихъ такихъ усердныхъ приверженцевъ, что по стараніямъ ихъ всѣ Италійскія республики прислали ему золотыя короны, заключили съ нимъ миръ и признали его гегемонію. Только на Регійцевъ, нанесшихъ ему смертельную обиду, онъ излилъ всю свою злобу. Сперва онъ потребовалъ отъ нихъ 300 талантовъ, выдачи всѣхъ кораблей и ста заложниковъ, и дѣлалъ сіе больше для того, чтобы ослабить ихъ, нежели для того, чтобы послѣ такихъ пожертвованій оставить въ покоѣ, потомъ требовалъ, чтобъ они снабжали его войско на возвратномъ пути съѣстными припасами. Но онъ съ умысломъ медлилъ здѣсь такъ долго, что наконецъ Регійцы проникли его намѣреніе истощить у нихъ запасъ провіанта чтобы тѣмъ легче принудить къ сдачѣ голодомъ. И такъ они отказались долѣе доставлять провіантъ и тѣмъ подали ему поводъ напасть на нихъ. Въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ они съ геройскимъ мужествомъ противостояли и нападеніямъ Діонисія, и

мученіямъ голода, пока наконецъ крайній во всемъ недостатокъ не принудилъ ихъ сдаться (387 г.). При осадѣ Регіума Діонисій былъ раненъ; въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что его стихотворенія на Олимпійскихъ играхъ освистаны и, досадуя на это, поступилъ съ покорившимся городомъ весьма жестоко. Кто изъ гражданъ имѣлъ столько денегъ, что могъ заплатить за себя выкупъ, получалъ свободу — всѣ прочіе были проданы въ рабство. Ужаснѣе была участь Пиѳона, начальствовавшаго надъ вооруженными гражданами: тираннъ сперва велѣлъ передъ нимъ утопить его сына; потомъ подвергъ его самого такимъ мученіямъ, что самые наемники Діонисія почувствовали жалость и убѣдили его прекратить страданія этого несчастнаго тою же смертью, какою погибъ его сынъ *). На эту жестокую судьбу Регіума имѣло нѣкоторое вліяніе, какъ выше замѣчено, несчастіе, случившееся съ стихами Діонисія. Ему хотѣлось считаться хорошимъ поэтомъ, но его произведенія, не смотря на то, что ихъ читали на Олимпійскихъ играхъ лучшіе декламаторы, всегда были освистываемы Греками. Лукіанъ говоритъ, что Діонисій купилъ для себя за большія деньги письменную доску Эсхила; конечно это шутка, но еслибъ была и правда, то трагедіи его отъ того нисколько не сдѣлались лучше. Впрочемъ, какъ ни ревностно онъ заботился о наукахъ и искусствахъ, какъ ни усердно занимался ими самъ, не смотря на то, поступилъ съ Платономъ очень невеликодушно **). Этотъ философъ

*) Діодоръ кн. XIV гл. 111. говоритъ, что трагическая смерть Пиѳона сдѣлалась предметомъ поэзіи: *καὶ πολλοὺς ἔσχε καὶ τότε τῶν Ἑλλήνων τοὺς ἀλγήσαντας τὴν συμφορὰν, καὶ μετὰ ταῦτα ποιητὰς τοὺς θρηνήσαντας τὸ τῆς περιπετείας ἐλεεινόν.* (т. е. И тогда многіе Греки жалѣли о его смерти, и послѣ многіе поэты оплакали жалкую его судьбу.)

**) Главными источниками для исторіи трикратнаго пребыванія Платона при Сиракузскомъ Дворѣ суть приписываемыя Платону письма. Такъ какъ уже Плутархъ приводитъ ихъ и основывается на нихъ, какъ на историческихъ источникахъ, не сомнѣваясь ни въ одномъ событіи, въ нихъ описываемомъ: то это будетъ маштабомъ нашего объ нихъ сужденія. Если эти письма написаны и не самимъ Платономъ, то по крайней мѣрѣ такимъ человѣ-

въ первый разъ прибылъ въ Италію и Сицилію для изученія системы Пиѳагорейцевъ и для изслѣдованія тамошнихъ волкановъ. Пиѳагорейцы, какъ политическая партія, давно уже были уничтожены, но они существовали еще, какъ отдѣльныя ученыя общества. Въ числѣ посвященныхъ членовъ ихъ находился Діонъ, шуринъ Діонисія. Онъ въ первый разъ призвалъ Платона къ Сиракузскому Двору. Но между философомъ и тиранномъ скоро открылось несогласіе, причиною котораго было различіе ихъ политическихъ видовъ, и такъ какъ Діонисій не хотѣлъ принять его идеи, то Платонъ началъ порицать его и старался распространять свои мнѣнія при самомъ Дворѣ; между прочимъ ему удалось склонить на свою сторону Діона, который сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его приверженцевъ. Діонисій не могъ быть равнодушенъ къ такой противъ него оппозиціи, и когда Платонъ, въ одной публичной рѣчи, даже сказалъ, что ни одинъ тираннъ не можетъ быть добродѣтеленъ и ни одинъ несправедливый человѣкъ счастливъ, то негодованіе Діонисія было такъ страшно, что Діонъ, для безопасности, отправилъ Платона на корабль Спартанца Поллида, стоявшій въ гавани и готовившійся къ отплытію. Діонисій тайно велѣлъ капитану корабля бросить философа въ море, или продать въ рабство. Поллидъ сдѣлалъ послѣднее и продалъ его на островѣ Эгинѣ. Впрочемъ онъ тотчасъ былъ выкупленъ друзьями и, получивъ свободу, оставался въ постоянныхъ сношеніяхъ, какъ съ Пиѳагорейскими обществами въ Италіи, такъ и съ Діономъ. Довольно характеризуетъ Діонисія то, что онъ не лишилъ своей довѣренности Діона, хотя зналъ, что онъ ведетъ съ Платономъ переписку. Чтобы быть въ состояніи содержать свое войско, Діонисій долженъ былъ думать о новой войнѣ. И такъ онъ составилъ планъ собрать какъ можно больше денегъ, потомъ нанять еще солдатъ и снова попытаться выгнать Карѳагенянъ изъ Сициліи. Для достиженія перваго, онъ началъ грабить

комъ, который хорошо зналъ современныя обстоятельства и въ формѣ писемъ представилъ отношенія Платона къ Пиѳагорейцамъ въ Италіи, къ Діону и къ обоимъ Діонисіямъ.

храмы, отобралъ сокровища Сицилійскихъ храмовъ, съ насмѣшкою замѣтивъ, что боги милостивы, и что мы должны дѣлать употребленіе изъ ихъ милости и съ благодарностью брать принадлежащее имъ. Потомъ онъ ограбилъ въ Эгиллѣ богатый храмъ одной Этрусской богини и получилъ въ немъ добычи больше, нежели на 500 талантовъ. На эти награбленныя деньги Діонисій умножилъ войско, флотъ, и въ 383 г. въ третій разъ началъ войну съ Карѳагеномъ. Сначала она приняла для него такой счастливый оборотъ, что Карѳагеняне стали просить мира, но условія, предложенныя имъ были слишкомъ суровы, и такъ какъ вскорѣ потомъ счастіе оставило его, то онъ долженъ былъ принять миръ, предписанный Карѳагенянами, по которому рѣка Галикъ сдѣлана была границею между Карѳагенскими и Сиракузскими владѣніями. О послѣднихъ 15 годахъ Діонисіева правленія Діодоръ сообщаетъ мало примѣчательнаго, кромѣ того, что Діонисій помогалъ Спартанцамъ въ ихъ борьбѣ съ Ѳиванцами. При немъ Сиракузы процвѣтали, какъ нѣкогда при Гелонѣ, и если взносимыя на него обвиненія въ нѣкоторыхъ несправедливыхъ и произвольныхъ поступкахъ и справедливы, то это нисколько не вредило благосостоянію государства въ цѣломъ. Онъ умеръ въ 368 году (ол. 103. 1) отъ неумѣренной радости, узнавъ, что наконецъ одна изъ его трагедій получила награду на Діонисіакахъ въ Аѳинахъ. Актеръ, принесшій это извѣстіе, получилъ царскую награду и тираннъ положилъ торжествовать свою побѣду въ продолженіе 90 дней. Въ чрезмѣрной радости онъ считалъ ее славнѣе рѣшительнаго пораженія Карѳагенянъ, еслибъ это когда нибудь ему удалось. Причиною его смерти полагаютъ неумѣренность, которой онъ при семъ случаѣ предался, другіе говорятъ и объ отравленіи; но первое вѣроятнѣе, ибо чѣмъ воздержнѣе онъ жилъ доселѣ, тѣмъ сильнѣе должна была на него подѣйствовать такая неумѣренность въ удовольствіяхъ.

Діонисію Старшему спокойно наслѣдовалъ во власти сынъ его *Діонисій Младшій*, рожденный

Локріянкою Доридою. При Дворѣ тотчасъ образовались двѣ партіи, старавшіяся управлять юнымъ принцемъ. Придворные льстецы хотѣли вовлечь его во всѣ роды удовольствій, чтобы чрезъ сіе сдѣлаться ему необходимыми; дядя его Діонъ думалъ напротивъ, что теперь, въ правленіе юноши, настало время устроить государство по идеямъ Платона *). Тираннъ соотвѣтствовалъ желаніямъ философа; былъ молодъ, не безъ способностей и расположенъ къ ученію. И такъ Діонъ убѣдилъ его вызвать Платона; философъ склонился на настойчивыя его приглашенія и получилъ блистательный пріемъ. Самъ Діонисій правилъ колесницею, запряженною бѣлыми конями, въ которой Платонъ въѣхалъ въ городъ; и Дворъ, и городъ тотчасъ приняли совершенно другой характеръ. Изученіе философіи, порядокъ и умѣренность явились господствующими, какъ при Дворѣ, такъ равно и у всѣхъ близкихъ къ нему. Друзья и приверженцы стараго образа правленія, противодѣйствуя нововведеніямъ, которыхъ ожидали отъ вліянія Платона на правительство, выставили ему соперника въ Аристиппѣ и ученіе Киренейскаго философа, полагавшаго высочайшую мудрость въ умѣніи жить и въ наслажденіи зем-

*) Въ своемъ сочиненіи de legibus (lib. III p. 709) Платонъ высказываетъ, что въ государствѣ, находящемся подъ властію тиранна, легче всего хорошій образъ правленія, если съ тиранномъ соединится хорошій законодатель. Но отъ тиранна онъ требовалъ слѣдующихъ способностей: *ὁ δὲ τύραννος ἔστω νέος καὶ μνήμων καὶ εὐμαθὴς καὶ ἀνδρεῖος καὶ μεγαλοπεπὴς φύσει.* (т. е. тираннъ долженъ быть молодъ, уменъ, любознателенъ, мужественъ и благороденъ по природѣ.) И такъ какъ въ Діонисіи были нѣкоторыя изъ сихъ способностей, то легко объяснить, почему Платонъ принялъ приглашеніе Сиракузскаго Двора.

ными благами, одержало верхъ надъ сумасбродствомъ Платоновой школы, которая при томъ потеряла уже для тиранна прелесть новости. Равно умѣли оподозрить у Діонисія дядю его Діона, и обвинили его въ измѣническихъ сношеніяхъ съ Карѳагеномъ, чему въ доказательство представили подложное письмо. Посему четыре мѣсяца спустя по прибытіи Платона, Діонъ вдругъ былъ захваченъ, посаженъ на корабль и оставленъ въ Италіи, съ приказаніемъ не возвращаться въ Сиракузы. Впрочемъ у него не отняли имѣнія и доходы съ онаго были отправляемы въ Грецію, куда онъ удалился. Платонъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ, и мечта объ осуществленіи въ Сиракузахъ Платоновой республики исчезла.

Касательно образа правленія, который Платонъ предполагалъ ввести въ Сиракузахъ, въ письмахъ своихъ онъ высказалъ слѣдующія положенія. Правитель долженъ изъ всѣхъ гражданъ выбрать лучшихъ, наблюдая при томъ, чтобъ они происходили изъ древнихъ фамилій, были женаты и не бездѣтны и имѣли большія помѣстья. На 200 гражданъ всегда долженъ приходиться одинъ такой аристократъ, и слѣдовательно, въ городѣ, имѣющемъ 10,000 гражданъ, 50 должны быть *ἄριστοι*. Имъ надлежало вручить законодательную власть, и законамъ, ими изданнымъ, должны повиноваться всѣ, и правитель, и подданные. Друзья Діонисія Старшаго воспротивились симъ аристократическимъ положеніямъ; они помогали умершему тиранну подавленіемъ аристократіи утвердить свою власть и теперь употребили всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать ея возстановленію. Главою ихъ явился Филистъ; онъ направилъ свою оппозицію противъ бывшей тогда при Дворѣ въ модѣ философской мечтательности и дѣйствовалъ такъ искусно, что низвергнулъ Діона и отнялъ у Платона вліяніе.

Діонъ пользовался въ Греціи великимъ уваженіемъ, и такъ какъ онъ возбуждалъ подозрѣніе въ намѣреніи воспользоваться своими доходами для предпріятія противъ Сиракузъ, то тираннъ былъ вынужденъ конфисковать его имѣніе, но въ то же время онъ писалъ къ Платону, приглашалъ его еще разъ прибыть въ Сиракузы, для примиренія его съ дядею. Философъ въ третій разъ явился въ Сиракузахъ, но опять принужденъ былъ возвратиться въ Грецію, не выхлопотавъ ничего для Діона. Посему Діонъ вооружился и вознамѣрился силою открыть себѣ возвратный путь въ Сицилію и уничтожить въ Сиракузахъ тираннію. Не смотря на незначительность войска, съ которымъ онъ въ 357 году высадился въ Сициліи, обстоятельства были ему весьма благопріятны, и онъ овладѣлъ Сиракузами. Но, не успѣвъ ввести новаго образа правленія, онъ палъ подъ мечемъ убійцы и оставилъ Сиракузы въ страшномъ безпорядкѣ.

Во время третьяго пребыванія своего въ Сиракузахъ Платонъ едва не лишился жизни. Онъ жилъ въ Акрополѣ, и въ это самое время между наемниками вспыхнулъ мятежъ за уменьшеніе жалованія, прекращенный только новою прибавкою. Враги Платона увѣрили солдатъ, что онъ присовѣтовалъ лишить ихъ части жалованія, и философъ поспѣшилъ удалиться, чтобы избѣжать возбужденной противъ него ненависти наемниковъ. Такъ какъ посредничество его между тиранномъ и Діономъ не имѣло никакихъ послѣдствій, то сей послѣдній началъ дѣйствовать открыто, какъ врагъ Діонисія. Онъ приглашалъ всѣхъ изгнанныхъ Сиракузянъ соединиться съ нимъ, но только 25 человѣкъ послѣдовали его призыву, между тѣмъ, какъ всѣ прочіе, безъ сомнѣнія, по нерасположенію

къ его аристократическимъ началамъ, держались въ отдаленіи. Войско, съ которымъ онъ въ 357 году изъ Закинѳа отплылъ въ Сицилію, состояло изъ 800 Пелопоннезскихъ наемниковъ, и какъ ни безразсуднымъ казалось съ такой незначительною силою думать о низверженіи тиранна, который повелѣвалъ 100,000 пѣхоты, 10,000 конницы и 400 кораблей, не смотря на то, предпріятіе удалось—и скорѣе нежели ожидали. Діонъ высадился въ Карѳагенскихъ владѣніяхъ Сициліи, въ самую благопріятную минуту, когда Діонисій съ Филистомъ находился въ Италіи. Всѣ Греческіе города приняли его сторону, самыя Сиракузы отворили ворота, и партія тиранна удержалась только въ собственной резиденціи его, въ Ортигіи. Діонисій прибылъ еще довольно во время и успѣлъ утвердиться въ этой части. И такъ какъ теперь возвратились подъ предводительствомъ Гераклида и прочіе изгнанники, не хотѣвшіе соединиться съ Діономъ, то городъ раздѣлился на три части: одну занималъ Діонисій, а въ другихъ двухъ спорили о первенствѣ партіи Діона и Гераклида. Впрочемъ, доколѣ тираннъ держался въ Акрополѣ, и Филистъ господствовалъ на морѣ, обѣ сіи партіи хранили согласіе, чтобы своимъ раздоромъ не доставить побѣды общему ихъ врагу, и Діонъ, который по своему гордому, всѣхъ отдалявшему отъ него характеру не могъ сдѣлаться любимцемъ народа *), допустилъ Гераклида занять при себѣ мѣсто адмирала; но когда престарѣлый Филистъ потерпѣлъ на морѣ пораженіе и погибъ лютою смертію отъ озлобленныхъ республиканцевъ, а Діонисій, оставивъ въ Акрополѣ сына своего Аполлократа, удалился въ Италію, между аристократіею

*) Аристократическая гордость Діона была главною причиною его неудачи. Платонъ напрасно старался истребить въ немъ эту черту характера. Онъ описываетъ ее въ 9-мъ письмѣ слѣдующими словами: *ἐνθυμοῦ δὲ καὶ, ὅτι δόκει τισιν ἐνδεεστέρως τοῦ προσήκοντος θεραπευτικὸς εἶναι. μὴ οὖν λανθανέτω σε, ὅτι διὰ τοῦ ἀρέσκειν τοῖς ἀνθρώποις καὶ τὸ πράττειν ἔστιν, ἡ δὲ αὐθαδεία ἐρημία ξύνοικος.* (т. е. обдумай, что ты кажешься нѣкоторымъ менѣе доступнымъ, нежели сколько прилично. И такъ не забудь, что желающій дѣйствовать долженъ нравиться людямъ и что самодовольствіе удаляетъ отъ другихъ.)

Платона и демократіею тотчасъ открылась борьба. Гераклидъ имѣлъ на своей сторонѣ чернь, которой открывалъ надежду на раздѣленіе земли, и такимъ образомъ, получивъ перевѣсъ, вознамѣрился, въ одномъ шумномъ народномъ собраніи, лишить Діона всей власти и заставить его распустить своихъ наемниковъ. Діонъ, при вступленіи въ городъ принятый какъ полубогъ, въ короткое время своимъ высокомѣріемъ возбудилъ къ себѣ такую ненависть, что сдѣлался бы теперь непремѣнно жертвою народной ярости, если бы его не защитили вѣрные Пелопоннезцы. Діонъ вышелъ съ ними изъ города и удалился въ Леонтины, но немного спустя вызванъ былъ отсюда опять въ Сиракузы. Пользуясь его удаленіемъ, наемники тиранна сдѣлали изъ Ортигіи вылазку и захватили Ахрадине до самой площади; между ними и республиканцами произошла битва, которая, казалось, грозила кончиться совершеннымъ разрушеніемъ города; ибо наемники начали бросать въ домы огонь. Когда Діонъ пришелъ изъ Леонтинъ, одна часть города была уже объята пожаромъ. Онъ пробился къ сражающимся, прогналъ наемниковъ въ Ортигію, и потомъ употребили всѣ усилія къ погашенію пожара. Большая часть демагоговъ, боясь его мщенія, бѣжала изъ города, только Гераклидъ, въ надеждѣ на его великодушіе, не послѣдовалъ за ними. Онъ теперь предложилъ вручить Діону неограниченную власть надъ морскими и сухопутными силами; но нерасположеніе простаго народа къ Діону выказалось снова; матросы и ремесленники настояли, чтобъ Гераклидъ остался адмираломъ. Такъ какъ между обоими предводителями единодушіе было не возможно, то Діонъ наконецъ склонился на желаніе друзей своихъ и въ 356 г. велѣлъ умертвить Гераклида. Незадолго передъ тѣмъ сдалась Ортигія, и такимъ образомъ Сиракузы были освобождены совершенно. Діонъ занялся теперь введеніемъ новаго образа правленія; но среди сихъ занятій былъ убитъ самымъ близкимъ другомъ своимъ и названнымъ братомъ, Аѳиняниномъ Калиппомъ, въ Октябрѣ 355 года.

Смерть Діона повергла Сиракузы и весь островъ въ ужасное смятеніе. Убійца его Каллипъ могъ держаться въ Сиракузахъ только какъ тираннъ, при помощи преданныхъ наемниковъ, но какъ скоро онъ вышелъ въ первый разъ съ своими солдатами за городъ, Сиракузы заперли за нимъ ворота; послѣ этого онъ ходилъ отъ города къ городу, предавая все грабежу, пока не былъ убитъ своими наемниками. Между тѣмъ въ Сиракузахъ одинъ тираннъ смѣнялъ другаго, наконецъ въ 346 г. возвратился изъ Локръ Діонисій, гдѣ онъ доселѣ пребывалъ, и снова овладѣлъ опустошеннымъ городомъ *). Сицилія находилась тогда въ самомъ печальномъ положеніи: нѣкоторые города были разрушены и оставлены жителями, другіе заселены варварами; на Сиракузской площади росла трава, и, къ довершенію несчастія, въ томъ же году, въ которомъ возвратился Діонисій, многочисленное Карѳагенское войско высадилось на островъ, такъ, что по человѣческому сужденію потеря Сициліи и искорененіе на ней всѣхъ Грековъ казались несомнѣнными. Въ этой крайней опасности Коринѳянинъ Тимолеонъ явился спасителемъ. Его подвигъ былъ бы невозможенъ, если бъ малые владѣльцы въ Сициліи, по національному чувству, не пожелали лучше помогать

*) У Діодора, главнаго историка Сициліи, здѣсь — пропускъ котораго за неимѣніемъ другихъ извѣстій пополнить не возможно. И такъ мы должны довольствоваться для времени отъ умерщвленія Діона до появленія Тимолеона общимъ очеркомъ состоянія Сициліи, который сдѣлалъ Плутархъ въ началѣ біографіи Тимолеона.

Греку, хотя объявившему себя освободителемъ Сиракузъ, нежели допустить варваровъ владѣть этимъ городомъ; такимъ образомъ Тимолеону удалось освободить Греческіе города, снова населить ихъ и побѣдою надъ Карѳагенянами, при рѣкѣ Кримиссѣ, обезпечить Грекамъ владѣніе островомъ до рѣки Галика.

Въ стѣсненномъ положеніи Сиракузяне обратились съ просьбою о помощи въ 346 году къ своей метрополіи, Коринѳу. Здѣсь, не задолго передъ тѣмъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ граждань, Тимолеонъ, умертвилъ своего брата Тимофана, возъимѣвъ на него подозрѣніе въ стремленіи къ тиранніи. Сей поступокъ явилъ въ Тимолеонѣ мужа, который былъ способнѣе всѣхъ подать Сиракузамъ обѣщанную Коринѳянами помощь. Онъ принялъ это предложеніе съ восторгомъ, хотя всего войска, шедшаго съ нимъ для освобожденія Сициліи, было не больше 700 человѣкъ. Между тѣмъ, подъ стѣнами Сиракузъ стояло многочисленное войско Карѳагенянъ—одну часть города занималъ союзникъ ихъ, тираннъ Леонтинъ и Гелы, Гикетъ, въ другой держались еще республиканцы, а Ортигія съ Акрополемъ находилась во власти Діонисія. Таково было положеніе дѣлъ, когда Тимолеонъ въ 345 г. прибылъ въ Регіумъ. Чтобы воспрепятствовать переправѣ его на островъ, Карѳагеняне заняли своимъ флотомъ проливъ, и Тимолеонъ только хитростію и среди величайшихъ опасностей успѣлъ пристать къ Тавроменію. Тираннъ сего города, Андромахъ, отецъ историка Тимея, первый соединился съ нимъ; его примѣру послѣдовали и другіе. Получивъ такое подкрѣпленіе и поразивъ Гикета, Тимолеонъ успѣлъ пробиться въ Сиракузы и соединиться тамъ съ республиканцами. Теперь Діонисій согласился на капитуляцію, предложенную Тимолеономъ. Въ 344 г. онъ отказался отъ власти и удалился въ Коринѳъ, гдѣ жилъ еще долгое время частнымъ человѣкомъ. По удаленіи его, Тимолеону оставалось имѣть дѣло только съ Кар-

ѳагенянами и Гикетомъ. Къ его выгодѣ послужило и то, что Карѳагенскій вождь Магонъ не довѣрялъ Грекамъ и, думая, что они ему измѣнили, отступилъ отъ Сиракузъ, предоставивъ Гикета собственной его участи. Теперь Тимолеону не трудно было изгнать Гикета и утвердить свободу республики. Всѣ памятники тиранніи были разрушены, и возстановленіе демократіи провозглашено торжественно. Для населенія опустѣлыхъ городовъ, при посредствѣ Карѳагенянъ, во всѣ Греческія страны были разосланы объявленія, что всякій Грекъ найдетъ въ Сициліи почетный пріемъ. Въ слѣдствіе сего приглашенія изъ Греціи прибыло въ Сиракузы 10,000 гражданъ и также многіе переселились сюда изъ Италіи; такъ, что по словамъ Плутарха (Тимол. гл. 23) число Сиракузскихъ гражданъ опять возрасло до 60,000 человѣкъ и Сиракузы снова пришли въ цвѣтущее состояніе. Такъ какъ Тимолеонъ могъ содержать свое наемное войско только грабежемъ, то для сего вторгался въ Карѳагенскія владѣнія; такія враждебныя дѣйствія побудили Карѳагенянъ отправить туда сильное войско. Оно состояло не изъ однихъ только Испанскихъ и Галльскихъ наемниковъ, но кромѣ того 10,000 самихъ гражданъ, въ тяжеломъ вооруженіи, приняли участіе въ семъ походѣ. Хотя Тимолеонъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ войскомъ въ десять разъ меньшимъ, не смотря на то, превосходство Греческаго военнаго искусства надъ варварскимъ восторжествовало снова. Въ Іюлѣ 340 г. (Ол. 110, 1.) на рѣкѣ Кримиссѣ, Тимолеонъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду. Эта небольшая рѣчка разлилась отъ сильныхъ дождей, что воспрепятствовало переправѣ непріятелей всею массою силъ, и Тимолеонъ разбивалъ и почти уничтожалъ ихъ отряды по одиначкѣ, какъ только они выходили на берегъ. Послѣ сего пораженія Карѳагеняне заключили съ нимъ миръ и хотя удержали за собою земли до Галика, но за то отказались навсегда отъ владычества надъ Греческими городами и обѣщали не помогать больше никакому тирану. Послѣ сего первымъ дѣломъ Тимолеона было уничтоженіе тиранніи въ прочихъ Греческихъ городахъ, и если теперь онъ обнаружилъ большую жестокость, то надобно

обратить вниманіе на его ненависть къ тиранніи; отъ человѣка, который по одному подозрѣнію въ стремленіи къ этой власти убилъ роднаго брата, конечно не могли ожидать пощады дѣйствительные тиранны, какъ напримѣръ Гикетъ Леонтинскій, Мамеркъ Катанскій и другіе. Все это Тимолеонъ совершилъ въ продолженіе 6 лѣтъ. Онъ прожилъ еще три года въ великомъ уваженіи и хотя, потерявъ зрѣніе, перестал заниматься государственными дѣлами, не смотря на то Сиракузяне не предпринимали ничего безъ его совѣта. Онъ умеръ въ 337 г. (Ол. 110, 4). Все, что онъ сдѣлалъ для Сициліи, нельзя лучше выразить какъ словами глашатая, который при погребеніи его, когда зажгли костеръ, воскликнулъ къ собравшемуся народу: «Народъ Сиракузскій, на счетъ общественныхъ издержекъ, воздаетъ послѣднюю честь Коринѳянину Тимолеону, сыну Тимодема, и будетъ чтить память его музыкальными и гимнастическими играми, около гробницы его поставитъ колонны и устроитъ гимназію, которая будетъ называться его именемъ за то, что онъ изгналъ тиранновъ, побѣдилъ варваровъ, возстановилъ опустошенные города и даровалъ Сиракузамъ свободу и законы.»

По смерти Тимолеона въ Сиракузахъ снова открылись внутреннія безпокойства. Демократія, которой военныя силы состоятъ не изъ гражданъ, а преимущественно изъ наемниковъ, всегда находится въ зависимости отъ ихъ предводителя. Доколѣ надъ ними начальствовалъ Тимолеонъ, государство не могло быть увѣренно въ своей безопасности, но по смерти его, въ рукахъ честолюбиваго мужа, такое войско было опаснымъ орудіемъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ неравенство въ имуществахъ снова сдѣлалось тягостнымъ, и богатые и бѣдные образовали политическія партіи. Хотя до насъ не дошло въ связи ни одного извѣстія о ходѣ событій со смерти Тимолеона до

выступленія Агаѳокла, однако въ общихъ чертахъ это легко можно себѣ представить. Народъ тотчасъ одержалъ надъ богатыми верхъ, какъ скоро главою его сдѣлался мужъ съ талантомъ и энергіею. Этотъ мужъ былъ Агаѳоклъ. По происхожденію принадлежа къ народу, по богатству онъ приближался къ аристократамъ, но, съ презрѣніемъ отвергнутый ими, онъ сдѣлался вождемъ бѣдныхъ и послѣ долговременной и упорной борьбы, въ 316 году, получилъ вмѣстѣ съ главнымъ начальствомъ надъ войскомъ верховную власть въ Сиракузахъ и утвердился въ ней истребленіемъ или изгнаніемъ аристократовъ.

Агаѳоклъ переселился въ Сиракузы около того времени, когда Тимолеонъ разослалъ приглашенія по всѣмъ Греческимъ странамъ. Онъ прибылъ бѣднякомъ, но, женившись на одной богатой вдовѣ, составилъ себѣ состояніе. Презираемый аристократами, которые при томъ всѣми мѣрами старались вредить ему, онъ присоединился къ противной партіи и сдѣлался ея предводителемъ. Въ послѣдовавшей между партіями борьбѣ сначала онъ былъ побѣжденъ и изгнанъ изъ города; но вскорѣ перевѣсъ склонился на сторону народа и Агаѳоклъ былъ возвращенъ. Чтобы положить конецъ симъ безпорядкамъ, рѣшили призвать какого либо Коринѳянина, надѣясь получить отъ своей метрополіи другаго Тимолеона, но отправленный Коринѳянами Акесторидъ не имѣлъ ни его духа, ни силы. Онъ хотѣлъ избавиться отъ Агаѳокла посредствомъ тайнаго убійства, но не имѣлъ въ томъ успѣха; почему принужденъ былъ допустить въ городѣ существованіе всѣхъ прежнихъ партій и не могъ воспрепятствовать избранію Агаѳокла въ предводители наемныхъ войскъ, въ 316 году. Новый вождь тотчасъ воспользовался своею властію, чтобы отмстить врагамъ и поставить себя въ безопасное положеніе. Во первыхъ онъ велѣлъ умертить 600 аристокра-

товъ и домы ихъ отдалъ на разграбленіе солдатамъ. Сіе насиліе было для черни сигналомъ къ нападенію на богатыхъ: при семъ случаѣ погибло гражданъ больше 4000 и 6000 спасли свою жизнь бѣгствомъ. Сіе ужасное дѣло Агаѳоклъ назвалъ «очищеніемъ города.» Послѣ сего онъ объявилъ въ народномъ собраніи, что, возвративъ государству спокойствіе и очистивъ его отъ партій, хочетъ жить частнымъ человѣкомъ; но ни народъ, ни наемники не согласились на это, напротивъ они провозгласили его военачальникомъ съ неограниченною властію; и такимъ образомъ чрезъ 21 годъ по смерти Тимолеона Сиракузы снова подпали подъ власть тиранна. Впрочемъ онъ не окружалъ себя тѣлохранителями и не жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ, потому что наемники и простой народъ были ему совершенно преданы, и противная партія, со стороны которой только и грозила ему опасность, страшною мѣрою, названною очищеніемъ города, была вся истреблена или разогнана. Онъ содержалъ 10,000 пѣхоты и 3000 конницы постояннаго войска. То же самое, что въ Сиракузахъ, дѣлалъ онъ и во всѣхъ зависѣвшихъ отъ нихъ городахъ: аристократовъ умерщвлялъ или изгонялъ, а города держалъ въ повиновеніи, посредствомъ своихъ комендантовъ.

Едва успѣвъ утвердить въ Сиракузахъ свою власть, Агаѳоклъ долженъ былъ вступить въ войну съ Карѳагеномъ. Изгнанные аристократы, не находя себѣ пристанища ни въ одномъ городѣ, обратились наконецъ съ просьбою о помощи къ Карѳагенянамъ, которые тѣмъ охотнѣе согласились помогать имъ, что начинали уже смотрѣть завистливыми глазами на возрастающее могущество Агаѳокла. Война открылась въ 311 году и сначала имѣла для Агаѳокла такой несчастный оборотъ, что запертый въ Сиракузахъ съ моря и суши онъ, казалось, погибалъ. Но своею смѣло-

стію онъ не только спасъ Сицилію, но даже поставилъ самый Карѳагенъ на край погибели, сдѣлавъ въ 310 году нападеніе на Карѳагенянъ въ самой Африкѣ и потрясши основанія ихъ силы. Владѣя островомъ и большею частію Африканскихъ береговъ, въ 307 году, онъ принялъ титулъ царя Сициліи; но съ той минуты, какъ онъ достигнулъ вершины могущества, счастіе, доселѣ улыбавшееся ему, оставило его: рядъ несчастій, которыхъ ни прозорливость его не могла предвидѣть, ни отвага отразить, принудили его къ бѣгству изъ Африки, и онъ долженъ былъ радоваться, успѣвъ заключить съ Карѳагеномъ миръ, на томъ условіи, что обѣ стороны остаются при прежнихъ владѣніяхъ.

Первое войско, отправленное въ 311 году Карѳагенскою республикою въ Сицилію, было потоплено бурею; вмѣстѣ съ нимъ погибло великое множество самыхъ гражданъ, такъ, что Карѳагеняне, въ знакъ общественной печали, покрыли стѣны города черною матеріею. Но это несчастіе не поколебало ихъ; еще въ томъ же году они послали другое войско, гораздо многочисленнѣйшее, нежели Агаѳоклово. Сей послѣдній, видя превосходство непріятеля, рѣшился привлечь его къ стѣнамъ Гелы, которую хотѣлъ такимъ образомъ сдѣлать, такъ сказать, оградою Сиракузъ. Онъ вступилъ въ этотъ городъ и велѣлъ умертвить всѣхъ богатыхъ гражданъ, чтобы имѣніемъ ихъ удовлетворить требованіямъ наемниковъ; но сія жестокость вооружила противъ него всѣ города, такъ, что, когда онъ потерпѣлъ отъ Карѳагенянъ пораженіе, они тотчасъ отпали отъ него. Осажденный въ Сиракузахъ съ моря и суши, для своего спасенія онъ схватился за отважное, но вмѣстѣ отчаянное средство — напасть на Карѳагенъ въ Африкѣ и возмутить противъ него недовольныхъ Африканцевъ. Чтобы собрать денегъ на эту экспедицію и обезпечить покор-

ность Сиракузъ во время своего отсутствія, онъ не разбиралъ средствъ: никакое не казалось ему ни худымъ, ни жестокимъ, только бы велокъ цѣли. Большую часть гражданъ онъ взялъ заложниками и включилъ въ число воиновъ, долженствовавшихъ сопровождать его, и такимъ образомъ, страхомъ за безопасность находящихся въ его рукахъ, надѣялся удержать въ вѣрности ихъ родственниковъ, оставшихся въ городѣ. Онъ конфисковалъ деньги, собранныя для сиротъ, силою бралъ у купцевъ въ заемъ большія суммы и въ конецъ разграбилъ храмы. Напослѣдокъ объявилъ, что всякій, кого устрашаютъ опасности и труды осады, можетъ оставить городъ. Онъ сдѣлалъ это, надѣясь узнать, у кого есть деньги, и не обманулся. Всѣхъ изъявившихъ желаніе воспользоваться симъ позволеніемъ онъ объявилъ измѣнниками, предалъ смерти, имѣніе ихъ взялъ въ казну, а рабовъ къ себѣ въ войско. Окончивъ свои приготовленія, онъ снарядилъ 60 кораблей и, воспользовавшись минутою, когда непріятельскій флотъ открылъ выходъ изъ пристани, вышелъ въ море. Непріятель бросился его преслѣдовать, впрочемъ догналъ его уже въ то время, когда онъ высадился на Африканскіе берега. Чтобы воодушевить своихъ воиновъ большею храбростію, которую обыкновенно чувствуютъ, когда не остается на выборъ ничего другаго, кромѣ побѣды или смерти, Агаѳоклъ самъ зажегъ свои корабли. Углубляясь во внутренность страны, онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія, потому что Карѳагеняне менѣе всего ожидали непріятельскаго вторженія. И въ самомъ дѣлѣ извѣстіе о высадкѣ Агаѳокла привело ихъ въ такой страхъ, что они положили отправить къ нему пословъ съ мирными предложеніями, считая навѣрное, что ихъ войско и флотъ погибли въ Сициліи. Но, узнавъ настоящее положеніе дѣлъ, они поспѣшно составили изъ гражданъ города и окрестныхъ жителей войско, которое впрочемъ Агаѳокломъ было разбито; и когда Карѳагенское правительство послало повелѣніе къ своему полководцу въ Сициліи, снять осаду Сиракузъ и какъ можно скорѣе итти на помощь къ своему стѣсненному отечеству, пришло извѣстіе, что полководецъ ихъ въ одной

вылазкѣ, сдѣланной Сиракузянами ночью, попалъ въ плѣнъ и все войско погибло. Такъ успѣшно было предпріятіе Агаѳокла: онъ не только спасъ Сиракузы, но и самому Карѳагену угрожалъ погибелью. Для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ, Карѳагеняне возобновили съ давнихъ временъ уже оставленное приношеніе на жертву людей, и сожгли на жертвенникѣ своего свирѣпаго божества Молоха 200 младенцевъ изъ знатнѣйшихъ фамилій *); но это не спасло республики — Агаѳоклъ тѣснилъ ее съ возрастающимъ жаромъ. Онъ овладѣлъ почти всѣмъ берегомъ и заперъ Карѳагенянъ въ собственной ихъ области. Но его войско потерпѣло значительныя потери; для пополненія его хорошо обученными Греческими наемными воинами, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: Офелъ, полководецъ Птоломея, правителя Египетскаго, завоевалъ Кирене и удержалъ сію область за собою. Агаѳоклъ велѣлъ объявить ему, что если онъ соединится съ нимъ, то можетъ присовокупить къ своимъ владѣніямъ Африканскій берегъ, потому что Агаѳоклъ ищетъ въ Африкѣ не владѣній, но обезпеченія безопасности Сициліи. Офелъ попалъ въ поставленную ему западню и чрезъ два мѣсяца труднаго похода по пустынной странѣ прибылъ къ Агаѳоклу; но тотчасъ по соединеніи вступилъ съ нимъ въ ссору, къ которой Агаѳоклъ старался подать поводъ, и былъ по повелѣнію его убитъ, а войско, приведенное имъ, Агаѳоклъ принялъ къ себѣ на службу. Узнавъ, что полководцы Александра Великаго приняли въ 307 г. царскіе титулы, онъ послѣдовалъ ихъ примѣру и назвался *царемъ Сициліи*. Впрочемъ, онъ не носилъ діадемы, а только вѣнокъ, приличествовавшій ему какъ жрецу, и то болѣе для того, что-

*) При семъ случаѣ Діодоръ (кн. XX, гл. 14) описываетъ свойства Молоха, называя его Греческимъ именемъ *Κρόνος*, (Кронъ), и способъ приношенія дѣтей на жертву этому чудовищному кумиру: *ἦν δὲ παρ' αὐτοῖς ἀνδριὰς Κρόνου χαλκοῦς ἐκτεταϰὼς τὰς χεῖρας ὑπτίας, ἐγκεκλιμένας ἐπὶ τὴν γῆν, ὥστε τὸν ἐπιτεθέντα τῶν παίδων ἀποκυλίεσθαι καὶ πίπτειν εἴς τι χάσμα πλῆρες πυρός.* (т. е. У нихъ была мѣдная статуя Крона съ руками наклоненными къ землѣ, такъ что дитя, положенное на нихъ, скатывалось и упадало въ пасть, пылающую огнемъ.)

бы прикрыть недостатокъ волосъ, а не какъ внѣшній знакъ своей власти. Но въ то время, какъ могущество его достигло высочайшей степени, онъ оставилъ Африку, чтобы лично привести въ порядокъ дѣла Сициліи. Передавъ начальство надъ Африканскимъ войскомъ старшему сыну своему Архагаѳу, онъ отправился въ Сицилію. Но едва прибылъ туда, какъ уже печальныя извѣстія, одно за другимъ, потребовали его возвращенія къ войску. Ибо Карѳагеняне, воспользовавшись его отсутствіемъ, нанесли Архагаѳу двукратное пораженіе. Возвратившись въ Африку, Агаѳоклъ нашелъ его почти запертымъ въ своемъ лагерѣ, съ войскомъ, весьма уменьшившимся и терпѣвшимъ во всемъ недостатокъ. Онъ думалъ поправить дѣло сраженіемъ и когда увидѣлъ, что Карѳагеняне не выходятъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря, то рѣшился штурмовать его, но былъ отбитъ съ значительною потерею. За эту побѣду Карѳагеняне умертвили всѣхъ плѣнныхъ въ жертву идолу своему Молоху. Во время сего жертвоприношенія вдругъ поднялся вѣтеръ, жертвенный огонь отъ алтарей понесся на палатки, и въ одно мгновеніе весь лагерь былъ объятъ пламенемъ. Смятеніе еще болѣе увеличилось, когда съ передовыхъ постовъ принесли извѣстіе о приближеніи непріятеля; все войско въ паническомъ страхѣ разсѣялось въ разныя стороны, многіе въ темнотѣ были раздавлены бѣгущими, другіе тогда только успокоились отъ страха, когда увидѣли себя въ безопасности за стѣнами Карѳагена. Виною всѣхъ сихъ безпорядковъ и бѣгства была толпа Ливійцевъ, хотѣвшихъ отъ Агаѳокла перейти къ Карѳагенянамъ; ея-то приближеніе сочтено было на аванпостахъ за приближеніе всей непріятельской арміи. Сіе происшествіе могло бы имѣть для Агаѳокла самыя счастливыя послѣдствія, еслибъ тотъ же ужасъ не сообщился и его войску. Переметчики, примѣтивъ внезапное замѣшательство въ Карѳагенскомъ лагерѣ, не посмѣли итти далѣе и воротились; приближеніе ихъ произвело то же дѣйствіе на лагерь Агаѳокла, какъ и на Карѳагенскій. Объятое паническимъ страхомъ войско разсѣялось; всѣ находившіеся при немъ Африканцы разбѣжались, прочіе хотя и собрались,

но въ такомъ маломъ числѣ, что Агаѳоклъ, потерявъ всякую надежду на счастливый конецъ, положилъ тайно бѣжать. Но намѣреніе его было открыто; раздраженные воины схватили и заключили его въ оковы. Впрочемъ, въ слѣдующую ночь, когда вѣсть о приближеніи непріятеля произвела новое смятеніе, и не было вождя, который привелъ бы все въ порядокъ, стражи сняли съ него оковы. Агаѳоклъ воспользовался этою свободою и, оставивъ войско на произволъ судьбы, а своихъ сыновей, находившихся въ лагерѣ, мщенію солдатъ, бѣжалъ. Сіи послѣдніе въ самомъ дѣлѣ были тотчасъ умерщвлены. Послѣ сего вновь избранные начальники вступили въ переговоры съ Карѳагенянами, и такъ какъ никто изъ служившихъ въ войскѣ, страшась Агаѳокла, не отваживался возвратиться въ Сицилію, то одни изъ нихъ вступили къ Карѳагенянамъ въ службу, другіе выпросили себѣ у нихъ въ Африкѣ мѣста для поселенія.

Такъ въ 306 году спасся Карѳагенъ отъ опасности, не разъ въ продолженіе пяти лѣтъ угрожавшей ему совершенною гибелью. Можно представить съ какими чувствами Агаѳоклъ возвратился въ Сицилію. Всю злобу, терзавшую его душу, онъ излилъ на тѣхъ, родственники которыхъ сопровождали его въ походѣ въ Африку. Всѣ соединенные съ ними узами даже самаго дальняго родства, отъ дѣтей въ колыбели до старцевъ, убѣленныхъ сѣдинами, сдѣлались жертвою его мщенія и были побиты въ Сиракузской гавани. Подобными жестокостями въ другихъ городахъ и побѣдою надъ соединившимися противъ него изгнанниками Агаѳоклъ снова утвердилъ свою колеблющуюся власть: къ счастію его было также и то, что въ 305 году ему удалось заключить съ Карѳагенями миръ, на условіи—обоимъ государствамъ оставаться при прежнихъ владѣніяхъ.

Дальнѣйшая исторія Агаѳокла съ 305 года не совсѣмъ извѣстна; впрочемъ замѣтно, что правленіе его было уже не такъ жестоко и насильствен-

но *). Чтобы занять чѣмъ нибудь своихъ наемниковъ и содержать на чужой счетъ, онъ дѣлалъ частыя впаденія въ Италію и пріобрѣлъ владычество на Адріатическомъ Морѣ: завоевалъ островъ Корциру и отдалъ его Пирру, царю Эпирскому, въ приданое за дочерью своею Ланассою. Мало по малу онъ собралъ снова значительныя силы и, находясь уже въ глубокой старости, вознамѣрился не только изгнать Карѳагенянъ изъ Сициліи, но еще разъ сдѣлать высадку на берега Африки. Начальникомъ экспедиціи онъ назначилъ сына своего Агаѳокла. Завидуя сему, внукъ его Архагаѳъ сперва умертвилъ дядю, а потомъ, въ 289 г., отравилъ и дѣда. Говорятъ, что сей семидесятидвухлѣтній старецъ, еще полуживой, былъ сожженъ. Смерть его рушила не только всѣ составленные имъ планы, но и произвела величайшее смятеніе. Сиракузы объявили себя республикою, Агаѳокловы генералы бросились по городамъ, и въ тѣхъ, которыми имъ удавалось овладѣть, провозглашали себя тираннами, а Карѳагеняне воспользовались сими безпорядками и, какъ говоритъ пословица, въ мутной водѣ ловили ры-

*) Къ сему времени должно отнесть похвалу, которую дѣлаетъ Агаѳоклу за кротость Полибій (fragm. lib. IX cap. 23): *Τίς γὰρ Ἀγαθοκλέα, τὸν Σικελίας τύραννον, οὐχ ἱστόρηκε, διότι, δόξας ὠμότατος εἶναι κατὰ τὰς πρώτας ἐπιβολὰς καὶ τὴν κατασκευὴν τῆς δυναστείας, μετὰ ταῦτα, νομίσας βεβαίως ἐνδεδέσθαι τὴν Σικελιωτῶν ἀρχὴν, ἡμερώτατος δοκεῖ γεγονέναι καὶ πραότατος*; (т. е. Кто не слышалъ объ Агаѳоклѣ, тираннѣ Сицилійскомъ, что онъ при первыхъ предпріятіяхъ и при основаніи своей власти казался жесточайшимъ, но послѣ, думая, что власть его надъ Сицилійцами уже утверждена, сдѣлался кротчайшимъ и смиреннѣйшимъ?) Вообще и въ другихъ мѣстахъ, Полибій, гдѣ только упоминаетъ о немъ (lib. XII cap. 15 и lib. XV cap. 35), отзывается съ великимъ уваженіемъ и даже удивляется ему.

бу. Такое положеніе дѣлъ Сициліи сперва открыло сюда путь Пирру, а потомъ Римлянамъ. И такъ мы прерываемъ здѣсь исторію сего острова и возвратимся къ ней, когда она будетъ въ тѣсной связи съ Римскою.

III.

ИСТОРІЯ РИМА И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ЕГО ВЛАДЫЧЕСТВА ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Римская Исторія вводитъ насъ въ отношенія уже не такъ чуждыя новѣйшимъ временамъ, какъ гражданская жизнь Греческихъ республикъ. Всѣ элементы древности, перешедшіе въ развитіи Среднихъ вѣковъ въ жизнь новѣйшихъ народовъ, явились къ намъ въ той формѣ, въ которой развилъ ихъ и усвоилъ себѣ духъ Римской націи. Это посредничество между двумя великими эпохами міра даетъ Римской Исторіи самое обширное значеніе, хотя большая часть умственныхъ элементовъ, переданныхъ Римлянами Германцамъ, развились не въ Римѣ, а въ Греціи. Впрочемъ и то, что произвелъ ихъ собственный геній — образованіе гражданскаго права — по своей важности обезпечиваетъ за ними мѣсто, занимаемое ими во Всемірной Исторіи. Поэзія, Искусство, Философія и

прочія заимствованныя ими отъ Грековъ знанія разцвѣли у нихъ очень поздно, и то, подобно растеніямъ, пересаженнымъ съ другой почвы, между тѣмъ, какъ все, имѣвшее отношеніе къ практической пользѣ, находило самыхъ усердныхъ обработывателей въ самомъ Римѣ. Уже въ этомъ перевѣсѣ разума надъ прочими силами души заключается стремленіе къ пріобрѣтенію и обладанію, и слѣдовательно, съ одной стороны потребность завоеваній, съ другой стараніе объ устройствѣ и обезпеченіи за собою завоеваннаго. Первое сдѣлало Римлянъ воинами, второе—правовѣдами. Въ самомъ дѣлѣ, и военное искусство, покорившее имъ вселенную, и право, доставившее огромной ихъ имперіи такое твердое устройство, что она существовала долѣе, нежели какая либо другая всемірная держава—и то, и другое было развито ими до высочайшей степени совершенства. И такъ назначеніе Рима во Всемірной Исторіи есть соединеніе всего образованнаго Греками міра въ одно политическое и устроенное законами тѣло.

Собственные источники древнѣйшей Исторіи Рима, какъ то: libri pontificum, содержащіе въ себѣ государственныя лѣтописи, и фамильные архивы, равно какъ древнѣйшіе Римскіе историки: Фабій Пикторъ, Катонъ и Мацеръ, до насъ не дошли. Посему мы должны держаться двухъ позднѣйшихъ писателей: одного Грека *Діонисія Галикарнасскаго*, который въ своей Археологіи пространно и подробно разсматриваетъ состояніе древней Италіи и Рима; онъ впадаетъ въ ту только ошибку, что все или производитъ отъ Грековъ, или старается привести въ связь съ Греческими элементами; — и другаго Римлянина, *Тита Ливія* изъ Падуи, который изящнымъ слогомъ Авгу-

стова времени, повѣствуетъ древнѣйшую исторію Рима, согласно съ народными преданіями. Изъ новѣйшихъ важнѣйшее сочиненіе безспорно есть Римская исторія *Б. Г. Нибура*, который строгою критикою отдѣлилъ историческое отъ преданій и разложилъ элементы, изъ которыхъ возникъ Римскій народъ и образъ правленія.

Италія отдѣлена отъ остальной Европы Альпами и въ видѣ полуострова на 150 географическихъ миль вдается въ Средиземное Море, въ направленіи отъ сѣвера къ югу. Аппеннны раздѣляютъ ее на двѣ неровныя половины, изъ коихъ сѣверовосточная есть страна открытая и плодоносная, а югозападная изрѣзана горами и представляетъ узкія долины и малыя прибрежныя равнины.

По географическому своему дѣленію Италія распадается на три части: на Верхнюю, которую впрочемъ Римляне стали причислять къ Италіи не прежде, какъ во времена императоровъ, Среднюю и Нижнюю. Верхняя Италія, простиравшаяся отъ подошвы Альпъ до рѣкъ Рубикона и Макры, заключала въ себѣ двѣ земли: *Галлію Цизальпинскую* и *Лигурію*. Первую рѣка Падъ раздѣляла на двѣ части: *Галлію Транспаданскую* и *Галлію Циспаданскую*. Въ Сѣверной или Транспаданской жили Галльскія племена Тавринцевъ, Инсубровъ и Ценомановъ; въ Южной или Циспаданской обитали Бойи, Сеноны и Лингоны — равномѣрно Галлы. Города, находившіеся здѣсь, были по большей части военныя колоніи, основанныя Римлянами по занятіи страны. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ въ Галліи Транспаданской были: Aquileia, Patavium, Vincentia, Verona, Mantua, Cremona, Brixia, Mediolanum, Ticinum и Augusta Taurinorum. Въ Галліи Циспаданской: Ravenna, Bononia, Mutina, Parma и Placentia. Вторая часть Верхней Италіи, Лигурія, занимала прибрежную страну между рѣками Варомъ и Макрою, и главный городъ ея былъ Genua. Средняя

Италія, которой предѣломъ съ одной стороны была рѣка Силаръ, а съ другой Френто, заключала въ себѣ шесть земель: изъ нихъ *Этрурія, Лацій* и *Кампанія* лежали на западной, а *Умбрія, Пиценъ* и *Самній* на восточной сторонѣ. Въ Этруріи (Тусціи, Тирреніи), отечествѣ и средоточіи, во времена до усиленія Рима процвѣтавшей и могущественной Этрусской націи, находилось двѣнадцать городовъ составлявшихъ одинъ союзъ: Clusium, Perusia, Cortona, Arretium, Volaterra, Rusellae, Vetulonia, Faesulae, Tarquinii, Caere, Falerii и Veji. Изъ рѣкъ, протекающихъ здѣсь, примѣчателенъ только одинъ Арно. Лацій, страна Латинцевъ, отдѣлялся отъ Этруріи Тибромъ. Кромѣ Латинцевъ здѣсь жили еще малочисленныя горныя племена: Герники, Сабинцы, Эквы, Марсы, Волски, Рутулы и Аврунки. Первоначально Лацій простирался только до мыса Цирцеи, но когда въ послѣдствіи къ нему присоединилось все пространство земли до рѣки Лириса, то первую страну назвали Latium vetus, а послѣднюю Latium novum. Такъ какъ Римъ основанъ былъ Латинцами, то Латинская нація и языкъ ея сдѣлались въ Италіи господствующими. Кромѣ Рима здѣсь замѣчательны города: Ostia, Tibur, Tusculum, Alba longa, Lavinium, Antium, Gabii и Velitrae. Кампанія занимала остальную часть берега отъ Лириса до Силара. Важнѣйшія города этой страны были: Capua, Cumae, Neapolis, Nola, Surrentum, Salernum и прославившіеся печальною своею участью Herculanum и Pompeji. Изъ странъ, занимавшихъ восточный берегъ Средней Италіи, Умбрія лежала между рѣками Рубикономъ, Эзисомъ и Наромъ; изъ городовъ Ariminum, Spoletium и Narnia были самые примѣчательны. Пиценты населяли область нынѣшней Мархіи Анконы съ городами: Ancona, Ascolum, Picentum,—страну ровную и плодоносную. Напротивъ, Самнитяне владѣли страною гористою, простиравшеюся отъ рѣки Атарна до Френто. И хотя тяжелые труды, которыхъ требовало воздѣлываніе этой не вездѣ удобной къ обработанію почвы, дѣлали жителей грубыми и храбрыми, однако и Самнитяне извѣстны какъ мирный пастушескій и земледѣльческій народъ. Городовъ у нихъ было не много, примѣчательнѣй-

шіе изъ нихъ Beneventum и Caudium. Нижняя Италія называлась также *Великою Греціею* (magna Graecia). Она заключала въ себѣ четыре страны, изъ которыхъ двѣ: *Луканія* и *Брутціумъ* расположены были на западной сторонѣ, а другія двѣ: *Апулія* и *Калабрія*—на восточной. Луканія простиралась отъ Силара до рѣчки Лауса, а далѣе, на постепенно съужающейся косѣ, жилъ грубый и дикій народъ, Бруттійцы; впрочемъ владѣнія ихъ ограничивались внутренними горами, берега же находились во власти Грековъ и были заселены ихъ колоніями. Апулія, простиравшаяся по восточному берегу отъ Френто до того мѣста, гдѣ берега начинаютъ съуживаться, была весьма плодоносна. Изъ городовъ примѣчательны Sipontum, Luceria, Barium, Cannae и Venusia. Восточная коса, оканчивающаяся мысомъ Япигіемъ, называлась у древнихъ Калабрія или Мессапія.

Что касается до состоянія Италіи прежде основанія Рима, то мы находимъ здѣсь четыре различные рода цивилизаціи: 1. Этрусской или Тирренской націи, 2. Латинской, 3. Сабелльской и наконецъ 4. Греческой. О трехъ первыхъ, оказавшихъ болѣе или менѣе вліянія, какъ на первоначальное образованіе, такъ и на дальнѣйшее развитіе Римскаго государства, мы должны сказать прежде, нежели приступимъ къ Исторіи самого Рима. При томъ имѣющій основательное понятіе о сихъ федераціяхъ Италіянскихъ народовъ, легко убѣдится, что такое государство, какъ Римъ, возникшее въ то время, когда узы, связывавшія ихъ, ослабли, должно было сдѣлаться для нихъ опаснымъ.

О величіи и могуществѣ Этрусской націи говорятъ памятники и развалины ея городовъ и дошедшія до насъ художественныя произведенія; но ея языкъ и исторія для насъ потеряны и только въ новѣйшія

времена изысканіе ихъ, подобно Египетскимъ, сдѣлалось предметомъ стремленія *). Изъ трехъ федерацій, на которыя раздѣлялись всѣ Этрусскія племена, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Тусской, находившейся въ нынѣшней Тосканѣ, потому что она была въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Римлянами и состояла изъ двѣнадцати выше исчисленныхъ городовъ. Образъ правленія ихъ былъ аристократо—іерархическій. Господствующій классъ патриціевъ, называвшихся *Лукумонами*, одинъ имѣлъ право на занятіе жреческихъ мѣстъ и на обладаніе жреческою мудростію. Лукумоны одни образовали сеймы, обыкновенно собиравшіеся при храмѣ Волтумны, на которыхъ были рѣшаемы дѣла государства. Во время нужды и опасности главою союза дѣлали одного, вручивъ ему верховную власть свѣтскую и духовную. Народъ составлялъ крѣпостныхъ подданныхъ Лукумоновъ. Среднее сословіе свободныхъ гражданъ или вовсе не существовало, или было слишкомъ незначительно, чтобы могло быть замѣтнымъ. Сему послѣднему обстоятельству должно приписывать слабость Этруріи противъ Рима. Римлянамъ въ каждой войнѣ доставляла перевѣсъ отличная пѣхота, и ни богатство, ни искусство, ни высокія стѣны не спасли Этрусковъ отъ ихъ владычества. Римляне заняли отъ Этрусковъ нѣкоторыя учрежденія, между прочимъ знаки гражданскаго правительства, календарь и многія религіозныя церемоніи.

Союзъ Латинцевъ состоялъ изъ 30 городовъ, между которыми Альбалонга, по своей древности и силѣ, занимала нѣкоторымъ образомъ степень столицы. Сеймы союза происходили въ рощѣ богини Ферентины. Политическія учрежденія Латинцевъ послужили образцемъ для государственныхъ постановленій Рима, гдѣ ихъ Сенатъ, ихъ преторы и диктаторы прожили еще долго, по крайней мѣрѣ, по имени. Верховныя божества ихъ, богъ солнца *Діанъ* и богиня луны *Діана*, приносящій плодородіе *Сатурнъ*

*) Изъ всѣхъ, доселѣ сдѣланныхъ опытовъ объясненія Этрусской исторіи, самый удачный есть сочиненіе: Die Etrusker, vier Bücher von K. O. Müller. 2 Bände. Breslau 1828.

и жена его *Опсъ* перешли въ религію Римлянъ. Но Исторія сего союза, предшествовавшая основанію Рима, также неизвѣстна, и съ того времени, о которомъ извѣстія начинаютъ дѣлаться достовѣрнѣе, она сливается съ Римскою. Самое многочисленное и владѣвшее обширною страною Италіянское племя были Сабеллы, къ которымъ принадлежали Марзы, Пиценты, Пелигны, Самниты, Луканцы и Сабинцы. «Не многія націи, говоритъ Нибуръ, были такъ разнохарак«терны въ своихъ племенахъ, какъ этотъ великій «народъ: Самниты, Марзы, Пелигны отличались во«инственностью и самою пламенною любовію къ сво«бодѣ, Пиценты были слабы и трусливы, Сабинцы «набожны и справедливы, Луканцы свирѣпы и хищ«ны. Всѣ Сабеллы, а особливо Марсы, занимались «гаданіемъ по примѣтамъ, преимущественно по по«лету птицъ.» Хотя въ основаніи образа правленія Сабелловъ была, также какъ и у Этруссковъ, аристократія и религія; однако ихъ аристократія, подобно той, не властвовала надъ народомъ неограниченно и религія не находилась въ рукахъ исключительно одного сословія жрецовъ, но сопровождалась письменными постановленіями. Большая часть сихъ племенъ жила въ неукрѣпленныхъ селеніяхъ, и ихъ трудолюбіемъ Аппенины были воздѣланы до самой снѣжной полосы. Самый знатный, равно какъ и самый низкій изъ Сабелловъ обработывалъ землю своими руками. Но узы, связывавшія всѣ сіи племена, были такъ же слабы, какъ у Латинцевъ и Этруссковъ; прежде всѣхъ были присоединены къ Риму Сабинцы, и позднѣйшіе Римскіе писатели славятъ въ своихъ достойныхъ предкахъ Сабинскую силу и добродѣтель.

Какъ ни различались между собою древнія племена Италіи, не смотря на то во многихъ постановленіяхъ примѣтно довольно сходства; посему мы имѣемъ достаточную причину полагать, какъ легко, на основаніи сихъ общихъ постановленій, могло образоваться государство, котораго элементы принадлежали бы всѣмъ нами исчис-

ленными, различнымъ племенамъ. Такое государство было Римъ; какъ ни сомнительны и баснословны могутъ быть подробности Исторіи о происхожденіи Рима, но то должно принять за фактъ, что онъ возникъ изъ соединенія людей изъ различныхъ Италіянскихъ народовъ въ одну гражданскую общину. Такого рода происхожденіе тотчасъ дало государству весьма опредѣленный характеръ: такъ съ одной стороны Римская община была какъ бы извлеченіемъ изъ всѣхъ Италіянскихъ народовъ, съ другой—различные элементы, вошедшіе въ составъ его, не могли соединиться въ одно цѣлое безъ предварительныхъ законныхъ актовъ; согласія и договоровъ.

Исторія происхожденія и первыхъ постановленій Рима, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена намъ Греческими и Римскими писателями, есть чисто народное преданіе, въ которомъ историческія истины едва просвѣчиваютъ изъ-за поэтическихъ прикрасъ. Но такъ какъ поэты, ораторы и вообще всѣ писатели тѣсно соединили ее съ Римскою религіею и государственнымъ бытомъ, и такъ какъ она сдѣлалась существенною частію народныхъ повѣрій, то нужно познакомиться и съ нею. Для сего совѣтуемъ обратиться къ Ливію, который съ такимъ искусствомъ разсказываетъ сіи преданія, что они, походя на исторію, ни сколько не теряютъ своей поэтической прелести. По преданію, Римъ основанъ двумя близнецами, рожденными нѣкоторою царевною отъ Марса, бога войны. Малютки были брошены на погибель, но волчица вскормила ихъ, и такимъ образомъ они чудеснымъ образомъ избѣжали угрожавшей имъ смерти; подобное же разсказываютъ и о другихъ основателяхъ государствъ, напр: въ преданіяхъ Персовъ о Кирѣ. Въ послѣдствіи они основали городъ и въ ссорѣ за то, какъ назвать его, одинъ изъ нихъ Ромулъ убилъ брата своего Рема. Въ этомъ городѣ откры-

валось убѣжище всякому чужестранцу и бѣглецу; похищеніемъ Сабинянокъ пополненъ былъ недостатокъ въ женахъ. Сказаніе подробно описываетъ происшедшую за это войну, опасность Рима, спасеніе чрезъ посредничество похищенныхъ Сабинянокъ и тѣсное соединеніе обѣихъ общинъ. Т. Тацій назывался царь Сабинскій, правившій вмѣстѣ съ Ромуломъ; онъ погибъ насильственною смертію. Поэтическое преданіе о Ромулѣ оканчивается переселеніемъ его на небо. Напрасно давать сему сказанію такое значеніе, что будто бы онъ былъ убитъ во время грозы сенаторами; подобнымъ объясненіемъ только отнимаютъ у него поэтическую прелесть, не пріобрѣтая ничего для Исторіи. По народному повѣрью Марсъ во время страшной бури среди громовъ и молній сошелъ съ неба и на огненной колесницѣ увезъ туда своего достойнаго сына. Сказаніе о второмъ царѣ Римскомъ принимаетъ тонъ священной легенды. Этотъ царь былъ Нума Помпилій. Его чтутъ какъ основателя богопочитанія. Отъ Камены Эгеріи, удостоившей его дружескаго обхожденія, онъ получилъ наставленіе касательно учрежденія іерархіи, а Фавнъ и Пикъ, боги лѣсовъ, научили его, какъ можно заклинать даже самого Юпитера; впрочемъ, на это могъ отважиться только мужъ непорочный, посему въ преданіи повѣствуется, что третій царь Туллъ Гостилій, дерзнувшій на это съ нечистыми руками, былъ пораженъ карающимъ перуномъ разгнѣваннаго бога. Когда Нума, достигнувъ въ благословенномъ мирѣ глубокой старости, умеръ, нимфа Эгерія, оплакивая его, отъ горести превратилась въ ручей. Изъ сихъ сказаній о двухъ первыхъ царяхъ видно, что Римская Исторія начинается богами и героями; Ромулъ, сынъ бога, и самъ дѣлается богомъ; Нума, хотя и человѣкъ, но своею тѣсною связію съ божественнымъ существомъ, стоитъ гораздо выше обыкновенныхъ людей. Съ исторіею третьяго царя Тулла Гостилія сказаніе принимаетъ иной характеръ. Здѣсь есть уже историческій элементъ. Но битва Горацієвъ и Куріацієвъ и разрушеніе Альбылонги есть чистая эпопея. Четвертый царь Анкъ Марцій, Сабинецъ и родственникъ Нумы, является въ томъ же отношеніи къ своему предшес-

твеннику, въ какомъ Нума былъ къ Ромулу. Подобно Нумѣ, онъ особенно замѣчателенъ дѣлами религіи и мира. Имъ оканчивается періодъ, въ которомъ постоянно за Латинскимъ царемъ слѣдуетъ Сабинскій, и первый отличается какъ вождь и воинъ, второй какъ основатель богопочитанія. Сказанія о слѣдующемъ за симъ времени Нибуръ характеризуетъ слѣдующими словами: «Л. Тарквиніемъ Прискомъ начинается великая поэма, оканчивающаяся битвою при Региллѣ; эта пѣснь о Тарквиніяхъ, не смотря на свою прозаическую форму, заключаетъ въ себѣ весьма много поэзіи и совсѣмъ непохожа на собственную Исторію. Прибытіе Тарквинія въ Римъ, какъ Лукумона, его дѣла и побѣды, его смерть, потомъ чудесная исторія Сервія, преступный бракъ Тулліи, умерщвленіе законнаго царя, вся исторія послѣдняго Тарквинія, предвѣстія, приготовляющія къ его паденію, Лукреція, притворство Брута, смерть его, война съ Порсеною и наконецъ совершенно гомерическая битва при Региллѣ образуютъ такую эпопею, которая силою и блескомъ фантазіи далеко оставляетъ за собою всѣ произведенія позднѣйшихъ Римскихъ писателей. Чуждая единству совершеннѣйшей Греческой поэмы, она дѣлится на отрывки, въ чемъ совершенно соотвѣтствуетъ приключеніямъ Нибелунгъ; если бъ кто осмѣлился представить ее въ піитическомъ видѣ, тотъ весьма ошибся бы, избравъ не эту высшую и благороднѣйшую форму.»

Начало Рима, теряясь въ безконечности, сообразно съ достоинствомъ города, преимущественно предъ всѣми названнаго вѣчнымъ. Имя Римъ (Ῥώμη) намекаетъ на Греческое происхожденіе, во всякомъ случаѣ оно не Латинское. За несомнѣнный историческій фактъ можно принять только то, что городъ, именуемый Римомъ, стоялъ уже на Палатинскомъ холмѣ, когда Сабинцы внизъ по Тибру вторгнулись въ Латинскія земли. Пришельцы поселились на Капитолинскомъ холмѣ, и изъ сое-

диненія сихъ двухъ общинъ образовалось Римское государство *). Первымъ и естественнымъ слѣдствіемъ соединенія ихъ было то, что онѣ, доселѣ отдѣльныя въ своемъ внутреннемъ управленіи, теперь согласились имѣть одного царя, одинъ сенатъ и одно общее народное собраніе. Царь долженъ быть избираемъ изъ обоихъ городовъ попеременно. Народъ сталъ теперь называться Populus Romanus et Quirites. Въ послѣдствіе это названіе приняло форму populus Romanus Quiritium. Первоначальная Римская община, трибъ *Рамнесъ*, раздѣлялась на 10 курій; изъ нихъ избиралось 100 мужей, по 10 изъ каждой куріи, которые составляли сенатъ. По соединеніи съ Сабинцами, въ семъ устройствѣ не произошло другой перемѣны, какъ только то, что число курій и сенаторовъ удвоилось. Сабинцы образовали трибъ *Тиціевъ*. Въ послѣдствіи присоединился еще третій трибъ, *Луцересъ,* состоявшій преимущественно изъ Этрусскихъ

*) Общину, основанную Сабинцами на Капитолинскомъ холмѣ, Нибуръ называетъ *Квиріемъ*. Не смотря на то, что промежутокъ, раздѣлявшій оба города былъ слишкомъ малъ, каждый изъ нихъ составлялъ особенное государство, имѣлъ своего царя и свой сенатъ; упоминаемое въ народномъ преданіи двудержавіе царей Ромула и Т. Тація намекаетъ на это. Для совѣщанія о дѣлахъ общихъ, граждане обоихъ городовъ сходились въ лощинѣ между Палатинскимъ и Капитолинскимъ холмами: оттуда произошло *comitium*. Сказаніе о похищеніи Сабинянокъ можетъ имѣть основаніе въ томъ, что Сабиняне отказывали Римлянамъ въ согласіи на взаимные браки (jus connubii), пока наконецъ послѣдніе не употребили насилія. Во всякомъ случаѣ сіи браки положили первое основаніе соединенію обѣихъ общинъ, въ воспоминаніе котораго на мѣстѣ ихъ соединенія былъ построенъ храмъ Януса — собственно двои воротъ, обращенныхъ къ тому и другому городу. Онъ отворялся во время войны, чтобы оба города могли оказывать другъ другу взаимную помощь, а въ мирное время запирался, можетъ быть, въ знакъ прежняго ихъ раздѣленія.

элементовъ, и этотъ также былъ раздѣленъ на 10 курій. Такимъ образомъ по соединеніи Латинскаго, Сабинскаго и Этрусскаго элементовъ Римское государство состояло изъ 3 трибъ, 30 курій и имѣло сенатъ изъ 300 членовъ.

Впрочемъ надобно замѣтить, что сіе дѣленіе также какъ и имя populus относится только къ патриціямъ. Кромѣ *популуса* или общины патриціевъ скоро образовался, частію изъ переселенцевъ, частію изъ граждапъ завоеванныхъ городовъ, второй классъ—*плебсъ*, состоявшій изъ людей лично свободныхъ, но безъ всякихъ политическихъ правъ. Плебеи не имѣли никакого участія въ правленіи, никакого удѣла въ общественныхъ поляхъ (ager publicus) и не могли вступать съ патриціями въ брачные союзы (connubium). Но такъ какъ между плебеями находились также богатые, въ своемъ первомъ отечествѣ знатныя фамиліи, то естественно, что они, не уступая патриціямъ ни въ породѣ, ни въ богатствѣ, со временемъ стали стремиться къ равнымъ политическимъ правамъ. Кромѣ сихъ двухъ сословій было въ Римѣ еще третье *кліенты*. Кліентъ, въ отношеніи къ своему патрону, непремѣнно патрицію, былъ покорнымъ слугою, и за сію подчиненность и готовность на всякія услуги получалъ отъ него защиту и пособіе.

Главою Римскаго государства былъ царь (rex), впрочемъ съ властію весьма ограниченною, такъ, что положеніе его можно сравнивать съ тѣмъ, въ какомъ находились цари Гомерическихъ временъ. Онъ былъ главнымъ военачальникомъ и верховнымъ жрецомъ, онъ созывалъ сенатъ и общины. Но отъ сихъ послѣднихъ зависѣло подтвержденіе предлагаемаго имъ закона войны или мира. Сперва каждое предложеніе разсматривалъ сенатъ или комитетъ изъ фамилій патриціевъ, потомъ рѣшеніе его (patrum auctoritas) было пред-

ставляемо собравшемуся въ куріи всему сословію патриціевъ, которое наконецъ опредѣляло принять его или нѣтъ (jussus populi). Но, чтобы имѣть твердое основаніе и силу закона, оно должно быть подтверждено самими богами посредствомъ благопріятныхъ авспицій. Безъ одобренія авспицій въ Римѣ не предпринималось ничего важнаго, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни *). Хотя верховная власть суда и расправы находилась въ рукахъ царя, однако и отъ его приговоровъ могла имѣть мѣсто аппеляція собранію патриціевъ или популусу **). Только надъ плебеями и чужестранцами, и во время войны, какъ вождь, царь имѣлъ неограниченную власть. Твердо и стройно, какъ внутреннее управленіе государства, съ самаго начала былъ установленъ въ Римѣ и военный бытъ. Военныя силы Римлянъ, кромѣ ополченія плебеевъ и кліентовъ, состояли изъ 3000 пѣхоты, по 1000 изъ каждой трибы, и 300 всадниковъ, называвшихся *Celeres*. Римъ не принадлежалъ ни къ одному изъ союзовъ, на которые тогда раздѣлялись Италіянскіе народы: ближе всѣхъ къ нему былъ Латинскій, посему первымъ стремленіемъ и первымъ шагомъ его къ владычеству было пріобрѣтеніе гегемоніи надъ Латинскими городами. Въ правленіе первыхъ пяти царей Римъ расширилъ свою область, переселеніемъ

*) Ливій (lib. VI c. 41) въ рѣчи Аппія Клавдія показываетъ значеніе авспиціи и влагаетъ въ уста его слѣдующія слова: auspiciis hanc urbem esse conditam, auspiciis bello ac pace, domi militiæque omnia geri, quis est qui ignoret?

**) Cicero de republ. lib. II c. 31: provocationem etiam a regibus fuisse, declarant pontificii libri, significant nostri etiam augurales.

побѣжденныхъ умножилъ число своихъ гражданъ; въ тоже время основаніе великолѣпныхъ зданій придало ему видъ столицы уже довольно сильнаго государства.

Первое значительное пріобрѣтеніе Рима было покореніе Альбылонги и принятіе жителей ея въ число своихъ гражданъ; за симъ въ царствованіе Тулла Гостилія и Анка Марція послѣдовали другія. Послѣдній заложилъ при устьѣ Тибра первую Римскую колонію *Остію*. Наслѣдникъ Анка Марція, Л. Тарквиній Прискъ, былъ Этрусскій переселенецъ, съ которымъ перешли въ Римъ Этрусскія искусства. Въ его царствованіе построены эти удивительные клоаки, или подземные водопроводы, для стока нечистотъ въ Тибръ, своды для осушенія площади, и положено основаніе Капитолію. Такъ какъ при сихъ постройкахъ всѣ работы и повинности долженъ былъ переносить народъ, то для увеселенія его Тарквиній ввелъ Цирценскія игры, также Этрусскаго происхожденія. Касательно веденныхъ имъ войнъ показанія Ливія и Діонисія такъ разногласны, что останавливаться на нихъ было бы совершенно безполезно. Римъ при немъ былъ ужъ довольно силенъ — такъ, что могъ распространить свои владѣнія и за предѣлы Этруріи и выдержать борьбу съ Этрусскимъ союзомъ. Тарквиній былъ убитъ по наущенію дѣтей Анка Марція, но ни одинъ изъ убійцъ не достигъ престола — ему наслѣдовалъ зять его Сервій Туллій.

До Сервія Туллія въ образѣ правленія Рима не произошло другой перемѣны, кромѣ той, что трибы патриціевъ были удвоены принятіемъ знатныхъ плебейскихъ фамилій. Именно Тарквиній присоединилъ къ древнимъ родамъ патриціевъ столько же новыхъ изъ числа плебеевъ и назвалъ ихъ patres minorum gentium, для различія отъ первыхъ, которые теперь получили титулъ patres majorum

gentium *). Безъ сомнѣнія эта мѣра имѣла цѣлію остановить стремленіе плебеевъ къ политическимъ правамъ и удовлетворить знатнѣйшимъ фамиліямъ изъ ихъ сословія. Но число плебеевъ возрасло до такой степени, что сія частная мѣра болѣе раздражила, нежели успокоила притязанія прочихъ. Чтобы предупредить грозившія произойти отъ сего безпорядки, наслѣдникъ Тарквинія Сервій Туллій увидѣлъ себя вынужденнымъ доставить плебеямъ политическое значеніе въ государствѣ и допустить ихъ къ участію, вмѣстѣ съ патриціями, въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ. Во первыхъ, онъ раздѣлилъ городъ на четыре страны (regiones) и изъ населявшихъ ихъ плебеевъ образовалъ столько же трибъ; жившіе въ селахъ получили ту же организацію по странамъ и трибамъ, которыхъ число впрочемъ неизвѣстно. Чтобы слить плебеевъ съ патриціями въ одну общину, онъ раздѣлилъ всѣхъ свободныхъ жителей города и его владѣній, не принимая въ разсчетъ различія сословій, на *шесть классовъ по имуществу*, и каждый классъ долженъ былъ заключать извѣстное число центурій. И такъ собранія по куріямъ (comitia curiata) были чисто патриціанскія, собранія по трибамъ (comitia tributa) чисто плебейскія, но въ собраніяхъ по центуріямъ (comitia centuriata) оба сословія сходились вмѣстѣ. На сихъ собраніяхъ (надобно замѣтить, что на нихъ все рѣша-

*) Cic. de republ. lib. II c. 20; principio duplicavit illum pristinum patrum numerum, et antiquos patres *majorum gentium* appellavit, quos priores sententiam rogabat; a se adscitos, *minorum*.

лось не по голосамъ всѣхъ, а по центуріямъ) приняли теперь участіе, по количеству своего имѣнія и плебеи, и если сначала патриціи, какъ самые богатые, имѣли самое большое вліяніе на центуріи, не смотря на то, чрезъ сіе раздѣленіе политическихъ правъ по имуществу, основныя, государственныя начала совершенно измѣнились. Въ основаніи Сервіева ценза лежала мысль соединить популусъ и плебсъ въ одинъ народъ, и по степени состоянія распредѣлить права и оружіе. Посему на этомъ постановленіи основывалось и устройство Римскаго войска. Здѣсь надобно замѣтить, что каждая центурія состояла изъ половины seniores и половины juniores, изъ которыхъ первые оставались для защиты города, въ то время, какъ другіе выступали въ поле.

Для поступленія *въ первый классъ* требовалось имущества, по меньшей мѣрѣ, на 100,000 ассовъ мѣди; онъ заключалъ въ себѣ 80 центурій, кромѣ 18 центурій всадниковъ, равномѣрно къ нему причисляемыхъ. По мнѣнію Ливія сюда же принадлежали и обѣ centuriæ fabrorum, но Діонисій гораздо справедливѣе относитъ ихъ ко второму классу. Оборонительныя оружія гражданъ этого класса, которыя они обязывались доставлять себѣ сами, были: galea, clypeus, ocreæ и lorica — слѣдовательно тяжелое вооруженіе Греческаго оплита, наступательныя — hasta и gladius. *Ко второму классу* принадлежали всѣ имѣвшіе не менѣе 75,000 ассовъ, и составляли 20 центурій, сюда же причислялись, какъ выше замѣчено, двѣ центуріи кузнецовъ и плотниковъ. Оружіе ихъ было не такъ дорого, какъ у гражданъ перваго класса: у нихъ не было панцыря, и вмѣсто длиннаго щита (clypeus) они употребляли круглый и легкій, называвшійся scutum. *Въ третій классъ* поступали всѣ, имѣвшіе 50,000 ассовъ; они составляли 20 центурій и употребляли

только шлемъ и щитъ для обороны, мечъ и копье для нападенія. *Четвертый классъ* требовалъ имущества не менѣе какъ на 25,000 ассовъ и также содержалъ въ себѣ 20 центурій; онѣ употребляли легкое вооруженіе, только щитъ да копье. *Пятый классъ* заключалъ въ себѣ имѣвшихъ не меньше 11,000 ассовъ и, за исключеніемъ центуріи трубачей и флейщиковъ, раздѣлялся на 30 центурій, не употреблявшихъ другаго оружія, кромѣ пращи и камней (funda et lapides missiles). *Къ шестому классу* принадлежали люди безъ всякаго состоянія и по этому не имѣвшіе никакого голоса (capite censi et proletarii). Различіе въ числѣ недѣлимыхъ въ центуріяхъ различныхъ классовъ должно быть очень значительно, такъ что безъ ошибки можно принять среднимъ числомъ слѣдующее отношеніе: 3 недѣлимыхъ перваго класса, 4 втораго, 6 третьяго, 12 четвертаго и 24 пятаго были равны по имуществу. Если 80 центурій перваго класса и 18 цент. всадниковъ были согласны, то имѣли неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными. И такъ очевидно, что первый классъ и слѣдовательно патриціи, какъ самые богатые, на дѣлѣ удержали прежнюю свою силу *); но во всякомъ случаѣ Сервіевъ цензъ произвелъ важную перемѣну: именно, аристократія, какъ сословіе, пользовавшееся правами наслѣдственными, потеряла часть своего политическаго значенія. Дѣятельность курій со временемъ сдѣлалась одною только формою: Comitia curiata утверждали въ должности избранныхъ въ собраніяхъ по центуріямъ высшихъ чиновниковъ. Безъ приговора курій (lex curiata) ни одно изъ правительственныхъ лицъ не могло вступить въ свою должность, ни одинъ полководецъ не могъ принять начальства надъ войскомъ. Также усыновленіе, переходъ изъ патриціевъ въ плебеи и многія дѣла, относящіяся къ религіи, были предоставлены рѣшенію курій.

*) Ливій (lib. I c. 43) говоритъ: gradus facti, ut neque exclusus quisquam suffragio videretur, et vis omnis penes primores civitatis esset. Equites enim vocabantur primi; octoginta inde primæ classis centuriæ; ibi si variaret, quod raro incidebat, ut secundæ classis vocarentur: nec fere unquam infra ita descenderent, ut ad infimos pervenirent.

Хотя учрежденіе центурій спачала отнимало у патриціевъ очень мало ихъ дѣйствительной власти, но они были недовольны тѣмъ, что теперь и плебсъ получилъ достоинство и значеніе. Изъ сказанія видно, что по этому патриціи составили противъ законодателя заговоръ, по крайней мѣрѣ, что Сервій Туллій былъ убитъ роднымъ своимъ зятемъ и что убійца вступилъ на престолъ. Преданіе, составленное въ плебейскомъ духѣ, окружило сіе дѣло всѣми ужасами, чтобы показать его ненавистнѣе, нежели какъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Но правленіе убійцы представляется тиранніею, какъ для плебеевъ, такъ и для патриціевъ. По преданію, Исторія послѣдняго Римскаго царя была слѣдующая: Л. Тарквиній Гордый съ помощію патриціевъ умертвилъ своего тестя: всѣ права и достоинства, дарованныя плебеямъ Сервіемъ Тулліемъ, были отняты и сверхъ того произвольно ихъ заставляли платить разные налоги. Но скоро властолюбіе Тарквинія обратилось и на патриціевъ. Посему, хотя онъ велъ войну противъ Латинскаго союза съ такимъ успѣхомъ, что заставилъ его признать Римъ своимъ главою, хотя, поразивъ Волсковъ, онъ привезъ въ Римъ множество рабовъ и добычи, однако все это не утѣшало и не вознаграждало ни плебеевъ за претерпѣваемыя ими притѣсненія, ни патриціевъ за ослабленіе ихъ участія въ правленіи; были недовольные въ самой царской фамиліи. Насиліе, сдѣланное однимъ изъ царскихъ сыновей цѣломудренной Лукреціи, послужило поводомъ къ обнаруженію всеобщей ненависти противъ дес-

потизма. Патриціи и плебеи, соединенные взаимными интересами и предводимые двумя родственниками царскаго дома, Брутомъ и Коллатиномъ, подняли бунтъ въ то время, какъ царь отлучился изъ города. Приговоромъ куріи онъ былъ лишенъ царскаго достоинства и осужденъ со всею своею фамиліею на вѣчное изгнаніе. Между тѣмъ, какъ Тарквиній изъ лагеря, въ которомъ онъ тогда находился, бросился въ Римъ, гдѣ предъ нимъ затворили ворота, Брутъ по другой дорогѣ прибылъ къ войску. Центуріи войска подтвердили то, что опредѣлили въ Римѣ куріи, и царь, не впущенный въ городъ и оставленный войскомъ, сперва удалился въ Церы и потомъ въ Тарквинію.

До сихъ поръ мы не рѣшались принять никакого хронологическаго показанія, потому что въ столь мало извѣстныя времена, когда едва можно распознать самые факты, опредѣленія времени бываютъ еще сомнительнѣе. Въ Римѣ было два лѣтосчисленія: отъ построенія Рима и отъ учрежденія Республики. Относительно перваго, Катонъ и Варронъ не согласны между собою. Катонъ полагаетъ начало Римскаго лѣтосчисленія между первымъ и вторымъ годами 7-й Олимпіады, слѣдовательно въ 751 году до Р. Х., а Варронъ тремя годами ранѣе т. е. въ 754. Мы будимъ держаться послѣдняго. Такъ какъ по счисленію Римлянъ время царей продолжалось 245 лѣтъ, то изгнаніе Тарквинія и введеніе республики должно отнести къ 509 году до Р. Х. Впрочемъ эти 245 лѣтъ раздѣлены между Римскими царями слѣдующимъ образомъ: 1. *Ромулъ* 754 — 718.; 2. Нума Помпилій — 679; 3. Туллъ Гостилій—640; 4. Анкъ Марцій—617; 5. Тарквиній Прискъ — 578; 6. Сервій Туллій 534; 7. Тарквиній Гордый — 509.

Перемѣна, происшедшая въ образѣ правленія, въ слѣдствіе изгнанія царя, состояла только въ

томъ, что власть его перешла въ руки двухъ мужей, облекаемыхъ въ это достоинство на одинъ годъ, и по сложеніи его, подверженныхъ за свое правленіе отвѣтственности. Они назывались сперва praetores; названіе consules встрѣчается не прежде, какъ по уничтоженіи власти децемвировъ; впрочемъ мы намѣрены съ самаго начала означать ихъ симъ именемъ, такъ какъ это принято Римлянами въ ихъ Исторіи *). Первый выборъ консуловъ, павшій на Л. Юнія Брута и Коллатина, по преданію, происходилъ по центуріямъ. Изъ сего, какъ равно и изъ другихъ случаевъ, усматривается, что сначала патриціи щадили плебеевъ и старались держать ихъ въ хорошемъ расположеніи, ибо легко было предвидѣть, что изгнанная фамилія, чтобы открыть себѣ возвратный путь, прибѣгнетъ или къ силѣ, или къ заговору съ благопріятною партіею въ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ она бралась за то и другое, но безуспѣшно. Хотя война съ сосѣдними народами, при помощи которыхъ изгнанный царь надѣялся снова овладѣть престоломъ, стоила Риму большихъ усилій и потерь, однако онъ спасъ свою независимость и удержалъ гегемонію надъ Латинскими городами. Тарквиній удалился въ Кумы, къ другу своему тиранну Аристодему, гдѣ и умеръ въ 495 году.

*) Имя Consul происходитъ не отъ consulere, но, какъ показываетъ аналогія подобно образованныхъ словъ, означаетъ только товарища, соправителя. Это подверждаютъ другія сложныя слова, какъ напр. præsul, exsul. Слогъ sul показываетъ, что предметъ есть то, что выражаетъ соединенный съ нимъ предлогъ.

Изгнанный царь сперва завелъ связи въ самомъ городѣ, чтобы симъ путемъ достигнуть возстановленія своей власти; многіе граждане, даже одинъ изъ консуловъ, Коллатинъ, особенно городская молодежь, въ томъ числѣ и сыновья Брута, вступили съ нимъ въ переговоры. Но заговоръ былъ открытъ и виновники строго наказаны. Консулъ Брутъ, какъ говоритъ сказаніе, самъ произнесъ приговоръ надъ своими дѣтьми и спокойными глазами смотрѣлъ, какъ головы ихъ падали подъ сѣкирою палача. Коллатинъ долженъ былъ сложить съ себя консульское достоинство и удалиться изъ города: его мѣсто занялъ Валерій. Послѣ сего Тарквиній рѣшился самъ возвратить себѣ потерянную власть, при помощи сосѣдей и враговъ Рима. Исторія этой борьбы совершенно исчезаетъ въ области Эпоса. Первые союзники Тарквинія были города Тарквиніи и Веіи. При Арсійскомъ лѣсу произошло сраженіе. Въ преданіи, сохраненномъ Ливіемъ, находится драматическое описаніе поединка Арунса Тарквинія съ Брутомъ и смерти ихъ; здѣсь является и deus ex machina — голосъ лѣснаго бога разгоняетъ оба войска. Равнымъ образомъ бѣгство Тарквинія къ Порсенѣ и походъ сего царя противъ Рима принадлежатъ къ тому роду повѣствованій, съ которымъ мы познакомились, разсматривая двѣ первыя Мессенскія войны въ Греческой Исторіи. К. Муцій Сцевола, Горацій Коклесъ и Клелія суть тѣже лица, какъ тамъ Аристодемъ и Аристоменъ. Порсена вступилъ въ войну съ Римомъ не за права изгнаннаго царя: это показываетъ то, что, оставшись побѣдителемъ, онъ не включилъ въ условія мира возстановленія его власти. Повидимому Этрусски предприняли эту войну для возвращенія отторгнутыхъ Римомъ отъ ихъ союза областей и, достигнувъ своей цѣли, тотчасъ заключили миръ. Тарквиній, можетъ быть, сопровождалъ ихъ въ походѣ, какъ нѣкогда Гиппій Персовъ въ походѣ противъ Аѳинъ. Также и Латинцы соединились противъ юной республики, имѣя въ виду не столько возвращеніе изгнаннаго царя, какъ то, чтобы принудить Римъ отказаться отъ первенства надъ ихъ союзомъ. При небольшомъ озерѣ Региллѣ произошло сраженіе, въ слѣдствіе котораго

Латинцы заключили съ Римомъ *вѣчный миръ*. Съ обѣихъ сторонъ клялись, пока будетъ стоять земля и небо, не вести между собою войны и не пропускать черезъ свои владѣнія взаимныхъ непріятелей; если Латинцы и Римляне вмѣстѣ пріобрѣтутъ добычу— дѣлить ее поровну; въ случаѣ жалобъ за долги, заимодавецъ обязанъ просить на своего должника въ мѣстѣ его жительства, рѣшенію происходить въ теченіе десяти дней.

Первый годъ правленія консуловъ примѣчателенъ двумя важными событіями во внутреннемъ устройствѣ государства: умноженіемъ числа сенаторовъ и закономъ Валерія. Курія отъ жестокостей Тарквинія потерпѣла значительное ослабленіе, посему для подкрѣпленія аристократіи были избраны изъ плебейскихъ всадническихъ фамилій новые сенаторы, которыхъ названіе conscripti въ соединеніи съ прежнимъ patres осталось титуломъ собранія Сената до позднѣйшихъ временъ. Между тѣмъ, Валерій, преклонивъ консульскіе fasces предъ величествомъ сословія патриціевъ (populus) *) доставилъ и плебеямъ свободнѣйшее состояніе, распространивъ на нихъ право аппелляціи въ трибы (jus provocationis). Консулъ, или вообще всякій сановникъ, облеченный верховною властію, изрекалъ смертные приговоры и денежныя пени, но патриціи имѣли право избѣгать его приговора аппелляціею въ Сенатъ; lex Valeria de provocatione доставилъ это важное право и плебеямъ. Оно впрочемъ простиралось не далѣе од-

*) Liv. l. II c. 7: Vocato ad concilium populo, submissis fascibus in concionem escendit. Gratum id multitudini spectaculum fuit; submissa sibi esse imperii insignia, confessionemque factam, populi, quam consulis majestatem vimque majorem esse.

ной мили отъ города и совершенно исчезало предъ властію диктатора. Кромѣ того Валерій предложилъ куріямъ еще законъ, которымъ объявлялась народная опала всякому подозрѣваемому въ стремленіи къ царской власти.

Договоръ, заключенный Карѳагенянами съ Римомъ, въ первый годъ по изгнаніи Тарквинія, и котораго статьи въ вѣрномъ Греческомъ переводѣ, сохранены Полибіемъ (lib. III cap. 22.), показываетъ, что торговля и сношенія Рима въ это время не были незначительны.

Со смертью изгнаннаго Тарквинія во внутренней Исторіи Рима начинаются перемѣны, потому что теперь патриціи, избавившись съ этой стороны отъ всякой опасности, перестали щадить плебеевъ. Къ сему же времени относится переселеніе въ Римъ рода, извѣстнаго своею гордостію и славнаго знаменитыми мужами, изъ него происходившими. Аттусъ Клавзусъ, знатный Сабинецъ, прибылъ сюда съ 5,000 способныхъ носить оружіе кліентовъ. Онъ самъ съ своею фамиліею поступилъ въ число патриціевъ и былъ родоначальникомъ gentis Claudiae (рода Клавдіевъ), и прибывшіе вмѣстѣ съ нимъ образовали Клавдіанскій трибъ. Его прибытіе было для патриціевъ важнымъ подкрѣпленіемъ въ предстоявшей имъ борьбѣ съ плебеями; равно какъ и учрежденіе новой правительственной власти Диктатуры. Имя и значеніе ея — происхожденія Латинскаго. У Латинцевъ избирались диктаторы не только отдѣльными городами, но и цѣлымъ союзомъ. Диктатура представляла сосредоточеніе верховной власти въ

рукахъ одного, для сильнѣйшаго отпора въ случаѣ внѣшней опасности, или внутреннихъ безпорядковъ: на нее не было аппелляціи; посему сначала цѣлію учрежденія ея было лишить силы Валеріевъ законъ de provocatione, возстановить власть и право суда и расправы надъ Плебеями и внутри того пространства, гдѣ имъ позволялась аппелляція въ трибы. Ибо законъ Валеріевъ допускалъ аппелляцію только на приговоры консульскіе, а не на эту новую и тогда еще неизвѣстную власть. Сначала патриціи также не имѣли права аппелляціи на приговоры диктатора, но потомъ получили его. Въ ихъ куріяхъ происходило избраніе въ эту должность; начальника всадниковъ (magister equitum) диктаторъ назначалъ самъ.

Ливій (lib. II cap. 18.) говоритъ: Creato Dictatore primum Romæ, postquam præferri secures viderunt, magnus plebem metus incessit. И въ самомъ дѣлѣ плебеи страшились не безъ причины, потому что эта должность преимущественно была направлена противъ нихъ, такъ какъ они начали роптать на притѣсненія патриціевъ. Ибо, какъ говоритъ Саллюстій, правительство оказывало умѣренность и справедливость только до тѣхъ поръ, пока страшенъ былъ Тарквиній и грозила опасностью Этрусская война. Разсказываютъ, что тогда пошлины были сняты, налоги уничтожены и вооруженіе воиновъ производилось на счетъ казны. Правительство приняло на себя продажу соли, чтобы сколько возможно понизить на нее цѣну и прекратить лихоимство продавцевъ. Но когда страхъ внѣшней войны миновалъ, патриціи начали поступать съ плебеями, какъ съ рабами, злоупотребляли ихъ свободою и жизнію, отняли у нихъ все, чѣмъ они владѣли изъ общественнаго поля (ager publicus), такъ, что стѣсненные ростовщиками, въ тоже время

принужденные платить подати и служить на войнѣ, они произвели наконецъ возстаніе. Такъ разсказываютъ Римскіе историки. Но кажется весьма невѣроятнымъ, чтобы въ самый годъ смерти изгнаннаго царя поведеніе патриціевъ и положеніе обоихъ сословій такъ внезапно и до такой степени измѣнились; для этого нужно гораздо больше времени. Впрочемъ хронологическія показанія, до сожженія Рима Галлами, довольно сомнительны; при томъ, вообще, въ духѣ преданій—отдаленныя причины тотчасъ связывать съ послѣдствіями. Но такъ какъ Римляне ввели въ своей Исторіи опредѣленную хронологическую систему, то мы не можемъ отъ нея уклоняться. И такъ согласно съ Римскими историками мы должны принять, что внутреннія безпокойства открылись въ Римѣ тотчасъ по окончаніи Этрусской войны.

Ближайшимъ поводомъ къ обнаруженію ропота между плебеями былъ законъ о долгахъ, крайне тягостный для нихъ; потому что должникъ со всѣмъ своимъ семействомъ головою былъ выдаваемъ заимодавцу. Право — въ случаѣ нужды продавать себя и своихъ домашнихъ, встрѣчаемое у Іудеевъ и Грековъ, было также и у Римлянъ и основывалось на законѣ. Заимодавецъ могъ несостоятельнаго должника сдѣлать своимъ рабомъ, чтобы доставить себѣ вознагражденіе или работами его, или даже продажею его въ другія руки. Въ древнихъ Римскихъ законахъ существовала форма, въ уничтоженіи которой Ливій полагаетъ истинное начало плебейской свободы—это была—кабала. Закабаленный (nexus) былъ тотъ, кто предъ свидѣтелями за извѣстную сумму отдалъ въ залогъ себя и свое семейство; и пока не подвергался законному взыску, какъ гражданинъ, онъ не терялъ ничего изъ своихъ правъ; но ко-

гда назначенный срокъ проходилъ и онъ не могъ заплатить, тогда открывалась передъ нимъ тюрьма со всѣми ужасами рабства. Одной съ нимъ участи подвергались всѣ находившіеся въ его власти, слѣдовательно дѣти и внуки. Причиною, почему этотъ законъ довелъ плебеевъ до чрезвычайно бѣдственнаго положенія, было то, что они, будучи обязаны участвовать во всѣхъ походахъ, не были вознаграждаемы выгодами, которыя доставляла побѣда. Между тѣмъ, ихъ лишали не только всякаго участія въ пріобрѣтенной завоеваніями землѣ (ager publicus), но даже не давали участія въ добычѣ *). Конечно, отъ этого большая часть плебеевъ впала въ ужасную нищету: но мы сдѣлали бы большую ошибку, если бъ вздумали представлять себѣ плебеевъ въ видѣ голодной черни, или толпы нищихъ. Къ подобнымъ мнѣніямъ подали поводъ особенно Греческіе историки, которые, описывая внутреннія отношенія Римлянъ, не находили равносильныхъ выраженій для словъ populus и plebs: но мы не должны соглашаться съ ними, если не желаемъ получить ложнаго понятія о всей древней Исторіи Рима. Между плебеями находились также знатныя и богатыя благородныя фамиліи; онѣ-то искали права на взаимные браки съ патриціями и на участіе въ высшихъ государственныхъ должностяхъ; онѣ-то, для достиженія своей цѣли, пользовались нуждами своихъ бѣдныхъ собратій.

*) Въ выраженіи Ливія: Quidquid captum est, vendidit consul ac redegit in publicum, подъ словомъ publicum должно разумѣть все сословіе патриціевъ въ совокупности.

Законъ о долгахъ, какъ самый тягостный для бѣдныхъ, первый подалъ поводъ къ обнаруженію неудовольствія и безпорядковъ. Они открылись явно, въ первый разъ, въ консульство Аппія Клавдія и П. Сервилія въ 259 г. отъ основанія города или въ 495 до Р. Х. Одинъ старикъ, вырвавшійся изъ тюрьмы, куда былъ посаженъ за долги, и своею наружностію обличая всѣ понесенныя тамъ мученія, воззвалъ о помощи къ Квиритамъ. Стеклось множество народа, онъ показалъ на кровавые рубцы ударовъ, которые получилъ отъ жестокаго заимодавца, разсказалъ, что въ 28 битвахъ сражался за отечество, что во время войны домъ его былъ не только разграбленъ, но и сожженъ, что голодъ въ продолженіе Этрусской войны заставилъ его все продать; потомъ онъ принужденъ былъ занять, и когда по истеченіи назначеннаго срока не могъ заплатить, то жестокосердый заимодавецъ заключилъ его съ обоими сыновьями въ оковы. Жалкое положеніе старца, въ которомъ многіе узнавали своего прежняго легіоннаго начальника, произвело возмущеніе. Всѣ плебеи, задолжавшіе и свободные, громко и грозно требовали уничтоженія общаго зла. Средства, принятыя Сенатомъ, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ годахъ, не только не успокоили, но еще усилили броженіе умовъ. Раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ со стороны патриціевъ, плебеи рѣшились совсѣмъ отдѣлиться отъ нихъ и основать особенное государство. Подъ предводительствомъ Л. Сицинія они удалились на гору, которая въ послѣдствіи на-

звана Священною (mons sacer). Это отшествіе заставило патриціевъ быть уступчивѣе на требованія плебеевъ. Они обѣщали имъ подтвержденіе Валеріева закона de provocatione, уничтоженіе заемныхъ контрактовъ и освобожденіе всѣхъ посаженныхъ за долги въ тюрьму, и въ обезпеченіе вѣрности сего обѣщанія согласились избрать изъ среды ихъ новыхъ чиновниковъ — народныхъ трибуновъ, которыхъ назначеніе было защищать и охранять ихъ отъ злоупотребленій консульской власти *). И прежде были трибуны, избиравшіеся въ головы плебейскихъ трибъ; но эта новоучрежденная должность считалась государственною, и особы трибуновъ священными и неприкосновенными. Домъ трибуна, какъ защитника плебеевъ, былъ открытъ во всякое время, днемъ и ночью. Впрочемъ трибуны не имѣли власти исполнительной, а только воспретительную. Они должны были отклонять своимъ veto все, что могло вредить ихъ сословію. И хотя сначала вліяніе трибуновъ было весьма незначительно, но въ ихъ veto хранился зародышъ могущества страшнаго, которое въ послѣдствіи изъ него и развилось. Касательно числа ихъ, всѣ показанія согласно свидѣтельствуютъ, что сперва были назначены два трибуна; они тотчасъ избрали себѣ еще трехъ товарищей, въ числѣ которыхъ находился предводитель ихъ Л. Сициній. Въ послѣдствіи это число удвоено и десять народныхъ трибуновъ неизмѣнно оставались до самаго паденія республики.

*) У Ливія это выражено: auxilii latio adversus consules; у Діонисія Галикарнасскаго — *βοήθεια*.

Тогда какъ въ Греціи подобные раздоры доводили противныя партіи до жесточайшей ярости и рѣшались страшнымъ кровопролитіемъ, въ Римѣ, при всей важности спорныхъ интересовъ, не было пролито ни капли крови. Обстоятельства, бывшія причиною отшествія плебеевъ на священную гору, были слѣдующія. Когда въ первый разъ между плебеями обнаружился ропотъ на законъ о долгахъ, Сенатъ думалъ помочь себѣ тѣмъ, что отдалъ приказъ набирать легіоны, но плебеи отвѣчали на это насмѣшками. Тогда Консулъ Сервилій велѣлъ объявить, что всѣ несостоятельные должники могутъ вступить въ военную службу, и что свобода и собственность дѣтей ихъ, въ продолженіе всего похода, останутся неприкосновенными; послѣ сего всѣ закабаленные стали подъ знамена. Войско выступило въ походъ, — Волски и Сабинцы были тогда непріятелями. Плебеи сражались съ великимъ мужествомъ, чтобы заслугами пріобрѣсть облегченіе своей участи и воротились побѣдителями; но гордость и жестокосердіе Аппія Клавдія рушили всѣ ихъ надежды. Вопреки обѣщанію своего товарища, онъ велѣлъ всѣхъ должниковъ отвести обратно въ тюрьму, а кабальныхъ выдать заимодавцамъ. Плебеи препятствовали, гдѣ могли, исполненію этого рѣшенія силою; такъ протекло все время года и консулы сложили власть, не возстановивъ въ городѣ спокойствія. Посему консулы слѣдующаго года (494) А. Виргиній и Т. Ветузій нашли невозможнымъ набрать легіоны. Плебеи сбирались на совѣщанія и положили не уступать; теперь первоначальная просьба ихъ о снисхожденіи обратилась въ требованіе совершеннаго погашенія долговъ. Умѣренные патриціи, устрашенные распространившимся между плебеями волненіемъ, хотѣли уступить, но Аппій настоялъ на строгости и предложилъ избрать диктатора. Хотя желаніе его и было исполнено, однакожъ диктаторомъ сдѣлался не онъ, но по стараніямъ консуловъ и партіи умѣренныхъ выборъ палъ на М. Валерія. Сколько ненавистна была плебсу фамилія Клавдіевъ, столько любима фамилія Валеріевъ. По сему Ливій говоритъ, что плебеи, хотя и видѣли, что диктаторъ избранъ собственно противъ нихъ, но, будучи увѣрены въ

свойствахъ избраннаго, оставались спокойными: Nihil ex ea familia triste nec superbum (plebs) timebat. И Валерій тотчасъ показалъ, что они въ немъ не ошибались. Онъ подобно Сервилію издалъ эдиктъ, и плебеи въ такомъ множествѣ тѣснились подъ знамена, что можно было составить десять легіоновъ. Диктаторъ и консулы повели ихъ въ поле. Римляне повсюду одерживали побѣды, и скорѣе, нежели какъ бы желалъ того Сенатъ, который старался занимать плебеевъ какою либо войною и тѣмъ отклонять ихъ неудовольствіе. По возвращеніи въ городъ диктаторъ, согласно съ обѣщаніемъ, даннымъ въ эдиктѣ, потребовалъ освобожденія кабальныхъ (nexi) и, получивъ отъ Сената отказъ, сложилъ съ себя достоинство и торжественно, въ сопровожденіи плебеевъ, удалился съ площади домой. Консульское войско стояло еще въ полѣ и, получивъ извѣстіе о поступкѣ патриціевъ, отказалось повиноваться, избрало предводителемъ Л. Сицинія и расположилось на Священной горѣ укрѣпленнымъ лагеремъ. И такъ plebs и populus теперь стояли другъ противъ друга, и патриціи должны были предложить плебеямъ мирныя условія, если не хотѣли допустить ихъ основать особенное государство. Они отправили послами десять сенаторовъ, въ числѣ ихъ Менепія Агриппу. Въ томъ, что басня Агриппы о раздорѣ членовъ человѣческаго тѣла съ желудкомъ, главнымъ образомъ содѣйствовала къ примиренію, очень можно усомниться. Естественно, что плебеи согласились опять соединиться съ патриціями не прежде, какъ всѣ ихъ требованія были приняты и они въ народныхъ трибунахъ получили себѣ защитниковъ. Послѣ сего они возвратились въ городъ и опять составили съ патриціями одно политическое общество.

Первымъ слѣдствіемъ учрежденія народнаго трибуната было то, что comitia tributa получили большее значеніе, и такъ какъ сіи собранія происходили независимо отъ авспицій, то патриціи не имѣли на нихъ никакого вліянія. Подъ защитою трибуновъ, которые, искусно пользуясь

обстоятельствами, непрестанно расширяли предѣлы своей власти, съ большею въ себѣ увѣренностію плебеи выступили противъ патриціевъ и начали оспоривать у нихъ одно право за другимъ. Съ этимъ споромъ тѣсно связанъ главный интересъ первыхъ временъ Римской республики, потому что чрезъ него оба сословія слились во едино, чрезъ него образъ правленія въ государствѣ получилъ полное свое образованіе. Сперва онъ обращался около слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1. Трибуны хотѣли распространить судъ комицій по трибамъ (comitia tributa) на патриціевъ; 2. представляли о раздѣленіи общественнаго поля (ager publicus) и 3. требовали, чтобы comitia tributa сами избирали своихъ трибуновъ.

Къ первому пункту уже въ третій годъ по учрежденіи трибуната подали поводъ сами патриціи. Естественно, что они смотрѣли на возникающее значеніе плебеевъ завистливыми и недовѣрчивыми глазами, и одинъ молодой патрицій К. Марцій Коріоланъ предложилъ воспользоваться происшедшимъ въ Римѣ голодомъ, чтобы снова лишить ихъ пріобрѣтенныхъ правъ. Трибуны потребовали его на судъ предъ comitia tributa, но онъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ требованіе. Чѣмъ больше патриціи защищали его, тѣмъ упорнѣе плебеи настаивали на его наказаніи за то, что онъ хотѣлъ нарушить договоръ, подтвержденный торжественною клятвою, и въ этомъ случаѣ упорство ихъ было справедливо, если они хотѣли надолго упрочить полученныя ими выгоды. И такъ, хотя патриціи низошли до того, что, признавая Марція совершенно виновнымъ, смиренно просили простить его изъ снисхожденія къ нимъ, однако плебеи остались непреклонны, и когда Марцій въ назначенный день не явился, то надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ. Въ преданіи повѣствуется, что осужденный Марцій, пылая мщеніемъ, удаляется въ городъ Анцій

къ Волскамъ и, предводительствуя сими давнишними врагами Рима, идетъ противъ своего отечества; Римляне повсюду имъ разбиты, онъ достигаетъ стѣнъ Рима; уже городъ почти въ его рукахъ; онъ не трогается ни просьбами патриціевъ, ни моленіями жрецовъ, и наконецъ уступаетъ слезамъ своей матери и супруги. Онъ уводитъ войско назадъ, и по обоимъ сказаніямъ о дальнѣйшей его участи наказывается по законамъ поэтической справедливости: по первому, его убиваютъ Волски; по другому, достигнувъ глубокой старости, онъ умираетъ изгнанникомъ. И такъ осужденіемъ его трибуны присвоили своему сословію право судить патриціевъ. Во вторыхъ плебеи объявили притязанія на ager publicus, и сей предметъ былъ зерномъ ужаснѣйшихъ раздоровъ, потрясавшихъ Римскую республику до позднѣйшихъ временъ. Римляне поступали съ своими завоеваніями такъ: одну часть земли оставляли прежнимъ владѣльцамъ, другую отдавали Римскимъ колонистамъ, а третью обращали въ общественное поле (ager publicus). Одни патриціи имѣли право брать на откупъ эту землю и вносили за нее такую ничтожную плату, что государство не получало никакихъ почти выгодъ. Въ тоже время они такъ перемѣшивали откупную землю съ своею собственною, что, спустя нѣсколько поколѣній, весьма трудно было отдѣлить ихъ. Плебеи, храбро сражавшіеся въ войнахъ, доставившихъ государству эти земли, совершенно не пользовались плодами своихъ усилій; такая несправедливость, со стороны господствующей аристократіи, пробуждала по временамъ въ Римѣ мужей, которые старались прекратить злоупотребленіе. Первый, выступившій съ закономъ о поляхъ (lex agraria) былъ патрицій, именемъ Сп. Кассій. Въ третье свое консульство, въ 486 году, онъ предложилъ назначить коммиссію изъ десяти мужей, которая опредѣлила бы—сколько общественнаго поля отдать на откупъ и сколько раздѣлить между плебеями. Сенатъ противодѣйствовалъ ему тѣмъ, что обвинилъ въ честолюбивыхъ замыслахъ и обѣщался предложить этотъ законъ добровольно. Плебеи тѣмъ легче повѣрили Сенату, что казалось невѣроятнымъ, чтобы патрицій рѣшился измѣнить выгодамъ своего

сословія, безъ честолюбивыхъ и своекорыстныхъ видовъ. Посему, какъ скоро имъ представилась возможность достигнуть желаемаго законнымъ путемъ, они презрѣли революціонный и предоставили Кассія мщенію патриціевъ. Одни разсказываютъ, что онъ былъ убитъ своимъ отцемъ, другіе, что казненъ по приговору патриціанскихъ курій. Но такъ какъ Сенатъ не сдержалъ своего обѣщанія, то трибуны возобновили требованіе. Въ 473 году трибунъ Генуцій объявилъ всѣхъ консуловъ со времени Кассія подлежащими передъ плебсомъ отвѣтственности, за то, что они не выдали обѣщаннаго тогда закона о поляхъ (lex agraria); но за всѣхъ онъ позвалъ на судъ только консуловъ протекшаго года, Фурія и Манлія. Патриціи, не успѣвъ отклонить его отъ сего намѣренія ни просьбами, ни наложеніемъ на себя печальныхъ одеждъ, прибѣгли къ тайному убійству. Въ назначенный для суда день, Генуцій найденъ мертвымъ на своей постели. Теперь никто не отваживался продолжать обвиненія, и такъ какъ новые трибуны были избраны въ комиціяхъ по центуріямъ, то патриціи, искусно пользуясь своимъ вліяніемъ, умѣли направить выборъ на людей имъ преданныхъ. Никто сильнѣе и открытѣе не возставалъ противъ этого, какъ Публилій Волеронъ; чтобы заставить его замолчать, консулы записали его въ число назначенныхъ поступить въ легіоны; онъ отказался повиноваться, консулы послали за нимъ ликтора, онъ оттолкнулъ его и воззвалъ къ плебеямъ о помощи. Открылся мятежъ, и консулы были прогнаны съ площади. Послѣ чего Публилій Волеронъ былъ избранъ плебеями въ трибуны и тотчасъ по вступленіи въ должность предложилъ законъ, чтобы на будущее время всѣ плебейскіе чины избирались въ комиціяхъ по трибамъ (comitiis tributis) *). Для аристократіи, лишавшейся по сему закону всякаго вліянія на избраніе трибуновъ,

*) Liv. II. 56: rogationem tulit ad populum, ut plebeii magistratus comitiis tributis fierent. Haud parva res sub titulo prima specie minime atroci ferebatur, sed quae patriciis omnem potestatem per clientium suffragia creandi, quos vellent, tribunos auferret.

дѣло было весьма важно, и они употребили всѣ средства, чтобы воспрепятствовать принятію его, почему Публилій не могъ успѣть въ своемъ предпріятіи въ первый годъ, но ему удалось возобновить свое избраніе и на слѣдующій (471) годъ, и теперь lex Publilia былъ провозглашенъ потому, что патриціи опасались дальнѣйшимъ сопротивленіемъ довести государство до совершеннаго разстройства.

Съ каждымъ новымъ правомъ, вырваннымъ у патриціевъ, въ плебеяхъ возрастало сознаніе справедливости своего стремленія къ большему, и можно было предвидѣть, что споръ сей прекратится не иначе, какъ совершеннымъ уравновѣшеніемъ правъ обоихъ сословій. Особенное преимущество патриціевъ состояло въ томъ, что они не только одни занимали судейскія должности, но также одни знали и законы. Посему плебеи, не зная и не имѣя возможности узнать ихъ, жаловались на произвольный судъ и требовали письменнаго законодательства, которое, какъ право общественное, было бы извѣстно всѣмъ и не хранилось въ тайнѣ немногими. Для удовлетворенія сему желанію ихъ, въ 461 году (293 отъ осн. гор.) трибунъ Терентиллъ Арса сдѣлалъ предложеніе избрать пять мужей, которые на первый разъ опредѣлили бы власть консуловъ. Можно было ожидать, и весьма естественно, что со стороны патриціевъ оно встрѣтитъ самое жаркое сопротивленіе. И въ самомъ дѣлѣ, патриціи уступили и согласились на учрежденіе законодательной коммиссіи, которой члены впрочемъ всѣ были избраны изъ ихъ сословія, не прежде, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, когда трибуны смягчили

предложеніе Терентилла Арсы тѣмъ, что положили вообще пересмотрѣть и исправить законы (452).

Во время спора о Терентилловомъ законѣ, со стороны патриціевъ особенно выказалъ презрѣніе къ плебеямъ сынъ Цинцинната Квинктій Цезонъ. Трибуны потребовали его на судъ, и когда ни просьбы отца его, ни его собственныя, ни убѣжденія всѣхъ патриціевъ не могли преклонить справедливаго негодованія плебеевъ, онъ, не дожидаясь приговора, оставилъ городъ. Въ случаѣ его неявки на судъ поруки обязывались заплатить 30,000 ассовъ; эту сумму долженъ былъ заплатить его отецъ, который пришелъ отъ того въ такую бѣдность, что, удалившись въ одно оставшееся у него небольшое помѣстье, началъ собственными руками воздѣлывать землю. Цинцциннатъ представляетъ собою прекрасный образецъ доблестнаго, умѣреннаго и трудолюбиваго Римлянина и надобно прочесть у Ливія, съ восторгомъ припоминающаго, въ испорченный и утонченный вѣкъ Августа, такіе примѣры древней простоты, какъ по случаю войны съ Эквами онъ былъ избранъ въ диктаторы, какъ посланные Сенатомъ, возвѣстивъ ему объ этомъ назначеніи, нашли его въ полѣ за плугомъ, и какъ онъ, побѣдивъ враговъ, сложилъ съ себя власть и опять удалился къ своему плугу. Здѣсь мы видимъ благородное и патріотическое чувство патриція; но и плебеи, во время спора о законѣ Терентилла, показали не менѣе разительный примѣръ любви къ отечеству. Однажды, во время ночи, раздался крикъ: къ оружію! непріятели въ городѣ! Тотчасъ всѣ сбѣжались съ оружіемъ въ рукахъ, впрочемъ непріятеля узнали не прежде наступленія дня: это была шайка рабовъ, которые, овладѣвъ Капитолинскимъ холмомъ, укрѣпились на немъ. Какъ легко могли бы теперь плебеи вынудить у патриціевъ согласіе на принятіе закона, отказавшись въ противномъ случаѣ дѣйствовать противъ непріятеля. Но этого не случилось. Оба сословія соединенными силами сперва подавили мятежъ, а потомъ снова продолжали свой споръ до

тѣхъ поръ, пока наконецъ, послѣ вышеприведенныхъ ограниченій, законъ не былъ принятъ.

Для приведенія въ исполненіе предположеннаго законодательства въ 451 г. назначена была комиссія изъ десяти мужей съ чрезвычайною властію. Спачала плебеи хотѣли, чтобы въ числѣ членовъ оной находились нѣкоторые и изъ ихъ сословія, но потомъ согласились предоставить участіе въ составленіи законовъ исключительно патриціямъ, впрочемъ съ непремѣннымъ условіемъ, не уничтожать ни одного изъ уступленныхъ имъ и подтвержденныхъ клятвою правъ. Это было тѣмъ нужнѣе, что всѣ другія правительственныя лица и самые народные трибуны исчезали, и децемвиры должны были управлять всѣмъ государствомъ единовластно. О томъ, какимъ образомъ они чередовались въ отправленіи должности и во владѣніи соединенными съ нею знаками, древніе писатели между собою не согласны. По словамъ Ливія, они смѣнялись чрезъ каждые десять дней, въ продолженіе которыхъ правящій децемвиръ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, имѣлъ двѣнадцать ликторовъ и давалъ судъ и расправу. Главнымъ слѣдствіемъ законодательства децемвировъ въ политическомъ отношеніи было то, что различіе между патриціями и плебеями начало мало по малу исчезать, и собранія по центуріямъ получили право суда надъ жизнію и смертью; такъ, что отселѣ особыя аппелляціи къ популусу и плебсу не имѣли болѣе мѣста.

Всѣ писатели согласно утверждаютъ объ отправленіи посольства въ Грецію, съ порученіемъ узнать

тамошнія постановленія и воспользоваться ими при составленіи новыхъ законовъ. Позднѣйшіе историки прямо говорятъ, что именно въ Аѳины посланы три мужа, Сп. Постумій Альбъ, А. Манлій и П. Сульпицій Камеринъ. Въ доказательство тому приводили также стоявшую на площади деревянную статую Грека Гермодора, который, по словамъ ихъ, прибылъ оттуда съ послами и помогалъ децемвирамъ своими совѣтами. Впрочемъ, эта статуя ничего еще не доказываетъ, потому что ее вѣроятно поставили по сожженіи Рима Галлами, а тогда легко могли народную повѣсть осуществить памятникомъ и сдѣлать историческимъ событіемъ. Впрочемъ, и какъ сказаніе, этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Децемвиры въ первый годъ своего правленія написали десять таблицъ, и такъ, какъ въ нихъ не содержалось всего, что должно опредѣлить, то нашли необходимымъ продолжить на нѣсколько времени врученную имъ чрезвычайную власть, чтобы они составили еще двѣ. Патрицій Аппій Клавдій управлялъ выборомъ новыхъ децемвировъ и, чтобы быть включеннымъ въ число ихъ, льстилъ плебеямъ, доставивъ и имъ право избираемости, и чрезъ то достигъ своей цѣли. Вмѣстѣ съ нимъ были избраны также двое изъ плебеевъ. Новая коммиссія приняла совершенно отличный отъ прежняго характеръ. Вмѣсто того, чтобы передавать другъ другу знаки отправленія должности по очереди, теперь каждый изъ децемвировъ постоянно ходилъ въ сопровожденіи двѣнадцати ликторовъ, которые притомъ носили предъ нимъ сѣкиру, въ знакъ того, что онъ имѣетъ власть надъ жизнію и смертію и что на приговоры его нѣтъ аппелляціи; хотя со времени Валеріева закона носить сѣкиру передъ консулами въ городѣ

было запрещено. По истеченіи года они не сложили съ себя власти, но удержали ее за собою, заставивъ сенатъ дать на это подтвержденіе. Но такъ точно, какъ нѣкогда насильственные поступки съ жизнію гражданъ и честію женъ ихъ ниспровергли царскій тронъ, то же было причиною, въ 449 году, паденія децемвировъ. Плебеи отшествіемъ на Авентинскую гору вынудили у сената низложеніе и наказаніе ихъ и возстановленіе прежняго образа правленія.

Власть децемвировъ сходствовала съ тираннією, такъ какъ была захвачена противузаконно, и они пользовались ею какъ тиранны особенно въ отношеніи къ плебеямъ. Сіи послѣдніе сначала переносили наложенное на нихъ иго терпѣливо, пока наконецъ два разительныя насилія не возбудили ихъ страстей и не заставили ихъ явно обнаружить свое неудовольствіе. Именно, децемвиры велѣли въ лагерѣ умертвить одного храбраго воина Л. Сикція Дентата. Подвиги этого мужа украшены до баснословія, — въ немъ мы видимъ идеалъ совершеннаго воина, какимъ представлялъ его себѣ Римлянинъ: онъ былъ на 120 сраженіяхъ, восемь разъ побѣждалъ въ единоборствѣ вызывавшихъ его непріятелей, 45 ранъ на груди свидѣтельствовали о его геройскомъ мужествѣ, а неуязвленная спина показывала, что онъ никогда не обращалъ тыла къ непріятелю. Умерщвленіе этого воина произвело въ войскѣ ропотъ и негодованіе; въ то же время Аппій Клавдій злодѣйскимъ поступкомъ вооружилъ противъ себя всѣхъ въ городѣ. Дочь плебея Виргинія своею красотою возбудила въ децемвирѣ сладострастныя желанія; одинъ изъ кліентовъ его объявилъ на нее свои притязанія, утверждая, что она рождена его невольницею, и Аппій самъ, засѣдавшій въ судилищѣ, рѣшилъ дѣло въ его пользу. Случай тѣмъ болѣе обратилъ на себя вниманіе, что эта дѣвица была обручена Ицилію, который какъ прежній народный трибунъ пользовался большимъ

уваженіемъ. Ицилій явился защитникомъ своей невѣсты и настоялъ на томъ, чтобы отложить приговоръ до прибытія отца ея, находившагося въ войскѣ. Посланные Ицилiевы привезли Виргинія изъ лагеря скорѣе, нежели гонцы децемвира прибыли туда съ повелѣніемъ задержатъ его. Теперь преданіе повторяетъ ту же самую сцену, которая предшествовала изгнанію царя, только въ величественнѣйшемъ видѣ. Тамъ Лукреція умерщвляетъ себя, и Брутъ окровавленнымъ кинжаломъ возбуждаетъ народъ и войско къ возстанію противъ царя, — здѣсь Виргиній совершаетъ то же предъ глазами всего народа: чтобы спасти свою дочь отъ поруганія, онъ умерщвляетъ ее на самой площади и съ ножемъ, еще дымящимся ея кровію, поспѣшно отправляется въ лагерь. Войско оставило свою позицію противъ непріятеля и расположилось лагеремъ на горѣ Авентинѣ; между тѣмъ, какъ сенатъ остался въ городѣ съ децемвирами, войско назначило десять трибуновъ и не хотѣло вступать въ переговоры до тѣхъ поръ, пока децемвиры не были низложены. Аппій, не желая подвергнуться суду, прекратилъ жизнь свою самоубійствомъ, прочіе спаслись бѣгствомъ. Послѣ сего торжественно были избраны и признаны сенатомъ новые десять трибуновъ; два патриція, съ самаго начала благопріятствовавшіе плебеямъ, Валерій и Горацій, поддерживали предложеніе трибуновъ о возстановленіи прежняго образа правленія.

Законодательство децемвировъ, между тѣмъ, оставшись въ полной силѣ и тѣснѣйшими узами связавъ оба сословія, послужило къ большему возрастанію значенія и силы плебеевъ. Опредѣленіе ихъ теперь простиралось и на патриціевъ, и рядомъ законовъ, изданныхъ непосредственно по низверженіи децемвировъ, они обезпечили за собою пріобрѣтенныя права *). И такъ если пат-

*) Законы эти исчислены у Ливія въ III к. г. 55: 1) legem centuriatis comitiis tulere, *ut, quod tributim plebs jussisset, popu-*

риціи еще нѣсколько времени не уступали плебеямъ права на взаимные браки (jus connubii) и на участіе въ высшихъ государственныхъ должностяхъ, то это было для нихъ слабою преградою. Уже въ 445 г. трибунъ Канулей предложилъ законъ о дозволеніи брачныхъ союзовъ между фамиліями обоихъ сословій и о доставленіи плебеямъ права на занятіе консульской должности. Первая часть закона была принята въ томъ же году, и начавшіяся съ этого времени родственныя связи между патриціями и плебеями споспѣшествовали еще болѣе совершенному слiянію обоихъ сословій. Напротивъ споръ о консульствѣ долго еще оставался нерѣшеннымъ, но напослѣдокъ патриціи должны были раздѣлить съ плебеями и сіе достоинство, по крайней мѣрѣ въ сущности, хотя названіе его успѣли еще на время удержать за собою.

Патриціи защищали свое исключительное право на консульство съ величайшимъ упорствомъ. Но такъ, какъ народные трибуны часто запрещали вербовать гражданъ въ военную службу: то патриціи въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ помогали себѣ тѣмъ, что вручали консульскую власть начальникамъ легіоновъ или военнымъ трибунамъ, которые могли быть избираемы и изъ плебеевъ. Посему во время спора о консульствѣ на мѣстѣ консуловъ весьма часто являлись Tribuni militum consulari potestate, и мож-

lum teneret. 2) *Ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet; qui creasset, eum jus fasque esset occidi, neve ea caedes capitalis noxae haberetur.* — 3) *Ut qui tribunis plebis, aedilibus, judicibus, decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset: familia ad aedem Cereris, Liberi, Liberaeque venum iret.* 4) M. Duilius, Tribunus plebis, plebem rogavit, plebesque scivit: *Qui plebem sine Tribunis reliquisset, quique magistratum sine provocatione creasset, tergo ac capite puniretur.*

но было предвидѣть, что плебеи, получивъ сущность власти, скоро достигнутъ и названія. Слѣдствіемъ спора было постепенное дробленіе консульской власти и образованіе новыхъ отдѣленныхъ отъ нея должностей, которыя патриціи хотѣли удержать за собою. Такимъ образомъ, въ продолженіе этой постоянной борьбы, образовалось внутреннее политическое устройство государства, которое, какъ плодъ долговременнаго естественнаго развитія, заключало въ себѣ зерно долгой и полной силы жизни.

Казалось, должно было ожидать, что Римская республика, раздираемая внутри безпрерывными распрями, сдѣлается легкою добычею своихъ завистливыхъ сосѣдей; но на самомъ дѣлѣ вышло противное: именно сія внутренняя борьба доставила государству силу къ быстрому расширенію и увеличенію извнѣ. Подобные споры и междоусобія, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, когда всякій имѣетъ въ виду свой собственный, а не общественный интересъ, когда страсти толпы служатъ орудіемъ честолюбію талантливыхъ демагоговъ, конечно довели бы государство до совершеннаго разстройства; напротивъ, въ тѣ достойныя уваженія времена древности, когда каждый стоялъ за права цѣлаго сословія, а не за выгоды того или другаго лица, такой споръ напрягалъ и укрѣплялъ силы вмѣсто того, чтобъ ослаблять ихъ. Ибо противъ внѣшнихъ враговъ оба сословія дѣйствовали не только единодушно, но даже на перерывъ старались, одно, чтобы заслугами утвердить за собою свои преимущества, другое, чтобы заслугами показать себя достойнымъ желаемыхъ правъ. Въ домашней жизни они соперничали въ бережливости и трудолюбіи,

при понесеніи общественныхъ повинностей не уступали другъ другу въ любви къ отечеству, во время похода одно передъ другимъ выказывало храбрость и терпѣніе. Это соперничество дѣлало сенатъ столь достойнымъ уваженія, вождей столь бдительными и дѣятельными и самое войско столь храбрымъ и послушнымъ. Посему не удивительно, что государство, такимъ образомъ устроенное, котораго силы никогда не находились въ усыпленіи, явилось побѣдоносным противъ своихъ сосѣдей. Римъ, со времени Регилльской битвы признанный главою Латинцевъ, принудилъ и прочія сосѣдственныя племена признать свою гегемонію. Въ 448 г. (306 отъ о. г.) присоединены къ Римскому союзу Сабинцы, въ слѣдующемъ покорены и Эквы и, Волски, и для удержанія ихъ въ вѣрности, въ землѣ ихъ заложены Римскія колоніи. Около половины четвертаго столѣтія отъ построенія города, Римская область была округлена и простиралась до моря и Фуцинскаго озера; но къ сѣверу оставались еще непокоренными города Этрусскіе, и Вейи, находясь не далеко отъ Рима, своими твердынями преграждали путь распространенію его владѣній на сѣверъ отъ Тибра. Посему взятіе Римлянами этого города въ 396 году было очень важнымъ событіемъ.

Огромныя стѣны защищали Вейи отъ набѣговъ непріятельскихъ: безъ осадныхъ машинъ и долговременнаго облежанія, для котораго впрочемъ надлежало содержать войско на жалованьѣ, эти твердыни, воздвигнутыя искусствомъ Этрусковъ и удивляющія насъ и теперь своими развалинами, не могли быть разрушены. Безпрерывныя войны между Римомъ и

Вейями были неизбѣжны; о нихъ повѣствуется и въ лѣтописяхъ. Между тѣмъ, какъ Римъ возрасталъ въ силѣ, могущество Этрусковъ клонилось къ паденію, и въ то время, когда Римляне сдѣлали на Вейи рѣшительное нападеніе, Этрусскій союзъ, занятый войною съ пришедшими изъ за Альпъ Галлами, не могъ подать достаточной помощи стѣсненному городу. Впрочемъ, осада длилась цѣлые года и могла быть поддержана только назначеніемъ жалованья гражданамъ, служившимъ въ войскѣ, которые доселѣ содержались въ походѣ на свой счетъ; сначала получала жалованье одна пѣхота, потому что всадники по своему классу принадлежали къ числу богатыхъ, но въ послѣдствіи стала получать и конница. Подробности сей осады относятся къ области сказаній: продолжительность ея — десять лѣтъ и десять зимъ — вмѣшательство Дельфійскаго оракула и Этрусскихъ гадателей, и въ слѣдствіе ихъ предвѣщаній предпринятое отведеніе Альбанскаго озера огромнымъ каналомъ и особенно подземный ходъ, посредствомъ котораго Римляне вдругъ вышли изъ подъ земли среди храма Юноны въ Вейяхъ, въ то время, какъ полководецъ Вейентянъ готовился къ жертвоприношенію и гадатель по внутренностямъ животныхъ (Haruspex) объявилъ, что то государство побѣдитъ, котораго гражданинъ принесетъ богамъ эту жертву — все это прикрасы изустнаго преданія. Вѣрно только то, что Римляне подъ предводительствомъ искуснѣйшаго тогда своего полководца Л. Фурія Камилла овладѣли городомъ не прежде, какъ по преодолѣніи упорнаго сопротивленія. Сіе важное завоеваніе не только умножило народонаселеніе города (Вейентяне должны были переселиться въ Римъ) и обогатило Римлянъ добычею, награбленною въ стѣнахъ древняго и богатаго города, но еще увеличила владѣнія ихъ одною изъ плодоноснѣйшихъ областей Италіи.

Съ паденіемъ Вейи рушилась преграда, защищавшая Этрусскій союзъ, также и Галлы ослабленіемъ силъ его не мало способствовали возвышенію Рима, хотя сначала казалось, что и Риму

должно отъ нихъ погибнуть. Первая встрѣча съ Галлами такъ глубоко врѣзалась въ памяти Римлянъ и такъ сильно подѣйствовала на ихъ фантазію, что не много событій встрѣчается въ ихъ Исторіи, которыя были бы больше изукрашены. Послѣ пораженія Римлянъ при рѣкѣ Алліи, въ 390 г., Римъ, за исключеніемъ Капитолія, былъ взятъ и сожженъ побѣдителями; онъ казался погибшимъ, но судьба и геройское мужество соединились для спасенія его, а мудрость удержала отъ намѣренія перенесть его на другое мѣсто; такимъ образомъ Римъ снова возникъ изъ-подъ пепла и быстро оправился отъ паденія.

Со времени основанія Рима начались переселенія Цельтическихъ племенъ или Галловъ, подобныя происходившимъ въ послѣдствіи вторженіямъ Германцевъ и, еще позднѣе, Скандинавовъ. Ливій повѣствуетъ, что около того времени, какъ въ Римѣ царствовалъ Тарквиній Прискъ, два племянника Галльскаго царя Амбигата, Сиговезъ и Белловезъ, предприняли походъ —первый на сѣверъ, а второй на югъ. Долго Альпы задерживали Белловезовыхъ Галловъ; наконецъ они нашли средства и путь, и перешли чрезъ эти высокія горы. Здѣсь встрѣтили они Этруссковъ и по изгнаніи ихъ основали Медіоланъ, цвѣтущій и теперь еще столичный городъ Ломбардіи Миланъ; за Аппенины, противъ Этрусскаго союза въ Тосканѣ, ихъ призвалъ одинъ Клузіецъ, въ отмщеніе за нанесенное ему оскорбленіе. Они явились предъ стѣнами Клузія въ 364 г. отъ основанія города или въ 390 до Р. Х. Клузійцы обратились съ просьбою о помощи къ Риму, и когда Галлы пришли и осадили Клузій, тамъ находились Римскіе послы изъ роду Фабіевъ. Они съ свойственною Римлянамъ національною гордостію, и тѣмъ болѣе, что происходили изъ древней и славной фамиліи, сдѣлали отъ имени Римскаго народа Галламъ предложенія и, не

будучи выслушаны, приняли участіе въ одной вылазкѣ, сдѣланной осажденными; это Галлами было замѣчено, ибо одинъ изъ князей ихъ палъ отъ руки Фабія. Говорятъ, что Галлы, за такое нарушеніе народнаго права, потребовали удовлетворенія, и когда въ томъ не только получили отказъ, но еще виновные Фабіи, въ оскорбленіе имъ, были избраны въ военные трибуны, то пошли на Римъ. Если это справедливо, то Галлы вели себя гораздо умѣреннѣе, нежели какъ должно бы было ожидать отъ варваровъ. Можетъ быть преданіе представляетъ это въ такомъ видѣ только для того, чтобы спасти честь Римскаго оружія и показать, что несчастіе Рима было слѣдствіемъ нарушенія права. Искуснѣйшій Римскій военачальникъ, завоеватель Веіи, Л. Фурій Камиллъ, находился въ то время въ изгнаніи за свою патриціанскую гордость противъ плебеевъ. Трибуны приговорили его къ денежной пенѣ, но онъ по гордости предпочелъ ей изгнаніе. Онъ жилъ тогда въ Ардеѣ, выжидая случая, когда отечество будетъ имѣть въ немъ нужду; теперь желаніе его исполнилось и, скорѣе и ужаснѣе, нежели какъ онъ самъ хотѣлъ бы этого. Войско, посланное Римлянами на встрѣчу Галламъ, не соотвѣтствовало опасности; посему пораженіе при Алліи было такъ рѣшительно, что остатки его не возвратились даже въ Римъ, но разсѣялись въ разныя стороны. По видимому Римляне оставили свой неукрѣпленный городъ на произволъ судьбы и укрѣпились въ одномъ только Капитоліи. По крайней мѣрѣ Галлы, при вступленіи въ Римъ, не встрѣтили никакого сопротивленія; всѣ улицы были пусты, всѣ домы оставлены. Между тѣмъ какъ по сожженіи города они держали въ осадѣ Капитолій, отдѣльные отряды ихъ овладѣли всею открытою страною Лація. Римляне, уцѣлѣвшіе отъ Аллійской битвы, одни бросились за неразрушенныя еще стѣны Веіскія и, усиленные сбѣжавшимися туда же поселянами, подъ предводительствомъ Цедиція, начали довольно успѣшно дѣйствовать противъ разсѣянныхъ Галльскихъ отрядовъ, другіе бѣжали въ Ардею къ Камиллу и подъ его начальствомъ совершенно уничтожили толпу занимавшихся грабежемъ Галловъ. Въ исторіи осво-

божденія Рима не возможно съ безошибочной критикой отдѣлить историческихъ элементовъ отъ прибавленій и прикрасъ преданія. Древнѣйшая Римская Исторія содержитъ цѣлыя отдѣленія, нарочно составленныя для прославленія вѣчнаго города и тѣхъ, которые основали и возвеличили его: равномѣрно подобными вымыслами старались внушить юношамъ уваженіе къ закону и правительству, и показать, что Римъ достигъ величія однимъ только строгимъ соблюденіемъ права и закона. Въ преданіи повѣствуется, что Римляне, соединившіеся подъ начальствомъ Цедиція, хотѣли избрать его въ диктаторы, но онъ объявилъ, что, по званію своему, не можетъ занять такой высокой должности. Послѣ сего взоры всѣхъ обратились на Камилла, но, избранный единогласно, онъ не осмѣлился принять достоинства безъ соблюденія обычныхъ формъ. Такимъ образомъ, позднѣйшимъ потомкамъ ставили въ образецъ, какъ непреложно соблюдали ихъ предки, даже въ величайшей опасности, отечественные законы и принятыя формы. Такъ Камиллъ, прежде нежели принялъ верховную власть, требовалъ подтвержденія отъ сената. Но сенатъ былъ въ Капитоліи;—при этомъ случаѣ преданіе прославляетъ смѣлый подвигъ Понтія Коминія, который рѣшился пробраться въ осажденный городъ и принесть оттуда въ Веіи опредѣленіе сенаторовъ. Онъ переплываетъ Тибръ, съ самой крутой стороны всползаетъ на скалу и благополучно тѣмъ же путемъ возвращается. И такъ съ позволенія сената народъ избираетъ диктатора, и выборъ падаетъ на Камилла. Въ заключеніе драмы являются и боги, которые пекутся о городѣ, назначенномъ владычествовать надъ вселенною, и эта запутанная завязка разрѣшается самымъ театральнымъ образомъ. Дѣло происходило такъ: Галлы вздумали ночью ворваться въ Капитолій, они начали всходить на скалу, уже нѣкоторые взобрались на стѣну; между тѣмъ стража спала, даже собаки были спокойны. Въ это время гуси, посвященные Юнонѣ, подняли такой шумъ и крикъ, что разбудили начальника стражи М. Манлія и обратили его вниманіе на опасность. Онъ приходитъ еще во время, сталкиваетъ Галловъ, взошедшихъ уже на

стѣну, и отражаетъ прочихъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣваетъ къ нему на помощь весь гарнизонъ. Но спасшись теперь, осажденные, по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были купить отступленіе враговъ за деньги: при взвѣшиваніи условленной суммы возникаетъ споръ о вѣсѣ, и надменный вождь Галловъ, Бреннъ, въ отвѣтъ на жалобы Римлянъ, съ словами: væ victis! бросаетъ на вѣсы еще тяжелый свой мечъ: тогда является Камиллъ, чтобы Римъ не запятналъ своей славы постыднымъ искупленіемъ своей свободы посредствомъ золота, а не желѣза, опрокидываетъ вѣсы и не только изгоняетъ Галловъ изъ города, но и совершенно истребляетъ ихъ (389 до Р. Х. 365 отъ осн. г.). Теперь многіе хотѣли, вмѣсто того, чтобъ снова отстроивать свои жилища, перейти въ оставленные домы города Вейи. Безъ сомнѣнія это переселеніе имѣло бы самыя невыгодныя послѣдствія: ибо страна имѣетъ также весьма важное значеніе; съ нѣкоторыми мѣстами тѣсно соединено столько историческихъ и религіозныхъ воспоминаній и съ ними вмѣстѣ столько патріотическихъ чувствованій, что съ переселеніемъ на другое мѣсто исчезло бы и все національное. Чтобы убѣдить народъ остаться въ Римѣ, сенатъ прибѣгнулъ къ религіи и вмѣстѣ облегчилъ бѣднымъ постройку жилищъ денежнымъ пособіемъ изъ государственной казны. Впрочемъ Римъ теперь былъ возстановленъ безъ всякой правильности и порядка, и сдѣлался красивымъ городомъ не прежде какъ во времена Нерона, когда еще разъ выгорѣлъ и былъ возобновленъ уже по лучшему плану.

Въ возстановленномъ Римѣ скоро возобновились и прежніе раздоры; ближайшимъ къ тому поводомъ была бѣдность, въ которую впали плебеи отъ несчастной войны и налоговъ, увеличенныхъ со времени введенія жалованія служащимъ въ войскѣ. Подобно, какъ прежде Сп. Кассій, теперь М. Манлій, спаситель Капитолія, явился защитникомъ плебса противъ своего сословія и под-

вергся одинакой съ нимъ участи. Манлій старался пріобрѣсть расположеніе плебеевъ, по словамъ враговъ его, для того, чтобы захватить царскую власть, и освобожденіемъ изъ темницъ должниковъ, брошенныхъ туда своими заимодавцами, онъ внушилъ къ себѣ довѣренность этого сословія. Патриціи велѣли схватить его, но, вынужденные настойчивыми требованіями плебеевъ, освободили; впрочемъ онъ погибъ жертвою ихъ ненависти: лишенный ихъ происками защиты народныхъ трибуновъ, онъ былъ сверженъ съ Тарпейской скалы. Паденіе Манлія вмѣсто того, чтобы прекратить вражду, послужило только къ большему ея воспламененію, и знатные плебеи воспользовались нуждою и неудовольствіемъ своихъ бѣдныхъ собратій противъ патриціевъ для достиженія послѣдней цѣли своихъ желаній. Чѣмъ болѣе плебеи сближались съ патриціями, послѣ того какъ запрещеніе на взаимные браки было уничтожено, тѣмъ сильнѣе оскорблялись упорствомъ, съ какимъ они по прежнему старались отстранять ихъ отъ консульства, или лучше избѣгать сего спорнаго пункта избраніемъ военныхъ трибуновъ. Лициній Столонъ, происходившій изъ знатной плебейской фамиліи и въ тоже время посредствомъ брака находившійся въ родствѣ съ одною изъ первѣйшихъ фамилій патриціанскихъ, побуждаемый честолюбіемъ какъ собственнымъ, такъ и жены своей, рѣшился доставить своему сословію право на консульство. Согласившись съ другомъ своимъ Л. Секстіемъ Латераномъ, онъ искалъ вмѣстѣ съ нимъ трибунства и въ 376 г.

получилъ его. Твердость, съ какою онъ въ продолженіе девяти лѣтъ боролся за права своего сословія, наконецъ одержала побѣду надъ сопротивленіемъ патриціевъ, и въ 366 году *Л. Секстій былъ первый консулъ изъ плебеевъ.*

Законовъ, предложенныхъ Лициніемъ, было три: 1) объ измѣненіи постановленія о долгахъ, 2) объ участіи плебеевъ въ общественномъ полѣ и 3) о правѣ избранія въ консулы плебеевъ *). По первому, должникамъ дозволялось уплаченные уже проценты вычитать изъ капитала, что было очень важно, потому что число ихъ часто превышало 12. Слѣдовательно этотъ законъ доставилъ должникамъ большое облегченіе, не дѣлая при томъ заимодавцамъ другаго вреда, кромѣ ограниченія чрезмѣрнаго роста. Вторымъ опредѣлялось, что никто не можетъ имѣть во владѣніи болѣе 500 jugera (десятинъ) изъ общественнаго поля; кто имѣлъ больше, обязывался лишнее выдать, и это надобно было раздѣлить между плебеями. Обоими этими законами онъ склонилъ бѣдныхъ плебеевъ къ поддержанію третьяго, выгоднаго только для богатыхъ фамилій ихъ сословія, именно, чтобы не были больше избираемы военные трибуны, а консулы, и чтобы одинъ изъ нихъ былъ изъ плебеевъ. Патриціи успѣли привлечь на свою сторону восемь трибуновъ, и теперь противныя партіи привели въ дѣйствіе всѣ позволенныя законами средства. Народный трибунъ не могъ самъ читать своего предложенія, это дѣлалъ его писецъ, который, впрочемъ, подъ страхомъ смертной казни, долженъ былъ молчать, когда ему приказывалъ это другой трибунъ. Такимъ образомъ патриціи въ продолженіе девяти

*) Livius VI c. 35: C. Licinius et L. Sextius promulgavere leges omnes adversus opes patriciorum et pro commodis plebis: unam de ære alieno, ut, deducto eo de capite, quod usuris pernumeratum esset, id, quod superesset, triennio æquis portionibus persolveretur; alteram de modo agrorum, ne quis plus quingenta jugera agri possideret; tertiam, ne tribunorum militum comitia fierent, consulumque utique alter ex plebe crearetur, — cuncta ingentia et quæ sine certamine maximo obtineri non possent.

лѣтъ препятствовали подтвержденію Лициніева закона. Лициній съ своей стороны воспользовался правомъ останавливать выборъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, и упорство, съ какимъ дѣйствовали обѣ партіи, видно изъ того, что такое состояніе продолжалось цѣлые четыре года. Во все это время государственными дѣлами правилъ такъ называемый Interrex, который чрезъ каждые пять дней смѣнялся другимъ. Но такъ, какъ подобныя отношенія не могли продолжительно существовать: то сенатъ наконецъ принужденъ былъ уступить и дать силу законовъ всѣмъ тремъ предложеніямъ Лицинія.

Хотя плебеи достиженіемъ консульства совершенно сравнялись съ патриціями: не смотря на то, сіи послѣдніе все еще старались утвердить за собою преимущество тѣмъ, что удерживали за собою нѣкоторыя должности, частію отдѣленныя отъ консульства. Впрочемъ, по прошествіи времени, плебеи успѣли получить участіе и въ сихъ должностяхъ, и только немногія остались исключительно въ рукахъ того или другаго сословія. И такъ, если различіе между патриціянскими и плебейскими фамиліями и продолжалось, то они перестали уже образовать политическія партіи. Напротивъ, отселѣ въ Римѣ долженствовало начаться совсѣмъ иное развитіе: изъ патриціянскихъ и плебейскихъ фамилій, которыя по своему происхожденію и богатству имѣли большее вліяніе, и по сему обыкновенно занимали всѣ высшія государственныя должности, возникло новое первенствующее сословіе (nobilitas), которому противополагался народъ, состоявшій изъ бѣдныхъ гражданъ и вольноотпущенныхъ. Посему между этимъ тѣснымъ кругомъ аристократовъ (nobiles)

и тѣми, которые возбуждали простой народъ къ ниспроверженію ихъ, со временемъ долженствовала произойти борьба, совершенно отличная отъ этой, теперь навсегда оконченной борьбы между популусомъ и плебсомъ.

Въ томъ же году, когда въ первый разъ плебей былъ облеченъ консульскою властію, патриціи потребовали отдѣлить отъ нея должность высшаго судьи и оставить ее исключительно за ними. Такимъ образомъ возникла *претура*. Сначала преторъ былъ одинъ, и можно сказать—онъ нѣкоторымъ образомъ былъ третій консулъ. Онъ имѣлъ шесть fasces, между тѣмъ, какъ оба консула вмѣстѣ имѣли двѣнадцать, и избирался съ соблюденіемъ тѣхъ же самыхъ авспицій, какъ и они. *Цензура* была вторая должность, еще прежде отдѣленная отъ консульства и также удержанная патриціями. Цензоры—ихъ было два—вели списки гражданамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ соединяли строгій надзоръ за жизнію ихъ и имѣли въ рукахъ своихъ великую власть, потому что за дурное поведеніе могли наказывать переведеніемъ въ низшій классъ. Также саны диктаторскій и жреческій патриціи исключительно удержали за собою. Но когда плебеи однажды достигли консульства, то эти отдѣльныя отъ нея должности не долго могли оставаться въ рукахъ патриціевъ. Въ 355 г. плебеи получили диктатуру, въ 350 патриціи должны были уступить имъ цензуру, тринадцать лѣтъ спустя (337) плебеи допущены къ участію въ претурѣ, а съ 302 г. и въ жреческомъ достоинствѣ. За патриціями осталась должность курульныхъ эдилей, въ противоположность которымъ плебеи имѣли своихъ собственныхъ. Interrex могъ быть избираемъ только изъ патриціевъ, но плебеи имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ въ трибунахъ, которые избирались исключительно изъ ихъ сословія, и въ число которыхъ не могъ поступить ни одинъ патрицій, не будучи усыновленъ какою либо плебейскою фамиліею.

Теперь, по прекращеніи всѣхъ раздоровъ, Римъ могъ обратить свои силы, окрѣпшія во внутренней борьбѣ, противъ враговъ внѣшнихъ, — и съ сего времени начинается собственно героическій его возрастъ, который, подобно какъ у другихъ народовъ, все еще представляется въ картинѣ невѣрной, изукрашенной поэтическими вымыслами и сказаніями *). Исполинская сила Римлянъ развилась въ войнахъ ихъ съ Самнитянами: во время сей продолжительной борьбы, проложившей побѣдителю дорогу къ покоренію всей Италіи, образовалась ихъ тактика, такъ какъ имъ представлялись случаи сражаться то въ горахъ, то на равнинахъ. Первая *Самнитская война* (343—340) доставила Римлянамъ владычество надъ Кампаніею, но была скоро прекращена, когда Латинцы стали показывать видъ, что намѣреваются возстановить свою независимость.

Въ войну съ Самнитянами Римляне были вовлечены единоземцами ихъ, жившими въ Кампаніи. Еще прежде часть Самнитянъ, которымъ съ увеличеніемъ народонаселенія въ горахъ сдѣлалось тѣсно, переселилась въ Кампанію и отняла эту страну у Этрус-

*) Къ числу ихъ принадлежитъ сказаніе о самопожертвованіи М. Курція, относимое Римскими хронологами къ 356 году. Именно Ливій повѣствуетъ (к. VII г. 6), что вдругъ на площади открылась широкая и глубокая пропасть, которую по словамъ жрецовъ не иначе можно было засыпать, какъ бросивъ туда то, что благороднѣйшаго имѣлъ Римъ. Въ то время, какъ всѣ недоумѣвали, что должно подъ этимъ разумѣть, выступаетъ М. Курцій и спрашиваетъ: Развѣ есть что нибудь въ Римѣ благороднѣе храбраго и любящаго свое отечество мужа? потомъ садится на своего боеваго коня и, посвятивъ себя богамъ, бросается въ пропасть, которая тотчасъ закрывается. Поэтическія украшенія далѣе замѣтны въ повѣствованіяхъ такихъ событій, каково напримѣръ описываемое Ливіемъ (к. VII г. 26) единоборство М. Валерія Корва.

сковъ. Въ послѣдствіи времени иной климатъ и иной образъ жизни ослабили ихъ силу, и ни нравы, ни политическія сношенія не связывали ихъ болѣе съ горными ихъ единоплеменниками. Теперь за Сицидинцевъ они вступили между собою въ войну. Самнитяне напали на главный городъ Сицидинцевъ Теанъ, а Кампанцы взяли его подъ свою защиту. Но воинственные Самнитяне были имъ не по силамъ; по этому они скоро почувствовали нужду въ помощи и въ 344 г. (410 отъ о. г.) обратились къ Риму. Римскій сенатъ никогда не начиналъ войны, не имѣя на то формальнаго права; потому, чтобы пріобрѣсть не только право, но даже обязанность защищать ихъ, онъ потребовалъ, чтобы Кампанцы объявили себя Римскими подданными, и они въ крайности согласились лучше покориться Римлянамъ, нежели своимъ единоземцамъ *). Послѣ сего сенатъ послалъ къ Самнитянамъ требованіе не притѣснять болѣе народа, подвластнаго Римской республикѣ. Самнитяне не согласились на такое вмѣшательство Римлянъ, по этому въ 343 году имъ объявлена война. На помощь Кампанцамъ выступили двѣ арміи, подъ предводительствомъ обоихъ консуловъ; одинъ изъ нихъ М. Валерій Корвъ занялъ на горѣ Гаврѣ, близъ Кумъ, такую выгодную позицію, что Самнитяне проиграли битву съ перваго удара. Напротивъ другой консулъ Корнелій Коссъ поставилъ свою армію въ горахъ, при Беневентѣ, въ весьма невыгодное положеніе, и спасенъ только прозорливостію и геройскимъ мужествомъ П. Деція, который за этотъ первый образцовый маневръ въ горной войнѣ получилъ блистательную награду; и когда послѣ сего Самнитяне вышли изъ горъ, то были разбиты и Коссомъ; потомъ отъ обоихъ консуловъ вмѣстѣ потерпѣли третье пораженіе. Карѳагеняне привѣтствовали Римлянъ чрезъ пословъ съ этими побѣдами и прислали въ даръ почетный золотой вѣнецъ. Впрочемъ, эти удары не по-

*) Формула признанія подданства была выражена такъ: Itaque populum Campanum, urbemque Capuam, agros, delubra Deûm, divina humanaque omnia in vestram, Patres conscripti, populique Romani ditionem dedimus.

колебали мужества Самнитянъ, и когда сенатъ, въ 340 году, по причинѣ враждебнаго расположенія Латинцевъ, почелъ за нужное заключить съ ними миръ, они не потеряли своей земли ни на шагъ. Они даже вступили съ Римлянами въ союзъ, между тѣмъ какъ Кампанцы перешли на сторону Латинцевъ. Римскіе историки не даютъ никакого точнаго истолкованія этого перехода отъ непріязненныхъ къ дружественнымъ отношеніямъ. Кажется, дѣло происходило такъ: Римляне предоставили Сицидинцевъ, за которыхъ собственно возгорѣлась война, собственной ихъ участи, а ихъ приняли подъ свою защиту Латинцы, чтобы посредствомъ ихъ пріобрѣсть себѣ союзниковъ въ Кампанцахъ къ предстоявшей имъ съ Римомъ войнѣ.

Латинцы сочли сіе время самымъ благопріятнымъ для достиженія желаемыхъ перемѣнъ въ своихъ отношеніяхъ къ Риму и потребовали, чтобы городамъ даны были равныя съ нимъ права и чтобы половина сенаторовъ и всѣхъ государственныхъ чиновниковъ состояла изъ Латинцевъ. Такимъ образомъ Римъ, изъ повелителя всей страны, чѣмъ онъ конечно былъ до сихъ поръ на дѣлѣ, долженствовалъ превратиться не больше какъ въ столицу Римско-Латинскаго союза. Римляне съ гордостію отвергли эти требованія и предоставили рѣшеніе дѣла оружію. Борьба была упорна и кровопролитна, потому что Римлянамъ предстояло теперь сражаться съ войсками одинаково вооруженными и равно искусными, впрочемъ она кончилась въ пользу Рима; Латинскій союзъ былъ уничтоженъ, и Латинцы подъ разными именами и формами сдѣлались подданными Римской республики.

Театромъ войны была Кампанія, вступившая съ Латинцами въ союзъ; ея исторія опять во многихъ

мѣстахъ изукрашена сказаніями, и герои суть Т. Манлій Торкватъ и П. Децій Мусъ, которые, въ 339 г., при горѣ Везувіи, разбили въ открытой битвѣ соединенныя силы Латинцевъ и Кампанцевъ; первый представляется въ Римской Исторіи въ примѣръ строгости дисциплины, послѣдній—въ примѣръ самопожертвованія за отечество. Консулъ Т. Манлій Торкватъ предалъ казни собственнаго своего сына за то, что онъ противъ его повелѣнія совершилъ геройскій подвигъ. Величіе Рима опиралось на соблюденіи военной субординаціи, и разсказъ подобный, какъ о Торкватѣ, врѣзывалъ въ памяти это основное начало гораздо сильнѣе, нежели самыя убѣдительныя увѣщанія. Консулы запретили сражаться внѣ рядовъ; сынъ консула Манлія, посланный для рекогносцировки, сталкивается съ отрядомъ непріятельскихъ всадниковъ, которыхъ начальникъ своими насмѣшками до того раздражаетъ юнаго Римлянина, что онъ, забывъ о запрещеніи, принимаетъ вызовъ на поединокъ и низлагаетъ своего противника. По возвращеніи его въ лагерь, консулъ Манлій, собравъ все войско, объявляетъ, что подвигъ сына радуетъ его какъ отца, но что какъ консулъ онъ долженъ за это наказать, и приказываетъ казнить его, и онъ безропотно покоряется жестокому приговору, какъ справедливому и заслуженному. Равно достойно вниманія событіе самопожертвованія или обреченіе себя на смерть, которымъ прославился второй консулъ, П. Децій Мусъ *). Что въ древней Италіи было въ обыкновеніи приносить на жертву людей, это доказываетъ такъ называемое devotio, которое въ сущности есть ничто иное какъ примирительная жертва за всѣхъ: одинъ за спасеніе всѣхъ обрекалъ себя на погибель. Ливій говоритъ, что каждому диктатору, консулу или претору позволялось, когда они захотятъ предать совершенному уничтоженію непріятельскіе легіоны, добровольно посвящать богамъ смерти не только себя, но и всякаго другаго служащаго въ легіонѣ. Если посвященный не находилъ смерти, которой долженъ былъ искать, въ такомъ случаѣ необходимо

*) Liv. l. VIII c. 9—11.

прибѣгали къ очистительной жертвѣ; она состояла въ томъ, что дѣлали изъ дерева статую человѣка, въ семь или болѣе футовъ длины, зарывали ее въ землю и на томъ мѣстѣ убивали быка. Не смотря на то, этотъ человѣкъ въ продолженіе всей своей жизни считался нечистымъ. Въ сраженіи при Везувіи Децій, когда увидѣлъ, что находившееся подъ его начальствомъ крыло стало колебаться, то, призвавъ первосвященника Валерія, сказалъ: Deorum ope, Valeri, opus est; agedum, pontifex publicus populi Romani, praei verba, quibus me pro legionibus devoveam. Обрядъ этотъ происходилъ такъ: онъ надѣлъ на себя свою сенаторскую одежду и, ставъ ногами на мечъ, произнесъ за жрецомъ слѣдующее заклинаніе: Jane, Jupiter, Mars pater, Quirine, Bellona, Lares, divi Novensiles, dii indigetes, divi, quorum est potestas nostrorum hostiumque, dii Manes, vos precor, veneror, veniam peto, feroque, uti populo Romano Quiritium vim victoriamque prosperetis hostesque populi Romani Quiritium terrore, formidine, morteque afficiatis. Sicut verbis nuncupavi, ita pro republica Quiritium, exercitu, legionibus, auxiliis populi Romani Quiritium, legiones auxiliaque hostium mecum diis Manibus Tellurique devoveo. Потомъ онъ бросился въ ряды непріятелей и въ самой тѣсной сѣчѣ нашелъ свою смерть. Наконецъ эта упорная битва рѣшилась въ пользу Римлянъ; вскорѣ послѣ того при Трифанумѣ, между Синуессою и Минтурнами, произошло новое сраженіе, въ которомъ соединенныя силы Латинцевъ и Кампанцевъ были совершенно уничтожены. Послѣ сего Латинцы защищались только въ укрѣпленныхъ городахъ своихъ, которые одинъ за другимъ были покорены и смотря по обстоятельствамъ подверглись различной участи. Древній союзъ Латинскихъ городовъ былъ уничтоженъ, и различіе полученныхъ ими правъ раздѣлило ихъ интересы. Съ городами, оказавшими упорнѣйшее сопротивленіе, какъ напримѣръ съ Велитрами и Анціумомъ, было поступлено самымъ жестокимъ образомъ: Велитрійцы были совсѣмъ выгнаны изъ города, и земля ихъ раздѣлена между Римскими колонистами; Анціумъ потерялъ право судоходства, носы кораблей ихъ послужили къ украшенію ораторской каѳедры въ Римѣ, которая отъ нихъ и получила свое имя

Rostra. Нѣкоторые города пріобрѣли полное право Римскаго гражданства, другіе только по имени, безъ соединенныхъ съ нимъ политическихъ правъ. Также поступлено было и въ Кампаніи. Такимъ образомъ отъ сего времени обѣ эти страны сдѣлались подвластными Риму.

Во время Латинской войны Самнитяне, какъ кажется, сначала помогали Римлянамъ и послѣ, по крайней мѣрѣ, не безпокоили ихъ. Но какъ скоро она была окончена, отношенія покоренныхъ странъ утверждены на прочномъ основаніи; между ними снова открылась война, къ которой въ поводахъ не могло быть недостатка съ тѣхъ поръ, какъ Кампанія находилась во власти Римлянъ. Заложеніе Римской военной колоніи Фрегеллъ въ Самнитскихъ горахъ и нападеніе Римлянъ на Неаполь послужило поводомъ къ открытію *второй Самнитской войны* (326—305), въ слѣдствіе которой Римляне утвердились въ Апуліи.

Самниты доказывали, что Фрегеллы основаны на землѣ имъ принадлежащей, далѣе они поставили гарнизонъ въ Неаполѣ; но содержаніе его было для Грековъ слишкомъ тягостно и казалось даже опаснымъ; они сочли за лучшее вступить въ переговоры съ Римлянами; партія, державшая сторону Римлянъ, и особенно два гражданина, пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, Нимфій и Харилай, успѣли наконецъ привести этотъ планъ въ исполненіе, и Неаполь былъ первый Греческій городъ, покорившійся (326 г. до Р. Х. 428 отъ осн. г.) Римлянамъ. Впрочемъ Самнитяне были для Римлянъ такими опасными врагами, что они противопоставили имъ опытнѣйшаго своего полководца, Л. Папирія Курсора, и онъ ограничился тѣмъ, что заставилъ ихъ признать превосходство Римскаго оружія въ открытомъ полѣ. До 321 г. счастіе не оставляло Римлянъ: часть Апуліи и особливо сильный городъ Луцерія приняли ихъ сторону, меж-

ду тѣмъ, какъ другіе Апулійцы держали сторону Самнитянъ. Но всѣ пріобрѣтенныя выгоды были потеряны, когда консулы Т. Ветурій Калвинъ и Сп. Постумій Альбъ, побужденные ложнымъ извѣстіемъ, что Луцерія осаждена Самнитянами, вознамѣрились итти на помощь къ этому городу по кратчайшей дорогѣ, которая вела чрезъ долину, находившуюся между высокими, покрытыми лѣсомъ горами и имѣвшую при входѣ и выходѣ тѣсные проходы, извѣстные подъ именемъ Кавдинскихъ. К. Понтій, полководецъ Самнитскій, съ намѣреніемъ заманилъ Римлянъ въ эту долину и такъ устроилъ, что они, какъ скоро вступили въ нее, тотчасъ увидѣли себя пойманными, какъ въ западнѣ. Послѣ сего имъ не оставалось дѣлать ничего другаго, какъ сдаться. Впрочемъ Понтій пришелъ въ затрудненіе: какимъ образомъ воспользоваться своею побѣдою, и изъ всѣхъ представлявшихся ему способовъ для утвержденія перевѣса за своимъ отечествомъ, онъ выбралъ самый дурной и безполезный. Именно, по заключеніи договора, по которому Римляне обязывались оставить Самнитскія владѣнія и разрушить всѣ заложенныя тамъ колоніи, и обоимъ народамъ, Римлянамъ и Самнитянамъ, предоставлялось жить по своимъ законамъ независимо одинъ отъ другаго, онъ отпустилъ консуловъ и войско, покрывъ ихъ величайшимъ безчестіемъ, какое только можно было нанесть. Но такъ, какъ этотъ договоръ былъ заключенъ безъ религіознаго освященія, посредствомъ Феціала, то Сенатъ, пользуясь этимъ упущеніемъ, отказался подтвердить его. Постумій сдѣлалъ предложеніе выдать Самнитянамъ всѣхъ чиновниковъ, участвовавшихъ при заключеніи договора и оно было исполнено. Но Понтій не принялъ ихъ и объявилъ, что если Римляне хотятъ быть справедливыми, то пусть поставятъ все въ томъ положеніи, въ какомъ находилось до заключенія Кавдинскаго мира. Но Римляне, успокоивъ себя соблюденіемъ установленныхъ формъ, отвергли его предложеніе, посему война открылась снова и тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что Римляне искали мщенія за нанесенное имъ посрамленіе, а Самнитяне за оказанное противъ нихъ вѣроломство. По словамъ

Римскихъ писателей Самнитяне теперь проигрывали битвы каждый годъ, въ которыхъ часто теряли отъ 20,000 до 30,000 убитыми; что это преувеличено, тому очевиднымъ доказательствомъ служитъ миръ, заключенный сенатомъ съ Самнитянами, въ 305 г., по которому они не потеряли ничего изъ своихъ владѣній.

Еще до окончанія второй Самнитской войны, Римляне начали распространять свое владычество въ Этруріи и Умбріи. Побѣдою при Перузіи они расторгли древній Этрусскій союзъ, и разъединенные города, если и оказывали сопротивленіе превосходнымъ силамъ Римлянъ, то отдѣльно другъ отъ друга. Наконецъ, чтобы положить предѣлъ завоеваніямъ Римлянъ, грозившимъ поглотить всю Италію, всѣ еще независимые народы соединились. Въ то же время и Самнитяне снова взялись за оружіе и *третья Самнитская война* (299—290) находилась въ связи съ возстаніемъ Этрусковъ, Умбровъ и Галловъ противъ Римлянъ. Впрочемъ, Самнитяне не были счастливѣе своихъ союзниковъ: по страшномъ опустошеніи страны, взятіи въ плѣнъ и умерщвленіи вождя ихъ, Понтія, они, равно какъ Умбры и Этруски, должны были покориться, и вся Италія отъ предѣловъ Цизальпинской Галліи до Великой Греціи, теперь или сдѣлалась зависимою, или подпала подъ вліяніе Римлянъ.

Столь нетвердый союзъ, какъ Этрусскій, былъ слишкомъ безсиленъ противъ государства, утвержденнаго на такихъ прочныхъ основаніяхъ, каковъ былъ Римъ, и онъ распался отъ одного удара. Посланный противъ Этрусковъ, К. Фабій Максимъ, перешелъ Кримпнійскій хребетъ, покрытый лѣсомъ и столь непроходимый, что Ливій сравниваетъ оный съ сла-

вившимся въ его время Герцинскимъ лѣсомъ. Путемъ, которымъ никогда еще не проходило войско, онъ достигъ земли Умбровъ, заставилъ ихъ пристать къ своему войску и потомъ разлилъ опустошеніе по цвѣтущимъ областямъ Этруріи. Этруски, какъ кажется, составили поголовное ополченіе, потому что въ битвѣ при Перузіи потерю ихъ убитыми и плѣнными считаютъ до 60,000 человѣкъ. Слѣдствіемъ сего пораженія было распаденіе Этрусскаго союза: города Перузія, Кортона и Арреціи заключили перемиріе, а прочіе, хотя и продолжали сопротивляться, но уже не показывались въ полѣ. Впрочемъ, война приняла опаснѣйшій характеръ, когда и Галлы, опасаясь постояннаго приближенія Римлянъ къ своимъ предѣламъ, соединились съ Этрусками, и когда къ этому союзу приступили также Умбры и Самнитяне. Римляне обнаружили при семъ случаѣ великую энергію и необыкновенную быстроту въ движеніяхъ: они поспѣвали вездѣ, въ одномъ мѣстѣ препятствовали соединенію непріятельскихъ войскъ, въ другомъ разбивали отдѣльные ихъ отряды. Противъ Самнитянъ они дѣйствовали съ особенною жестокостью, и эта страна, поставленная трудолюбіемъ жителей въ самое цвѣтущее состояніе, была разорена ими въ конецъ такъ, что слова Флора: напрасно искать теперь Самнія въ Самніи (ut hodie Samnium in Samnio requiratur), не есть преувеличеніе. Въ сей великой опасности Римляне избрали въ консулы славнѣйшихъ мужей того времени, К. Фабія Максима, въ пятый разъ, и П. Децiя Муса, въ четвертый. Союзники расположились станомъ по сю сторону Аппенинскихъ горъ при Сентинѣ, и если бъ они держались вмѣстѣ, то, какъ сами Римляне сознавались, побѣдить ихъ было бы очень трудно; но Этруски пошли на защиту своей страны, опустошаемой Римлянами, и такимъ образомъ отдѣлились отъ союзниковъ. Не смотря на то, рѣшеніе Сентинской битвы долго оставалось сомнительнымъ, и консулъ П. Децій Мусъ счелъ за необходимое, для оживленія колеблющагося мужества воиновъ, по примѣру отца своего, обрекшаго себя на смерть въ сраженіи при Везувіи, прибѣгнуть къ такому же самопожертвованію (devotio). Побѣда осталась за Римлянами. Этою кровавою бит-

вою силы союзниковъ были сокрушены, и они, если и оказывали еще сопротивленіе, то поодиначкѣ. Самнитяне покорились въ 290 году, послѣ того какъ за два года передъ тѣмъ полководецъ ихъ Понтій былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Ихъ примѣру послѣдовали Умбры, и Этрусскіе города одинъ за другимъ должны были сдаться. Когда и Галлы въ 284 г заключили съ Римлянами миръ, то они не встрѣчали уже нигдѣ сопротивленія и могли устроить дѣла побѣжденныхъ совершенно по своей волѣ и согласно съ своими выгодами.

Военный характеръ Римлянъ теперь достигъ полнаго своего образованія, и военная система ихъ смѣло могла соперничать съ совершеннѣйшею доселѣ системою Греко-Македонскою *). Скоро Римскому легіону представился случай помѣряться силами съ Македонскою фалангою. Поводъ къ этому примѣчательному столкновенію подалъ городъ Тарентъ, который, будучи угрожаемъ войною отъ Римлянъ, призвалъ на помощь Эпирскаго царя Пирра.

Большая часть Греческихъ городовъ одинъ за другимъ отдалась подъ покровительство Римлянъ, въ томъ числѣ и Ѳурій, тѣснимый Луканцами и Бруттійцами. Когда Римскій полководецъ Корнелій, посланный къ нему на помощь съ 10 кораблями, показался въ виду Тарента, то здѣсь произошло сильное волненіе. Тарентинскіе демократы вдвойнѣ страшились Римлянъ, потому что во всѣхъ Греческихъ городахъ всегда аристократическая партія призывала ихъ и держала ихъ сторону. Демагоги раздражали противъ Рима народъ и одинъ изъ нихъ, по имени Филохарисъ, склонилъ на-

*) Ливій (к. IX г. 17—20) представляетъ себѣ, что бы было, еслибъ Александръ Великій прожилъ долѣе и въ дальнѣйшемъ распространеніи своихъ завоеваній на Западѣ пришелъ въ непріязненное столкновеніе съ Римлянами, и подробно разбираетъ, кто изъ нихъ остался бы побѣдителемъ.

пасть на корабли Корнелія. И дѣйствительно, четыре изъ нихъ были потоплены и одинъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ экипажемъ. Въ то же время Тарентъ объявилъ себя защитникомъ демократіи и освободителемъ Великой Греціи. Ѳуріійскіе демократы выгнали аристократовъ и Римскій гарнизонъ, и вступили въ союзъ съ Тарентомъ. Такіе поступки Тарентійцевъ подали Римлянамъ желанный поводъ подавить единственный городъ въ этой странѣ, могшій по своему богатству противупоставить значительныя силы. Они отправили въ Тарентъ Постумія съ требованіями: освободить взятыхъ въ плѣнъ Римлянъ, ввести Ѳуріійскихъ изгнанниковъ въ ихъ отечество и возвратить имъ все, что они потеряли при своемъ изгнаніи, и вмѣстѣ выдать виновниковъ нарушенія мира. Тарентинское правительство сначала не хотѣло впустить пословъ въ народное собраніе, опасаясь отъ озлобленія демоса самыхъ несчастныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что послы требовали выдачи демагоговъ, которые имѣли въ народѣ гораздо больше силы, нежели самое правительство. Но Постумій непремѣнно хотѣлъ выполнить данное ему порученіе и при этомъ случаѣ былъ оскорбленъ Тарентинскою чернію самымъ грубымъ образомъ, такъ, что Римское правительство тотчасъ послало къ Эмилію Барбулѣ, стоявшему съ войскомъ въ Самніи, повелѣніе отмстить Таренту за смертельную обиду, нанесенную республикѣ. Тарентинцы впутались въ эту войну съ такимъ легкомысліемъ, что не прежде подумали о средствахъ, какъ тогда, когда она была уже объявлена. Люди благомыслящіе хотя и совѣтовали, для отвращенія опасности, удовлетворить Римлянамъ, но когда страсти толпы одержали верхъ, рѣшили призвать на защиту республики какого либо иноземнаго полководца. Тарентинцы обратились къ царю Пирру, и чтобы легче успѣть въ своемъ предпріятіи, уменьшали силы Рима и увеличивали собственныя. Впрочемъ Пирръ не нуждался въ этихъ приманкахъ, онъ долженъ былъ воевать, чтобы быть въ состояніи содержать войско слишкомъ многочисленное для его малыхъ владѣній, и такъ какъ при томъ планы его противъ Македоніи не удались, то онъ охотно принялъ приглашеніе, въ надеждѣ основать здѣсь

блестящее царство. Въ его воображеніи Нижняя Италія, Сицилія и Африка были уже покорены, когда онъ въ 280 г. прибылъ въ Тарентъ. Онъ привелъ съ собою 20,000 пѣхоты, 3000 конницы, 2000 стрѣлковъ и 20 слоновъ, и въ Тарентѣ тотчасъ все приняло новый видъ. Онъ заставилъ жителей города взяться за оружіе и вмѣсто увеселеній, которыя запретилъ, приказалъ онъ прилежно заниматься военными упражненіями. Многіе, не желая подвергнуться такому принужденію, оставили городъ и бѣжали въ свои помѣстья. Это еще больше дало Пирру право дѣйствовать съ военною строгостью, такъ, что многіе города Великой Греціи стали просить себѣ гарнизоновъ у Римлянъ, въ томъ числѣ и Регіумъ получилъ гарнизонъ, состоявшій изъ Самнитско-Кампанскихъ когортъ. Пирръ сперва опустошилъ земли городовъ, принявшихъ сторону Римлянъ, а потомъ пошелъ на встрѣчу консулу П. Левину.

Пирръ считалъ Римлянъ за народъ безъ высшаго образованія и думалъ, что они доселѣ побѣждали только потому, что въ непріятеляхъ своихъ встрѣчали варваровъ еще грубѣйшихъ. Посему какъ велико было изумленіе, когда онъ увидѣлъ вооруженіе и движеніе легіоновъ и Римскій станъ, и когда съ перваго взгляду убѣдился, что Римляне своимъ умомъ довели военное искусство до высокой степени совершенства. И такъ здѣсь мѣсто показать главныя черты ихъ военнаго устройства *).

У Римлянъ политическое раздѣленіе народа тѣснѣйшимъ образомъ сливалось съ ихъ вооруженіемъ и военнымъ устройствомъ. Каждый гражданинъ уже по своему классу предназначался къ извѣстному роду служ-

*) Касательно Римскаго военнаго быта см. Полибія к. VI гл. 19—42, и въ сравненіи съ Македонскою фалангой к. XVIII г. 11—16.

бы и готовился къ ней отъ самой юности, и на каждомъ лежала обязанность прослужить не менѣе 16 до 20 лѣтъ. Военные списки ведены были съ величайшею точностью. Списки 16-ти лѣтнимъ юношамъ хранились въ храмѣ Ювенты, списки умершимъ въ храмѣ Венеры Либитинской, а новорожденныхъ вписывали въ реэстръ цензоры; такъ, что государство знало всегда, сколько войска на лице находится въ его распоряженіи. Избранные изъ способныхъ носить оружіе образовали легіонъ. Впрочемъ числа воиновъ, составлявшихъ легіонъ, опредѣлить съ точностію не возможно. Кажется, сначала оно простиралось до 3000 человѣкъ и въ послѣдствіи возрасло до 4200. Но въ особенныхъ случаяхъ оно увеличивалось еще болѣе и можетъ быть отъ этого возникло въ показаніяхъ разногласіе. Такъ напримѣръ, первоначально консульское войско состояло изъ двухъ легіоновъ, но если угрожала такая опасность, что непремѣнно нужно было войска гораздо больше, въ такомъ случаѣ чаще усиливали тѣ же легіоны, не присоединяя къ нимъ новыхъ. Собственно офицерами, т. е. такими чиновниками, которые удерживали соединенный съ чиномъ рангъ пожизненно, были только консулы съ своими Легатами и Трибуны, напротивъ всѣ центуріоны оставались въ своемъ чинѣ только во время похода, для котораго были избираемы. Легатовъ назначалъ консулъ самъ, впрочемъ съ подтвержденіемъ сената; но выборъ трибуновъ происходилъ въ разныя времена различно. Сперва назначалъ ихъ консулъ или диктаторъ, но съ 312 года (442 отъ осн. г.) часть ихъ была избираема народомъ, которые и назывались tribuni comitiati. Это было уже въ то время, когда государство поставляло много легіоновъ, и народъ избиралъ для нихъ 16 трибуновъ, а консулы 8; но съ увеличеніемъ числа легіоновъ въ этихъ выборахъ происходила запутанность, пока наконецъ сенатъ (585 г. отъ о. г.) не опредѣлилъ, что народъ и консулы должны избирать трибуновъ по ровному числу. Трибунъ имѣлъ право назначать подчиненныхъ ему офицеровъ или центуріоновъ. При каждомъ легіонѣ находилось по 6 трибуновъ и 60 центуріоновъ, у каждаго изъ сихъ послѣднихъ былъ

помощникъ, который встрѣчается подъ разными именами: uragus, tergi dux, coactor agminis, subcenturio, optio. Легіонъ состоялъ изъ трехъ частей: hastati, principes и triarii. Первый разрядъ занимали тріаріи, избиравшіеся изъ самыхъ испытанныхъ и заслуженныхъ воиновъ. Первая центурія ихъ имѣла въ войскѣ первый рангъ, и центуріонъ ея, по чину, стоялъ на одной степени съ трибуномъ. Онъ назывался centurio primi pili или сокращенно primuspilus. Порядокъ, въ какомъ располагался легіонъ походилъ на разстановку шашекъ шахматной игры; въ первомъ ряду стояли hastati, во второмъ principes, въ третьемъ triarii; притомъ легіонъ довольно легко могъ принимать, смотря по обстоятельствамъ, всякій видъ или положеніе. Находившіеся при каждомъ легіонѣ легко-вооруженные или velites, начинали битву, тяжело-вооруженные рѣшали ее. Римская конница была не многочисленна и служила болѣе къ преслѣдованію разбитаго непріятеля, нежели къ рѣшенію побѣды. Также оригинально было устройство Римскаго стана. На мѣстѣ, гдѣ войско останавливалось, хотя бы на одну только ночь, тотчасъ являлся укрѣпленный городъ. Солдатъ, не смотря на свою усталость, долженъ былъ выкопать ровъ и насыпать валъ, прежде, нежели могъ разбить себѣ палатку и отдохнуть послѣ трудовъ похода. Римскій станъ обыкновенно имѣлъ видъ четвероугольника, его окружалъ ровъ въ десять футовъ глубиною и валъ, къ которому прилегалъ брустверъ. Шатры ставились въ опредѣленномъ порядкѣ и соотвѣтствовали расположенію войска во время битвы: отъ преторія, стоявшаго на срединѣ, пролегала широкая дорога къ обоимъ воротамъ, изъ которыхъ малыя обращены были къ непріятелю, а главныя или porta decumana находились позади. Палатки были кожанныя и каждая для десяти человѣкъ. Въ походѣ войска тянулись сомкнутыми рядами, обыкновеннымъ маршемъ (gradus militaris) они проходили 20,000 Римскихъ шаговъ въ 5 часовъ, скорымъ маршемъ (gradus plenus), въ то же время, 24,000 шаговъ. При каждомъ отрядѣ находился принадлежащій къ нему обозъ. Впрочемъ повозокъ было не много, потому что воины, кромѣ тяжелаго вооруженія, носили на себѣ свои ве-

щи и съѣстные припасы. Касательно жалованія въ Римѣ первоначально соблюдалось то же отношеніе, какое было у Аѳинянъ, когда войска ихъ состояли еще изъ гражданъ. Рядовой получалъ половину жалованія центуріона, а трибунъ вчетверо больше рядоваго. Всадникъ получалъ третью больше пѣхотнаго центуріона. По свидѣтельству Полибія жалованіе рядоваго состояло изъ 2 оболовъ, въ день, слѣдовательно центуріонъ получалъ 4, всадникъ 6 и трибунъ 8 оболовъ. Двойное жалованіе, равно какъ двойной раціонъ хлѣба, было знакомъ отличія, выдача ржи вмѣсто пшеницы—военнымъ наказаніемъ. Латинцы и прочіе Италіянскіе союзники Римлянъ, со времени Латинской войны, болѣе не служили въ легіонахъ, но составляли особыя, соотвѣтствовавшія имъ, ополченія, которыя имѣли одинаковое вооруженіе и устройство, только занимали низшую степень. Такимъ образомъ въ каждомъ легіонѣ всегда соединено было равное число союзниковъ. О силѣ Римлянъ около времени Александра Великаго Ливій говоритъ: «Въ это время по цензу насчитано 250,000 человѣкъ, такъ, что когда отпали Латинцы, изъ однихъ гражданъ Римскихъ было составлено 10 легіоновъ. Тогда часто въ одно время стояло отъ четырехъ до пяти войскъ въ Этруріи, Умбріи, противъ Галловъ, въ Самніи и Луканіи. Тогда весь Лацій, земля Сабинцевъ, Волски, Экви, вся Кампанія, часть Умбріи, Этруріи, земли Пицентской, далѣе Марзы, Пелигны, Вестинцы, Апулійцы и всѣ Греческіе приморскіе берега отъ Ѳурія до Неаполя и Кумъ, а оттуда до Анціума находились или въ союзѣ съ Римлянами, или были ими покорены.» Потомъ онъ сравниваетъ Македонскую фалангу съ легіономъ; отдаетъ преимущество Римскому pilum, которымъ можно и колоть и метать, передъ тяжелою сариссою фалангита, и находитъ, что Римскій щитъ гораздо удобнѣе и полезнѣе Македонскаго. Фалангитъ и легіонеръ сражались вблизи и въ сомкнутыхъ рядахъ: но привести въ движеніе фалангу было очень не легко, между тѣмъ, какъ легіонъ могъ дѣлиться на нѣсколько частей и часто перемѣнять свой видъ, потому что каждое подраздѣленіе его имѣло собственное устройство и такъ же удобно могло отдѣляться

отъ цѣлаго, какъ и опять соединяться. Вотъ существенныя преимущества Римскаго оружія, въ которыхъ нельзя не убѣдиться, и хотя Римлянамъ труднѣе было побѣдить фалангу, нежели военное искусство всѣхъ доселѣ сражавшихся съ ними народовъ, однако побѣда осталась наконецъ за легіономъ.

При первой встрѣчѣ съ Римлянами, въ 280 г., Пирръ одержалъ надъ консуломъ П. Левиномъ, при Сирисѣ, недалеко отъ Гераклей, рѣшительную побѣду, въ слѣдствіе которой къ нему пристали Самнитяне, и непостоянные Греческіе города, за исключеніемъ Регіума, изгнали Римскіе гарнизоны. Онъ могъ бы принять на себя теперь ту же самую роль, которую въ послѣдствіи игралъ Аннибалъ, еслибъ лучше умѣлъ судить о характерѣ противустоявшей ему націи и объ отношеніяхъ Римскихъ союзниковъ, и искуснѣе ими пользоваться. Но у него не доставало терпѣнія. Не могши поколебать Римской твердости ни побѣдами, ни мирными предложеніями, послѣ кровопролитной битвы при Аскулумѣ, въ которой ни одна сторона не побѣдила, онъ съ радостію принялъ приглашеніе въ Сицилію, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ оставить Италію.

При различіи вооруженія и устройства войскъ Пиррова отъ Римскаго подробное и точное описаніе этой войны было бы весьма занимательно; но книги Ливія объ этомъ времени къ несчастію потеряны, а Плутархъ въ біографіи Пирра больше смотритъ на лица, нежели на дѣла. Изъ оглавленія книги Ливія, въ которой битва при Сирисѣ была описана обстоятельно, видно, что Римляне складывали вину своего пораженія на слоновъ, напротивъ Плутархъ приводитъ изрѣченіе Фабриція, по которому это должно приписать непс-

кусству Левина *). Впрочемъ, разбитіе Римлянъ легко объясняется тѣмъ, что они не знали тактики своего противника и имѣли мало конницы; какъ бы то ни было, оно доставило Пирру великое уваженіе и сдѣлало его средоточіемъ, вокругъ котораго собирались всѣ, желавшіе отпасть отъ Рима. Но какъ мало онъ понималъ духъ Римскаго народа, это видно изъ того, что онъ старался подкупить К. Фабриція и хотѣлъ плѣнныхъ Римлянъ помѣстить въ своемъ войскѣ. Онъ проникъ почти до самаго Рима, но, встрѣтивъ здѣсь готовое къ сраженію войско, между тѣмъ какъ Левинъ угрожалъ его тылу, отступилъ, и такъ какъ у него началъ оказываться недостатокъ въ деньгахъ, то онъ рѣшился вступить въ переговоры. Сперва обѣщалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ Римлянъ безъ выкупа и, думая, что этимъ совершенно расположилъ сенатъ въ свою пользу, отправилъ въ Римъ Өессалійца Кинеаса—тонкаго политика и искуснаго оратора. Въ самомъ дѣлѣ Кинеасъ говорилъ такъ убѣдительно, что Сенатъ, казалось, склонялся уже принять его предложенія. Уступчивость въ несчастіи потрясла бы въ самомъ основаніи могущество Рима. Тогда престарѣлый, полуслѣпой Аппій Клавдій велѣлъ внести себя въ собраніе, и его рѣчь, которую съ удовольствіемъ читали еще во времена Цицерона, произнесенная въ духѣ національной Римской гордости, убѣдила Сенатъ прервать переговоры. Плутархъ разсказываетъ, что Кинеасъ въ отчетѣ своемъ Пирру сравнивалъ Сенатъ съ собраніемъ царей, и конечно такое важное собраніе почтенныхъ отцевъ фамилій должно было произвесть на Греческаго оратора сильное впечатлѣніе, какого онъ не почувствовалъ бы ни въ одной изъ тогдашнихъ правительственныхъ коллегій въ Греціи. Мужи, посланные потомъ Сенатомъ къ Пирру, для выкупа плѣнныхъ, не меньше были способны внушить Грекамъ высокое понятіе о Римскомъ характерѣ. К. Фабрицій, находившійся при этомъ посольствѣ, по множеству анекдотовъ, разсказанныхъ Плутархомъ,

*) Plutarch. Pyrrhus c. 18: *Λέγεται, Γαΐον Φαβρίκιον εἰπεῖν, ὡς οὐκ Ἠπειρῶται Ῥωμαίους, ἀλλὰ Πύῤῥος νενικήκει Λαιβῖνον.* (т. е. Фабрицій, какъ говорятъ, сказалъ, что не Эпироты побѣдили Римлянъ, но Пирръ Левина).

о его безкорыстіи и неустрашимости, вошелъ даже въ поговорку. Въ слѣдующемъ 279 году между Пирромъ и Римлянами произошло сраженіе при Аскулумѣ, которое осталось нерѣшеннымъ, и обѣ стороны понесли равно великія потери. Пирръ увидѣлъ, что ему не побѣдить Римлянъ, и что дальнѣйшее продолженіе войны безъ пользы только погубитъ его войско. Союзники, сначала приставшіе къ нему въ надеждѣ, что битва при Сирисѣ будетъ имѣть самыя блестящія слѣдствія, сдѣлались холодны и помогали уже не такъ усердно: подкрѣплять свое войско новобранцами изъ Греціи было ему не такъ легко, какъ Римлянамъ, которые могли пополнять свои легіоны на мѣстѣ. По сему онъ съ радостью принялъ предложеніе Сикеліотовъ, приглашавшихъ его прекратить безпорядки, происходившіе на ихъ островѣ, и кажется, не заключивъ съ Римлянами никакого договора, пришелъ въ Сицилію, оставивъ гарнизонъ въ одномъ только Тарентѣ, а прочихъ союзниковъ предавъ собственной ихъ участи.

По смерти Агаѳокла дѣла Сициліи пришли въ великое разстройство, и къ обыкновеннымъ элементамъ безпорядковъ, такъ часто губившихъ благосостояніе острова, прибавился еще новый: то было занятіе Мессены толпою Италіянскихъ наемниковъ, которые подъ именемъ *Мамертинцевъ* основали здѣсь разбойническое государство. Сиракузы, внутри раздираемыя раздорами партій, извнѣ тѣснимые Карѳагенянами и Мамертинцами, обратились къ Пирру, и онъ, не считая болѣе положенія своего въ Италіи надежнымъ, принялъ приглашеніе. Пирръ прибылъ въ Сицилію въ 278 году и первыми успѣхами подалъ великія надежды, но конецъ не соотвѣтствовалъ началу. Онъ не умѣлъ пользоваться ни счастіемъ, ни пріобрѣтенными выгодами, и скоро своею нетерпѣли-

востью и жестокостью поставилъ себя въ такое затруднительное положеніе, что ничего больше не желалъ, какъ благополучно удалиться отсюда назадъ. И такъ, въ 276 г., онъ снова отправился въ Италію и еще разъ испыталъ свое счастіе противъ Римлянъ. Потерпѣвъ при Беневентѣ пораженіе, онъ принужденъ былъ принять обратный путь въ Эпиръ. Теперь онъ хотѣлъ въ Греціи и Македоніи осуществить любимую мечту свою—основаніе блестящаго царства, которое не удалось ему ни въ Италіи, ни въ Сициліи; но и здѣсь счастіе улыбалось ему только сначала, а кончилось тѣмъ, что онъ въ 272 г. погибъ смертью, недостойною его воинственной жизни, отъ руки одной старухи въ Аргосѣ.

Положеніе Греческой части Сициліи было слѣдующее: Агаѳокловы генералы провозгласили себя въ занятыхъ ими городахъ тираннами, и одинъ отрядъ его наемниковъ овладѣлъ Мессеною. Это были большею частью Кампанцы, которые, получивъ увольненіе, намѣревались черезъ Мессену пройти обратно въ отечество. Граждане города приняли ихъ съ радушіемъ, какъ друзей и союзниковъ, и дали у себя помѣщеніе, пока не были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія къ ихъ переправѣ; но за это гостепріимство грубые солдаты заплатили самою черною измѣною. Они умертвили своихъ хозяевъ, женились на ихъ женахъ и сдѣлались господами ихъ имѣнія, и такъ какъ къ нимъ стеклось множество наемниковъ и также не малое число единоземцевъ, то подъ именемъ Мамертинцевъ они основали здѣсь разбойническое государство. Сиракузы тотчасъ по смерти Агаѳокла объявили себя республикою, впрочемъ не надолго; сперва захватилъ тираннію Гикетъ, его выгналъ Ѳойнонъ, но и противъ сего послѣдняго составилъ партію Состратъ, такъ, что городъ снова раздѣленъ былъ между двумя враждующими партіями, и на ули-

цахъ происходили стычки. Къ увеличенію бѣдствія, Карѳагеняне, пользуясь сими безпорядками, заперли городъ съ суши и моря. Наконецъ обѣ партіи соединились и согласно положили призвать Пирра, который, какъ зять Агаѳокла, казалось, долженъ былъ принять участіе въ дѣлахъ Сиракузъ. Хотя Карѳагеняне и Мамертинцы составили противъ него союзъ, не смотря на то, онъ успѣлъ благополучно переправиться изъ Локръ въ Тавроменій и оттуда проникъ въ Сиракузы, гдѣ былъ принятъ какъ спаситель, съ великимъ торжествомъ, и тотчасъ примирилъ всѣ партіи. Большая часть тиранновъ явилась къ нему въ Сиракузы съ изъявленіями покорности и, предводительствуя 30,000 пѣхоты и 5000 конницы, онъ сперва принудилъ Карѳагенянъ снять осаду Сиракузъ а потомъ очистить одинъ за другимъ и прочіе города: Эриксъ былъ взять приступомъ, Панормъ осажденъ и сдался на условіяхъ, и Карѳагеняне потеряли всѣ свои Сицилійскія владѣнія кромѣ Лилибея. Но нетерпѣливый и безпокойный характеръ помѣшалъ Пирру воспользоваться своимъ счастіемъ. Осада Лилибея казалась ему слишкомъ продолжительною, и онъ вознамѣрился, подобно Агаѳоклу, сдѣлать высадку въ самую Африку. Это вовлекло его во вражду съ владѣльцами отдѣльныхъ городовъ, которые добровольно покорились ему и доставили вспомогательныя войска. Пирръ велѣлъ умертвить Ѳойнона. Раздраженные такимъ насильственнымъ поступкомъ, прочіе отпали отъ него и одни перешли на сторону Карѳагенянъ, другіе на сторону Мамертинцевъ. Тогда Пирръ, видя невозможность утвердиться здѣсь съ одними Эпиротами, въ 276 г. оставилъ островъ, въ состояніи нисколько не лучшемъ того, въ какомъ онъ находился до его прибытія. Онъ возвратился въ Италію, гдѣ между тѣмъ Римляне, пользуясь его отсутствіемъ, снова покорили большую часть Греческихъ городовъ и привели Самнитянъ и Луканцевъ въ самое крайнее положеніе. Нуждаясь въ деньгахъ, Пирръ не задумался для пополненія своей казны ограбить богатую сокровищницу храма Прозерпины въ Локрахъ. Потомъ при Беневентѣ вступилъ съ консуломъ М. Куріемъ Дентатомъ въ битву и, потерпѣвъ

пораженіе и прекративъ войну съ Римлянами совершенно, удалился обратно въ Эпиръ. Здѣсь опять сначала игралъ блистательную роль, имѣвшую впрочемъ безславный конецъ. Въ войнѣ противъ Антигона Гонната, овладѣвъ большею частью Македоніи, онъ вторгнулся въ Пелопоннезъ и проникъ до самой Спарты. Эта нѣкогда столь славная и могущественная республика находилась въ такомъ упадкѣ, что отъ прежнихъ 9,000 Спартіатовъ осталось теперь только нѣсколько сотенъ, и граждане ея жили грабежемъ. Въ то самое время, когда Пирръ явился передъ городомъ, одинъ изъ царей Спартанскихъ, Арей, находился въ отсутствіи, предпринявъ именно подобный хищническій набѣгъ на Критъ. Впрочемъ, Спартанцы показали при семъ случаѣ мужество, достойное предковъ. Если бы Пирръ приступилъ къ городу въ тотъ же вечеръ, какъ пришелъ, то овладѣлъ бы имъ непремѣнно, но онъ вздумалъ дожидаться утра; Спартанцы между тѣмъ, пользуясь этимъ временемъ, окопали городъ рвомъ и укрѣпились за поставленными рядомъ повозками. Самыя жены ихъ взялись за оружіе и бились вмѣстѣ съ мужьями при отраженіи двукратнаго приступа, сдѣланнаго Пирромъ, такъ, что наконецъ сей послѣдній, когда еще къ осажденнымъ пришло вспомогательное войско отъ противника его Антигона, долженъ былъ отступить. Отсюда онъ пошелъ на Аргосъ, и хотя посредствомъ нечаяннаго нападенія городъ и былъ взятъ, но упорная битва завязалась на улицахъ, — и одна старуха, видя съ кровли своего дома, что царь заноситъ руку для пораженія ея сына, въ отчаяніи, одушевляемая материнскою любовью, оторвала доску отъ кровли и бросила ее Пирру въ голову, — оглушенный ударомъ онъ упалъ съ коня и тогда уже былъ убитъ совершенно (272).

По удаленіи Пирра изъ Италіи, Римляне овладѣли всею Великою Греціею. Тарентъ, въ наказаніе, долженъ былъ разрушить свои стѣны, выдать флотъ и произведенія искусствъ. Большая часть Греческихъ городовъ, хотя и удержала свои

законы и постановленiя, но за то обязывалась безпрекословно присылать въ Римскiя армiи своихъ молодыхъ гражданъ и помогать Римлянамъ дѣлать новыя завоеванiя, отъ которыхъ сами не получали ни чести, ни пользы. Взятiемъ Регiума они довершили покоренiе Италiи. Теперь Римляне стали въ виду береговъ Сицилiи; вмѣшательство ихъ въ дѣла этого острова было неминуемо, и Сицилiя послужила имъ мостомъ къ всемiрному владычеству. Съ того момента, какъ Римляне вмѣшались въ дѣла Сицилiи, борьба съ Карѳагеномъ была неизбѣжна, и окончанiе ея имѣло слѣдствiемъ владычество ихъ надъ странами, лежащими при западныхъ частяхъ Средиземнаго Моря.

Мы выше замѣтили, что Регiумъ самъ выпросилъ себѣ Римскiй гарнизонъ и что туда былъ посланъ Самнитско-Кампанскiй легiонъ, подъ начальствомъ трибуна Децiя Юбеллiя. Примѣръ сосѣдей Мамертинцевъ былъ очень заманчивъ, и Самнитяне въ Регiумѣ рѣшились подражать своимъ Мессенскимъ землякамъ—изгнали или умертвили гражданъ и овладѣли городомъ. Римляне, занятые войною съ Пирромъ и покоренiемъ Тарента, не имѣли времени подумать о наказанiи измѣнниковъ. Не прежде, какъ въ 272 г. консулъ Генуцiй выступилъ противъ нихъ въ походъ и послѣ отчаянной обороны овладѣлъ городомъ: четыре тысячи Кампанцевъ погибли въ самой битвѣ, триста попавшiеся въ плѣнъ казнены, изгнанные Регiйцы, находившiеся еще въ живыхъ, были возвращены и получили обратно отнятое у нихъ имѣнiе. Взятiемъ Регiума покоренiе Италiи было окончено. «Довольный господствомъ въ Италiи», говоритъ Нибуръ, «Римскiй народъ остался бы счастливѣе, благороднѣе и неиспорченнѣе въ правахъ: но такъ, какъ въ этотъ перiодъ, когда повсюду возникали великiя государства, Карѳагенъ началъ распространять свое владычество на западѣ, то Римъ можетъ быть менѣе

порицаемъ въ начатіи войны, непосредственно не имѣвшей для него благопріятныхъ слѣдствій, но по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлавшейся неизбѣжною.» Поводъ къ этой войнѣ подали внутреннія отношенія Сициліи. Хотя по удаленіи Пирра прежній образъ правленія въ Сиракузахъ и былъ возстановленъ; однако внутреннія безпокойства не прекратились. Такъ, какъ по причинѣ опасности, грозившей городу съ одной стороны отъ Карѳагенянъ, съ другой отъ Мамертинцевъ, содержаніе наемнаго войска сдѣлалось совершенно необходимымъ; то и несогласія между гражданами и наемниками были также неизбѣжны. Это продолжалось до Гіерона, избраніе котораго въ 268 г. въ вожди, встрѣченное всеобщимъ одобреніемъ уважавшихъ его гражданъ, соединило наконецъ интересы обѣихъ партій. Уничтоженіемъ старыхъ мятежныхъ наемниковъ и образованіемъ новаго войска Гіеронъ оказалъ государству великую услугу, и благодарный народъ послѣ одной побѣды, одержанной имъ надъ Мамертинцами, провозгласилъ его царемъ. Сиракузскій демосъ, вручивъ власть и величество, которыми самъ не умѣлъ больше пользоваться, мужу благородному и справедливому, возвратившему уничтоженіемъ наемниковъ государству порядокъ и спокойствіе, и побѣдою надъ Мамертинцами возстановившему прежнее его значеніе, не могъ благоразумнѣе поступить. Поразивъ Мамертинцевъ, Гіеронъ непремѣнно овладѣлъ бы Мессеною и разрушилъ бы это разбойническое государство, если бы Карѳагеняне изъ зависти къ Сиракузамъ не приняли его подъ свою защиту и не поставили въ Мессенѣ своего гарнизона. Мамертинцы, по удаленіи Гіерона, хотя и выгнали этотъ гарнизонъ, но когда Карѳагеняне показали видъ, что намѣрены соединиться противъ нихъ съ Гіерономъ, то между ними обнаружилось несогласіе: одна партія требовала возвращенія Карѳагенянъ, что и было исполнено, между тѣмъ, какъ другая обратилась съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ Римскому сенату.

Карѳагенъ, котораго исторія извѣстна намъ только отрывками, по извѣстіямъ народовъ, ведшихъ

съ нимъ войну, именно Грековъ и Римлянъ *), при началѣ борьбы съ Римомъ находился въ полномъ развитіи своихъ силъ. Его владѣнія были гораздо обширнѣе Римскихъ и въ его цвѣтущей торговлѣ, фабрикахъ и земледѣліи заключались неизсякаемые источники богатства и силы. Образъ правленія въ Карѳагенѣ, въ главныхъ чертахъ, сходствовалъ съ Римскимъ **); верховная власть, подобно какъ въ Римѣ, находилась въ рукахъ сената, и при выборѣ высшихъ сановниковъ, равно какъ и при окончательномъ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, имѣлъ значительное вліяніе народъ.

Карѳагенъ, съ самаго начала, вмѣстѣ съ торговлею занимался земледѣліемъ; многія знатнѣйшія и богатѣйшія фамиліи были обязаны и значеніемъ, и богатствомъ своимъ помѣстьямъ, и на этомъ владѣніи землею существенно основывалась аристократія, такъ какъ торговля, по своей природѣ текучій элементъ, не представляетъ никакого твердаго и прочнаго основанія. Окруженный дикими и воинственными племенами, Карѳагенъ необходимо долженъ былъ принять систему покоренія сосѣдственныхъ народовъ и пріученія номадовъ къ осѣдлости и земледѣлію. И такъ онъ не довольствовался только тщательнымъ обработываніемъ собственныхъ владѣній, промышленностью и обширною торговлею, но также стремился къ распространенію своего владычества во глубинѣ Африки вооруженною рукою. На Средиземномъ Морѣ Карѳагеняне преимущественно старались завладѣть лежащими въ западной части его острова-

*) Новѣйшее и лучшее изслѣдованіе исторіи Карѳагена есть: Geschichte der Karthager nach den Quellen bearbeitet von Dr. W. Bötticher. Mit einer Karte. Berlin 1827.

**) Полибій (к. VI г. 51) объ образѣ правленія Карѳагенянъ говоритъ: *καθόλου δὲ τὴν τῶν ὅλων ἁρμογὴν εἶχε παραπλησίαν τῇ Ῥωμαίων καὶ Λακεδαιμονίων.* (т. е. Вообще же образъ правленія въ главныхъ чертахъ былъ похожъ на Римскій и Лакедемонскій).

ми: остр. Балеарскіе, Корсика, Сардинія и всѣ малые были ими покорены; напротивъ, за владѣніе Сициліею, какъ мы уже видѣли, между ними и Греками возгорѣлась продолжительная война, кончившаяся послѣ того какъ въ нее вмѣшались Римляне ко вреду Карѳагена. Первоначальный образъ правленія Карѳагена повидимому былъ болѣе демократическій, но по прошествіи времени принялъ видъ болѣе аристократическій, хотя при этомъ народъ не потерялъ своего значенія совершенно: ибо при выборѣ правительственныхъ особъ, рѣшающій голосъ принадлежалъ ему. О самыхъ государственныхъ чиновникахъ наши свѣдѣнія весьма несовершенны. Мы знаемъ, что главами государства были *Суффеты,* и основываясь на томъ, что Аристотель сравниваетъ ихъ съ Спартанскими царями, а Ливій напротивъ съ Римскими консулами, мы можемъ заключить только, что ихъ было *двое;* но удерживали ли они это достоинство, подобно первымъ, пожизненно, или подобно послѣднимъ, на опредѣленное время, того не знаемъ. Сенатъ (*βουλή* въ тѣснѣйшемъ составѣ называвшійся также *γερουσία,*) смотря потому, въ какомъ видѣ онъ встрѣчается въ Исторіи, находился въ такихъ же отношеніяхъ къ прочимъ властямъ, какъ и Римскій. Совѣтъ ста — по Аристотелю, ста четырехъ — управлялъ дѣлами судопроизводства, а Пентархіи, о которыхъ Аристотель упоминаетъ, не опредѣляя ближе ихъ значенія, повидимому были то же, что въ Венеціи государственная инквизиція, то есть полиція съ неограниченною властью на жизнь и свободу лицъ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ интересамъ государства. Впрочемъ, отъ войны съ Римомъ образъ правленія Карѳагена потерпѣлъ сильное потрясеніе, которое если не коснулось его формъ, то во многомъ измѣнило духъ.

Не незамѣченнымъ отъ Карѳагена возрастало могущество Рима; еще въ 509 г. до Р. Х. Карѳагеняне заключили съ Римлянами договоръ, который въ 345 году былъ возобновленъ, и въ послѣдствіи, когда Пирръ не ограничивалъ своихъ плановъ одною Италіею, но простиралъ ихъ на

Сицилію и Африку, перемѣненъ въ оборонительный и наступательный союзъ *). По покореніи Италіи, Римляне, принявъ подъ свое покровительство Мамертинцевъ, тотчасъ пришли въ неприязненныя отношенія къ Карѳагену и начали съ нимъ борьбу, предметомъ которой былъ не только островъ Сицилія, но и перевѣсъ на западѣ Средиземнаго Моря. *Въ первой Пунической войнѣ* (264—241) побѣда осталась за Римлянами, а Карѳагеняне потеряли принадлежавшую имъ часть Сициліи.

Историкъ Филинъ упрекаетъ Римлянъ въ томъ, что они, переправившись въ Сицилію, нарушили торжественный договоръ съ Карѳагеномъ. Впрочемъ, Сенатъ повидимому не столько затруднялъ этотъ договоръ, сколько вопросъ: сообразно ли съ достоинствомъ Римскаго Сената и народа принимать подъ свое покровительство разбойническое государство, тѣмъ болѣе, что оно возникло посредствомъ такого жъ злодѣянія, за какое они такъ строго наказали въ Регіумѣ. Но прелесть выгоды рѣшила наконецъ противъ убѣжденій совѣсти въ пользу Мамертинцевъ, и въ 264 г. консулъ Аппій Клавдій получилъ повелѣніе итти къ нимъ на помощь. Сперва переправился черезъ проливъ трибунъ Клавдій: онъ хитростью заставилъ Карѳагенскій гарнизонъ выйти изъ Мессены, послѣ чего этотъ важный пунктъ переправы изъ Италіи въ Сицилію былъ занятъ Римлянами. Сколь важнымъ считали это Карѳагеняне, видно изъ того, что они низложили и осудили на распятіе своего полководца, не воспрепятствовавшаго высадкѣ Римлянъ въ Сицилію. Карѳагенское Правительство заключило послѣ сего союзъ съ царемъ Сиракузскимъ Гіерономъ, который также не могъ равнодушно смотрѣть на утвержденіе Римскаго оружія въ Сициліи, и вмѣстѣ съ

*) Содержаніе этихъ трехъ трактатовъ находится у Полибія к. III г. 22—26.

Карѳагенскимъ войскомъ двинулось къ Мессенѣ Сиракузское. Хотя Аппій Клавдій могъ располагать небольшими силами, не смотря на то, онъ напалъ на Сиракузянъ, вытѣснилъ ихъ изъ позиціи и заставилъ удалиться въ свой укрѣпленный станъ. Гіеронъ скоро потомъ, не переговоривъ съ Карѳагенянами, отступилъ обратно въ Сиракузы. Очевидно, онъ руководствовался въ семъ случаѣ тою политикою, что хотѣлъ въ открывшейся теперь между двумя могущественными государствами борьбѣ, которой окончаніе было весьма сомнительно; на первый разъ держать нейтралитетъ и своимъ присоединеніемъ въ послѣдствіи усилить ту сторону, на чью будетъ склоняться побѣда. По отшествіи Гіерона и Карѳагеняне должны были снять осаду Мессены; теперь Римляне и Мамертинцы прошли по всему острову, повсюду грабя и опустошая страну. Римляне собственно пришли только для освобожденія Мессены, но подобно тому, какъ признаніе ихъ власти Кампанцами послужило имъ предлогомъ къ войнѣ противъ Самнитянъ, такъ точно теперь они воспользовались къ продолженію войны дѣлами Мамертинцевъ. Въ слѣдующемъ (263) году, явились въ Сициліи два консульскія войска и съ столь явнымъ намѣреніемъ завоевать ее, что Гіеронъ, котораго владѣнія прежде всѣхъ подвергались опасности, рѣшился заключить миръ. 100 талантовъ и освобожденіе всѣхъ военноплѣнныхъ были платою за союзъ съ Римомъ. Симъ рѣшительнымъ шагомъ Гіеронъ спасъ независимость Сиракузъ и упрочилъ ее, оставаясь вѣрнымъ союзникомъ Римлянъ въ счастіи и несчастіи, до конца своей жизни. Подкрѣпляемые Сиракузами Римляне повидимому могли безъ труда выгнать Карѳагенянъ изъ Сициліи. Въ третій годъ войны они приступили къ Агригенту, который былъ главнымъ центромъ Карѳагенскихъ силъ; осада продолжалась семь мѣсяцевъ, и послѣ того какъ Карѳагенское войско, посланное къ нему на помощь, потерпѣло пораженіе, онъ былъ взятъ: городъ былъ разграбленъ, граждане проданы въ рабство. Но Римляне скоро увидѣли, что для совершеннаго ослабленія Карѳагенянъ въ Сициліи, должно побѣдить ихъ въ собственной ихъ стихіи на морѣ, и

перенесть театръ войны къ стѣнамъ самаго Карѳагена. Должно удивляться той энергіи, какую они показали, рѣшившись принять столь отважный планъ; выполненіе его было впрочемъ невозможно безъ крайняго отягченія союзниковъ, на которыхъ возложена была обязанность, какъ скоро одинъ флотъ по неискусству адмирала погибалъ, строить другой. Но никакія препятствія не могли удержать ихъ, никакія потери не устрашали; больше всего потерпѣли при этомъ Греческіе и Этрусскіе приморскіе города и вообще всѣ жители прибрежныхъ областей, которые были разорены въ конецъ *). Но всего удивительнѣе въ сей морской войнѣ то, что сенатъ назначалъ адмиралами не Грековъ или Этрусковъ, а Римлянъ, совершенно незнакомыхъ съ этою частью и, не смотря на то, часто выигрывавшихъ побѣды. Въ томъ же году, когда они въ первый разъ появились на морѣ (260), одинъ консулъ Сципіонъ былъ съ 17 кораблями окруженъ и взятъ въ плѣнъ, напротивъ другой К. Дуилій одержалъ надъ Карѳагенянами побѣду съ помощью имъ самимъ изобрѣтенной крючковатой машины, названной corvus. Карѳагеняне не были къ тому приготовлены, они обращали все вниманіе на маневры; посему первою своею побѣдою на морѣ Римляне обязаны неожиданности употребленнаго ими способа. Что Карѳагеняне нашли средство сдѣ-

*) Полибій, во всякомъ другомъ случаѣ писатель здравомыслящій, при описаніи этого, увлекшись реторическими прикрасами, чтобы возвысить Римлянъ, составилъ довольно забавное сужденіе. Въ кн. I. г. 20 онъ говоритъ, что одинъ Карѳагенскій корабль, попавшійся въ руки Римлянъ, послужилъ имъ образцомъ, при постройкѣ ихъ флота, и присовокупляетъ: *ὡς εἰ μὴ τοῦτο συνέβη γενέσθαι, δῆλον, ὡς διὰ τὴν ἀπειρίαν εἰς τέλος ἂν ἐκωλύθησαν τῆς ἐπιβολῆς.* (т. е. Если бы этого не случилось, то очевидно, что они, по неопытности, наконецъ были бы удержаны отъ нападенія на Карѳагенянъ на морѣ). Римляне владѣли многими приморскими городами, Этрусскими и Греческими; Мессена и Сиракузы, уже не разъ встрѣчавшіяся на морѣ съ Карѳагенянами, находились съ ними въ союзѣ, слѣдовательно какъ могло у нихъ не быть искусныхъ корабельныхъ мастеровъ и матросовъ? Это мѣсто Полибія есть примѣчательный образецъ того, до какой нелѣпости могутъ довести самаго умнаго писателя реторическія преувеличенія въ исторіографіи.

лать выдумку Римлянъ безполезною, это видно изъ того, что въ послѣдствіи corvus Дуилія, какъ кажется, больше не употреблялся, по крайней мѣрѣ въ исторіи войнъ онъ уже нигдѣ не встрѣчается. Но какъ ни блестящи были успѣхи Римскаго оружія на сушѣ (въ рукахъ Карѳагенянъ оставались только Панормъ, Эриксъ и Лилибей), какъ ни велики выгоды, пріобрѣтенныя ими на морѣ; не смотря на то, они не могли долго вести войну такимъ образомъ. При всѣхъ своихъ побѣдахъ они должны были наконецъ истощиться въ силахъ, потому что имъ недоставало тѣхъ денежныхъ источниковъ, какія имѣлъ Карѳагенъ, для котораго проигранное сраженіе значило то же, что неудачная торговая спекуляція. Посему сенатъ положилъ дать войнѣ другое, болѣе смѣлое и рѣшительное направленіе и повелѣлъ консуламъ 257 года Л. Манлію и М. Аттилію Регулу переправиться въ Африку. Отъ его предусмотрительности можно ожидать, что онъ напередъ собралъ свѣдѣнія о положеніи страны и также не пропустилъ безъ вниманія похода Агаѳоклова, и конечно, что удалось Сицилійскому тирану, предводительствовавшему наемниками, какъ могъ не успѣть въ томъ Римскій консулъ съ своими легіонами? Консулы собрали множество кораблей и частью прикрѣпили ихъ одинъ къ другому, чтобы при нападеніи Карѳагенянъ удержаться въ соединеніи и сдѣлать безполезнымъ ихъ искусство въ маневрахъ *). Экипажъ Римскаго флота состоялъ изъ 140,000 человѣкъ, у Карѳагенянъ было 10,000-ми болѣе, и конечно величественное зрѣлище представляли двѣ такія массы людей, сражающіяся на морѣ. Карѳагеняне, не могши разстроить порядка Римскихъ кораблей и потерпѣвъ сами небольшой уронъ, прекратили сраженіе, въ намѣреніи напасть на нихъ послѣ того, какъ сухопутное войско высадится на берегъ, но не успѣли и въ этомъ; потому что Римляне, высадившись, вытащили на сушу и корабли и окружили ихъ рвомъ и валомъ. Послѣ сего они напали на городъ Клупею или Аспидъ, который долженъ былъ

*) Описаніе этого расположенія Римскаго флота находится у Полибія к. I г. 26.

сдаться прежде, нежели Карѳагеняне опомнились отъ перваго страха, ибо воспоминаніе объ Агаѳоклѣ было слишкомъ памятно, чтобы имъ не страшиться отъ вторженія Римлянъ еще большей опасности; кромѣ того они такъ мало были къ ней приготовлены, что въ самой Африкѣ не имѣли никакого войска. Посему Римляне безъ всякаго сопротивленія могли отвесть награбленную добычу, цѣлыя стада рогатаго скота и болѣе 10,000 рабовъ на корабли, съ которыми консулъ Манлій предпринялъ обратный путь въ Сицилію, между тѣмъ, какъ товарищъ его, Регулъ, остался въ Африкѣ, имѣя подъ командою 15,000 пѣхоты, 500 всадниковъ и 40 кораблей. Когда Карѳагенское правительство увидѣло, что цѣлію высадки Римлянъ былъ не одинъ только грабежъ, то вызвало изъ Сициліи своего полководца Амилькара и сверхъ того назначило военачальниками собраннаго ими войска двухъ самыхъ знаменитыхъ въ республикѣ мужей, Асдрубала и Бостара. Но они приняли весьма худыя мѣры, между тѣмъ, какъ консулъ искусно привлекъ на свою сторону Нумидійцевъ; по сему успѣхи его были блистательны. По покореніи Туниса онъ угрожалъ осадою самому Карѳагену. Карѳагеняне рѣшились просить мира, но Регулъ предложилъ имъ столь суровыя условія, что они отвергли ихъ и объявили, что готовы лучше подвергнуться самой жестокой участи, нежели согласиться на такой унизительный миръ. Теперь они ввѣрили свое войско иноземцу, который лучше понималъ тактику сухопутной войны, нежели ихъ собственные полководцы. Этотъ иноземецъ былъ Спартанецъ Ксантиппъ. Онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣренность, однимъ ударомъ извлекши изъ стѣсненнаго положенія Карѳагенъ и сокрушивъ силы Регула, который въ качествѣ проконсула удержалъ начальство надъ войскомъ въ 256 г. Стратегическими соображеніями Ксантиппа Римское войско было поставлено въ такое положеніе, что только нѣсколько когортъ успѣло спастись бѣгствомъ въ Клупею; самъ Регулъ попался живой въ руки Карѳагенянъ *). Не смотря на это пораженіе, сенатъ

*) Римляне изъ ненависти выдумали, что Ксантиппъ получилъ

не хотѣлъ прекратить военныхъ дѣйствій въ Африкѣ, но когда въ слѣдующемъ (255) году Римскій флотъ погибъ у береговъ Сициліи отъ бури, то онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и вызвать назадъ когорты, державшіяся еще въ Клупеѣ. Однакожъ сенатъ началъ снова заготовлять морскія силы и умножилъ число морскихъ колоній, заведенныхъ въ началѣ этой войны, которыя несли на себѣ всѣ морскія повинности и за это, въ видѣ вѣчной привилегіи, получили такъ называемую sacrosanctam vacationem или совершенное освобожденіе отъ сухопутной службы. Съ какимъ ожесточеніемъ дѣйствовали обѣ стороны, какія дѣлали издержки и какъ мало дорожили человѣческою жизнію, видно изъ того, что со времени несчастной экспедиціи Регула до 253 г. Римляне потеряли 700 кораблей. По сему они должны были оставить на время войну на морѣ; ибо Италіянскіе города не могли больше выставить требуемаго числа людей и кораблей, а доводить ихъ до крайности не хотѣли. Война ведена была снова въ

за свою услугу худую награду,—будто бы Карѳагенское правительство матросамъ корабля; на которомъ онъ долженъ былъ отправиться въ отечество, дало повелѣніе умертвить его, чтобы онъ не сталъ превозноситься своимъ подвигомъ (Appian. lib. VIII cap. 4). Полибій ничего не знаетъ о такой неблагодарности, онъ говоритъ только, что Ксантиппъ вскорѣ послѣ того возвратился въ Грецію, и называетъ этотъ поступокъ весьма благоразумнымъ, справедливо замѣтивъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Карѳагенъ, которое не можетъ обойтись безъ наемныхъ войскъ, чужестранецъ, заслужившій уваженіе наемниковъ, непремѣнно долженъ казаться слишкомъ подозрительнымъ, чтобы не обратить на себя глазъ правительства. Не менѣе преданіе возвеличило Регула: разсказы о его бѣдности и неустрашимости, о его пламенномъ патріотизмѣ и мученической кончинѣ до позднѣйшихъ временъ служили Римскимъ ораторамъ и поэтамъ неисчерпаемымъ источникомъ къ оживленію національнаго духа. Но вѣнецъ славы плѣннаго героя есть посольство его въ Римъ, куда, какъ говорятъ, онъ отправленъ былъ Карѳагенянами для содѣйствія переговорамъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Здѣсь противъ всякаго ихъ ожиданія, вмѣсто того, чтобы стараться объ этомъ, онъ убѣждаетъ Римлянъ не соглашаться, и, вѣрный данной клятвѣ, возвращается въ Карѳагенъ и тамъ отъ мести озлобленныхъ враговъ погибаетъ мученическою смертью. Впрочемъ уже разность въ показаніяхъ о родѣ его смерти доказываетъ баснословность этой исторіи. См. A. Gellii noct. Att. l. VI, c. 4.

Сициліи, и въ продолженіе двухъ лѣтъ съ большимъ счастіемъ для Кароагенянъ. Они особенно наводили на Римлянъ страхъ своими слонами. Прежде эти животныя не были у Кароагенянъ въ употребленіи, о нихъ не упоминается во время войны съ Агаѳокломъ, хотя тогда они составляли уже существенный элементъ военныхъ силъ наслѣдниковъ Александра. По сему кажется, что Кароагеняне узнали употребленіе и способъ обученія слоновъ во время войны съ Пирромъ, потому что отселѣ начали сами употреблять ихъ, вмѣсто прежнихъ своихъ боевыхъ колесницъ. Чѣмъ ужаснѣе были для Римлянъ слоны, тѣмъ славнѣе побѣда, одержанная надъ Кароагенянами Л. Цециліемъ Метелломъ въ 251 г. при Панормѣ, гдѣ онъ отнялъ у нихъ 120 этихъ страшныхъ звѣрей. Посему и тріумфъ его былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ: на немъ Римляне въ первый разъ увидѣли слоновъ побѣжденными. Въ слѣдствіе сей побѣды Кароагеняне были сбиты со всѣхъ своихъ позицій, и только Дрепанумъ, Эриксъ и Лилибей остались въ ихъ власти. Теперь, при осадѣ Лилибея, чтобы запереть этотъ городъ со стороны моря, еще разъ Римляне выставили флотъ и еще разъ потеряли его. Аппій Клавдій Пульхеръ, въ 249 г., вступилъ при Дрепанумѣ въ морское сраженіе, презрѣвъ предвѣщавшія несчастіе авспиціи, чему Римляне и приписываютъ его пораженіе, при чемъ погибло 117 кораблей и 20,000 человѣкъ. Послѣ сего Римляне во второй разъ должны были уступить море Кароагенянамъ, и занятіе консуломъ Юніемъ горы и крѣпости Эрикса представляло слабое вознагражденіе за эту великую потерю. При обоюдномъ изнеможеніи противниковъ война ведена была нѣкоторое время не съ такимъ жаромъ, какъ надлежало бы ожидать отъ важности соединенныхъ съ окончаніемъ ея послѣдствій и отъ взаимной ихъ ненависти. Полибій (lib. 1, cap. 58) сравниваетъ эту войну съ боемъ двухъ пѣтуховъ, которые, выбившись изъ силъ, расходятся, чтобы, не много отдохнувъ, съ новою яростью напасть другъ на друга и биться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не падетъ. До выступленія на военное поприще Амилькара Барки, на сушѣ господ-

ствовали Римляне, на морѣ Карѳагеняне; онъ, возвысившись надъ всѣми Карѳагенскими полководцами, началъ стараться о доставленіи своему отечеству перевѣса и на твердой землѣ. Смѣлость, предпріимчивость и личное мужество этого вождя прославляютъ даже приверженные къ Римлянамъ Греческіе писатели, и можно сказать, что въ Карѳагенѣ только и было два великихъ полководца: Амилькаръ и сынъ его Аннибалъ; они одни дѣйствовали не массою войскъ, а съ небольшимъ числомъ опытнаго войска совершали то, для чего другіе Карѳагенскіе вожди считали необходимымъ имѣть цѣлыя сотни тысячъ. Въ 247 г. Карѳагенское правительство отправило Амилькара Барку съ порученіемъ опустошить берега Италіи. Согласно съ этимъ повелѣніемъ, разоривъ землю Бруттійцевъ и область Локрійскую, онъ вдругъ явился на берегу Сициліи и занялъ возвышенность, находившуюся между Панормомъ и Эриксомъ, называвшуюся Эрктою; отсюда онъ началъ нападать на Римлянъ, въ Панормѣ и Эриксѣ, и дѣлать опустошительные набѣги на Италію; особенно онъ сталъ опаснымъ для Римлянъ съ тѣхъ поръ, какъ посредствомъ нечаяннаго нападенія овладѣлъ Эриксомъ; тогда они рѣшились сдѣлать новое и послѣднее усиліе: но общественная касса ихъ была пуста, союзники истощены, и тѣмъ менѣе можно было надѣяться на новыя пожертвованія отъ приморскихъ городовъ, въ то время, какъ высадки и опустошенія Карѳагенянъ въ самой Италіи разорили ихъ въ конецъ. Римская аристократія, сенаторы и всадники взялись за свое имущество и рѣшились построить флотъ на свои издержки. Они сдѣлали это подобно Аѳинскимъ тріерархамъ; иной брался одинъ снарядить цѣлый корабль, другіе соединялись для этого по нѣскольку человѣкъ. Конечно они получили въ послѣдствіи всѣ издержанныя ими суммы обратно, изъ денегъ, которыя долженъ былъ заплатить Карѳагенъ, — впрочемъ это вознагражденіе ни сколько не отнимаетъ у нихъ чести; потому что они были обязаны имъ только счастію, и флотъ ихъ очень легко могъ подвергнуться той же участи, какая постигла прежніе. Начальство надъ этимъ флотомъ принялъ Л. Лутацій Катулъ, и совер-

шенно неожиданно явился съ нимъ у береговъ Сициліи. Карѳагеняне, въ продолженіе шести лѣтъ спокойно владычествуя на морѣ, распустили свои корабли: посему Катулъ заперъ Лилибей и Дрепанумъ безпрепятственно также и со стороны моря, такъ что рѣшеніе войны теперь зависѣло отъ морскаго сраженія. Немногія морскія битвы рѣшали политическую судьбу какой либо націи; къ этимъ немногимъ принадлежитъ происшедшая теперь между Римскимъ и Карѳагенскимъ флотами. Карѳагеняне послали въ Сицилію флотъ, подъ начальствомъ Ганнона, давъ ему повелѣніе не вступать въ битву, пока не облегчитъ судовъ отъ провіанта, которымъ они были нагружены, и не приметъ на бортъ Амилькара съ его отборнымъ войскомъ. Естественно, Римскій Адмиралъ для своей пользы долженъ былъ воспрепятствовать этому и, не допуская до берега, принудить непріятелей къ сраженію. Катулъ сталъ у острова Эгузы, насупротивъ Лилибея, и приготовился къ битвѣ, не смотря на то, что Карѳагенянамъ благопріятствовалъ вѣтеръ и море сильно волновалось. Катулъ основывалъ свои надежды на состояніи непріятельскихъ кораблей, везшихъ тяжелый грузъ и по этому слабо вооруженныхъ, и въ самомъ дѣлѣ, это обстоятельство много способствовало къ побѣдѣ Римлянъ, равно какъ и искусство, показанное ими въ сраженіи. Пятьдесятъ Карѳагенскихъ кораблей было потоплено и девяносто взято вмѣстѣ съ экипажемъ. Эта рѣшительная побѣда положила конецъ войнѣ. Впрочемъ Карѳагенское правительство не отчаявалось еще и теперь, но предоставило рѣшить: полезнѣе ли для государства продолжать войну или заключить миръ.—мужу, который доселѣ съ ревностью и славою сражался съ непріятелемъ — Амилькару Баркѣ, и вручило ему на то совершенное полномочіе. Амилькаръ вступилъ съ Катуломъ въ переговоры. Сей послѣдній сначала предложилъ такія же жестокія условія, какъ и Регулъ, но когда Амилькаръ съ твердостію отвергъ ихъ, то Катулъ, чтобы не лишиться чести окончанія войны, сдѣлался умѣреннѣе. Карѳагеняне уступили Римлянамъ свои владѣнія въ Сициліи, обязались освободить Римскихъ плѣнныхъ безъ выкупа и въ про-

долженіе двадцати лѣтъ заплатить 1200 талантовъ. Когда сей договоръ представленъ былъ на подтвержденіе сената, то условія показались ему все еще слишкомъ легкими, и, чтобы разсмотрѣть состояніе дѣлъ на мѣстѣ, онъ отправилъ въ Сицилію коммиссію изъ десяти человѣкъ. Впрочемъ эта коммиссія въ сущности не сдѣлала никакой перемѣны, только прибавила къ условленной суммѣ еще 1000 талантовъ и сократили срокъ уплаты въ половину; сверхъ того Карѳагеняне должны были принять еще условіе — очистить всѣ острова между Сициліею и Италіею. Амилькаръ согласился и на это, потому что Карѳагенскіе финансы были слишкомъ истощены, и онъ считалъ невозможнымъ съ успѣхомъ продолжать войну. Это случилось въ 241 г. до Р. Х., въ 513 отъ осн. города.

Первая Пуническая война имѣла для Карѳагена важнымъ слѣдствіемъ измѣненіе военной системы. Какъ Римъ, по своему положенію былъ сухопутною державою, такъ Карѳагенъ морскою; но такъ, какъ сей послѣдній встрѣтилъ въ собственной своей стихіи въ Римлянахъ не только соперниковъ, но и побѣдителей, то стремился теперь въ противоположность Риму усилиться на сушѣ. Это направленіе далъ и, не смотря на всѣ оппозиціи, привелъ въ исполненіе подкрѣпляемый одобреніемъ исполненнаго ненависти къ Риму народа, Амилькаръ Барка. Его вліяніе въ государствѣ возрасло особенно отъ того, что онъ успѣлъ подавить крайне опасное возмущеніе наемниковъ, и такъ, какъ Римъ, недостойнымъ образомъ пользуясь симъ несчастіемъ, отнялъ у Карѳагенянъ островъ Сардинію и наложилъ на нихъ новую денежную контрибуцію, то ненависть ихъ къ нему возрасла до такой степени, что ей пожертво-

вали всѣми основными правилами государства. Вотъ почему политика фамиліи Барки была въ продолженіе нѣкотораго времени политикою Карѳагенской республики.

Истощеніе финансовъ Карѳагена, по окончаніи войны съ Римомъ, было такъ велико, что онъ не могъ заплатить жалованія наемникамъ. Это произвело въ наемныхъ войскахъ бунтъ, поставившій республику на край погибели. По заключеніи мира, Амилькаръ Барка сложилъ начальство и поручилъ Гисгону распустить наемниковъ. Такъ какъ невыплаченное имъ жалованіе составляло весьма большую сумму, то Гисгонъ распорядился такъ, что они переправлялись въ Африку не вдругъ, а отдѣльными отрядами, чтобы правительство между тѣмъ успѣло пріискать средства къ удовлетворенію ихъ. Но требованія наемниковъ были гораздо больше, нежели какъ ожидали Карѳагеняне: они просили вознагражденія за потерянныхъ ими лошадей и выдачи жалованія за павшихъ въ Сициліи товарищей, и когда стали угрожать въ случаѣ отказа нападеніемъ на самый Карѳагенъ, то правительство въ страхѣ согласилось на все; не смотря на то, войско, повѣривъ словамъ Кампанца Спендія и Африканца Маѳоса, что Карѳагеняне хотятъ только его провести, и прельстившись надеждою на разграбленіе богатаго торговаго города — взбунтовалось. Государство могло противуставить имъ не больше 10,000 человѣкъ, и начальство надъ сею арміею, по зависти нѣкоторыхъ аристократическихъ фамилій, не получилъ мужъ, который одинъ показалъ полководческій талантъ, а Ганнонъ, глава противной Амилькару Баркѣ партіи. Но дѣйствія его были такъ неудачны, что мятежники осадили самый городъ Карѳагенъ. Теперь къ нимъ присоединились и подвластные Карѳагенянамъ Африканцы, которые значительно усилили ихъ войско. Когда такимъ образомъ опасность достигла высшей степени, начальство надъ войскомъ получилъ Амилькаръ, и онъ тотчасъ показалъ свой талантъ тѣмъ, что умѣлъ раздѣлить войско мятежниковъ, потому что въ такомъ только случаѣ возможна

30*

была надъ ними побѣда. Также Гіеронъ Сиракузскій помогалъ Карѳагенянамъ и въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ Полибій, держался вѣрной политики, хорошо понимая, что Сиракузы до тѣхъ только поръ сохранятъ свою независимость, пока Римъ будетъ находиться въ равновѣсіи съ Карѳагеномъ. Амилькаръ, нападая на отдѣльныя толпы мятежниковъ, поражалъ и истреблялъ ихъ безъ пощады и взятіемъ Туниса, въ которомъ искалъ себѣ спасенія Маѳосъ, въ 237 г. кончилъ эту опасную войну. Наемники взбунтовались также и въ Сардиніи, и когда Карѳагеняне стали дѣлать приготовленія къ усмиренію ихъ, они обратились съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ къ Риму. Римляне овладѣли Сардиніею и объявили вооруженіе Карѳагена нарушеніемъ мира, такъ что эта истощенная республика для отклоненія новой войны принуждена была согласиться на уплату 1200 талантовъ. Послѣ такого поступка Римлянъ непріязнь къ нимъ Карѳагенянъ должна была превратиться въ самую непримиримую ненависть.

Для Рима важнѣйшимъ слѣдствіемъ первой Пунической войны было распространеніе его владычества за предѣлы Италіи. Ею оканчивается чисто Италіянскій періодъ Римской Исторіи; отселѣ чуждые элементы начинаютъ вторгаться неудержимо въ жизнь Римлянъ. Внутреннее устройство государства находилось теперь въ полномъ своемъ развитіи; три сословія—патриціи, всадники и плебеи—образовали одно политическое тѣло populus Romanus. Всадники получили политичеткое значеніе со времени Сервіева ценза, потому что при выборѣ ихъ не смотрѣли на происхожденіе, а только на цензъ. Съ давнихъ временъ они были откупщиками общественныхъ налоговъ и пошлинъ, при чемъ чрезвычайно обогащались, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивали себѣ духъ лихоимства,

который въ послѣдствіи не мало содѣйствовалъ къ разстройству государства. Римляне, доколѣ ограничивались одною Италіею, сохраняли и первобытную простоту нравовъ и не были знакомы съ изнѣженностью и утонченностью образованной жизни. Государство покрывало свои издержки добровольными приношеніями гражданъ, доходами съ пошлинъ и съ общественнаго поля, отдававшагося на откупъ частнымъ лицамъ. Пріобрѣтенная на войнѣ добыча была обращаема на общественныя постройки. Замѣчательнѣйшее изъ всего сооруженнаго Римлянами со времени изгнанія царей была via Appia; ее проложилъ тотъ самый Аппій Клавдій, который съ такою твердостью и патріотизмомъ отвергъ заманчивыя предложенія Пирра. Эта военная дорога послужила образцемъ для всѣхъ прочихъ шоссе, въ послѣдствіи перерѣзывавшихъ Римскую имперію во всѣхъ направленіяхъ. Она простиралась отъ Рима до Капуи и была устлана квадратными плитами, такъ тѣсно сплоченными, что вовсе нельзя было примѣтить спайки, усыпана крупнымъ пескомъ и обставлена столбами, съ означеніемъ разстоянія; съ теченіемъ времени по обѣимъ сторонамъ безпрестанно являлись новыя украшенія, различные памятники и богатыя гостинницы. Впрочемъ, государство вознаграждало себя за издержки, которыхъ стоило проложеніе и поддерживаніе такихъ дорогъ, возвышеніемъ пошлины за проѣзды. Аппію Клавдію же Римъ обязанъ устройствомъ большихъ водопроводовъ. Римляне особенно заботились о хорошей и здоровой водѣ, по сему, гдѣ могли провесть

ее къ себѣ, не жалѣли ни трудовъ, ни денегъ, и часто прорывали изъ отдаленныхъ мѣстъ. Но при всемъ блескѣ общественныхъ предпріятій въ частной жизни сохранялась прежняя простота: до самой войны съ Пирромъ, домы гражданъ были, если не всѣ, по крайней мѣрѣ, большая часть, деревянные, также чеканить серебро въ Римѣ, по всѣмъ признакамъ, стали не прежде, какъ по покореніи Тарента, а золото по окончаніи второй Пунической войны. Семейную жизнь Римлянинъ обыкновенно проводилъ еще на своей нивѣ и являлся въ городъ только тогда, когда его призывали для занятія какой либо должности, по истеченіи срока которой возвращался опять къ своему плугу. Дома, среди своихъ кліентовъ, отецъ фамиліи былъ нѣкоторымъ образомъ независимый владѣлецъ, государство не имѣло права ни на малѣйшее вмѣшательство въ его семейныя дѣла; онъ былъ господиномъ надъ жизнью и смертію своей жены и дѣтей, и какъ ни легко такая власть могла быть употреблена во зло, не смотря на то въ этомъ періодѣ встрѣчается не много тому примѣровъ. Также и рабы находились совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ своимъ господамъ, нежели какъ въ послѣдствіи. Патрицій самъ трудился еще на нивѣ вмѣстѣ съ своими рабами, ибо только чрезъ воздѣлываніе земли тогда въ Римѣ достигали благосостоянія; между тѣмъ, какъ всѣ ремесла, искусства и торговля считались занятіями недостойными Римскаго гражданина. Посему съ давнихъ временъ въ Римѣ и Остіи поселились многіе Этрусски и другіе иностранцы, ко-

торые пользовались симъ національнымъ предразсудкомъ Римлянъ для своихъ выгодъ. Празднества и увеселенія Римлянъ совершенно соотвѣтствовали суровости и грубости ихъ характера. Съ тѣхъ поръ, какъ введены были гладіаторскія игры (они получили свое начало въ самый годъ открытія первой Пунической войны), битвы и травли звѣрей сдѣлались любимыми увеселеніями Римскаго народа и оставались ими до позднѣйшихъ временъ.

Литературное образованіе было еще для Римлянъ роскошью, а не потребностью; ихъ умъ, въ стремленіи своемъ къ практическому и существенному, чуждался теоретическихъ умозрѣній *). Посему нечего говорить о литературной образованности Римскаго духа въ этомъ періодѣ, и мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями касательно религіи Римлянъ и Италіянской народной поэзіи.

*) Цицеронъ въ своихъ «Тускуланахъ» набрасываетъ слѣдующее изображеніе духа Римлянъ въ сравненіи съ Греческимъ: Meum semper fuit judicium, omnia nostros aut invenisse per se sapientius, quam Graecos, aut accepta ab illis fecisse meliora, quae quidem digna statuissent, in quibus elaborarent. Nam mores et insituta vitae resque domesticas ac familiares nos profecto et melius tuemur et lautius, rem vero publicam nostri majores certe melioribus temperaverunt et institutis et legibus. Quid loquar de re militari? in qua quum virtute nostri multum valuerunt, tum plus etiam disciplina. Jam illa, quae natura non literis assecuti sunt, neque cum Graecia neque cum ulla gente comparandi sunt. Quae enim tanta gravitas, quae tanta constantia, magnitudo animi, probitas, fides, quae tam excellens in omni genere virtus fuit, ut sit cum majoribus nostris comparanda? Doctrina Graecia nos et omni literarum genere superat, in quo erat facile vincere non repugnantes. Потомъ присовокупляетъ, что Греки имѣли своего перваго поэта уже въ Гомерѣ, а Римляне не прежде, какъ въ 510 г. отъ основ. Рима, разумѣя подъ тѣмъ *Ливія Андроника*, и какъ ни смѣшнымъ кажется такое соединеніе, однако можно сказать, что въ самомъ дѣлѣ это есть отличительная черта Римской литературы въ отношеніи къ Греческой.

Религія ихъ была съ древнѣйшихъ временъ одною изъ пружинъ государственной машины и находилась подъ руководствомъ того же ума, который управлялъ и государствомъ. Всѣмъ относившимся къ религіи завѣдывала коллегія изъ четырехъ Понтифексовъ подъ предсѣдательствомъ Старшаго Понтифекса. Это были люди испытанные, самой строгой жизни, и обыкновенно достигавшіе жреческаго сана не прежде, какъ по отправленіи всѣхъ свѣтскихъ государственныхъ должностей. Когда плебеи достигли равенства правъ съ патриціями, то были присоединены еще четыре Понтифекса изъ плебеевъ. Вся религія состояла въ формахъ, къ которымъ Понтифексы придумывали правила и церемоніи. Независимо отъ Понтифексовъ, подъ властію которыхъ находились всѣ жреческія общества, служившія отдѣльнымъ божествамъ, находилась еще коллегія Авгуровъ; впрочемъ и они не составляли особеннаго сословія жрецовъ, но также избирались изъ государственныхъ чиновниковъ, чтобы пріобрѣтеннымъ ими въ государствѣ авторитетомъ поддерживать предразсудокъ, которымъ правительство такъ хорошо умѣло пользоваться. Такъ какъ жрецы могли быть вмѣстѣ и свѣтскими чиновниками, что обыкновенно и бывало, и такъ какъ вся должность ихъ состояла въ строгомъ соблюденіи внѣшнихъ формъ, то наше сужденіе не будетъ слишкомъ рѣзкимъ, если назовемъ Римскую религію политическимъ учрежденіемъ для поддержанія посредствомъ суевѣрія, жертвоприношеній и празднествъ въ народѣ старыхъ нравовъ, или

для направленія его къ цѣли, предположенной правительствомъ. Безъ позволенія сената и народныхъ трибуновъ не могло быть введено никакой новой церемоніи, ни воздвигнуто новаго храма или новаго алтаря. Съ религіозными празднествами соединена народная поэзія сего періода *); впрочемъ о Фесценнинахъ, Сатурнинахъ, Ателланахъ и объ Оскійскихъ забавахъ мы знаемъ только то, что здѣсь повидимому главное мѣсто занимали переодѣванія и Сатурнальскія забавы. Римляне не много успѣли и въ точныхъ наукахъ; Цицеронъ прямо говоритъ, что всѣ ихъ математическія знанія ограничивались умѣньемъ межевать землю и считать **). По причинѣ такой недостаточности свѣдѣній они не только не имѣли правильнаго календаря, но и допустили вкрасться въ него столькимъ ошибкамъ, что наконецъ сдѣлалось необходимымъ повѣрить счисленіе въ самомъ основаніи, что впрочемъ было исполнено не прежде, какъ въ правленіе Цезаря, и не иначе, какъ при помощи Греческой учености. Если подвести эти отдѣльныя черты подъ одну общую характеристику, то можно сказать, что Римляне, при всей своей грубости и воинственности, во всей жизни показывали великое единство въ стремленіяхъ и сохраняли какой-то важный тонъ. Римлянинъ дома является трудолюбивымъ и бережливымъ земледѣльцемъ, въ полѣ—храбрымъ вои-

*) Horat. Epp. lib. II, ep. 1, vs. 139—156.

**) In summo apud Graecos honore geometria fuit, itaque nihil mathematicis illustrius. At nos metiendi ratiocinandique utilitate hujus artis terminavimus modum.

номъ, въ городѣ — патріотомъ, гражданиномъ и политикомъ, онъ знаетъ и цѣнитъ только то, что имѣетъ для него практическую пользу, и его добродѣтель незыблемо основывается на простотѣ нравовъ, еще незараженныхъ пороками.

Въ томъ, что Римляне вполнѣ развили до распространенія своего владычества за предѣлы Италіи, видна великая послѣдовательность и постоянство въ стремленіяхъ къ предположенной цѣли и въ образѣ мыслей, также оригинальная и сообразная съ цѣлью организація войска. Безъ первыхъ Римъ едва либо устоялъ противъ опасности, грозившей ему отъ Аннибала, при помощи послѣдней онъ, по отвращеніи этой опасности, былъ въ состояніи покорить вселенную. Что касается до военныхъ силъ Рима, то, до начала второй Пунической войны, войско, всегда находившееся наготовѣ, состояло изъ 4 легіоновъ, считая въ каждомъ по 5200 пѣхоты и 300 всадниковъ; къ нему же принадлежало потребное число Латинцевъ, до 30,000 пѣхоты и 2000 всадниковъ. Прочіе Италіянцы должны были выставлять вспомогательнаго войска 50,000 пѣхоты и 4000 всадниковъ. Но по счисленію Полибія, сенатъ, въ то время, какъ Аннибалъ, не болѣе какъ съ 20,000 напалъ на Римъ въ самой Италіи, могъ располагать силами до 700,000 пѣхоты и 70,000 всадниковъ *). Важнѣйшія событія, происходив-

*) Polyb. lib. II. c. 24: *τὸ δὲ σύμπαν πλῆθος τῶν δυναμένων ὅπλα βαστάξειν, αὐτῶν τε τῶν Ῥωμαίων καὶ τῶν συμμάχων, πεξῶν μὲν ὑπὲρ τὰς ἑβδομήκοντα μυριάδας, ἱππέων δὲ εἰς ἑπτὰ μυριάδας. Ἐφ' οὗς Ἀννίβας, ἐλάττους ἔχων δισμυρίων, ἐπέβαλεν εἰς τὴν Ιταλίαν.* (т. е. Всѣхъ могущихъ носить оружіе, изъ самихъ Римлянъ и

шія между первою и второю Пуническою войною, были — пораженіе Галловъ въ верхней Италіи и утвержденіе Римлянъ въ Иллиріи. Первымъ изъ сихъ событій, къ счастію Рима, Галлы были ослаблены въ то самое время, когда явился въ Италіи Аннибалъ; послѣднее вовлекло въ борьбу Римлянъ съ Карѳагенянами Грековъ и Македонянъ. Такимъ образомъ кругъ Римской политики постепенно получалъ большій объемъ.

Съ Галлами не было войны съ 282 г., когда заключенъ съ ними миръ, и во время войны съ Пирромъ еще болѣе во время первой Пунической, Сенатъ берегся нарушить его. Въ 232 году враждебныя дѣйствія открылись снова, и поводомъ къ тому послужило предложеніе, сдѣланное однимъ народнымъ трибуномъ. Римляне заложили въ землѣ Сенонскихъ Галловъ военную колонію Сену и часть жившихъ здѣсь Сеноновъ изгнали или совсѣмъ истребили. На этомъ, такимъ образомъ опустѣломъ участкѣ земли сосѣдніе Галлы стали пасти свои стада, въ чемъ доселѣ никто имъ не препятствовалъ; посему предложеніе народнаго трибуна К. Фламинія, того самаго, который въ послѣдствіи какъ консулъ былъ такъ несчастливъ противъ Аннибала, раздѣлить эту землю между бѣдными Римскими гражданами, они сочли притѣсненіемъ своихъ законныхъ правъ. Они призвали на помощь многочисленныя толпы своихъ единоплеменниковъ изъ-за Альпъ, но какъ ни опасною казалась сначала эта война, потому что при первомъ ихъ нападеніи Римляне, захваченные въ расплохъ, были разбиты; не смотря на то одна воинственность безъ искусства не могла долго противустоять образованной тактикѣ Римлянъ. Между 225 — 222 годами Галлы были оттѣснены назадъ, самый Миланъ взятъ Марцелломъ и заложены Римскія колоніи Кремона и Пла-

изъ союзниковъ, было болѣе 700,000 пѣшихъ и до 70,000 всадниковъ. Противъ нихъ Аннибалъ пошелъ въ Италію, имѣя менѣе 20,000).

ценція. Такимъ образомъ Римляне счастливо успѣли смирить и значительно ослабить Галловъ прежде, нежели въ Италію прибылъ Аннибалъ. Въ то же время Римляне распространили свое вліяніе за берегами Адріатическаго Моря и пришли въ такое тѣсное соприкосновеніе съ Греками и Македонянами, что они необходимо должны были принять участіе въ борьбѣ ихъ съ Карѳагеномъ. Иллирійцы, населявшіе противоположные Средней и Верхней Италіи берега Адріатическаго Моря, по возвышеніи Македонскаго Царства, которое прежде они часто безпокоили своими набѣгами, были оттѣснены въ горы и на острова. Отсюда они начали производить морскіе разбои: ихъ корабли господствовали на Адріатическомъ Морѣ и опустошали берега Греціи и Италіи. Это наконецъ побудило прибрежныхъ жителей настоятельно требовать отъ Римлянъ прекращенія такихъ безпорядковъ. Тогда надъ Иллирійцами, по смерти супруга своего Агрона, за малолѣтняго сына, царствовала Тевта; къ этой-то бранопосной женѣ Сенатъ отправилъ пословъ съ представленіями о морскихъ разбояхъ ея подданныхъ. Римскіе послы уже тогда позволяли себѣ гордый и повелительный тонъ, какъ будто бы были уже владыками всей земли. Оскорбленная поведеніемъ ихъ Тевта велѣла одного изъ нихъ умертвить, а другихъ захватить въ плѣнъ. За такое нарушеніе народнаго права Римляне отомстили оружіемъ: въ 229 г. они овладѣли островомъ Корцирою, который имъ предалъ начальствовавшій на немъ Димитрій Фаросскій. Онъ находился въ родствѣ съ царствовавшею въ Иллиріи фамиліею и надѣялся чрезъ присоединеніе къ Римлянамъ достигнуть престола; по сему открылъ имъ путь и въ Иллирію, но Тевта смирилась и стала просить мира, который и былъ ей данъ въ 228 г., съ условіемъ уступить южную часть своего царства Римлянамъ и не болѣе какъ на двухъ корабляхъ, и то невооруженныхъ, выѣзжать изъ Адріатическаго Моря. Иллирійцы, принужденные симъ договоромъ лишиться добычи, которую доселѣ пріобрѣтали своими разбоями, столько же были недовольны, сколько и Димитрій, ожидавшій отъ благодарности Римлянъ для себя великихъ выгодъ. И такъ онъ вздумалъ теперь дѣй-

ствовать самъ, подобно прежнимъ Иллирійскимъ царямъ, и вынудилъ Римлянъ послать противъ него флотъ. Прогнанный, онъ бѣжалъ ко двору царя Македонскаго, но это случилось въ тотъ самый годъ, когда Аннибалъ такъ явно выказалъ свою непріязнь къ Риму, и эта война естественно отвлекла Римлянъ отъ преслѣдованія чужихъ интересовъ, потому что теперь предстояло защищать не только Италію, но даже свои собственныя жилища.

Первая Пуническая война поставила Римъ и Карѳагенъ въ такое отношеніе, что они необходимо должны были наблюдать другъ за другомъ съ подозрительностью соперниковъ. Несправедливость Рима, который, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Карѳагенской республики, овладѣлъ Сардиніею, перемѣнила это соревнованіе со стороны сего послѣдняго въ ненависть. Главою партіи, пылавшей самою непримиримою враждою къ Риму, была фамилія Барка: Ганнонъ, его родъ и приверженцы, съ неменьшею ревностію старавшіеся о сохраненіи мира, составляли ея оппозицію. Впрочемъ Амилькаръ Барка дѣйствовалъ предусмотрительно и хотѣлъ вовлечь свое отечество въ новую войну не прежде, какъ доставивъ ему новыя силы и средства: онъ предложилъ правительству планъ вознаградить себя за потерю острововъ Сициліи и Сардиніи покореніемъ Испаніи; выгоды сего предложенія были слишкомъ очевидны и правительство не могло не принять его. Испанія доставляла лѣса для кораблей, солдатъ для арміи и изъ богатыхъ серебряныхъ рудниковъ своихъ деньги, и покореніе такой всѣмъ изобилующей страны, въ случаѣ удачи, обѣщало Карѳагенянамъ больше выгодъ, нежели если бъ

они въ первую Пуническую войну успѣли удержаться въ Сициліи. Но предпріятіе было не легко, и въ Карѳагенѣ доселѣ никто еще не отваживался подумать о немъ, не говорю уже, привести въ исполненіе. Это совершилъ Амилькаръ Барка и послѣдовавшій ему въ начальствѣ надъ арміею Асдрубалъ; дѣйствуя частью силою, частью кротостью, они покорили большую часть Испаніи. На восточномъ берегу полуострова Асдрубалъ основалъ столичный городъ, Новый Карѳагенъ. На томъ же берегу находились также Греческія колоніи, которыя до сихъ поръ извлекали большія выгоды изъ торговли съ туземцами. Могущественнѣйшею изъ нихъ былъ Сагунтъ или Закаѳъ—колонія острова Закинѳа, время основанія которой впрочемъ неизвѣстно. Съ утвержденіемъ Карѳагенянъ въ Испаніи, Греческія колоніи потеряли не только часть выгодъ, которымъ были обязаны своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, но должны были еще страшиться за свою свободу и существованіе. Посему они обратились съ просьбою о защитѣ къ Риму. Римляне съ радостью схватились за этотъ случай, чтобы положить наконецъ преграду давно уже безпокоившимъ ихъ успѣхамъ Карѳагенянъ въ Испаніи. Въ слѣдствіе сего, съ Асдрубаломъ заключенъ былъ договоръ, по которому Сагунтъ принятъ подъ покровительство Рима и рѣка Иберъ назначена предѣломъ Карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи. Переходъ чрезъ эту рѣку съ войскомъ, равно какъ и всякое враждебное дѣйствіе противъ Сагунта должно было считать за нарушеніе мира. Таковы

были отношенія между Римомъ и Карѳагеномъ, когда по смерти Асдрубала, павшаго отъ руки убійцы въ 221 г., начальство надъ Карѳагенскимъ войскомъ получилъ сынъ Амилькара Аннибалъ, который тотчасъ сдѣлалъ все, что могло послужить поводомъ къ замышляемой давно уже войнѣ, противъ Рима.

Альмикаръ Барка высадился на Испанскій берегъ въ 236 г. при Гадесѣ и въ продолженіе девяти лѣтъ велъ войну съ такимъ успѣхомъ, что по смерти его въ 227 г. владычество Карѳагена въ Испаніи было уже поставлено на твердомъ и прочномъ основаніи. О смерти его разсказываютъ различно: по Аппіану онъ палъ въ битвѣ съ Испанцами, по Діодору — утонулъ въ рѣкѣ. Войско, образованное имъ, было такъ предано ему и его фамиліи, что Карѳагенское правительство не могло не утвердить въ начальствѣ надъ арміею зятя его Асдрубала. Новый вождь дѣйствовалъ болѣе переговорами, нежели подобно своему предшественнику, оружіемъ и, если вѣрить Діодору, то своими дружественными и благородными поступками такъ привлекъ къ себѣ Испанскія племена, что они добровольно избрали его своимъ главою *). По словамъ того же писателя, силы Асдрубала простирались до 60,000 пѣхоты, 8000 всадниковъ и 200 слоновъ. Когда Римляне объявили себя защитниками Греческихъ колоній, то онъ, для отклоненія войны, заключилъ съ ними вышеупомянутый договоръ, потому что владычество Карѳагенянъ въ Испаніи было еще слишкомъ ново и мало утверждено, чтобы теперь же начать борьбу съ Римомъ. Въ 221 году Асдрубалъ былъ убитъ однимъ Испанцемъ, изъ личной мести, и его мѣсто занялъ сынъ Амилькара Аннибалъ. И его провозгласило вождемъ войско, а правительство только подтвердило вы-

*) Diodor. Ecl. l. XXV (T. II p. 511 ed. Wesseling) говоритъ объ немъ: *ὑπὸ πάντων τῶν Ἰβήρων ἀνηγορεύθη στρατηγὸς αὐτοκράτωρ.* (т. е. Всѣми Иберійцами былъ провозглашенъ самодержавнымъ полководцемъ).

боръ. Аннибалу было не болѣе 25 лѣтъ, но, возросши среди войнъ и походовъ, онъ наслѣдовалъ отъ отца и геній, и ненависть его къ Риму. Такъ какъ борьбу съ Римомъ онъ считалъ назначеніемъ и задачею своей жизни, то не замедлилъ открыть войну, которая рано или поздно была неизбѣжна. Никакія послѣдующія событія, какъ бы они ни были занимательны въ своемъ явленіи и важны по своимъ слѣдствіямъ, не могутъ уменьшить того великаго интереса, который имѣла въ древности эта война, *вторая Пуническая*, какъ называютъ ее Римляне, или *Аннибалова*, какъ называютъ ее Греки, и къ счастію мы богаты касающимися до нея извѣстіями. Книги *Ливія*, потерянныя съ 11-й, начинаются въ 21-й открытіемъ второй Пунической войны. Описаніе, составленное *Полибіемъ*, хотя дошло до насъ въ отрывкахъ, но и каждый отрывокъ изъ сочиненій этого хорошо знавшаго дѣло историка самъ по себѣ занимателенъ и важенъ. Наконецъ, изъ *Аппіановой* исторіи войнъ, описаніе Аннибаловой сохранилось въ цѣлости: Аппіанъ, Александрійскій Грекъ, писавшій во времена императора Траяна, принадлежитъ если не къ самымъ лучшимъ, то по крайнѣй мѣрѣ къ однимъ изъ лучшихъ писателей. Часто у него нѣтъ критики, часто замѣтенъ недостатокъ силы въ изображеніи, равно какъ и власти надъ предметомъ, но онъ никогда не доходитъ до безвкусія и напыщенности, и если не достигаетъ высоты своего идеала, за то никогда не унижается до пошлости. Имъ лучше всего можно пользоваться для сравненія съ описаніемъ Ливія.

Аннибалъ открылъ *вторую Пуническую войну* (219—201) осадою и завоеваніемъ Сагунта и потомъ быстро направилъ смѣлый маршъ чрезъ Альпы въ Италію. Онъ зналъ отношенія этой страны и былъ увѣренъ, что если вторгнется въ Италію съ Альпъ, то всѣ Галльскія племена примутъ его сторону. Притомъ онъ надѣялся произвесть сильное впечатлѣніе и возбудить довѣренность къ своимъ талантамъ и счастію неожиданностью и смѣ-

лостью предпріятія. Не смотря на великія потери, крѣпость и храбрость войска, перенесшаго съ нимъ всѣ трудности похода, были надежнымъ залогомъ успѣха, такъ, что онъ смѣло могъ вступить въ битву, даже съ превосходными непріятельскими силами, и одна побѣда, думалъ онъ, будетъ для всей Италіи сигналомъ къ возстанію противъ Рима.

Въ 219 году Аннибалъ подступилъ къ Сагунту и осадилъ его. Сагунтинцы защищались довольно долго и Римляне успѣли бы подать имъ помощь; но Сенатъ вмѣсто войска отправилъ къ Аннибалу пословъ, которые отъ него должны были ѣхать въ Карѳагенъ, гдѣ ихъ задерживали переговорами, въ то время, какъ Аннибалъ ревностно продолжалъ осаду. Послѣ осьмимѣсячной осады, онъ овладѣлъ наконецъ городомъ; впрочемъ каждую улицу и каждый домъ должно было брать приступомъ, такъ, что покореніе его было вмѣстѣ и совершеннымъ разрушеніемъ. Взятіе Аннибаломъ Сагунта, по существовавшему договору, было явнымъ нарушеніемъ мира и объявленіемъ войны; не смотря на то, Сенатъ рѣшился еще попытаться кончить дѣло переговорами и отправилъ въ Карѳагенъ четырехъ мужей съ порученіемъ требовать въ удовлетвореніе за нарушеніе мира выдачи Аннибала. При этомъ случаѣ въ Карѳагенскомъ Сенатѣ произошелъ жаркій споръ. Ганнонъ поддерживалъ требованіе Римскихъ пословъ и предостерегалъ отъ войны несправедливо начатой, но партія Барцинской фамиліи, опираясь на мнѣніи народа, ненавидѣвшаго Римлянъ, съ шумными восклицаніями объявила себя на сторонѣ войны, и съ этимъ объявленіемъ посольство воротилось въ Римъ. Римляне всего менѣе ожидали видѣть непріятеля въ самой Италіи и заботились только о безопасности Сициліи, по этому и операціонный планъ перваго похода состоялъ въ томъ, что одинъ изъ консуловъ 218 г. Тиб. Семпроній долженъ былъ итти въ Сицилію, а другой П. Корнелій Сципіонъ напасть на непріятеля въ Испаніи. Но Аннибалъ началъ уже слав-

ный походъ свой; въ продолженіе пятимѣсячнаго марша отъ береговъ Ибера до Пада онъ находился въ безпрестанной борьбѣ то съ непріятелями, то съ погодою, то съ препятствіями, представляемыми мѣстоположеніемъ. Отъ 50,000 пѣхоты и 9,000 всадниковъ онъ привелъ въ Италію пѣхоты только двадцать и всадниковъ шесть тысячъ. Какъ ни старались согласно съ описаніемъ Полибія опредѣлить направленіе Аннибалова похода въ точности, при всемъ томъ все еще остается и навсегда останется нерѣшеннымъ, черезъ которую часть хребта перешелъ онъ—черезъ большой или малый С. Бернардъ или чрезъ Ценисъ *).

Аннибалъ, при вторженіи своемъ въ Италію, явно стремился къ тому, чтобы рѣшительными ударами быстро сокрушить могущество Рима, въ чемъ не мало ему содѣйствовала пылкость высылаемыхъ противъ него вождей, не умѣвшихъ оцѣнить ни его стратегическаго генія, ни духа его войскъ; каждый изъ нихъ считалъ себя довольно сильнымъ, чтобы побѣдить Карѳагенскаго вождя, и ни одинъ не хотѣлъ уступить другому чести избавленія отечества отъ сего опаснаго врага. Такимъ образомъ, спустившись съ Альпъ, Аннибалъ въ томъ же году разбилъ обоихъ консуловъ, Сципіона на Тицинѣ, а Семпронія на Требіи. Въ слѣдующемъ (217) году Аннибалъ вторгнулся въ Этрурію и при озерѣ Тразименѣ разбилъ консула К. Фламинія, который самъ, съ большею частью войска, погибъ въ сраженіи. Хотя Кв. Фабій Максимъ, сдѣланный теперь продиктаторомъ, и показалъ, что искусно веденная оборо-

*) О переходѣ Аннибала черезъ Альпы написано очень много; укажемъ на сочиненіе Докт. Зандера: der Heerzug Hannibals. Hamb. 1823, въ которомъ собраны всѣ результаты новѣйшихъ изслѣдованій.

пительная война и уклоненіе отъ всякой рѣшительной битвы есть единственное средство, если не побѣдить, то по крайней мѣрѣ сдѣлать менѣе страшнымъ искуснаго врага, не смотря на то, пылкій Терентій Варронъ, консулъ 216 года, вступилъ при Каннахъ съ нимъ въ битву, и Римляне еще разъ потерпѣли ужасное пораженіе. Почти вся Южная Италія, считая Римъ совершенно погибшимъ, пристала къ побѣдителю. Впрочемъ этотъ ударъ, хоть и потрясъ, но не сокрушилъ силы Римлянъ. Держась отселѣ системы Фабія, они отважились вступать въ сраженіе въ такомъ только случаѣ, когда могли быть увѣрены въ побѣдѣ, и такимъ образомъ мало по малу ослабили и сдѣлали безвреднымъ своего великаго противника. И такъ битва при Каннахъ вмѣсто того, чтобы быть смертельнымъ ударомъ, какъ это сначала казалось, была обратнымъ пунктомъ къ лучшему, и государство, поставленное опрометчивостью прежнихъ полководцевъ на край погибели, принявъ теперь за правило осторожность и медлительность, избавилось отъ угрожавшей ему участи *).

Консулъ П. Корнелій Сципіонъ только что приготовился отплыть въ Испанію, какъ получилъ извѣстіе о переходѣ Аннибала чрезъ Пиренеи и о появленіи его въ Галліи; посему онъ высадился при устьѣ Родана, въ намѣреніи заложить дорогу Карѳагенянъ въ нынѣшнемъ Провансѣ, но Аннибалъ перешелъ уже

*) Фабій получилъ за свою систему войны съ Аннибаломъ прозваніе Cunctator, и поэтъ Энній въ стихѣ, который приводитъ Цицеронъ (de officiis lib. I c. 24), говоритъ о немъ: Unus homo nobis cunctando restituit rem. Сравн. Virgil. Aen. VI. v. 846.

черезъ Роданъ, и консулъ счелъ за лучшее ждать непріятеля въ самой Италіи, и напасть на него, когда онъ, утомленный трудностями долговременнаго похода, станетъ спускаться съ Альпъ; но и здѣсь Аннибалъ опередилъ консула, который имѣлъ при себѣ одну конницу, когда при Тицинѣ напалъ на непріятеля. Конница Аннибалова состояла изъ Нумидійцевъ и ею начальствовалъ опытный по этой части генералъ, Магарбалъ; притомъ во время похода, онъ особенно берегъ всадниковъ: это видно изъ того, что изъ 9000 онъ привелъ въ Италію 6,000, между тѣмъ, какъ пѣхоты потерялъ больше половины. И такъ, первое сраженіе выигралъ Аннибалъ, и консулъ, тяжело раненный, съ трудомъ былъ спасенъ сыномъ своимъ П. Корнеліемъ Сципіономъ. Сколь незначительна была сама по себѣ эта стычка конницы, столь велико и обильно слѣдствіями произведенное ею впечатлѣніе. Галлы тотчасъ отпали отъ Римлянъ и подкрѣпили войско Аннибала, и Кластидіумъ, первое укрѣпленное мѣсто въ Италіи, отворилъ ворота побѣдителю. Второй консулъ Тиб. Семпроній, находившійся въ Сициліи, поспѣшилъ сюда на помощь и присоединилъ къ своему войску Сципіоновы легіоны, но, вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣту своего товарища и уклониться отъ сраженія, онъ нарочно искалъ его. Въ Декабрѣ 218 года Семпроній рѣшился воспользоваться краткимъ временемъ своего начальства къ пораженію непріятеля, и Аннибалъ, который ничего такъ не искалъ, какъ битвы, потому что каждая побѣда внушала большую къ нему довѣренность, доставилъ ему желаемый случай при Требіи. На сторонѣ Римлянъ были всѣ невыгоды; напротивъ Карѳагеняне имѣли многія выгоды и хитрый Карѳагенянинъ одержалъ верхъ надъ запальчивымъ консуломъ. Семпроній спасся бѣгствомъ въ Плаценцію только съ 10,000 человѣкъ. Впрочемъ въ Римѣ еще совсѣмъ не понимали ни всей величины опасности, ни духа своего противника. Надлежало выдержать рядъ жесточайшихъ ударовъ, прежде нежели Сенатъ принялъ чрезвычайныя мѣры. Консулы слѣдующаго (217) года Кн. Сервилій и К. Фламиній выступили въ походъ отдѣльно и самый пылкій изъ нихъ, къ несчастію Ри-

ма, первый встрѣтилъ Аннибала. Сей послѣдній чрезъ непроходимыя болота проникъ въ Этрурію; во время этого труднаго перехода онъ подвергся глазной болѣзни, отъ которой лишился одного глаза. Примѣръ Семпронія, казалось, долженъ бы былъ удержать Фламинія отъ битвы, въ которую онъ намѣревался вступить при озерѣ Тразименѣ, до соединенія съ товарищемъ, но онъ презрѣлъ неблагопріятныя авспиціи, и Римляне утѣшались въ несчастіи тѣмъ, что онъ заслужилъ это наказаніе неуваженіемъ къ религіи. Онъ былъ разбитъ на голову и самъ погибъ въ сраженіи. Тогда только Римляне почувствовали свою опасность. Преторъ Помпоній собралъ народъ и, не скрывая ничего и не уменьшая потери, представилъ ему настоящее положеніе дѣлъ. Сенатъ надѣялся на твердость народа и не обманулся. Никто не совѣтовалъ предлагать мира, но всѣ твердо держались того правила, которое со времени вторженія Пирра въ Италію сдѣлалось основнымъ закономъ республики, не прежде вступать съ непріятелемъ въ переговоры, какъ пока онъ не оставитъ предѣловъ Италіи. Положили, какъ это дѣлали прежде, во время великой опасности, вручить неограниченную власть одному и для того избрать диктатора. Но по формѣ Римскихъ постановленій, диктатора долженъ былъ предложить одинъ изъ консуловъ. Но такъ, какъ одинъ изъ нихъ палъ въ сраженіи, а другой находился въ отсутствіи, то военноначальника съ неограниченною властью назначилъ народъ, и, чтобы не нарушить формы, онъ получилъ титулъ не диктатора, но продиктатора. Выборъ палъ на Кв. Фабія Максима, и начальникомъ всадниковъ онъ назначилъ Минуція Руфа. Фабій понялъ какимъ образомъ должно дѣйствовать противъ Карѳагенскаго полководца. Послѣ сраженія при Тразименѣ Аннибалъ направилъ путь чрезъ Умбрію и Пиценъ въ Апулію. Освобождая постоянно взятыхъ въ плѣнъ Италіянцевъ, онъ надѣялся чрезъ нихъ пріобрѣсть себѣ друзей и приверженцевъ, но страхъ, внушаемый Римомъ, былъ такъ еще великъ, что только немногіе города пристали къ нему. Посему Фабій принялъ систему уклоняться отъ сраженій и выбирать такія позиціи, въ которыхъ трудно было напасть на него, между тѣмъ, самъ

вездѣ старался перехватывать у непріятеля продовольствіе и при всякомъ удобномъ случаѣ наносить ему вредъ. Послѣдствія доказали, какъ вѣрны были принятыя имъ мѣры, но онѣ не соотвѣтствовали воинственному духу Римлянъ. Пылкій и нетерпѣливо желавшій боя предводитель всадниковъ пріобрѣлъ на воиновъ такое вліяніе, что Фабій долженъ былъ согласиться дать ему равное участіе въ начальствѣ, или лучше раздѣлить съ нимъ войско. Но Аннибалъ скоро поставилъ Минуція въ такое положеніе, что онъ погибъ бы непремѣнно, если бъ его не спасъ Фабій. Подобное доказательство превосходства Фабіевой системы, казалось, должно бы было побудить консуловъ слѣдующаго года (216) послѣдовать его примѣру; но одинъ изъ нихъ Л. Терентій Варронъ думалъ иначе. Римляне выставили 80,000 пѣхоты и 6,000 всадниковъ, и конечно, имѣя подъ начальствомъ такую армію противъ непріятеля въ половину слабѣйшаго, трудно было удержаться отъ сраженія. Но Варронъ не вѣрилъ, что перевѣсъ Карѳагенскаго оружія заключается въ геніи Аннибала и, не смотря на всѣ предостереженія товарища своего Л. Эмилія Павла, который хорошо понималъ это, настоялъ на своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ произошла самая несчастная для Римлянъ битва при Каннахъ; въ ней погибъ консулъ Павелъ, также консулы прошедшаго года, знатные мужи и сенаторы, равнымъ образомъ большая часть всадниковъ и по самому меньшему показанію до 50,000 рядовыхъ. Римляне приняли извѣстіе объ этомъ пораженіи съ великою твердостію и достоинствомъ, и тѣмъ показали, что сила ихъ еще не сокрушена. Варронъ, виновникъ всего несчастія, получилъ отъ Сената торжественный пріемъ и благодарность за то, что сохранилъ себя для государства и не отчаялся въ его спасеніи. Хотя теперь съ каждою минутою ожидали увидѣть у воротъ непріятеля, однако никто не помышлялъ о мирѣ; но всѣ готовились защищать городъ — избрали М. Юнія въ диктаторы и приняли рабовъ въ легіоны. Впрочемъ, противъ всеобщаго ожиданія, Аннибалъ не пошелъ къ Риму. Многіе изъ приближенныхъ къ нему порицали его за это и говорили, что онъ лучше умѣетъ одерживать побѣды, нежели поль-

зоваться ими, но Аннибалъ остался при своемъ мнѣніи и безъ сомнѣнія имѣлъ на то основательныя причины. Отъ мужества и отчаянія Римлянъ онъ ожидалъ такого сопротивленія, что боялся при нападеніи на Римъ потерпѣть неудачу. Онъ хотѣлъ сперва довѣренностью къ себѣ и своимъ талантамъ отвлечь отъ Рима всю Италію и, такъ сказать, совершенно уединить его; но какъ сильно поколебалась бы эта довѣренность и ослабѣло впечатлѣніе, произведенное Каннскою побѣдою, если бъ онъ тотчасъ пошелъ къ Риму и принужденъ былъ отступить? И такъ, онъ обратился въ Капуу, которая, равно какъ и вся Кампанія, перешла на его сторону. Капуа первая подала примѣръ, какъ къ отпаденію, такъ и въ жестокости противъ Римлянъ. Всѣ Римскіе граждане, находившіеся въ этомъ городѣ, были задушены въ баняхъ. Большая часть Нижней Италіи *) пристала къ побѣдителю и власть Рима удержалась только въ Римскихъ колоніяхъ и въ занятыхъ Римскими гарнизонами городахъ. Не смотря на то, что силы Аннибала получили чрезъ это значительное приращеніе, страшный кризисъ, послѣ битвы при Каннахъ, прошелъ для Рима благополучно, и счастіе обратилось теперь къ нему. Нѣкоторые стараются объяснить сей странный переворотъ пребываніемъ Аннибала въ Капуѣ, гдѣ его воины, отъ изнѣженной жизни, потеряли прежнюю силу, и Capuam Hannibali Cannas fuisse обратились даже въ поговорку. Но если и допустить, что пребываніе въ стѣнахъ роскошной столицы Кампаніи имѣло вредное дѣйствіе на нравы Карѳагенскихъ солдатъ **), то изъ этого не объясняется еще перемѣна,

*) Liv. l. XXII c. 61: Defecere autem ad Poenos hi populi: Atellani, Calatini, Hirpini, Apulorum pars, Samnites praeter Pentros, Brutii omnes, Lucani; praeter hos Surrentini et Graecorum omnis ferme ora, Tarentini, Metapontini, Crotonienses, Locrique et Cisalpini omnes Galli.

**) Ливій (lib. XXIII c. 18) о дѣйствіи роскошной жизни въ Капуѣ на Аннибаловы войска говоритъ: Itaque, velut si cum alio exercitu a Capua exiret, nihil usquam pristinae disciplinae tenuit: nam et redierunt plerique scortis impliciti, et ubi primum sub pellibus haberi coepti sunt, viaque et alius militaris labor excepit, tironum modo corporibus animisque deficiebant.

происшедшая въ ходѣ войны, веденной въ Италіи, потому что Аннибалъ по прежнему былъ страшенъ Римлянамъ и могъ еще держаться здѣсь въ продолженіе 15 лѣтъ *). Справедливѣе отыскивать причину переворота въ томъ, что Римляне, наученные горькими опытами, оставивъ повергшую ихъ въ несчастіе систему войны, начали дѣйствовать согласно съ планомъ Фабія и вступали въ сраженіе только въ случаѣ вѣрнаго успѣха. Это препятствовало Аннибалу удовлетворять надеждамъ своихъ новыхъ союзниковъ, которые ожидали отъ него по прежнему побѣды за побѣдою, и когда это не сбывалось и онъ долженъ былъ сдѣлаться имъ еще въ тягость, то ревность ихъ охладѣла. Но больше всего вредила его предпріятію и приносила пользу Римлянамъ партія Ганнона, старавшаяся лишить Барцинскую фамилію и ея интересы народной довѣренности, чего наконецъ и достигла въ то самое время, когда война начала принимать неблагопріятный оборотъ для Кареагена. Правительство не посылало къ Аннибалу никакой помощи, и его войско подъ конецъ состояло изъ смѣшенія различныхъ народовъ, изъ которыхъ ни одинъ не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ Кареагена. Но величіе Аннибала видно изъ того, что онъ умѣлъ и такое войско привязать къ своей особѣ и вмѣстѣ держать въ страхѣ Римъ. Битва при Каннахъ, вмѣсто того, чтобы низвергнуть Римъ въ погибель, возвысила только энергію народа. Римское войско вскорѣ снова явилось въ полѣ, и, между тѣмъ, какъ Фабій, дѣйствуя съ большею осторожностью, утомлялъ Кареагенскаго полководца искусными маневрами, М. Клав-

*) Liv. lib. XXVIII, cap. 12: Ac nescio, an mirabilior fuerit Hannibal adversis quam secundis rebus, quippe qui cum et in hostium terra per annos tredecim, tam procul ab domo, varia fortuna bellum gereret, exercitu non suo civili, sed mixto ex conluvione omnium gentium, quibus non lex, non mos, non lingua communis, alius habitus, alia vestis, alia arma, alii ritus, alia sacra, alii prope Dii essent, ita quodam uno vinculo copulaverit eos, ut nulla nec inter ipsos, nec adversus ducem seditio exstiterit, cum et pecunia saepe in stipendium et commeatus in hostium agro deessent, quorum inopia priore Punico bello multa infanda inter duces militesque commissa fuerant.

дій Марцеллъ, поразивъ его въ 215 году при Нолѣ, разрушилъ мнѣніе о его непобѣдимости. И такъ здѣсь переворотъ Аннибаловой войны въ Италіи, теперь мы можемъ смотрѣть на нее, какъ на рѣшенную и обратиться къ другимъ частямъ военныхъ дѣйствій. Прежде всего бросимъ взглядъ на Сицилію.

Въ то время, какъ Аннибалъ вторгнулся въ Италію, Карѳагеняне пытались снова утвердиться въ Сициліи, но, встрѣтивъ неудачу, не дѣлали дальнѣйшихъ покушеній; эта попытка повторена была только тогда, когда Аннибалъ, находясь въ Италіи, старался отвлечь островъ отъ союза съ Римлянами. Царь Сиракузскій, Гіеронъ, съ равнымъ постоянствомъ и искренностью оставался вѣрнымъ союзникомъ Рима, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, и великія побѣды Аннибала столь же мало могли склонить его къ расторженію союза съ Римлянами, сколь мало онѣ могли смирить Римлянъ. Со смертью его въ 215 году положеніе дѣлъ въ Сициліи измѣнилось. Ему наслѣдовалъ 15-тилѣтній внукъ его, Гіеронимъ, и такимъ образомъ, именно въ то время, когда особенно нужна была сильная рука и зрѣлый умъ, господство надъ Сиракузами перешло въ руки безразсуднаго отрока. Гіеронимъ вступилъ съ Аннибаломъ въ сношенія, и хотя былъ въ слѣдующемъ году убитъ, но въ Сиракузахъ, которыя снова объявили себя республикою, при помощи черни захватили правленіе Аннибаловы послы, Эпикидъ и Иппократъ, которые постоянно дѣйствовали, какъ враги Рима. Посему М. Клавдій Марцеллъ началъ осаду Сиракузъ; онѣ защищались съ помощью Архимедовыхъ машинъ въ про-

долженіе двухъ лѣтъ и были взяты наконецъ посредствомъ нечаяннаго нападенія во время ночи. *Сиракузы потеряли свою независимость и весь островъ Сицилія сдѣлался теперь Римскою провинціею.*

Царь Гіеронъ умеръ въ 215 году на 90-мъ году отъ рожденія, послѣ 54-хълѣтняго царствованія. Полибій называетъ его отличнѣйшимъ государемъ своего времени, который въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не ошибался въ выборѣ политики и постоянно умѣлъ держать себя и государство на истинной стезѣ. Единственный сынъ его Гелонъ умеръ за годъ передъ нимъ, и наслѣдникомъ престола остался 15-тилѣтній сынъ Гелона, Гіеронимъ. Гіеронъ передъ смертью самъ еще составилъ Совѣтъ изъ 15 членовъ, которымъ вручилъ правленіе до совершеннолѣтія своего внука, и послѣднимъ его увѣщаніемъ было — не нарушать въ продолженіе 50 лѣтъ сохраненной имъ вѣрности къ Риму. Тотчасъ по смерти сего отличнаго государя, Сиракузы, во все время долгаго и благодѣтельнаго правленія его наслаждавшіяся величайшимъ спокойствіемъ, снова сдѣлались жертвою безпорядковъ и бурныхъ распрей партій. Андраподоръ, одинъ изъ 15 опекуновъ, не желая дѣлиться властью съ другими, для утвержденія своего вліянія провозгласилъ Гіеронима совершеннолѣтнимъ и способнымъ къ правленію. Удаливъ отъ Двора всѣхъ имѣвшихъ равный съ нимъ доступъ и уваженіе, посредствомъ интригъ, или освободившись отъ нихъ посредствомъ убійства, онъ въ самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ полное вліяніе на юнаго царя. По его совѣту Гіеронимъ вступилъ въ сношенія съ Аннибаломъ, и Карѳагенскій вождь отправилъ къ нему послами двухъ Сиракузянъ, уроженцевъ Карѳагенскихъ, Эпикида и Иппократа *). Аппій Клав-

*) Polyb. rel. lib. VII, cap. 2: *Αννίβας ἀπέπεμπε τοὺς Συρακουσίους Ἱπποκράτη καὶ τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ τὸν νεώτερον Ἐπικύδη. Συνέβαινε δὲ τούτους τοὺς ἄνδρας καὶ πλείω χρόνον ἤδη στρατεύεσθαι μετ' Ἀννίβου, πολιτευομένους παρὰ Καρχηδονίοις, διὰ τὸ φεύγειν*

дій, Римскій преторъ въ Сициліи, нѣсколько времени спокойно смотрѣвшій на эти движенія, теперь также послалъ къ Гієрониму посольство, чтобы возобновить съ нимъ союзъ. Насмѣшка царя надъ пораженіемъ при Каннахъ оскорбила и раздражила пословъ. Они выѣхали изъ Сиракузъ, сдѣлавъ строгое предостереженіе, чтобъ онъ берегся разорвать союзъ, заключенный его дѣдомъ съ республикою и существующій столько времени ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ. Но Гієронимъ не обратилъ вниманія на ихъ слова, напротивъ того тайно заключилъ съ Карѳагеномъ договоръ, котораго главною статьею было изгнать Римлянъ изъ Сициліи и потомъ раздѣлить островъ между собою, назначивъ границею рѣку Гимеру. Когда же непостоянный принцъ, вскорѣ послѣ того, потребовалъ себѣ уступки всего острова, то Карѳагеняне согласились и на это, потому что въ послѣдствіи отъ нихъ зависѣло удержать за собою столько земли, сколько имъ заблагоразсудится. Какъ скоро Римляне получили извѣстіе объ ихъ переговорахъ, то тотчасъ потребовали окончательнаго рѣшенія, и царь, посовѣтовавшись съ своими приближенными, далъ слѣдующій отвѣтъ: онъ охотно останется въ союзѣ съ Римлянами, если они возвратятъ всѣ полученные ими отъ дѣда его дары деньгами и съѣстными припасами и уступятъ ему во владѣніе землю до рѣки Гимеры. Такія требованія рѣшили разрывъ Римлянъ съ Сиракузами. Гієронимъ своимъ легкомысліемъ возбудилъ уже противъ себя ненависть подданныхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ разительнѣе былъ контрастъ между поступками его и дѣлами его дѣда*),

αὐτῶν τὸν πάππον ἐκ Συρακουσῶν, δόξαντα προσενηνοχέναι τὰς χεῖρας ἑνὶ τῶν Ἀγαθοκλέους υἱῶν, Ἀγαθάρχῳ. (т. е. Аннибалъ отослалъ Сиракузянъ Иппократа и младшаго брата его Эпикида. Эти мужи уже долгое время сопровождали Аннибала въ его походахъ, пользуясь у Карѳагенянъ правомъ гражданства, потому что дѣдъ ихъ, подозрѣваемый въ убіеніи Агаѳарха, одного изъ сыновей Агаѳокла, бѣжалъ изъ Сиракузъ).

*) Полибій, въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ седьмой книги своей исторіи, дѣлаетъ очень хорошія замѣчанія о характерѣ Гієронима и тогдашнемъ положеніи Сиракузъ, и изъ нихъ можно видѣть, какъ много мы потеряли, лишившись его основательна-

и въ 214 году, когда, предводительствуя 15,000 войскомъ, выступилъ для занятія Римскихъ владѣній, былъ убитъ недовольными, составившими противъ него заговоръ. Двое заговорщиковъ, тотчасъ по совершеніи убійства, бросились въ Сиракузы и вооружили гражданъ, прочіе склонили на свою сторону наемниковъ. Только Ортигія находилась въ рукахъ Андраподора, но и онъ сдалъ ее безъ сопротивленія, вручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ключи отъ царской сокровищницы, и симъ видимымъ безкорыстіемъ пріобрѣлъ себѣ значительное мѣсто въ республикѣ, ибо въ Сиракузахъ былъ возстановленъ прежній образъ правленія, введенный Діокломъ. Прежде нежели эта новая республика рѣшила, держаться ли ей заключеннаго Гіеронимомъ союза съ Карѳагенянами, или опять перейти на сторону Римлянъ, въ Сиракузы прибыли Аннибаловы послы, Эпикидъ и Иппократъ. Они просили только о препровожденіи ихъ въ Локры, въ чемъ имъ, какъ государственнымъ посламъ, и не могло быть отказано; но вмѣсто того, чтобы тотчасъ исполнить ихъ просьбу и какъ можно скорѣе выпроводить этихъ опасныхъ людей изъ города, правительство не обратило на нихъ должнаго вниманія. Этимъ воспользовались послы и пріобрѣли себѣ многочисленныхъ приверженцевъ между низшимъ классомъ народа: между рыбаками и матросами, большею частью бѣглецами съ Римскаго флота. Они обвиняли новое правительство въ намѣреніи предать городъ Римлянамъ и представляли бѣглецамъ, какой участи они должны будутъ подвергнуться тогда отъ строгости Римской дисциплины. Происшедшими въ слѣдствіе сего волненіями хотѣлъ воспользоваться Андраподоръ для пріобрѣтенія власти, но онъ открылъ свой планъ актеру Аристону, котораго считалъ за друга, а тотъ донесъ объ этомъ правительству. Андраподоръ былъ казненъ и вся Гіеронова фамилія погибла отъ ярости раздраженнаго народа. Для замѣщенія по случаю этого убійства упразднившихся мѣстъ было открыто народное собраніе, но оно про-

го изображенія паденія самостоятельности столь древняго и славнаго государства, каковы были Сиракузы.

исходило съ такимъ смятеніемъ, и матросы, и бѣглецы подняли такой страшный крикъ, что согласно съ ихъ желаніемъ выборъ палъ на Эпикида и Иппократа, и такимъ образомъ въ высшемъ государственномъ Совѣтѣ Сиракузской республики заняли мѣсто Карѳагенскіе послы. При извѣстіи объ этихъ безпорядкахъ Римскій Сенатъ отправилъ въ Сицилію М. Клавдія Марцелла, который и заключилъ съ Сиракузами миръ. Римляне признали ихъ республикою, при тѣхъ же владѣніяхъ, какія имѣлъ Гіеронъ. Епикидъ, посланный комендантомъ въ Леонтины, нарушилъ миръ и Марцеллъ потребовалъ отъ Сиракузъ выдачи его вмѣстѣ съ братомъ его Иппократомъ. Сей послѣдній тотчасъ бѣжалъ къ Эпикиду въ Леонтины, гдѣ они оба укрѣпились и отказали правительству въ повиновеніи. Противъ нихъ изъ Сиракузъ отправили войско, которое должно было вмѣстѣ съ Римскимъ покорить отложившійся городъ. Сиракузское войско находилось еще на пути, когда пришло извѣстіе, что Марцеллъ овладѣлъ уже Леонтинами и умертвилъ тамъ всѣхъ мужей. Войско пришло въ величайшее изумленіе, и когда, вскорѣ послѣ того, прибыли и Иппократъ и Эпикидъ, и не только увеличили эту самое по себѣ ложную молву, но и стали съ самымъ жалобнымъ видомъ умолять о защитѣ, оно подняло открытый бунтъ. Настоящіе начальники, страшась за свою жизнь, бѣжали, и Иппократъ съ Эпикидомъ сдѣлались предводителями того самаго войска, которое противъ нихъ же послано было правительствомъ. Они двинулись къ Сиракузамъ, ворота были предъ ними отворены, и вступленіе ихъ въ городъ было ознаменовано умерщвленіемъ или изгнаніемъ всѣхъ принадлежавшихъ къ противной партіи. Въ слѣдующій день рабы были объявлены свободными, темницы отворены и оба брата провозглашены главами. Сей переворотъ рѣшилъ судьбу Сиракузъ. Такъ, какъ правленіе перешло теперь въ руки отъявленныхъ враговъ Рима, Марцеллъ тотчасъ выступилъ противъ нихъ въ походъ и осадилъ съ моря и суши. Эта осада есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ во всей исторіи войнъ. Мы видѣли уже при осадѣ Родоса Димитріемъ Поліоркетомъ, какимъ образомъ тогда приспособляли матема-

тическія свѣдѣнія къ усовершенствованію военныхъ машинъ и осадныхъ орудій. Съ того времени всѣ эти знанія подвинулись, ибо въ Греко-Азіятскихъ государствахъ познали важность реальныхъ наукъ относительно торговли, судоходства и промышленности, и по сему занимались ими съ великою ревностію. Главнымъ мѣстомъ этихъ занятій была Александрія и посему можно даже весь такъ называемый Александрійскій періодъ назвать періодомъ развитія полезныхъ въ практической жизни наукъ и искусствъ. Сиракузы, какъ морское и торговое государство, не могли также не принимать участія въ новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и Гіеронъ съ этою цѣлію отправилъ въ Александрію одного изъ родственниковъ своихъ, по имени Архимеда. Сей послѣдній не только усвоилъ себѣ всѣ современныя свѣдѣнія, но и пополнилъ ихъ новыми изслѣдованіями и открытіями. Онъ приспособилъ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія къ дѣлу на защиту Сиракузъ. Что въ разсказахъ историковъ объ этой славной оборонѣ встрѣчаются преувеличенія, о томъ нечего и говорить: въ самыхъ описаніяхъ Плутарха и Ливія видно больше краснорѣчія, нежели знанія дѣла, такъ, что трудно составить себѣ опредѣленное понятіе о машинахъ Архимеда. Плутархъ повѣствуетъ, что Архимедъ, по приказанію Гіерона, приготовилъ множество машинъ оборонительныхъ и наступательныхъ, но что онѣ оставались безъ употребленія, пока наконецъ, подъ руководствомъ самого изобрѣтателя, не были направлены противъ Римлянъ. Архимедъ бросалъ тяжелѣйшіе камни такъ метко, что каждый разъ достигалъ своей цѣли, и стрѣлялъ изъ своихъ машинъ такимъ огромнымъ количествомъ снаряду, что еще вдали разстроивалъ нападенія Римлянъ; ставили-ль они подъ выстрѣлы свои корабли, то подвергались еще вѣрнѣйшей гибели: тогда со стѣнъ опускались на нихъ бревна съ крючьями, на подобіе желѣзной руки, которыя поднимали ихъ на воздухъ и потомъ, или бросали обратно, къ верху дномъ, въ море, или разбивали о скалистые берега. Зонара разсказываетъ даже, что Архимедъ, посредствомъ зажигательнаго зеркала, произвелъ пожаръ въ Римскомъ флотѣ. Что это не

невозможно, доказывается опытами, но возможность не есть еще доказательство дѣйствительности. Ливій и Плутархъ въ жизнеописаніи Марцелла не говорятъ о томъ ни слова, а вѣрно они не прешли бы молчаніемъ такого удивительнаго факта, если бъ нашли что нибудь о немъ въ находившихся у нихъ источникахъ. Но если это и должно считать преувеличеніемъ позднѣйшихъ писателей, то по крайней-мѣрѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Архимедъ своими оборонительными орудіями уничтожилъ всѣ нападенія Римлянъ, со стороны моря, да и на сухомъ пути они не были счастливѣе—и здѣсь машины Архимеда наводили на нихъ такой страхъ, что они, по выраженію Плутарха, трепетали при видѣ каждаго куска дерева, выдавшагося изъ-за стѣны, считая это за новую машину великаго математика *). Посему Марцеллъ принужденъ былъ перемѣнить осаду въ облежаніе и ограничить свои дѣйствія пересѣченіемъ къ городу подвоза съ моря и суши, а между тѣмъ покорилъ прочіе отпавшіе отъ Рима Сицилійскіе города. Облежаніе Сиракузъ длилось цѣлые два года (214-212), пока наконецъ Римляне, пользуясь безпечностью стражи, предавшейся пьянству по случаю праздника Артемиды, не сдѣлали приступа во время ночи и не проникли въ городъ. Но они успѣли захватить только три части: Эпиполе, Неаполь и Тихе; между тѣмъ, въ Ахрадинѣ и Ортигіи держался еще Эпикидъ. Говорятъ, что когда Марцеллъ прошелъ чрезъ Гексапилонъ и съ высоты Епиполе увидѣлъ передъ собою

*) Polybius (rel. lib. VIII, cap. 9) прекрасно выражаетъ это такъ: *Οὕτως εἷς ἀνὴρ καὶ μία ψυχὴ δεόντως ἡρμοσμένη πρὸς ἔνια τῶν πραγμάτων, μέγα τι χρῆμα φαίνεται γίγνεσθαι καὶ θαυμάσιον. Ἐκεῖνοι γοῦν, τηλικαύτας δυνάμεις ἔχοντες καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, εἰ μὲν ἀφέλοι τις πρεσβύτην ἕνα Συρακουσίων, παραχρῆμα τῆς πόλεως κυριεύσειν ἤλπιζον· τούτου δὲ συμπαρόντος, οὐκ ἐθάῤῥουν οὐδ ἐπιβαλέσθαι κατά γε τοῦτον τὸν τρόπον, καθ' ὅν ἀμύνασθαι δυνατὸς ἦν Ἀρχιμήδης.* (т. е. Такъ одинъ мужъ и одинъ духъ, достаточно приготовленный къ какимъ либо занятіямъ, представляетъ великое и удивительное явленіе. Римляне, обладая такими силами на сушѣ и на морѣ, надѣялись тотчасъ овладѣть городомъ, если бы не было одного Сиракузскаго старца; при немъ же они не смѣли и нападать, по крайней мѣрѣ такъ, какъ могъ отражать ихъ Архимедъ).

необъятный городъ, величайшій изъ всѣхъ городовъ Греческаго міра, то заплакалъ частью отъ радости, что совершилъ такое великое дѣло, частью вспомнивъ о прежней славѣ этого города. Эпикидъ бѣжалъ изъ занятыхъ имъ частей Сиракузъ, и въ то время, какъ граждане вступили съ Марцелломъ въ переговоры, переметчики и наемники, соединившись, захватили правленіе, и Марцеллъ долженъ былъ взять Ахрадину приступомъ. Эта часть города испытала всѣ ужасы грабежа и опустошенія, и между многими жертвами ярости и хищничества солдатъ погибъ и Архимедъ, хотя Марцеллъ строго повелѣлъ щадить его жизнь *). Добыча, взятая въ Сиракузахъ, была такъ велика, что Ливій не знаетъ, можно ли было найти больше въ самомъ Кареагенѣ. Болѣе всего Марцеллъ вывезъ отсюда статуй и картинъ, чтобъ придать ими большій блескъ своему тріумфу и украсить храмы Чести и Добродѣтели, которые далъ обѣтъ воздвигнуть **). Взятіе Сиракузъ имѣло слѣдствіемъ возвращеніе къ покорности большей части отпавшихъ городовъ. Немногія мѣста, еще находившіяся во власти Кареагенянъ, не получая подкрѣпленій, сдались Римлянамъ, и въ 210 году преторъ Левинъ довершилъ завоеваніе всего острова, и Сицилія была теперь обращена совершенно въ Римскую провинцію.

*) Различные разсказы о смерти Архимеда приводитъ Плутархъ (vit. Marcell. cap. 19).

**) За ввозъ въ Римъ этихъ произведеній изящныхъ искусствъ Марцеллъ подвергся обвиненію, *ὅτι τὸν δῆμον, εἰθίσμενον πολεμεῖν ἢ γεωργεῖν, τρυφῆς δὲ καὶ ῥαθυμίας ἄπειρον ὄντα, σχολῆς ἐνέπλησε καὶ λαλίας περὶ τέχνης καὶ τεχνίτων.* (т. е. что въ народѣ, привыкшемъ воевать или заниматься земледѣліемъ, незнающемъ роскоши и легкомыслія, онъ распространилъ праздность и толки объ искусствахъ и художникахъ). И Ливій (lib. XXV, cap. 40) о томъ же говоритъ: ornamenta urbis, signa tabulasque, quibus abundabant Syracusae, Romam devexit. Hostium quidem illa spolia et parta belli jure: ceterum inde primum initium mirandi Graecarum artium opera, licentiaeque hinc sacra profanaque omnia volgo spoliandi factum est; quae postremo in Romanos deos, templum id ipsum primum, quod a Marcello eximie ornatum est, vertit.

Также успѣшно дѣйствовало Римское оружіе и въ Испаніи. Римляне не прекращали тамъ военныхъ дѣйствій, даже находясь въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, и слѣдовали при этомъ весьма мудрой политикѣ, потому что собственно въ Испаніи заключалась сила Барцинской фамиліи, и слѣдовательно, уничтоженіе въ этой странѣ ея вліянія было вмѣстѣ ослабленіемъ Аннибала. Оба Сципіона, Кней и Публій, до 212 года вели войну съ братьями Аннибала, Асдрубаломъ и Магономъ, съ перемѣнпымъ счастіемъ, и естественно каждая партія дѣйствовала болѣе силами Испаніи, нежели своими собственными. По сему много зависѣло отъ того — былъ ли главнокомандующій вмѣстѣ хорошимъ дипломатомъ и умѣлъ ли привлечь къ себѣ Испанцевъ. Эти качества вмѣстѣ съ блестящимъ талантомъ полководца и благороднымъ характеромъ соединялъ въ своей особѣ юный П. Корнелій Сципіонъ, получившій по смерти отца своего и дяди, въ 212 году, начальство надъ войскомъ въ Испаніи. До 206 года онъ успѣлъ совершенно уничтожить вліяніе Карѳагенянъ въ этой странѣ — дѣло, стоившее Амилькару Баркѣ столькихъ трудовъ, и лишить ихъ всѣхъ средствъ, которыми они доселѣ здѣсь пользовались.

Прибывъ въ Испанію, Сципіонъ нашелъ дѣла Римлянъ въ весьма неблагопріятномъ положеніи; посему онъ тотчасъ начертилъ себѣ планъ великаго предпріятія, которое долженствовало самымъ блистательнымъ образомъ возвысить славу Римскаго оружія, возбудить довѣренность къ его талантамъ и ослабить Карѳагенянъ. Это предпріятіе было завоеваніе Нова-

го Карѳагена, гдѣ находился главный пунктъ Карѳагенскихъ силъ въ Испаніи, и, дѣйствуя съ быстротою, онъ счастливо достигъ своей цѣли. Въ 209 г., прежде нежели какое либо Карѳагенское войско могло предупредить его, онъ явился предъ стѣнами города, между тѣмъ, какъ другъ его Лелій заперъ гавань флотомъ, и, напавъ съ незащищенной стороны, которая считалась неприступною, овладѣлъ имъ; вмѣстѣ съ нимъ онъ захватилъ въ свои руки содержавшихся здѣсь Испанскихъ заложниковъ и воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ къ пріобрѣтенію расположенія ихъ единоплеменниковъ. Щедро одаривъ, онъ распустилъ ихъ по домамъ, и они славили повсюду между своими земляками юнаго Римскаго героя. Посему не удивительно, что большая часть Испанскихъ народовъ отпала отъ Карѳагенянъ и перешла на сторону Римлянъ. Карѳагенскіе полководцы, не смотря на подкрѣпленія, присылаемыя изъ Карѳагена, были разбиты Сципіономъ въ многихъ сраженіяхъ; въ 208 г. оставилъ Испанію Асдрубалъ, для соединенія съ Аннибаломъ, а въ 206 вышли отсюда и прочіе, такъ что отъ сего времени эта страна сдѣлалась совершенно зависимою отъ Римлянъ. Съ мыслью перенести войну въ Африку и тамъ рѣшить ее, осенью 206 года прибылъ Сципіонъ въ Римъ.

Счастливые успѣхи оружія въ Сициліи и Испаніи привели почти у Римлянъ въ забвеніе прежнія пораженія; и такъ они вооружились и въ Италіи для покоренія отпавшихъ городовъ, впрочемъ избѣгали еще, сколько возможно, вступать въ открытый бой съ самимъ Аннибаломъ; то, что онъ не могъ спасти Капуу, доказываетъ, что и въ Италіи счастіе перешло на сторону Римлянъ, и когда братъ его Асдрубалъ, шедшій для соединенія съ нимъ изъ Испаніи, и встрѣченный Римлянами, погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, то Аннибалъ убѣдился въ неизбѣжности несчастія Карѳагена.

Онъ своими талантами могъ облегчить, но не отвратить роковой ударъ. Рѣшеніе послѣдовало въ Африкѣ, куда Сципіонъ перенесъ театръ войны и куда для спасенія стѣсненнаго отечества поспѣшилъ также и Аннибалъ. После пораженія при Замѣ, Карѳагеняне должны были принять миръ на условіяхъ, предложенныхъ Римлянами; они, хотя и остались независимыми и удержали свои владѣнія въ Африкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были лишены всѣхъ средствъ когда либо снова сдѣлаться опасными для Рима.

Покореніе отпавшей къ Аннибалу Италіи въ конецъ разорило и опустошило эту страну: ибо если съ одной стороны города были разрушаемы въ наказаніе за отпаденіе, то не менѣе терпѣли оставшіеся вѣрными, будучи доведены до крайняго истощенія. Изъ 34 колоній, не покорившихся непріятелю, 13 уже въ 212 г. объявили, что не въ состояніи долѣе чѣмъ либо служить республикѣ, а остальныя 21 могли быть силою принуждены къ доставленію такъ называемыхъ добровольныхъ приношеній. Впрочемъ въ Сенатѣ мнѣнія о томъ, какъ должно поступать съ отпавшими союзниками: привлекать ли ихъ къ себѣ кротостью или внушать страхъ строгостію и дѣлать безвредными на будущее время, были не согласны; по этому военачальнику предоставлялось дѣйствовать по своему личному характеру. Противъ Капуи, которая первая показала примѣръ отпаденія, былъ направленъ и первый походъ Римлянъ, совершенный въ 211 году, подъ начальствомъ консуловъ Аппія Клавдія и Фульвія Флакка, и чѣмъ больше Римляне были раздражены неблагодарностью этого облагодѣтельствованнаго ими города, тѣмъ горшая угрожала ему отъ нихъ участь. Посему Аннибалъ, сколько изъ собственныхъ выгодъ, столько и по обязанности долженъ былъ употребить для спасенія его всѣ зависѣвшія отъ него средства. Онъ хотѣлъ принудить консуловъ къ прекращенію осады тѣмъ, что пошелъ прямо на Римъ и въ пер-

вый разъ показался въ виду города, но не имѣлъ и въ томъ успѣха. За пять лѣтъ прежде, тотчасъ послѣ битвы при Каннахъ, появленіе Аннибала произвело бы великое впечатлѣніе; теперь же Hannibal ante portas было для Римлянъ больше предметомъ любопытства, нежели страха. И такъ судьба Капуи была рѣшена. Многіе знатные Капуанцы не дождались приговора Римскаго Сената и передъ сдачею города, собравшись на пиръ, приняли ядъ; нѣсколько сотъ было казнено, остальные заключены въ вѣчное заточеніе, а Капуа, лишенная всѣхъ своихъ привилегій, обращена въ префектуру. Хотя Аннибалъ и оставался еще въ Италіи, впрочемъ дальнѣйшее его пребываніе здѣсь важно только потому, что держало Римлянъ въ постоянномъ вниманіи и напряженіи, чтобы новыя и сильныя подкрѣпленія не привели его въ состояніе снова предпринять обширнѣйшій кругъ дѣйствій. Но Карѳагенское правительство не посылало къ нему ничего, по этому братъ его Асдрубалъ, оставивъ Испанію, въ которой уже все для Карѳагена было потеряно, въ 208 году отправился къ нему на помощь. Онъ счастливо перешелъ черезъ Альпы, и его соединеніе съ Аннибаломъ конечно могло бы дать войнѣ новый и опасный для Рима оборотъ, но онъ слишкомъ долго промедлилъ въ Верхней Италіи, и Аннибалъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его прибытіи узналъ и о пораженіи его. Консулы 207 г. М. Ливій и Клавдій Неронъ напали на него при Метаврѣ, гдѣ, потерявъ все свое войско, Асдрубалъ самъ погибъ въ битвѣ. Говорятъ, что, получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи, Аннибалъ произнесъ слѣдующія слова: agnosco infelicitatem Carthaginis! Онъ былъ теперь оттѣсненъ въ Бруціумъ, и Римляне, не дѣлая на него здѣсь нападеній, обратили всѣ свои силы на покореніе еще неприведенныхъ въ повиновеніе городовъ и на Африку, куда рѣшились перенесть войну, такъ, что Аннибалъ долженъ былъ наконецъ оставить Италію, чтобы итти на помощь собственному своему отечеству. Завоеватель Испаніи, Сципіонъ, понялъ, что легче всего можно побѣдить Аннибала, высадившись на берега Африки; по этому, лишь только получилъ назначеніе въ консулы на 205 г., тотчасъ положилъ

перенесть туда войну. Хотя политическіе его противники, въ томъ числѣ и самъ Кв. Фабій Максимъ, старались воспрепятствовать принятію этого плана, не смотря на то, Сципіонъ принялъ исполненіе его на свою отвѣтственность, и сенатъ былъ такъ благоразуменъ, что не только не лишилъ начальства лучшаго своего полководца, но и продолжилъ его власть до самаго окончанія войны. Въ 204 году Сципіонъ въ Лилибеѣ сѣлъ на корабли и счастливо, не встрѣтивъ сопротивленія, высадился на Африканскій берегъ. Здѣсь онъ нашелъ дѣла въ весьма благопріятномъ положеніи для Римлянъ. Нумидійскій царь Массинисса тотчасъ принялъ его сторону, и хотя сей послѣдній имѣлъ при себѣ только 200 всадниковъ, но онъ надѣялся, что при первой побѣдѣ ему покорится вся Нумидія. Въ Нумидіи въ то время царствовали два царя—Сифаксъ и Массинисса; съ первымъ Сципіонъ началъ переговоры, находясь еще въ Испаніи, но Карѳагеняне склонили его на свою сторону, выдавъ за него дочь одного изъ первыхъ лицъ республики, Асдрубала, сына Гисгонова, славную по своей красотѣ и несчастной участи, Софонисбу, хотя она уже была обручена Массиниссѣ. Смертельно оскорбленный симъ Массинисса взялся за оружіе, но долженъ былъ уступить своему сопернику, который былъ сильнѣе его. Это случилось въ то самое время, когда прибылъ въ Африку Сципіонъ, и Массинисса для удовлетворенія своему мщенію вступилъ съ нимъ въ союзъ. И такъ цѣлію первыхъ предпріятій Сципіона было доставить Массиниссѣ владычество надъ всею Нумидіею, и онъ успѣлъ въ этомъ, поразивъ Карѳагенянъ въ двухъ сраженіяхъ и взявъ въ плѣнъ царя Сифакса. Массинисса за эту услугу показалъ такую благодарность, что союзу съ Римлянами пожертвовалъ Софонисбою, которая, попавъ въ плѣнъ, сдѣлалась уже его супругою *). Карѳагенское правительство, не столь твердое какъ Римское, предложило миръ, и когда условія его показались слишкомъ жестокими, то старались переговорами по крайней мѣрѣ удержать Римлянъ отъ

*) Livius lib. XXX, cap. 12—16.

военныхъ дѣйствій до прибытія Аннибала. Великій полководецъ повиновался повелѣнію своего правительства, онъ высадился въ 201 г. при Адруметѣ; не предвидя добраго конца, онъ не прежде вступилъ въ сраженіе, пока всѣ просьбы его о мирѣ не были отвергнуты Сципіономъ. Теперь всѣ выгоды были на сторонѣ Римлянъ: довѣренность къ полководцу и отличная Нумидійская конница, предводимая царемъ, который имъ обязанъ своею короною. И такъ самый геній Аннибала не могъ отвратить несчастнаго рѣшенія битвы при Замѣ. Онъ потерпѣлъ здѣсь столь рѣшительное пораженіе, что самъ совѣтовалъ Карѳагенянамъ просить мира, и доводы его были такъ убѣдительны, что народъ согласился принять миръ, диктованный Римлянами, какъ бы жестоки ни были его условія. Карѳагеняне хотя сохранили свою независимость и не потеряли ничего изъ своихъ владѣній въ Африкѣ, но были лишены всѣхъ средствъ еще когда нибудь сдѣлаться опасными для Римлянъ. Они должны были выдать всѣ военные корабли, исключая десяти, всѣхъ боевыхъ слоновъ съ обязательствомъ не набирать новыхъ. Безъ согласія Римлянъ не смѣли начинать войны ни внутри, ни внѣ Африки. Такимъ образомъ Карѳагенъ былъ какъ бы совсѣмъ обезоруженъ, и въ Массиниссѣ, тѣсно связанномъ съ интересами Рима и сдѣлавшемся теперь царемъ всѣхъ Нумидійцевъ, получилъ зоркаго стража *). Наконецъ они должны были въ продолженіе 50 лѣтъ выплатить 10,000 талантовъ и позволить Сципіону выбрать себѣ сто заложниковъ. И такъ, если Карѳагенъ и существовалъ еще, въ политическомъ отношеніи былъ обезсиленъ и доведенъ до совершенной незначительности. Теперь Аннибалъ, съ тою же дѣятельностью, какую показалъ на войнѣ, принялся за внутреннее управле-

*) Въ этомъ отношеніи особенно важна слѣдующая статья договора, Polyb. lib. XV, cap. 18: *Οἰκίας καὶ χώραν καὶ πόλεις, καὶ εἴ τι ἕτερόν ἐστι Μασσανάσσου τοῦ βασιλέως, ἢ τῶν προγόνων, ἔντος τῶν ἀποδειχθησομένων ὅρων αὐτοῖς, πάντα ἀποδοῦναι Μασσανάσσῃ.* (т. е. Домы, землю, города или что-либо другое, принадлежавщее царю Массиниссѣ или его предкамъ, въ предѣлахъ, которые должны быть назначены имъ, все отдать Массиниссѣ.)

ніе государства, и его строгой экономіи Карѳагенъ обязанъ тѣмъ, что не только могъ заплатить огромныя суммы, требуемыя Римлянами, но даже мало по малу отдохнуть отъ ударовъ, нанесенныхъ войною.

Вліяніе этой продолжительной войны, грозившей Риму столь близкою опасностью, на внутреннее устройство государства состояло въ томъ, что нѣкоторыя фамиліи примѣтно возвысились надъ другими въ силѣ и значеніи. Естественно, что мужи, отличавшіеся въ этой опасности своими талантами и внушившіе къ себѣ довѣренность, постоянно удерживали начальство надъ войскомъ. Уваженіе, пріобрѣтенное ими, распространилось и на ихъ фамилію, и такимъ образомъ въ нѣдрахъ аристократіи составилась еще тѣснѣйшая аристократія, которая захватила въ свои руки всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Что отсюда не могла возникнуть олигархія, причина тому заключалась частью въ самомъ характерѣ Римской республики, частью въ томъ, что противъ этихъ первенствующихъ фамилій образовалась оппозиція; она сохраненіемъ старыхъ Римскихъ нравовъ и обычаевъ умѣла сдѣлаться народною, между тѣмъ, какъ тѣ фамиліи предались Греческому образованію и своею жизнію весьма замѣтно отличались отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ. Это различіе естественно еще болѣе увеличилось, когда Римляне вскорѣ по окончаніи Аннибаловой войны вмѣшались въ дѣла Грековъ и покорили ихъ. И такъ, мы должны здѣсь снова взяться за прерванную нами нить исторіи Греціи, которая отселѣ приходитъ въ тѣснѣйшую связь съ Римскою.

Мы оставили Македонію во власти наслѣдниковъ Димитрія Поліоркета и Грецію въ состояніи совершеннаго разстройства: въ нѣкоторыхъ городахъ ея господствовали тиранны, другіе были заняты Македонскими гарнизонами, только одни Этолійцы успѣли сохранить свою независимость. Двѣ страны, доселѣ незначительныя и рѣдко упоминаемыя въ Греческой Исторіи, Этолія и Ахаія, сдѣлались теперь средоточіемъ, къ которому примкнула Греческая жизнь въ послѣдній періодъ своего развитія, и *Этолійскій* и *Ахейскій союзы* были послѣдними формами, которыми Греческая нація заключила долгое и славное свое бытіе *). Они оба вышли изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и приняли въ свой кругъ другія Греческія республики; Этолійскій союзъ увеличился частію посредствомъ Симполитіи, частію Симмахіи, Ахейскій же, основанный на совершенномъ политическомъ равенствѣ союзныхъ городовъ, распространился надъ большею частію Греціи, послѣ того какъ былъ, по присоединеніи къ нему Сикіона, извлеченъ дѣятельностью гражданина сего города, Арата, изъ прежней своей незначительности.

Изъ всѣхъ Греческихъ племенъ — Этолійское было самое грубое, посему между ними сохранились и воинственный духъ и строгость нравовъ, въ то время, когда эти качества исчезли въ другихъ процвѣтавшихъ прежде Греческихъ республикахъ. Союзъ Этолійцевъ существовалъ издревле и основывался на общемъ ихъ

*) Geschichte Griechenlands von der Entstehung des ätolischen und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung Korinths, von Dr. Wilh. Schorn. Bonn 1833.

происхожденіи, одинакихъ обычаяхъ и одномъ нарѣчіи. Но непрочность сей связи оказалась во время Пелопоннезской войны, когда они дѣйствовали безъ всякаго единодушія, и только по окончаніи Ламійской войны, когда имъ угрожала опасность, быть переселенными Антипатромъ въ Азію, страхъ вдохнулъ въ нихъ новую жизнь. Этолійцы соединились тѣснѣе и рѣшились защищаться общими силами. Обитаемая ими гористая страна, по своему неплодородію не могшая доставлять достаточнаго продовольствія для всего народонаселенія, принудила жителей къ набѣгамъ. Высшій государственный сановникъ, Стратегъ, былъ главою союза. Общія собранія Этолійцевъ происходили въ Ѳермѣ при храмѣ Аполлона. Избиравшійся изъ среды ихъ комитетъ, Апоклеты, занимался разсматриваніемъ дѣлъ, которыя потомъ Стратегъ представлялъ на рѣшеніе народному собранію. Дѣла, обыкновенно рѣшаемыя здѣсь, были война или миръ, выслушаніе иностранныхъ пословъ и выборъ чиновниковъ. Второе мѣсто послѣ Стратега занималъ Иппархъ, или предводитель конницы, и Грамматейсъ, или статсъ-секретарь. Чрезвычайные чиновники были Номографы, предлагавшіе новые законы и доказывавшіе народу ихъ пользу. Этолійскій союзъ особенно распространился со времени счастливой обороны отъ Галловъ, и многія области и города присоединились къ нему, чтобы въ одно и то же время быть въ безопасности отъ набѣговъ Этолійцевъ и отъ ига Македонскаго. Къ Этолійскому союзу принадлежали Фокида, Локрида, часть Аркадіи и многіе города въ Ѳессаліи; другія, какъ напр. Элида, были соединены съ нимъ Симмахіею.

Союзъ городовъ Ахейскихъ, основанный совсѣмъ на другихъ началахъ, нежели Этолійскій, имѣлъ и совершенно отличное отъ него устройство. По завоеваніи Пелопоннеза Дорійцами, Ахейцы утвердились въ странѣ, названной по имени ихъ Ахаіею, и составили союзъ изъ двѣнадцати городовъ. Эти города были: Патры, Димы, Фары, Тритея, Леонтіонъ, Эгира, Пеллене, Эгіонъ, Бура, Керинейя, Оленъ и Гелике. Они были незначительны и доселѣ мало принимали участія въ великихъ политическихъ событіяхъ Гре

ціи; впрочемъ сохранили свой союзъ до того времени, когда наслѣдники Александра Великаго вступили въ споръ за владѣніе Греціею, и доставленіемъ больших выгодъ одному государству передъ другимъ старались усиливать свои партіи. Бури этого безпокойнаго времени потрясли и Ахейскій союзъ: каждый городъ искалъ сколько возможно больше выгодъ, и всѣ сдѣлались добычею или тиранновъ подъ вліяніемъ Македоніи, или Македонскихъ гарнизоновъ *). Такое бѣдственное состояніе пробудило въ Ахейцахъ желаніе возстановить свой прежній союзъ: начало сему положили города Димы, Патры, Тритея и Фары, которыхъ соединеніе, по свидѣтельству Полибія, относится къ тому времени, когда Пирръ предпринялъ походъ въ Италію, слѣдовательно къ 281 г. до Р. Х. Полибій также говоритъ, что нѣтъ ни памятника, ни договорныхъ актовъ объ этомъ соединеніи, очевидно потому, что оно было только возобновленіемъ древнихъ, разстроенныхъ несчастными обстоятельствами отношеній. Послѣ сего одинъ городъ за другимъ, какъ скоро успѣвалъ выгнать Македонскій гарнизонъ или освободиться отъ тиранна, тотчасъ приставалъ къ союзу, и со времени присоединенія Эгіона, въ 276 г., для вступающихъ были постановлены опредѣленныя условія, которыя они обязывались принимать. Отличительнымъ характеромъ Ахейскаго союза отъ всѣхъ прежнихъ Греческихъ федерацій было совершенное политическое равенство и неприкосновенность внутренняго устройства всѣхъ союзныхъ городовъ. Сначала главами союза были Грамматеисъ и два Стратега, ежегодно смѣнявшіеся и избиравшіеся попеременно, то изъ одного, то изъ другаго изъ союзныхъ городовъ. Въ двадцать пятомъ году по возобновленіи союза въ этомъ устройствѣ произошла та перемѣна, что верховная власть сосредоточилась въ рукахъ *одного* Стратега. Это случилось въ то время, когда Ахейскій союзъ, возвышенный дѣятельностію Сикіонянина *Арата*, изъ федераціи небольшихъ мѣстечекъ,

*) Polyb. lib. II, cap. 41. Изъ двѣнадцати Ахейскихъ городовъ два, Олепъ и Гелике, были разрушены землетрясеніемъ и морскимъ наводненіемъ.

явился первенствующимъ государствомъ Греціи. Сикіонъ, подобно большей части Пелопоннезскихъ городовъ, попалъ въ руки тиранновъ, которые безпрестанно низвергали одинъ другаго. Во время одного такого переворота, отецъ Арата, Клиній, былъ убитъ, и самъ Аратъ, бывшій тогда еще дитятею, съ трудомъ спасенъ въ Аргосъ. Тамъ онъ воспитывался до того возраста, когда почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы подумать объ освобожденіи своего отечества; онъ могъ рѣшиться на это тѣмъ съ большею увѣренностью, что вокругъ него собрались всѣ Сикіонскіе изгнанники и отецъ его находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ царями Антигономъ Гоннатомъ и Птоломеемъ Филадельфомъ, которые слѣдовательно навѣрно не отказали бы въ помощи сыну. Впрочемъ, по зрѣломъ размышленіи, Аратъ отвергъ союзъ обоихъ этихъ царей, опасаясь принятіемъ иностраннаго гарнизона въ послѣдствіи быть принужденнымъ подчинить и освобожденный городъ игу иноземцевъ. Онъ обратилъ взоры на Ахейскій союзъ, котораго основныя начала—изономія и автономія—казались ему вѣрнѣйшими залогами независимости отечества; и такъ онъ положилъ, въ случаѣ успѣха своего предпріятія присоединить Сикіонъ, не смотря на его Дорійское происхожденіе, къ союзу Ахейцевъ. Съ столь же великою хитростью какъ смѣлостью, Аратъ, съ своими приверженцами, занялъ стѣны Сикіона, и такъ какъ граждане приняли его сторону, то революція кончилась безъ кровопролитія и безъ всякаго другаго насилія, кромѣ сожженія дома тиранна. Послѣ сего, въ 252 г. (Ол. 132. 1.), Аратъ вступилъ въ Ахейскій союзъ. Естественно, что такой знаменитый человѣкъ скоро пріобрѣлъ преимущественное вліяніе, и его исторія въ продолженіе нѣкотораго времени была вмѣстѣ исторіею союза. Но его превосходный во всякомъ другомъ отношеніи характеръ имѣлъ ту дурную черту, что онъ слишкомъ надѣялся на свои таланты и способности, и, будучи только отличнымъ политикомъ, хотѣлъ также прославиться какъ полководецъ *). Что касается

*) Аратъ самою природою не былъ созданъ полководцемъ, ибо τὸ *πάλλεσθαι τὴν καρδίαν καὶ τὸ χρῶμα τρέπεσθαι παρὰ τὰ φαι-*

до внутренняго устройства союза, то хотя въ каждомъ городѣ и были свое особенное народное собраніе, свой сенатъ или совѣтъ и свои судьи, но нѣкоторые законы имѣли равную силу во всѣхъ; такъ напр. во всѣхъ союзныхъ городахъ существовали одинакая мѣра, вѣсъ и монета. На общихъ собраніяхъ союза, постоянно происходившихъ чрезъ извѣстное время сперва въ Эгіонѣ и потомъ въ Коринѳѣ, могъ присутствовать каждый гражданинъ: каждый имѣлъ право говорить и дѣлать предложенія, но такъ какъ изъ другихъ городовъ уже по причинѣ путевыхъ издержекъ сюда могли съѣзжаться только люди достаточные, то этимъ была устранена охлократія. Собраніе обыкновенно продолжалось только три дня, по этому трудно допустить, чтобы тутъ происходили какія нибудь пренія, — но кажется прямо приступали къ собиранію голосовъ въ пользу или противъ сдѣланныхъ предложеній. Главное управленіе дѣлами союза находилось въ рукахъ Стратега и Государственнаго Совѣта изъ десяти членовъ, называвшихся *δημιουργοι*. Всѣ они смѣнялись ежегодно, впрочемъ, сложившій должность Стратегъ тотчасъ могъ быть избираемъ снова; если Стратегъ умиралъ до конца года, или въ продолженіе своего правленія найденъ былъ виновнымъ въ измѣнѣ, то его мѣсто занималъ его предшественникъ. Но Стратегъ имѣлъ только исполнительную власть, дѣятельность Государственнаго Совѣта ограничивалась однимъ предварительнымъ разсматриваніемъ дѣлъ: собственное же рѣшеніе зависѣло отъ народа. Предложенія, поступившія на рѣшеніе общаго собранія были не только произносимы изустно, но и выдаваемы письменно. Въ дѣлопроизводствѣ въ продолженіе трехъ дней собранія наблюдался слѣдующій порядокъ: въ первый день разсматривали внѣшнія дѣла, допускали къ выслушанію иностранныхъ пословъ и давали имъ отвѣтъ, во второй дѣлали новыя предложенія, въ третій большинствомъ голосовъ рѣшали ихъ. Однако, при своемъ чисто демократическомъ устройствѣ, образъ правленія союза имѣлъ одну сто-

νόμενα δεινὰ (т. е. біеніе сердца и измѣненіе въ цвѣтѣ лица при появленіи страшнаго) (Плутархъ. Аратъ гл. 29) — качества менѣе всего приличныя военачальнику.

рону, которою къ своей пользѣ весьма приближался къ монархическому, именно: мужъ отличный по своимъ заслугамъ и талантамъ могъ такъ долго оставаться главою государства, что его власть можно назвать почти пожизненною; такъ напр. Аратъ былъ стратегомъ 17 разъ. Захвативъ въ свои руки ключъ Пелопоннеза — Коринѳъ, онъ особенно возвысилъ силу союза. Антигонъ Гоннатъ овладѣлъ этимъ городомъ посредствомъ хитрости, Аратъ въ 244 г. отнялъ его у Македонянъ и присоединилъ къ Ахейскому союзу; къ нему пристали также Мегара, Трезене и Эпидавръ. Это возбудило соперничество и вражду въ Этолійцахъ, но Аратъ мудрою политикою умѣлъ поставить себя въ такое положеніе, что эта непріязнь не могла быть ему опасна. Антигонъ Гоннатъ умеръ въ 243 г. и ему наслѣдовалъ сынъ его Димитрій (243—233). Сей послѣдній, чтобы не потерять совершенно вліянія на Грецію, поставилъ себѣ за правило, сколько возможно поддерживать власть слабыхъ тиранновъ, которые еще господствовали въ нѣкоторыхъ городахъ Пелопоннеза, и этимъ обстоятельствомъ, равно какъ неспособностію Арата въ военномъ дѣлѣ, можно объяснить почему покушеніе Ахейцевъ, освободить Аргосъ, не имѣло успѣха. Но по смерти Димитрія положеніе дѣлъ измѣнилось. Димитрій оставилъ сына Филиппа еще несовершеннолѣтнимъ, и правленіе принялъ его опекунъ, впрочемъ съ титуломъ царя, Антигонъ II Досонъ *) (233—221). Занятый внутри и на сѣверныхъ предѣлахъ своего царства, онъ не подкрѣплялъ больше Греческихъ тиранновъ. Посему они сочли за лучшее отказаться отъ власти добровольно. Лизіадъ, тираннъ Мегалополя, тогда многолюднѣйшаго города въ Пелопоннезѣ, первый подалъ, при-

*) Родство Антигона съ Филиппомъ явствуетъ изъ слѣдующей генеалогіи:

Димитрій Поліоркетъ

Антигонъ Гоннатъ.	Димитрій Киренейскій.
Димитрій II.	Антигонъ II. Досонъ.
Филиппъ.	

мѣръ, ему послѣдовали Клеонимъ Фліунтскій и Ксенонъ Герміонскій. Также и Аѳины, по смерти царя Димитрія, пристали къ Ахейскому союзу, купивъ за 150 талантовъ выступленіе изъ своихъ стѣнъ Македонскаго гарнизона. Вмѣстѣ съ Аѳинами присоединились Саламинъ и Эгина, а въ 228 г. и Аргосъ, и теперь было самое удобное время распространить союзъ по всему Пелопоннезу и въ большей части внѣ его лежащихъ странъ.

Столкновеніемъ съ Спартою остановленный на половинѣ пути своего развитія, Ахейскій союзъ принялъ ложное политическое направленіе. Спарта въ это время пыталась, возстановленіемъ находившагося въ упадкѣ Ликургова устройства, возвратить себѣ прежнее значеніе, и хотя насильственное принятіе старой политической формы, лишенной оживлявшаго ее духа, обыкновенно имѣетъ слѣдствіемъ скорѣе разстройство, нежели истинное возрожденіе, не смотря на то личныя качества царя Клеомена, успѣвшаго совершить это преобразованіе, дали Спартанской республикѣ новый полетъ. Ахейцы подъ начальствомъ невоинственнаго Арата были побѣждены Спартанцами, предводимыми Клеоменомъ. Побѣдоносный царь предложилъ Ахейцамъ миръ вмѣстѣ съ условіемъ сдѣлать его своимъ главою — и въ такомъ случаѣ древній Пелопоннезскій союзъ подъ гегемоніею Спарты былъ бы возобновленъ. Но тогда бы Аратъ сдѣлался совершенно незначительнымъ и долженъ былъ сойти со сцены; его тщеславіе не вынесло этого, и, чтобы только спасти свое вліяніе, онъ предалъ Ахейскій союзъ въ руки его естественнаго врага, царя Македонскаго. Антигонъ Досонъ съ радостью схватился за этотъ слу-

чай, подававшій ему надежду, при помощи Ахейцевъ, возстановить въ Греціи совершенно потерянное вліяніе Македоніи; онъ вступилъ съ Ахейцами въ союзъ, и теперь между Македоніею и Спартою открылась война, кончившаяся не только гибелью Клеомена, но и рушеніемъ новаго введеннаго въ Спартѣ устройства и уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ древне-Спартанской жизни.

Могущество Спарты пало съ того времени, какъ ея гегемонія была ниспровергнута Ѳивами; ни противъ Филиппа, ни за или противъ Александра Спарта не ознаменовала себя ничѣмъ особеннымъ; самое возстаніе 330 года противъ Македонскаго владычества было предпринято не совокупными силами республики, но однимъ изъ царей, Агисомъ. Спарта находилась въ видимомъ упадкѣ, да и не могло быть иначе при совершенномъ противорѣчіи законовъ съ нравами и при существованіи формъ, лишенныхъ духа, долженствовавшаго ихъ оживлять. Современникъ Филиппа Эфоръ Эпитадей сдѣлалъ постановленіе, по которому позволялось продавать недвижимое имѣніе: отъ этого мало по малу образовалась олигархія, потому что вмѣсто 9000 фамилій, получившихъ по дѣленію Ликургову въ удѣлъ большіе участки земли, теперь вся поземельная собственность скопилась въ рукахъ не болѣе ста владѣльцевъ. Легко понять, какъ тягостна была происшедшая отсюда несоразмѣрность въ имуществѣ, когда представимъ, что въ Спартѣ все еще не занимались ни ремеслами, ни торговлею, и слѣдовательно не было средствъ къ пріобрѣтенію. И такъ грабительство сдѣлалось необходимымъ, чтобы чѣмъ нибудь занимать и поддерживать обѣднѣвшихъ гражданъ, и въ самомъ дѣлѣ, со времени владычества Македонянъ въ Греціи, мы видимъ, что Спартанскіе цари превращаются въ Майнотскихъ атамановъ. Женскій полъ имѣлъ значительное вліяніе, и особенно дѣвицы-наслѣдницы родительскаго имѣнія имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленную свиту жениховъ, и такъ какъ въ обращеніи ихъ сохранилась прежняя воль-

ность, между тѣмъ, какъ духа прежняго воспитанія, дѣлавшаго ее безвредною, уже не существовало, то по этому въ отношеніяхъ обоихъ половъ обнаружилась величайшая безнравственность *). Таково было состояніе Спарты, когда въ 244 г. Агисъ III. наслѣдовалъ во власти отцу своему Евдамиду и, проникнутый мыслью возстановленія прежней славы своего отечества, прежде всего сталъ заботиться объ уничтоженіи основнаго зла, противорѣчія нравовъ съ законами. Онъ строго наблюдалъ старину въ одеждѣ, кушаньѣ и омовеніи, и, имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, нашелъ между своими сверстниками, и вообще между всѣми молодыми людьми, приверженцевъ и подражателей. Но исполненіе сего плана было невозможно безъ ниспроверженія настоящаго порядка вещей, и такъ какъ царская власть доставляла слишкомъ мало силы, то надлежало дѣйствовать съ большою предусмотрительностью и благоразуміемъ. Въ то время вся государственная власть находилась въ рукахъ Эфоровъ, посему склонить одного изъ нихъ на свою сторону было необходимо, и Агисъ успѣлъ въ этомъ, помѣстивъ въ число Эфоровъ Лизандра, человѣка согласнаго съ его планами и положеніями. Въ самомъ дѣлѣ Лизандръ тотчасъ предложилъ народному собранію уничтожить всѣ долги и сдѣлать новое дѣленіе земли. Число участковъ, назначенныхъ Ликургомъ, должно было уменьшить въ половину, именно составить 4,500 для Спартіатовъ и 15,000 для Лакедемонянъ. Вся аристократія вмѣстѣ съ другимъ царемъ Леонидомъ воспротивилась этому, но Агисъ съ своими приверженцами обратился къ народу и объявилъ, что не только самъ выдастъ всѣ свои деньги, поля и имѣнія своей матери и бабки, но что имѣетъ также порученіе отъ своихъ родственниковъ принесть въ жертву государству и ихъ имущества. Однако Герузія отвергла предложеніе и слѣдовательно оно не могло быть приведено въ исполненіе законнымъ образомъ; оттого прибѣгли къ интригамъ и во первыхъ старались удалить Леонида. Обвиненный въ одномъ

*) Общее изображеніе испорченности Спартанскаго устройства и причины онаго представляетъ Плутархъ. Agis cap. 5.

незначительномъ проступкѣ онъ былъ низложенъ, и на его мѣсто поставленъ зять его Клеомбротъ. Опираясь на немъ, Агисъ началъ дѣйствовать смѣлѣе и объявилъ, что возобновитъ древнія права царей и не допуститъ болѣе Эфоровъ управлять всѣмъ единовластно. Это прошло не безъ насилій: молодежь вооружилась за Агиса; должники были освобождены, Эфоры низложены и замѣщены новыми, благопріятствовавшими его намѣреніямъ. Въ числѣ ихъ находился дядя Агиса, Агезилай, и этотъ корыстолюбецъ обманулъ благороднаго и исполненнаго пламенной ревности къ благу отечества царя. Агезилай, имѣя на себѣ множество долговъ, склонилъ Агиса объявить уничтоженіе долговъ прежде раздѣленія земли. Когда это было исполнено и онъ увидѣлъ себя освобожденнымъ отъ долговъ, то не спѣшилъ раздѣломъ и старался подъ разными предлогами отсрочивать дѣло. Въ это самое время случилось, что Агисъ выступилъ въ походъ противъ Этолійцевъ; пользуясь его отсутствіемъ, противная партія усилилась снова. Именно Агезилай, по удовлетвореніи своихъ своекорыстныхъ видовъ, такъ далеко уклонился отъ плановъ племянника, что вмѣсто облегченія состоянія бѣдныхъ, сдѣлалъ его еще болѣе тягостнымъ, умноживъ мѣсячныя подати прибавленіемъ къ году 13-го мѣсяца. Естественно, что обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ былъ весьма озлобленъ, и когда въ 241 г. олигархи взялись за оружіе, онъ не оказалъ царю никакой помощи. Низложенный и изгнанный царь Леонидъ возвратился, напротивъ Агисъ и Клеомбротъ искали защиты у алтарей. Клеомбротъ былъ спасенъ просьбами жены своей, дочери Леонида, и удалился въ изгнаніе, а Агисъ сдѣлался жертвою своихъ враговъ. Вѣроломно лишенный свободы, онъ съ презрѣніемъ отвергъ предложенное ему средство спасти жизнь на счетъ своей чести и справедливости; онъ объявилъ, что дѣйствовалъ не по принужденію, а изъ любви къ отечеству, и послѣ этого былъ удавленъ вмѣстѣ съ матерью и бабкою. Конечно нельзя отказать Агису въ величіи души, и Плутархъ особенно смотрѣлъ въ немъ на эту сторону и, по своему обыкновенію, старался представить въ блестящемъ видѣ,

но при всемъ томъ въ способѣ, принятомъ имъ для приведенія предпріятія въ исполненіе, онъ обнаружилъ только юношескую опрометчивость. Планъ Агиса возобновилъ сынъ самого Леонида, Клеоменъ, который, находяся въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и имѣя въ характерѣ больше энергіи, дѣйствовалъ благоразумнѣе и рѣшительнѣе. Онъ видѣлъ, что совершенное измѣненіе внутренняго состоянія Спарты не возможно безъ насильственнаго низверженія олигархіи и слѣдовательно безъ оружія, и тогдашнія обстоятельства доставили ему случай образовать преданное себѣ войско. И такъ здѣсь тотъ пунктъ, въ которомъ дѣла Спарты приходятъ въ тѣсную связь съ исторіею Ахейскаго союза. Мы видѣли, какимъ образомъ Аратъ мало по малу распространилъ союзъ надъ большею частію Пелопоннеза; постоянно приближаясь къ предѣламъ Лаконіи, онъ вознамѣрился наконецъ присоединить къ себѣ всю Аркадію, которой часть находилась въ союзѣ съ Этолійцами. Такимъ образомъ онъ въ одно время возбудилъ соревнованіе въ Спартанцахъ и Этолійцахъ, которыхъ взаимные интересы побудили къ соединенію, чтобы общими силами противостать своекорыстнымъ видамъ Ахейцевъ. Клеоменъ вторгнулся въ сопредѣльныя Лаконіи владѣнія союза, и Аратъ, страшась войны, не прежде рѣшился мстить за это нарушеніе мира и въ собраніи союза не прежде положилъ объявить войну, какъ когда уже Спартанцы утвердились въ области Мегалополя. Во время этой войны, продолжавшейся три года (228 — 226), Аратъ совсѣмъ почти упалъ въ уваженіи своихъ союзниковъ, между тѣмъ, какъ Клеоменъ достигъ своей цѣли: пріобрѣлъ славу отличнаго вождя и образовалъ преданное себѣ войско. Съ отборнымъ отрядомъ изъ своего побѣдоноснаго войска онъ не медля отправился въ Спарту и совершилъ тамъ возстановленіе Ликурговыхъ законовъ совершенно иначе, нежели Агисъ. По его повелѣнію Эфоры были умерщвлены, кресла, на которыхъ они засѣдали, разбиты въ куски и должность ихъ объявлена уничтоженною; вмѣстѣ съ тѣмъ 80 знатнѣйшихъ олигарховъ удалены въ изгнаніе. Послѣ этого онъ и друзья его выдали свои имущества, и кто изъ владѣвшихъ землею

не хотѣлъ добровольно послѣдовать ихъ примѣру, того заставляли силою; такимъ образомъ новый раздѣлъ земли въ самомъ дѣлѣ могъ быть приведенъ въ исполненіе. Онъ далъ Спартіатамъ 4000 участковъ, а сколько составилъ для Лакедемонянъ — не извѣстно, вѣроятно также 15,000. Онъ самъ первый подавалъ примѣръ въ соблюденіи старыхъ обычаевъ но, руководствуясь и благоразуміемъ, допустилъ перемѣны въ томъ, что уже не согласовалось болѣе съ вѣкомъ. Возвышенная его дѣятельностью Спарта сдѣлалась такъ могущественною, что Ахейцы вездѣ терпѣли пораженія. Если бъ не честолюбіе Арата, то Ахейцы, признавъ главою Клеомена, вступили бы съ Спартанцами въ союзъ. Но для Арата мысль потерять все значеніе въ томъ самомъ союзѣ, который ему главнымъ образомъ обязанъ своимъ могуществомъ, была несносна, и онъ воспользовался всѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы отвергнуть это предложеніе. И когда Клеоменъ вознамѣрился принудить къ тому Ахейцевъ силою, то Аратъ вступилъ въ союзъ съ Антигономъ Досономъ. Въ 224 г. Ахейцы назначили Арата стратегомъ съ неограниченною властью, и въ этомъ достоинствѣ онъ отдалъ царю Македонскому Коринѳскій Акрополь и своего сына отправилъ заложникомъ. Спартанскій царь укрѣпился на Истмѣ, куда устремился Антигонъ, предводительствуя 20,000 войскомъ; но когда въ тылу отъ него отпалъ Аргосъ, онъ не могъ удержаться въ своей позиціи. И такъ онъ отступилъ къ предѣламъ Лаконіи, и Антигонъ вторгнулся въ Пелопоннезъ. Съ обѣихъ сторонъ война ведена была съ равною жестокостью противъ частныхъ лицъ и опустошеніемъ земель и городовъ. Но положеніе Клеомена становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, когда Египетскій царь Птоломей III Евергетъ пересталъ доставлять ему денежныя пособія. Посему Клеоменъ прибѣгъ къ другому средству: каждому Илоту, заплатившему пять минъ, онъ давалъ свободу и такимъ образомъ собралъ довольно значительную сумму, такъ, что могъ нанять новое войско; съ нимъ онъ напалъ на Мегалополь и овладѣлъ имъ, и на награбленную здѣсь богатую добычу успѣлъ еще болѣе усилить свое войско. Поэтому Антигонъ и Аратъ рѣшились нако-

нецъ соединить свои силы и напасть на непріятеля въ самой Лаконіи. При Селлазіи въ 222 г. произошло кровопролитное сраженіе. Побѣда союзниковъ была столь рѣшительна, что Клеоменъ, отчаявшись въ спасеніи отечества, съ своею фамиліею и друзьями бѣжалъ въ Египетъ. Онъ нашелъ тамъ дружескій пріемъ, но когда въ слѣдующемъ году Птоломей Евергетъ умеръ, то преемника его, Птоломея IV Филопатора, успѣли убѣдить, что Клеоменъ опасный человѣкъ и что если онъ не имѣетъ самъ видовъ на престолъ, то по крайней мѣрѣ можетъ внушить это его брату. Посему Птоломей велѣлъ заключить его въ темницу, и такой поступокъ побудилъ Спартанскаго царя къ совершенію того, чего отъ него страшились: онъ вырвался изъ заключенія и, призывая войско и гражданъ къ возмущенію, пробѣжалъ по улицамъ Александріи, и когда это не удалось, онъ вознамѣрился при помощи немногихъ приверженцевъ разломать темницы; не успѣвъ и въ этомъ, лишилъ себя жизни. Въ Спартѣ послѣ его бѣгства всѣ его нововведенія были уничтожены, власть Эфоровъ возстановлена, и государство слабое и внутри раздираемое партіями теперь колебалось въ неизвѣстности — присоединиться ли къ Македоніи, или къ Этолійцамъ.

Присоединеніемъ Ахейскаго союза вліяніе Македоніи на Грецію было возстановлено, и только Этолійцы и ихъ союзники противустояли ей въ полной независимости. Такъ какъ Антигонъ Досонъ скоро потомъ, въ 221 г., умеръ, и его несовершеннолѣтній преемникъ Филиппъ II въ отношеніи къ Греціи руководствовался политикою Арата, то Ахейцы менѣе чувствовали свою зависимость и вмѣстѣ съ Македонянами съ великою ревностью вели такъ называемую войну союзниковъ противъ Этолійцевъ. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда Филиппъ обратилъ вниманіе на вторую Пуническую войну и по совѣту Димитрія Фаросскаго, открывавшаго ему виды на

покоренiи всей Иллирiи, вступилъ въ союзъ съ Карѳагеномъ противъ Римлянъ. Естественно, что Этолiйцы обратились теперь къ Римлянамъ: такимъ образомъ во вторую Пуническую войну были вмѣшаны и дѣла Грецiи, и отъ рѣшенiя ея зависѣло ихъ состоянiе *). Филиппъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ на Аннибала, въ 204 г. заключилъ съ Римлянами миръ; но онъ обнаружилъ уже передъ ними свои враждебныя намѣренiя, и Римляне самымъ заключенiемъ мира проложили путь къ новой войнѣ, намѣреваясь открыть ее въ благопрiятнѣйшее для себя время.

Война союзниковъ открылась осенью 220 года и продолжалась безъ рѣшительныхъ дѣйствiй до 217, въ которомъ, при посредствѣ Родосцевъ и Хiосцевъ, былъ заключенъ въ Навпактѣ миръ, и царь тѣмъ болѣе желалъ возстановленiя спокойствiя въ Грецiи, что началъ обращать все свое вниманiе на возгорѣвшуюся между Римомъ и Карѳагеномъ вторую Пуни-

*) Значенiе второй Пунической войны въ отношенiи къ Грецiи весьма хорошо выражено въ рѣчи, сказанной на конгрессѣ въ Навпактѣ гражданиномъ этого города, Агелаемъ, которую сообщаетъ Полибiй (lib. V, cap. 104), и потомъ въ слѣдующей главѣ онъ прибавляетъ: *οὐ γὰρ ἔτι Φίλιππος οὐδ' οἱ τῶν Ἑλλήνων προεστῶτες ἄρχοντες, πρὸς τὰς κατὰ τὴν Ἑλλάδα πράξεις ποιούμενοι τὰς ἀναφορὰς, οὔτε τοὺς πολέμους, οὔτε τὰς διαλύσεις ἐποιοῦντο πρὸς ἀλλήλους, ἀλλ' ἤδη πάντες πρὸς τοὺς ἐν Ἰταλίᾳ σκοποὺς ἀπέβλεπον. Ταχέως δὲ καὶ πρὸς τοὺς νησιώτας καὶ πρὸς τοὺς τὴν Ἀσίαν κατοικοῦντας τὸ παραπλήσιον συνέβη γενέσθαι. Καὶ γὰρ οἱ Φιλίππῳ δυσαρεστούμενοι καὶ τινες τῶν τῷ Ἀττάλῳ διαφερομένων οὐκ ἔτι πρὸς Ἀντίοχον καὶ Πτολεμαῖον. οὐδὲ πρὸς Μεσεμβρίαν καὶ τὰς Ἀνατολὰς ἔνευον, ἀλλ' ἐπὶ τὴν Ἑσπέραν ἀπὸ τούτων τῶν καιρῶν ἔβλεπον καὶ τινες μὲν πρὸς Καρχηδονίους, οἱ δὲ πρὸς Ῥωμαίους ἐπρέσβευον.* (т. е. Ни Филиппъ, ни начальники Грековъ не обращали вниманiя на дѣла Грецiи ни при предпринятiи войны, ни при заключенiи мира, но уже всѣ обратили свои взоры въ Италiю. Въ скоромъ времени подобное же произошло у островитянъ и обитающихъ Азiю. Ибо недовольные Филиппомъ и находящiеся въ ссорѣ съ Атталомъ не обращались къ Антiоху или Птоломею, ни на югъ, ни на востокъ, но съ этого времени смотрѣли на западъ, и одни отправляли пословъ къ Карѳагенянамъ, другiе же къ Римлянамъ).

ческую войну. Ослѣпленный побѣдами Аннибала и побуждаемый Димитріемъ Фаросскимъ онъ заключилъ съ Кароагенскимъ вождемъ договоръ и поставилъ себя въ непріязненныя отношенія къ Римлянамъ. Аратъ, противившійся этой политикѣ, былъ въ 215 году отравленъ; но Филиппъ объявилъ себя противъ Римлянъ уже въ то время, когда они оправились отъ жесточайшихъ ударовъ, и какъ скоро посланный Сенатомъ, М. Валерій Левинъ, прибылъ въ Грецію, то нашелъ въ Этолійцахъ такихъ усердныхъ союзниковъ, что царю нельзя было и думать о перенесеніи военныхъ дѣйствій въ Италію или Сицилію. Напротивъ война ведена была преимущественно въ Греціи; хотя царь въ 205 г. и принудилъ Этолійцевъ къ миру, но вторая Пуническая война приняла между тѣмъ для Римлянъ столь счастливый оборотъ что они могли выставить противъ Македоніи большія силы. По этому Филиппъ счелъ за лучшее въ слѣдующемъ году заключить миръ и съ Римомъ; въ этотъ договоръ были также включены и Римскіе союзники *). Послѣ того, какъ Римляне стали такимъ образомъ твердою ногою въ Греціи, они не имѣли недостатка въ поводахъ къ утвержденію здѣсь своего вліянія на прочномъ основаніи.

При множествѣ и различіи интересовъ, раздѣлявшихъ Грецію, сильнѣйшему государству всегда было легко, подъ именемъ защиты слабѣйшей и стѣсненной партіи, захватить гегемонію. Теперь Римляне, съ того времени, какъ утвердились по ту сторону Адріатическаго Моря, объявили себя защитниками всѣхъ притѣсняемыхъ и терпящихъ оскорбленіе въ своихъ правахъ. Только что вторая Пуническая война была окончена, какъ прибыли послы изъ Аѳинъ, призывая Римлянъ защитить ихъ отъ Филиппа, хотѣвшаго силою поста-

*) Livius lib. XXIX, cap. 12.

вить тамъ свой гарнизонъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Византійцы и Родосцы просили ихъ о помощи. Миромъ съ Карѳагеномъ обезпечивъ себя на Западѣ, Римляне хотѣли также обезопасить свои предѣлы и на Востокѣ, посему съ радостью схватились за этотъ случай, чтобы сдѣлать безвреднымъ Македонскаго царя, который обнаружилъ противъ нихъ враждебныя намѣренія и при обстоятельствахъ могъ быть опаснымъ. Такъ какъ Филиппъ не хотѣлъ повиноваться ихъ повелѣніямъ, то они въ 200 году напали на него, но нашли, что побѣдить его гораздо труднѣе, нежели какъ они предполагали. Рѣшеніе войны, казалось, зависѣло отъ того, на чью сторону склонится Ахейскій союзъ. Верхъ, одержанный въ этой дипломатической борьбѣ Т. Квинкціемъ Фламининомъ надъ Македонскимъ царемъ, былъ, такъ сказать, прелюдіею побѣды Римскаго оружія. Въ 197 г. разбитый при Киноскефалахъ Филиппъ долженъ былъ принять миръ на самыхъ жестокихъ условіяхъ. Македонія низошла въ разрядъ второстепенныхъ державъ, а Греція подпала подъ покровительство Рима и такимъ образомъ сдѣлалась отъ него зависимою.

Въ 200 г. Римляне послали противъ Филиппа консула П. Сульпиція Гальбу, но ни онъ, ни въ слѣдующемъ году П. Виллій не могъ вытѣснить Македонскаго царя изъ его позиціи въ Эпирѣ и Ѳессаліи, и склонить на свою сторону Грековъ. Между тѣмъ, въ послѣднемъ-то обстоятельствѣ заключалось главное дѣло. По этому на третій годъ войны Сенатъ вручилъ начальство надъ войскомъ человѣку, который былъ знакомъ съ Греческимъ образованіемъ и умѣлъ дѣйствовать на характеръ Греческой націи, Т. Квинк-

ція Фламинину. Его явленіе въ Греціи произвело въ положеніи дѣлъ значительную перемѣну, потому что онъ успѣлъ привлечь на сторону Римлянъ Ахейскій союзъ. Стратегомъ союза былъ тогда Аристенъ, и между Ахейцами находилось также не малое число приверженцевъ Рима; посему, когда въ собраніи, происходившемъ въ Эгіонѣ, былъ предложенъ союзъ съ Римомъ, то Римская партія, послѣ того какъ противники ихъ частію вышли изъ собранія добровольно, частію были разогнаны силою, одержала верхъ. И такъ, Ахейцы сдѣлались союзниками Римлянъ и тотчасъ послѣдовали за братомъ Тита, Л. Квинкціемъ, противъ Коринѳа и осадили его. Македонскіе гарнизоны должны были выступать изъ всѣхъ мѣстъ: въ слѣдующемъ году при Киноскефалахъ произошло сраженіе, которое снова доказало превосходство легіона передъ фалангою. Это пораженіе принудило Филиппа принять миръ на условіяхъ, предписанныхъ Сенатомъ, хотя они направлены были къ тому, чтобы сдѣлать Македонское царство также слабымъ и беззащитнымъ, какъ Карѳагенъ послѣ второй Пуничеекой войны. Но оставленному всѣми союзниками и безъ надежды на подкрѣпленіе отъ Азіятскихъ царей, не наученныхъ еще горькими уроками страшиться въ Римѣ общаго врага, ему не представлялось другаго выбора кромѣ покорности или совершенной гибели. Въ слѣдствіе сего договора онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ земель, исключая одной Македоніи, признать свободу и независимость Грековъ съ обѣщаніемъ болѣе не безпокоить ихъ; далѣе, выдать всѣ военные корабли и слоновъ, не держать болѣе 500 солдатъ и не вести никакой внѣшней войны; наконецъ заплатить 1000 талантовъ и половину сей суммы тотчасъ по заключеніи договора, а другую въ назначенные сроки, и отдать сына своего Димитрія въ заложники. Послѣ сего Т. Квинкцій, при чрезвычайномъ торжествѣ, повелѣлъ собравшимся на Истмійскихъ играхъ Грекамъ провозгласить освобожденіе отъ чуждаго владычества и автономію *), и хотя

*) Liv. lib. XXXIII, cap. 32: Senatus Romanus et Quinctius Im-

покровительство Рима, объявленное теперь Греціи, было не что иное, какъ другое названіе гегемоніи, однако никто еще не чувствовалъ ея тягости и изъ устъ всѣхъ изливались слова благодарности и похвалы великодушію и безкорыстію Римскаго народа *). Болѣе всего выигралъ при происшедшихъ въ Греціи перемѣнахъ Ахейскій союзъ. Онъ сдѣлался теперь могущественнѣйшимъ государствомъ въ Пелопоннезѣ, и такъ какъ вскорѣ успѣлъ присоединить къ себѣ и Спарту, пришедшую въ совершенное разстройство, то распространился по всему полуострову. Спарта вскорѣ послѣ бѣгства Клеомена подпала подъ власть тиранна. Маханидъ (такъ назывался тираннъ) вступилъ въ союзъ съ Этолійцами и такимъ образомъ сдѣлался для Ахейцевъ столь же опаснымъ врагомъ, какъ самъ Клеоменъ. Но Ахейцы въ стѣсненномъ положеніи нашли спасителя въ Филопеменѣ, уроженцѣ Мегалополя, который въ своей особѣ съ самою искреннею и нелицемѣрною любовью къ отечеству соединялъ отличныя способности полководца. Филопеменъ возстановилъ пришедшую при Аратѣ въ упадокъ дисциплину и разбилъ Маханида, котораго умертвилъ собственною рукою, но не могъ воспрепятствовать возвышенію въ Спартѣ на его мѣсто другаго тиранна, по имени Набиса. Набисъ былъ утвержденъ Римлянами въ своемъ владѣніи, хотя во время войны ихъ съ Филиппомъ игралъ очень двусмысленную роль, но не могъ удержаться. Сильно стѣсненный Ахейцами, съ которыми вступилъ въ войну за владѣніе примор-

perator, Philippo rege Macedonibusque devictis, liberos, immunes, suis legibus esse jubet Corinthios, Phocenses, Locrensesque omnes et insulam Euboeam et Magnetas, Thessalos, Perrhaebos, Achaeos, Phthiotas. Впечатлѣніе, произведенное симъ объявленіемъ на Грековъ, и энтузіасмъ ихъ изображаетъ Полибій въ Rel. lib. XVIII, cap. 29.

*) Liv. lib. XXXIII, cap. 33: Esse aliquam in terris gentem, quae sua impensa, suo labore ac periculo bella gerat pro libertate aliorum, nec hoc finitimis aut propinquae vicinicitatis hominibus aut terris continenti junctis praestet: maria trajiciat, ne quod toto orbe terrarum injustum imperium sit et ubique jus, fas, lex potentissima sint. Una voce praeconis liberatas omnes Graeciae atque Asiae urbes.

скими городами Лаконіи, онъ вступилъ въ союзъ съ Этолійцами; сіи послѣдніе отправили въ Спарту Алексамена съ порученіемъ овладѣть этимъ городомъ и присоединить къ союзу. Алексаменъ умертвилъ Набиса, но когда Этолійцы начали грабить, то Спартанцы произвели возстаніе, и по истребленіи или изгнаніи своихъ притѣснителей въ 191 г. сдались Филопемену. Такимъ образомъ и эта нѣкогда славная и могущественная республика, но теперь лишенная всего, на чемъ основывались ея сила и слава, пристала къ Ахейскому союзу.

Какъ много Ахейцы могли быть довольны Римлянами, такъ мало имѣли причинъ къ тому Этолійцы. Раздраженные ничтожными выгодами, доставленными имъ Римлянами отъ войны, которой счастливое окончаніе они главнымъ образомъ приписывали своей храбрости *), Этолійцы горѣли желаніемъ мести, и только что Римляне выступили изъ предѣловъ Греціи, какъ они начали стараться о составленіи всеобщаго противъ нихъ союза; но большая часть Греческихъ городовъ и царь Македонскій не приняли ихъ предложеній, и они нашли союзника только въ Антіохѣ III, царѣ Сирійскомъ, который находился къ Риму въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Именно Римляне требовали отъ него очищенія Греческихъ городовъ въ Малой Азіи, объявленныхъ по договору съ Македоніею свободными, но царь думалъ, что притязанія его на нихъ справедливы и что онъ имѣетъ довольно силъ для поддержанія ихъ оружіемъ. Это расположеніе усиливалъ въ немъ Аннибалъ,

*) Этолійцы съ упрекомъ напоминали Римлянамъ: (Liv. l. c. cap. 35) non modo vinci sine Aetolis Philippum, sed ne transire quidem in Graeciam Romanos potuisse.

который, будучи изгнанъ въ 195 г., по требованію Римлянъ, изъ Карѳагена, бѣжалъ къ Сирійскому Двору. Римляне по справедливости должны были страшиться, чтобы таланты сего полководца не сообщили войскамъ Сирійскимъ духа, могшаго сдѣлаться имъ опаснымъ. По сему они старались достигнуть цѣли переговорами, которые однако рушились, когда Антіохъ, принявъ приглашеніе Этолійцевъ, рѣшился выступить освободителемъ Греціи. Такимъ образомъ открылась новая война, сокрушившая навсегда силы Этолійцевъ и произведшая въ положеніи дѣлъ Азіи быстрыя и разительныя перемѣны.

Между всѣми государствами, образовавшимися изъ завоеваній Александра Великаго, царство Сирійское или Селевкидское занимало наиобширнѣйшія владѣнія, но вмѣстѣ содержало въ себѣ и самые несвойственные элементы. Ничто не могло сильнѣе препятствовать скрѣпленію его въ одно твердое государственное тѣло, какъ политика Селевкидскихъ царей, которые вмѣсто того, чтобъ назначить себѣ мѣстопребываніе въ срединѣ Азіи, основали свою столицу на берегу Сиріи и главнымъ предметомъ своего вниманія считали не Востокъ, а Западъ. Употребляя первый только какъ средство для упроченія своего вліянія на послѣдній, они дѣлались чуждыми для большей части своихъ подданныхъ и пробуждали въ подвластныхъ имъ варварскихъ народахъ духъ національности, который они совсѣмъ упустили изъ виду. Такимъ образомъ въ Малой Азіи возникли небольшія государства: Каппадокія, Понтъ, Виѳинія,

Пергамъ и Галльскія тетрархіи, и въ Верхней Азіи—большія: Парѳія и Бактрія, и хотя Греческая жизнь и Греческое образованіе болѣе или менѣе были въ нихъ господствующими, не смотря на то, Селевкиды всегда имѣли въ нихъ опасныхъ противниковъ и враги ихъ усердныхъ союзниковъ. Хитрая политика Римлянъ, при открытіи войны между ними и Антіохомъ III или Великимъ, не упустила воспользоваться сими отношеніями.

Основатель Селевкидскаго Царства, *Селевкъ Никаторъ*, будучи еще намѣстникомъ Вавилона, покорилъ всю Верхнюю Азію. Мы знаемъ, что ему повиновались всѣ провинціи до предѣловъ Татаріи, что его власть признавали провинціи при Каспійскомъ Морѣ, что онъ возвратилъ къ повиновенію отпавшихъ Бактрійцевъ и Согдіанцевъ, и бракосочетаніемъ съ Персидскою принцессою, Апамеею, распространилъ свое вліяніе и на Персію; но дошедшія до насъ извѣстія объ этихъ событіяхъ отрывочны. Также и оба Индѣйскіе царя, Таксилъ и Поръ, признали Селевка наслѣдникомъ Александра Македонскаго. Въ то время въ Индіи подъ вліяніемъ Грековъ возникло новое царство. Одинъ Индѣйскій воинъ, какъ кажется, долго служившій въ войскѣ Александра, при помощи Грековъ и Индѣйцевъ, вооруженныхъ имъ по Гречески, основалъ это государство, какъ часто случается на Востокѣ, гдѣ талантами одного человѣка державы также быстро возникаютъ, какъ и опять исчезаютъ. Греки называютъ его *Сандракоттомъ*, имя, которое объяснено изъ Санскритскаго языка и значитъ: «сынъ луны». И этотъ владѣлецъ призналъ Селевка; отъ него Селевкъ получилъ большое количество слоновъ, которые въ битвѣ при Ипсѣ такъ много способствовали къ рѣшенію побѣды въ пользу союзниковъ. Я уже разсказалъ, какимъ образомъ Селевкъ старался соединить подъ своею державою всю монархію Александра Великаго и какъ онъ, побѣдивъ Лизимаха,

погибъ самъ въ 281 году отъ руки убійцы. Въ слѣдствіе сего убійства въ Малой Азіи во-первыхъ образовались три царства: Каппадокія, Понтъ и Виѳинія. Каппадокія и Понтъ возстановили свою независимость, первая при Аріаратѣ IV, вторая при Митридатѣ III, которыхъ выгналъ оттуда Пердикка. Столицею Каппадокійскаго царя былъ городъ Мазака или, какъ называютъ его Греки, Евсебія у Аргея. Онъ не имѣлъ укрѣпленій и походилъ болѣе на военный станъ, нежели на столицу царя; но вокругъ него лежали укрѣпленные замки, принадлежавшіе частію царю, частію его вассаламъ. Народонаселеніе Мазаки состояло большею частію изъ Грековъ, которые, по свидѣтельству Страбона, держались законовъ Харонда. Самые Каппадокійцы сохранили еще древніе нравы и вели хищническую жизнь. Понтъ уже во время господства Персовъ составлялъ особенное государство, но незначительное, потому что берега Чернаго Моря принадлежали Греческимъ колоніямъ: но теперь эти колоніи мало по малу сдѣлались или союзными, или подвластными Понтійскому царству. Послѣ сего Понтійскій Дворъ принялъ совершенно Греческій видъ, между тѣмъ, какъ народъ во внутреннихъ областяхъ государства оставался вѣрнымъ древнимъ правамъ, религіи и образованію. Со времени покоренія Фарнакомъ I. Синопе, въ 180 г., Понтъ сдѣлался могущественнымъ государствомъ, потому что отселѣ флотъ его господствовалъ по всему Черному Морю. Виѳинцы въ своихъ городахъ никогда не были подвластны Персамъ; но они получили значеніе не прежде, какъ когда ихъ князья ввели у себя Греческія постановленія. По смерти Селевка, Виѳинскій князь Зипетъ, на котораго можно смотрѣть, какъ на основателя Виѳинскаго царства, выступилъ изъ горъ для распространенія своихъ владѣній и положилъ основаніе блестящей столицѣ, названной по имени сына его Никомеда I. Никомедіею и населенной по большей части Греками, которые поселились здѣсь на выгодныхъ условіяхъ и получили большія привилегіи. Основаніе Пергамскому царству положилъ казначей Лизимаха, скопецъ Филетеръ, который, по паденіи своего государя въ битвѣ при Куропедіонѣ, присвоилъ себѣ его

сокровища и такимъ образомъ былъ приведенъ въ состояніе утвердить свою власть въ крѣпости и городѣ Пергамѣ. Племянникъ его и наслѣдникъ Евменъ I (263—241) уже распространилъ свои владѣнія, а наслѣдовавшій ему Атталъ I (241—197) принялъ царскій титулъ. Впрочемъ утвержденіе независимости сихъ государей не мало облегчено было поселеніемъ въ Малой Азіи Галловъ, потому, что въ этихъ воинственныхъ пришельцахъ они пріобрѣли себѣ храбрыхъ солдатъ. Часть Галловъ, которые, какъ мы видѣли выше, наводнили Македонію и Ѳракію, призвалъ царь Виѳинскій Никомедъ въ Малую Азію, заключивъ съ ними предварительно договоръ, въ слѣдствіе котораго они обязывались быть друзьями его и его союзниковъ на вѣчное время. Они основали свое мѣстопребываніе въ части Фригіи, которая отселѣ стала называться Азіятскою Галліею или Галатіею. По тремъ поселившимся здѣсь Галльскимъ племенамъ эта страна распалась на три участка. Средоточіемъ племени Трокмейцевъ была Анкира, Толистобои избрали себѣ столицею городъ Тавію, Тектосаги Пессинунтъ. Внутреннее устройство ихъ, по описанію Страбона, состояло въ томъ, что каждая изъ сихъ трехъ частей раздѣлялась на четыре области или тетрархіи; высшее правительственное мѣсто занималъ тетрархъ: ему были подчинены Дикастесъ и Стратофилаксъ и въ помощь приданъ совѣтъ изъ 300 членовъ. Мѣсто собраній ихъ называлось Dryaenetum, т. е. дубовая роща, въ воспоминаніе обычая прежней ихъ родины. Что касается до земель и городовъ Малой Азіи по берегамъ Средиземнаго Моря, то они состояли попремѣнно подъ покровительствомъ то Сиріи, то Египта, то Македоніи, не теряя при томъ своей автономіи; Карія, Ликія, Памфилія и Киликія управлялись по своимъ законамъ, также и Исаврія возвратилась въ прежнее свое состояніе, въ какомъ она находилась до покоренія ея Пердиккою. Таковы были въ общихъ чертахъ перемѣны въ положеніи Малой Азіи, произведенныя смертью Селевка Никатора. Сынъ и наслѣдникъ его *Антіохъ I. Сотеръ* (281—262) старался снова покорить Малую Азію, но безъ успѣха: онъ палъ при Ефесѣ, въ битвѣ съ Гал-

лами. Въ правленіе наслѣдника его *Антіоха II. Өеоса* оказались уже явные признаки паденія Селевкидской монархіи. Жизнь сего государя, названнаго богомъ, проходила во снѣ и пиршествахъ, и государствомъ правили два любимца его, Кипріяне Темисонъ и Аристонъ, сдѣлавшіеся своею угодливостью къ его наслажденіямъ для него необходимыми. Слабость государства при такомъ правленіи обнаружилась въ отпаденіи многихъ провинцій, изъ нихъ образовались два новыя царства, одно Греческое въ дальнихъ предѣлахъ Востока и другое варварское въ Средней Азіи, раздѣлившее въ послѣдствіи съ Римлянами области Селевкидской монархіи. Одинъ Грекъ неизвѣстнаго происхожденія, по имени Өеодотъ, въ 254 году основалъ Греко-Бактрійское царство *). Въ то же время Парөяне, подъ предводительствомъ Арзака, отторглись отъ Сирійской монархіи и начали распространять свое владычество надъ провинціями при Каспійскомъ Морѣ. Сирійскій Дворъ, слишкомъ занятый женскими интригами, не обращалъ вниманія на эти отдаленныя страны. Антіохъ II. отвергъ первую супругу свою Лаодику и женился на Египетской принцессѣ Вереникѣ; но потомъ возвратилъ опять оставленную Лаодику, и сына ея Селевка объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Чтобы онъ больше не перемѣнялъ своихъ мыслей, Лаодика лишила его жизни, послѣ чего сынъ ея Селевкъ II. Каллиникъ (247—227) вступилъ на престолъ. Умерщвленіе мачихи Вереники вовлекло его въ войну съ Египетскимъ царемъ Птоломеемъ III, въ продолженіе которой Египтяне завоевали большую часть Сиріи. Селевкъ имѣлъ врага и въ родномъ своемъ братѣ Антіохѣ Гіераксѣ, и чтобы удовлетворить ему долженъ былъ уступить все, чѣмъ Селевкиды владѣли еще въ Малой Азіи. Впрочемъ, по удаленіи Птоломея, Селевкъ снова завоевалъ большую часть потерянныхъ имъ областей и также по упорной

*) Justin. hist. lib. XLI, cap. 4. По недостатку извѣстій мы должны отказаться отъ исторіи сего царства. Все, что сообщаютъ о немъ Греческіе и Римскіе писатели, приведено въ порядокъ и съ критикою расположено въ historia regni Graecorum Bactriani auctore *Th. Siegfr. Bayer*. Petropol. 1738. 4.

борьбѣ выгналъ Антіоха Гіеракса, который послѣ многихъ приключеній нашелъ свою смерть во Ѳракіи. Походъ, предпринятый имъ противъ Парѳянъ, надъ которыми царствовалъ тогда второй Арзакидъ, Тиридатъ, былъ несчастливъ, и хотя извѣстія, относящіяся къ исторіи Селевка, отрывочны и темны, однако то, что онъ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе и принужденъ былъ признать ихъ независимость, можно считать за вѣрное, по крайней мѣрѣ Парѳяне ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ 238 года, и день побѣды своей надъ Селевкомъ торжествуютъ, какъ день основанія своего царства. Селевкъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, Селевка и Антіоха: но первый, *Селевкъ III Керавнъ* (227—224), спустя три года былъ убитъ однимъ Галломъ и на престолъ вступилъ теперь братъ его Антіохъ III Великій (224 — 187). Такъ какъ Антіохъ былъ еще несовершеннолѣтенъ, то начало правленія его ознаменовано цѣпью безпокойствъ, которыхъ причиною было стремленіе знатнѣйшихъ людей при Дворѣ и въ провинціяхъ къ регенству. Когда Каріецъ Гермій успѣлъ захватить опеку надъ молодымъ царемъ и правленіе въ свои руки, то Молонъ и братъ его Александръ, намѣстники въ Мидіи и Персидѣ, подняли знамя бунта и родственникъ царскій Ахей принялъ въ Сардахъ царскій титулъ. Молонъ и Александръ были побѣждены и убиты, а Гермій умерщвленъ по повелѣнію Антіоха; только Ахей держался еще въ Малой Азіи и соединился съ Египетскимъ царемъ Птоломеемъ IV Филопаторомъ, у котораго Антіохъ, принявъ самъ бразды правленія, хотѣлъ отнять Келосирію. Хотя находившійся въ Египетской службѣ Этоліецъ Ѳеодотъ и явился измѣнникомъ и предалъ Антіоху крѣпости Тиръ и Птоломаиду, однако пораженіемъ сего послѣдняго при Рафіи, въ 217 году, Птоломей возвратилъ себѣ Келосирію; но вмѣсто того, чтобы далѣе пользоваться плодами своей побѣды, Птоломей, нетерпѣливо желая спокойствія и столичныхъ удовольствій, такъ поспѣшилъ миромъ, что даже пожертвовалъ своимъ союзникомъ Ахеемъ. Теперь противъ него Антіохъ направилъ всѣ свои силы и осадилъ его въ крѣпости Сардъ. Ахей измѣною Критянина Болиса, тайно отправленнаго изъ

Египта для спасенія его, попалъ въ руки царя Антіоха и въ 215 году былъ казненъ. Возстановивъ спокойствіе въ Западной Азіи, онъ устремился въ Верхнюю, чтобъ и тамъ привести дѣла въ порядокъ, и достигъ своей цѣли. Поразивъ Пароянъ и Бактрійскаго царя Евоидема, онъ принудилъ обоихъ признать верховную власть Селевкидовъ, хотя какъ Арзакидамъ, такъ и Евоидему оставилъ попрежнему ихъ власть, и потомъ, проникнувъ далеко въ Индію, съ большимъ могуществомъ и съ большею въ себѣ увѣренностію возвратился въ Сирію *). Такой предпріимчивый царь, какъ Антіохъ, не былъ способенъ къ покорности Римлянамъ, которыхъ вліяніе стало очевидно теперь и ему. Римляне явились сперва противниками его въ Египтѣ. Когда Птоломей IV. въ 204 г. умеръ, то Антіохъ хотѣлъ, пользуясь симъ случаемъ, овладѣть не только Келосиріею, но и Египтомъ, въ чемъ успѣхъ казался тѣмъ надежнѣе, что новый царь Египетскій былъ еще дитя. Но умершій царь оставилъ своего сына подъ покровительствомъ Римскаго Сената; отправленный Сенатомъ въ Египетъ М. Лепидъ учредилъ опеку и принудилъ Сирійскаго царя довольствоваться спорными землями Келосиріею и Палестиною. Уже это вмѣшательство раздражило Антіоха. Онъ сдѣлался еще доступнѣе къ совѣтамъ и предостереженіямъ Аннибала и къ просьбамъ Этолійцевъ, когда еще долженъ былъ согласиться на распоряженія Сената, относительно Греческихъ городовъ въ Азіи. Такъ какъ Антіохъ отвергъ это опредѣленіе, то мечъ долженъ былъ рѣшить дѣло.

*) Polybius (lib. XI, cap. 14) говоритъ о походѣ Антіоха такъ: *δι' ἧς οὐ μόνον τοὺς ἄνω Σατράπας ὑπηκόους ἐποιήσατο τῆς ἰδίας ἀρχῆς, ἀλλὰ καὶ τὰς ἐπιθαλαττίους πόλεις καὶ τοὺς ἐπὶ τάδε τοῦ Ταύρου δυνάστας. Καὶ συλλήβδην ἠσφαλίσατο τὴν βασιλείαν καταπληξάμενος τῇ τόλμῃ καὶ φιλοπονίᾳ πάντας τοὺς ὑποταττομένους. Διὰ γὰρ ταύτης τῆς στρατείας ἄξιος ἐφάνη τῆς βασιλείας οὐ μόνον τοῖς κατὰ τὴν Ἀσίαν, ἀλλὰ καὶ τοῖς κατὰ τὴν Εὐρώπην.* (т. е. Этимъ походомъ онъ не только покорилъ своей власти сатраповъ въ Верхней Азіи, но также приморскіе города и владѣтелей по сю сторону Тавра. Вообще обезопасилъ государство, изумивъ своею храбростію и дѣятельностію всѣхъ покоренныхъ. Этимъ же походомъ онъ явился достойнымъ царской власти не только въ глазахъ Азіятцевъ, но и Европейцевъ.)

Осенью 192 года Антіохъ вступилъ въ Грецію освободителемъ, но силы, съ которыми онъ явился были такъ незначительны, что даже Этолійцы, призвавшіе его, потеряли почти всю охоту къ войнѣ, тѣмъ менѣе имѣли смѣлость пристать къ нему Ахейцы и царь Македонскій. Между тѣмъ, какъ Антіохъ въ Халкидѣ, на островѣ Эвбеѣ, проводилъ время въ удовольствіяхъ, Римляне отправили въ Грецію войско подъ начальствомъ Ацилія Глабріона вмѣстѣ съ М. Порціемъ Катономъ, политическимъ противникомъ Сципіоновъ, и весною 191 г., при Ѳермопилахъ, дошло дѣло до сраженія. Катонъ зашелъ непріятелю, занимавшему Ѳермопилы, въ тылъ, послѣ чего Сирійско-Этолійскія силы были разбиты. Не вступая въ дальнѣйшія битвы, Антіохъ оставилъ Грецію и возвратился въ Азію. По удаленіи царя, всѣ Греки, принявшіе его сторону, покорились, одни только Этолійцы продолжали войну до прибытія Л. Корнелія Сципіона, въ 190 г. присланнаго на смѣну Глабріона; онъ заключилъ съ ними перемиріе. Луцій Сципіонъ, сопровождаемый братомъ своимъ, побѣдителемъ Аннибала, Публіемъ, перешелъ черезъ Геллеспонтъ и битвою при Магнезіи, у горы Сипила, рѣшилъ войну. Послѣ сего пораженія Антіохъ принялъ предписанныя ему Римлянами условія мира, такимъ образомъ составленныя, что отселѣ и Селевкидское царство не было больше опаснымъ для Рима. Отошедшую отъ Антіоха Малую Азію Римляне раздѣлили между своими союзниками, и тѣми же средствами утвердили здѣсь свое вліяніе, какъ и въ Греціи, въ

которой Этолійскій союзъ былъ теперь уничтоженъ.

Удивительно, какую незначительную роль игралъ великій полководецъ Аннибалъ въ борьбѣ Антіоха съ Римлянами. При открытіи войны онъ просилъ у царя кораблей и войскъ для нападенія на Римлянъ въ Италіи, но Антіохъ не принялъ сего плана, и, кажется, вообще изъ соперничества старался сколько возможно уклоняться отъ вліянія Карѳагенскаго вождя, чтобы не дѣлить съ нимъ лавровъ побѣды. Въ то время, какъ Антіохъ занялъ Грецію до самыхъ Ѳермопилъ, въ Римѣ послѣдователи стараго и новаго образованія спорили между собою о начальствѣ надъ войскомъ. Главою противниковъ распространенія чуждыхъ нравовъ и образованія былъ М. Порцій Катонъ, политическій врагъ Сципіоновъ. Еще будучи квесторомъ при Сципіонѣ въ Сициліи онъ началъ свою оппозицію противъ этой фамиліи и идей, которыхъ она была представительницею. Онъ самъ по одеждѣ, нравамъ и образу жизни изображалъ собою Римлянина древнихъ временъ, въ противоположность другимъ знатнымъ фамиліямъ, усвоившимъ себѣ вмѣстѣ съ Греческимъ образованіемъ и Греческіе нравы. Теперь онъ успѣлъ склонить выборъ въ начальники войска противъ Антіоха и Этолійцевъ на себя и на Ацилія Глабріона. Оба они, по причинѣ дурныхъ распоряженій своего противника, дѣйствовали счастливо. Когда Антіохъ, въ слѣдствіе понесеннаго имъ при Ѳермопилахъ пораженія, выступилъ изъ Греціи, Ацилій Глабріонъ обратился со всѣми силами на оставленныхъ Этолійцевъ. Сіи послѣдніе готовы были на умѣренныхъ условіяхъ покориться, но раздраженные грубымъ и высокомѣрнымъ обхожденіемъ Ацилія *),

*) Polyb. lib. XX, cap. 9: *οἱ δ' Αἰτωλοὶ ἔκριναν ἐπιτρέπειν τὰ ὅλα Μανίῳ, δόντες αὑτοὺς εἰς τὴν Ῥωμαίων πίστιν οὐκ εἰδότες, τίνα δύναμιν ἔχει τοῦτο, τῷ δὲ τῆς πίστεως ὀνόματι πλανηθέντες, ὡς ἂν διὰ τοῦτο λειοτέρου σφίσιν ἐλέου ὑπάρξοντος. Παρὰ δὲ Ῥωμαίοις ἰσοδυναμεῖ τό τε εἰς τὴν πίστιν αὑτὸν ἐγχειρίσαι καὶ τὸ τὴν ἐπιτροπὴν δοῦναι περὶ αὑτοῦ τῷ κρατοῦντι.* (т. е. Этолійцы рѣшились предаться во всемъ Манію, поручая себя покровительству Римлянъ; они не

они снова взялись за оружіе, и противъ нихъ была уже начата истребительная война, какъ Сенатъ увидѣлъ, что интересы Рима пострадаютъ, если веденіе дѣлъ не будетъ отдано въ руки вождя, болѣе кроткаго, нежели Ацилій Глабріонъ. По этому Л. Корнелій Сципіонъ, братъ Африканскаго, былъ избранъ въ консулы и получилъ главное начальство въ войнѣ противъ Антіоха; онъ взялъ съ собою легатомъ своего геніальнаго брата, и его таланты болѣе, нежели Луціевы, споспѣшествовали къ счастливому окончанію войны. Сципіонъ тотчасъ заключилъ съ Этолійцами перемиріе и устремился за Антіохомъ въ Азію, который вмѣсто того, чтобы воспрепятствовать его переправѣ, напротивъ отступилъ отъ самыхъ выгодныхъ пунктовъ. Аннибалу, чтобы только избавиться отъ его совѣтовъ и упрековъ, онъ далъ порученіе, которое могъ бы исполнить всякій другой; онъ велѣлъ ему привести изъ Сиріи корабли, но по разбитіи Сирійскаго флота соединенными Римско-Родосскими силами при Міонесѣ, Аннибалъ остался отрѣзаннымъ на берегахъ Памфиліи, и Антіохъ такимъ образомъ лишилъ себя лучшей помощи въ послѣдовавшемъ вскорѣ рѣшительномъ сраженіи при Магнезіи у Сипила. Оно кончилось совершеннымъ пораженіемъ Сирійскаго войска; Антіохъ сталъ просить мира и получилъ его на слѣдующихъ предписанныхъ Сципіономъ условіяхъ: отказаться отъ всѣхъ притязаній на Европу и уступить Малую Азію до Тавра; выдать Римлянамъ въ вознагражденіе за военныя издержки 15,000 та-

знали значенія этого выраженія и были введены въ заблужденіе словомъ «покровительство», которое по ихъ мнѣнію обѣщало имъ кротчайшее обхожденіе. У Римлянъ же поручить себя покровительству и отдаться въ распоряженіе побѣдителя были выраженія равнозначащія.) Этолійцы ложно поняли формулу: *fidei populi Romani se permittere*, и когда отказывались исполнить предписанныя имъ условія, объявивъ: non in servitutem sed in fidem tuam nos tradidimus, то Консулъ отвѣчалъ имъ, что ему нѣтъ дѣла до того, какъ они думаютъ, но что онъ имѣетъ право всѣхъ ихъ заковать въ цѣпи, если они тотчасъ не согласятся, afferrique catenas et circumsistere lictores jubet. Естественно, что такой поступокъ раздражилъ въ высочайшей степени еще несмиренный духъ свободныхъ Этолійцевъ и народъ снова взялся за оружіе.

лантовъ и 500 представить въ то же время, 2,500 по утвержденіи мира Сенатомъ, а остальное выплатить въ продолженіе 12 лѣтъ по 1,000 талантовъ ежегодно. Далѣе Римляне потребовали отъ него всѣхъ военныхъ кораблей и выдачи Аннибала и Этолійца Ѳоаса. Хотя Антіохъ и долженъ былъ согласиться на это унизительное условіе, но избѣжалъ необходимости исполненія его, доставивъ Аннибалу и Ѳоасу средства къ бѣгству. Во всякомъ случаѣ Селевкидскому царству нанесенъ былъ одинъ изъ тѣхъ роковыхъ ударовъ, отъ которыхъ рѣдко отдыхаетъ какое либо, и Римляне наложеніемъ контрибуціи и своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла его старались, чтобы это не такъ легко случилось. Такъ какъ они не могли удержать за собою оставшейся въ ихъ распоряженіи Малой Азіи, то раздѣлили ее между своими союзниками, чтобы тѣснѣе привязать ихъ къ своимъ интересамъ: меньшую часть, именно Ликію и Карію до Меандра, получилъ Родосъ, а большую—царь Пергамскій Евменъ, власти котораго также подчинены были и Галлы, побѣжденные Римлянами; такимъ образомъ Пергамское царство вдругъ явилось могущественною державою. Смиреніе Антіоха имѣло слѣдствіемъ также покореніе Этолійцевъ; принужденные отдѣлить отъ себя всѣ соединенные съ ними симполитіею города, и обязавшись доставлять Римлянамъ вспомогательное войско, они потеряли, какъ силу, такъ равно и свою независимость.

Третье главное государство, образовавшееся изъ завоеваній Александра Великаго, Египетъ, не только оставалось спокойнымъ зрителемъ сокрушенія силъ Македоніи и Греціи, но въ то же время само было опутано хитрою политикою Римлянъ и незамѣтно сдѣлалось отъ нихъ зависимымъ.

Изъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ къ завоеваніямъ Александра Великаго, Египетъ, по смерти его, имѣлъ самый счастливый жребій. Птоломей, сынъ Лага, который, какъ мы видѣли выше, успѣлъ утвердиться во владѣніи этою страною противъ всѣхъ на-

паденій, въ 307 году принялъ царскій титулъ и возложилъ на себя діадему. Онъ царствовалъ до 284 года, и такъ какъ умѣлъ сохранить въ государствѣ спокойствіе и оживить торговую дѣятельность, то не удивительно, что Египетъ въ этомъ періодѣ блисталъ передъ всѣми царствами тогдашняго міра, и что главный городъ его Александрія сдѣлался средоточіемъ всемірной торговли и столицею искусствъ и наукъ. Птоломей I Сотеръ распространилъ владѣнія Египта завоеваніемъ Кирене и острова Кипра. Еще въ 286 году онъ принялъ къ себѣ въ соправители Птоломея, старшаго сына отъ второй своей супруги Вереники, за исключеніемъ дѣтей отъ первой. Птоломей II Филадельфъ (284—246) былъ чрезвычайно миролюбивый государь, впрочемъ не уклонялся и отъ войны, если того требовала необходимость. Исторія войнъ его, веденныхъ съ братомъ его Магасомъ, который объявилъ себя въ Кирене независимымъ, показываетъ, что онъ умѣлъ воевать, но онъ предпочиталъ всему мирныя искусства, и ревностное попеченіе о нихъ есть славнѣйшая сторона его дѣятельности. Еще отецъ его основалъ въ Александріи музей или академію наукъ и устроилъ большую библіотеку. Птоломей II заботился съ великою ревностью о поддержаніи сихъ учрежденій, отъ чего число ученыхъ въ Александріи безпрерывно возрастало. Здѣсь съ успѣхомъ занимались точными науками, и если изъ изящныхъ произведеній здѣсь не могло процвѣтать ничего другаго, какъ только дидактическія стихотворенія и идилліи Ѳеокрита, то образовавшейся здѣсь критикѣ мы существенно обязаны сохраненіемъ древнѣйшихъ произведеній Греческаго ума; кто знаетъ, сколько бы древнихъ твореній для насъ было потеряно безъ стараній Александрійскихъ критиковъ и грамматиковъ? При Птоломеѣ II Египетъ сдѣлался первою морскою державою, и если слова Ѳеокрита, что въ царствованіе сего государя въ Египтѣ насчитывалось 33,333 города, суть болѣе нежели поэтическое преувеличеніе; то во всякомъ случаѣ можно принять безъ ошибки, что Египетъ при немъ находился въ цвѣтущемъ состояніи и наслаждался благоденствіемъ. Лишившись первой супруги, онъ женился на сестрѣ своей Арсиноэ, и этимъ подалъ ху-

дой примѣръ своимъ наслѣдникамъ, подражаніе которому могло имѣть не иначе какъ самыя вредныя дѣйствія на фамилію Птоломеевъ. Впрочемъ царь не имѣлъ отъ нея дѣтей, и ему наслѣдовалъ сынъ его отъ перваго брака *Птоломей III Евергетъ* (246—221), мужъ равномѣрно съ большими способностями. Женившись на дочери Магаса, онъ опять соединилъ Кирене съ Египтомъ. Мы уже видѣли, что онъ для отмщенія за смерть сестры своей Вереники предпринялъ счастливый походъ противъ Селевка II, царя Сирійскаго, и какъ извѣстно изъ Адулитанскаго памятника, на которомъ означены всѣ его походы, завоевалъ западный берегъ Аравіи и часть Эѳіопіи *). Слѣдующій царь, *Птоломей IV Филопаторъ* (221—204) предался уже безпорядочной жизни, въ которую такъ легко вовлекаетъ роскошь и праздность. Онъ проводилъ жизнь въ однихъ удовольствіяхъ, между тѣмъ правленіе предоставилъ сперва Сосибію а потомъ совершенно подпалъ подъ вліяніе Агаѳокла и сестры его Агаѳоклеи. Слабость Птоломеева правленія внушила мысль Сирійскому царю Антіоху Великому завоевать Келосирію, но Египетское царство не было такъ слабо, какъ его царь, и побѣда при Рафіи, одержанная Египетскими генералами, положила конецъ предпріятіямъ Антіоха противъ Египта, по крайней мѣрѣ пока былъ живъ Птоломей. Но онъ умеръ прежде нежели сынъ и наслѣдникъ его, *Птоломей V. Эпифанъ* (204—181), пришелъ въ совершеннолѣтіе. Агаѳоклъ хотѣлъ захватить опеку въ свои руки, но народъ въ Александріи поднялъ страшный бунтъ и умертвилъ наперсника прежняго царя вмѣстѣ съ его сестрою. Такъ какъ въ то же время Антіохъ Великій снова началъ угрожать Египту, то Египтяне обратились къ Римскому Сенату и отдались, вмѣстѣ съ юнымъ царемъ своимъ, подъ покровительство республики. Посланная Сенатомъ коммиссія, подъ предсѣдательствомъ М. Эмилія Лепида, учредила здѣсь опеку и принудила Антіоха, одержавшаго при Фанеѣ, у

*) Адулитанскій памятникъ открытъ въ 6-мъ столѣтіи по Р. Х. однимъ купцомъ *Kostas Indopleustas* и находится въ Fabricii biblioth. Graeca, ed. Harless, T. IV, p. 251.

истоковъ Іордана, надъ Египетскими генералами рѣшительную побѣду, довольствоваться уступкою Келосиріи. Молодой царь Эпифанъ не оправдалъ надеждъ, которыя на него полагали: первое, что онъ сдѣлалъ, по принятіи правленія въ свои руки, было отравленіе опекуна Аристомена; послѣ сего онъ предался развратнымъ удовольствіямъ, которыя скоро свели его во гробъ. При такомъ слабомъ правленіи Египетъ не былъ въ состояніи предпринять рѣшительныхъ мѣръ, потому безъ сопротивленія оставался въ зависимости отъ Рима подъ игомъ, наложеннымъ на него обстоятельствами.

Какъ судья и миротворецъ, Римъ владычествовалъ уже отъ Атлантическаго Океана до Эвфрата. Три главныя державы: Карѳагенъ, Македонія и Сирія были такъ ослаблены, что не смѣли начинать войны безъ позволенія Рима, четвертая—Египетъ — состояла подъ Римскою опекою, а малыя государства, подъ именемъ союзниковъ, искали въ Римѣ покровительства, которое уже теперь тяготѣло надъ ними, какъ самое владычество. Что внутри сего круга, опутаннаго Римскою политикою, не существовало больше убѣжища отъ ихъ преслѣдованія, тому доказательствомъ служитъ судьба Аннибала, который не могъ укрыться отъ ненависти Римлянъ при дворѣ Виѳинскаго царя Прузія, и принужденъ былъ въ 183 г. къ самоубійству. Вмѣстѣ съ распространеніемъ владычества извнѣ Римъ измѣнялся внутри, и хотя Катонъ и успѣлъ на время ослабить фамилію Сципіоновъ, и въ достоинствѣ цензора съ неутомимою строгостію заботился о сохраненіи древнихъ Римскихъ нравовъ во всей чистотѣ, его оппозиція не достигла однако своей цѣли; время и обстоятель-

ства требовали перемѣны, которой необходимость заключалась въ самомъ ходѣ событій.

Аннибалъ послѣ пораженія Антіоха бѣжалъ на островъ Критъ, откуда въ послѣдствіи отправился ко двору Виѳинскаго царя Прузія. Но когда и здѣсь онъ показалъ свои таланты въ войнѣ, предпринятой Прузіемъ противъ Римскаго союзника Евмена, то Т. Квинкцій Фламининъ, Римскій посланникъ въ Малой Азіи, потребовалъ отъ царя его выдачи. Прузій, который такъ трепеталъ могущества Рима, что называлъ себя отпущенникомъ Римскаго народа и сенаторовъ своими богами *), не осмѣлился защищать своего гостя. И такъ Аннибалъ, считая недостойнымъ себя подвергнуться какому либо униженію, лишилъ себя жизни, но какимъ образомъ—не извѣстно, потому что извѣстія объ этомъ не согласны. По общепринятому мнѣнію Ливія онъ отравился; напротивъ Плутархъ говоритъ, что онъ удавился своимъ плащемъ. Въ томъ

*) Полибій (lib. XXX, cap. 16) изображаетъ униженность Прузія въ слѣдующихъ словахъ: *ὁ δὲ Προυσίας οὗτος οὐδαμῶς γέγονεν ἄξιος τοῦ τῆς βασιλείας προσχήματος. τεκμήραιτο δ' ἄν τις ἐκ τούτων· ὅς γε πρῶτον μὲν, πρεσβευτῶν παραγεγονότων Ῥωμαικῶν πρὸς αὐτὸν, ἐξυρήμενος τὴν κεφαλὴν καὶ πίλεον ἔχων καὶ τήβενναν καὶ καλικίους, ἀπήντα τούτοις, καὶ καθόλου τοιαύτῃ διασκευῇ κεχρημένος, οἵαν ἔχουσιν οἱ προσφάτως ἠλευθερωμένοι παρὰ Ῥωμαίοις, οὓς καλοῦσι λιβέρτους. Καὶ δεξιωσάμενος τοὺς πρεσβευτὰς. ὁρᾶτε, ἔφη, τὸν ὑμέτερον λίβερτον ἐμὲ, πάντα βουλόμενον χαρίζεσθαι καὶ μιμεῖσθαι τὰ παρ' ὑμῖν· ἧς ἀγεννεστέραν φωνὴν οὐ ῥάδιον εἰπεῖν. Τότε δὲ κατὰ τὴν εισοδον γενόμενος τὴν εἰς τὴν σύγκλητον, στὰς κατὰ τὸ θύρετρον ἀντίος τοῦ συνεδρίου καὶ καθεὶς τὰς χεῖρας ἀμφοτέρας, προσεκύνησε τὸν οὐδὸν καὶ τοὺς καθημένους, ἐπιφθεγξάμενος, χαίρετε, θεοὶ σωτῆρες.* (т. е. Прузій вовсе не былъ достоинъ царскаго имени. Это видно изъ слѣдующаго: когда къ нему пришли Римскіе послы, то онъ вышелъ имъ на встрѣчу съ выбритою головою, въ шляпѣ, и въ башмакахъ, вообще въ такомъ одѣяніи, какое у Римлянъ имѣютъ только-что отпущенные на волю, которыхъ называютъ *либертами*. Принявъ пословъ, онъ сказалъ имъ: вы видите во мнѣ вашего отпущенника, желающаго вамъ угождать и подражать вамъ во всемъ. Не легко сказать что-либо постыднѣе этого. Когда онъ по прибытіи въ Римъ пришелъ ко входу въ Сенатъ, то ставъ у дверей противъ собранія и опустивъ обѣ руки, поклонился порогу и сидящимъ, восклицая: здравствуйте, боги спасители).

же году умеръ побѣдитель его П. Корнелій Сципіонъ въ добровольномъ изгнаніи, потому что Катонъ успѣлъ наконецъ поколебать вліяніе фамиліи Сципіоновъ. Сципіоны во время войны располагали казною и участками земли по своему произволу. Катонъ воспользовался этимъ для обвиненія старшаго Сципіона въ утайкѣ денегъ и настроилъ на это трибуна Петилія. Въ назначенный для суда день Сципіонъ, хотя и явился на площадь, но не за тѣмъ, чтобы оправдываться въ взносимыхъ на него обвиненіяхъ, но чтобы торжествовать надъ своими врагами. Онъ напомнилъ народу, что этотъ день есть день побѣды его надъ Аннибаломъ, и требовалъ, чтобы всѣ слѣдовали за нимъ въ Капитолій для принесенія благодарности богамъ. Но такъ какъ сей краткій тріумфъ только болѣе раздражилъ его завистниковъ, то онъ оставилъ Римъ и удалился въ свое помѣстье Линтернъ, гдѣ и умеръ въ 183 году. Осужденію его и заключенію брата его Луція воспрепятствовалъ своимъ veto народный трибунъ Т. Семпроній Гракхъ, который за эту услугу былъ награжденъ родствомъ съ фамиліею Сципіоновъ, получивъ въ супружество дочь Африканскаго, Корнелію *).

Такое неестественное отношеніе Рима къ прочимъ зависимымъ отъ него государствамъ не могло существовать, но должно было превратиться въ непосредственное владычество. Македонія первая пыталась свергнуть недостойное иго, наложенное на нее Римлянами. Въ сознаніи прежняго своего величія и настоящаго униженія, и въ надеждѣ, что всѣ недовольные въ Греціи пристанутъ къ его знаменамъ, царь Филиппъ въ тиши готовился къ войнѣ. Безпрестанно питаемая несправедливыми поступками ненависть къ Риму сдѣлалась въ душѣ царя господствующею страстью.

*) Касательно исторіи Сципіоновъ, исполненной противорѣчій, см. *Livius* lib. XXXVIII, cap. 54—60.

Старшій сынъ его Персей раздѣлялъ съ нимъ это чувство, между тѣмъ, какъ младшій, Димитрій, былъ расположенъ къ Римлянамъ. Персей, опасаясь, чтобы Римляне изъ дружбы къ Димитрію не отняли у него права на престолъ, увѣрилъ подозрительнаго отца, что Димитрій находится съ Римлянами въ измѣнническихъ сношеніяхъ. Уже одного сего обвиненія было достаточно, чтобы привесть въ величайшій гнѣвъ ослѣпленнаго страстью царя, и Димитрій, въ 181 г., по повелѣнію его, былъ отравленъ. Это происшествіе было уже ударомъ для сердца престарѣлаго царя, но его положеніе сдѣлалось еще ужаснѣе, когда онъ увѣрился въ невинности Димитрія и въ клеветѣ Персея. Онъ не пережилъ своей горести и умеръ въ 179 году. Персей наслѣдовалъ отъ отца своего вмѣстѣ съ силами и его ненависть, и враждебныя намѣренія противъ Рима, но у него не доставало талантовъ, чтобы въ начатой снова борьбѣ съ Римомъ утвердить за собою перевѣсъ: въ четвертый годъ войны (168) онъ былъ разбитъ Л. Эмиліемъ Павломъ, при Пиднѣ, и на островѣ Самоѳракіи, куда бѣжалъ со всею своею фамиліею и сокровищами, взятъ въ плѣнъ. Той же участи подвергся союзникъ его царь Иллирійскій Генцій. Какъ въ Македоніи, такъ и въ Иллиріи, по уничтоженіи царскаго достоинства, введено республиканское правленіе, которое впрочемъ было для нихъ тягостнѣе, нежели самое непосредственное господство Рима.

При вступленіи на престолъ Персея Македонія могла выставить значительныя силы, ибо, хотя мир-

ный договоръ съ Римомъ и связывалъ Филиппу руки, не смотря на то онъ втайнѣ образовалъ многочисленное войско, приготовилъ большое количество оружія и такъ увеличилъ свою казну, что безъ затрудненія могъ принять къ себѣ на службу и содержать наемное войско. Получивъ въ наслѣдство отъ отца такія средства, Персей присовокупилъ еще новое, призвавъ изъ-за Дуная воинственное племя Бастарновъ и поселивъ ихъ на Македонскихъ границахъ. Равнымъ образомъ Иллирійскій царь Генцій изъявилъ готовность къ союзу съ Македоніею противъ Рима. Генцій былъ сынъ и наслѣдникъ Плеврата, которому Римляне по усмиреніи Тевты и при устроеніи Иллирійскихъ дѣлъ назначили въ удѣлъ сѣверную областъ Иллиріи; онъ покорилъ Далмацію и слѣдовательно могъ также составить изъ воинственныхъ народовъ многочисленное войско, если бы Македонскій царь далъ ему денегъ для уплаты жалованія. Къ несчастію Персей былъ скупъ, и даже въ тотъ моментъ, когда шло дѣло о собственной его участи и существованіи государства, онъ неохотно разставался съ своими сокровищами. Онъ обѣщалъ Иллирійскому царю значительную сумму денегъ, и Генцій въ надеждѣ на это умертвилъ Римскихъ пословъ, но Персей не хотѣлъ теперь сдержать свое слово, полагая, что Иллирійцы должны будутъ и безъ его денегъ взяться за оружіе, чтобы защитить себя отъ мести Римлянъ. Конечно расчетъ былъ вѣренъ, но онъ упустилъ при этомъ изъ виду то, что безъ денегъ Генцій не могъ противупоставить никакой значительной силы. И въ самомъ дѣлѣ, преторъ Аниицій безъ труда разбилъ его и самого захватилъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ Македонія могла располагать только своими собственными силами, когда Сенатъ въ 171 году объявилъ ей войну. Искусная система обороны и также неспособность Римскихъ военачальниковъ поставили Персея въ состояніе держаться въ продолженіе трехъ лѣтъ, такъ, что наконецъ Сенатъ снова обратился къ Сципіонамъ. Главнокомандующимъ сдѣланъ былъ Л. Эмилій Павелъ, близкій родственникъ этой фамиліи; подъ его начальствомъ находился также Сципіонъ Назика. Новый вождь тотчасъ оправдалъ возложенную на него

довѣренность, и, принудивъ царя, въ 168 г., при Пиднѣ вступить въ сраженіе, разбилъ его. Эта побѣда рѣшила не только войну, но и судьбу Македоніи, потому что Персей съ своими сокровищами бѣжалъ въ Самоѳракію. Здѣсь онъ нашелъ убѣжище въ храмѣ Діоскуровомъ, и Римляне не дерзали оскорблять святыни, чтобы захватить его въ свои руки. Одинъ Критскій мореходъ обѣщалъ царю спасти его: всѣ деньги во время дня тайно были перенесены на его корабль, но когда въ полночь въ условленный часъ пришелъ на берегъ самъ Персей — обманщикъ съ деньгами былъ уже далеко. Послѣ этого Персей сдался и имѣлъ низость рабскою покорностью купить себѣ жалкую жизнь. Въ древности, когда господствовала мысль, что сильный и великій человѣкъ не долженъ покоряться судьбѣ, освобождая себя отъ ея власти добровольною смертью, его поступокъ былъ самымъ постыднымъ дѣломъ; презираемъ, никѣмъ не сожалѣемъ былъ преемникъ Александра Великаго, потому что онъ допустилъ вести себя въ Римъ предъ колесницею побѣдителя, чтобы до самой своей смерти служить предметомъ насмѣшекъ солдатъ, сторожившихъ его въ Альбѣ. Македонія получила республиканское устройство, но это превращеніе поставило ее въ такое состояніе, что она должна была предпочесть дарованной ей свободѣ владычество Римлянъ. Она была раздѣлена на четыре совершенно независимые другъ отъ друга участка, которымъ запрещено было всякое между собою сообщеніе и которые обязывались платить Римлянамъ въ дань половину податей, прежде вносимыхъ въ царскую казну. Сверхъ того имъ воспрещена была разработка рудниковъ и постройка кораблей. Такимъ же образомъ поступлено и съ Иллиріею. Собранная въ продолженіе Македонской войны добыча и дань, положенная на эту страну, привели Римское правительство въ состояніе освободить гражданъ отъ податей, которыя они платили со времени учрежденія республики; это первое поставило Римскаго гражданина къ побѣжденнымъ нѣкоторымъ образомъ въ отношеніе господина. Впрочемъ освобожденіе отъ податей произошло безъ формальнаго опредѣленія Сената, но при семъ случаѣ послѣдовали древ-

нему обыкновенію, не требовать пожертвованій отъ гражданина, если государство не имѣетъ въ нихъ нужды. Такое состояніе продолжалось до того времени, когда республика начала приближаться къ своему паденію, именно до консульства Гирція и Пансы, когда Римлянинъ снова долженъ былъ покрывать государственныя издержки своими приношеніями. Разительный примѣръ тому, какимъ образомъ Римскій солдатъ началъ съ этой поры смотрѣть на войну, какъ на средство къ обогащенію, представляетъ судьба Эпира. Даже такой образованный и уважаемый полководецъ, какъ Эмилій Павелъ, долженъ былъ уступить корыстолюбію своихъ подчиненныхъ, на что получилъ полномочіе отъ Сената. Вся страна подверглась разграбленію, какъ взятый приступомъ городъ, такъ что Плутархъ говоритъ, что въ одинъ часъ 150,000 человѣкъ были обращены въ рабовъ и опустошено 70 городовъ, и не смотря на то, послѣ сего страшнаго дѣла, ужаснувшаго вселенную, каждый солдатъ получилъ на свою долю не больше какъ ничтожную сумму 11 драхмъ. Вообще теперь въ образѣ мыслей, какъ въ высшихъ сословіяхъ, такъ и въ низшихъ классахъ народа, произошла рѣшительная перемѣна. Добродѣтели древнихъ воиновъ-гражданъ начинаютъ постепенно исчезать и уже изрѣдка въ Римскихъ войскахъ являются характеры, напоминающіе собою тѣ старыя и лучшія времена *).

Очевидно, что паденіе Македоніи долженствовало имѣть на Грецію великое вліяніе, и ближайшимъ его слѣдствіемъ было то, что Ахейскій союзъ пришелъ въ большую зависимость отъ Рима, усиленію которой споспѣшествовало еще внутреннее разстройство его и образованіе партій. Чѣмъ больше возрастало вліяніе Римлянъ, тѣмъ больше

*) Ливій (lib. XLII, cap. 32—35) въ началѣ описанія войны съ Персеемъ изображаетъ такого воина въ лицѣ Сп. Лигустина, соединявшаго въ себѣ всѣ качества и хорошаго поселянина, отца семейства и храбраго, исполненнаго патріотизма воина.

становилось число желавшихъ покорностью ихъ волѣ пріобрѣсть на счетъ своего отечества силу и значеніе. Особенно выказалъ себя въ этомъ отношеніи Калликратъ, и Ахейцы уже такъ мало поимѣли свободы въ своихъ государственныхъ постановленіяхъ, что должны были избрать сего явнаго измѣнника своимъ стратегомъ. Во время войны съ Персеемъ Римляне смотрѣли на Ахейцевъ недовѣрчивыми глазами и, по одержаніи надъ нимъ побѣды, чтобы однимъ ударомъ сдѣлать безвредными всѣхъ своихъ враговъ въ Греціи, воспользовались обвиненіемъ въ приверженности къ Македонской сторонѣ. Тысячи знатнѣйшихъ Ахейцевъ, въ числѣ ихъ и Историкъ Полибій, были, какъ подозрѣваемые въ единомыслін съ Персеемъ, отведены въ Италію и тамъ безъ всякаго суда продержаны цѣлые семнадцать лѣтъ (167—150). Такимъ образомъ Греція пришла въ такое же неестественное отношеніе къ Риму, какъ и Македонія, и обнаруженіе вооруженнаго возстанія для сверженія Римскаго ига было неминуемо; въ самомъ дѣлѣ, въ то самое время, когда открылся мятежъ въ Македоніи, произошли безпокойства и въ Греціи, имѣвшія слѣдствіемъ разрушеніе союза и паденіе Греческой самостоятельности. Оба государства Македонія и Греція сдѣлались Римскими провинціями.

Филопеменъ, послѣднее примѣчательное лице, являющееся главою Греческой націи, лишился жизни въ томъ же году, когда умеръ Аннибалъ и П. Сципіонъ Африканскій. Онъ былъ стратегомъ Ахейскаго союза, когда Динократъ захватилъ тираннію въ Мессеніи и овладѣлъ также Колонидою; не смотря на свои пре-

клонныя лѣта и на случившуюся съ нимъ тогда болѣзнь, онъ тотчасъ бросился на коня и, предводительствуя небольшимъ отрядомъ конницы, поспѣшилъ противъ тиранна, но увлеченный паденіемъ коня, онъ попалъ въ руки тиранна и былъ имъ отравленъ. Ахейцы подъ предводительствомъ Ликорта, отца Полибіева, отмстили за его смерть. Политика Римлянъ — доставлять верховную власть въ Греціи своимъ приверженцамъ и всѣ дѣла этой страны подчинять своему суду—имѣла слѣдствіемъ то, что въ оппозиціи Римской образовалась партія національная, и еще ранѣе обнаружилось бы возстаніе противъ Римскаго владычества, если бъ Римляне не ослабили національной партіи, захвативъ 1,000 знатнѣйшихъ и пользовавшихся особеннымъ вліяніемъ ея членовъ и отправивъ ихъ въ Италію. Большая часть ихъ умерла въ плѣну, и когда Сенатъ даровалъ имъ наконецъ позволеніе возвратиться въ отечество, только 300 осталось въ живыхъ. Они старались еще болѣе разжигать злобу и ненависть къ Риму, которыя уже владѣли большею частью умовъ. Въ то время, какъ Греція пыталась свергнуть съ себя тягостное покровительство Рима, въ Македоніи явился нѣкто Андрискъ, который выдавалъ себя за сына Персеева и извѣстенъ подъ именемъ Лже-Филиппа. Вся страна, недовольная своимъ принужденнымъ положеніемъ и радуясь возможности снова возвратиться къ прежнему образу правленія, приняла его сторону и призвала своимъ царемъ; такимъ образомъ Македонская Монархія возстала еще разъ, но только на короткое время. Въ слѣдующемъ же (148) году Андрискъ Метелломъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, и *Македонія обращена въ Римскую провинцію*. Тогда Римляне обратились противъ Греціи, и вся политика ихъ была направлена къ тому, чтобы раздѣлить Ахейскій союзъ. Отношенія между Спартою и Ахейцами подали имъ желанный поводъ къ вмѣшательству; Спарта, которая только силою оружія была принуждена къ вступленію въ Ахейскій союзъ и удержана въ немъ, старалась теперь разорвать связывавшія ее съ нимъ узы. Римляне рѣшили, что не только должна отдѣлиться Спарта, но и Коринѳъ и Аргосъ и Орхоменъ

и другіе города, приставшіе къ нему не прежде, какъ со времени царя Филиппа. Сей приговоръ открылъ глаза Ахейцамъ касательно видовъ Римской политики и произвелъ явное возстаніе. Римскій посолъ съ трудомъ избѣжалъ оскорбленія; два непримиримѣйшіе врага Рима, Критолай и Діей, овладѣли умами толпы, и когда въ 147 г. на Коринѳскомъ сеймѣ еще разъ явился отъ Метелла посолъ, то въ собраніе втѣснились ремесленники и другіе люди, которые обыкновенно никогда не принимали въ общественныхъ дѣлахъ никакого участія, и подняли такой шумъ, что нельзя было и думать о благоразумномъ объясненіи. И такъ въ 147 г. открылась война: Критолай, бывшій тогда стратегомъ союза, вмѣсто того, чтобы держаться въ Ѳермопилахъ, двинулся назадъ, но въ Фокидѣ былъ Метелломъ настигнутъ и разбитъ; и такъ какъ онъ самъ послѣ битвы болѣе не являлся, то, согласно съ закономъ, начальство принялъ стратегъ протекшаго года Діей. Для пополненія войска сей послѣдній прибѣгъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ и даже вооружилъ рабовъ. Съ составленною такимъ образомъ арміею онъ пошелъ на встрѣчу къ консулу Муммію, который въ 146 г. получилъ начальство надъ войскомъ, и на Истмѣ, при Левкопетрѣ, далъ ему сраженіе и былъ разбитъ на голову. Теперь, считая все потеряннымъ, онъ бросился въ Мегалополь, свое отечество, и, умертвивъ свою супругу, самъ принялъ ядъ. Послѣ сего Римляне не встрѣчали никакого сопротивленія. Коринѳъ сдался и былъ разграбленъ и превращенъ въ пепелъ *). Ахейскій союзъ былъ уничтоженъ, всѣ собранія запрещены, и каждый городъ въ отдѣльности подчиненъ олигархіи, между тѣмъ, какъ *вся Греція въ совокупности подъ именемъ Ахайи обращена въ Римскую провинцію.*

*) Позднѣйшіе Римляне сожалѣли о семъ варварскомъ поступкѣ; Цицеронъ (de off. I, 11) говоритъ: Majores nostri Carthaginem et Numantiam funditus sustulerunt. Nollem Corinthum, sed credo illos secutos opportunitatem loci maxime, ne posset aliquando ad bellum faciendum locus ipse adhortari.

Когда Римляне вдругъ такъ разительно измѣнили свою систему, обративъ зависимыя отъ нихъ и приведенныя въ беззащитное положеніе страны въ свои провинціи, то и Карѳагенъ не могъ избѣжать одинаковой участи. Въ то самое время, когда Македонія и Греція потеряли свое политическое состояніе, политика Римлянъ составила планъ уничтоженія Карѳагена. Онъ веденъ былъ съ такою хитростью, что они надѣялись успѣть разрушить это обезоруженное и стѣсненное государство безъ всякаго сопротивленія, но Карѳагеняне, увидя неизбѣжность паденія, рѣшились пасть по крайней мѣрѣ со славою и сколько возможно дороже продать свою жизнь. Такимъ образомъ произошла *третья Пуническая война* (149—146), кончившаяся послѣ отчаяннаго сопротивленія взятіемъ и разрушеніемъ Карѳагена и обращеніемъ его области въ Римскую провинцію.

Карѳагенъ, посредствомъ торговли и земледѣлія, снова пришелъ въ такое цвѣтущее состояніе, что началъ обращать на себя вниманіе Римлянъ; впрочемъ, раздираемый внутри партіями, изъ которыхъ одна держала сторону Римлянъ, другая Массиниссы и третья была патріотическая, онъ мало могъ быть опаснымъ Римлянамъ, особливо когда Массинисса, столь тѣсно соединенный съ ними, господствовалъ надъ безоружнымъ Карѳагеномъ. Массинисса поступалъ съ нимъ съ такою несправедливостью и подъ предлогомъ возстановленія правъ своихъ предковъ отнималъ такъ много городовъ, что Карѳагенъ взялся наконецъ за оружіе. Скорость, съ какою Карѳагеняне выставили 58,000 войско, устрашила въ Римѣ многихъ, и Катонъ изъ зависти и ненависти къ Сципіонамъ, имѣвшимъ нѣкоторымъ образомъ протекторство надъ симъ городомъ, настаивалъ на разрушеніи Карѳагена; извѣстно, что онъ не говорилъ въ Сенатѣ ни одной рѣ-

чи, которая бы не оканчивалась словами: ceterum censeo, Carthaginem esse delendam. Сципіоны изъ фамильныхъ интересовъ противодѣйствовали Катоновой партіи. Молодой Сципіонъ Эмиліанъ, сынъ Л. Эмилія Павла, усыновленный фамиліею Сципіоновъ, отправился въ Африку самъ, хотя не имѣлъ отъ Сената никакого порученія, чтобы своимъ посредничествомъ рѣшить споръ между Кароагеномъ и Массиниссою, но дѣло распалось, когда Массинисса потребовалъ возвращенія изгнанной изъ города своей партіи. Послѣ сего Сенатъ отправилъ въ Африку коммиссію изъ десяти человѣкъ, но еще до ея прибытія престарѣлый Нумидійскій царь окружилъ Кароагенское войско и принудилъ Кароагенъ къ миру на слѣдующихъ условіяхъ: заплатить ему 5000 талантовъ, выдать переметчиковъ и возвратить изгнанникамъ всѣ ихъ прежнія достоинства; за то онъ обѣщалъ отпустить принужденное имъ къ сдачѣ Кароагенское войско. Но сынъ его Гулусса не сдержалъ договора и избилъ безоружныхъ Кароагенянъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда прибыла Римская коммиссія, и со стороны Массиниссы къ ней присоединился вѣроломный Гулусса. Когда Кароагенское правительство отказало впустить сего послѣдняго въ городъ, то Римскіе посланники съ негодованіемъ удалились и пристрастнымъ изображеніемъ могущества Кароагена склонили Сенатъ къ войнѣ. Въ этой третьей войнѣ между Римомъ и Кароагеномъ, сколь не достойною является съ одной стороны вѣроломная политика Римлянъ, столь величественною отчаянная оборона падающаго великаго государства. Консулы 149 г. М. Манилій и Л. Марцій отправились съ 80,000 войскомъ въ Сицилію, чтобы оттуда переѣхать въ Утику, которая отпала отъ Кароагена и передалась Римлянамъ. Едва Кароагеняне получили извѣстіе объ объявленіи войны и выступленіи непріятельскаго войска, какъ тотчасъ отправили въ Римъ пословъ съ порученіемъ заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Сенатъ объявилъ имъ, что если Кароагеняне дадутъ консуламъ, пока они еще въ Сициліи, 300 заложниковъ изъ первенствующихъ фамилій и исполнятъ дальнѣйшія ихъ повелѣнія, то государ-

ство останется независимымъ. Карѳагенское правительство старалось скорымъ исполненіемъ сего требованія показать свою покорность и выслало къ консуламъ въ Сицилію требуемыхъ заложниковъ. Они отвѣчали посламъ, что объявятъ слѣдующія условія въ Африкѣ, и потомъ переправились съ войскомъ въ Утику. Здѣсь они сдѣлали второе требованіе, — выдать оружіе и всѣ военные снаряды, и за то обѣщали имъ свою защиту отъ всякаго непріятеля. Карѳагеняне согласились и на это, и по словамъ Аппіана выдали 200,000 доспѣховъ, 2000 катапультъ и великое множество стрѣлъ и дротиковъ. Само собою разумѣется, что очищены были только публичные арсеналы и что въ частныхъ домахъ оставалось еще очень много оружія, и если говорятъ, что во всемъ Карѳагенѣ нельзя было найти больше никакого оружія, то это ничто иное, какъ одно реторическое преувеличеніе. Консулы, обезоруживъ такимъ образомъ городъ, обреченный на разрушеніе, двинулись къ нему съ послѣднимъ требованіемъ. Карѳагеняне должны оставить городъ, который Сенату угодно разрушить, и построить новый, по крайней мѣрѣ въ 10,000 шаговъ отъ моря. Такое требованіе воспламенило всѣ умы и пробудило народъ. Доселѣ народъ предоставлялъ правительству вести переговоры; но теперь всѣ согласившіеся на выдачу оружія подверглись его негодованію: онъ вызвалъ Асдрубала, который принужденъ былъ оставить городъ за то, что порицалъ поступки правительства и съ самаго начала не довѣрялъ Римлянамъ. Если въ реторическомъ описаніи Аппіана объ усиліяхъ отчаянныхъ гражданъ и энтузіасмѣ, объявшемъ даже женъ и дѣтей, есть многія преувеличенія, по крайней мѣрѣ достовѣрно то, что всѣ соревновали въ усердіи служить отечеству, и все народонаселеніе Карѳагена было воодушевлено твердою рѣшимостью лучше умереть подъ развалинами своего роднаго города, нежели постыдно оставить его.

Консулы надѣялись, что беззащитный Карѳагенъ сдастся при первомъ ихъ появленіи. Но когда сверхъ всякаго чаянія они встрѣтили сильный отпоръ, то многіе Африканцы, приставшіе къ ихъ войску, въ

ожиданіи богатой добычи, разошлись по домамъ и этимъ можно объяснить, почему война совершенно отошла отъ стѣнъ Карѳагена къ отдаленнымъ предѣламъ и проходила въ покореніи городовъ оставшихся вѣрными Карѳагенянамъ. Къ тому жъ присоединились перемѣны, происшедшія въ положеніи Африки по причинѣ смерти Массиниссы: три сына его раздѣлили между собою Нумидійское царство, по назначенію Сципіона, который принялъ на себя это важное дѣло, не какъ уполномоченный отъ Сената, а только въ слѣдствіе своихъ фамильныхъ интересовъ. Но двое изъ сыновей Массиниссы подозрѣвали, что Римляне слишкомъ покровительствуютъ ихъ брату Гулуссѣ, и по сему склонились на сторону Карѳагена. Теперь бы нуженъ былъ для Карѳагенянъ Аннибалъ, теперь, когда они были единодушны, когда всѣ раздоры партій изъ ненависти къ вѣроломной политикѣ Рима затихли, когда народъ полный воодушевленія напрягъ всѣ свои силы — теперь полководецъ подобный Аннибалу могъ бы совершить чудеса, но военачальникъ Карѳагенскій Асдрубалъ не имѣлъ генія Аннибала, и если не отставалъ отъ него въ ненависти къ Риму, то и не обладалъ тѣмъ постоянствомъ, чтобы доказывать ее до послѣдняго издыханія. 148 годъ также мало былъ счастливъ и рѣшителенъ для Римлянъ, какъ и предшествовавшій ему, такъ что наконецъ снова прибѣгли къ одному изъ Сципіоновъ. Юный Сципіонъ Эмиліанъ находился тогда въ такомъ возрастѣ, въ которомъ не позволялось занимать никакой другой должности кромѣ эдильства; не смотря на то, подобно своему названному дѣду, онъ былъ избранъ въ консулы и посланъ въ Африку. Сципіонъ возстановивъ пришедшую въ упадокъ дисциплину, исполнилъ войско новымъ духомъ, потомъ повелъ его къ стѣнамъ Карѳагена и началъ осаду, примѣчательную какъ по усиліямъ, сдѣланнымъ Римлянами, такъ по геройскому мужеству и страданіямъ осажденныхъ. Сципіонъ удержалъ начальство и на слѣдующій 146 годъ. Овладѣвъ предмѣстіемъ Мегарою и отрѣзавъ плотиною городъ отъ всякаго подвоза со стороны моря, онъ сдѣлалъ приступъ къ главной части его Коѳону; впрочемъ успѣлъ овладѣть городомъ и пре-

кратить всякое сопротивленіе не прежде, пока съ помощію пожара и убійства не была взята одна улица за другою до самой крѣпости Бирсы; въ храмѣ крѣпости сдался Асдрубалъ, умоляя побѣдителя о пощадѣ, напротивъ жена его, говорятъ, умертвивъ своихъ дѣтей, низверглась съ зубцовъ храма. Сорокъ тысячъ человѣкъ пережили паденіе своего отечественнаго города. Когда Сципіонъ, по совершеніи завоеванія, взглянулъ на дѣло рукъ своихъ и увидѣлъ великій городъ, объятый пламенемъ пожара, то чувство его невольно выразилось слѣдующими словами Гомера:

Ἔσσεται ἦμαρ ὅτ' ἄν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρή
Καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐϋμμελίω Πριάμοιο.

Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,*)
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.

Владѣнія Карѳагена, подъ именемъ Африки, сдѣлались Римскою провинціею. На мѣсто, которое занималъ Карѳагенъ, было наложено проклятіе и испрошены жесточайшія бѣдствія на голову того, кто когда нибудь рѣшится снова построить на немъ городъ. Впрочемъ, въ послѣдствіи мы видимъ, что Карѳагенъ былъ возобновленъ, во-первыхъ К. Гракхомъ и потомъ Цезаремъ, и процвѣталъ сначала, какъ главный городъ провинціи Африки, послѣ какъ столица Вандальскихъ царей, пока наконецъ Арабы не разрушили его на вѣки.

Для полнаго округленія Римскаго владычества на Западѣ надлежало покорить Испанію и Галлію, но обѣ страны не прежде отказались отъ своей свободы и сдѣлались Римскими провинціями, какъ по оказаніи мужественнаго сопротивленія. Римляне утвердились въ Испаніи во время второй Пунической войны и основали въ ней двѣ провинціи, которыя раздѣлялись между собою рѣкою

*) Homer. Il. VI, vs. 448. По переводу *Гнѣдича*.

Бетисомъ и назывались Hispania citerior и Hispania ulterior. Правители этихъ провинцій старались отсюда покорять независимыя еще племена, и при открытіи третьей Пунической войны оставалось покорить однихъ только Лузитанцевъ; тогда Римляне могли бы считать Испанію подвластною страною. Но Лузитанцы, подъ предводительствомъ Виріата, защищались съ геройскимъ мужествомъ, и Римляне успѣли не прежде, какъ по умерщвленіи Виріата и по взятіи и разрушеніи Нуманціи превратить и Лузитанію въ Римскую провинцію, и за исключеніемъ сѣверозападныхъ горъ, еще столѣтіе удержавшихъ свою независимость, по всей Испаніи, по истребленіи туземной народности, разлить Римское образованіе.

Виріатъ, несчастными обстоятельствами оторванный отъ мирныхъ пастушескихъ занятій къ военной и разбойнической жизни, и своими талантами достигшій главнаго начальства надъ своими единоземцами, хорошо зная мѣстность и не пропуская ни одного удобнаго случая наносить вредъ непріятелю, получилъ перевѣсъ надъ посланными противъ него Римскими полководцами. Съ 149 года, въ которомъ во первыхъ разбилъ Ветилія, онъ противостоялъ Римлянамъ въ продолженіе осьми лѣтъ съ такимъ счастіемъ, что сталъ казаться непобѣдимымъ, и Римскій правитель въ Испаніи, Цепіонъ, не будучи въ силахъ побѣдить храбраго противника въ открытомъ полѣ, прибѣгъ къ тайному убійству. Цепіонъ подкупилъ трехъ друзей Виріата, и они умертвили въ 140 году своего довѣрчиваго друга, который вовсе не ожидалъ найти измѣнника среди своего народа и тѣмъ менѣе въ кругу ближайшихъ своихъ сподвижниковъ. По паденіи Виріата, между соединившимися противъ Рима народами произошли несогласія, которыя облегчили побѣду Римлянъ; только одна Нуманція противилась ихъ силамъ и наносила имъ удары и посрамленія; въ 137 г.

Нумантинцы поставили консула Гостилія Манцина въ такое тѣсное положеніе, что онъ не могъ иначе спастись, какъ заключивъ миръ; переговоры велъ его Квесторъ Тиб. Семпроній Гракхъ, и по этому договору консулъ призналъ независимость Нуманціи. Сенатъ отвергъ сей договоръ и выдалъ консула Нумантинцамъ головою; но они не приняли его. Послѣ того, какъ другіе полководцы напрасно испытывали свое счастіе противъ сего города, наконецъ въ 134 г. выбранъ былъ во второй разъ въ консулы и получилъ начальство надъ войскомъ покоритель Карѳагена Сципіонъ Эмиліанъ. Какъ прежде предъ Карѳагеномъ, такъ и теперь передъ Нуманціею, онъ нашелъ войско отвыкшимъ отъ всякой дисциплины. Возстановивъ дисциплину, онъ заперъ городъ со всѣхъ сторонъ, чтобы лишить его извнѣ всякаго пособія и подвоза жизненныхъ припасовъ, въ чемъ и успѣлъ, прекративъ плаваніе по Дуэро. Нумантинцы превзошли въ терпѣніи человѣческія силы, истощили всѣ усилія и, когда ни что не помогало, то сдались въ 133 году. Всѣ пережившіе труды и бѣдствія осады были проданы въ рабство, кромѣ 50, которыхъ Сципіонъ пощадилъ для своего тріумфа, а городъ срытъ до основанія *).

Непосредственно послѣ разрушенія Нуманціи начались въ Римѣ внутреннія безпокойства, въ продолженіе ста лѣтъ продержавшія государство въ судорожномъ состояніи. Они происходили не такъ

*) Этотъ конецъ показался Флору слишкомъ прозаическимъ, посему онъ перенесъ на Нуманцію исторію паденія Сагунта. По его разсказу граждане убивали своихъ женъ и дѣтей и потомъ прекращали свою жизнь самоубійствомъ посредствомъ яда, меча и огня и наконецъ заключаетъ слѣдующею патетическою фразою, которая сплетена изъ лжи: unus enim vir Numantinus non fuit, qui in catenis duceretur, praeda ut de pauperibus nulla; arma ipsi cremaverant; triumphus fuit tantum de nomine. Таково было описаніе этого событія и у Ливія, какъ видно изъ оглавленія 59 книги; но разсказъ Аппіана въ его Hispanicis гл. 84 и слѣд. имѣетъ на своей сторонѣ все, что носитъ на себѣ отпечатокъ истинной исторической картины.

какъ прежде отъ неравенства сословій, но отъ неравенства имуществъ. Въ семъ отношеніи важно разсмотрѣть вліяніе провинцій и управленіе ими, ибо деньги сдѣлались теперь рычагомъ всѣхъ предпріятій, и угнетенные провинціялы должны были доставлять Римлянамъ средства для удовлетворенія ихъ честолюбія. Сенатъ, въ рукахъ котораго находилась администрація провинцій, не хотѣлъ притѣснять и истощать ихъ; подати, возложенныя на нихъ, были умѣренны и никогда не превышали налоговъ, которые они платили въ прежнемъ своемъ состояніи; но двѣ вещи сдѣлались истиннымъ зломъ для провинцій — отдача на откупъ податей и корыстолюбіе Римскихъ правителей. Откупы были слишкомъ велики для имущества одного частнаго человѣка, посему изъ сословія имѣвшаго въ рукахъ своихъ наиболѣе денегъ, изъ сословія всадниковъ, образовались компаніи: одна откупала десятину съ нивъ, другая — подати съ пастбищъ, третья — пошлины, и т. д. Компанія, откупившая доходы цѣлой провинціи, снова отдавала на откупъ разные участки ея низшимъ откупщикамъ, сіи послѣдніе снова отдавали нѣкоторыя части тѣмъ, кто больше платилъ. Такимъ образомъ эта важная вѣтвь управленія перешла изъ рукъ правительства, которое всегда имѣетъ цѣлію благо подданныхъ, въ руки обществъ, заботившихся только о своихъ выгодахъ. Главные откупщики получали большой барышъ отъ подчиненныхъ имъ откупщиковъ, которые съ своей стороны старались вознаградить себя тѣмъ, что брали съ своихъ подчинен-

ныхъ больше, нежели сколько тѣ должны бы были заплатить, а послѣднимъ что жъ оставалось дѣлать, какъ не выручать съ процентами наложенной на нихъ суммы угнетеніемъ жителей? И такъ не удивительно, что мытарь (сборщикъ податей) и грѣшникъ сдѣлались однозначущими словами. Такимъ образомъ деньги скоплялись въ рукахъ всадниковъ, которые увеличивали еще бѣдствіе провинцій тѣмъ, что принуждали ихъ брать свои капиталы за большіе проценты *). Провинціи хотя и могли жаловаться, но правосудіе было уже такъ продажно и вліяніе сословія всадниковъ такъ велико, что жалующаяся сторона обыкновенно повергалась только въ бо̀льшее бѣдствіе. Въ теченіе войнъ, обогатившихъ Римъ столькими провинціями, нѣсколько фамилій успѣло утвердить за собою въ государствѣ первенство. Они смотрѣли на всѣ должности, провинціи и на начальство надъ войскомъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ на свое наслѣдственное достояніе, и трудно было такъ называемому homo novus, происходившему изъ фамиліи, не занимавшей ни одной изъ высшихъ государственныхъ должностей, занять мѣсто въ тѣсномъ ихъ кругу. Сіи-то фамиліи дѣлили съ всадниками всѣ выгоды завоеваній; въ

*) Лучше всего можно видѣть эту систему притѣсненія, принятую Римскими знатными, изъ нѣкоторыхъ писемъ Цицерона къ другу своему Аттику (epp. ad Attic. lib. V, 18, 20, 21, lib, VI, 1), гдѣ онъ говоритъ, что надобно имѣть добродѣтель выше человѣческой, чтобы, будучи правителемъ, умѣть удовлетворять сборщикамъ податей и ростовщикамъ и не допускать до совершеннаго разоренія провинцій: Hic ita te versari, ut et publicanis satisfacias et socios perire non sinas, divinæ cujusdam virtutis esse videtur.

противоположность имъ возникла многочисленная чернь, состоявшая по большой части изъ отпущенниковъ: чернь, не имѣвшая другихъ средствъ къ пріобрѣтенію кромѣ войны и по сему находившаяся въ постоянной зависимости отъ знатныхъ и богатыхъ. Эту массу народа можно было употребить на все, если только пустить въ ходъ ея интересы.

Первый воспламенилъ эту матерію, скопившуюся для внутреннихъ смятеній, *Тиб. Семпроній Гракхъ*, и поводомъ къ тому было ager publicus. Особенно во время второй Пунической войны это поле распространилось по всей Италіи и перешло во владѣніе правительствующихъ фамилій, которыя стали воздѣлывать его руками своихъ рабовъ. Отъ того произошло, что большая часть Италіи лишилась своего свободнаго народонаселенія, которое частію переселилось въ городъ, въ надеждѣ тамъ найти средства къ пропитанію. И такъ было бы очень справедливо и благоразумно раздѣлить часть общественнаго поля между бѣдными, и такимъ образомъ очистить городъ отъ толпы людей, сегодня не знавшихъ, чѣмъ будутъ жить завтра, и тѣмъ болѣе, что по древнему Лициніеву закону никто не могъ имѣть общественнаго поля больше 500 jugera. По рѣдко случается, чтобы партія господствующая и увѣренная въ мнимой справедливости своего владѣнія, добровольно соглашалась пожертвованіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ выгодъ спасти большія и отклонить бурю, угрожающую имъ совершенною гибелью. Уже другъ старшаго Сципіона, Лелій,

имѣлъ мысль напомнить о раздѣленіи общественнаго поля, но, предвидя сильную оппозицію и не надѣясь преодолѣть ее, онъ оставилъ свой планъ, за что аристократія почтила его названіемъ мудраго (sapiens). Изъ самаго народа никто не могъ за это взяться. Защитнику бѣдныхъ противъ богатыхъ, который далъ бы власти трибуновъ новую силу, должно было выйти изъ среды правительствующихъ фамилій, и въ самомъ дѣлѣ никто не былъ къ тому способнѣе Тиб. Семпронія Гракха, который по своей матери Корнеліи находился въ близкомъ родствѣ съ фамиліею Сципіоновъ. Если и оскорбленное чувство много содѣйствовало къ тому, что онъ сталъ въ оппозицію къ аристократіи, то во всякомъ случаѣ сначала онъ дѣйствовалъ какъ справедливо, такъ и умѣренно; но послѣ, раздраженный оказаннымъ ему сопротивленіемъ, онъ схватился за противозаконныя средства, положившія начало разстройству и паденію государства.

Гракхъ, избранный на 133 годъ въ народные трибуны, прежде нежели предпринялъ предположенную имъ реформу, старался узнать, въ какой степени она найдетъ одобреніе между аристократіею. Плутархъ именуетъ трехъ мужей, изъ самыхъ знатныхъ фамилій, Аппія Клавдія, Муція Сцеволу и великаго первосвященника Красса, которые не противились этому. Сципіоны держались противнаго мнѣнія, и Гракху представлялось отказаться отъ своихъ плановъ или прервать всѣ связи съ ними. Онъ выбралъ послѣднее. Впрочемъ, первое сдѣланное имъ предложеніе, по видимому, не заключало въ себѣ никакого нововведенія, а клонилось только къ возстановленію древняго Лициніева закона. Какъ ни справедливо было съ одной стороны это предложеніе, но также съ другой нельзя об-

винять и знатныхъ за ихъ сопротивленіе. Долговременное владѣніе такъ тѣсно слило частныя и государственныя имущества, что раздѣленіе ихъ, если было и не совсѣмъ невозможно, по крайней мѣрѣ представляло большія затрудненія; далѣе, владѣльцы употребили на воздѣланіе принадлежавшихъ имъ земель, какъ собственныхъ, такъ и общественныхъ, большія издержки, посему въ самомъ дѣлѣ Гракховъ законъ казался имъ нападеніемъ на ихъ собственность. Но и въ этомъ случаѣ Гракхъ показалъ умѣренность, которая характеризуетъ его первое выступленіе, сдѣлавъ къ своему закону прибавленіе, по которому владѣльцы выданныхъ земель, по оцѣнкѣ назначенныхъ къ тому чиновниковъ, должны были получить вознагражденіе за всѣ употребленныя на нихъ издержки. Не смотря на такую умѣренность, раздраженная аристократія не соглашалась ни на какія условія. Съ самаго начала умы были воспламенены, и этотъ великій вопросъ сдѣлался дѣломъ партій, потому что пользовавшаяся выгодами сторона предпочла лучше пустить въ игру все, нежели что нибудь потерять. Сперва она прибѣгла къ средству согласному съ государственными постановленіями: противопоставить Гракху другаго народнаго трибуна. М. Октавій согласился въ назначенный для чтенія Гракхова закона день остановить его своимъ veto. Этого Тиберій не ожидалъ, съ этой стороны онъ менѣе всего опасался сопротивленія. Впрочемъ и ему оставался еще законный путь; своею властію онъ остановилъ теченіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ; казнохранилище было запечатано и всѣ чиновники прекратили отправленіе своихъ должностей. Въ подобномъ состояніи республика находилась и во время прежней борьбы патриціевъ съ плебеями, но та борьба продолжалась цѣлые десять лѣтъ, и тогда имѣли терпѣніе и лучше рѣшались дожидаться, нежели противузаконными средствами нарушать государственныя постановленія. Этого-то терпѣнія не доставало Тиберію. Послѣ неудачной попытки предоставить дѣло рѣшенію Сената, онъ рѣшился на несчастный шагъ — перейти за предѣлы закона. Въ собраніи трибъ онъ требовалъ отъ своего товарища и со слезами на глазахъ умолялъ его отказаться

отъ своего veto, и когда тотъ оставался непреклоннымъ, то съ согласія трибъ отрѣшилъ его отъ должности. Едва Октавій объявленъ былъ низложеннымъ, какъ озлобленный народъ бросился на него со всѣхъ сторонъ и навѣрно разорвалъ бы его на части, если бъ его не защитила аристократическая партія. Законъ о поляхъ былъ теперь тотчасъ принятъ, и Тиберій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Каемъ и дядею Аппіемъ Клавдіемъ назначены его исполнителями: имъ поручено было отдѣлить общественное имѣніе отъ частнаго и первое раздѣлить. Аристократическая партія, принужденная покориться закону Гракха, стала изыскивать всевозможныя средства къ затрудненію его исполненія и къ погубленію самого законодателя; Тиберій видѣлъ это и по необходимости прибѣгъ къ демагогіи. Онъ полагалъ все свое спасеніе во вторичномъ избраніи въ трибуны, и чтобы поддержать народъ въ добромъ расположеніи, долженъ былъ дѣлать многое, чего можетъ быть не одобрялъ самъ. Въ это время умеръ Пергамскій царь Атталъ III и завѣщалъ свое царство и казну Римскому народу *). Доселѣ одинъ Сенатъ имѣлъ право управлять провинціями и распоряжался внѣшними дѣлами, но теперь Тиберій выступилъ съ предложеніемъ раздѣлить казну Пергамскаго царя между бѣдными гражданами, которые получатъ участіе въ общественныхъ поляхъ, чтобы они имѣли для перваго обзаведенія наличныя деньги, и предоставить распоряженіе городами Пергамскаго царства народу, — т. е. трибунамъ. Что касается до ряда другихъ предложеній, къ числу которыхъ отно-

*) Евмену II, умершему въ 158 г. наслѣдовалъ братъ его Атталъ Филадельфъ, царствовавшій въ великой зависимости отъ Рима до 138 г. За нимъ вступилъ на престолъ племянникъ его, сынъ Евмена II, Атталъ III Филометоръ, который послѣ пятилѣтняго правленія умеръ, завѣщавъ свое царство Риму. Римляне тотчасъ приняли его въ свое владѣніе, но противъ нихъ выступилъ родственникъ царской фамиліи, Аристоникъ, котораго происхожденіе впрочемъ сомнительно, и, разбивъ консула Красса, овладѣлъ царствомъ своихъ предковъ. Впрочемъ онъ не могъ долго противустоять могуществу Рима. Въ 130 году онъ былъ Перперною разбитъ, взятъ въ плѣнъ и въ темницѣ удавленъ, а Пергамское царство подъ именемъ Азіи обращено въ Римскую провинцію.

сится предложеніе о доставленіи участія въ судебной власти сословію всадниковъ, то не извѣстно, издалъ ли ихъ Тиберій, или это были только однѣ его идеи, которыя пылкій Кай въ послѣдствіи привелъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Тиберій старался пріобрѣсть совершенное расположеніе народа, чтобы въ назначенный для избранія трибуновъ день не миновать своей цѣли. Къ несчастію этотъ день пришелся во время жатвы, и Тиберій за отсутствіемъ сельскихъ жителей могъ положиться на одну plebs urbana. Сенатъ подалъ противъ вторичнаго выбора Тиберія протестъ. Первый день избранія прошелъ въ спорахъ между самими трибунами безъ всякаго рѣшенія. Тиберій предвидѣлъ свое паденіе и явился на площадь въ траурной одеждѣ; этотъ видъ снова возбудилъ къ нему въ народѣ живѣйшее участіе; множество людей во всю ночь не отходило отъ его дома, надзирая за его безопасностью, и на другой день съ радостными криками его отвели въ Капитолій. Сенатъ собрался въ находившемся по близости храмѣ Вѣрности, откуда былъ слышенъ шумъ и крики народа. Вдругъ приносятъ извѣстіе, что Тиберій потребовалъ себѣ діадемы, — такъ объяснили враги его сдѣланное имъ рукою къ головѣ движеніе, когда онъ, не могши по причинѣ шума говорить, хотѣлъ по крайней мѣрѣ знаками показать, что его головѣ угрожаетъ опасность. Сципіонъ Назика требовалъ отъ консуловъ, чтобы они употребили противъ измѣнника свою власть, и, получивъ отъ нихъ отказъ, самъ предводительствуя единомышленными съ нимъ сенаторами, съ осколками разломанныхъ скамей и, можетъ быть, съ скрытыми кинжалами, бросился въ Капитолій. При ихъ приближеніи народъ разбѣжался, и Тиберій вмѣстѣ съ 300 гражданъ погибъ въ свалкѣ.

Насильственная смерть Тиберія Гракха, хотя и лишила образованную имъ партію вождя, но не сокрушила ея связи и мужества, и чѣмъ яснѣе послѣднія событія обнаружили, что богатые именемъ общественнаго блага прикрывали только свои част-

ные интересы, тѣмъ сильнѣе возрастало противъ нихъ неудовольствіе. Сципіонъ Назика, не считая болѣе себя безопаснымъ въ Римѣ, удалился въ Азію, гдѣ вскорѣ потомъ умеръ. Хотя Сенатъ и казнилъ многихъ приверженцевъ Тиберія, въ томъ числѣ и учителя его Діофана, однако не осмѣлился уничтожить lex agraria, а только искалъ случая сколько возможно препятствовать его исполненію. Продолжительные процессы, которые влекло за собою это постановленіе, подали ему лучшій къ тому поводъ. Между тѣмъ Гракхова партія старалась усилиться, и для сего къ своему первому и безъ того уже важному вопросу присоединила еще важнѣйшій: доставленіе права Римскаго гражданства Латинскимъ и Италіянскимъ союзникамъ; отъ того интересы пришли еще болѣе въ запутанное состояніе и борьба еще болѣе усилилась. Разрушитель Карѳагена и Нуманціи, Сципіонъ Эмиліанъ, однажды утромъ въ 129 г. найденъ на своей постели убитымъ; какимъ образомъ онъ погибъ, неизвѣстно, потому что Сенатъ не рѣшился сдѣлать изслѣдованія; противная партія изъ ненависти обвиняетъ въ этомъ злодѣяніи его супругу Семпронію, сестру Гракховъ. Сенатъ старался помочь себѣ удаленіемъ изъ Рима, подъ почетными предлогами, вождей демократической партіи: Кай Семпроній Гракхъ былъ посланъ квесторомъ въ Сардинію и Фульвій Флаккъ въ Южную Галлію на помощь къ городу Массиліи, и этотъ походъ положилъ начало утвержденію Римлянъ въ Трансальпинской Галліи. Если Римъ теперь и успокоился, то это только была тиши-

на, предшествующая бурѣ. Опасеніе, обнаруженное Сенатомъ тѣмъ, что онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ безсмѣнно удерживалъ К. Гракха въ Сардиніи, доказывало, что онъ страшился всего отъ этого человѣка. Въ 124 г. Кай возвратился противъ воли Сената въ Римъ и тотчасъ вступилъ на ту же дорогу, которая довела до погибели его несчастнаго брата. Пылкость характера, распаленнаго ненавистью и мщеніемъ, увлекла его къ крайностямъ, и если и онъ палъ отъ интригъ своихъ противниковъ, то паденіе его сопровождалось большимъ потрясеніемъ государства и жесточайшимъ кровопролитіемъ, нежели умерщвленіе Тиберія.

Всеобщее ожиданіе, что Кай Гракхъ будетъ дѣлать и чего требовать по избраніи своемъ въ народные трибуны на 123 г., привлекло въ Римъ множество народа изъ другихъ городовъ. Отъ этого съѣстные припасы вздорожали, и Гракхъ во-первыхъ предложилъ теперь lex frumentaria, по которому государство должно было собирать жито въ общественные магазины и оттуда во время дороговизны отпускать бѣднымъ опредѣленное количество на мѣсяцъ по дешевой цѣнѣ. Сокращеніемъ срока военной службы, предпріятіемъ большихъ построекъ, при которыхъ бѣдные находили себѣ занятіе и богатую плату, и другими подобными мѣрами онъ сдѣлался любимцемъ народа и чрезъ него всемогущимъ въ государствѣ. По общему приговору народа безъ всякаго съ своей стороны домогательства онъ получилъ трибунское достоинство и на 122 годъ, и одной его рекомендаціи достаточно было для возвышенія одного изъ друзей его Фаннія въ консулы. Но онъ скоро почувствовалъ и трудность своего положенія; онъ долженъ былъ теперь новыми планами держать народъ въ постоянномъ напряженіи; потому что на той опасной дорогѣ, на которую онъ вступилъ, остановиться значитъ навѣрно погибнуть.

Во второй годъ своей должности предложеніемъ двухъ законовъ, которые въ существенныхъ пунктахъ измѣнили внутреннее устройство Рима, онъ заронилъ въ государство двѣ искры, произведшія всеобщій пожаръ. Первымъ закономъ онъ требовалъ доставленія полнаго права гражданства Римскимъ союзникамъ и, успѣвъ въ этомъ, онъ могъ бы быть увѣренъ въ партіи, готовой большинствомъ голосовъ подтвердить все, что ему заблагоразсудится; вторымъ требовалъ перемѣны по части судопроизводства. Доселѣ судъ происходилъ такъ: преторъ извѣщалъ о дѣлѣ; но его разбирало назначенное для сего извѣстное число присяжныхъ, которые изрекали обвиненіе или оправданіе. Эти судьи доселѣ выбирались только изъ среды Сената; Кай старался отнять у него сію привилегію и вручить ее сословію всадниковъ. Въ живой картинѣ — Кай по мнѣнію самого Цицерона былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ ораторовъ — онъ изобразилъ всю продажность этихъ судей и настоялъ, чтобы на будущее время они избирались изъ однихъ только всадниковъ*), чѣмъ доставилъ сему могущественному денежными средствами сословію особенное политическое значеніе, и отдѣливъ его отъ интересовъ Сената, тѣмъ самымъ привлекъ къ своимъ. Какія пагубныя должны были произойти отсюда слѣдствія, видно изъ того, что судьба провинцій теперь находилась въ полной власти всадниковъ. Могла ли какая провинція надѣяться найти когда нибудь въ Римѣ правосудіе противъ откупщиковъ податей, когда они же были и судьями? По утвержденіи закона о судьяхъ Гракхъ воскликнулъ, что теперь насталъ послѣдній конецъ аристократіи. Однако онъ началъ торжествовать слишкомъ рано, потому что Сенатъ принялъ всѣ мѣры къ его низверженію и не постыдился употребить противъ демагога демагогическія интриги. Противопоставить Каю какого либо трибуна съ однимъ только veto принесло бы мало

*) Впрочемъ извѣстія касательно этого закона приводятъ въ нѣкоторое сомнѣніе: именно, по словамъ Плутарха, всадники раздѣлили судейскую власть съ Сенатомъ, напротивъ Аппіанъ говоритъ, что Сенатъ потерялъ ее совершенно, и Цицеронъ (Verr. I, 16) подтверждаетъ это.

пользы, потому что пылкій Гракхъ послѣдовалъ бы въ такомъ случаѣ примѣру своего брата. И такъ Сенатъ выбралъ другой путь, выставивъ Гракху соперника въ другомъ демагогѣ, который долженъ былъ превзойти его въ предложеніяхъ въ пользу черни, чтобы лишить народнаго расположенія. Эту роль принялъ на себя трибунъ Ливій Друзъ. Когда Гракхъ предложилъ о заложеніи двухъ колоній, Друзъ потребовалъ двѣнадцати; когда Гракхъ постановилъ, чтобъ граждане платили поземельную подать за участіе въ общественномъ полѣ, Друзъ зашелъ еще далѣе, уничтоживъ вовсе эту плату, и притомъ съ явнымъ одобреніемъ со стороны Сената. Какъ ни постыдна и вѣроломна была такая политика, не смотря на то она имѣла совершенный успѣхъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой Друзъ пріобрѣталъ себѣ уваженіе, Гракхъ лишался народной любви и, возвратившись изъ Карѳагена, куда отводилъ колонію, онъ нашелъ въ расположеніи народа большую перемѣну. Онъ не могъ при наступленіи выборовъ воспрепятствовать удаленію изъ Рима всѣхъ не принадлежавшихъ къ числу жителей города или собственной его области и избранію въ консулы злѣйшаго врага своего Л. Опимія, и не успѣлъ сдѣлаться трибуномъ. Впрочемъ вѣроятно, что его противники прибѣгли въ этомъ случаѣ не къ совсѣмъ честнымъ средствамъ и при счисленіи голосовъ допустили обманъ. Какъ бы то ни было, но въ 121 г. Гракхъ возвратился въ частное состояніе, между тѣмъ, какъ враги его захватили правленіе въ свои руки. Въ такомъ положеніи дѣлъ, страшась за уничтоженіе своихъ законовъ и даже за самую жизнь, онъ тайно созвалъ въ Римъ для своей защиты подъ разными предлогами и подъ различными переодѣваніями множество приверженныхъ къ себѣ Италіянскихъ союзниковъ. Дѣйствительно аристократія начала уже свои козни покушеніемъ уничтожить Гракховъ законъ касательно Карѳагенской колоніи и тѣмъ болѣе надѣялась убѣдить народъ, что въ этомъ замѣшана была и религія, — если припомнимъ произнесенное надъ Карѳагеномъ проклятіе. Въ тотъ день, когда дѣло должно было поступить на разсмотрѣніе комицій, все предвѣщало дурной конецъ: еще

съ утра объ партіи заняли Капитолинскій холмъ и грубость Ликтора положила начало безпорядкамъ; партія Гракхова съ кинжалами бросилась на него и умертвила его. Тогда Сенатъ рѣшеніемъ: videant consules, ne quid respublica detrimenti capiat, уполномочилъ консуловъ употребить чрезвычайныя мѣры. Л. Опимій велѣлъ сенаторамъ и преданной ему части гражданъ вооружиться. Самъ Кай не хотѣлъ междоусобія, но на это рѣшился пылкій другъ его, Фульвій Флаккъ. Онъ вооружилъ приверженцевъ Гракха и умножилъ ихъ раздачею черни крѣпкихъ напитковъ. На слѣдующее утро онъ занялъ Авентинскій холмъ; Гракхъ хотя и присоединился къ нему, но не взялъ съ собою другаго оружія, кромѣ короткаго кинжала. Онъ послалъ сына Фульвіева въ Сенатъ для переговоровъ, и когда его не впустили, хотѣлъ самъ итти туда, но былъ почти силою удержанъ отъ этого своею партіею. Въ стычкѣ, послѣдовавшей теперь, Гракхъ не принималъ никакого участія. Видъ междоусобной войны привелъ его въ отчаяніе: онъ извлекъ уже кинжалъ, чтобы лишить себя жизни, но двое изъ друзей его, Помпоній и Лициній, вырвали оружіе и уговорили бѣжать, а сами остались на Тибрскомъ мосту прикрывать его бѣгство, заслонивъ дорогу преслѣдовавшимъ его и защищая ее до послѣдняго издыханія. Впрочемъ К. Гракхъ не избѣжалъ своей участи, но извѣстія о смерти его несогласны: по одному—онъ велѣлъ умертвить себя рабу своему Филократу, а по другому—былъ настигнутъ и убитъ врагами. Болѣе 3000 гражданъ лишилось жизни въ этомъ кровопролитіи; ихъ тѣла были брошены въ Тибръ, и родственникамъ ихъ запрещено сѣтованіе.

Хотя аристократическая партія столь хорошо умѣла воспользоваться своею побѣдою, что Гракховъ законъ сначала былъ оставленъ безъ вниманія, а послѣ и совсѣмъ отмѣненъ, однако брошенныя однажды сѣмена безпорядковъ продолжали расти. Когда взойдетъ этотъ страшный посѣвъ и созрѣютъ плоды его, ужасы междоусобія, — это

зависѣло отъ обстоятельствъ. Доселѣ бывшіе демагоги по своему происхожденію и образованію принадлежали къ высшимъ сословіямъ республики, какая перемѣна должна была произойти въ оппозиціи противъ аристократіи, когда главою ея явился человѣкъ изъ низшаго класса гражданъ! Этотъ человѣкъ былъ К. Марій. Возвысившись на военномъ поприщѣ, онъ уже въ слѣдствіе занимаемаго имъ мѣста далъ борьбѣ другой оборотъ, такъ, что отселѣ она была рѣшаема не малыми стычками на площади, какъ при Гракхахъ, но настоящими сраженіями на открытомъ полѣ. Возвышенію Марія способствовала распространившаяся между аристократами испорченность нравовъ, и въ той войнѣ, гдѣ она самымъ разительнымъ образомъ обнаружилась предъ глазами свѣта, Марій положилъ основаніе своему будущему величію. Если до сихъ поръ корыстолюбіе и роскошь господствующихъ фамилій представлялись только въ нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ угнѣтенія и разоренія провинцій; то во время Югуртинской войны запятнала себя вся аристократія, и вмѣстѣ съ уваженіемъ и, такъ сказать, благоговѣніемъ народа къ правящимъ фамиліямъ пала одна изъ основныхъ опоръ государственнаго устройства. Съ этой точки зрѣнія Югуртинская война является весьма важною.

Изъ сыновей Массиниссы остался въ живыхъ одинъ только Миципса, и онъ снова соединилъ подъ своимъ скипетромъ все Нумидійское царство. Предъ смертію онъ раздѣлилъ его между своими сыновьями Адгербаломъ и Гіемпсаломъ и также далъ удѣлъ предпріимчивому и любимому народомъ племяннику своему

Югуртѣ, считая его опаснымъ для своихъ дѣтей и надѣясь великодушіемъ привязать его къ нимъ. Югуртѣ весьма хорошо была извѣстна Римская знать; онъ служилъ подъ начальствомъ Сципіона во время войны Нумантинской, пользовался его расположеніемъ и также дружбою многихъ знатныхъ Римлянъ и убѣдился, что въ Римѣ все продажно *). Въ надеждѣ на это, онъ тотчасъ по смерти Миципсы, въ 119 г., одного изъ сыновей его, Гіемпсала умертвилъ, а другаго Адгербала изгналъ. Сей послѣдній обратился съ просьбою о защитѣ и мести къ Римлянамъ, но Югурта отправилъ въ Римъ пословъ съ деньгами, и это, вмѣстѣ съ ходатайствомъ его друзей, имѣло болѣе силы, нежели Адгербалово право. Сенатъ назначилъ коммисеію и отправилъ ее въ Африку съ порученіемъ раздѣлить снова Нумидійское царство между Адгербаломъ и Югуртою. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ тотъ самый Л. Опимій, который погубилъ К. Гракха, и этотъ человѣкъ, не смотря на то, что самъ владѣлъ богатыми помѣстьями, имѣлъ безстыдство унизиться до подкупа, и за деньги отдѣлилъ Югуртѣ лучшую часть Нумидіи. И такъ не удивительно, что Югурта считалъ для себя все позволительнымъ, пока только имѣлъ средства удовлетворять корыстолюбію Римскихъ вельможъ. Едва коммиссія успѣла удалиться, какъ Югурта снова напалъ на Адгербала и, не обращая вниманія на двукратное прибытіе Римскаго посольства, отсовѣтывавшаго ему эту войну, загналъ своего противника въ городъ Цирту и осаждалъ тамъ, пока въ 112 г., овладѣвъ городомъ, не лишилъ его жизни. Послѣ сего онъ распространилъ свою власть надъ всею Нумидіею. Сенатъ пропустилъ бы безнаказанно и это нарушеніе всякаго права, если бъ не обнаружилось неудовольствіе между демократическою партіею; и такъ, въ угожденіе ей, Сенатъ долженъ былъ послать противъ Югурты консула Калпурнія Бестію.

*) Уже въ лагерѣ предъ Нуманціею Югурта убѣдился Romæ omnia venalia esse, и въ послѣдствіи собственные опыты еще болѣе утвердили его въ этомъ мнѣніи, такъ что онъ сказалъ о Римѣ слѣдующее изрѣченіе: Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit. (Sallust. Iugurth. cap. 8 et 35.)

Калпурній взялъ съ собою легатами principem Senatus Скавра и другихъ знатныхъ и имѣвшихъ большое вліяніе людей, чтобы напередъ обезопасить себя отъ отвѣтственности за все, что тамъ ни сдѣлаетъ, потому что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія мстить Югуртѣ за оскорбленіе Римскаго народа, но только какъ можно лучше для своей выгоды воспользоваться обстоятельствами, которыя уже для весьма многихъ служили источникомъ обогащенія. За деньги онъ согласился заключить выгодный для Югурты миръ, но противъ этого возстала демократическая партія, и народъ, по предложенію трибуна Меммія, рѣшилъ призвать Югурту для отвѣта въ Римъ. Въ надеждѣ на свои деньги и продажность Римлянъ онъ прибылъ. Народный трибунъ Бебій продалъ ему свое veto, и такъ, когда царь явился предъ народомъ и долженъ былъ оправдываться въ представленныхъ противъ него обвиненіяхъ, то Бебій запретилъ ему говорить. Но когда онъ не устрашился въ стѣнахъ самого Рима умертвить одного Нумидійскаго принца, котораго хотѣли противуставить ему претендентомъ на Нумидійскій престолъ, то былъ объявленъ врагомъ Республики и принужденъ оставить городъ. Противу Консула Албина, послѣдовавшаго за нимъ въ 110 году съ войскомъ, онъ держался хитростію и искусно пользуясь мѣстностію; и когда Албинъ по дѣламъ уѣхалъ въ Римъ, то братъ его, принявшій послѣ него начальство, по причинѣ буйства солдатъ и совершеннаго упадка дисциплины принужденъ былъ заключить съ Югуртою миръ, по которому обѣщался выступить изъ предѣловъ Нумидіи. Чтобы не потерять послѣдняго уваженія народа, аристократія должна была теперь принять другія мѣры: она объявила миръ съ Югуртою недѣйствительнымъ и послала противъ него въ 109 г. мужа, аристократа по гордости, но чуждаго разврату и продажности своего сословія, консула Кв. Цецилія Метелла. Онъ во-первыхъ возстановилъ въ Римскомъ войскѣ дисциплину и потомъ во второй годъ своего начальства принудилъ Югурту заключить договоръ, по которому сей послѣдній обѣщалъ сдаться. Онъ уже выдалъ лошадей, оружіе и часть своихъ сокровищъ, но нечистая совѣсть помѣшала ему от-

даться самому въ руки Римлянъ. Онъ бѣжалъ къ своему тестю, Бокху, царю Мавританскому *). Это продлило войну и доставило случай возвыситься К. Марію. Сей человѣкъ зналъ только одну войну и вовсе не имѣлъ того тонкаго образованія, которое въ господствовавшихъ фамиліяхъ служило существеннымъ признакомъ знатнаго сословія. Сципіонъ первый во время войны Нумантинской, замѣтивъ въ немъ воинскія способности, возвысилъ его, и Марій, увлеченный необузданнымъ честолюбіемъ, бросился теперь на политическое поприще. Какъ homo novus, онъ прежде нежели могъ пройти по порядку всѣ должности, долженъ былъ устранить такія препятствія, которыя для другаго менѣе энергическаго характера показались бы совершенно непреодолимыми; по той же причинѣ онъ естественно присоединился къ демократической партіи, а аристократамъ за показанное къ нему презрѣніе и непріязнь платилъ злѣйшею ненавистію. Метеллъ взялъ его съ собою легатомъ въ Африку, и гордый патрицій не могъ удержаться отъ насмѣшки, когда Марій пришелъ къ нему просить позволенія ѣхать въ Римъ, чтобы лично искать консульства. Но Марій былъ любимъ солдатами; они рекомендовали его своимъ родственникамъ и друзьямъ въ Римѣ, и Марій, противъ всякаго ожиданія и къ великой досадѣ Метелла, дѣйствительно былъ избранъ въ консулы на 107 годъ **). Хотя Сенатъ уже опре-

*) Между Римомъ и Мавританіею доселѣ не было еще никакихъ сношеній. Sallust. Iug. cap. 19: Mauris omnibus rex Bocchus imperitabat, praeter nomen, cetera ignarus populi Romani, itemque nobis neque bello neque pace antea cognitus.

**) Саллюстій (Jugurth. cap. 85) въ рѣчи, которую онъ влагаетъ въ уста Марія противъ аристократіи, превосходно изображаетъ его характеръ: гордости благородныхъ, основанной на происхожденіи, онъ противупоставляетъ свою гордость, основанную на заслугахъ, и ихъ греческому образованію свой практическій умъ. Онъ говоритъ такъ: Quod ex aliena virtute sibi adrogant, id mihi ex mea non concedunt: scilicet quia imagines non habeo et quia mihi nova nobilitas est, quam certe peperisse melius est, quam acceptam corrupisse.—Neque literas Graecas didici: parum placebat eas discere, quippe quae ad virtutem doctoribus nihil profuerunt. At illa multo optuma reipublicae doctus sum: hos-

дѣлилъ оставить Метеллу начальство надъ войскомъ въ Африкѣ и на слѣдующій годъ, однако Марій склонилъ народъ уничтожить это опредѣленіе и окончаніе войны поручить ему. Слезы, пролитыя Метелломъ отъ горести и досады, показываютъ, что Марій успѣлъ восторжествовать надъ своимъ противникомъ. Саллюстій весьма вѣрно замѣчаетъ, что Метеллу не такъ горько было потерять начальство, какъ видѣть своимъ преемникомъ Марія. Впрочемъ Марій окончилъ Югуртинскую войну болѣе съ помощію убѣдительнаго краснорѣчія своего квестора, Л. Корнелія Суллы, нежели своихъ военныхъ талантовъ. Именно, Бокхъ, убѣжденный Суллою, выдалъ Югурту и получилъ за это себѣ часть Нумидіи, такъ называемую Массесилію, а остальная часть была раздѣлена между потомками Массиниссы. Послѣ сего Римская чернь имѣла удовольствіе видѣть тріумфъ своего любимца Марія надъ Югуртою: плѣнный царь былъ брошенъ въ темницу, гдѣ на шестой день послѣ тріумфа умеръ въ мученіяхъ голода.

Непосредственно по окончаніи Югуртинской войны Марію представился случай утвердить свое политическое значеніе, которымъ онъ былъ обязанъ этой войнѣ, новыми и дѣйствительно великими заслугами, поразивъ Кимвровъ и Тевтоновъ, грозившихъ въ союзѣ съ Цельтическими и Гельветскими племенами наводнить всю Италію, и возстановивъ древнюю дисциплину, а вмѣстѣ съ нею и перевѣсъ Римскаго оружія. Такая военная республика, какъ Римъ, должна была по временамъ испытывать подобныя опасности, чтобы держать свои силы въ постоянномъ напряженіи; со времени Нумантинской войны Римляне не имѣли

tem ferire, praesidia agitare, nihil metuere, nisi turpem famam, hiemem et aestatem juxta pati, humi requiescere, eodem tempore inopiam et laborem tolerare.

ни одного непріятеля, противъ котораго могли бы въ большомъ размѣрѣ упражнять свое оружіе, и какъ необходимо подобное упражненіе, видно изъ того, сколькихъ трудовъ стоило имъ побѣдить такого незначительнаго врага, каковъ былъ царь Югурта.

Переселеніе Кимвровъ съ Сѣвера на Югъ было предвѣстіемъ того великаго движенія народовъ, которое рушило въ послѣдствіи Римскую Имперію. Рѣдко великія событія встрѣчаются въ Исторіи не будучи уже предшествуемы подобными явленіями, только въ маломъ видѣ: такимъ явленіемъ была Кимврская война. Кимвры, населявшіе названный по имени ихъ полуостровъ на Сѣверной Морѣ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, оставили свое отечество; къ нимъ присоединились племена Германскія, Цельтическія и Гельветскія, изъ коихъ первыя назывались Тевтонами, вторыя Амбронами и третьи Тигуринцами. Начиная съ 113 года, когда они впервые явились на предѣлахъ Римскихъ владѣній, поразивъ многихъ Римскихъ военачальниковъ, желавшихъ преградить имъ дорогу, они представили наконецъ Сенату такое же требованіе, какое въ послѣдствіи дѣлали Германскіе народы Римскимъ императорамъ: ut Martius populus aliquid sibi terrae daret, quasi stipendium, ceterum ut vellet manibus et armis ut suis uteretur. Но теперь Сенатъ не имѣлъ еще никакой нужды принимать на жалованіе чужой народъ: и такъ онъ отвергъ это требованіе и въ 106 г. отправилъ въ Галлію сильное войско подъ предводительствомъ консула Цепіона, которое въ слѣдующемъ году было совершенно уничтожено,—что отчасти произошло отъ несогласія военачальниковъ. Это пораженіе произвело въ Римѣ великое уныніе и во многихъ такой же страхъ, какъ нѣкогда битва при Каннахъ. Взоры всѣхъ обратились на Марія, ожидая только отъ него спасенія, и въ 104 г. онъ былъ во второй разъ выбранъ въ консулы и оставался въ этой власти въ продолженіе четырехъ лѣтъ безсмѣнно до совершеннаго окончанія войны.

И въ самомъ дѣлѣ, для возстановленія дисциплины въ Римскомъ войскѣ именно нужно было такого воинственнаго вождя, какъ Марій; между тѣмъ, сами варвары, предпринимая безъ всякой цѣли походы въ Галлію и Испанію, дали ему время набрать и обучить войско и внушить довѣренность къ себѣ и твердую надежду на побѣду. Теперь онъ могъ дать отпоръ непріятелямъ, когда они, раздѣлившись на двѣ части, вознамѣрились съ двухъ сторонъ прорваться въ самую Италію. Тевтоновъ и Амброновъ, предпринявшихъ путь черезъ Провансъ, онъ встрѣтилъ въ 102 г. при Aquae Sextiae и вступилъ съ ними въ битву ужаснѣйшую изъ всѣхъ, какія когда либо выдерживали Римляне, потому что непріятели уступили не прежде, какъ по совершенномъ разсѣяніи ихъ и истребленіи. Послѣ сей великой побѣды Марій спѣшилъ въ Италію, куда Кимвры и Тигуринцы вторгнулись со стороны Тироля. При Верцеллахъ, въ 101 г., въ соединеніи съ товарищемъ своимъ Катуломъ, Марій выдержалъ новую не менѣе упорную и кровопролитную битву, кончившуюся впрочемъ также истребленіемъ варваровъ *).

Марій оказалъ отечеству столь неоспоримыя услуги, что самые аристократы, отбросивъ зависть, встрѣтили его съ уваженіемъ и наградили почетнымъ именемъ третьяго основателя Рима. Теперь онъ могъ бы вступить въ кругъ господствующихъ фамилій, но чувствуя, что по-своему образованію будетъ тамъ не на своемъ мѣстѣ, остался въ приличной ему сферѣ, т. е. на сторонѣ народа. Соединившись съ демагогами К. Сервиліемъ Главціемъ и Л. Апулеемъ Сатурниномъ, онъ хотя и достигъ,

*) Подробное, только преувеличенное и реторическое описаніе этой войны находится у Плутарха въ жизнеописаніи Марія: критически разобралъ это событіе Joh. v. Müller въ своемъ сочиненіи: Bellum Cimbricum (Werke, Bd. 23 S. 203—233 по изданію 1833 года).

чего желалъ, — шестаго консульства и раздѣленія земли между воинами, служившими подъ его начальствомъ, но этимъ уничтожилъ въ глазахъ аристократовъ всѣ свои заслуги предъ государствомъ, и хотя онъ помогъ имъ самъ подавить Сатурнина, который началъ злоупотреблять свою власть, не смотря на то низверженіе демагоговъ было вмѣстѣ ударомъ и его партіи и ослабило его вліяніе.

Партіи находились въ такомъ положеніи: аристократія хотя и показала видъ, что уступаетъ народу, но въ то же время хитрыми мѣрами старалась отнять у него преимущества, доставленныя ему законами Гракховъ. Такъ въ 107 г. Сп. Торій успѣлъ утвердить законъ, по которому притязанія народа на общественное поле были удовлетворяемы деньгами, и половина судейскихъ мѣстъ была возвращена сенаторамъ. Противъ этой-то реакціи выступилъ теперь Марій съ соединившимися съ нимъ демагогами. Главцій опять возвратилъ всадникамъ всю судебную власть, а Сатурнинъ издалъ цѣлый рядъ законовъ, которые должны были удовлетворить и привлечь къ нему чернь. Между прочимъ онъ предложилъ раздавать бѣднымъ хлѣбъ безденежно. Однако, когда Квесторъ доказалъ, что государственная касса не такъ богата, чтобъ прокармливать всѣхъ бѣдныхъ, число которыхъ въ Римѣ безпрестанно увеличивалось, то прочіе трибуны, убѣжденные его доводами, имѣли благоразуміе противопоставить своему товарищу veto; но съ того времени, какъ старшій Гракхъ нарушилъ святость сего слова, ни одинъ демагогъ не уважалъ больше законныхъ формъ: Сатурнинъ, не обращая на нихъ вниманія, велѣлъ подавать голоса, пока наконецъ по приказанію Квестора не унесли ящика, въ который ихъ собирали; это произвело смятеніе, разстроившее все дѣло. Чтобы впредь сдѣлать невозможнымъ подобное сопротивленіе, Сатурнинъ старался возвысить чернь надъ Сенатомъ, и съ этою цѣлію къ предложенію о раз-

дачѣ воинамъ Марія земли присоединилъ опредѣленіе: Senatum plebiscito teneri. Сенатъ долженъ былъ подтвердить это присягою, и такъ какъ Марій первый показалъ примѣръ, то и всѣ сенаторы послѣдовали ему, только Метеллъ, по аристократической гордости и ненависти къ Марію, имѣлъ духъ не согласиться на такое униженіе. Не желая ни уступить демагогамъ, ни искать защиты въ оружіи, онъ удалился изъ города и жилъ въ Родосѣ, занимаясь одними науками, пока снова не былъ призванъ въ Римъ. Но Сатурнинъ такъ далеко зашелъ въ своемъ высокомѣріи, что Марій не смѣлъ долѣе защищать его. Разбитый съ своими приверженцами Сатурнинъ бѣжалъ въ Капитолій и былъ въ немъ осаждаемъ до тѣхъ поръ, пока недостатокъ въ водѣ не принудилъ его сдаться. Побѣдившая сторона показала теперь также мало уваженія къ законамъ, какъ прежде побѣжденная: Преторъ Главцій, Трибунъ Сатурнинъ и Квесторъ Сауфей, облеченные въ знаки своего достоинства, были умерщвлены; само собою разумѣется, что послѣ сего уничтожены и законы, предложенные Сатурниномъ. Удаленіе изъ Рима Марія и возвращеніе Метелла показываютъ, что Сенатъ снова возвратилъ себѣ прежнюю силу.

Еще оставался нерѣшеннымъ заданный Гракхомъ великій политическій вопросъ о доставленіи права Римскаго гражданства Италіянскимъ союзникамъ. Убѣжденная въ справедливости своего дѣла *), большая часть городовъ Средней и Нижней Италіи взялась за оружіе и вступила съ Римомъ въ войну, которая скоро привела ихъ къ

*) Самые Римскіе историки признаютъ ихъ право: Vellej. lib. II, cap. 15: quorum causa fuit justissima. Petebant enim eam civitatem, cujus imperium armis tuebantur: per omnes annos atque omnia bella duplici numero se militum equitumque fungi, neque in ejus civitatis jus recipi, quae per eos in id ipsum pervenisset fastigium, per quod homines ejusdem et gentis et sanguinis ut externos alienosque fastidire posset.

цѣли. По закону Юліеву (lex Julia) въ 90 году получили право Римскаго гражданства всѣ союзники, оставшіеся въ вѣрности, и можно было предвидѣть, что Сенатъ уступитъ его и прочимъ, когда не успѣетъ смирить ихъ силою оружія. Послѣ страшнаго двухлѣтняго опустошенія страны, совершеннаго разрушенія многихъ цвѣтущихъ городовъ и истребленія съ обѣихъ сторонъ множества людей, часто происходившаго съ величайшею яростію и жестокостію, наконецъ законъ Плавтіевъ (lex Plautia) въ 89 г. доставилъ права Римскаго гражданства всѣмъ Италіянскимъ союзникамъ, которые въ теченіе 60 дней положатъ оружіе. Большая часть приняла предложеніе; только Самнитяне, подъ предводительствомъ Понтія Телезина, остались вооруженными, не довѣряя Римлянамъ и полагая, что открывшаяся война съ Митридатомъ принудила Сенатъ сдѣлать распоряженіе въ ихъ пользу, но что оно при первомъ благопріятномъ случаѣ снова будетъ у нихъ отнято.

Открытію войны противъ союзниковъ главнымъ образомъ содѣйствовали стремленія народнаго трибуна Ливія Друза. Подобно своему отцу, который служилъ орудіемъ противъ К. Гракха, Друзъ былъ совершенно преданъ интересамъ Сената и старался возвратить ему судейскую власть: противъ него защитникомъ выступилъ другой трибунъ Кв. Сервилій Цепіонъ. Всадники съ такою несправедливостію пользовались врученною имъ властію *), что Ливій Друзъ могъ на-

*) Разительный примѣръ злоупотребленія судейской власти всадниками представляетъ поступокъ ихъ съ П. Рутиліемъ, (Dion. fragm. N. CVI et CVII). Этотъ человѣкъ, котораго Веллей называетъ virum non saeculi sui, sed omnis aevi optimum, по не-

дѣяться на одобреніе всѣхъ желавшихъ добра своему отечеству и утвержденія справедливости; но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что хотѣлъ всѣмъ удовлетворить, и достигъ только того, что со всѣми разсорился. Чтобы сдѣлать склоннѣе къ своей реформѣ всадниковъ, онъ предложилъ 300 изъ нихъ принять въ Сенатъ и потомъ изъ числа сихъ послѣднихъ и старыхъ сенаторовъ выбирать судей. Это отдалило его отъ Сената, не удовлетворивъ всадниковъ, которые конечно не хотѣли безъ сопротивленія отказаться отъ своихъ преимуществъ. И такъ Друзъ долженъ былъ искать подкрѣпленія своей партіи гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и съ этою цѣлію снова предложилъ Гракховъ законъ о доставленіи права Римскаго гражданства союзникамъ. Въ день, назначенный для обнародованія этого закона, Италіянцы толпами двинулись въ Римъ, и когда консулъ Филиппъ хотѣлъ воспрепятствовать чтенію закона, слуга Ливія Друза схватилъ его за горло и такъ сильно сжалъ, что у него брызнула кровь изъ носу и изъ глазъ. Впрочемъ день прошелъ безъ рѣшенія; при наступленіи вечера, когда Друзъ возвращался домой, въ толпу сопровождавшихъ его вмѣшался подкупленный противною партіею убійца, который нанесъ ему ударъ у самыхъ дверей его дома и послѣ сего тотчасъ исчезъ въ толпѣ *). Это случилось въ 91 году. Когда, по умерщвленіи Друза, lex Varia объявилъ виновнымъ въ уголовномъ преступленіи всякаго, кто осмѣлится снова предложить о доставленіи права гражданства союзникамъ, то симъ послѣднимъ оставалось только покориться или взяться за оружіе. Но чѣмъ больше они сознавали свое право, тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ нихъ перваго: Марзы, Пелигны, Вестинцы, Марукцинцы, Пиценты, Апулійцы, Луканцы и Самнитяне отпали отъ Рима и составили независимое союзное государство. Средото-

нависти былъ ими ложно обвиненъ и несправедливо осужденъ за то, что защищалъ Мало-Азіятскіе города противъ откупщиковъ податей.

*) Цицеронъ (de nat. Deor. lib. III, cap. 33) одинъ именуетъ его Кв. Варіемъ и упоминаетъ о его наказаніи.

чіемъ его они избрали городъ Корфиній, получившій имя Италикумъ; здѣсь учредили Курію и вручили отправленіе дѣлъ Сенату, состоявшему изъ 500 членовъ. Самнитъ К. Папій Мутилъ и Марзъ Силонъ Помпедій были выбраны въ консулы. Римляне смотрѣли на это отпаденіе, какъ на явный бунтъ, и едва только узнали о планѣ союзниковъ, какъ тотчасъ нападеніемъ на Аскулумъ въ 91 г. открыли войну, извѣстную подъ именемъ bellum Marsicum или bellum sociale. Эта война была для Рима тѣмъ опаснѣе, что теперь ему предстояло сражаться противъ той самой тактики, военнаго искусства и силы, которыя доселѣ за него сражались и побѣждали. При внѣшней опасности раздоры партій въ Римѣ прекратились, и воинственный духъ республики пробудился во всей своей силѣ. Въ количествѣ силъ обѣ стороны были равны, и Римляне имѣли то только преимущество, что ихъ войска находились подъ начальствомъ такихъ отличныхъ вождей, какъ Марій и Сулла. Не смотря на то, сначала война ведена была такъ безуспѣшно, что даже Этруски и Умбры, оставшіеся еще вѣрными, начали думать объ отпаденіи. Посему Сенатъ рѣшился уступить и въ нуждѣ согласился на то, что отвергъ въ счастіи. По закону, обнародованному консуломъ Л. Юліемъ Цезаремъ, получили право гражданства всѣ союзники, оставшіеся вѣрными, а въ слѣдующемъ (89) году lex Plautia обѣщалъ это право всѣмъ, которые въ продолженіе шестидесяти дней положатъ оружіе. Этимъ война кончилась.

Личная вражда, давно уже существовавшая между Маріемъ и Суллою, въ теченіе союзнической войны еще болѣе усилилась, и непосредственно за симъ представившійся вопросъ о томъ: кому принять начальство надъ войскомъ противъ Митридата, послужилъ для обоихъ вождей, стремившихся къ сей почести, поводомъ повергнуть государство въ новую междоусобную войну. Сенатъ назначилъ военачальникомъ Суллу, но Ма-

рій рѣшился во что-бы то ни стало отнять у него эту честь,—для сего онъ соединился съ народнымъ трибуномъ П. Сульпиціемъ Руфомъ и съ помощію новыхъ граждапъ, которыхъ интересы были тѣсно соединены съ его собственными, одержалъ верхъ: напротивъ Сулла склонилъ на свою сторону войско и рѣшилъ дѣло оружіемъ; Маріанская партія была подавлена, и предводители ея подвержены опалѣ.

Новые граждане, въ числѣ 10 трибъ, будучи присоединены къ 35 прежнимъ, скоро замѣтили, что они чрезъ то не получили никакого политическаго значенія; ибо при собраніи голосовъ начинали съ старыхъ 35, и изъ нихъ требовалось согласія только 23-хъ; въ такомъ случаѣ новыхъ граждапъ вовсе и не спрашивали, потому что большинствомъ одного голоса дѣло было уже рѣшено. И такъ они стремились теперь занять мѣста между старыми трибами. Марій, соединившись съ Сульпиціемъ, принялъ ихъ сторону и старался исполнить это желаніе въ надеждѣ отнять тогда у Суллы начальство надъ войскомъ и получить его самому. Старые граждане вооружились, новые со всѣхъ сторонъ устремились въ городъ, и между обѣими партіями ежедневно доходило дѣло до сшибокъ. Въ это время Сулла, какъ консулъ, возвѣстилъ феріи, но обнаженными кинжалами противниковъ былъ принужденъ къ отмѣненію своего эдикта и избѣжалъ насилія только тѣмъ, что скрылся въ домъ Марія, и—приписать ли то нечаянности или великодушію—говорятъ, что Марій самъ выпустилъ его чрезъ заднія двери, послѣ чего Сулла оставилъ городъ и поспѣшно отправился къ войску, стоявшему при Нолѣ. По удаленіи Суллы, Марій и Сульпицій привели въ исполненіе свои намѣренія, и какъ скоро новые граждане были приняты въ старые трибы, то Сулла былъ смѣненъ, и начальство надъ войскомъ противъ Митридата получилъ Марій. Сей послѣдній тотчасъ отправилъ къ войску военныхъ трибуновъ

своей партіи для принятія надъ нимъ команды, но Сулла успѣлъ уже предупредить его. Онъ склонилъ войско на свою сторону, представивъ, что Марій хочетъ не только у него, законнаго полководца, отнять главное начальство, но и самое войско лишить чести и выгоды — участвовать въ сей войнѣ, и доставить все это другой арміи, которую намѣренъ набрать изъ своихъ приверженцевъ, новыхъ граждан. Убѣжденное такими представленіями войско согласилось итти за Суллою противъ Рима. Трибуны Марія, встрѣтившіеся съ ними, были убиты, и преторы Брутъ и Сервилій, которыхъ находившійся во власти Марія Сенатъ выслалъ къ нему съ повелѣніемъ остановить его, были схвачены и объявлены лишенными своего достоинства. Послѣ сего съ огнемъ и мечемъ Сулла вступилъ въ Римъ. Марій и его приверженцы, послѣ неудачнато покушенія вооружить за свое дѣло рабовъ, оставили городъ. Надъ ними произнесена была опала; Сульпицій, захваченный въ бѣгствѣ, убитъ, напротивъ Марій спасся. Не смотря на свою побѣду, Сулла не имѣлъ времени совершенно обезопасить спокойствіе Рима на время своего отсутствія. Онъ не могъ даже воспрепятствовать избранію въ консулы на 87-й годъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Октавіемъ приверженца Маріева Л. Корнелія Цинны и принужденъ былъ довольствоваться взятіемъ съ него клятвеннаго обѣщанія, что онъ не предприметъ ничего противъ общественнаго спокойствія. Кончивъ это, Сулла выступилъ въ походъ противъ Митридата.

Митридатъ VI Евпаторъ, увлеченный ненавистію къ Римлянамъ отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ, принялъ изгнаніе ихъ изъ Азіи за главное назначеніе всей свой жизни. Уже подобная мысль обнаруживаетъ въ немъ смѣлый и предпріимчивый умъ, и дѣйствительно — возвести доселѣ незначительное царство Понтійское на столь высокую степень силы, что оно не только могло противостоять, но даже быть опаснымъ могуществу Ри-

ма — для сего нуженъ былъ удивительный талантъ и необыкновенная энергія *). Митридатъ незамѣтно собралъ такія огромныя силы, что когда въ 88 г. обнаружилъ свои враждебныя намѣренія противъ Рима, ничто не могло ему сопротивляться, и Римляне, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о пораженіи своихъ военачальниковъ въ Азіи и варварскомъ избіеніи находившихся тамъ своихъ гражданъ, узнали, что Митридатъ, какъ нѣкогда Антіохъ, распространилъ свою власть по всей Малой Азіи и проникъ въ самую Грецію. Въ 87-мъ и 86-мъ годахъ Сулла былъ занятъ покореніемъ Аѳинъ, бывшихъ средоточіемъ Митридатовой партіи, и изгнаніемъ изъ Греціи Митридатовыхъ генераловъ, и какъ скоро успѣлъ въ этомъ, то ждалъ только кораблей для переправы въ Азію.

Понтійское царство возвысилось со времени занятія Синопе Фарнакомъ, но распространенію его со стороны Малой Азіи поставило твердую преграду вліяніе Римлянъ въ Азіи; они неоднократно вмѣшивались въ споры Понтійскихъ царей съ другими Азіятскими владѣтелями и рѣшали всегда не въ ихъ пользу. Сынъ и наслѣдникъ Фарнака, Митридатъ, былъ союзникомъ Рима и въ награду за ревностное участіе въ усмиреніи Аристоника получилъ отъ Римскаго проконсула М. Аквилія Непота Великую Фригію. Но по смерти его и во время малолѣтства сына и наслѣдника его *Митридата VI Евпатора или Великаго* (121 — 64) Римляне взяли ее обратно, и сей первый насильственный поступокъ возбудилъ въ юномъ Митридатѣ пла-

*) Веллей Патеркулъ (lib. II. cap. 18) характеризуетъ Митридата слѣдующими словами: vir, neque silendus, neque dicendus sine cura, bello acerrimus, virtute eximius, aliquando fortuna semper animo maximus, consiliis dux, miles manu, odio in Romanos Hannibal.

менную ненависть къ Риму, сдѣлавшуюся господствующею страстію всей его жизни. Вступивъ въ совершеннолѣтіе въ 112 г., онъ самъ принялъ бразды правленія и тотчасъ началъ готовить силы къ войнѣ, покорилъ отъ 112—110 года Крымъ и Скиѳскихъ князей въ нынѣшней Южной Россіи, вступилъ въ сношенія съ Сарматами и даже, какъ кажется, съ Германскими народами, чтобы со всѣхъ сторонъ возбудить враговъ противъ Римскаго владычества. Два года (110—108) онъ путешествовалъ по Малой Азіи съ цѣлію узнать на мѣстѣ положеніе тамошнихъ провинцій и пріобрѣсть себѣ новыхъ друзей и Римлянамъ новыхъ враговъ. Римляне, занятые сперва войною съ Кимврами и потомъ внутренними безпорядками и междоусобіями, не имѣли времени ни видѣть, ни остановить возрастающее могущество Понта; по сему вмѣшавшись въ споры, происходившіе между Понтомъ и Виѳиніею, они вовсе не предполагали встрѣтить сопротивленіе; но Митридатъ обнаружилъ теперь вдругъ давно въ тайнѣ заготовленныя свои колоссальныя силы. Стоявшіе въ Азіи Римскіе военачальники были одинъ за другимъ разбиты, и Виѳинскій царь принужденъ бѣжать въ Римъ. Въ нѣсколько недѣль онъ покорилъ всю Малую Азію, и даже острова, за исключеніемъ Родоса, который очень хорошо предвидѣлъ, чѣмъ должна кончиться эта война, перешли на его сторону. Чтобы множество Римскихъ граждань, жившихъ въ Мало-Азіятскихъ городахъ, не могло ему повредить, или чтобы сдѣлать примиреніе съ Римомъ невозможнымъ, Митридатъ повелѣлъ въ одинъ день умертвить ихъ всѣхъ съ семействами, и это жестокое повелѣніе было исполнено. По самому меньшему показанію въ этомъ кровопролитіи погибло до 80,000 человѣкъ. Выступленіе Митридата пробудило надежду на освобожденіе и въ Европейской Греціи. Аѳины, не смотря на то, что менѣе всего имѣли причину быть недовольными Римскимъ владычествомъ, первыя подали знакъ къ отпаденію и, по прибытіи посланнаго къ нимъ Митридатомъ генерала Архелая, сдѣлались средоточіемъ Понтійской партіи въ Греціи. Но освобожденіе города отъ владычества Римлянъ тотчасъ началось тираниею одного изъ собственныхъ гражданъ:

покровительствуемый Архелаемъ Эпикуреецъ Аристіонъ захватилъ въ немъ верховную власть. Посему Сулла, по прибытіи въ Мартѣ 87 года въ Грецію, сперва двинулся къ Аѳинамъ и встрѣтилъ сильное сопротивленіе, потому что жестокій Аристіонъ, не смотря на открывшійся недостатокъ и бѣдственное положеніе бѣдныхъ, не хотѣлъ сдаться, пока у него на столѣ всего было въ изобиліи. Ругаясь, онъ отвергъ просьбы томимыхъ голодомъ гражданъ, и вѣроятно Аѳиняне сами помогали Суллѣ овладѣть городомъ. Но такъ какъ онъ былъ взятъ приступомъ, то Римскіе солдаты произвели въ немъ страшное кровопролитіе; тиранъ бѣжалъ въ Акрополисъ, гдѣ и погибъ — отъ своей ли руки, какъ повѣствуетъ Плутархъ, или по словамъ другихъ, сдавшись Суллѣ, былъ убитъ по его повелѣнію,—для насъ все равно. Двумя побѣдами сокрушивъ силы Митридатовыхъ генераловъ, Сулла возвратилъ Грецію въ зависимость отъ Рима: первую онъ одержалъ при Херонеѣ, а вторую въ слѣдующемъ (86) году при Орхоменѣ.

Въ то время, какъ Сулла занимался войною въ Греціи, въ Римѣ правленіе перешло въ руки его враговъ. Непосредственно по удаленіи его, Цинна нарушилъ свое обѣщаніе, но будучи, не въ состояніи одинъ привести въ исполненіе своихъ намѣреній, онъ для покрѣпленія своей партіи и значенія вызвалъ Марія. Престарѣлый мужъ, чудеснымъ образомъ спасшійся отъ всѣхъ преслѣдованій, съ радостію послѣдовалъ на приглашеніе, открывавшее предъ нимъ надежду, столь сладкую для души Италіянца, имѣть возможность передъ смертію отмстить своимъ врагамъ. По соединеніи съ Цинною Марій овладѣлъ Римомъ. Онъ удовлетворилъ и своей ненависти умерщвленіемъ всѣхъ своихъ враговъ, и честолюбію—принятіемъ седьмаго консульства. Вскорѣ послѣ сего онъ умеръ

въ январѣ 86 года, но Римъ и правленіе остались въ рукахъ его партіи. Слѣдствіемъ сего переворота была опала Суллы и лишеніе его начальства надъ войскомъ, которое было передано Л. Валерію Флакку. Но такъ какъ войско осталось вѣрнымъ Суллѣ, то и онъ равномѣрно продолжалъ войну. Стѣсненный съ двухъ сторонъ Митридатъ принужденъ былъ просить мира, и Сулла тотчасъ оборотился противъ легіоновъ Маріевой партіи, которыхъ предводитель Флаккъ между тѣмъ былъ низложенъ однимъ изъ своихъ легатовъ Фимбріею. Послѣ того какъ Фимбрія самъ себя лишилъ жизни, Сулла соединилъ его необузданныя войска съ своими, которыя были не менѣе своевольны, и отъ жестокости къ побѣжденнымъ потеряли уваженіе и жалость даже къ собственному своему отечеству.

Марій избѣжалъ изданной противъ него опалы, потому что никто не осмѣливался умертвить престарѣлаго и оказавшаго отечеству столько услугъ полководца. Онъ бѣжалъ въ Африку, но когда и здѣсь преторъ Секстилій не принялъ его *), то удалился на небольшой островъ Церцину, гдѣ и жилъ въ ожиданіи: не получитъ ли его партія снова перевѣсъ въ Римѣ, и его надежды и желанія исполнились скорѣе, нежели какъ онъ себѣ представлялъ. Цинна возобновилъ предложеніе о принятіи новыхъ гражданъ въ старыя трибы, и такъ какъ по сему случаю онъ всту-

*) Марій находился на развалинахъ Карѳагена, когда вѣстникъ Секстилія принесъ ему приказаніе удалиться, и на вопросъ его, что онъ долженъ отвѣчать, сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: *Ἄγγελλε τοίνυν, ὅτι Γάϊον Μάριον ἐν τοῖς Καρχηδόνος ἐρειπίοις φυγάδα καθεζόμενον εἶδες.* (т. е. Возвѣсти, что видѣлъ Кая Марія, сидящаго изгнанникомъ на развалинахъ Карѳагена.) (Plut. vit. Mar. cap. 40.)

пилъ въ борьбу съ товарищемъ своимъ Октавіемъ и потерпѣлъ неудачу, то оставилъ городъ и съ войскомъ, набраннымъ между новыми гражданами, явился предъ стѣнами Рима. Сенатъ призвалъ на защиту города полководцевъ, дѣйствовавшихъ еще противъ Самнитянъ, Помпея и Метелла, и подъ стѣнами дошло дѣло до сраженія, въ которомъ хотя Цинна и одержалъ побѣду, однако не столь рѣшительную, чтобы плодомъ ея была сдача города. И такъ для усиленія своей партіи онъ вызвалъ Марія. Когда старый семидесятилѣтній вождь возвратился, то вокругъ него собрались всѣ солдаты, нѣкогда служившіе подъ его начальствомъ, и изъ толпы бѣглыхъ рабовъ онъ тотчасъ образовалъ себѣ родъ тѣлохранителей и палачей, готовыхъ выполнять его кровавыя повелѣнія, которыхъ жаждало его мстительное сердце. Такъ какъ Остія находилась въ рукахъ Марія и Цинны, и такимъ образомъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Риму былъ отрѣзанъ, безъ котораго сей обширный городъ не могъ существовать одной недѣли, то онъ долженъ былъ сдаться, послѣ того какъ Цинна далъ обѣщаніе, что никто безъ законнаго суда не будетъ казненъ. Хотя Цинна самъ, можетъ быть, и думалъ сдержать условіе, но Марій не потерпѣлъ сего. Благороднѣйшіе Римляне сдѣлались жертвами его мщенія; самые друзья при встрѣчѣ съ нимъ трепетали, потому что каждый, кого онъ не удостоивалъ своего поклона, былъ умерщвляемъ составившими его свиту убійцами. Въ 86 году онъ вступилъ въ свое седьмое консульство, но пережилъ этотъ тріумфъ только немногими днями. Вскорѣ послѣ избранный въ консулы на мѣсто его Валерій Флаккъ получилъ также и главное начальство надъ войскомъ противъ Митридата. Флаккъ предупредилъ Суллу, который теперь подверженъ былъ опалѣ, однако не смотря на то, въ увѣренности, что войско не оставитъ его, продолжалъ войну. Между тѣмъ какъ сей послѣдній ждалъ кораблей, которые могли быть доставлены ему только издалека и притомъ съ большими затрудненіями, Флаккъ переправился въ Азію. Впрочемъ онъ внушилъ къ себѣ слишкомъ мало уваженія, чтобы быть въ состояніи обуздывать своеволіе своихъ солдатъ; напротивъ легатъ

его Фимбрія умѣлъ пріобрѣсть большое расположеніе войска и, пользуясь имъ, произвелъ возмущеніе; обольщенные имъ солдаты убили своего полководца и избрали его своимъ вождемъ. Тѣснимый Фимбріею, угрожаемый Суллою, и зная, что сей послѣдній послѣ всего происшедшаго въ Римѣ, ничего столько не желаетъ, какъ скорѣйшаго туда возвращенія, Митридатъ предложилъ ему миръ, который и состоялся на условіи, чтобы Митридатъ возвратилъ всѣ сдѣланныя имъ завоеванія и выдалъ находившійся на Средиземномъ Морѣ флотъ. Послѣ сего междоусобная война между партіею Маріанскою и партіею Суллы открылась сперва въ Азіи, потому что Сулла не могъ оставить сей страны, не подавивъ Фимбріи. Онъ заперъ его въ собственномъ лагерѣ, и когда Фимбрія самъ себя лишилъ жизни, присоединилъ къ своему войску его легіоны, пріобрѣтшіе себѣ громкую извѣстность въ Римской военной исторіи подъ именемъ Валеріевскихъ или Фимбріевскихъ. Если Малая Азія много уже пострадала отъ Митридата и принуждена была платить ему огромныя контрибуціи на военныя издержки, то отъ Суллы она потерпѣла конечное разореніе. Города за умерщвленіе Римскихъ гражданъ должны были заплатить штрафъ въ 20,000 талантовъ; сверхъ того солдаты позволяли себѣ самымъ наглымъ образомъ притѣснять своихъ хозяевъ. Они обязаны были рядовому солдату, квартировавшему у нихъ, платить ежедневно по 4 драхмы, а если это былъ центуріонъ, по 50-ти,—они же должны были доставлять войску платье и съ покорностію исполнять всѣ желанія буйныхъ солдатъ. Ибо, чтобы привязать къ себѣ войско, Сулла долженъ былъ на все смотрѣть сквозь пальцы. Не имѣя болѣе законной власти и самъ лишенный всѣхъ гражданскихъ правъ, конечно онъ больше зависѣлъ отъ арміи, нежели армія отъ него *). Къ тому

*) Какія слѣдствія должно было имѣть такое неестественное отношеніе, Саллюстій (Catil. cap. 11) изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: Huc accedebat, quod L. Sulla exercitum, quem in Asiam ductaverat, quo sibi fidum faceret, contra morem majorum luxuriose nimisque liberaliter habuerat; loca amoena, voluptaria facile in otio feroces militum animos molliverant. Ibi

же надобно отнести и то, что изъ распущеннаго Митридатова флота составились многочисленныя шайки разбойниковъ, которыя, по удаленіи войскъ Суллы, сдѣлались на долгое время бичемъ сихъ несчастныхъ странъ. И такъ легко можно видѣть, какъ дорого Малая Азія заплатила за союзъ свой съ Понтійскимъ царемъ и за умерщвленіе Римскихъ гражданъ.

Въ 84 году Сулла съ войскомъ, совершенно ему преданнымъ, выступилъ въ походъ противъ своихъ враговъ въ Италію. Такъ какъ все, что успѣло избѣжать отъ Маріева терроризма, искало спасенія у него, то дѣло его стало вмѣстѣ дѣломъ аристократіи. Когда Сулла прибылъ въ Италію, Маріанская партія находилась въ такомъ положеніи, что онъ смѣло могъ надѣяться побѣдить ее безъ труда. Цинна и Серторій были единственные люди изъ Маріанской партіи, которые по смерти престарѣлаго вождя своего имѣли таланты полководцевъ, но первый изъ нихъ въ 84 году былъ убитъ собственными солдатами, а послѣдній не пользовался такимъ уваженіемъ, чтобы сдѣлаться главою своей партіи. И такъ онъ во-время еще оставилъ ее, намѣреваясь въ Испаніи, которую онъ получилъ себѣ въ управленіе, образовать оплотъ противъ своихъ враговъ и открыть убѣжище своей партіи, если она должна проиграть въ Италіи. Въ самомъ дѣлѣ она легко была подавлена Суллою, и предводители ея погибли или отъ своей руки, или отъ кинжаловъ

primum insuevit exercitus populi Romani amare, potare, signa, tabulas pictas, vasa caelata mirari, ea privatim ac publice rapere, delubra spoliare, sacra pxofanaque omnia polluere. Itaque hi milites, postquam victoriam adepti sunt, nihil reliqui victis fecere.

преслѣдовавшихъ ихъ убійцъ. Тогда-то Римъ почувствовалъ ужасныя слѣдствія этой новой революціи, возвратившей бразды правленія въ руки аристократіи, или, лучше, на первый разъ въ руки главы ея Суллы. Въ убѣжденіи, что государство не можетъ быть иначе успокоено, какъ чрезъ совершенное истребленіе демократической партіи, Сулла началъ убійство, которое было тѣмъ ужаснѣе, что происходило не изъ личнаго мщенія, какъ при Маріи, но въ слѣдствіе обдуманной политической системы. Также и корыстолюбіе желавшихъ обогатиться имѣніями осужденныхъ служило иногда побужденіемъ къ пополненію проскрипціонныхъ списковъ. Это время образовало людей подобныхъ Катилинѣ и его сообщникамъ, которые, скоро расточивъ убійствомъ и хищеніемъ пріобрѣтенныя богатства, старались произвесть другой подобный переворотъ, чтобы снова такимъ же образомъ воспользоваться всеобщимъ бѣдствіемъ для своего обогащенія. Подавивъ совершенно демократическую партію, въ 81 г. Сулла принялъ диктаторское достоинство и въ 79 г. сложилъ его добровольно, издавъ напередъ цѣлый рядъ законовъ, которые не только утвердили аристократію въ ея прежнемъ значеніи, но и должны были уничтожить навсегда источники демократическихъ безпокойствъ.

Высадившись въ Брундузіумѣ съ 40,000 человѣкъ и соединивъ свою партію, среди которой тогда въ первый разъ выказалъ себя юный Кн. Помпей, Сулла скоро и безъ труда разбилъ по одиначкѣ, одного за другимъ, вождей Маріанской партіи. При Теанумѣ онъ одержалъ надъ Норбаномъ столь легкую побѣду,

что, какъ говорятъ, потерялъ самъ только 70 человѣкъ: войско консула Сципіона, измѣнивъ своему полководцу, перешло на его сторону; молодой Марій былъ разбитъ имъ при Пренестѣ и въ семъ городѣ запертъ и осажденъ. Чтобы принудить Суллу къ снятію осады, Самнитъ Понтій Телезинъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ новыхъ гражданъ сдѣлалъ движеніе на самый Римъ, и при воротахъ его произошло сраженіе, продолжавшееся до полуночи, пока наконецъ паденіе Телезина не рѣшило его въ пользу аристократіи. Послѣ сего пораженія Маріанская партія не могла долѣе держаться: Норбанъ погибъ въ Родосѣ, Карбонъ въ Африкѣ, а молодой Марій въ Пренестѣ. Тотчасъ по прибытіи въ Римъ Сулла собралъ въ храмѣ Беллоны Сенатъ, и въ то время, какъ отдавалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, велѣлъ въ сосѣдственномъ циркѣ изрубить 6000 гражданъ; когда сенаторы, пораженные жалобными воплями несчастливцевъ, обнаружили страхъ, то онъ сказалъ, что они должны слушать его слова, а не то, что происходитъ внѣ, что онъ велѣлъ тамъ дать спасительное наказаніе только нѣсколькимъ злоумышленникамъ. Съ той поры открылось преслѣдованіе и умерщвленіе приверженцевъ побѣжденной партіи. Сулла привелъ съ собою армію, которой алчность была ненасытима, и такъ какъ для удовлетворенія ея недостаточно было всѣхъ имуществъ убитыхъ и изгнанныхъ Маріанцевъ, то богатство и помѣстья сдѣлались почти также пагубны, какъ и противныя политическія мнѣнія. И такъ, когда многіе воспользовались этимъ убійствомъ, которое должно было касаться только враговъ аристократіи, для освобожденія себя отъ своихъ личныхъ враговъ или завладѣнія чужими богатствами, то это побудило Суллу отдавать въ обнародованіе проскрипціонные списки, въ которыхъ были означены имена всѣхъ осужденныхъ на смерть, съ опредѣленіемъ награды тому, кто станетъ преслѣдовать ихъ. Впрочемъ, не смотря на то, никто не могъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни или имѣнія, потому что въ проскрипціи безъ вѣдома Суллы вписывали имена такихъ людей, которые никогда не имѣли политическаго значенія и вовсе были ему неизвѣстны. До сихъ поръ Сулла

управлялъ какъ предводитель войска, въ слѣдствіе побѣды захватившій правленіе въ свои руки, но теперь, подавивъ совершенно противную партію, онъ пожелалъ законной власти, чтобы возвратить потрясенному государству порядокъ и спокойствіе. И такъ въ 81 г. онъ велѣлъ провозгласить себя диктаторомъ. Впрочемъ не должно думать, что Сулла сдѣлался диктаторомъ въ смыслѣ древнихъ Римскихъ постановленій: диктаторство было только законнымъ именемъ его неограниченной власти. Опираясь на 10,000 рабовъ, получившихъ свободу по смерти господъ своихъ, подвергшихся проскрипціи, и на своихъ ветерановъ, размѣщенныхъ по богатымъ колоніямъ, Сулла могъ уже теперь дать государству болѣе монархическую форму; но по склонности къ спокойнымъ и роскошнымъ наслажденіямъ жизни онъ въ 79 г. сложилъ съ себя власть, считая государство устроеннымъ и обезопасеннымъ на долгое время изданными имъ законами (Leges Corneliae). Главныя постановленія сихъ законовъ суть слѣдующія: 1) законъ de potestate tribunitia отнялъ или ограничилъ у народныхъ трибуновъ право посредничества, и опредѣленіемъ, по которому бывшій народный трибунъ не могъ быть облеченъ ни въ какое другое высшее достоинство, долженъ былъ удержать талантливыхъ честолюбцевъ отъ исканія сей должности. 2) Законъ de civitate ограничивалъ право гражданства Италіянцевъ, хотя по недостатку извѣстій мы не знаемъ въ какой степени. 3) Законъ de magistratibus опредѣлялъ, что никто не можетъ быть допущенъ къ занятію какой либо должности, не достигнувъ законнаго возраста, и установилъ порядокъ постепеннаго прохожденія государственныхъ должностей, въ слѣдствіе котораго не прежде можно было сдѣлаться преторомъ, какъ по отправленіи должности квестора, и не прежде искать консульства, какъ прослуживъ въ преторахъ. Равномѣрно число преторовъ было увеличено до восьми, а квесторовъ до двадцати. 4) Законъ de proscriptis исключалъ потомковъ гражданъ, подвергшихся проскрипціи, отъ всѣхъ государственныхъ должностей и слѣдовательно имѣлъ цѣлію удержать навсегда въ униженіи низверженную демократическую партію. 5) За-

конъ de judiciis возвратилъ Сенату судейскую власть, но такъ какъ сей послѣднiй отъ проскрипцiй весьма уменьшился въ своемъ числѣ, то для пополненiя его приняты новые сенаторы изъ всадниковъ. Прочiя постановленiя Суллы, особенно законы de provinciis ordinandis и de repetundis были превосходны, но также мало были въ состоянiи обуздывать корыстолюбiе правителей, какъ первыя — ярость партiй. Зло лежало слишкомъ глубоко и не могло быть истреблено одними постановленiями. Для спасенiя Рима нужно было одного—возвышенiя надъ партiями монархической власти, которая положила бы ихъ спорамъ конецъ.

Если представимъ, что чрезъ революцiю, произведенную Суллою, имѣнiе перешло отчасти совершенно въ другiя руки, и что существовала многочисленная партiя, бѣдностью и желанiемъ мщенiя доведенная до отчаянiя, которая ничего столько не желала, какъ новаго переворота, то увидимъ, что введенное Суллою устройство было непрочно и не обѣщало продолжительности. А въ рѣшительныхъ вождяхъ тѣмъ менѣе могъ быть недостатокъ, что междоусобiе бываетъ всегда для нихъ лучшею школою. Сулла умеръ въ 78 г., и противная партiя тотчасъ подняла голову подъ предводительствомъ консула Лепида въ Римѣ и Кв. Серторiя въ Испанiи. Сенатъ, въ надеждѣ, что отличенный Суллою Кн. Помпей Магнусъ можетъ быть достойнымъ, только не такъ грознымъ преемникомъ его, не смотря на молодость, возвысилъ его. Помпей покоренiемъ Испанiи и подавленiемъ послѣднихъ остатковъ Марiанской партiи оправдалъ возложенную на него довѣренность.

Тотчасъ по смерти Суллы Лепидъ хотѣлъ вызвать обратно всѣхъ осужденныхъ проскрипцiями на изгна-

ніе и дѣтямъ убитыхъ возвратить наслѣдственное имѣніе и прежнія права. Естественно, что это побудило къ сопротивленію всѣхъ владѣвшихъ конфискованными имѣніями; на Марсовомъ Полѣ произошла стычка, въ которой Лепидъ былъ разбитъ, и такъ какъ онъ самъ бѣжалъ въ Сардинію, то Перпенна отвелъ остатки своей партіи въ Испанію къ Серторію, вокругъ котораго собирались всѣ спасшіеся отъ кровавыхъ преслѣдованій Суллы. Серторій выгналъ изъ Испаніи преторовъ Сулланской партіи и пріобрѣлъ у туземцевъ такую же довѣренность, какою нѣкогда пользовался Виріатъ. Хорошо ознакомившись съ національнымъ характеромъ Испанцевъ и искусно пользуясь имъ, онъ склонилъ ихъ вооружиться за свое дѣло и образовалъ такую силу, что надѣялся перенесть театръ войны въ самую Италію. Посланный противъ него Сенатомъ Метеллъ не сдѣлалъ ничего, напротивъ Помпей, принявшій послѣ него начальство надъ войскомъ, былъ счастливѣе: онъ кончилъ войну, хотя этимъ былъ обязанъ не превосходству своихъ талантовъ, но низкимъ душамъ нѣкоторыхъ изгнанниковъ. Между ними Перпенна составилъ заговоръ противъ жизни Серторія и въ 72 г. на одномъ пиршествѣ умертвилъ его. По смерти Серторія Испанцы, служившіе только изъ любви къ нему, разсѣялись, и Перпенна попалъ въ руки Помпея; онъ имѣлъ столько низости, что вручилъ ему Серторіеву переписку, но Помпей, который если никогда не показывалъ себя великимъ, то по крайней мѣрѣ, часто благороднымъ, сжегъ письма, не читая, и велѣлъ умертвить предателя.

Если представимъ, что въ то самое время, когда происходила война въ Испаніи, снова поднялъ оружіе Митридатъ, въ Италіи возмутились рабы, и флоты морскихъ разбойниковъ не только дѣлали опаснымъ плаваніе, но опустошали берега самой Италіи, то легко убѣдимся, что рѣдко какому либо государству случалось выдержать столь опасный періодъ, каковъ былъ для Рима отъ 75 до 70 года. Къ счастію, между этими единовре-

менными врагами не существовало никакой связи, посему войны, веденныя противъ нихъ, суть какъ бы отдѣльные эпизоды Римской Исторіи и важны только потому, что доставляли случаи нѣкоторымъ знатнымъ Римлянамъ къ возвышенію на военномъ поприщѣ. Такимъ образомъ, пользуясь сими обстоятельствами, пріобрѣли высокое значеніе *М. Лицинiй Крассъ*, *Л. Лукуллъ* и особенно *Кн. Помпей.* Страшнѣе всѣхъ по близости театра дѣйствій и по непосредственной опасности, угрожавшей городу, была *война съ рабами*, и Крассъ, пораженіемъ отличнаго предводителя ихъ Спартака и истребленіемъ мятежниковъ, оказалъ отечеству неоспоримо великую услугу.

Пока Римляне оставались въ предѣлахъ Италіи, рабовъ было у нихъ не много и съ ними обходились человѣколюбиво. Тогда Римлянинъ самъ занимался еще земледѣліемъ и слѣдовательно зналъ, чего можно требовать отъ силъ человѣка; посему несправедливо не налагалъ на раба трудовъ, превосходящихъ его силы, и не изнурялъ его жестокимъ обхожденіемъ. Но чѣмъ болѣе становилось общественное поле, чѣмъ болѣе увеличивалось число плѣнныхъ изъ всѣхъ странъ земли, а слѣдовательно и число рабовъ, тѣмъ разительнѣе измѣнились эти отношенія, особенно когда богатые владѣльцы земель перестали сами смотрѣть за своими помѣстьями, но воздѣлывали ихъ руками рабовъ своихъ и отдавали подъ надзоръ управителей. Вся Сицилія и Италія были наполнены рабами, отчасти принадлежавшими къ воинственнымъ народамъ: Галлы, Ѳракіяне и Германцы тѣмъ сильнѣе чувствовали потерю своей свободы, чѣмъ несправедливѣе поступали съ ними. Какъ опасно положеніе государства, которое въ своихъ многочисленныхъ рабахъ имѣетъ враговъ, выжидающихъ только благопріятнаго случая ко мщенію, это сперва испыталъ Римъ въ Сициліи, гдѣ трижды происходившія въ разныя вре-

мена возстанія могли быть подавлены только регулярными войсками. Такіе случаи, казалось, должны были бы показать государству необходимость улучшенія состоянія рабовъ, но это не было сдѣлано, и зло не только оставалось, но еще возрастало по мѣрѣ того, какъ увеличивались большія помѣстья частныхъ лицъ. И такъ въ матеріи къ этому ужасному пожару не было недостатка, и онъ вспыхнулъ въ 73 году по слѣдующему случаю: нѣкто Лентулъ Батіатъ содержалъ въ Капуѣ гладіаторскую школу, и изъ числа тѣхъ, которые по неволѣ должны были учиться здѣсь ратоборству, 200 согласились бѣжать. Когда замыселъ ихъ былъ открытъ, то 78 отдѣлились отъ прочихъ, желая лучше сразиться и умереть за свою свободу, нежели для удовольствія Римской черни. Попавшаяся имъ на встрѣчу повозка съ оружіемъ дала имъ въ руки средства къ отраженію своихъ преслѣдователей. Послѣ сего, утвердившись при подошвѣ горы Везувія, они выбрали себѣ въ вожди одного Ѳракіянина, по имени Спартака, и дали ему еще двухъ помощниковъ Эномауса и Крикса. Мы не должны удивляться тому, что изъ среды Римскихъ рабовъ могли выйти хорошіе предводители войскъ, потому что между ними находились образованные и опытные воины, поверженные неблагопріятною судьбою въ плѣнъ и рабство. Такъ какъ шайка Спартака ежедневно увеличивалась, то Сенатъ, чтобы истребить зло въ самомъ зародышѣ, послалъ противъ него претора Клодія Глабріона съ 3000-мъ войскомъ. Клодій занялъ всѣ проходы горы, на которой стоялъ Спартакъ и считалъ рабовъ совершенно въ своей власти, но они, приготовивъ лѣстницы изъ дикихъ виноградныхъ лозъ, спустились съ той части горы, которую Римляне, по причинѣ ея чрезвычайной крутости, оставили незанятою, напали на Римскій лагерь и тѣмъ легче одержали побѣду, чѣмъ менѣе ожидали отъ нихъ нападенія. Пораженіе регулярнаго войска имѣло столь рѣшительное дѣйствіе, что изъ шайки разбойниковъ, находившихся подъ начальствомъ Спартака, вдругъ образовалось сильное войско. Римляне съ чрезвычайною опрометчивостію выслали въ поле нѣсколько армій, которыя были разбиты, и каждая

побѣда имѣла слѣдствіемъ постепенно увеличивавшееся возрастаніе Спартакова войска; такъ, что онъ могъ раздѣлить свою толпу на двѣ части: одну подъ начальствомъ Крикса оставилъ въ Нижней Италіи, а самъ съ остальною направилъ походъ къ сѣверу. Криксъ въ несчастной битвѣ съ преторомъ Арріемъ былъ разбитъ и убитъ, но самъ Спартакъ одержалъ верхъ надъ обоими консулами Л. Гелліемъ и Корнеліемъ Лентуломъ и прошелъ Италію до самыхъ Альпъ. Онъ хотѣлъ теперь перевесть рабовъ черезъ горы въ Галлію и тамъ предоставить имъ на волю, отправиться куда угодно; но буйная толпа, помышлявшая только о грабежѣ и опустошеніяхъ, отвергла предложеніе своего благоразумнаго вождя и принудила его итти на самый Римъ. Тогда Сенатъ поручилъ начальство надъ войскомъ М. Лицинію Крассу, и онъ былъ такъ остороженъ, что не доставилъ Спартаку никакого случая къ новой побѣдѣ, но ограничилъ свои дѣйствія только прегражденіемъ ему пути къ Риму, а между тѣмъ самъ заботился о возстановленіи въ своемъ войскѣ дисциплины и содержалъ ее въ величайшей строгости; онъ приказалъ десятерить отрядъ, обратившійся въ бѣгство предъ рабами. Потомъ искусными стратегическими движеніями оттѣснилъ Спартака въ Нижнюю Италію и заперъ его на Регійской оконечности Италіи рвомъ въ 15 футовъ глубины и ширины, обоими концами касавшимся моря. Спартакъ между тѣмъ вступилъ въ переговоры съ морскими разбойниками, тогда владычествовавшими на Средиземномъ Морѣ, и они обѣщали доставить ему корабли, но не сдержали своего слова. И такъ, доведенный до крайности недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, Стартакъ долженъ былъ рѣшиться искать спасенія сухимъ путемъ. Воспользовавшись одною темною и бурною ночью, онъ такъ искусно переправился черезъ ровъ, что не потерялъ ни одного человѣка и тѣмъ рушилъ весь Крассовъ планъ. Если Крассъ не желалъ дальнѣйшимъ медленіемъ снова поставить Римъ въ опасное положеніе и допустить Помпея, который тогда возвращался изъ Испаніи, вырвать у себя честь побѣды, то долженъ былъ теперь рѣшиться на сраженіе. Оно послѣдовало въ 71 г.

при Силарѣ и по паденіи Спартака кончилось въ пользу Римлянъ. Римляне отмстили па тѣхъ, которые попались имъ въ руки живыми, за весь страхъ и труды, причиненные имъ этимъ бунтомъ; рядъ крестовъ съ пригвожденными на нихъ плѣнными рабами простирался вдоль по дорогѣ отъ Капуи до самаго крайняго мыса Италіи, чтобы служить страшнымъ предостереженіемъ на будущее время. Толпа рабовъ, около 5,000 собравшаяся послѣ сраженія при Силарѣ, пробившись въ верхнюю Италію, попала по встрѣчу Помпею, возвращавшемуся изъ Испаніи, и доставила ему поводъ, если не совершенно оспаривать у Красса честь окончанія войны, то по крайней мѣрѣ раздѣлить ее съ нимъ. Это не мало содѣйствовало къ тому, что оба полководца, которыхъ господствующая партія считала своими опорами, сдѣлались врагами и приняли противоположныя направленія.

Кн. Помпей и М. Лициній Крассъ были избраны на 70 годъ консулами, и вражда, раздѣлявшая ихъ, въ теченіе сего года пріобрѣла значительное вліяніе на государство. Для Помпея было существенною политическою необходимостію никакимъ образомъ не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ аристократіи и, оставаясь главою ея, сохранить свое первенство въ государствѣ; но, увлеченный легкомысліемъ и совершеннымъ незнаніемъ своего положенія, онъ бросился на противоположный путь. Изъ непріязни къ Крассу онъ во всемъ шелъ ему наперекоръ, и такъ какъ Крассъ держался аристократіи, то Помпей перешелъ на сторону народа и сталъ стараться о возстановленіи подавленной демократіи, возвратилъ трибунамъ ограниченную Суллою прежнюю ихъ власть и всадникамъ—судейскую должность. Такимъ образомъ онъ естественно сдѣлался идоломъ народа и демагоги сдѣлали первое употре-

бленіе своей власти въ пользу своего возстановителя — но не могли ли они вдругъ обратить противъ него же возвращенное имъ оружіе? Сила, вскорѣ доставленная ему благодарными народными трибунами, послужила только къ большему его отдаленію отъ настоящаго его положенія, потому что Сенатъ образовалъ противъ него оппозицію, которую онъ не иначе могъ преодолѣть, какъ тѣснѣйшимъ присоединеніемъ къ демократіи. Первымъ плодомъ, который получилъ Помпей отъ расположенія народа, была чрезвычайная власть для усмиренія морскихъ разбойниковъ, врученная ему по предложенію народнаго трибуна А. Габинія.

Римъ никогда не былъ морскою державою; во время Пуническихъ войнъ необходимость заставила Римлянъ насильно сдѣлаться могущественными на морѣ, и когда нужда прошла, они опять стали не радѣть о флотѣ. Если въ послѣдствіи являются Римскія морскія силы, то это были союзническія. И такъ почти незамѣтно отъ Рима въ Киликіи успѣло образоваться морское разбойничество, дѣлавшееся годъ отъ году ужаснѣе. Обвиняютъ Римскихъ чиновниковъ въ Азіи, что за участіе въ добычѣ они сами потворствовали сему злу. Правительство въ первый разъ обратило на него вниманіе, когда, по распущеніи Митридатова флота въ 85 году, разбойники, усилившись въ числѣ, до того сдѣлались дерзкими, что никто не смѣлъ плавать по Средиземному Морю, не подвергаясь опасности попасть въ ихъ руки, что останавливали подвозъ къ самому Риму и наконецъ начали даже дѣлать высадки на берега Италіи и грабить гавань Остію. Формальнаго устройства у этихъ пиратовъ не существовало; впрочемъ всѣ отдѣльныя шайки находились между собою въ связи и имѣли одно общее святилище въ Олимпѣ, гдѣ чтили свои особенныя божества, чтобы совѣсть не воспрещала имъ грабить Греческіе и

Римскіе храмы. Съ 75 года Сенатъ посылалъ противъ нихъ нѣсколько частныхъ экспедицій, въ слѣдствіе которыхъ и было разрушено нѣсколько разбойническихъ гнѣздъ въ Исавріи и Критѣ; но это мало помогало, и для совершеннаго прекращенія зла должно было принять сильныя и рѣшительныя мѣры. Самою простою было бы запереть разбойничьи притоны, что могло быть исполнено безъ большихъ издержекъ, потому что Греческіе и Азіятскіе торговые города старались бы содѣйствовать этому всѣми силами; но такъ какъ теперь былъ хорошій случай демагогамъ доказать Помпею благодарность за возстановленіе трибунской власти, то народный трибунъ А. Габиній предложилъ для сего назначить военачальника съ неограниченною властію, предоставить въ полное его распоряженіе государственную казну и распространить власть его надъ всѣмъ Средиземнымъ Моремъ и на 400 стадій внутрь земли по берегамъ. Габиній хотя и не назвалъ прямо Помпея, но такъ явно намекалъ на него, что никто другой не могъ быть облеченъ этою необычайною властію. Аристократія противодѣйствовала предложенію демагога, склонивъ на свою сторону двухъ народныхъ трибуновъ; но veto одного трибуна противъ другаго уже потеряло свою силу *). Законъ Габиніевъ состоялся, и выборъ означеннаго въ немъ полководца палъ на Помпея, который слѣдовательно получилъ теперь власть, какой доселѣ не имѣлъ еще ни одинъ Римлянинъ. Впрочемъ отъ него не надобно было опасаться, что онъ употребитъ ее во зло; для него довольно было одного — имѣть ее. Но онъ не обратилъ вниманія на то, что это дѣлало его ненавистнымъ, и, не смотря на то, въ послѣдствіи выпустилъ изъ рукъ власть, съ которою могъ бы противостать злобѣ враговъ своихъ. Помпей составилъ флотъ изъ 500 кораблей и 120,000 сухопутное войско, и, раздѣливъ эти силы на 13 частей, въ 67 г. началъ войну разрушеніемъ разбойническихъ прито-

*) *Діонъ Кассій*, котораго превосходное сочиненіе, касающееся Римской Исторіи, есть главный источникъ для слѣдующаго періода, въ началѣ 36 книги описываетъ самымъ подробнымъ образомъ всю сцену утвержденія Габиніева закона.

новъ въ Италіи и Сициліи и потомъ однимъ ударомъ поразилъ главныя силы ихъ у береговъ Киликіи. Послѣ сего морскіе разбойники сдались, и Помпей поступилъ благородно, что не прибѣгнулъ къ короткому средству уничтоженія ихъ, но переселилъ ихъ во внутреннія страны, гдѣ отвелъ имъ города и земли, чтобы они опять привыкли къ мирной домашней жизни. Въ три мѣсяца все предпріятіе было окончено, и море снова открыто для торговли и свободнаго плаванія.

По окончаніи войны съ разбойниками Помпей долженъ былъ сложить ввѣренную ему чрезвычайную власть, но приверженцы его успѣли ее еще на время продолжить. Народный трибунъ Манилій издалъ законъ, въ силу котораго Помпею предоставлялось также окончаніе открывшейся снова войны съ Митридатомъ, и Лукуллъ, ведшій доселѣ эту войну, и всѣ другіе военачальники въ Азіи должны были уступить ему свою власть. Всадники были на сторонѣ Помпея, Цицеронъ, тогда находившійся въ должности претора, подкрѣплялъ Маниліевъ законъ своимъ краснорѣчіемъ, а К. Юлій Цезарь—своею энергіею; и такъ, что больше оставалось Сенату, какъ излить свое неудовольствіе въ безсильныхъ жалобахъ на упадокъ республики? Но война, предпринятая теперь Помпеемъ, была почти окончена, и онъ пожалъ лавры, посѣянные другими. Митридатъ въ 63 году лишилъ себя жизни, и сынъ его Фарнакъ получилъ въ наслѣдство отъ всего царства только Боспоранскую область, между тѣмъ, какъ всѣ прочія части его были присоединены къ Римскимъ владѣніямъ.

По заключеніи мира съ Суллою Митридатъ имѣлъ въ виду только выиграть время для новыхъ приготовленій и дождаться благопріятной минуты. Онъ обнаружилъ свою постоянную вражду къ Риму сильнымъ вооруженіемъ и стараніями вступить въ связи со всѣми его врагами. Онъ имѣлъ уже 120,000 пѣхоты и 16,000 конницы, когда ему представился случай къ войнѣ съ Римомъ. Въ 75 году Виѳинскій царь Никомедъ III умеръ и по примѣру послѣдняго царя Пергамскаго завѣщалъ свое царство Римлянамъ, которыхъ защитѣ единственно былъ обязанъ тѣмъ, что могъ держаться противъ Митридата. Для принятія наслѣдства во владѣніе, Римляне отправили консула М. Котту; но ему противосталъ Митридатъ—и съ такимъ успѣхомъ, что завладѣлъ всею Виѳиніею и самого консула заперъ въ Халкедонѣ. Такъ какъ война въ Азіи была самымъ лучшимъ средствомъ къ обогащенію, то Л. Лукуллъ старался при помощи народнаго трибуна Цетега выхлопотать себѣ позволеніе перемѣнить уже доставшуюся ему провинцію Галлію Цизальпинскую на какую нибудь Азіятскую, вмѣстѣ съ начальствомъ надъ войскомъ противъ Митридата, въ чемъ и успѣлъ. Когда прибылъ Лукуллъ, Митридатъ съ моря и суши велъ осаду города Кизика, остававшагося вѣрнымъ Риму, и болѣзни, и стихіи, и таланты Лукулла, все соединилось противъ твердаго царя, чтобы еще разъ уничтожить его силы. Голодъ и открывшаяся въ его лагерѣ язва принудили его снять осаду; онъ сдѣлалъ большую ошибку, присоединивъ къ своимъ хорошо устроеннымъ войскамъ многочисленное ополченіе, которое въ походѣ болѣе затрудняло, нежели доставляло пользу, и оно теперь всего болѣе способствовало къ совершенному уничтоженію его арміи. Ибо Лукуллъ шелъ по слѣдамъ за отступающимъ царемъ и настигъ его во-первыхъ на Риндакѣ и потомъ въ другой разъ на Граникѣ; легкая побѣда разсѣяла все Понтійское войско. Митридатъ искалъ спасенія на флотѣ, но и онъ былъ разбитъ бурею, и царь въ 72 году безъ войска и кораблей возвратился въ Синопе изъ похода, сначала столь счастливаго. Но въ несчастіи онъ самымъ блистательнымъ образомъ выказалъ свой умъ и мужество,

и въ слѣдующую же весну опять явился въ поле, предводительствуя новою арміею. Лукуллъ пришелъ въ затруднительное положеніе, потому что главную часть его войска составляли Фимбріевы легіоны, и чтобы удержать ихъ въ вѣрности и повиновеніи, онъ долженъ былъ обѣщать имъ больше того, чѣмъ старался привлечь ихъ на свою сторону Митридатъ. При Кабирѣ произошло сраженіе, несчастное для Митридата, въ слѣдствіе котораго онъ принужденъ былъ оставить свое царство. Его отчаяніе видно изъ того, что онъ, не желая оставить своихъ женъ и сестеръ въ добычу непріятелю, приказалъ умертвить ихъ и самъ бѣжалъ къ зятю своему Тиграну, царю Арменіи. Это царство образовалось изъ одной провинціи Селевкидскаго царства; но исторія его до царствованія Тиграна неизвѣстна; онъ счастливо вмѣшивался въ споры Селевкидовъ и незадолго до начала второй Митридатской войны овладѣлъ большею частію Сиріи; слѣдовательно онъ имѣлъ въ рукахъ силу, которая легко могла вдохнуть въ него мужество помѣряться сю съ Римлянами. Впрочемъ ничто не показывало, что Тигранъ приметъ сторону своего изгнаннаго тестя, еслибъ Аппій Клодій, посланный къ нему Лукулломъ для истребованія выдачи Митридата, своею военною гордостью и суровостью, съ какою обыкновенно Римляне обходились съ иностранными царями, не раздражилъ самолюбія Азіятскаго деспота. И такъ оскорбленіе царскаго достоинства побудило его поднять оружіе противъ Римлянъ; онъ собралъ войско, 250,000 пѣхоты и 50,000 конницы, съ которымъ въ 69 году хотѣлъ вторгнуться въ Киликію. Но Лукуллъ предупредилъ его: съ 12,000 пѣхоты и 3,000 конницы онъ переправился чрезъ Эвфратъ и Тигръ и подкрѣпленный Греческими поселенцами въ этихъ странахъ, принявшими Римлянъ, какъ друзей Греческой націи, явился предъ столицею Арменіи Тиграноцертою. Здѣсь снова оказалось на дѣлѣ превосходство нѣсколькихъ тысячъ хорошо обученныхъ войскъ предъ восточными ополченіями, какъ бы они ни были многочисленны. Лукуллъ разбилъ

Арменское войско *) и послѣ побѣды овладѣлъ городомъ при помощи жившихъ въ немъ Грековъ, гдѣ нашелъ несмѣтныя богатства. Въ слѣдующемъ (68) году Лукуллъ перешелъ, преслѣдуя обоихъ царей, чрезъ горы, раздѣляющія Арменію на двѣ части, еще разъ поразилъ ихъ при Артаксатѣ и готовился уже гнаться за Митридатомъ въ Кавказскія горы, какъ войско отказало ему въ повиновеніи. Пользуясь симъ бунтомъ, Митридатъ опять успѣлъ собрать силы: онъ снова явился въ Понтѣ и овладѣлъ имъ въ то самое время, когда прибыли Римскіе коммиссары для обращенія покореннаго царства въ провинцію. Послѣ сего Лукуллъ былъ отставленъ, и его мѣсто, по закону Маниліеву, въ 66 году занялъ Помпей. Если по видимому и могло казаться, что Помпей долженъ начать войну снова, на самомъ дѣлѣ силы Митридата и Тиграна были слишкомъ ослаблены, чтобы еще противустоять какому бы то ни было полководцу, предводительствующему войскомъ послушнымъ и хранящимъ дисциплину. Такъ какъ Помпей привелъ съ собою всѣ войска, собранныя имъ противъ морскихъ разбойниковъ, то ни Митридатъ, ни Тигранъ не могли долго держаться противъ него. Побѣдою, одержанною въ ночномъ сраженіи на Эвфратѣ, онъ принудилъ перваго къ бѣгству, а послѣдняго къ покорности. Тигранъ самъ прибылъ въ лагерь Помпея и униженіемъ и совершенною покорностію его волѣ спасъ для себя по крайней мѣрѣ часть своего царства. Помпей оставилъ ему собственную Арменію, но все завоеванное отнялъ. Митридатъ бѣжалъ чрезъ Кавказскія горы въ Крымъ, и между тѣмъ, какъ Помпей занимался покореніемъ Кавказскихъ племенъ и потомъ дѣлами Сиріи и Палестины, собралъ новое

*) Увѣренность Тиграна въ непобѣдимости его многочисленныхъ войскъ выразилась передъ сраженіемъ въ слѣдующей насмѣшкѣ: *εἰ μὲν ὡς πρεσβευταὶ, πολλοὶ πάρεισιν, εἰ δ' ὡς στρατιῶται, ὀλίγοι.* (т. е. Какъ пословъ ихъ бываетъ много, но какъ воиновъ мало.) Напротивъ Лукуллъ напоминавшимъ ему, что въ этотъ день былъ разбитъ Цепіонъ и что по этому онъ считается несчастнымъ, отвѣчалъ: *Ἐγὼ καὶ ταύτην εὐτυχῆ ποιήσω Ῥωμαίοις τὴν ἡμέραν.* (т. е. И этотъ день я сдѣлаю для Римлянъ счастливымъ.) Plut. vit. Lucull. cap. 27.)

войско и рѣшился на отчаянное предпріятіе — пройти чрезъ землю Скиѳовъ и Германцевъ, и съ сѣвера вторгнуться въ Италію. Но этотъ несбыточной планъ возбудилъ ропотъ въ солдатахъ, которые, чтобы не сдѣлаться жертвами его отчаянія, отпали отъ него и провозгласили царемъ сына его, Фарнака. Оставленный всѣми и страшась, чтобы сынъ не выдалъ его Римлянамъ, Митридатъ сперва принялъ ядъ, и когда оный не подѣйствовалъ, то взялся за мечъ, но старость ослабила его руки, и онъ долженъ былъ призвать на помощь чужія. Такъ кончилъ жизнь въ 63 году этотъ врагъ Римлянъ. Теперь Помпей распорядился завоеванными странами совершенно по своему произволу: кромѣ прежней провинціи Азіи, изъ сѣверныхъ прибрежныхъ странъ—Виѳиніи, Пафлагоніи и Понта—была составлена новая подъ именемъ *Виѳиніи;* южныя береговыя области отошли къ провинціи *Киликіи* и отнятые у Тиграна остатки прежняго Селевкидскаго царства присоединены къ Римскимъ владѣніямъ.

Въ слѣдствіе побѣды, одержанной надъ Митридатомъ и Тиграномъ, и Селевкидское царство сдѣлалось добычею Римлянъ. Впрочемъ мы не можемъ видѣть паденія сего нѣкогда столь могущественнаго и блестящаго царства, не изложивъ причинъ, которыя съ такою силою ускорили это паденіе, особенно потому, что одна изъ главныхъ причинъ сихъ есть *возстаніе Іудеевъ и возстановленіе политической самостоятельности Іудейской націи.* Парѳяне завладѣли всѣми частями Селевкидскаго царства, лежавшими на востокъ отъ Эвфрата, а Римляне западными, кромѣ Іудеи, которая еще нѣсколько времени наслаждалась своею мужественно пріобрѣтенною независимостію, подъ правленіемъ собственныхъ князей изъ рода Маккавеевъ.

Сраженіе при Магнезіи, у подошвы Сипила, нанесло Селевкидскому царству ударъ, отъ котораго оно не могло уже поправиться; не столько была чувствительна для него потеря Мало-Азіятскихъ провинцій, сколько тягостна огромная контрибуція, наложенная Римлянами, которые въ поручительство за нее держали 20 заложниковъ. Антіохъ Великій въ 187 г. былъ убитъ, и на престолъ вступилъ *Селевкъ IV Филопаторъ* (187 — 176). Онъ царствовалъ мирно, потому что долженъ былъ больше думать о томъ, чѣмъ вознаградить убытки, понесенные отъ войны, веденной его отцемъ, нежели начинать новую, но не имѣлъ довольно энергіи, чтобы рѣшиться на ограниченіе многочисленнаго придворнаго штата и расточительности придворной жизни, и потому первый началъ грабить храмы. Селевкъ вызвалъ изъ Рима брата своего Антіоха, находившагося тамъ заложникомъ, и на его мѣсто послалъ сына своего Димитрія, вѣроятно съ намѣреніемъ, чтобы онъ снискалъ себѣ расположеніе и покровительство Римлянъ. Антіохъ, на возвратномъ пути въ Сирію, только что прибылъ въ Аѳины, какъ получилъ извѣстіе, что Селевкъ отравленъ однимъ изъ своихъ придворныхъ, Геліодоромъ, и тотчасъ со всевозможною скоростію поспѣшилъ въ Сирію; неожиданнымъ явленіемъ, доставившимъ ему прозваніе Епифана, онъ рушилъ предпріятіе Геліодора и самъ вступилъ на престолъ. Правленіе *Антіоха IV Епифана* (176 — 164) примѣчательно по притѣсненіямъ Іудеевъ и по происшедшему по этой причинѣ возстанію ихъ. Подъ владычествомъ Персовъ Іудеи вели мирную и уединенную жизнь. Такъ какъ Персы не трогали ни ихъ первосвященника, ни синедріона и не касались до ихъ религіозныхъ понятій, то Іудеи спокойно наслаждались своимъ отдѣльнымъ существованіемъ. Александръ Великій слѣдовалъ той же политикѣ: принялъ ихъ покорность и не трогалъ ихъ законовъ. По смерти его Іудея была спорнымъ яблокомъ между Египтомъ и Сиріею, пока наконецъ въ 203 г. Антіохъ Великій не завладѣлъ ею совершенно. Изъ всѣхъ народовъ, покоренныхъ Александромъ по берегамъ Средиземнаго Моря, Іудеи одни воспротивились Греческому вліянію: въ ихъ собственномъ обра-

зованіи заключалось слишкомъ сильное отвращеніе ко всему чужеземному, чтобы оно могло къ нимъ проникнуть. И когда Антіохъ вознамѣрился доставить сему послѣднему перевѣсъ насильно, то духъ Іудейской націи возсталъ во всей своей силѣ *). Долго Іудеи терпѣливо переносили притѣсненія, которыми Сиріяне хотѣли поколебать привязанность ихъ къ отеческимъ законамъ и обычаямъ; даже, когда по повелѣнію царя Антіоха храмъ былъ лишенъ святыни, книги закона сожжены, и умерщвляемы всѣ невыдавшіе ихъ,—многіе мужчины, равно какъ и женщины жертвовали жизнію съ мужествомъ и твердостію, но безъ сопротивленія. Нуженъ былъ рѣшительный вождь, и таковымъ явился наконецъ Маттаѳія, жрецъ изъ первосвященнической фамиліи и отецъ пяти героевъ-сыновей. Когда отъ него потребовали, чтобы онъ принесъ жертву на Греческомъ алтарѣ, который былъ воздвигнутъ въ мѣстѣ жительства его, городѣ Модинѣ, то онъ неустрашимо отвѣчалъ начальнику Сирійскаго военнаго отряда такъ: «если всѣ народы въ царствѣ Антіоховомъ будутъ покорны и всѣ отпадутъ отъ закона своихъ предковъ, то я и сыновья мои и братья останемся вѣрными; милостивъ буди къ намъ Богъ!» Когда, не смотря на то, послѣ сихъ словъ, одинъ изъ жителей Модина приступилъ къ алтарю, намѣреваясь принесть жертву, то Маттаѳія, увлеченный гнѣвомъ и ревностію къ Богу, поразилъ не только приносившаго жертву, но и Сирійскаго начальника. Послѣ сего поступка ничего больше не осталось дѣлать, какъ сопротивляться. Маттаѳія бѣжалъ въ горы и сдѣлался теперь средоточіемъ, вокругъ котораго собрались всѣ рѣшившіеся на сопротивленіе. Посланные для усмиренія ихъ солдаты каждый разъ выбирали для нападенія субботу, зная, что Іудеи, строго соблюдающіе законъ, не станутъ въ сей священный день защищаться, и въ самомъ дѣлѣ, такимъ образомъ не встрѣтивъ сопротивленія, они захватили и умертвили многія отдѣльныя толпы. Та-

*) Подробнѣйшее описаніе этой занимательной и важной, въ отношеніи ко Всемірной Исторіи, борьбы находится въ *книгахъ Маккавеевъ*, изъ которыхъ особенно хорошо написана первая.

кая слѣпая привязанность къ буквамъ закона имѣла бы для Іудеевъ самыя гибельныя послѣдствія, еслибъ Маттаѳія не явилъ себя выше сего предразсудка. И такъ онъ положилъ съ своими послѣдователями въ случаѣ необходимости защищаться и въ субботу, и, положивъ такимъ образомъ твердое основаніе сопротивленію, умеръ въ 166 г. Изъ пяти сыновей своихъ еще при жизни онъ поставилъ *Іуду Маккавея* главнымъ предводителемъ на войнѣ, а *Симона* главою фамиліи *). Мужественный Іуда, принявъ теперь начальство надъ Маккавейскою партіею, успѣлъ отразить посланныя противъ него Сирійскія войска и тѣмъ столько усилился, что могъ выгнать непріятеля изъ Іерусалима и по очищеніи храма возстановить истинное богослуженіе. Антіохъ IV не дожилъ до конца этого мятежа, возбужденнаго его нетерпѣливостію: онъ умеръ на пути въ Верхне-Азіятскія провинціи въ одномъ Персидскомъ городѣ, Табахъ, въ 164 г., послѣ того, какъ его намѣреніе ограбить Элимайскій храмъ не удалось **), и такъ какъ Димитрій, истинный наслѣдникъ престола, все еще жилъ заложникомъ въ Римѣ, то царемъ провозглашенъ былъ родной сынъ его, *Антіохъ V Евпаторъ* (164 — 161). О томъ, кому принять опеку надъ юнымъ царемъ, между двумя знатнѣйшими вельможами, Филиппомъ и Лисіемъ, возникъ споръ, который долженъ былъ рѣшиться оружіемъ. Это междоусобіе было благопріятно для Іудеевъ; Лисій отъ имени царя заключилъ съ ни-

*) I Макк. 2, 65: и се Симеонъ братъ вашъ, вѣмъ яко мужъ совѣта есть, того послушайте вся дни, той будетъ вамъ во отца. И Іуда Маккавей сей крѣпокъ въ силѣ отъ юности своей, сей будетъ вамъ начальникъ воинства, и сотворитъ брань людемъ.

**) Polyb. lib. XXXI, cap. 11: *Ἀντίοχος ὁ βασιλεὺς, βουλόμενος εὐπορῆσαι χρημάτων, προέθετο στρατεύειν ἐπὶ τὸ τῆς Ἀρτέμιδο· ἱερὸν εἰς τὴν Ἐλυμαΐδα. Παραγενόμενος δ' ἐπὶ τοὺς τόπους καὶ διαψευσθεὶς τῆς ἐλπίδος, διὰ τὸ μὴ συγχωρεῖν τῇ παρανομίᾳ τοὺς βαρβάρους τοὺς οἰκοῦντας περὶ τοὺς τόπους, ἀναχωρῶν, ἐν Τάβαις τῆς Περσίδος ἐξέλιπε τὸν βίον.* (т. е. Антіохъ, желая обогатиться, предпринялъ походъ въ Элимаиду съ намѣреніемъ ограбить храмъ Артемиды. Придя же въ тѣ мѣста, онъ обманулся въ надеждѣ, потому что варвары, обитавшіе тамъ, не согласились на такое противозаконное дѣло: на возвратномъ пути онъ умеръ въ Персидскомъ городѣ Табахъ).

ми договоръ, обезпечившій ихъ образъ правленія и религію; но только что онъ успѣлъ побѣдить своего противника Филиппа, какъ законный наслѣдникъ престола, Димитрій, тайно скрывшись изъ Рима, въ 161 г. высадился на берегу Финикіи и нашелъ въ народѣ общее къ себѣ расположеніе. Захвативъ Антіоха и Лисія въ свои руки и предавъ обоихъ смерти, онъ подъ именемъ *Димитрія I Сотера* (161—150) вступилъ на престолъ. Для успокоенія Іудеевъ онъ поставилъ имъ первосвященникомъ Эліакима, происходившаго изъ первосвященническаго рода, и большая часть народа, будучи утомлена войною, признала его; только Іуда Маккавей съ своими братьями и приверженцами не покорился, не довѣряя Сиріянамъ и избранному ими первосвященнику. Ихъ опасенія оправдались: Сирійскій намѣстникъ Бакхидъ началъ преслѣдовать строгихъ блюстителей закона, не встрѣчая со стороны первосвященника никакого сопротивленія. И такъ Іуда снова поднялъ знамя мщенія и, прежде нежели Сирійское войско подъ предводительствомъ Никанора успѣло противостать ему, такъ усилился, что отважился вступить съ нимъ въ сраженіе и побѣдилъ; Никаноръ сдѣлалъ на него вторичное нападеніе и снова былъ разбитъ, погибъ въ битвѣ самъ и войско его разсѣянно. Память объ этой побѣдѣ Іудеи и доселѣ еще торжествуютъ на праздникѣ Малаго Пурима. Но прежде нежели слѣдствія этой побѣды успѣли обнаружиться — сюда именно относится посольство Іуды въ Римъ, для испрошенія себѣ покровительства республики—Бакхидъ, предводительствуя новымъ многочисленнымъ войскомъ, снова вторгнулся въ Палестину. Большая часть приверженцевъ Іуды, устрашенная превосходствомъ непріятельскихъ силъ, разсѣялась; не многіе оставшіеся при немъ хотѣли склонить къ бѣгству и его, но Іуда возразилъ имъ: «Не буди ми сотворити вещь сію, еже бѣжати отъ нихъ: и аще приближися время наше, умремъ мужественно ради братіи нашея, и не оставимъ вины славѣ нашей;» и мужественно вступилъ въ битву, но въ этотъ разъ его храбрость могла доставить ему не лавръ побѣды, а только славную смерть. Онъ палъ въ 161 году. Хотя по смерти его Эліакимъ и Бакхидъ снова овладѣ-

ли всею страною, однако, не смотря на то, вѣрные не пали духомъ. Избравъ предводителемъ брата Іуды, Іонаѳана, они на первый разъ удалились въ пустыню. Отсюда они дѣлали нападенія на Сиріянъ, и когда въ 160 г. первосвященникъ Эліакимъ умеръ, то Іонаѳанъ снова успѣлъ склонить на свою сторону весь народъ и такъ стѣснилъ Бакхида, что онъ принужденъ былъ на условіяхъ оставить страну. За исключеніемъ занятыхъ еще Сирійскими войсками крѣпостей, Іонаѳанъ былъ господиномъ всей страны и въ первой книгѣ Маккавеевъ (гл. 9, 73) это состояніе изображено такъ: «И преста мечъ отъ Израиля и обита Іонаѳанъ въ Махмасѣ, и нача Іонаѳанъ судити люди, и истреби нечестивыхъ отъ Израиля.» Таково было положеніе дѣлъ, когда въ 154 году Александръ Баласъ, выдававшій себя за сына Антіоха IV, поднялъ оружіе противъ Димитрія. Эти обстоятельства доставили Іудеямъ большія выгоды. Димитрій, опасаясь, чтобы Іонаѳанъ не усилилъ партіи Александра, дѣлалъ всѣ возможныя уступки, чтобы имѣть его своимъ другомъ; онъ вызвалъ изъ Іудеи Сирійскіе гарнизоны. Но Александръ превзошелъ въ щедрости своего противника, вручивъ Іонаѳану вмѣстѣ съ первосвященническимъ достоинствомъ и должность намѣстника. И такъ естественно, что Іонаѳанъ принялъ сторону Александра и не ошибся въ выборѣ. *Александръ Баласъ* (150—145) остался побѣдителемъ и по смерти Димитрія, убитаго во второмъ сраженіи, вступилъ на престолъ. Само собою разумѣется, что Іонаѳанъ, такъ много содѣйствовавшій этому результату, получилъ отъ побѣдителя великія почести. Онъ сдѣлался теперь и духовнымъ и свѣтскимъ главою своего народа — и если не былъ совершенно независимъ отъ Сиріянъ, по крайней мѣрѣ, довольно могуществен, чтобы достигнуть этого со временемъ. Но едва Александръ утвердился на Селевкидскомъ тронѣ, — противъ него явился новый претендентъ. Сынъ низверженнаго Димитрія, также называвшійся Димитріемъ, вступилъ въ союзъ съ Египетскимъ царемъ Птоломеемъ Филометоромъ и при помощи его въ 145 году возвратился въ Сирію. Александръ бѣжалъ въ Аравію, гдѣ и былъ вѣроломно убитъ однимъ Арабомъ,

у котораго искалъ гостепріимства. *Димитрій II Никаторъ* (145 — 141) заключилъ съ Іонаѳаномъ договоръ, которымъ подтвердилъ всѣ преимущества Іудейскаго первосвященника и народа, и за уплату 300 талантовъ ежегодно уступилъ Іонаѳану подати всей страны. Такимъ образомъ Іонаѳанъ все болѣе приближался къ княжеской власти. Скоро ему представился случай доказать царю свою благодарность и вѣрность; Димитрій уволилъ отъ службы часть своихъ наемниковъ; они, соединясь съ недовольными жителями, подняли страшный бунтъ, и царь непремѣнно сдѣлался бы жертвою народной ярости, если бъ къ нему не прибыли на помощь 3,000 Іудеевъ, которые послѣ ужаснаго кровопролитія возстановили въ Антіохіи спокойствіе. Но Димитрій сдѣлался такъ ненавистенъ своимъ подданнымъ, что низверженіе его казалось очень легкимъ. Въ надеждѣ на это Діодотъ Трифонъ, прежній генералъ Александра Баласа, вывелъ изъ неизвѣстности *Антіоха VI*, сына Александрова, и явился съ нимъ въ Сиріи. Димитрій удалился въ восточныя провинціи, принадлежавшія еще къ Селевкидскому царству, между тѣмъ какъ Антіохъ, или—лучше—во имя его Трифонъ, сдѣлался владыкою Сиріи. Этотъ переворотъ былъ гибеленъ для Іонаѳана. Трифонъ, желая лишить его пріобрѣтенной имъ независимости, хитростію заманилъ его въ Итоломаиду и задержалъ тамъ какъ плѣнника, а самъ тотчасъ двинулся съ войскомъ въ Іудею. Симонъ, единственный изъ сыновей Маттаѳіи, остававшійся въ живыхъ, принялъ начальство надъ Іудеями и выступилъ противъ вѣроломнаго Трифона. Сей послѣдній велъ съ собою и плѣннаго Іонаѳана и объявилъ Симону, что онъ согласенъ освободить его брата, если онъ пришлетъ ему 100 талантовъ и сыновей Іонаѳана заложниками за вѣрность ихъ отца. Симонъ хотя и предчувствовалъ измѣну, однако тотчасъ послалъ и деньги, и заложниковъ. Послѣ сего Трифонъ велѣлъ умертвить Іонаѳана вмѣстѣ съ его сыновьями и, не вступая съ Іудеями въ сраженіе, возвратился въ Сирію. Прибывъ туда въ 142 г. онъ умертвилъ юнаго Антіоха и самъ принялъ царскій титулъ. Такъ какъ Димитрій II явился теперь въ Сиріи снова и вступилъ

съ похитителемъ царской власти въ борьбу за владѣніе страною, то Симонъ принялъ его сторону: и получилъ за это освобожденіе отъ всякой подати, титулъ *Этнарха* или князя Іудеевъ и право чеканить монету. И между тѣмъ какъ Сирійское царство видимо клонилось къ паденію, Іудея подъ кроткимъ и мудрымъ правленіемъ Симона начала приходить въ самое цвѣтущее состояніе. Первая книга Маккавеевъ (гл. 14) изображаетъ это слѣдующими словами: «И умолча земля Іудина во вся дни Симоновы, и взыска благая языку своему и угодна бысть имъ власть его, и слава его во вся дни. И кійждо дѣлаше землю свою съ миромъ, и земля даяше жита своя, и древеса польская плодъ свой. Старѣйшины на стогнахъ сѣдяху, и вси о благихъ бесѣдоваху, и юноши облачахуся славою и ризами ратными. Градомъ даяше пищи, и вчиняше ихъ въ сосуды утвержденія, дондеже именовася имя славы его даже до края земли. Сотвори миръ на земли, и возвеселися Израиль веселіемъ веліимъ. И укрѣпи всѣхъ смиренныхъ людей своихъ: закона взыска, и отъятъ всяко беззаконіе и лукавство. Святая прослави, и умножи сосуды святыхъ.» Симонъ кончилъ жизнь несчастнымъ образомъ: во время одного путешествія, предпринятаго для обозрѣнія страны, онъ съ двумя сыновьями, Маттаѳіею и Іудою, заѣхалъ къ тестю своему Птоломею, который за обѣдомъ велѣлъ умертвить ихъ всѣхъ троихъ въ 135 году. Посредствомъ такого вѣроломнаго поступка онъ думалъ захватить власть въ свои руки, но былъ предупрежденъ въ этомъ третьимъ сыномъ Симона *Іоанномъ Гирканомъ*, который, изгнавъ его, самъ наслѣдовалъ отцу. Между тѣмъ въ Сиріи братъ Димитрія *Антіохъ VII Сидетъ* успѣлъ наконецъ выгнать похитителя короны Трифона и, пользуясь происшедшими по умерщвленіи Симона безпорядками, снова принудилъ Іудеевъ къ покорности. И дѣйствительно Іоаннъ долженъ былъ снова перейти въ зависимость отъ Сиріи, срыть укрѣпленія Іерусалима, платить дань и дать заложниковъ: но послѣ того, какъ Антіохъ въ 130 г. въ походѣ противъ Парѳянъ погибъ, Іоаннъ не только возвратилъ себѣ независимость, но вмѣстѣ покорилъ также Идумею, Самарію и Галилею и во

всѣхъ сихъ странахъ ввелъ Іудейскую религію и Іудейскій образъ правленія. Со стороны Сиріи, которая по смерти Антіоха Сидета сдѣлалась добычею самыхъ бѣдственныхъ междоусобій, Іудеямъ бояться было уже нечего. Послѣдніе Селевкиды, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ во власти и другъ друга низвергавшіе, такъ незначительны, что ихъ происхожденіе часто стольже неизвѣстно, какъ и исторія. Наскучивъ безпрерывными спорами о престолѣ, жители Сиріи въ 85 г. отдались наконецъ въ подданство Тиграну, царю Армянскому. Помпей отнялъ Сирію у Тиграна и обратилъ ее въ Римскую провинцію въ 64 г., а Селевкиду Антіоху XIII, въ вознагражденіе, далъ княжество Коммагену, и со смертію его и брата его Селевка Кибіосакта, въ 57 году, династія Селевкидовъ кончилась.

Новое княжество Іудейское, управляемое Маккавеями, облеченными вмѣстѣ и первосвященническою, и княжескою властію, едва успѣло обезопасить себя извнѣ, какъ тотчасъ внутри его возникли и обнаружились элементы раздора и разстройства. Хотя именно привязанность къ старинѣ, къ обычаямъ и законамъ предковъ была причиною возвышенія Маккавейской фамиліи, однако, не смотря на то, Іудея скоро приняла характеръ прочихъ Греко-восточныхъ государствъ: наемное войско сдѣлалось опорою княжеской власти, Греческіе нравы проникли ко двору и споры за наслѣдство разрушили согласіе, а съ нимъ и силу господствующей фамиліи. Между тѣмъ въ народѣ не переставала существовать идея о царѣ изъ рода Давидова, который возвратитъ націи древній блескъ, и чѣмъ болѣе правительствующая династія уклонялась отъ основныхъ законовъ Іудейскихъ, тѣмъ болѣе народъ началъ

видѣть въ ней чуждый элементъ и устремлялъ всѣ свои надежды въ будущее. Это направленіе сосредоточилось въ сектѣ *Фарисеевъ*, составившей оппозицію противъ правительства, и хотя дворъ и нашелъ себѣ опору въ самой націи, въ сектѣ *Саддукеевъ*, однако первая, какъ болѣе народная, была и могущественнѣе. Борьба сихъ партій имѣла слѣдствіемъ вмѣшательство Римлянъ. Помпей прекратилъ ихъ раздоры, и съ этого времени Іудейское царство сдѣлалось зависимымъ отъ Рима, будучи обязано къ платѣ денежной подати въ Римское казнохранилище.

Имя Фарисеи производится отъ Еврейскаго слова, которое значитъ *уединять* и слѣдовательно указываетъ на людей, отличающихся чѣмъ нибудь особеннымъ. Это особенное у Фарисеевъ состояло въ непреклонномъ упорствѣ, съ какимъ они держались буквальнаго смысла Моисеевыхъ законовъ. Какъ защитники божественныхъ уставовъ, они и въ частной жизни соблюдали законъ и даже всѣ церемоніи и обряды безъ малѣйшаго уклоненія. Такая строгость къ самимъ себѣ, такое неукоснительное исполненіе божескихъ повелѣній, естественно возбуждало въ народѣ уваженіе: онъ видѣлъ въ нихъ своихъ защитниковъ, своихъ героевъ, орудія своего духа; посему Фарисеи, какъ скоро вступили въ оппозицію противъ правительства, тотчасъ явились сильною политическою партіею. Въ несогласіе же съ правительствомъ они вступили, потребовавъ отдѣленія первосвященническаго сана отъ княжеской власти. Противниками этой суровой и часто фанатической секты явились Саддукеи, называвшіеся такъ по имени основателя ихъ ученія Саддока. Саддукеи умѣли свободнымъ толкованіемъ словъ закона соединить съ системою Іудейской религіи Греческій эпикуреизмъ; но такъ какъ уже въ слѣдствіе сего направленія они были склонны къ безпечности, то посему никогда не могли ни пріобрѣсть равной съ Фарисеями силы,

ни имѣть равнаго съ ними вліянія. Нельзя было сомнѣваться съ самаго начала, какую сторону пріиметъ дворъ, потому что одного требованія отдѣлить духовную власть отъ свѣтской достаточно было для возстановленія князей противъ Фарисеевъ. И уже Іоаннъ Гирканъ началъ преслѣдовать ихъ, и такъ какъ они имѣли на своей сторонѣ народъ, то посему открывшаяся теперь борьба была подобна той, которая въ древнія времена сокрушила самостоятельность Іудейской націи. Іоаннъ Гирканъ умеръ въ 107 г., и ему наслѣдовалъ старшій сынъ его *Аристовулъ I.*, который, вмѣстѣ съ высшею духовною властію первый принялъ царскій титулъ; но онъ умеръ въ слѣдующемъ же году отъ раскаянія и горести за несправедливое умерщвленіе невиннаго брата своего Антигона. По смерти его вдовствующая супруга его, царица Саломея, передала правленіе младшему брату его *Александру Яннею*, который царствовалъ отъ 106 — 79 года. При немъ въ первый разъ оппозиція Фарисеевъ обнаружилась открытою войною. Фарисеи распространили молву, что Іоаннъ Гирканъ прижитъ отцемъ съ одною изъ рабынь, и посему потомство его, по закону Моисееву, не можетъ исправлять первосвященнической должности. Это мнѣніе такъ глубоко укоренилось, что когда Александръ въ праздникъ кущей сталъ совершать священные обряды, народъ встрѣтилъ его поношеніями и кричалъ, что онъ происходитъ отъ рабыни и недостоинъ первосвященническаго сана. Смятеніе возрасло до того, что Александръ долженъ былъ искать спасенія во святилищѣ храма, и только съ помощію иноземныхъ наемниковъ успѣлъ удержать за собою власть. Но когда въ 92 г., предпринявъ походъ противъ Арабовъ, онъ потерпѣлъ пораженіе, то народъ снова былъ противъ него возмущенъ, и теперь открылась междоусобная война, продолжавшаяся цѣлыя шесть лѣтъ и стоившая жизни не менѣе 50,000 Іудеевъ. Наконецъ въ 86 году, послѣ упорной осады, Александръ захватилъ въ одномъ мѣстѣ въ плѣнъ знатнѣйшихъ изъ своихъ непріятелей. Онъ привелъ ихъ съ собою въ Іерусалимъ и тамъ велѣлъ 800 изъ нихъ пригвоздить ко крестамъ и предъ глазами ихъ умерт-

вить ихъ женъ и дѣтей. Этою страшною жестокостію онъ навелъ на враговъ своихъ такой страхъ, что въ слѣдующую же ночь 8,000 Фарисеевъ бѣжало изъ отечества; послѣ сего Александръ спокойно царствовалъ до самой смерти (въ 79 г.). Впрочемъ передъ смертію онъ совѣтовалъ супругѣ своей Александрѣ примириться съ Фарисеями, потому что они управляли народнымъ мнѣніемъ, и безъ дружбы ихъ трудно было бъ утвердиться на тронѣ. Слѣдуя сему совѣту, Александра перешла на сторону Фарисеевъ, и первымъ слѣдствіемъ ихъ вліянія было отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской: изъ двухъ сыновей Александра старшій Гирканъ былъ поставленъ первосвященникомъ, а царская власть осталась въ рукахъ его матери. Далѣе, слѣдствіемъ сей перемѣны въ системѣ правленія было освобожденіе всѣхъ заключенныхъ, принадлежавшихъ къ Фарисейской партіи, и возвращеніе бѣжавшихъ и изгнанниковъ. Съ симъ господствомъ Фарисеевъ необходимо соединено было устраненіе Саддукеевъ, и такъ какъ въ числѣ ихъ находились совѣтники и генералы прежняго царя и особливо коменданты крѣпостей, то они все еще составляли сильную партію. Младшій братъ Гиркана Аристовулъ принялъ ихъ сторону, и когда мать его, царица Александра, сдѣлалась отчаянно больна, то онъ, чтобы освободиться отъ вліянія Фарисеевъ, бѣжалъ изъ Іерусалима. Саддукеи тотчасъ пристали къ нему, выдали ему всѣ крѣпости и такимъ образомъ Аристовулъ по смерти матери, дѣйствительно скончавшейся въ 71 г., увидѣлъ себя главою силы, съ которою могъ итти на самый Іерусалимъ. Фарисейская партія выступила противъ него подъ предводительствомъ брата его Гиркана, но была при Іерихонѣ разбита. Послѣ сего Гирканъ отказался отъ власти и возвратился въ частное состояніе, а *Аристовулъ II* снова соединилъ въ своей особѣ первосвященство съ царскимъ достоинствомъ. Намѣстникъ Идумеи, Антипатръ, родоначальникъ Иродова дома, старался между тѣмъ всѣми средствами вывести Гиркана изъ бездѣйствія и наконецъ, возбудивъ подозрѣніе, что братъ хочетъ лишить его жизни, убѣдилъ вступить въ союзъ съ однимъ Аравійскимъ княземъ Аретомъ. Съ помощію

сего послѣдняго и также Фарисейской партіи, Гирканъ овладѣлъ Іерусалимомъ и осадилъ брата на храмовомъ холмѣ. Здѣсь—тотъ пунктъ, въ которомъ Іудейская Исторія начинаетъ сливаться съ Римскою. Мы видѣли, что Помпей послѣ побѣды надъ Тиграномъ и бѣгства Митридата за Кавказскія горы обратился къ Сиріи; легатъ его Скавръ, въ это самое время овладѣвшій Дамаскомъ, прибылъ въ Іудею, и враждующіе братья обратились къ нему съ просьбою рѣшить ихъ споръ. Такъ какъ обѣ партіи для склоненія его на свою сторону поднесли ему равныя денежныя суммы, то онъ могъ предпочесть ту, которая больше ему нравилась и прежде заплатила. Это преимущество было на сторонѣ Аристовула, и Скавръ рѣшилъ дѣло въ его пользу. Конечно послѣ сего Гирканъ долженъ былъ уступить, однако онъ не удовольствовался приговоромъ Скавра, но счелъ за лучшее послать своего повѣреннаго Антипатра къ Помпею и вмѣстѣ съ жалобою на продажную справедливость Скавра представить дѣло на собственное его рѣшеніе. Помпей объявилъ право на сторонѣ Гиркана, что было справедливо, если разсматривать это дѣло и съ безпристрастной юридической точки зрѣнія, и когда Аристовулъ упорствовалъ признать законность сего приговора, то Помпей явился въ Іудеѣ съ войскомъ и заперъ со всѣхъ сторонъ Іерусалимъ. По взятіи въ плѣнъ Аристовула, который при самомъ началѣ осады попалъ въ руки непріятеля, городъ и царскія палаты были сданы: но его партія не потеряла мужества и, отступивъ на храмовую гору, защищалась тамъ съ величайшимъ упорствомъ. Когда Римляне съ помощію военныхъ машинъ завладѣли и этимъ мѣстомъ, большая часть защитниковъ его прекратила жизнь свою самоубійствомъ, или бросившись со стѣнъ, или сжегшись въ своихъ домахъ. При семъ то случаѣ Помпей съ своею свитою вступилъ въ Святая Святыхъ. Впрочемъ Римляне, изъ уваженія къ религіи, оставили все неприкосновеннымъ и удовлетворили только любопытству языческаго міра, который хотѣлъ узнать то, что съ такимъ стараніемъ Іудеи скрывали

въ стѣнахъ своего храма *). Гирканъ получилъ первосвященническій санъ, а Аристовулъ былъ отправленъ въ Римъ, чтобы тамъ умножить собою число знатныхъ плѣнныхъ, долженствовавшихъ украшать Помпеевъ тріумфъ.

Счастливое окончаніе войны съ Митридатомъ имѣло слѣдствіемъ распространеніе Римскаго владычества до береговъ Эвфрата. Хотя Помпей и оставилъ Фарнаку Боспоранское царство и подарилъ Антіоху Коммагену, однако эти государи были не что иное, какъ вассалы Рима, и по смиреніи Тиграна *на Востокѣ оставался одинъ только народъ, могшій противостоять Римлянамъ, Парѳяне.* Они, воспользовавшись паденіемъ Греко-Бактрійскаго царства и безпорядками, происходившими въ Селевкидскомъ, распространили свои владѣнія на востокъ до Инда, на западъ до Эвфрата. Здѣсь они встрѣтились съ Римлянами, и хотя посредствомъ переговоровъ границы и были опредѣлены **), не смотря на то непріязненное столкновеніе между обоими народами со временемъ было неизбѣжно.

Исторія Парѳянъ не совсѣмъ извѣстна, и здѣсь достаточно только привесть рядъ царей, царствовавшихъ до Фрагата III, въ правленіе котораго Парѳяне сдѣлались сосѣдями Римлянъ: 1) *Арзакъ I.* 256 — 254; 2) *Тиридатъ* (Арзакъ II) — 217, 3) *Артабанъ I.* (Арзакъ III)—197; 4) *Пріапацій* (Арзакъ IV) — 182; 5) *Фра-*

*) *Tacitus* въ hist. lib. V. cap. 9 говоритъ объ этомъ: Romanorum primus Cn. Pompejus Judaeos domuit templumque jure victoriae ingressus est. Inde vulgatum, nulla intus Deum effigie, vacuam sedem et inania arcana.

**) О первомъ соприкосновеніи Римлянъ съ Парѳянами и о переговорахъ Помпея съ Фрагатомъ III, царемъ Парѳянскимъ, говоритъ Dio Cass. lib. 37, cap. 5—8.

гатъ I (Арзакъ V)—173 6) *Митридатъ I* (Арзакъ VI) —137; 7) *Фрагатъ II.* (Арзакъ VII.)—128; 8) *Артабанъ II,* (Арзакъ VIII)—125; 9) *Митридатъ II* (Арзакъ IX или Великій)—88; 10) *Мнаскиръ* (Арзакъ X)—77; 11) *Синатроецесъ* (Арзакъ XI)—70; 12) *Фрагатъ III* (Арзакъ XII)—61; 13) Митридатъ III (Арзакъ XIII.)—54. Образъ правленія Пароянскаго царства былъ монархическо-аристократическій; при царѣ находился высшій государственный совѣтъ, подтверждавшій его въ этомъ достоинствѣ, прежде нежели онъ короновался. Порядокъ престолонаслѣдія былъ опредѣленъ въ томъ только отношеніи, что царь не могъ быть избранъ ни изъ какой другой фамиліи, кромѣ Арзакидовъ. Въ этой неопредѣленности заключается основаніе внутренняго разстройства государства, потому что слѣдствіемъ ея были споры о престолѣ, которыми столь искусная политика Римлянъ не упустила воспользоваться для пріобрѣтенія вліянія, а чрезъ то и перевѣса въ самой странѣ.

Впрочемъ распоряженія, сдѣланныя Помпеемъ въ Азіи, были дѣйствительны не прежде, какъ по утвержденіи ихъ Сенатомъ. Этотъ тщеславный человѣкъ всего менѣе ожидалъ получить въ томъ отказъ, не размысливъ, что своимъ поведеніемъ сдѣлалъ себѣ врагами всѣхъ тогдашнихъ вождей аристократіи и вообще вооружилъ противъ себя аристократію. И такъ, послѣ того какъ онъ возвратился въ Римъ, въ его стремленіи достигнуть утвержденія установленнаго имъ порядка въ Азіи сосредоточивается главный интересъ Римской Исторіи. Веденныя въ Азіи продолжительныя войны и сдѣланныя тамъ завоеванія, въ свою очередь, обнаружили вліяніе на побѣдителей, и многіе Римляне начали принимать восточной образъ жизни. Къ Греческому образованію теперь присоединилась восточная роскошь; самъ благородный и отличавшій-

ся тонкимъ образованіемъ Лукуллъ, въ Римѣ и въ своихъ роскошныхъ помѣстьяхъ, велъ жизнь, по пышности обратившуюся въ пословицу. Въ Римѣ несоразмѣрность въ имуществахъ безпрестанно возрастала, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число такихъ людей, которымъ, въ случаѣ новаго какого-либо переворота, терять было нечего. Чѣмъ болѣе распространялось въ Римѣ обыкновеніе, сдѣлавшееся нѣкоторымъ образомъ принадлежностью хорошаго тона — жить пышно, тѣмъ болѣе многія изъ древнихъ аристократическихъ фамилій запутывались въ долгахъ, и молодые люди, не получившіе отъ своихъ родителей въ наслѣдство ничего кромѣ имени знаменитаго, но безъ денегъ не имѣвшаго уже никакого значенія, легко могли рѣшиться на предпріятіе, имѣвшее цѣлію ниспроверженіе существующаго порядка и перемѣну въ отношеніяхъ имѣній. Такого рода былъ *заговоръ Катилины*, доставившій случай М. Туллію Цицерону оказать государству великую услугу и занять въ немъ почетное мѣсто.

Л. Сергій Катилина обогатился во время Сулловыхъ проскрипцій, но въ распутствахъ всякаго рода такъ же скоро промоталъ свое богатство, какъ и нажилъ; онъ находился въ связи со всѣми, которые жили подобно ему и теперь находились въ одинаковомъ съ нимъ положеніи. И такъ партія Катилины образовалась изъ обѣднѣвшихъ мотовъ и преслѣдуемыхъ законами преступниковъ, и цѣлію сего дерзкаго заговора было захватить въ свои руки правленіе и раздѣлить между собою всѣ должности и провинціи. Для открытія и подавленія его нужна была больше тонкость юриста, нежели мужество воина и умъ полководца, и Цицеронъ, какъ отличный правовѣдъ и ораторъ, обладалъ всѣми качествами, чтобы противостать заговорщи-

камъ. Цицеронъ, подобно Марію, былъ homo novus, но прилежнымъ изученіемъ онъ усвоилъ себѣ образованіе, составлявшее принадлежность высшаго круга Римлянъ. И такъ онъ могъ занять мѣсто между аристократическими фамиліями, не встрѣтивъ подобно Марію сопротивленія, какъ скоро показалъ себя отличнымъ ораторомъ и въ своемъ краснорѣчіи обнаружилъ такую силу, что аристократія заранѣе старалась привлечь его на свою сторону, чтобы не имѣть противъ себя. Его-то противопоставила аристократія Катилинѣ, когда сей послѣдній имѣлъ дерзость искать консульства, и она настояла на томъ, что выборъ въ консулы на 63 г. палъ на Цицерона. Его неутомимою дѣятельностію заговоръ былъ обнаруженъ прежде, нежели планъ созрѣлъ; это имѣло слѣдствіемъ мятежъ, который долженъ былъ кончиться неудачею, потому что открылся не по составленному наперёдъ уговору, а былъ вынужденъ обстоятельствами. Заговорщики частію были захвачены и по приговору Сената казнены; а самъ Катилина успѣлъ скрыться, собралъ 20,000 армію и могъ быть подавленъ не иначе, какъ настоящею битвою, которую легатъ консула Антонія, Петрей, и далъ ему; Катилина палъ въ сраженіи *). Замыселъ Катилины открылъ одну изъ многихъ внутреннихъ ранъ, которыми страдало государство, и хотя теперь Сенатъ имѣлъ еще довольно силы, чтобъ подавить подобный заговоръ, однако противъ другихъ сильныхъ мужей онъ чувствовалъ свое положеніе не безопаснымъ. Въ Римѣ уже сроднились съ мыслію, что одинъ изъ нихъ сдѣлается главою государства, и весьма боялись, что Помпей, по возвращеніи изъ своихъ походовъ, не распуститъ войска, но поведетъ его противъ города, чтобы силою захватить верховную власть. Впрочемъ съ этой стороны нечего было опасаться Помпея, тѣмъ болѣе, что тщеславіе его отчасти состояло именно въ томъ, что онъ при всемъ желаніи быть главою госу-

*) О заговорѣ Катилины, кромѣ превосходнаго сочиненія Саллюстіева, мы имѣемъ еще четыре рѣчи Цицерона, которыя онъ говорилъ противъ него, частію въ Сенатѣ, частію предъ народомъ.

дарства, старался избѣгать малѣйшаго признака притѣсненія. Посему, возвратившись въ Италію, онъ тотчасъ распустилъ войско, обязавъ его только собраться къ своему тріумфу, въ которомъ конечно Сенатъ не могъ ему отказать, потому что ни одинъ еще полководецъ своими походами не доставилъ столько денегъ въ государственное казнохранилище и не покорилъ Республикѣ стольких земель. Посему тріумфъ Помпея былъ блистательнѣйшій изъ всѣхъ, какіе Римъ когда либо видѣлъ въ своихъ стѣнахъ, — онъ продолжался три дня и былъ торжествуемъ надъ тремя частями свѣта. Этотъ тріумфъ былъ его послѣднимъ; вскорѣ надъ Римомъ взошло свѣтило ярчайшее, которое помрачило звѣзду его счастія.

Хотя Помпей своею военною славою и расположеніемъ народа поставилъ себя въ такое положеніе, что казался слишкомъ могущественнымъ для гражданина республики, однако, не смотря на то, онъ не имѣлъ столько вліянія, чтобы преодолѣть составившуюся противъ него оппозицію, которая воспротивилась утвержденію сенатомъ сдѣланныхъ имъ въ Азіи распоряженій. Главою этой оппозиціи былъ Крассъ: огромное богатство доставило ему такое вліяніе, что онъ могъ держаться съ Помпеемъ въ равновѣсіи. Сей послѣдній, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны Сената, вмѣсто того, чтобы размыслить о своемъ положеніи и перемѣнить поведеніе, послѣдовалъ только своему раздраженному самолюбію и рѣшился во что бы то ни стало достигнуть утвержденія своихъ распоряженій. Этими отношеніями между Помпеемъ и Крассомъ воспользовался К. Юлій Цезарь для пріобрѣтенія, при помощи ихъ, равнаго съ ними могущества. Успѣвъ примирить ихъ между собою, онъ соединился съ ними для приведенія

въ исполненіе общихъ своихъ намѣреній. Это соединеніе трехъ мужей, обыкновенно, хотя и не вѣрно, называемое *первымъ тріумвиратомъ*, было ничто иное, какъ частная связь, заключенная въ такой тайнѣ, что сначала никто и не подозрѣвалъ ея, и которая оттого была тѣмъ дѣйствительнѣе. Цезарь, будучи консуломъ, при помощи своихъ союзниковъ, достигъ утвержденія всего, чего требовали общіе ихъ интересы. Тріумвиры, удаливъ изъ Рима М. Туллія Цицерона и М. Порція Катона, людей, казавшихся имъ опаснѣйшими, изъ которыхъ первый своимъ краснорѣчіемъ, а послѣдній непоколебимою твердостію могъ противоставить имъ преграды, ослабили силу Сената и захватили правленіе совершенно въ свои руки.

Цезарь, какъ приверженецъ демократической партіи и родственникъ Марія, встрѣтилъ гораздо больше препятствій при вступленіи на политическое поприще *), нежели Помпей, которому, какъ мы видѣли, вездѣ благопріятствовало счастіе. Съ самаго перваго шагу онъ обнаружилъ рѣшительность и энергію своего характера. По смерти тетки своей Юліи, жены Марія, онъ не только говорилъ ей надгробную рѣчь, но даже велѣлъ нести за тѣломъ ея изображеніе опальнаго ея супруга, и этотъ смѣлый поступокъ вполнѣ увѣнчался послѣдствіями, какихъ онъ ожидалъ, именно, одобреніемъ и расположеніемъ народа и всей демократической партіи. Въ 65 году, будучи эдилемъ, онъ давалъ блистательнѣйшія игры и празднества, и хотя впалъ отъ этого въ неоплатные долги, за то утвердилъ за собою навсегда расположеніе народа. Про-

*) Онъ едва избѣжалъ проскрипціи: Сулла, когда ему представляли Цезаря безвреднымъ дитятею и просили о пощадѣ его, сказалъ: *οὐκ ἔφη νοῦν ἔχειν αὐτοὺς, εἰ μὴ πολλοὺς ἐν τῷ παιδὶ τούτῳ Μαρίους ἐνορῶσιν*. (т. е. Онъ сказалъ, что они не имѣютъ ума, если не видятъ въ этомъ дитяти многихъ Маріевъ.)

служивъ преторомъ, онъ получилъ себѣ въ управленіе провинцію Испанію и возвратился оттуда увѣнчанный лаврами. За свои военные подвиги въ Испаніи онъ имѣлъ право требовать тріумфа, но онъ въ то же время домогался и консульства на 59 г.; между тѣмъ отъ чего нибудь одного должно было отказаться, и Цезарь не затруднился въ выборѣ: онъ пренебрегъ ничтожною почестію тріумфа, чтобы въ этотъ рѣшительный моментъ сдѣлаться консуломъ. Именно по возвращеніи изъ Испаніи онъ нашелъ дѣла Помпея все въ томъ же состояніи, въ какомъ оставилъ ихъ, отправляясь туда, то есть распоряженія его въ Азіи не были еще ни подверждены, ни уничтожены. Цезарь тотчасъ произвелъ въ положеніи дѣлъ рѣшительную перемѣну тѣмъ, что примирилъ Помпея съ Крассомъ и воспользовался вліяніемъ сихъ значительныхъ мужей, чтобы посредствомъ расположеннаго къ нему народа достигнуть утвержденія того, въ чемъ отказывалъ Сенатъ. Образъ, какимъ онъ выступилъ тотчасъ по избраніи своемъ въ консулы на 59 г. вмѣстѣ съ М. Калпурніемъ Бибуломъ, долженъ бы былъ открыть Помпею глаза на счетъ его союзника, потому что Цезарь вдругъ исполнилъ то, чего Помпей добивался отъ Сената въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ. Его консульство въ основаніи было уже диктаторствомъ, ибо товарищъ его Бибулъ, въ досадѣ на незначительную роль, которую долженъ былъ играть при немъ, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ воспользоваться принадлежащею ему властію, отказался совершенно отъ государственныхъ дѣлъ, и во все время своего консульства больше не показывался въ общественныхъ собраніяхъ *). Между тѣмъ Цезарь дѣйствовалъ рѣши-

*) Sueton. Jul. Caes., cap 20: lege autem agraria promulgata obnuntiantem collegam armis foro expulit. Ac postero die in senatu conquestum, nec quoquam reperto, qui super tali consternatione referre aut censere aliquid auderet, qualia multa saepe in levioribus turbis decreta erant, in eam coegit desperationem, ut quoad potestate abiret, domo abditus nihil aliud quam per edicta obnuntiaret. Unus ex eo tempore omnia in republica et ad arbitrium administravit, ut nonnulli urbanorum, cum quid per jocum testandi gratia signarent, non *Caesare et Bibulo* sed *Julio et Caesare Consulibus* actum scriberent, bis eundem praeponentes nomine atque cognomine.

тельно; доставивъ Помпею утвержденіе его распоряженій въ Азіи, онъ надѣлилъ землями изъ общественнаго поля получившихъ оставку воиновъ и бѣдныхъ гражданъ, и важною услугою привлекъ на свою сторону сильное сословіе всадниковъ. Само собою разумѣется, что всего этого онъ достигъ необыкновеннымъ путемъ: онъ представлялъ всѣ свои предложенія народу, Помпей и Крассъ одобряли ихъ, а на случай готовы были и кинжалы, чтобы убійствомъ подавить всякое сопротивленіе *). Для дѣйствованія на чернь въ собственномъ смыслѣ Цезарь избралъ орудіемъ П. Клодія. Сей послѣдній по рожденію и фамильнымъ связямъ принадлежалъ къ аристократіи, но изъ вражды и мщенія противъ нѣкоторыхъ знатныхъ людей и особенно противъ Цицерона, который по его мнѣнію оскорбилъ его, онъ сдѣлался демагогомъ. Но, какъ патрицій, онъ не могъ быть избранъ въ народные трибуны и усыновленъ какою либо плебейскою фамиліею, не получивъ на то утвержденія чрезъ изданный патриціанскими куріями lex curiata. Посему аристократія умѣла препятствовать всѣмъ стараніямъ его перейти въ сословіе Плебеевъ до самаго консульства Цезаря, который тотчасъ доставилъ ему не только законный переходъ въ Плебеи, но и самое трибунство, и воспользовался имъ для удаленія изъ города Цицерона и Катона. Рядомъ постановленій пріобрѣтши сперва расположеніе черни, онъ выступилъ потомъ съ закономъ, направленнымъ противъ Цицерона, по которому всякій долженъ быть лишенъ участія въ огнѣ и водѣ, кто умертвитъ или умертвилъ уже Римскаго гражданина безъ народнаго приговора. Обратное дѣйствіе сего закона касалось Цицерона, который во время своего консульства казнилъ

*) *Appian.* de bell. civ. lib. II, cap. 10: *καὶ βουλὴν μὲν οὐκέτι συνῆγεν ἐπὶ τὸ ἔτος ὅλον, ἐπὶ δὲ τῶν ἐμβόλων ἐδημηγόρει, Πομπήϊόν τε ἐν μέσῳ καὶ Κράσσον ἠρώτα περὶ τῶν νόμων. οἱ δὲ αὐτοὺς ἐπῄνουν καὶ ὁ δῆμος ἐπὶ τὴν χειροτονίαν ᾔει σὺν κεκρυμμένοις ξιφιδίοις.* (т. е. Въ продолженіе цѣлаго года онъ не собиралъ Сената, но все предлагалъ народу, публично спрашивая у Помпея и Красса мнѣніе о своихъ предложеніяхъ. Они же одобряли ихъ и народъ приступалъ къ подаванію голосовъ съ скрытыми кинжалами).

сообщниковъ Катилины по опредѣленію Сената. Цицеронъ напрасно искалъ помощи у Помпея и Цезаря; дѣло доходило нѣсколько разъ до кровопролитія, и Цицеронъ для отвращенія рѣшительнаго междоусобія послѣдовалъ совѣту друзей своихъ и удалился въ изгнаніе. Какъ глубоко онъ тронутъ былъ неблагодарностію отечества, это видно изъ писемъ, писанныхъ имъ въ это несчастное время его жизни. Для удаленія изъ Рима Катона Клодій воспользовался другимъ предлогомъ. Онъ объявилъ островъ Кипръ собственностью Римскаго народа, а Птоломея, владѣвшаго имъ тогда, похитителемъ престола, и склонилъ народъ къ рѣшенію, по которому Катону поручено было вступить во владѣніе тѣмъ островомъ. Прежде нежели Цицеронъ возвратился изъ ссылки, а Катонъ изъ своей экспедиціи, тріумвиры выполнили свои намѣренія и уничтожили авторитетъ Сената.

Связь Помпея съ Цезаремъ, основанная на взаимныхъ интересахъ, была еще болѣе скрѣплена узами родства: Помпей женился на дочери Цезаря, Юліи. Еще никакое соперничество не возмущало ихъ новой дружбы, и Помпей не предвидѣлъ, что самъ подалъ въ руки тестю своему противъ себя оружіе, помогши ему сдѣлаться предводителемъ арміи. Цезарь выбралъ на время своего проконсульства не какую нибудь страну въ Азіи, не представлявшую для него ничего, кромѣ богатства, но страну, въ которой могъ образовать преданную себѣ армію и снискать блестящую славу, между тѣмъ какъ лавры Помпеевы блекли и дѣла его приходили въ забвеніе. Народъ вручилъ ему власть доселѣ неслыханную: управленіе обѣими Галліями и Иллиріею съ начальствомъ надъ четырьмя легіонами на пять лѣтъ *).

*) Цезарь удвоилъ на свой счетъ ввѣренныя ему республикою

Поставивъ себя въ такое положеніе, онъ могъ безъ опасенія предоставить правленіе въ Римѣ своимъ союзникамъ и смотрѣть безъ зависти на пріобрѣтеніе Помпеемъ значительнаго вліянія въ дѣлахъ гражданскихъ, а самъ между тѣмъ летѣлъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и въ Римѣ начали только и говорить, что о Цезарѣ и его геройскихъ подвигахъ противъ народовъ, которыхъ имена доселѣ были для Римлянъ или страшны, или вовсе неизвѣстны.

По удаленіи Цезаря въ провинцію, Помпей и Крассъ остались въ Римѣ и занимались столичными интригами и происками демагоговъ. Но Помпей скоро замѣтилъ, что онъ не имѣетъ довольно силы, чтобы распоряжаться въ городѣ по своей волѣ и что больше управлялъ государствомъ Клодій, нежели онъ. Когда Клодій настоялъ на принятіи нѣкоторыхъ мѣръ, неріятныхъ Помпею, то сей послѣдній началъ думать о подкрѣпленіи своего вліянія, и къ кому лучше было ему обратиться какъ не къ Цицерону, которымъ онъ пожертвовалъ Клодію и Цезарю и котораго красноречіе и множество судебныхъ кліентовъ представляли не незначительную опору? Предложеніе о возвращеніи Цицерона естественно встрѣтило сильнѣйшее сопротивленіе со стороны Клодія, и способъ, которымъ онъ обнаружилъ его, показалъ весьма ясно, что Римъ не иначе могъ быть спасенъ отъ анархіи и внутреннихъ раздоровъ, какъ учрежденіемъ смиряющей всѣ партіи диктаторской или монархической власти: именно Клодій, предводительствуя толпою гладіаторовъ, напалъ на народное собраніе, въ которомъ собирали голоса о вызовѣ Цицерона, произвелъ между своими противниками кровопролитіе (братъ Цицерона Квинтъ

военныя силы. *Sueton.* Jul. Caes. cap. 24: Ad legiones, quas a republica acceperat, alias privato sumtu addidit, unam etiam ex Transalpinis conscriptam, quam disciplina cultuque Romano institutam et ornatam postea universam civitate donavit.

былъ вынесенъ съ мѣста замертво) и разогналъ прочихъ. Друзья Цицерона очевидно взялись для своей защиты за тоже средство, которое Клодій употребилъ для нападенія на нихъ. Милонъ противоставилъ ему съ своей стороны шайку гладіаторовъ, и не проходило дня безъ печальной сцены какой-либо кровопролитной драки между обѣими партіями. Только съ помощію сей насильственной мѣры возможно было достигнуть подтвержденія вызова изъ ссылки Цицерона, который послѣ сего въ 57 г. съ великимъ торжеством проѣхалъ по всей Италіи и еще съ большимъ вступилъ въ Римъ. Естественно, что возвращеніе его имѣло слѣдствіемъ, вмѣсто прекращенія, еще большія безпокойства, потому что онъ старался теперь уничтожить всѣ опредѣленія, утвержденныя во времена Клодіева трибунства, чтобы получить обратно конфискованное имъ свое имущество и вознагражденіе за разрушенный имъ свой домъ. Посему стычки на улицахъ ежедневно продолжались, и Цицеронъ не иначе могъ выстроить себѣ домъ, какъ подъ защитою вооруженныхъ, которые отражали Клодіевыхъ гладіаторовъ. Въ благодарность Цицеронъ доставилъ Помпею главный надзоръ за снабженіемъ города съѣстными припасами на пять лѣтъ. Вмѣстѣ съ этою должностью ему вручена была неограниченная власть распоряжаться деньгами, хлѣбомъ и людьми во всѣхъ подвластныхъ Риму странахъ; но Цезарь могъ спокойно и безъ зависти смотрѣть на это возвышеніе Помпея, потому что оно не доставляло ему никакой силы военной.

Надобно припомнить какой ужасъ внушало въ Римѣ имя Галловъ и Германцевъ, чтобы понять какую славу пріобрѣлъ себѣ Цезарь покореніемъ Галліи и вступленіемъ въ землю Германцевъ. При семъ дипломатическіе таланты не менѣе оказали ему услугъ, какъ и его военный геній. Но ведя эти войны, которыя, казалось, занимали всѣ его помышленія, онъ никогда не выпускалъ изъ виду Рима. Своимъ великимъ умомъ онъ могъ въ

одно и то же время и съ равною силою преслѣдовать самые различные планы. Помпей и Крассъ были бы слѣпы, если бъ не замѣтили, что они въ сравненіи съ Цезаремъ находились въ довольно невыгодномъ положеніи: они видѣли возрастаніе его военной силы и славы, и, чтобы не дать ему опередить себя, старались равнымъ образомъ сдѣлаться предводителями совершенно зависимой отъ нихъ арміи. Съ этою цѣлію зимою съ 57 на 56 годъ въ Луккѣ они имѣли съѣздъ съ Цезаремъ, и этотъ конгресъ обнаружилъ какъ тайную связь тріумвировъ, такъ и значеніе Цезаря. Вокругъ него, простаго генерала республики, собралось столько государственныхъ сановниковъ, что насчитывали до 120 ликторовъ; однихъ сенаторовъ было до 200, не считая множества другихъ чиновниковъ и значительныхъ особъ. Помпей и Крассъ достигли желаемаго; послѣ того, какъ они во второй разъ вмѣстѣ выбраны были въ консулы на 55 годъ, Крассъ получилъ Сирію съ военными силами на Востокѣ, Помпей Испанію и Африку, оба на пять лѣтъ и съ такою же властію, какую имѣлъ Цезарь въ своей провинціи; сему послѣднему же продолженъ былъ срокъ начальства надъ войскомъ. Такимъ образомъ военная и гражданская власть Римской республики была раздѣлена между тремя мужами, и ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ такъ хорошо воспользоваться своею силою, какъ Цезарь; между тѣмъ какъ Крассъ, предпринявъ несчастный походъ, погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а Помпей, оставаясь въ Римѣ, управлялъ своими провинціями чрезъ легатовъ, Цезарь

довершилъ покореніе Галліи, съ 51 года спокойно подчинившейся подъ иго Римлянъ, противъ котораго долгое время напрасно сопротивлялась, и теперь изъ развалинъ гибельной и разрушительной войны быстро возникли цвѣты Римскаго образованія.

Дѣла Галліи въ той части страны, которая уже была Римскою провинціею, когда прибылъ Цезарь, совершенно благопріятствовали его планамъ. Одинъ Германскій вождь въ это время завладѣлъ частію Галліи и все народонаселеніе Гельвеціи готовилось оставить свою суровую и бѣдную страну и итти оружіемъ добывать себѣ новыя и плодоноснѣйшія земли для поселенія *). Переселеніе Гельветовъ послужило для Цезаря первымъ поводомъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Галльскихъ племенъ. Гельветы, спустившись съ горы Юры, вступили въ землю Эдуйцевъ и частію изъ нужды, частію изъ сознанія превосходства своихъ силъ, позволили себѣ многія насилія, такъ что Эдуйцы призвали на помощь къ себѣ Цезаря. Онъ прибылъ и уничтожилъ, по собственному его показанію, цѣлую половину переселенцевъ, а прочихъ принудилъ возвратиться въ оставленную ими страну и снова въ ней поселиться. Этимъ подвигомъ онъ обратилъ на себя вниманіе всей Галліи. Секванцы и Эдуйцы надѣялись, при помощи его, освободиться отъ Германскаго вождя Аріовиста. Онъ былъ прежде призванъ изъ-за Рейна самими Секванцами, но, подавши имъ помощь, онъ утвердился въ ихъ владѣніяхъ, гдѣ ему было угодно, и, присоединивъ къ себѣ великое число своихъ единоплеменниковъ, составилъ силу, съ которою смѣло могъ вступить въ борьбу съ Цезаремъ. Самыя Цезаревы войска, устрашенные многочисленностью и дикою храб-

*) Цезарь въ началѣ своихъ комментаріевъ de bello gall. (lib. I, cap. 2 sqq.) дѣлаетъ любопытное изображеніе переселенія Гельветовъ, и мы какъ въ этомъ событіи, такъ и во всемъ, касающемся до покоренія Галліи, ссылаемся на эти комментаріи, которые вполнѣ носятъ на себѣ отпечатокъ его ума и характера.

ростію Германцевъ, съ которыми честолюбіе вождя вовлекло ихъ въ войну, угрожали неповиновеніемъ. Въ этотъ критическій моментъ Цезарь поступилъ съ достоинствомъ и силою: онъ собралъ начальниковъ легіоновъ и объявилъ, что отпускаетъ всѣ легіоны, кромѣ десятаго, въ которомъ увѣренъ, что онъ не оставитъ своего полководца, и на который полагается, что онъ одинъ въ состояніи разбить непріятеля. Эта рѣчь электрически подѣйствовала на войско и возбужденному ею геройскому расположенію въ Римскихъ легіонахъ, предводимыхъ Цезаремъ, не трудно было одержать рѣшительную побѣду надъ грубою силою Германцевъ. Не далеко отъ Везонціона (Besançon) Аріовистъ былъ разбитъ на голову и только съ немногими успѣлъ спастись за Рейнъ. Этими двумя дѣлами Цезарь ознаменовалъ первый годъ своего намѣстничества въ Галліи. Въ награду за освобожденіе Цезарь потребовалъ отъ Эдуйцевъ и Секванцевъ покорности, и они должны были согласиться, чтобы онъ поставилъ въ ихъ землѣ свою армію на зимовку. При покореніи Галліи Цезарь слѣдовалъ древней Римской политикѣ, сперва являлся освободителемъ и покровителемъ и потомъ покровительство перемѣнялъ во владычество. Естественно, что прочія Галльскія племена начали опасаться за свою независимость, и на сѣверѣ Галліи между Бельгійскими народами составился противъ Римлянъ сильный союзъ. Это подало Цезарю желанный поводъ къ новой войнѣ: въ 57 г. онъ побѣдоносно проникнулъ до сѣверныхъ предѣловъ Галліи, и такъ какъ онъ ставилъ непріятелей въ такое положеніе, что почти каждая побѣда оканчивалась совершеннымъ ихъ истребленіемъ, то принудилъ къ покорности и Бельговъ. Деньгами, доставшимися въ его распоряженіе, въ слѣдствіе сихъ побѣдъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и распространеніемъ своего владычества, онъ воспользовался для умноженія своихъ приверженцевъ и увеличенія своего вліянія въ Римѣ, котораго никогда не выпускалъ изъ виду. Это возбудило зависть въ обоихъ его союзникахъ, и Цезарь долженъ былъ согласиться, чтобъ и они подобно ему имѣли въ своемъ распоряженіи военныя силы, но они не умѣли подобно ему воспользоваться ими. Крассъ

хотя и сдѣлалъ опытъ, но неудачно, а Помпей вмѣсто того, чтобъ самому, принявъ начальство надъ войскомъ, пріобрѣсть расположеніе солдатъ и новыми подвигами освѣжить свою забытую славу, управлялъ провинціями изъ Рима чрезъ легатовъ. Напротивъ отъ Цезаря безпрерывно приходили въ Римъ извѣстія о новыхъ побѣдахъ: подавленное имъ въ 56 г. съ большимъ кровопролитіемъ возстаніе Галльскихъ народовъ и нападеніе двухъ Германскихъ племенъ, Тенхтеровъ и Узипетовъ, не только отраженное, но и подавшее ему поводъ построить мостъ черезъ Рейнъ и въ первый разъ явить Римское оружіе въ собственной землѣ Германцевъ,—все это держало его войско въ постоянной дѣятельности и упражненіи. Цезарь еще болѣе возвысилъ славу свою, высадившись въ 54 г. на берега Британніи; да кромѣ славы и возбужденія въ своихъ воинахъ чувства собственнаго достоинства на этомъ островѣ онъ ничего и не искалъ *). И въ самомъ дѣлѣ Цезаревъ солдатъ долженъ былъ наконецъ проникнуться исключительно однимъ военнымъ духомъ; онъ привыкъ считать отечествомъ лагерь, единственными правительственными особами своихъ офицеровъ и выше всего ставить интересы своего полководца. Если принять въ разсмотрѣніе еще и то, что Цезарь набралъ въ свою армію людей никогда не знавшихъ ни Рима, ни Римскаго образа правленія, именно Галловъ и Германцевъ, то легко будетъ понять, что онъ образовалъ себѣ войско, дѣлавшее его совершенно самостоятельнымъ и независимымъ. Безпрестанныя возмущенія Галловъ доставляли ему случай вмѣстѣ упражнять и пріучать его къ побѣдамъ. Самое страшное возстаніе противъ него открылось въ 53 году, когда начальство надъ Галлами принялъ искусный вождь Верцингенториксъ. Во время этой войны Галлія была разорена въ конецъ, потому что Верцингенториксъ

*) Цицеронъ, котораго братъ Квинтъ служилъ подъ начальствомъ Цезаря и участвовалъ въ походѣ въ Британнію, въ письмѣ къ другу своему Аттику говоритъ: Britannici belli exitus exspectatur; constat enim aditus insulae esse munitos mirificis molibus, etiam illud jam cognitum est, neque argenti scrupulum esse in illa insula, neque spem praedae, nisi ex mancipiis, ex quibus nullos te puto literis aut musicis eruditos exspectare.

самъ велѣлъ опустошать равнины и жечь неукрѣпленныя мѣстечки, чтобы принудить Римлянъ оставить страну за недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ. За такое озлобленiе Цезарь поступилъ съ Галлами съ безпримѣрною жестокостiю: чтобы ослабить ихъ силы, онъ повелѣлъ истребить все взрослое поколѣнiе мужескаго пола; тысячамъ плѣнныхъ были отрублены правыя руки, и Верцингеториксъ, котораго благородную душу онъ самъ хвалитъ въ своихъ запискахъ, сдавшись ему добровольно, сперва былъ заключенъ въ оковы, а потомъ казненъ. Такими мѣрами въ 51 году онъ утвердилъ въ Галлiи спокойствiе и власть Рима на вѣки. Быстро усвоивать себѣ чуждое образованiе и нравы есть отличительная черта характера Цельтическихъ племенъ: уже чрезъ сто лѣтъ послѣ покоренiя сей страны Цезаремъ Галлiя превратилась совершенно въ Римскую область и наполнилась цвѣтущими городами, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. Бордо, Лiонъ и въ послѣдствiи самый Триръ сдѣлались главными разсадниками Римскаго образованiя и учености.

Намѣренiя Цезаря исполнились: онъ образовалъ себѣ независимую силу, а положенiе дѣлъ въ Римѣ и Римскихъ владѣнiяхъ доставило ему случай употребить ее. Пока Крассъ былъ живъ и могъ какъ третiй членъ трiумвирата оказывать влiянiе, то поддерживалъ согласiе между Цезаремъ и Помпеемъ и при всякомъ случаѣ препятствовалъ обнаруженiю взаимнаго соперничества; прежде нежели дѣло могло дойти до междоусобной войны, трiумвиратъ долженъ былъ превратиться въ дуумвиратъ и эта важная перемѣна дѣйствительно произошла, когда Крассъ незадолго до покоренiя Галлiи погибъ въ войнѣ противъ Парѳянъ.

Крассъ хотѣлъ, по примѣру Цезаря, воспользоваться врученною ему властiю для того, чтобы образо-

вать преданное своей особѣ и опытное войско, и такъ какъ ему досталась провинція Сирія, то онъ оставилъ Римъ съ намѣреніемъ воевать съ Парѳянами. Въ то самое время, какъ онъ прибылъ съ этою цѣлію въ Сирію, на Парѳянскій престолъ вступилъОродъ I, въ числѣ Арзакидовъ Арзакъ XIV. Но Крассу предстояло имѣть дѣло съ непріятелемъ, который противопоставилъ военному искусству Римлянъ не одну только храбрость воинственной націи, но вмѣстѣ и нѣкоторый совершенно новый для нихъ образъ войны. Въ 53 г. онъ проникъ за Эвфратъ, но, послушавшись совѣта измѣнниковъ, принялъ ошибочный планъ, рѣшившись итти для поиска непріятеля на равнину, на которой Парѳянская конница дѣйствовала такъ искусно и нанесла Римлянамъ, пораженнымъ новостію борьбы, столь великія потери, что Крассъ предпринялъ обратный путь, который при такомъ образѣ войны долженъ былъ для него сдѣлаться гибельнымъ. Парѳяне окружили его войско, такъ, что оно постоянно принуждено было держаться въ боевомъ порядкѣ, осыпали его стрѣлами, при нападеніи обращались въ бѣгство и, какъ скоро Римляне продолжали свой путь, снова являлись передъ ними. Наконецъ Крассъ рѣшился вступить въ переговоры, но при личномъ свиданіи съ Парѳянскимъ полководцемъ, во время безпорядковъ, случайно ли происшедшихъ или произведенныхъ съ намѣреніемъ, былъ убитъ. Его войско было или истреблено, или захвачено въ плѣнъ, такъ, что изъ 100,000 человѣкъ, едва 10,000 подъ предводительствомъ К. Кассія возвратилось въ Сирію. Слѣдствіемъ сего необдуманнаго похода было занятіе Парѳянами Месопотаміи, вторженія ихъ въ Сирію и начало борьбы ихъ съ Римлянами, продолжавшейся съ нѣкоторыми промежутками до самаго паденія Парѳянскаго царства.

По смерти Красса въ Римѣ остались только два мужа, могшіе спорить о первенствѣ, и послѣдняя связь, скрѣплявшая ихъ союзъ, — узы родства,—смертію жены Помпеевой, дочери Цезаря Юліи, была разорвана и уже выборомъ но-

вой супруги Помпей показалъ, что рѣшился дѣйствовать иначе и намѣренъ искать себѣ опоры въ Сенатѣ и аристократіи. Онъ женился на Корнеліи, дочери Кв. Метелла Пія Сципіона, одного изъ жесточайшихъ враговъ Цезаря, и вліяніе сей молодой и прекрасной женщины еще болѣе утвердило его въ намѣреніи отдѣлиться отъ своего союзника. Въ надеждѣ на Помпея аристократы сдѣлались смѣлѣе и искали случая къ разрыву съ Цезаремъ. Не размысливъ, что Цезарь въ продолженіе многихъ лѣтъ готовился къ сему обстоятельству, они составляли противъ него одно за другимъ самыя сильныя опредѣленія и доставили ему поводъ принять на себя роль притѣсненнаго въ своихъ правахъ и защитника закона, оскорбленнаго въ особѣ народнаго трибуна. Седьмаго января 49 г. Сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе, по которому Цезарь долженъ былъ къ назначенному дню сложить съ себя начальство надъ войскомъ, и Цезарь не задумался долѣе переходомъ чрезъ Рубиконъ, предѣлъ своей провинціи, открытъ междоусобную войну.

Помпей пріобрѣлъ въ городѣ столь великое вліяніе, что, казалось, одинъ могъ положить конецъ вторгнувшимся въ него безпорядкамъ и анархіи. Съ того момента, какъ онъ перешелъ на сторону аристократовъ, они стали полагаться на него съ такою довѣренностію, что положили облечь его неограниченною властію, тогда необходимою для возвращенія государству новой силы и устройства *). Доселѣ Помпей самъ спо-

*) Plut. Caes. cap. 28: *Πολλοὶ δ᾽ ἦσαν οἱ καὶ λέγειν ἐν μέσῳ τολμῶντες ἤδη, πλὴν ὑπὸ μοναρχίας ἀνήκεστον εἶναι τὴν πολιτείαν, καὶ τὸ φάρμακον τοῦτο χρῆναι τοῦ πραοτάτου τῶν ἰατρῶν ἀνασχέσθαι*

способствовалъ безпорядкамъ и анархіи, которые теперь долженъ былъ устранить, и они достигли такой степени, что при дальнѣйшемъ продолженіи грозили государству совершеннымъ разстройствомъ. Въ 54 году выборъ консуловъ былъ совершенно невозможенъ и въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ слѣдующаго года никто не занималъ этой должности; когда наконецъ въ седьмомъ назначили двухъ консуловъ, то, не смотря на то, безпокойства не прекращались. Борьба Клодія съ Милономъ, двухъ старыхъ закоренѣлыхъ враговъ, даетъ самое лучшее понятіе о томъ, въ какомъ печальномъ положеніи находился тогда городъ. Милонъ искалъ на 52 г. консульства, а Клодій старался всѣми средствами воспрепятствовать ему въ этомъ, и въ началѣ 52 г. сіе высшее государственное достоинство снова осталось незанятымъ. 20 Января Милонъ на пути въ Лапувіи близъ Бовиллъ встрѣтился съ Клодіемъ, который возвращался изъ Арицій въ Римъ. Они оба имѣли при себѣ многочисленную вооруженную свиту, безъ которой въ тѣ смутныя времена ни одинъ изъ знатныхъ не могъ безопасно пускаться въ дорогу. Люди Милоновы заспорили съ провожатыми Клодія, и сей послѣдній, вмѣшавшись въ ихъ ссору, былъ тяжело раненъ. Его перенесли въ сосѣднюю гостинницу, но Милонъ, увѣренный, что за половину дѣла онъ подвергаетъ себя такой же отвѣтственности, какая предстояла бы ему, если бы и совсѣмъ не оставилъ въ живыхъ своего врага, велѣлъ ворваться въ домъ и умертвить Клодія. Но и послѣ сего безпорядки нисколько не прекратились, напротивъ это происшествіе послужило еще поводомъ къ новымъ воднепіямъ. Демагоги перенесли тѣло Клодія въ городъ и, выставивъ его на площади, своими рѣчами до того раздражили чернь, что она съ трупомъ ворглась въ курію и, устроивъ изъ разломанныхъ сенаторскихъ скамей костеръ, сожгла его вмѣстѣ съ

προσφέροντος, ὑποδηλοῦντες τὸν Πομπήϊον. (т. е. Были многіе, которые уже осмѣливались говорить публично, что государство можетъ быть изцѣлено только монархіею и что это лекарство, чтобы быть сноснымъ, требуетъ самаго нѣжнаго врача, этимъ указывали на Помпея.

куріею. Послѣ сего чернь раздѣлилась на двѣ части: одна бросилась къ дому Милона съ намѣреніемъ разрушить его, а другая къ жилищу Помпея съ требованіемъ, чтобы онъ принялъ диктаторскую власть. Такъ какъ вокругъ Милона составилась партія изъ благородныхъ молодыхъ людей, которая защищала его отъ демагоговъ и ярости черни, и такъ какъ по этому борьба на улицахъ съ каждымъ днемъ дѣлалась ожесточеннѣе, то нужно было принять какія нибудь мѣры для возстановленія порядка. Посему на 52 г. Помпей былъ избранъ въ консулы одинъ, и оставался въ сей власти отъ Марта до Августа, когда взялъ въ товарищи своего тестя. Важнѣйшее происшествіе, случившееся во время единовластнаго консульства Помпеева, есть процессъ Милона. Помпей ввелъ въ городъ солдатъ и подъ защитою ихъ составился судъ. Милонъ предсталъ предъ него съ совершенною увѣренностію, въ надеждѣ на краснорѣчіе своего защитника Цицерона, но когда ораторъ взошелъ на каѳедру, и повсюду, куда ни обращалъ взоры, увидѣлъ вооруженныхъ, то потерялъ бодрость, смѣшался и, не сказавъ рѣчи (онъ въ послѣдствіи издалъ ее въ свѣтъ), сошелъ домой. Милонъ былъ осужденъ и удалился въ изгнаніе; Помпей, находясь теперь совершенно подъ вліяніемъ аристократіи, допустилъ ослѣпленнымъ ненавистію врагамъ Цезаря увлечь себя къ необдуманному шагу прежде, нежели достаточно вооружился, и притомъ, противъ человѣка, который напередъ вычислилъ всѣ случаи и давно уже приготовился на все. Цезарь имѣлъ партію въ Римѣ; большая часть демагоговъ была у него на жалованіи, и если Помпей получалъ отъ аристократіи какое либо преимущество, то демагоги, пользуясь своимъ вліяніемъ на народъ, настаивали, чтобъ и Цезарю доставлены были въ вознагражденіе равныя выгоды. Такъ, когда Помпей былъ избранъ одинъ въ консулы, Цезарь получилъ право искать консульства въ отсутствіи. Первымъ рѣшительнымъ нападеніемъ аристократіи на Цезаря было предложеніе консула Клавдія Марцелла не только лишить его этого права, но и потребовать сложенія начальства надъ войскомъ, которому теперь срокъ кончился. Аристократія сдѣлала

этотъ шагъ, полагая, что сильнѣйшій въ то время демагогъ, Куріонъ, на ея сторонѣ, но Цезарь, котораго проницательный взоръ видѣлъ издалека, куда должно обратиться и гдѣ дѣйствовать, давно уже замѣтилъ, какъ важенъ для него этотъ человѣкъ, и не пожалѣлъ огромной суммы, чтобы только привлечь его на свою сторону *). И такъ въ то время, какъ аристократія надѣялась на помощь Куріона, онъ уже дѣйствовалъ въ пользу Цезаря. Когда М. Марцеллъ сдѣлалъ въ Сенатѣ предложеніе вызвать Цезаря изъ провинціи и тотчасъ послать ему преемника, Куріонъ потребовалъ, чтобы для сохраненія равновѣсія и Помпей сложилъ начальство надъ войскомъ. Этотъ вовсе неожиданный поступокъ со стороны Куріона привелъ аристократію въ такое изумленіе, что въ тотъ день не было ничего сдѣлано кромѣ опредѣленія, по которому какъ Цезарь, такъ и Помпей должны были отпустить отъ себя по легіону для отправленія ихъ въ Сирію противъ Парѳянъ. Аристократія думала, что поступила очень хитро, лишивъ такимъ образомъ Цезаря части его военныхъ силъ и усиливъ ею свою сторону, но солдаты, которыхъ Цезарь, щедро одаривъ, послалъ въ Римъ, были исполнены удивленія къ его особѣ и предводимы офицерами, вполнѣ ему преданными. По сему Цезарь въ твердой увѣренности, что сей легіонъ первый подастъ знакъ къ переходу на его сторону, исполнилъ волю Сената безпрекословно. Аристократическая партія для ускоренія рѣшительнаго кризиса схватилась теперь за другое средство. Распустили слухъ, что Цезарь идетъ уже на Римъ; пользуясь симъ обстоятельствомъ одинъ изъ консуловъ 50 г. Клавдій Марцеллъ задержалъ легіоны, назначенные въ Сирію, и поднесши мечъ вручилъ начальство надъ ними Помпею. Куріонъ, когда на противорѣчіе его не обратили вниманія, поспѣшилъ къ Цезарю, который находился тогда на гра-

*) Что Цезарю дорого стоила помощь Куріона, въ томъ согласны всѣ историки, но сколько именно, неизвѣстно. Веллей (lib. II, cap. 48) характеризуетъ Куріона такъ: vir nobilis, eloquens, audax, suae alienaeque et fortunae et pudicitiae prodigus, homo ingeniosissime nequam et facundus malo publico.

ницѣ своей провинціи въ Равеннѣ и съ великимъ вниманіемъ наблюдалъ за происходившимъ въ Римѣ, впрочемъ имѣлъ при себѣ только небольшой отрядъ. Куріонъ совѣтовалъ Цезарю собрать какъ можно скорѣе войско и идти на Римъ; но Цезарь дѣйствовалъ осмотрительно, потому что не хотѣлъ явиться предъ глазами всѣхъ виновникомъ междоусобія. Онъ зналъ, что враги его непримиримы, но имѣя въ виду склонить въ свою пользу общественное мнѣніе, первый сдѣлалъ шагъ къ примиренію: онъ отправилъ Куріона обратно въ Римъ съ письмомъ къ Сенату, въ которомъ обѣщалъ положить оружіе, если тоже сдѣлаетъ Помпей; въ противномъ случаѣ объявлялъ, что намѣренъ защищать какъ себя, такъ и республику *). Въ засѣданіи Сената, въ которомъ совѣщались о семъ предложеніи, враги Цезаря имѣли перевѣсъ; самые пылкіе говорили, и умѣренные, желавшіе отклонить, или по крайней мѣрѣ замедлить явный разрывъ до тѣхъ поръ, пока не вооружатся лучше, должны были съ ними согласиться. И такъ согласно съ мнѣніемъ тестя Помпеева Сципіона, Сенатъ опредѣлилъ, чтобы Цезарь къ назначенному сроку сложилъ начальство, если не хотѣлъ быть объявленъ врагомъ республики **). Тщетно два народные трибуна, М. Антоній и Кв. Кассій, возставали противъ сего рѣшенія и противопоставляли свое veto; не обращая на нихъ вниманія, въ тотъ же день Сенатъ собрался во второй разъ и сдѣлалъ опредѣленіе: Dent operam consules, praetores, tribuni plebis, quique proconsules sunt ad urbem, ne quid respublica detrimenti capiat. Это происходило 7 Января 49 года, въ самое начало консульства К. Клавдія Марцелла и Л. Корнелія Лентула. Народные трибуны, вступавшіеся за Цезаря, бѣжали изъ города и име-

*) Se nec sibi, nec reipublicae defuturum. Съ передачи этого письма въ Сенатѣ Цезарь самъ начинаетъ въ первой книгѣ de bello civili разсказъ, достойный по рѣзкому сужденію о лицахъ и по тонкой скрытности видовъ партіи служить образцемъ подобнаго рода описаній.

**) Caes. de bell. civ. lib. I, cap. 2: uti ante certam diem Caesar exercitum dimittat; si non faciat, eum adversus rempublicam facturum videri.

немъ народа требовали, чтобъ онъ защитилъ оскорбленный въ нихъ особѣ образъ правленія государства. Собравъ 13-й легіонъ, который одинъ при немъ и находился, онъ вышелъ къ нему въ сопровожденіи народныхъ трибуновъ и сказалъ рѣчь, изъ которой онъ самъ оставилъ намъ извлеченіе; легіонъ въ отвѣтъ воскликнулъ: sese paratos esse, Imperatoris sui tribunorumque plebis injurias defendere. Такъ какъ все зависѣло отъ быстроты, то Цезарь нисколько не сомнѣваясь, что и прочіе легіоны послѣдуютъ примѣру 13-го, послалъ къ нимъ повелѣніе, какъ можно скорѣе итти въ Италію; самъ вечеромъ въ наемной повозкѣ выѣхалъ изъ Равенны и утромъ слѣдующаго дня прибылъ къ Рубикону, составлявшему границу его провинціи. Если Цезарь, можетъ быть, здѣсь на минуту и задумался о томъ, итти ли ему впередъ или отступить *), то всѣ его сомнѣнія должны были исчезнуть при мысли, что, предавшись безъ защиты ненависти своихъ враговъ, онъ погибнетъ навѣрно. Словами: jacta alea esto, онъ подалъ знакъ къ переходу черезъ рѣчку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ началу междоусобной войны.

Сила, съ которою Цезарь отважился вступить въ борьбу, была, судя по наружности, такъ несоразмѣрно велика, что враги его нисколько не сомнѣвались въ побѣдѣ. Всѣ провинціи на Востокѣ находились въ рукахъ правителей, приверженныхъ къ аристократіи, и легаты Помпеевы съ значительными арміями занимали Испанію и Африку. Видъ защиты государственной свободы отъ самовластія одного былъ на сторонѣ Помпея, — его окружало множество первѣйшихъ людей респу-

*) Sueton. Caes. cap. 31; Consecutus cohortes ad Rubiconem flumen, qui provinciae ejus finis erat, paulum constitit, ac reputans, quantum moliretur, conversus ad proximos, *Etiam nunc*, inquit, *regredi possumus; quod si ponticulum transierimus, omnia armis agenda erunt.*

блики, со славою занимавшихъ высшія должности. Но послѣднее обстоятельство было для Помпея несчастіемъ; онъ не могъ управлять дѣлами и вести войну по своей волѣ и усмотрѣнію; ему должно было соображаться еще съ мнѣніемъ окружавшей его знати. Напротивъ Цезарь имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что предводительствовалъ войскомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ привыкшимъ удивляться ему какъ отличному вождю и безусловно повиноваться. Быстрый походъ его къ Риму показалъ, какъ неблагоразумно поступили враги его, поспѣшивъ разрывомъ; неготовый къ сопротивленію, Помпей бѣжалъ съ своею партіею въ Эпиръ, и между тѣмъ, какъ тамъ вооружался, Цезарь овладѣлъ Италіею, Сициліею, Сардиніею и Испаніею. Въ слѣдующемъ году онъ переправился въ Эпиръ и, не могши побѣдить своего соперника здѣсь, заманилъ его на равнины Ѳессаліи и тамъ при Фарсалѣ 20 Іюля разбилъ его. Онъ быстро преслѣдовалъ его до Египта, но не засталъ въ живыхъ. Помпей былъ вѣроломно умерщвленъ Египетскимъ правительствомъ, и смертію его побѣда Цезаря была рѣшена, такъ какъ аристократическая партія не имѣла теперь больше человѣка, который бы, возвышаясь надъ всѣми, могъ соединить всѣ интересы и примирить всѣ соперничества.

При извѣстіи о переходѣ Цезаря чрезъ Рубиконъ и объ обнаруженномъ къ нему вездѣ расположеніи, Сенатъ, всѣ друзья Помпея, консулы и другія правительственныя особы, всѣ бѣжали изъ Рима въ Капуу. Робость и нерѣшительность господствовали повсюду; новобранцы разбѣжались и когорты Л. Доми-

ція, посланныя для преграждепія Цезарю пути къ Риму, перешли на его сторону и выдали своего вождя. Это происшествіе распространило между партіею Помпея такой страхъ, что она положила совсѣмъ очистить Италію и удалиться за Адріатическое Море. Цезарь, за неимѣніемъ кораблей, не могъ тотчасъ итти въ слѣдъ своимъ противникамъ и также опасался оставить у себя въ тылу Испанію во власти Помпеевыхъ легатовъ. Соображаясь со всѣмъ этимъ онъ поступилъ такъ: сперва пошелъ въ Римъ, тамъ, созвавъ Сенатъ изъ оставшихся въ городѣ и находившихся на его сторонѣ сенаторовъ, оправдалъ предъ ними свое поведеніе. Владѣя столицею, Цезарь щадилъ формы государственнаго устройства: велѣлъ претору М. Лепиду провозгласить себя диктаторомъ и въ этомъ санѣ назначилъ самого себя и П. Сервилія Исаврика консулами. Но что воля его долженствовала быть господствующею, это видно изъ того, что онъ народному трибуну Метеллу грозилъ смертію за то, что тотъ не хотѣлъ впустить его въ государственное казнохранилище. На пути въ Испанію онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ городѣ Массиліи и долженъ былъ взять его силою, въ чемъ успѣлъ однако только послѣ продолжительной осады. Впрочемъ онъ поступилъ съ этою древнею Фокейскою колоніею милостиво, какъ самъ говоритъ, болѣе изъ уваженія къ ея прежней славѣ, нежели потому, чтобъ она этого заслуживала. Помпеево войско въ Испаніи, подъ предводительствомъ Петрея, Афранія и Варрона, числомъ весьма превосходило Цезарево, но таланты вождей его не могли равняться съ геніемъ Цезаря. Впрочемъ сначала своею нетерпѣливостью онъ поставилъ себя въ столь опасное положеніе, что многіе считали его погибшимъ, но, искусно освободившись самъ отъ опасности, онъ стѣснилъ своихъ противниковъ и принудилъ сдаться. При семъ случаѣ онъ поступилъ съ великою кротостію, возвратилъ свободу всѣмъ генераламъ Помпея и тѣмъ изъ солдатъ, которые не хотѣли служить ему; впрочемъ большая часть ихъ вступила къ нему въ службу и такимъ образомъ съ усиленною арміею онъ возвратился въ Римъ. Между тѣмъ Куріонъ выгналъ приверженцевъ Помпея изъ Сициліи и переправился въ

Африку, но тамъ потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ: въ то же время въ Брундузіумѣ для Цезаря собранъ былъ флотъ, такъ, что въ началѣ 48 г. онъ могъ дѣлать приготовленія къ переправѣ въ Эпиръ, которая впрочемъ соединена была съ значительною опасностію, потому что море находилось во власти непріятеля, а у Цезаря не было достаточнаго числа кораблей, чтобы перевесть свои войска за одинъ разъ*). Смѣлость и приверженность Цезаревыхъ солдатъ побѣдили всѣ препятствія, и онъ скоро увидѣлъ вокругъ себя всю свою армію соединенною, которая хотя и была числомъ меньше непріятельской, но за то далеко превосходила ее нравственною силою. При Диррахіумѣ оба войска долгое время стояли другъ противъ друга, и Помпей обнаружилъ здѣсь въ выборѣ и перемѣнѣ позиціи столько искусства, что Цезарь не только не могъ ничего сдѣлать, но даже въ сшибкахъ, происходившихъ близъ укрѣпленій, терпѣлъ неудачи и даже однажды былъ бы разбитъ совершенно, если бы Помпей отважился довершить побѣду **). Посему Цезарь счелъ неблагоразумнымъ долѣе держаться на берегу и искусно перевелъ свои легіоны черезъ горы въ Ѳессалію. Помпей послѣдовалъ за нимъ. Успѣшныя дѣйствія при Диррахіумѣ вдохнули въ него столько смѣлости и исполнили его партію столь несомнѣнною увѣренностію въ побѣдѣ, что Цезарь въ глазахъ ихъ казался уже въ половину погибшимъ. И такъ когда обѣ арміи сошлись на Фар-

*) Цезарь самъ описываетъ (de bell. civ. lib. III, cap. 25) непріятное положеніе свое, когда онъ самъ уже находился въ Эпирѣ, между тѣмъ какъ большая часть его арміи стояла еще въ Брундузіумѣ. Въ такомъ затруднительномъ состояніи онъ рѣшился на 12-ти весельной лодкѣ ѣхать въ Брундузіумъ, и когда кормчій, устрашенный сильнымъ волненіемъ, не хотѣлъ на своемъ маленькомъ суднѣ пускаться въ море; то онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: *τόλμα καὶ δέδιϑι μηδὲν· Καίσαρα φέρεις καὶ τὴν τοῦ Καίσαρος τύχην συμπλέουσαν.* (т. е. Дерзай и не бойся ничего; ты везешь Цезаря и счастіе Цезаря.)

**) По словамъ Плутарха (Caes. cap. 39) Цезарь сказалъ: *Σήμερον ἂν ἡ νίκη παρὰ τοῖς πολεμίοις ἦν, εἰ τὸν νικῶντα εἶχον·* (т. е. Сегодня побѣда была бы на сторонѣ непріятелей, если бы у нихъ былъ умѣющій побѣждать.)

сальской равнинѣ, то Помпей охотно бы уклонился отъ рѣшительной битвы, если бъ его не принудило къ тому неудовольствіе его партіи. Это сраженіе, послѣдовавшее 20 Іюля 48 г., рѣшилось въ пользу Цезаря, и, если вѣрить его собственному показанію, съ весьма малою потерею съ его стороны: убитыми насчитано не больше 200 рядовыхъ и 30 офицеровъ; напротивъ непріятельская армія была или истреблена, или захвачена въ плѣнъ. Помпей самъ, потерявъ разсудокъ уже во время сраженія, не пришелъ въ себя и по окончаніи его: ибо вмѣсто того, чтобы удалиться на флотъ и отправиться въ Африку, гдѣ его партія имѣла еще многочисленную армію, онъ бѣжалъ въ Азію. Но здѣсь насильственные поступки его приверженцевъ возбудили всеобщую ненависть къ его партіи; посему онъ нигдѣ не нашелъ пріема, всѣ ворота были предъ нимъ заперты, такъ, что наконецъ онъ обратился въ Египетъ. Цезарь понималъ, что прежде всего ему должно захватить въ свои руки Помпея живымъ или мертвымъ *), потому онъ употребилъ на отдыхъ послѣ побѣды только два дня и тогда въ сопровожденіи незначительнаго войска погнался въ слѣдъ за своимъ противникомъ. Онъ такъ спѣшилъ, что только тремя днями послѣ Помпея прибылъ въ Египетъ, но уже не нашелъ его въ живыхъ. По повелѣнію тогдашняго Египетскаго правительства, желавшаго привлечь побѣдителя на свою сторону, онъ былъ вѣроломно умерщвленъ, и только что Цезарь вступилъ въ Египетъ, какъ ему была представлена отрубленная голова его врага. Хотя правда, что Цезарь не былъ изъ чувствительныхъ людей, однако несправедливо приписываютъ слезы, пролитыя имъ при этомъ случаѣ, лицемѣрію. Онъ былъ бы совершенно безчувственнымъ, еслибъ при видѣ блѣдной головы Помпея воспоминаніе прежней дружбы и сознаніе непрочности и непостоянства земнаго величія не могли разстрогать его до слезъ истиннаго сожалѣнія.

*) Caes. de bello civ. lib. III, cap. 102: Caesar, omnibus rebus relictis, persequendum sibi Pompejum existimavit, quascumque in partes ex fuga se recepisset, ne rursus copias comparare alias et bellum renovare posset.

Дѣла Египетскія впутали Цезаря въ такъ называемую Александрійскую войну. Впрочемъ онъ не прежде успѣлъ устроить въ Александріи все по своей волѣ, какъ по преодолѣніи сильнаго сопротивленія. Плѣненный красотою Клеопатры, возвышенной имъ на тронъ, онъ оставался въ Египетской столицѣ до тѣхъ поръ, пока движенія въ Малой Азіи, начатыя Фарнакомъ, сыномъ Митридата Великаго, не вызвали его оттуда. Онъ пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, и какъ здѣсь, для прекращенія мятежа, достаточно было только скораго прибытія его, такъ своимъ явленіемъ въ Римѣ, куда возвратился въ Декабрѣ 47 г., онъ подавилъ опасныя волненія въ самомъ зародышѣ.

Хотя Египетъ по имени и по наружности сохранилъ свою самостоятельность, однако въ самомъ дѣлѣ былъ совершенно зависимъ отъ Рима. Птоломей Епифанъ, въ царствованіе котораго началось Римское вліяніе, оставилъ двухъ сыновей, и старшій изъ нихъ *Птоломей VI Филометоръ* (181—145) наслѣдовалъ ему во власти. До 173 г. за него правила мать его Клеопатра, по смерти ея, возобновивъ притязанія на Келосирію, онъ вступилъ съ Селевкидомъ Антіохомъ IV въ войну, въ которой былъ такъ несчастливъ, что почти весь Египетъ до самой столицы былъ завоеванъ Сирійцами. Жители Александріи выгнали послѣ сего Птоломея Филометора и возвели на престолъ брата его Птоломея VII Фискона. Такъ такъ Филометоръ между тѣмъ бѣжалъ въ лагерь Антіоха и грозилъ дѣйствовать заодно съ Сирійцами, то сестра сдѣлалась посредницею между братьями и примирила ихъ. Въ 169 г. они положили царствовать вмѣстѣ, а отъ Сирійскаго царя они обратились съ просьбою защиты къ Риму, и Сенатъ, чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ успѣхамъ Антіоха, отправилъ въ Египетъ Попилія Лената. Этотъ посолъ прославился энергію, съ которою выполнилъ свое пору-

ченіе. Онъ прибылъ въ станъ Антіоха и потребовалъ, чтобы онъ тотчасъ же очистилъ Египетъ; когда Антіохъ сталъ просить времени на размышленіе, Попилій, описавъ тростію вокругъ царя кругъ, сказалъ: Priusquam hoc circulo excedas, redde responsum, senatui quod referam *). Изумленный и устрашенный царь отвѣчалъ: Faciam, quod censet Senatus. Но едва удалились Сирійцы, какъ между братьями открылся раздоръ, который доставилъ Римлянамъ новый случай вмѣшаться въ дѣла Египта. Они рѣшили споръ въ 162 г. раздѣломъ царства на двѣ части, по которому Фисконъ получилъ Кирене и Ливію, а Филометоръ удержалъ за собою Египетъ и Кипръ. Въ послѣднее время своего царствованія онъ вмѣшался въ дѣла Селевкидовъ; онъ возвратилъ Димитрію II наслѣдственный престолъ и низвергнулъ Александра Баласа; но это предпріятіе стоило ему жизни. Въ сраженіи, имѣвшемъ слѣдствіемъ изгнаніе Александра, онъ былъ смертельно раненъ и умеръ въ 145 году. Послѣ сего братъ его *Птоломей VII Фисконъ* или *Евергетъ II* (145 — 117) снова соединилъ все царство, но правилъ съ такою жестокостію, что могъ держаться только съ помощію военнаго деспотизма и употребляя для смиренія многократно открывавшихся возмущеній самыя кровавыя мѣры. Между тѣмъ Фисконъ былъ другъ наукъ, имѣлъ свѣдѣнія и самъ писалъ, но и въ этой части своей дѣятельности онъ, подобно Діонисію I Сиракузскому, былъ тиранъ, отнималъ рукописи, и ученыхъ, не соглашавшихся съ нимъ, умерщвлялъ или изгонялъ. Изъ сыновей его побочный *Птоломей Апіонъ* получилъ Кирене и завѣщалъ ее въ 96 г. Римлянамъ. Впрочемъ они не прежде вступили во владѣніе этою страною и обратили ее въ провинцію, какъ уже во время войны съ морскими разбойниками. Изъ законныхъ сыновей его старшій *Птоломей VIII Латиръ* (117 — 81) получилъ собственный Египетъ и *Птоломей IX Александръ* островъ Кипръ. Оба брате

*) Ливій, разсказывая это (lib. XLV, cap. 12), прибавляетъ: Clara ea per gentes legatio fuit, quod haud dubie ademta Antiocho Aegyptus habenti jam, redditumque patrium regnum stirpi Ptolomaei fuerat.

находились въ безпрерывной враждѣ между собою и попемѣнно выгоняли другъ друга, пока наконецъ, съ 88 г. Латиръ утвердился на престолѣ и Александръ умеръ въ изгнаніи. Сынъ его прибѣгнулъ къ покровительству Суллы, и такъ какъ Латиръ умеръ въ то самое время, когда Сулла былъ въ Римѣ всемогущъ, то по требованію сего послѣдняго кліентъ его *Птоломей X Александръ II* былъ провозглашенъ царемъ Египта, и оба сына Латировы должны были отказаться отъ престола. Изъ сего видно, что Египетъ находился уже въ совершенной зависимости отъ Рима и что въ рукахъ Римскихъ вельможъ служилъ только средствомъ къ обогащенію, потому что происходившіе здѣсь безпрестанные споры о престолѣ доставляли имъ случай продавать претендентамъ свою помощь. Тотчасъ по кончинѣ Суллы Птоломей X Александръ былъ изгнанъ, и сыновья Латировы раздѣлили между собою царство такъ: *Птоломей XI Авлетъ* взялъ Египетъ, а братъ его Птоломей XII островъ Кипръ. Сначала Римляне не признали обоихъ царей, и Птоломей Кипрскій дѣйствительно по предложенію народнаго трибуна Клодія былъ объявленъ врагомъ республики и посланнымъ противъ него Катономъ низверженъ, не оказавъ сопротивленія; онъ принялъ ядъ, и Римляне присоединили островъ къ провинціи Киликіи. Между тѣмъ Птоломей Авлетъ, успѣвъ богатыми дарами привлечь на свою сторону Римскихъ вельможъ, былъ признанъ Сенатомъ. Суммы, полученныя съ него при семъ случаѣ Цезаремъ и Помпеемъ, простирались до 40 милліоновъ рублей. Но едва онъ почелъ себя утвержденнымъ на своемъ тронѣ, какъ изгнанный Александрійцами принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Между тѣмъ какъ здѣсь спорили, кому и какимъ образомъ ввести Птоломея во владѣніе потеряннымъ царствомъ, Александрійцы возвели на престолъ старшую дочь его Веренику, которая сперва сочеталась бракомъ съ Селевкомъ Кибіозактомъ и потомъ по умерщвленіи его въ 57 г. съ Архелаемъ, сыномъ такъ-же называвшагося Митридатова генерала. Птоломей по сей причинѣ не могъ дождаться въ Римѣ никакого результата, потому что никто не хотѣлъ уступить выгодъ другому, и всякій

отвергалъ возвращеніе его, какъ скоро видѣлъ, что оно поручено будетъ не ему. Наскучивъ наконецъ терять здѣсь напрасно время и деньги, Птоломей отправился въ Сирію съ намѣреніемъ склонить на свою сторону правителя этой провинціи, Габинія. За огромную сумму 10,000 талантовъ, обѣщанную царемъ, Габиній не задумался рѣшиться на это предпріятіе, потому что, имѣя столько денегъ, ему можно было не бояться ни важности Сената, ни приговоровъ народа. И такъ въ 56 г. онъ силою ввелъ царя въ Александрію, и Птоломей для утвержденія снова возвращенной власти предалъ казни свою дочь съ знатнѣйшими ея приверженцами. Габиній хотя и былъ за совершеніе такого важнаго дѣла противъ воли Сената позванъ на судъ, но, какъ ожидалъ, подкупленными судьями объявленъ невиннымъ *). Птоломей Авлетъ умеръ въ 51 г. Изъ четырехъ дѣтей своихъ двухъ старшихъ, тринадцати-лѣтняго *Птоломея Діониса* и семнадцатилѣтнюю *Клеопатру*, онъ объявилъ наслѣдниками, приказавъ имъ сочетаться между собою бракомъ, а двухъ младшихъ Птоломея Неотера и Арсиноэ поручилъ Римскому Сенату. Евнухъ Потинъ захватилъ правленіе въ свои руки, но Клеопатра, считая себя довольно взрослою, чтобы управлять самой, скрывшись отъ его вліянія, на границахъ Сиріи собрала войско, при помощи котораго хотѣла отнять у него власть. Въ то время, какъ братъ и сестра непріязненно стояли другъ противъ друга, Помпей, разбитый при Фарсалѣ, бѣглецомъ прибылъ въ Египетъ. Мы уже упоминали, какъ вѣроломно Потинъ воспользовался довѣрчивостью несчастнаго полководца: онъ заманилъ его къ себѣ и велѣлъ умертвить, чтобы этимъ пріобрѣсть благоволеніе побѣдоноснаго Цезаря къ себѣ и къ руководимому имъ юному царю. Цезарь явился теперь рѣшителемъ спора между братомъ и сестрою. Клеопатра находилась тогда въ цвѣтѣ возраста; ея очаровательная красота плѣнила его, и Потину съ партіею Птоломея оставалось или погибнуть, или для погибели Цезаря воспользоваться благопріят-

*) Dio Cass. lib. XXXIX, 55—63.

ною минутою, когда онъ еще не получилъ подкрѣпленій. Потину не трудно было вооружить противъ него Александрійцевъ, потому что повелительный тонъ Цезаря былъ для нихъ ненавистенъ. Они окружили занимаемую имъ часть города и осадили его въ ней. Юный Птоломей находился во власти Цезаря, а Потинъ, попавшись къ нему въ плѣнъ, былъ умерщвленъ, но Александрійцы провозгласили царицею Арсиноэ и вели борьбу съ величайшимъ ожесточеніемъ. При семъ случаѣ сгорѣла одна изъ двухъ огромныхъ библіотекъ, построенныхъ въ Александріи Птоломеями. Война воспламенилась еще болѣе, когда и Птоломей Діонисъ успѣлъ бѣжать къ своимъ приверженцамъ, но Цезарь, хотя дѣйствительно много разъ приходилъ въ самое затруднительное положеніе и подвергался опасности лишиться жизни, *) получилъ наконецъ подкрѣпленіе, разбилъ Египтянъ, и въ болотахъ близъ Пелузіума, куда онъ загналъ своихъ непріятелей, юный Птоломей Діонисъ лишился жизни. Послѣ сего пораженія Египтяне покорились волѣ Цезаря, и онъ возвелъ на тронъ Клеопатру, впрочемъ съ условіемъ, чтобы она вышла замужъ за своего младшаго брата Птоломея Неотера. Сестру ея Арсиноэ онъ въ послѣдствіи взялъ съ собою изъ Египта плѣнницею. Послѣ трудовъ и опасностей сей войны Цезарь успокоился въ объятіяхъ Клеопатры и прижилъ съ нею сына Цезаріона. Извѣстіе о возстаніи и успѣхахъ Фарнака въ Малой Азіи пробудило его

*) Plutarch v. Caes. cap. 49: *Τρίτον δὲ, περὶ τῇ Φάρῳ μάχης συνεστώσης, κατεπήδησε μὲν ἀπὸ τοῦ χώματος εἰς ἀκάτιον καὶ παρεβοήθει τοῖς ἀγωνιζόμενοις. Ἐπιπλεόντων δὲ πολλαχόθεν αὐτῷ τῶν Αἰγυπτίων, ῥίψας ἑαυτὸν εἰς εἰς τὴν θάλασσαν, ἀπενήξατο μόλις καὶ χαλεπῶς. Ὅτε καὶ λέγεται βιβλίδια κρατῶν πολλὰ, πὴ προέσθαι, βαλλόμενος καὶ βαπτιζόμενος, ἀλλ᾽ ἀνέχων ὑπὲρ τῆς θαλάσσης τὰ βιβλίδια, τῇ ἑτέρᾳ χειρὶ νήχεσθαι. Τὸ δ᾽ ἀκάτιον εὐθὺς ἐβυθίσθη.* (т. е. Когда произошло сраженіе близъ Фароса, онъ соскочилъ съ холма въ лодку и поспѣшилъ на помощь сражающимся. Увидѣвъ же Египтянъ, стремящихся къ нему со многихъ сторонъ, онъ бросился въ море и съ большимъ трудомъ едва выплылъ. Говорятъ, что онъ, имѣя въ рукѣ многія бумаги, не выпускалъ ихъ, хотя и былъ поражаемъ стрѣлами и нѣсколько разъ погружался въ море, но держалъ ихъ одною рукою надъ водой, другою же плылъ. Лодка его тотчасъ потонула.)

наконецъ (въ 47) изъ этого усыпленія къ новой дѣятельности. Фарнакъ, сынъ Митридата Великаго, оставленный Помпеемъ во владѣніи Боспоранскимъ царствомъ, принадлежавшимъ его отцу, хотѣлъ воспользоваться открывшимися теперь въ Римской державѣ междоусобіями для возвращенія себѣ Понта. Выступившій противъ него Цезаревъ легатъ Домицій былъ разбитъ, но когда явился самъ Цезарь, то война тотчасъ была кончена. Онъ пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ (veni, vidi, vici), какъ самъ выражается въ лаконическомъ письмѣ, извѣщая объ этомъ, и царство Фарнака, который послѣ понесеннаго имъ пораженія былъ убитъ, подарилъ другу своему Пергамцу Митридату. Собравъ въ Азіи значительныя контрибуціи, онъ съ такою скоростію отправился потомъ въ Римъ, что прибылъ туда еще въ Декабрѣ 47 года, и еще во время успѣлъ подавить опасныя волненія въ самомъ началѣ. Народные трибуны Клелій и Долабелла предложили законъ объ уничтоженіи долговъ; ихъ сторону держали всѣ расточившіе свои имѣнія и особливо М. Антоній, бывшій въ этомъ году Цезаревымъ magister equitum. Такъ какъ Сенатъ и богатые воспротивились сему, то въ Римѣ открылись безпорядки. Цезарь по прибытіи прекратилъ ихъ, удовлетворивъ и той, и другой сторонѣ: именно установилъ таксу на недвижимыя имѣнія, которыя чрезвычайно понизились въ цѣнѣ. Онъ встрѣтилъ какъ въ Сенатѣ, такъ и въ народѣ готовность исполнять и переносить всѣ повелѣнія его и требованія. Кромѣ множества почестей, назначенныхъ ему по опредѣленію Сената, онъ получилъ право заключать миръ и объявлять войну.

Въ то время, какъ Цезарь медлилъ въ Египтѣ, противники его собрали снова значительныя силы въ Африкѣ, подъ начальствомъ тестя Помпеева, Сципіона; Катонъ, отказавшись отъ предложенной ему военачальнической власти, жилъ въ Утикѣ комендантомъ города. Цезарь, какъ скоро высадился (въ 46 г.) на берега Африки, поспѣшилъ

рѣшить дѣло и въ битвѣ при Тапсѣ онъ обязанъ храбрости своихъ войскъ столь же рѣшительною побѣдою, какъ и при Фарсалѣ. Главнѣйшіе враги его не пережили этого пораженія, а тѣ, которые не имѣли духа умереть, были по крайней мѣрѣ политически уничтожены. Не смотря на то, Цезарь долженъ былъ выдержать еще третью войну въ Испаніи, гдѣ вокругъ сыновей Помпея собрались послѣдніе остатки его партіи. Эта послѣдняя борьба была самая упорная, но наконецъ побѣдою при Мундѣ кончилась въ пользу Цезаря.

Въ то самое время, какъ Цезарь готовился къ выступленію въ Африку, легіоны его, ожидавшіе себѣ больше наградъ, нежели сколько получили, возмутились. Они думали, что онъ не можетъ безъ нихъ обойтись и что посему, отказавши ему въ повиновеніи, могутъ все вынудить у него. Но великій характеръ Цезаря не могъ низойти до такой зависимости, и такъ, когда солдаты потребовали отставки, онъ съ видимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ тотчасъ согласился, присовокупивъ, что онъ выдастъ имъ всѣ обѣщанныя награды, чтобы не показаться неблагодарнымъ передъ тѣми, которые столь долго раздѣляли съ нимъ всѣ опасности, хотя теперь и оставляютъ его, но что онъ это исполнитъ не прежде какъ по окончаніи войны въ Африкѣ, куда отправится съ другими войсками. Цезарь зналъ, какъ должно управлять и повелѣвать умами людей: его твердость привела солдатъ въ изумленіе, его равнодушіе опечалило ихъ, и они тотчасъ послали къ нему депутатовъ и съ раскаяніемъ просили, чтобъ онъ простилъ ихъ и опять принялъ въ свою службу. Цезарь сначала отказалъ и уже послѣ второй просьбы удостоилъ ихъ снова своей милости. Хотя войско Сципіоново далеко превосходило въ числѣ Цезарево, однако, не смотря на то, Цезарь, полагаясь на превосходство своей арміи въ храбрости и

искусствѣ, искалъ битвы *). Она произошла при Тапсѣ и кончилась совершеннымъ уничтоженіемъ Помпеевой партіи въ Африкѣ. Главы ея по большей части прекратили свою жизнь самоубійствомъ, спокойнѣе и хладнокровнѣе всѣхъ Катонъ. Онъ лишилъ себя жизни въ Утикѣ, слѣдуя правилу языческой древности, что тому, кто не можетъ съ честью жить, ничего больше не остается, какъ съ честью умереть **). Изъ захваченныхъ въ плѣнъ Цезарь многихъ велѣлъ умертвить, считая необходимымъ показать примѣръ строгости, такъ и потому что между ними находилось нѣсколько такихъ, которымъ онъ одинъ разъ уже даровалъ жизнь. Пользуясь сею побѣдою, Цезарь собралъ также значительныя суммы денегъ, обратилъ въ Римскую провинцію царство Нумидійскаго царя Юбы, бывшаго на сторонѣ его враговъ ***), и обло-

*) Какимъ духомъ были исполнены Цезаревы ветераны, видно изъ слѣдующей сцены, описанной Гирціемъ въ его comment. de bello Afric. cap. 44 и 45. При переправѣ въ Африку одинъ корабль, на которомъ находился центуріонъ съ нѣсколькими ветеранами и новобранцами, былъ захваченъ непріятелями. Плѣнники были представлены Сципіону, который, ласково принявъ ихъ и предполагая, что они служили Цезарю изъ принужденія, требовалъ, чтобы они объявили это передъ войскомъ. Тогда Центуріонъ, выступивъ впередъ, сказалъ: Pro tuo summo beneficio, Scipio, tibi gratias ago, (non enim imperatorem te appello) quod mihi vitam incolumitatemque, belli jure capto, polliceris et forsan isto uterer beneficio, si non ei summum scelus adjungeretur. Egone contra Caesarem, imperatorem meum, apud quem ordinem duxi, ejusque exercitum, pro cujus dignitate victoriaque amplius sex et triginta annis depugnavi, adversus armatusque consistam? Neque ego id facturus sum et te magnopere, ut de negotio desistas, adhortor. Contra cujus enim copias contendas, si minus antea expertus es, licet nunc cognoscas. Elige ex tuis cohortem unam, quam putas esse firmissimam, et constitue contra me; ego autem ex meis commilitonibus, quos nunc in tua tenes potestate, non amplius decem sumam; tunc ex virtute nostra intelliges, quid ex tuis copiis sperare debeas.

**) Sophocl. in Ajac. vs. 480: *Ἀλλ᾽ ἢ καλῶς ζῆν, ἢ καλῶς τεθνηκέναι τὸν εὐγενῆ χρή.*
(т. е. Благородный долженъ или честно жить, или честно умереть.)

***) Сынъ царя Юбы, также называвшійся Юбою, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Римъ, образовался здѣсь и сдѣлался однимъ изъ ученѣйшихъ писателей древности. Plut. Caes, cap. 55: *Τότε καὶ Ἰόβας, κομιδῇ νήπιος, ἐν τῷ θριάμβῳ παρήχθη, μακαριω-*

жилъ всѣ Африканскіе города тяжкими контрибуціями. Свое возвращеніе въ Римъ онъ торжествовалъ четырехдневнымъ тріумфомъ (надъ Галліею, Египтомъ, Понтомъ и Нумидіею) и забавлялъ народъ играми, которыя были началомъ дорогихъ и утонченныхъ увеселеній времени императоровъ: онъ велѣлъ для удовольствія народа спустить въ циркѣ 400 львовъ и 50 слоновъ. Онъ былъ избранъ на слѣдующій (45) годъ въ консулы и въ то же время на десять лѣтъ въ диктаторы. Цезарь обыкновенно принималъ отселѣ консульство только для того, чтобы уступить его другому, кого онъ хотѣлъ этимъ обязать. Но сіе достоинство не имѣло теперь другаго значенія, кромѣ того, что доставляло имѣвшему его хотя и на короткое время титулъ и права консулярной особы *). Впрочемъ Цезарь, по возвращеніи изъ Африки, не долго наслаждался спокойствіемъ; уже спустя четыре мѣсяца онъ долженъ былъ спѣшить въ Испанію, гдѣ Кней и Секстъ, сыновья Помпеевы, начали собирать грозныя силы. Во время Африканской войны многіе города южной Испаніи согласились принять къ себѣ гарнизоны партіи Помпея, вытѣсненные изъ Африки; съ ними соединились нѣкоторые легіоны, отказавшіе легатамъ Цезаря въ повиновеніи и страшившіеся теперь наказанія. Предводителями возстанія выступили сыновья Помпея; подъ ихъ же знамена стеклись от-

τάτην ἁλοὺς ἅλωσιν, ἐκ βαρβάρου καὶ Νομάδος Ἑλλήνων τοῖς πολυμαθεστάτοις ἐνάριθμος γενέσθαι συγγραφεῦσι. (т. е. Въ то время и Юба, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, былъ веденъ въ тріумфѣ, попавшись впрочемъ въ счастливѣйшій плѣнъ, потому что этимъ изъ варвара и номада онъ сдѣлался однимъ изъ ученѣйшихъ писателей Грековъ.)

*) Такъ напр. когда въ послѣдній день 45 г. консулъ Фабій Максимъ умеръ, то на остатокъ дня Цезарь назначилъ въ консулы Каниніа Ребила, такъ что Цицеронъ шедшимъ поздравлять его сказалъ: *Σπεύδωμεν, πρὶν φθάσῃ τῆς ὑπατείας ἐξελθὼν ὁ ἄνθρωπος.* (т. е. Поспѣшимъ, чтобы онъ не предупредилъ насъ, оставивъ консульство.) Въ одномъ письмѣ къ Курію (epp. ad. div. lib. VII, ep. 30) онъ выражается объ этомъ ефемерномъ консулѣ такъ: Caninio consule scito neminem prandisse. Nihil tamen eo cousule mali factum est, fuit enim mirifica vigilantia, qui suo toto consulatu somnum non viderit. Haec tibi ridicula videntur, non enim ades; quae si videres, lacrymas non teneres.

важнѣйшіе и опытнѣйшіе офицеры уничтоженной при Тапсѣ арміи, которые успѣли избѣжать смерти. Цезарь долженъ былъ самъ отправиться въ Испанію и употребить всю свою дѣятельность и энергію, чтобъ рѣшить въ свою пользу эту послѣднюю и вмѣстѣ самую упорную и отчаянную борьбу. Въ Мартѣ 45 г. онъ далъ своимъ противникамъ сраженіе при Мундѣ. При первомъ нападеніи войска его были отражены и приведены въ безпорядокъ; Цезарь соскочилъ съ коня и пѣшій самъ повелъ своихъ ветерановъ въ битву, но и симъ отчаяннымъ усиліемъ онъ не выигралъ бы побѣды, если бъ въ то же время не велѣлъ Нумидійской конницѣ напасть на непріятельскій лагерь; сіе движеніе произвело разстройство въ рядахъ непріятелей, потому что многіе для сохраненія своего имущества оставили боевую линію. Только пользуясь симъ обстоятельствомъ, Цезарь успѣлъ наконецъ рѣшить это убійственное сраженіе въ свою пользу. Изъ сыновей Помпея старшій Кней былъ въ бѣгствѣ настигнутъ и убитъ, а младшій Секстъ спасся и скрывался до самой смерти Цезаря, когда снова явился на политическомъ поприщѣ и еще разъ игралъ важную роль. Съ Марта до конца Сентября Цезарь прожилъ въ Испаніи, привелъ въ порядокъ дѣла этой страны и также и здѣсь заперъ для Помпеевой партіи всѣ мѣста, гдѣ бы она могла еще держаться.

Буря, въ продолженіе четырехъ лѣтъ потрясавшая міръ, казалось, теперь стихла, и Цезарь могъ надѣяться, что по возвращеніи въ Римъ ничто не воспрепятствуетъ ему совершенно предаться своимъ великимъ предначертаніямъ, для исполненія которыхъ въ его распоряженіи находились всѣ средства обладающей полміромъ республики. Впрочемъ впечатлѣніе, произведенное его торжественнымъ въѣздомъ въ Римъ, должно бы было сдѣлать его внимательнѣе къ своему положенію и внушить болѣе предосторожности: ибо многіе Римляне съ мрачными лицами смотрѣли на этотъ

тріумфъ надъ сыновьями Помпея, и ненависть къ нему возрасла тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше презрѣніемъ республиканскихъ формъ и явнымъ стремленіемъ къ царскому титулу онъ раздражалъ ревностныхъ приверженцевъ республики. Хотя положеніе и стремленіе Цезаря были согласны съ обстоятельствами времени, однако и то, и другое ставило его въ совершенный контрастъ съ характеромъ, исторіею, законами и литературою Римской націи, и многіе думали, что для возвращенія республикѣ прежняго состоянія нужно только низвергнуть его. Такимъ образомъ въ головѣ нѣсколькихъ ослѣпленныхъ энтузіастовъ созрѣлъ планъ умерщвленія Цезаря, который въ мартовскія иды 44 года и былъ исполненъ.

По окончаніи междоусобной войны Цезарь принялъ названіе пожизненнаго диктатора, допустилъ раболѣпно покорный Сенатъ воздавать себѣ самыя несоразмѣрныя почести и стремился явно присоединить къ доставленной ему оружіемъ монархической власти и имя, и знаки ея. Онъ велъ себя совершенно какъ монархъ: Сенатъ долженъ былъ превратиться въ его Совѣтъ; друзей своихъ онъ хотѣлъ сдѣлать министрами, а правительственныхъ особъ своими чиновниками, и отъ всего республиканскаго оставить только одно названіе и форму. Между многими великими предначертаніями Цезаря, имѣвшими цѣлію улучшеніе государственнаго быта, особенно замѣчательно произведенное имъ *исправленіе календаря.* Древній Римскій календарь былъ уже самъ по себѣ невѣренъ; лунный годъ Нумы, состоявшій изъ 355 дней, не совсѣмъ соотвѣтствовалъ солнечному теченію, и жрецы, на которыхъ возложена была обязанность поправлять календарь, тѣмъ больше допускали произвольныхъ прибавленій, чѣмъ больше въ продолженіе времени и по недостатку надлежащихъ свѣдѣній въ него вкралось ошибокъ. Къ тому жъ присоединилось и то, что

въ послѣднія времена республики въ угодность той или другой партіи были прибавлены цѣлые мѣсяцы. Посему гражданскій годъ такъ мало согласовался съ астрономическимъ, что при Цезарѣ новый годъ начинается съ осенняго равноденствія вмѣсто зимняго солнцестоянія. И такъ только радикальное исправленіе могло положить конецъ этой запутанности, и Цезарь предпринялъ оное съ помощію астронома Созигена, призваннаго имъ изъ Александріи. Лунный годъ былъ перемѣненъ въ солнечный, и календарь вычисленъ и приведенъ въ порядокъ съ точностію, какая только возможна была при тогдашнемъ состояніи наукъ. Однако, не смотря на то, при вычисленіи нѣчто было не досмотрѣно, такъ, что въ продолженіе полуторы тысячи лѣтъ Юліевъ календарь десятью днями отсталъ отъ астрономическаго и слѣдовательно имѣлъ нужду въ новомъ исправленіи. При этихъ полезныхъ занятіяхъ Цезарь не забывалъ и войны, и составилъ планъ похода противъ Парѳянъ, который долженствовалъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ открытіемъ новыхъ неизвѣстныхъ странъ. Но исполненіе сего исполинскаго предпріятія не было ему суждено. Смотря на несоразмѣрныя почести, опредѣленныя Цезарю Сенатомъ, нельзя удержаться отъ мысли, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ предложенныхъ Цицерономъ, скрывалось что-то ироническое, или, можетъ быть, важнѣйшее намѣреніе сдѣлать его ненавистнымъ. Флоръ весьма хорошо выражаетъ эту мысль, говоря, что такими знаками почестей Цезаря украшали какъ жертву, назначенную на закланіе *). Какъ сильна была партія нетерпѣвшихъ монархической власти—это показала междоусобная война. Цезарь пощадилъ большую часть своихъ враговъ и въ благородной увѣренности, что они не будутъ неблагодарны и поймутъ, что для государства полезнѣе всего, если онъ удержитъ верховную власть, не окружалъ себя тѣлохранителями. Но явнымъ стремленіемъ къ полученію имени царя онъ коснулся самой нѣжной струны на-

*) Flor. lib. IV, cap. 2: Quae omnia, velut infulae, in destinatam morti victimam congerebantur.

ціональнаго храктера Римлянъ; все, что еще оставалось отъ республиканской гордости, возстало при мысли о царѣ, и эти элементы долженствовали быть для Цезаря тѣмъ опаснѣе, что они господствовали между его друзьями и въ кругу приближеннѣйшихъ къ нему особъ. Около 57 аристократовъ пристали къ К. Кассію и къ обоимъ Брутамъ, Марку и Дециму, для освобожденія государства, какъ они выражались, отъ тиранніи Цезаря. Когда Цезарь сталъ наконецъ принимать Сенатъ сидя, и когда узнали, что онъ потребовалъ себѣ царскаго достоинства внѣ предѣловъ Италіи, считая за нужное для предстоявшаго похода противъ Пареянъ и для прочнаго утвержденія своего вліянія на востокѣ имѣть царскую власть, то заговорщики положили убить его непремѣнно. Но въ жару изступленія они заботились только объ одномъ совершеніи сего дѣла, а что должно быть послѣ, о томъ никто и не думалъ. Они не могли даже рѣшиться умертвить вмѣстѣ съ нимъ искреннѣйшаго друга его и товарища по консульству М. Антонія, и между тѣмъ главное дѣло состояло именно въ томъ, чтобы напередъ вычислить и устранить всѣ препятствія, могшія по смерти Цезаря преградить имъ путь *). Цезаря предостерегали со многихъ сторонъ, но онъ полагался на свое счастіе; вѣруя въ фатализмъ — обыкновенное свойство великихъ людей—онъ пренебрегъ всякою предосторожностью, будучи убѣжденъ, что не умретъ прежде назначеннаго судьбою времени, и что если часъ его насталъ, то никакая человѣческая предусмотрительность не можетъ его отвратить. Въ самый день его умерщвленія, въ мартовскія иды (15 ч.) 44 г., когда онъ шелъ въ Курію, нѣкто подалъ ему письмо, въ которомъ означены были намѣреніе и имена заговорщиковъ, но онъ не читавъ положилъ его въ карманъ **). Вошедши въ Сенатъ едва

*) Цицеронъ во второй Филиппикѣ (cap. 14) говоритъ, что если бы онъ былъ въ заговорѣ, то преимущественно настоялъ бы на умерщвленіи Антонія: si fuissem in illo numero, non solum regem, sed regnum etiam de republica sustulissem, et si meus stylus ille fuisset, ut dicitur, mihi crede, non solum unum actum, sed totam fabulam confecissem.

**) Плутархъ (Caes. cap. 63) разсказываетъ, что Цезарь при

только онъ занялъ свое мѣсто, какъ заговорщики подъ видомъ подкрѣпленія просьбы Туллія Цимбра о помилованіи его брата обступили его со всѣхъ сторонъ, и когда онъ отказалъ имъ, то Каска первый нанесъ ему сзади ударъ кинжаломъ въ затылокъ, за нимъ извлекли свои кинжалы и прочіе заговорщики. Цезарь, видя неизбѣжную смерть, завернулся въ плащъ и, не сказавъ ни слова, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія къ своей защитѣ, принялъ двадцать три удара и палъ бездыханный *).

Умерщвленіе Цезаря было для Рима великимъ несчастіемъ: ибо тотчасъ оказалось, какъ ошиблись изступленные республиканцы, думая, что, низвергнувъ Цезаря, они тотчасъ возстановятъ и всѣ прежнія устройства формы государства. Дѣло было совершено такъ необдумано, что заговорщики по исполненіи его не знали сами, что имъ дѣлать. Сенатъ, бывшій свидѣтелемъ убійства, въ ужасѣ разбѣжался изъ Куріи, народъ заперся въ домахъ и при провозглашеніи свободы нисколько не показалъ энтузіасма, какъ они того ожидали. Но законная правительственная власть была въ рукахъ М. Лепида, начальника всадниковъ, и М. Антонія, товарища Цезарева по кон-

входѣ въ Курію, обратившись къ одному предвѣщателю, который предостерегалъ его отъ мартовскихъ идъ, сказалъ: *Αἱ μὲν δὴ Μάρτιαι Εἶδοι πάρεισιν*, (т. е. Вѣдь мартовскія иды уже наступили.) и тотъ отвѣчалъ ему: *Ναὶ πάρεισιν, ἀλλ' οὐ παρεληλύθασι.* (т. е. Да, наступили, но не прошли.)

*) Самое простое и достовѣрное описаніе умерщвленія Цезаря находится у Светонія (in Caes. cap. 82): Utque animadvertit, undique se strictis pugionibus peti, toga caput obvolvit; simul sinistra manu sinum ad ima crura deduxit, quo honestius caderet, etiam inferiore corporis parte velata. Atque ita tribus et viginti plagis confossus est, uno modo ad primum ictum gemitu sine voce edito. Etsi tradiderunt quidam, M. Bruto irruenti dixisse: *καὶ σὺ εἶ ἐκείνων, καὶ σὺ τέκνον.* (т. е. И ты изъ нихъ, и ты, дитя мое!)

сульству. И такъ заговорщики вооружили рабовъ и гладіаторовъ и заняли Капитолій; Лепидъ напротивъ ввелъ въ городъ войска, которымъ Цезарь назначилъ постоянныя квартиры на одномъ изъ острововъ Тибра. Безпорядки и анархія увеличились еще болѣе, когда Антоній при погребеніи Цезаря сильною рѣчью и чтеніемъ Цезарева завѣщанія до того раздражилъ народъ, что онъ угрожалъ сжечь домы убійцъ. Въ сей критическій моментъ, когда междоусобная война повидимому должна была открыться въ самомъ городѣ, явился посредникомъ Цицеронъ и своими усиліями успѣлъ доставить государству на короткое время успокоеніе. Послѣ сего, чтобы ослабить Антонія, Цицеронъ возвысилъ внука Цезарева, усыновленнаго и объявленнаго имъ наслѣдникомъ, *К. Октавія* *): но сей молодой человѣкъ не допустилъ, какъ того надѣялся Цицеронъ, управлять собою, какъ страдательнымъ орудіемъ, напротивъ, утвердивъ свое положеніе въ государствѣ и вмѣстѣ съ наслѣдствомъ и именемъ Цезаря принявъ на себя обязанность отмстить за смерть своего названнаго отца, онъ естественно соединился съ старыми друзьями его, Антоніемъ и Лепидомъ, противъ его убійцъ. Такимъ образомъ въ слѣдствіе сихъ запутанныхъ отношеній снова возникли обѣ партіи, которыя уже однажды рѣшили

*) Юлія, сестра Цезаря, въ замужствѣ за М. Атціемъ Балбомъ имѣла дочь *Атцію,* которая слѣд. была Цезарю племянница; она вышла замужъ за К. Октавія и 22-го сентября 63 года родила К. Октавія (M. Tullio Cicerone et Antonio consulibus IX Kal. octobres), котораго Цезарь усыновилъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Юный Октавій до смерти Цезаря жилъ въ Аполлоніи. См. Sueton. Octav. Aug. cap. 1—9.

оружіемъ свое дѣло, партія древняго образа правленія, подъ предводительствомъ Брута и Кассія, и партія преобразованія государства, къ исполненію чего между М. Антоніемъ, М. Лепидомъ и Цезаремъ Октавіаномъ, какъ назывался К. Октавій по своемъ усыновленіи, составился новый тріумвиратъ.

Постоянною политикою Цицерона было подчинять выгоды партій выгодамъ государственнымъ. Во время кризиса, предшествовавшаго междоусобной войнѣ между Цезаремъ и Помпеемъ, онъ былъ намѣстникомъ въ Киликіи; изъ сей провинціи, которою онъ управлялъ образцово, онъ возвратился въ Римъ въ то самое время, когда все предвѣщало близость войны, и употребилъ всѣ усилія для отвращенія сего несчастія. Но ни его предостереженія, ни примирительныя предложенія, ни убѣдительныя слова: Nihil esse bello civili miserius, не могли остановить неизбѣжное зло, и прежде, нежели онъ объявилъ, какой стороны намѣренъ держаться, Цезарь выступилъ уже противъ Рима, и Помпей принужденъ былъ оставить Италію. Цицеронъ остался въ Римѣ, колеблясь между обѣими партіями, пока Цезарь не вступилъ въ городъ. Тогда считая дальнѣйшее медленіе объявленіемъ для себя опаснымъ, а неутралитетъ недостойнымъ, онъ согласно съ постоянными своими доселѣ правилами присталъ къ Помпею и не оставлялъ его до Фарсальской битвы, впрочемъ не принимая непосредственнаго участія въ событіяхъ. Онъ показывалъ даже нѣкоторую холодность, такъ, что приверженцы Помпея стали смотрѣть на него съ недовѣрчивостію, и безъ заступленія Катона онъ навѣрно сдѣлался бы жертвою ихъ подозрительности. Естественно это ускорило его переходъ на сторону Цезаря; впрочемъ онъ сколько возможно удалялся отъ государственныхъ дѣлъ и жилъ въ своемъ Тускуланскомъ помѣстьи, и сему досугу мы обязаны нѣкоторыми изъ превосходнѣйшихъ его философскихъ сочиненій. Умерщвленіе Цезаря вызвало его еще разъ на сцену Исторіи; согласно съ

своею политикою и характеромъ онъ явился посредникомъ между обѣими партіями и рѣчью de pace, которой главныя положенія сохранены Діономъ Кассіемъ, убѣдилъ объявить амнестію, и раздѣленіемъ провинцій удовлетворить обѣ стороны. Но это примиреніе было только на время. Уже въ Апрѣлѣ и Маѣ Антоній ѣздилъ по Италіи и вступалъ въ связи съ поселенными здѣсь Цезаревыми ветеранами. Послѣ сего они въ такомъ множествѣ собрались въ городѣ и его окрестностяхъ, что Брутъ, Кассій и прочіе убійцы Цезаря, не считая болѣе свое пребываніе въ Римѣ безопаснымъ, оставили городъ и такимъ образомъ очистили Антонію поле, который теперь повелѣлъ Сенату дать силу законовъ всѣмъ распоряженіямъ Цезаря, какъ тѣмъ, которыя онъ сдѣлалъ еще при жизни, такъ и тѣмъ, которыя можетъ быть найдутся послѣ его смерти. Такъ какъ онъ взялъ всѣ бумаги Цезаря къ себѣ на разсмотрѣніе, то, опираясь на опредѣленіи Сената, могъ дѣлать какія угодно учрежденія, подъ предлогомъ, что такъ найдено въ бумагахъ Цезаря. Цицеронъ горько жалуется на это, говоря, что хотя царь и умеръ, однако, не смотря на то, государство все еще должно выполнять всѣ его мановенія *). И такъ въ оппозицію Антонію Цицеронъ старался возвысить внука Цезарева, девятнадцати-лѣтняго Октавія, который въ Сентябрѣ прибылъ въ Римъ; онъ надѣялся, пользуясь вліяніемъ юнаго Цезаря на народъ и на ветерановъ его названнаго отца, низвергнуть Антонія, а потомъ низложить и его. Но Цицеронъ, расчитывая въ своемъ планѣ на незначительность Октавія, упустилъ изъ виду то, что этотъ юноша, не смотря на свою молодость, былъ человѣкъ, который не позволитъ употреблять себя, какъ машину. Дѣла находились въ такомъ положеніи: Антоній, чтобы быть близъ города, взялъ себѣ провинцію Цизальпинскую Галлію, хотя Децимъ Брутъ, которому она сначала была назначена, вступилъ уже въ управленіе ею; въ

*) Cic. epp. ad. div. lib. XII, ep. 1. Людей, возвышенныхъ въ слѣдствіе оставленныхъ Цезаремъ распоряженій, въ насмѣшку называли *Orcinos* или *Χαρωνίτας*. *Plut*, Anton. cap. 15. *Sueton*. Octav. Aug. cap. 35.

то же время онъ настоялъ, чтобы Македонія отдана была брату его Кайю и другу Долабеллѣ Сирія, желая такимъ образомъ соединить въ своихъ рукахъ всю военную силу государства. Брутъ и Кассій вооружались на Востокѣ, между тѣмъ, какъ Антоній выступилъ въ Цизальпинскую Галлію съ цѣлію выгнать оттуда Децима Брута оружіемъ; но часть войска и особенно ветераны оставили его и пристали къ Октавію, и сей послѣдній, не облеченный никакою должностію и находясь въ такомъ возрастѣ, когда еще не могъ занимать государственныхъ мѣстъ, сдѣлался предводителемъ войска. При такихъ угрожающихъ обстоятельствахъ начался 43-й годъ, на который А. Гирцій и Вибій Панза были избраны консулами. Такъ какъ Антоній осаждалъ въ городѣ Мутинѣ Дец. Брута, то Цицеронъ сильными рѣчами, названными имъ самимъ Филиппиками, убѣдилъ Сенатъ объявить Антонія врагомъ республики и поручить обоимъ консуламъ вмѣстѣ съ юнымъ Октавіемъ, который былъ облеченъ пропреторскою властію, вести противъ него войну. Антоній хотя и былъ послѣ сего при Мутинѣ разбитъ и принужденъ къ бѣгству въ Трансальпинскую Галлію, однако и оба консула, опасно раненые, недолго пережили побѣду, и смерть ихъ произвела въ положеніи дѣлъ существенную перемѣну. Между тѣмъ какъ Антоній, удалившись въ Трансальпинскую Галлію и склонивъ тамъ на свою сторону армію Лепида, выступилъ снова, предводительствуя 17-ю легіонами, Сенатъ прервалъ связи съ Октавіемъ. Сенатъ, думая, что теперь самое благопріятное время лишить его власти, возвысилъ Цезаревыхъ убійцъ и враговъ. Брутъ и Кассій были утверждены въ назначенныхъ имъ провинціяхъ, и Сексту Помпею, оставившему убѣжище, въ которомъ онъ скрывался со времени Мундской битвы, вручено главное начальство надъ морскими силами. Но Октавій былъ не такой человѣкъ, чтобы позволилъ безъ дальнѣйшаго спора удалить себя: онъ потребовалъ отъ Сената консульства и предложилъ это требованіе чрезъ военную депутацію. Когда Сенатъ отказалъ, то центуріонъ, бывшій главою посольства, ударивъ объ свой мечъ, воскликнулъ: Hic faciet, si vos non feceritis. И эта угроза

была исполнена: Октавій двинулся къ Риму, и Сенатъ для примиренія съ нимъ долженъ былъ вручить ему консульство и во всемъ подчиниться его волѣ. По полученіи отъ народа подтвержденія своему усыновленію и по принятіи имени *К. Юлія Цезаря Октавіана* первымъ дѣломъ его было розыскиваніе судебнымъ порядкомъ убійцъ своего отца и призваніе ихъ къ суду; когда, разумѣется, никто изъ нихъ не явился, то они были осуждены. Но такъ какъ исполнить сей приговоръ возможно было только вооруженною рукою, то нѣтъ ничего естественнѣе, что Цезарь Октавіанъ сблизился съ друзьями своего отца, Антоніемъ и Лепидомъ, и началъ за одно съ ними дѣйствовать противъ его убійцъ. Недалеко отъ Болоньи на небольшомъ островкѣ, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ, потому что мелкія рѣчки здѣсь почти ежегодно перемѣняютъ свое русло, произошло примѣчательное свиданіе сихъ трехъ мужей; уже здѣсь главными лицами были Антоній и Цезарь, а Лепидъ принялъ на себя только роль посредника. Послѣ двудневныхъ переговоровъ 27 Ноября 43 г. они заключили союзъ, въ слѣдствіе котораго подъ именемъ Triumviri reipublicae constituendae consulari potestate самовольно присвоили себѣ высшую государственную власть и тотчасъ воспользовались сю для раздѣленія между собою провинцій.

Проскрипціями богатыхъ и республиканцевъ тріумвиры доставили себѣ средства, чѣмъ удовлетворить солдатъ и покрыть военныя издержки; между тѣмъ какъ ихъ противники, чтобы быть въ состояніи выставить большое войско, прибѣгли къ столь же насильственнымъ мѣрамъ на Востокѣ. Переходъ республиканскаго войска изъ Азіи въ Европу заставилъ также и тріумвировъ оставить Италію; рѣшеніе послѣдовало въ Македоніи при Филиппахъ въ двухъ сраженіяхъ, и нельзя не удивляться странной игрѣ судьбы: въ первомъ для республиканской арміи была так-

же пагубна побѣда, какъ во второмъ—пораженіе. Со смертію обоихъ вождей и вся республиканская партія разсѣялась.

Тріумвиры схватились за страшное орудіе — проскрипціи, не только для того, чтобы собрать денегъ, но также, чтобы освободиться отъ всѣхъ враговъ и многихъ малодушныхъ и двусмысленныхъ друзей. Въ проскрипціонные листы, составленные предварительно, были внесены имена 300 Сенаторовъ, 2000 богатыхъ, особенно всадниковъ, и весьма многихъ изъ прочихъ сословій; для доказательства взаимной искренности, каждый изъ тріумвировъ въ тоже время пожертвовалъ для другаго однимъ изъ своихъ родственниковъ или друзей, Антоній своимъ дядею — Луціемъ, Лепидъ — братомъ Павломъ и Цезарь Октавіанъ — Цицерономъ, которому былъ обязанъ первымъ своимъ возвышеніемъ. По вступленіи въ Римъ тріумвиры заставили народъ подтвердить за собою похищенную власть и обнародовали манифестъ, въ коромъ старались оправдать свое поведеніе. Вмѣстѣ съ манифестомъ явились и проскрипціонные списки и начались убійства солдатъ, какихъ міръ доселѣ еще не видалъ. Можетъ ли что лучше и короче характеризовать всѣ ужасы свирѣпствовавшаго тогда въ Римѣ терроризма, какъ эдиктъ, которымъ подъ страхомъ смертной казни запрещалось плакать и носить трауръ? Въ числѣ жертвъ сего страшнаго времени погибъ и Цицеронъ, умерщвленный 7 Декабря 43 года въ своемъ помѣстьи *). Между тѣмъ собранныхъ проскрипціями

*) Въ книгѣ II, гл. 66 *Веллейя Патеркула* находится слѣдующее прекрасное мѣсто объ умерщвленіи Цицерона: Nihil tam indignum eo tempore fuit, quam quod Cicero proscriptus est, abscissaque scelere Antonii vox publica est, cum ejus salutem nemo defendisset, qui per tot annos et publicam civitatis et privatam civium defenderat. Nihil tamen egisti, M. Antoni, (cogit enim excedere propositi formam operis erumpens animo ac pectore indignatio), nihil inquam egisti mercedem coelestissimi oris et clarissimi capitis abscissi numerando, auctoramentoque funebri ad conservatoris quondam reipublicae tantique consulis irritando necem. Rapuisti tu M. Ciceroni lucem sollicitam et vitam miseriorem te principe, quam sub te triumviro mortem: famam vero glori-

имѣній не было достаточно для удовлетворенія солдатъ и для военныхъ издержекъ, особенно когда Антоній, который и прежде велъ расточительную жизнь, не зналъ теперь въ своихъ тратахъ ни мѣры, ни цѣли. Посему тріумвиры принуждены были не только издать новую проскрипцію, но и наложить неслыханныя подати; они потребовали отъ каждаго богатаго весь годовой доходъ его и пятидесятую часть всего имѣнія, кромѣ того разграбили храмы, такъ что священнѣйшій въ Римѣ храмъ Весты не былъ больше безопаснымъ хранилищемъ положенныхъ въ немъ денегъ. Брутъ и Кассій, вожди республиканской партіи, къ которымъ бѣжали всѣ спасшіеся отъ тріумвирскихъ проскрипцій, въ то же время съ такими же насиліями вооружались на Востокѣ. Брутъ производилъ ужасныя притѣсненія въ Ликіи, истребилъ городъ Ксантъ со всѣмъ его народонаселеніемъ, между тѣмъ какъ Кассій рушилъ благосостояніе торговой республики Родоса за то, что осторожные Родосцы хотѣли не прежде, какъ по окончаніи войны, объявить, чьей стороны намѣрены держаться, и только побѣдителю открыть свои кошельки. При извѣстіи о переходѣ республиканскаго войска въ Европу въ 42 г. Антоній съ Цезаремъ тотчасъ выступили въ Грецію и товарища своего Лепида оставили въ Римѣ. Они хотѣли сперва преградить своимъ противникамъ дорогу въ Македонію, но когда они нашли себѣ другіе проходы, то при Филиппахъ послѣдовали два рѣшительныя сраженія. Первое выиграли республиканцы и они могли бы сдѣлать свою побѣду рѣшительною, если бы Кассій, обманутый своею близорукостью, считая все потеряннымъ, съ отчаянія не лишилъ себя жизни. Его смерть по своему нравственному дѣйствію превратила побѣду республиканцевъ въ полупораженіе;

amque factorum atque dictorum adeo non abstulisti, ut auxeris. Vivit vivetque per omnium seculorum memoriam. Dumque hoc vel forte vel providentia vel utcumque constitutum rerum naturae corpus, quod ille poene solus Romanorum animo vidit, ingenio complexus est, eloquentia illuminavit, manebit incolume, comitem aevi sui laudem Ciceronis trahet, omnisque posteritas illius in te scripta mirabitur, tuum in eum factum execrabitur, citiusque in mundo genus humanum, quam hujus nomen cadet.

во второмъ сраженіи, данномъ чрезъ двадцать дней, Антоній и Цезарь Октавіанъ остались побѣдителями. Брутъ также прекратилъ свою жизнь самоубійствомъ; его войско частію было разсѣяно, частію перешло къ побѣдителю, такъ что со смертію обоихъ вождей пали послѣднія опоры республики.

Послѣ побѣды Октавіанъ и Антоній раздѣлили между собою Римскія владѣнія съ явнымъ устраненіемъ своего товарища Лепида; ибо въ то время, какъ Антоній взялъ себѣ Востокъ, а Октавіанъ Западъ, Лепидъ долженъ былъ довольствоваться Африкою. Но Лепидъ и Секстъ Помпей, господствовавшій на морѣ и избравшій главнымъ пунктомъ своихъ силъ островъ Сицилію, все еще составляли между ними среднее звено, и чтобъ снова могъ образоваться дуумвиратъ и между членами его могла открыться война за единовластіе, надобно было сперва уничтожить ихъ. Въ такихъ отношеніяхъ хитрѣйшій долженъ былъ наконецъ удержать за собою поле, а кто былъ хитрѣе Цезаря Октавіана, который въ самомъ раннемъ возрастѣ показалъ мудрость, дѣлающую его почти совершенно необыкновеннымъ явленіемъ. Дальновидность и тонкая смѣтливость Цезаря видны уже изъ самаго раздѣла провинцій; ибо между тѣмъ какъ Антоній принялъ на себя ненавистную должность преслѣдовать и наказывать противную партію на Востокѣ, онъ избралъ полезнѣйшее порученіе роздать награды ветеранамъ. Мало людей, о которыхъ было бы больше различныхъ сужденій, какъ о Цезарѣ Октавіанѣ; но всѣ сужденія согласны въ томъ, что не возможно было найти характеръ способнѣйшій поставить Римъ въ по-

ложеніе, котораго требовали обстоятельства. Если онъ и не имѣлъ талантовъ Антонія, за то былъ чуждъ и его чувственности и пылкихъ страстей, и недостатокъ въ собственныхъ талантахъ замѣнилъ отличными людьми, которыхъ умѣлъ такъ тѣсно привязать къ своимъ интересамъ, что они готовы были исполнять всѣ его желанія. Въ *М. Випсаніи Агриппѣ* онъ нашелъ отличнаго полководца, въ *Меценатѣ* искуснаго политика и въ обоихъ столь искреннихъ друзей, что могъ совершенно на нихъ положиться. Вотъ почему онъ получилъ перевѣсъ надъ Антоніемъ, который, будучи очарованъ прелестями Клеопатры, пропускалъ самыя благопріятныя обстоятельства, не пользуясь ими. Побѣдивъ Помпея и низложивъ Лепида, Цезарь Октавіанъ явился предводителемъ сильной сухопутной арміи и хорошо обученнаго военнаго флота: пріучилъ ихъ къ побѣдамъ и привязалъ къ своей особѣ, въ то время, какъ Антоній, утопая въ роскоши Египетской столицы, притуплялъ душевныя силы, постыдною связью съ Клеопатрою терялъ общественное уваженіе и безславнымъ походомъ противъ Парѳянъ запятналъ честь своего оружія. Уже до открытія войны Цезарь Октавіанъ имѣлъ перевѣсъ надъ своимъ противникомъ, и когда въ 32 г. дѣло дошло до войны, онъ доказалъ это рѣшительною побѣдою въ *морской битвѣ при Акціумѣ* въ 31 г., въ слѣдствіе которой Антоній и Клеопатра лишили себя жизни, и Октавіанъ сдѣлался единовластнымъ повелителемъ всѣхъ Римскихъ владѣній, увеличенныхъ еще присоединеніемъ Египта.

Антоній тотчасъ по прибытіи въ Азію покорился своей чувственности. Онъ призвалъ къ себѣ на судъ царицу Египетскую Клеопатру для оправданія въ томъ, что она доставляла вспомогательныя войска республиканской арміи. Клеопатра прибыла къ нему въ Киликію; она хотя и постарѣла, однако нисколько не потеряла своихъ прелестей и явившись предъ нимъ въ фантастическомъ уборѣ Афродиты, окруженной амурами, такъ очаровала его, что онъ тутъ же сдѣлался ея рабомъ. Онъ проѣхалъ съ нею Сирію и Палестину. Въ сей послѣдней странѣ, хотя первосвященническимъ достоинствомъ все еще былъ облеченъ поставленный Помпеемъ Гирканъ, однако настоящая власть, не смотря на неудовольствіе Іудеевъ и особенно Фарисеевъ, находилась въ рукахъ сына Идумеянина Антипатра, Ирода, который былъ женатъ на Маккавейской принцессѣ Маріамнѣ. Фарисейская партія обратилась съ жалобами на него къ Антонію; но Иродъ уже предупредилъ своихъ враговъ; — будучи смѣлъ и ловокъ, онъ явился къ Антонію и пріобрѣлъ его расположеніе. Такъ какъ и первосвященникъ Гирканъ далъ ему самую лучшую рекомендацію, то Антоній поставилъ его вмѣстѣ съ братомъ его Фасаиломъ, подъ именемъ тетрарховъ, правителями Іудейскаго царства. Знатнѣйшіе изъ Фарисеевъ, изъявившихъ неудовольствіе на это распоряженіе, по повелѣнію Антонія были лишены свободы и потомъ казнены. Послѣ сего Антоній отправился съ Клеопатрою въ Александрію, и тамъ въ объятіяхъ царицы и среди удовольствій Египетской столицы забылъ обязанности, которыя налагало на него занимаемое имъ мѣсто. Между тѣмъ Октавіанъ при выполненіи возложеннаго на него дѣла дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ, что все, что было ненавистнаго въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ, умѣлъ приписать Антонію, и все полезное отнести къ себѣ; такъ самыя лучшія изъ помѣстьевъ, отнятыхъ у законныхъ владѣльцевъ, получили его друзья и приверженцы. Луцій Антоній, братъ тріумвира, въ то время (41 г.), какъ Октавіанъ такъ самовластно распоряжался, былъ консуломъ; онъ, считая права свои и своего брата нарушенными, соединившись съ супругою М. Антонія

Фульвіею, вступилъ съ нимъ въ сильную распрю. Въ жару раздора Луцій объявилъ себя республиканцемъ и собралъ вокругъ себя всѣхъ еще остававшихся въ живыхъ приверженцевъ прежняго образа правленія. Но Октавіанъ принудилъ его бѣжать изъ Рима и, заключивъ въ Перузіи, отрѣзалъ отъ всякаго сообщенія съ Секстомъ Помпеемъ. Эта такъ называемая *Перузинская война* продолжалась отъ конца 41 года до Апрѣля 40 г. Городъ Перузія по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ долженъ былъ сдаться, и Октавіанъ, пользуясь симъ обстоятельствомъ, еще болѣе ослабилъ республиканскую партію, умертвивъ всѣхъ попавшихся къ нему въ руки принадлежавшихъ къ ней знатныхъ *). Фульвія успѣла скрыться, но на пути къ супругу въ Сикіонѣ умерла. При извѣстіи объ этихъ событіяхъ Антоній пробудился отъ усыпленія и самъ поспѣшилъ въ Италію. Повидимому онъ имѣлъ намѣреніе вступить въ союзъ противъ Октавіана съ Секстомъ Помпеемъ, но общіе друзья обоихъ тріумвировъ успѣли примирить ихъ: по договору, заключенному въ Брундузіумѣ, они снова раздѣлили Римскія владѣнія и положили границею между своими частями, начиная отъ Скодры въ Иллиріи, Іонійское Море; Лепидъ по прежнему долженъ былъ довольствоваться одною Африкою. Въ то же время для утвержденія прочнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ взаимнаго согласія, Антоній женился на старшей сестрѣ

*) Между приверженцами Л. Антонія, успѣвшими бѣжать изъ Перузіи, находился Тиверій Клавдій Неронъ съ своею супругою Ливіею и двухлѣтнимъ сыномъ, будущимъ императоромъ Тиберіемъ. Такъ какъ Ливія вскорѣ послѣ того сдѣлалась супругою Августа, то *Веллей Патеркулъ* замѣчаетъ: Quis fortunæ mutationes, quis dubios rerum humanarum casus satis mirari queat? Quis non diversa præsentibus contrariaque expectatis aut speret aut timeat? Livia, nobilissimi ac fortissimi viri Drusi Claudiani filia, genere, probitate, forma Romanarum eminentissima, quam postea conjugem Augusti vidimus, tum fugiens mox futuri sui Caesaris arma, vix bimum hunc Tib. Caesarem, vindicem Romani imperii, futurumque ejusdem Caesaris filium, gestans sinu, per avia itinerum vitatis militum gladiis uno comitante, quo facilius occultaretur, fuga pervenit ad mare, et cum viro Nerone pervecta in Siciliam est.

Октавіана, вдовѣ Марцелла, Октавіи старшей *), хотя можно было предвидѣть, что сладострастный и распутный Антоній пожертвуетъ этою добродѣтельною женщиною своей любовницѣ Клеопатрѣ. Такъ какъ Секстъ Помпей господствовалъ на морѣ и отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Риму, то тріумвиры должны были искать примиренія и съ нимъ; съ этою цѣлію въ 39 г. при мысѣ Мизенумѣ они имѣли съ нимъ свиданіе**) и заключили договоръ, по которому острова Сицилія, Сардинія и Корсика были за нимъ оставлены и также обѣщанъ Пелопоннезъ. Впрочемъ сего послѣдняго Антоній не оставлялъ подъ предлогомъ, что еще долженъ многое вытребовать съ жителей, и, не кончивъ съ ними, не можетъ вывести своихъ гарнизоновъ. Доколѣ Помпей и Лепидъ имѣли значительную силу, между обоими главами Римскаго государства рѣшительная борьба была невозможна; чтобы имѣть имъ открытое поприще, сперва надлежало устранить эти препятствія. Помпей обѣщалъ прекратить всѣ морскіе разбои, но и при самомъ искреннемъ желаніи онъ не могъ всегда обуздывать своихъ моряковъ, частію состоявшихъ изъ

*) Plut. vit. Anton. cap. 31: *Ὀκταβία γὰρ ἦν ἀδελφὴ πρεσβυτέρα μὲν, οὐχ ὁμομητρία δὲ Καίσαρι. ἐγεγόνει γὰρ ἐξ Ἀγχαρίας, ὁ δὲ ὕστερον ἐξ Ἀττίας. Ἔστεργε δ' ὑπερφυῶς τὴν ἀδελφὴν, χρῆμα θαυμαστὸν, ὡς λέγεται, γυναικὸς γενομένην. Αὐτὴ Γαΐου Μαρκέλλου, τοῦ γήμαντος αὐτὴν, οὐ πάλαι τεθνηκότος, ἐχήρευεν.* (т. е. Октавія была старшая сестра Цезаря, но не отъ одной съ нимъ матери, ибо она родилась отъ Анхаріи, онъ же потомъ отъ Атціи. Онъ чрезвычайно любилъ сестру, которая, какъ говорятъ, была удивительная женщина. Она была вдовою, потому что ея мужъ, Кай Марцеллъ, недавно умеръ).

**) Когда Помпей угощалъ тріумвировъ на бортѣ своего корабля, то Менасъ тихо сказалъ ему: *Βούλει, φησὶ, τὰς ἀγκόρας τῆς νεὼς ὑπτέμω, καὶ ποιήσω σε μὴ Σικελίας καὶ Σαρδόνος ἀλλὰ τῆς Ῥωμαίων κύριον ἡγεμονίας; ὁ δὲ Πομπήϊος ἀκούσας καὶ πρὸς αὐτῷ γενόμενος βραχὺν χρόνον, Ἔδει σε, φησὶν, ὦ Μηνᾶ, τοῦτ' ἐμοὶ μὴ προσειπόντα ποιῆσαι. νυνὶ δὲ τὰ πάροντα στέργωμεν. ἐπιορκεῖν γὰρ οὐκ ἐμόν.* (т. е. Хочешь, сказалъ онъ, я отрѣжу якорь у корабля и сдѣлаю тебя повелителемъ не Сициліи и Сардиніи, но всей имперіи Римлянъ. Помпей же, выслушавъ и подумавъ короткое время, сказалъ: Менасъ! тебѣ бы должно было это сдѣлать, не говоря мнѣ, теперь же покоримся обстоятельствамъ; ибо мнѣ не прилично измѣнять клятвѣ). Plut. Anton. cap. 32.

бѣглыхъ рабовъ, и по сему далъ Октавіану поводъ къ жалобамъ и справедливую причину къ войнѣ. Открывшаяся между ними въ 38 году война сначала была для Октавіана весьма несчастна: онъ потерялъ большую часть своего флота. При недостаткѣ въ деньгахъ для построенія новыхъ кораблей и при неудовольствіи, обнаружившемся въ Римѣ за голодъ, происшедшій по случаю этой войны, Антонію въ союзѣ съ Помпеемъ возможно бы было подавить Октавіана. Антоній въ самомъ дѣлѣ въ 36 г. прибылъ въ Тарентъ, но, склонясь на убѣжденія Октавіи и представленія Мецената и Агриппы, рѣшился помогать Октавіану противъ Помпея. Оба тріумвира помѣнялись своими силами: за 20,000 сухопутныхъ войскъ Октавіанъ получилъ 120 военныхъ кораблей и, присоединивъ къ нимъ еще построенные Агриппою, напалъ на Помпея на морѣ, между тѣмъ какъ Лепидъ переправлялъ изъ Африки въ Сицилію сухопутныя войска. Къ превосходству въ силахъ, съ которыми Помпей долженъ былъ бороться, присоединилась еще измѣна адмирала его Менаса; въ морскомъ сраженіи при Милахъ въ 36 году онъ былъ разбитъ и съ немногими оставшимися у него кораблями бѣжалъ въ Азію, но тамъ попалъ въ руки къ посланному противъ него Антоніемъ II. Тицію и былъ по повелѣнію его умерщвленъ. Послѣ бѣгства Помпеева сухопутныя войска его соединились съ легіонами Лепида, который въ сознаніи пріобрѣтенной такимъ образомъ силы и значенія думалъ, что можетъ принять теперь не столь покорный тонъ, и потребовалъ острова Сициліи для себя. Но только что Октавіанъ показался передъ лагеремъ Лепида, какъ подкупленные имъ солдаты съ орлами и знаменами перешли на его сторону, такъ, что Лепидъ теперь совершенно зависѣлъ отъ произвола побѣдителя. Съ униженіемъ, сдѣлавшимъ его презрѣннымъ въ глазахъ всѣхъ Римлянъ, онъ вымолилъ себѣ у Октавіана прощеніе, согласился лишиться своего достоинства и довольствоваться саномъ первосвященника. Въ то время, какъ Октавіанъ составилъ себѣ такимъ образомъ значительныя морскія и сухопутныя силы, Антоній въ войнѣ съ Пароянами потерпѣлъ неудачу. Парояне, возбужденные и частію

предводимые бѣжавшими къ нимъ Римлянами изъ республиканской партіи, сдѣлали вторженіе въ Сирію, но были легатомъ Антонія П. Вентидіемъ отражены. Завидуя славѣ своего легата, Антоній самъ въ 36 году принялъ начальство надъ войскомъ и по другой, нежели Крассъ, дорогѣ чрезъ Арменію и Мидію вторгнулся въ Пароянскія владѣнія. Пароянскій царь Ородъ I незадолго предъ тѣмъ былъ убитъ сыномъ своимъ Фрагатомъ, который, умертвивъ также 30 своихъ братьевъ, открылъ себѣ путь къ престолу и подъ именемъ *Фрагата IV*, или *Арзака XV* принялъ правленіе. Впрочемъ Антоній не былъ счастливѣе Красса. Съ большимъ трудомъ онъ избѣжалъ одинакой съ нимъ участи и отъ своего отличнаго и многочисленнаго войска привелъ назадъ только малые остатки. Чтобы отклонить отъ себя стыдъ пораженія, Антоній сложилъ всю вину на Артавазда, царя Армянскаго, и въ 34 году непріятельски напалъ на его землю, взялъ царя въ столицѣ въ плѣнъ и въ тріумфѣ отвелъ его въ Александрію, а царство его подарилъ одному изъ сыновей Клеопатры. Поведеніе Антонія въ отношеніи къ своей супругѣ Октавіи должно было непремѣнно произвесть между дуумвирами разрывъ, и такъ какъ Антоній притомъ самымъ безразсуднымъ образомъ поступалъ съ интересами государства, то доставилъ и право сторонѣ своего противника. Отвергнувъ добродѣтельную Октавію, онъ возвысилъ любовницу свою Клеопатру, присоединилъ къ Египту Ливію, Кипръ и Келосирію, велѣлъ провозгласить ея соправителемъ Цезаріона, прижитаго ею съ Цезаремъ, а другому сыну Птоломею отдалъ Финикію, Сирію и Киликію. Самые друзья Антонія въ Сенатѣ не могли долѣе отвѣчать на жалобы Октавіана. И такъ Сенатъ сдѣлалъ опредѣленіе, по которому Антоній долженъ былъ сложить начальство надъ Азіятскими войсками, и Клеопатрѣ объявлена война. Можно было предвидѣть, что Антоній не покорится сему опредѣленію, но будетъ смотрѣть на дѣло Клеопатры какъ на свое собственное. Съ великими силами водою и сухимъ путемъ въ 32 году Антоній прибылъ въ Грецію, между тѣмъ какъ его противникъ боролся еще съ препятствіями при сборѣ денегъ и войска въ истощенной Италіи. Но высокомѣ-

ріе, наполнявшее душу Антонія, не оставило его и въ эту рѣшительную минуту, когда по всей вѣроятности онъ могъ бы предупредить своего противника. Вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе итти въ Италію, онъ провелъ большую часть своего времени въ развратныхъ удовольствіяхъ въ Эфесѣ, Самосѣ и Аѳинахъ, и когда, не смотря на то, еще осенью достигъ береговъ Эпира, то остался здѣсь съ флотомъ и войскомъ на зимовку и такимъ образомъ далъ время Октавіану также переправить свое войско на Греческій берегъ. Въ слѣдующемъ (31) году оба войска стояли другъ противъ друга при Амбраційскомъ Заливѣ, а флоты при мысѣ Акціумѣ. Такъ какъ Антоній имѣлъ вдвое больше кораблей, то положилъ рѣшить дѣло морскимъ сраженіемъ, которое и послѣдовало 2-го Сентября 31 г., и побѣда, одержанная здѣсь Октавіемъ, была тѣмъ рѣшительнѣе, что Антоній, бросившись въ слѣдъ за бѣжавшею Клеопатрою, покинулъ свое сухопутное войско, не оставивъ ему даже никакихъ повелѣній. Легіоны семь дней напрасно ждали извѣстій отъ своего военачальника и потомъ или перешли къ Октавіану, или разсѣялись. Побѣдитель напротивъ поспѣшилъ въ Азію, и не встрѣтивъ тамъ нигдѣ сопротивленія,—въ Египетъ. Антоній, хотя и намѣревался защищаться въ Александріи, но Клеопатра, чувствуя, что его счастливая звѣзда закатилась навсегда, измѣнила ему и, чтобы освободиться отъ него, распустила ложный слухъ о своей смерти; при извѣстіи объ этомъ Антоній нанесъ себѣ смертельную рану и считалъ за величайшее счастіе, что могъ умереть у ногъ женщины, которая вовлекла его въ несчастіе и въ послѣдствіи вѣроломно оставила. Клеопатра надѣялась уловить въ свои сѣти и Октавіана, но при первомъ посѣщеніи его увидѣла, что въ этомъ холодномъ и расчетливомъ человѣкѣ невозможно возбудить никакой сильной страсти; она замѣтила, что всѣ распоряженія его клонятся къ тому, чтобы сдѣлать ее украшеніемъ своего тріумфа. Для избѣжанія сего позора она также лишила себя жизни *). Октавіанъ велѣлъ умертвить Цезаріона и

*) Касательно различныхъ извѣстій о родѣ смерти Клеопатры

Антонилла, изъ которыхъ первый, какъ сынъ Цезаря, а второй, какъ сынъ Антонія, по своему рожденію имѣли слишкомъ великія притязанія, чтобы могли безъ вреда ему оставаться въ живыхъ, и *обратилъ Египетъ въ Римскую провинцію.* Отсюда направилъ путь въ Азію черезъ Іудею. Послѣ того, какъ Парѳяне, вторгнувшись въ Сирію, овладѣли также Іерусалимомъ, увели первосвященника Гиркана, обрѣзавъ ему уши, въ плѣнъ, и владычество надъ страною доставили союзнику своему Антигону, сыну Аристовула II, здѣсь съ 39 года царствовалъ Иродъ. Съ помощію Римлянъ низвергнувъ Антигона, онъ былъ сдѣланъ ими царемъ Іудеи. Иродъ выкупилъ изъ плѣна тестя своего Гиркана, но такъ какъ онъ по причинѣ своего увѣчья не могъ больше занимать первосвященническое мѣсто, то Иродъ держалъ его, какъ частнаго человѣка, нѣкоторымъ образомъ подъ почетною стражею. Во время междоусобной войны Иродъ подобно всѣмъ Азіятскимъ владѣтелямъ принялъ сторону Антонія, но послѣ, явившись въ Родосъ къ побѣдителю для засвидѣтельствованія своего уваженія, умѣлъ такъ удовлетворительно оправдаться, что пріобрѣлъ полное его благоволеніе, и потомъ, когда сопровождалъ его въ Египетъ и самымъ ревностнымъ образомъ заботился о продовольствіи Римскаго войска на пути туда и обратно, Октавіанъ утвердилъ его въ царскомъ достоинствѣ. Иродъ теперь умертвилъ одного за другимъ всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ членовъ Маккавейскаго дома, даже супругу свою Маріамну и прижитыхъ съ нею дѣтей, и утвердилъ свою ненавистную для Іудеевъ власть на насиліи и тѣсномъ союзѣ съ Римлянами, которыхъ нравы и формы правленія старался ввести и въ Іудею. Это скоро должно было произвесть на Іудеевъ такое же дѣйствіе, какъ прежде подобное стремленіе Селевкидовъ: между ними и Римлянами должна была открыться борьба на жизнь и на смерть, но тогда только, когда всемірное назначеніе Іудейской націи совершенно исполнится и явленіемъ Іисуса Христа начнется новое откровеніе.

сравн. Плутарха (Anton. cap. 86), который весьма вѣрно говоритъ: τὸ δ' ἀληθὲς οὐδεὶς οἶδεν. (т. е. Истины же никто не знаетъ).

Октавіанъ при своемъ возвращеніи въ Римъ былъ принятъ какъ единодержавный властитель, и покорный Сенатъ осыпалъ его преимуществами, почестями и отличіями. Онъ безъ сопротивленія сдѣлался главою государства, потому что не было никого, кто бы могъ оспаривать у него первенство *). Сила, которую прежде дѣлилъ съ Антоніемъ и Лепидомъ, теперь онъ соединилъ въ своей особѣ, и положеніе его въ государствѣ было такъ твердо и безопасно, что невозможно, чтобъ онъ серьезно въ своемъ кабинетѣ или въ Сенатѣ говорилъ о сложеніи власти; такъ же мало зависѣло отъ его воли, какую форму дать государству, но самыя обстоятельства показывали ему дорогу, по которой онъ долженъ былъ итти. Онъ нѣкоторымъ образомъ прививалъ монархію къ республикѣ и сущность первой старался скрыть подъ формами послѣдней. Эта странная форма и чрезъ нее вкравшееся въ государственный бытъ притворство въ послѣдствіи часто обманывали какъ монарховъ, такъ и Сенатъ. Такъ напримѣръ

*) Нельзя вѣрнѣе и короче описать обстоятельствъ, при которыхъ Римъ подчинился монархической власти, какъ *Тацитъ* въ началѣ своихъ лѣтописей: Postquam, Bruto et Cassio caesis, nulla jam publica arma, Pompejus apud Siciliam oppressus, exutoque Lepido, interfecto Antonio ne Julianis quidem partibus nisi Caesar dux reliquus, posito triumviri nomine, consulem se ferens et ad tuendam plebem tribunitio jure contentum, ubi militem donis, populum annona, cunctos dulcedine otii pellexit, insurgere paulatim, munia senatus, magistratuum, legum in se trahere, nullo adversante, cum ferocissimi per acies aut proscriptione cecidissent, ceteri nobilium, quanto quis servitio promtior, opibus et honoribus extollerentur, ac novis ex rebus aucti tuta et praesentia, quam vetera et periculosa mallent. Neque provinciae illum rerum statum abnuebant, suspecto senatus populique imperio, ob certamina potentium et avaritiam magistratuum, invalido legum auxilio, quae vi, ambitu, postremo pecunia turbabantur.

Сенатъ неоднократно воображалъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣкогда, и монархъ, забывъ, что такая мысль и смѣшна, и недостойна вниманія, дѣлался завистливымъ и изъ зависти жестокимъ. Октавіанъ, или, какъ онъ съ 27 г. въ слѣдствіе сенатскаго опредѣленія назывался, *Августъ* *) отказался отъ предложенной ему диктатуры, но соединилъ въ своей особѣ слѣдующія власти: до 21 года онъ ежегодно занималъ консульскую должность, а съ этого времени удержалъ за собою навсегда potestatem consularem; далѣе онъ велѣлъ облечь себя potestate tribunitia, которая сдѣлала его особу священною и неприкосновенною и поставила его единственнымъ представителемъ народа. Praefectura morum, принятая имъ съ 19 года, доставила ему власть больше прежней цензорской; въ 19-мъ же году по смерти Лепида онъ сдѣланъ былъ великимъ первосвященникомъ и слѣдовательно пріобрѣлъ великое вліяніе, которое религія не переставала еще оказывать на государство. Наконецъ Августъ подъ именемъ *Imperator* остался военачальникомъ всѣхъ армій республики. Чтобы и здѣсь сохранить наружный видъ, Августъ заставилъ Сенатъ просить себя о принятіи правленія государствомъ и принялъ его только на десять лѣтъ, по истеченіи которыхъ велѣлъ возобновить просьбу; отсюда произошелъ у позднѣйшихъ императоровъ обычай праздновать десятый годъ своего правленія (sacra decennalia). О единовластіи напоминала одна

*) О значеніи этого имени см. *Светон*. Octav. Aug. cap. 7.

только 10,000-ная гвардія, получавшая двойное жалованіе и стоявшая не далеко отъ города. Такъ какъ Августъ хотѣлъ править чрезъ Сенатъ, то надлежало возвратить этому собранію достоинство, въ послѣдніе годы имъ потерянное. Съ того времени, какъ аристократическая партія удалилась съ Помпеемъ изъ города, Цезарь набралъ въ Сенатъ людей менѣе всего годныхъ къ тому, чтобы занимать мѣсто въ высшей правительственной коллегіи великаго государства; Цезарь сдѣлалъ это съ цѣлію унизить Сенатъ, напротивъ Августъ старался возвысить его и для сего предпринялъ очищеніе. Большую часть сенаторовъ принудилъ онъ отказаться отъ своей должности добровольно, противъ непокорныхъ употребилъ находившуюся въ его рукахъ цензорскую власть *). Число сенаторовъ было положено 600; впрочемъ имъ было запрещено безъ позволенія предпринимать путешествія за предѣлы Италіи, и слѣдовательно они всегда были въ глазахъ императора. И такъ, хотя Августъ и доставилъ Сенату значительное участіе въ правленіи, *однако, не смотря на то, главною цѣлію стремленія его было захватить въ полное распоряженіе свое и своихъ наслѣдниковъ казну и военныя силы, а кто можетъ неограниченно располагать двумя такими могущественными*

*) Какъ опасно было это очищеніе, видно изъ слѣдующаго замѣчанія *Светонія* (Oct. Aug. cap. 35): quo tempore existimatur lorica sub veste munitus ferroque cinctus praesedisse, decem valentissimis senatorii ordinis amicis sellam suam circumstantibus. Cordus Cremutius scribit, ne admissum quidem tunc quenquam senatorum, nisi solum et praetentato sinu. Все это дѣло подробно описано *Діономъ Кассіемъ* въ книгѣ LII, гл. 42.

средствами, тотъ — господинъ государства, какая бы ни была его форма.

Августъ, осторожно уклонявшійся отъ всѣхъ мѣръ, которыми названный отецъ его Цезарь возбудилъ противъ себя ненависть, приступилъ къ дѣлу и въ распоряженіяхъ по части финансовъ съ великою осмотрительностію. До сихъ поръ въ Римѣ существовала одна только государственная касса, aerarium, находившаяся въ распоряженіи Сената; неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное насильственнымъ поступкомъ Цезаря, когда онъ въ 49 году захватилъ эту кассу, было еще слишкомъ въ свѣжей памяти, чтобы Августъ отважился снова покуситься на подобный шагъ. Онъ оставилъ aerarium, какъ святыню, въ продолженіе столькихъ уже столѣтій находившуюся въ рукахъ Сената, повидимому въ полномъ его распоряженіи, но въ замѣну этого онъ учредилъ другую кассу, aerarium militare, расходами которой Императоръ могъ располагать совершенно по своему произволу, и слѣдовательно въ отношеніи платы жалованья войскамъ былъ вполнѣ независимъ отъ Сената. Эта касса называлась также fiscus и въ послѣдствіи времени она была смѣшиваема съ императорскою властію. Естественно, что въ нее поступали всѣ доходы, уже прежде назначенные на содержаніе войска; потомъ всѣ новыя подати были назначаемы для фиска. Главнѣйшіе изъ введенныхъ Августомъ налоговъ были три: первый состоялъ въ наложеніи новыхъ пошлинъ на всѣ товары, привозимые въ Италію и Римъ изъ провинцій и чужихъ странъ. Эта пошлина съ чужеземныхъ предметовъ роскоши была сколько прибыльна, столько и справедлива, и самъ Тацитъ защищаетъ ее, говоря, что ее платитъ не тотъ, кто продаетъ, а тотъ, кто покупаетъ, и слѣдовательно этотъ не прямой доходъ идетъ въ государственную кассу изъ кошельковъ богатыхъ (cum venditor pendere juberetur, in partem pretii emptoribus accrescebat). Второй налогъ былъ тягостнѣе, потому что касался необходимѣйшихъ потребностей: это былъ Centesima rerum venalium, слѣдовательно одинъ процентъ съ цѣны каждой продаваемой вещи. Этотъ акцизъ платился со всего, что поступало въ продажу

на публичный рынокъ. Онъ возбудилъ большое неудовольствіе, и уже наслѣдникъ Августа долженъ былъ понизить его *). Третья также очень прибыльная подать была наложена на завѣщанія и наслѣдства по боковой линіи; она простиралась на двадцатую часть или пять процентовъ со всѣхъ подобныхъ наслѣдствъ и по этому называлась Vigesima hereditatum **). Впрочемъ о совокупности всѣхъ доходовъ Римской имперіи нельзя сказать ничего вѣрнаго. Гиббонъ полагаетъ государственный доходъ въ послѣднія времена республики отъ 15 до 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ,—при Августѣ онъ долженъ былъ удвоиться и слѣдовательно простирался до 40 милліоновъ фунт. стерл., или около 1000 милліоновъ рублей. Главный расходъ составляли жалованье и подарки войску, раздача денегъ и хлѣба городской черни и издержки на ея увеселенія. Что касается до штата постоянныхъ армій, то огромныя массы войскъ, сражавшіяся во время послѣднихъ войнъ, были уменьшены, и оставалось отъ 25 до 30 полныхъ легіоновъ, которые государство всегда держало подъ оружіемъ и на опредѣленныхъ квартирахъ. Цезарь удвоилъ ихъ жалованье и сверхъ того ввелъ обычай давать солдатамъ еще особенныя награжденія; такъ каждый солдатъ при его тріумфѣ получилъ 5000 драхмъ или 2000 рублей. Точно также Октавіанъ наградилъ свое войско послѣ побѣды надъ Антоніемъ, и вообще вошло въ обыкновеніе раздавать войску денежныя награды за каждую важную услугу. Это называлось Donativum, и уже Гальба за отказъ въ выдачѣ подобной награды заплатилъ жизнію. Не меньше издержекъ выходило на городскую чернь: императоры не только раздавали народу хлѣбъ и деньги, но еще забавляли играми и травлею звѣрей. И такъ учрежденіемъ Фиска, въ который мало-по-малу стеклись всѣ главные

*) *Tacit* Ann. lib. I. cap. 78: Centesimam rerum venalium, post bella civilia institutam, deprecante populo, edixit Tiberius: *militare aerarium eo subsidio niti.* Однако въ послѣдствіи Тиберій сбавилъ полпроцента и такимъ образомъ вмѣсто centesima установилъ ducentesima. Tacit. Ann. lib. II. cap. 42.

**) О введеніи этой подати говоритъ *Dio Cass.* lib. LV, cap 25.

государственные доходы, императоры пріобрѣли возможность располагать большими суммами, и въ отношеніи къ войскамъ Августъ обезопасилъ себя тѣмъ, что всѣ провинціи, въ которыхъ, по причинѣ близости непріятелей имъ назначены были постоянныя квартиры, удержалъ за собою. Эти провинціи были слѣдующія, и легіоны по показанію Тацита (Ann. IV. 5) были размѣщены въ нихъ такимъ образомъ: въ Испаніи, гдѣ еще нѣкоторыя племена въ сѣверозападныхъ горахъ не были покорены и противились вліянію Римскаго образованія, стояли три легіона; въ Галліи, открытой нападеніямъ Германцевъ, восемь; на Дунаѣ въ Паннопіи стояло два легіона, столько же въ Мезіи, и въ резервъ для нихъ поставлено два легіона въ Далмаціи; въ Египтѣ стояло два легіона; о сохраненіи этой важной провинціи Августъ и его наслѣдники такъ ревностно заботились, что ни одинъ сенаторъ не смѣлъ безъ особеннаго позволенія показаться въ ней; также въ Африкѣ находилось два легіона, и въ Сиріи на Эвфратѣ для защищенія границъ отъ Парѳянъ—четыре. Остальными провинціями располагалъ Сенатъ, такъ что отъ сего времени онѣ раздѣлялись на два рода — provinciae principis и provinciae senatus. Конечно этимъ въ управленіи ихъ произведена была перемѣна, но было ли отъ того лучше, въ этомъ по справедливости можно усомниться. Вообще можно сказать, что состояніе сенатскихъ провинцій могло быть лучше, нежели во времена республики: во-первыхъ, потому что онѣ были свободны отъ арміи, во вторыхъ, что правители, назначаемые Сенатомъ, опасались сдѣлаться виновными въ такихъ же притѣсненіяхъ, какъ нѣкогда правители республиканскіе; напротивъ судьба императорскихъ провинцій зависѣла по большой части отъ личнаго характера императора. Для управленія финансами, чѣмъ прежде въ провинціяхъ занимались проквесторы, императоры назначили въ свои провинціи прокураторовъ, которыхъ обыкновенно избирали изъ вольноотпущенныхъ. Если принять, что императоры принимали провинціи подъ свою защиту отъ притѣсненія правителей, то это не совсѣмъ будетъ согласно съ истиною, напротивъ притѣсненіе провинцій въ прав-

леніе нѣкоторыхъ государей было еще сильнѣе, потому что правитель старался обогатиться самъ и вмѣстѣ долженъ былъ еще заботиться о фискѣ. Уже при Августѣ мы встрѣчаемъ примѣры, какъ правители обогащались на счетъ провинцій *). И такъ произведенная Августомъ перемѣна въ образѣ правленія состояла въ томъ, что онъ, будучи господиномъ казны и военныхъ силъ, такъ неоспоримо утвердилъ свое первенство, что не было человѣка, который могъ противоставить ему равную силу; но такъ какъ Августъ постановилъ такъ мало опредѣленнаго касательно своего положенія въ государствѣ, что даже свои отношенія къ Сенату означилъ съ точностію только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, то этимъ открылъ своимъ преемникамъ дорогу къ неограниченному деспотизму, потому что формы, которыя уважалъ еще Августъ, потеряли все свое значеніе.

Съ монархіею начинается въ Римской имперіи періодъ, когда на образованіе и науки стали смотрѣть, какъ на дѣло правительства, и когда имѣющіе въ рукахъ верховную власть стали заботиться о заведеніи библіотекъ, школъ, учителей. Римская литература незадолго предъ тѣмъ получила національное направленіе, посему неудивительно, что среди тишины и спокойствія, поощряемая и покровительствуемая правительствомъ, она тотчасъ вступила въ золотой свой вѣкъ. Она была не столько естественнымъ плодомъ успѣховъ развитія народнаго образованія, сколько резуль-

*) *Веллей* (lib. II. cap. 117) говоритъ о намѣстничествѣ Квинктилія Вара въ Сиріи такъ: pecuniae quam non contemptor, Syria, cui praefuerat, declaravit; quam pauper divitem ingressus, dives pauperem reliquit. *Светоній* въ біографіи Веспасіана (гл. 16) разсказываетъ: Creditur etiam procuratorum rapacissimum quemque ad ampliora officia ex industria solitus promovere, quo locupletiores mox condemnaret; quibus quidem vulgo *pro spongiis* dicebatur *uti*, quod quasi et siccos madefaceret et exprimeret humentes.

татомъ распространенія имперіи, въ слѣдствіе котораго чужеземное образованіе сдѣлалось сперва потребностію господствующихъ фамилій, а потомъ вообще необходимымъ условіемъ общежительности высшихъ Римскихъ сословій. Пятьсотъ десять лѣтъ стоялъ уже Римъ, и тогда только мы встрѣчаемъ имя перваго Римскаго поэта *Ливія Андроника*, и онъ начинаетъ съ перевода Гомера и Греческихъ трагиковъ, такъ что слѣдовательно первый замѣчательный Римскій поэтъ есть подражатель Грековъ. Попытка остроумнаго и оригинальнаго *Невія* создать собственно Римскую драму сошла ему съ рукъ такъ несчастливо, что всѣ слѣдующіе поэты пошли совершенно по слѣдамъ Грековъ; впрочемъ это не помѣшало имъ оказать большія услуги языку Латинскому, который они постепенно старались по образцовымъ произведеніямъ Греческой націи возвысить до степени классическаго совершенства.

Невій по свидѣтельству Цицерона обладалъ богатымъ даромъ неподдѣльнаго остроумія и хотѣлъ быть Римскимъ Аристофаномъ; но Сципіоны и Метеллъ не перенесли направленныхъ противъ нихъ остротъ, и поэтъ долженъ былъ за свой опытъ поплатиться тюрьмою. Послѣ сего онъ вознамѣрился поправить бѣду, которую накликалъ на себя своими комедіями, изображеніемъ въ поэтическомъ разсказѣ первой Пунической войны, но, кажется, и здѣсь не могъ удержаться отъ остротъ и снова возбудилъ противъ себя неудовольствіе; по крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ оставить Римъ и умеръ въ Утикѣ въ крайней бѣдности. Печальная участь Невія послужила предостереженіемъ для слѣдовавшихъ за нимъ поэтовъ; всѣ они искали понравиться Римской знати. Это замѣтно въ *Енніи* и *Луциліи*: — оба они избрали предметомъ своихъ пѣснопѣній Сципіоновъ; одинъ изображалъ и

восхвалялъ ихъ частную жизнь, другой — военные подвиги. Впрочемъ Енній оказалъ большія услуги образованію Латинскаго языка; онъ также училъ въ Римѣ Греческому и доказалъ, что безъ изученія послѣдняго нельзя и думать объ основательномъ знаніи перваго, такъ убѣдительно, что даже Катонъ согласился съ нимъ и, находясь уже въ глубокой старости, началъ учиться по-гречески. Греческое образованіе для господствующихъ фамилій было общею потребностію; среди нихъ развился утонченный свѣтскій тонъ; въ разговорахъ они употребляли Греческій языкъ, а если говорили и по-латыни, то съ Греческою тонкостію; въ ихъ собраніяхъ были читаемы или даже разыгрываемы Греческія комедіи, между тѣмъ какъ народъ предавался совершенно инымъ увеселеніямъ. *Плавтъ* еще разъ обратилъ вниманіе въ своихъ комедіяхъ на народъ, но *Теренцій* совершенно выпустилъ его изъ виду, и въ этихъ двухъ поэтахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга короткимъ промежуткомъ времени, весьма ясно видѣнъ ходъ развитія характера Римскаго общества. Отъ трагическихъ поэтовъ *Пакувія*, *Атція* и *Цецилія* до насъ дошло только нѣсколько отрывковъ; впрочемъ извѣстно, что они слѣдовали въ своихъ произведеніяхъ тому же направленію, какъ и Теренцій, и что народъ былъ къ нимъ равнодушенъ, между тѣмъ какъ высшія сословія искали ихъ и покровительствовали имъ. И такъ относительно просвѣщенія Римъ находился въ состояніи, какое обыкновенно бываетъ со всякимъ народомъ, котораго знатныя сословія вдругъ достигаютъ высокой степени образованія, развитаго другою націею.

Римской литературѣ послѣ того, какъ поэзія совершенно подчинилась духу Греческой, оставалось еще одно направленіе, въ которомъ она могла принять національный характеръ; это направленіе было *Риторическое*. Такъ какъ самый образъ правленія требовалъ риторики и діалектики для общественныхъ дѣлъ, то по этому нуженъ былъ только случайный поводъ, чтобы сдѣлать ихъ

предметомъ всеобщаго изученія. Этотъ поводъ подало знаменитое посольство Аѳинянъ, прибывшее въ Римъ для испрошенія помощи противъ Филиппа, царя Македонскаго, и имѣвшее на Римлянъ такое же дѣйствіе, какое нѣкогда произвело появленіе Сицилійскихъ софистовъ въ Аѳинахъ. Аѳиняне избрали для сего посольства трехъ мужей, бывшихъ въ то время главами философскихъ школъ: *Карнеада*, который былъ главою школы Платонической или такъ называемой Академіи, *Критолая*, который былъ главою Аристотелевской или перипатетической школы, и *Діогена Вавилонскаго*, который былъ главою стоической школы въ Аѳинахъ и получилъ прозваніе Вавилонскаго, потому что родился въ Селевкіи на Тигрѣ. Во всѣхъ сихъ школахъ Риторика, соединенная съ діалектикою, была главнымъ занятіемъ, посему естественно, что главы ихъ были также и первыми діалектиками и риторами. Всеобщее удивленіе, встрѣтившее ихъ въ Римѣ, можетъ быть объяснено не рѣчами, говоренными ими въ Сенатѣ, гдѣ Сенаторъ Ацилій служилъ имъ переводчикомъ, а только распространившимся между господствующими фамиліями знаніемъ Греческаго языка. Чтобы дать понятіе своимъ слушателямъ о дѣйствіи діалектики, философы согласились говорить рѣчи на заданные вопросы безъ приготовленія, и Карнеадъ выступилъ въ Римѣ совершенно въ той же роли, какую прежде Горгій игралъ въ Аѳинахъ; такъ онъ вызывался говорить рѣчь сегодня въ похвалу, а завтра въ порицаніе справедливости, обѣщаясь въ обоихъ

случаяхъ убѣдить слушателей. Катонъ весьма живо чувствовалъ весь вредъ подобнаго образованія и настаивалъ, чтобы какъ можно скорѣе кончить съ послами дѣла, но это такъ же мало помогло, какъ и объявленіе цензора Красса, что такого рода школа есть ludus impudentiae. Римъ вскорѣ наполнился Греческими риторами, и хотя партія, державшаяся старины и успѣла склонить Сенатъ сдѣлать опредѣленіе curarent praetores, philosophi et rhetores Romae ne essent, однако эти полицейскія мѣры нисколько не помогли ей, и Греческій элементъ одержалъ верхъ. Римскій духъ послѣ непродолжительной борьбы подчинился Греческому, и періодъ совершеннаго торжества послѣдняго можно опредѣлить событіемъ, когда Катонъ не только самъ выучился по Гречески, но и досталъ себѣ Греческаго раба, по имени Хилона, при помощи котораго на свой счетъ и подъ своимъ надзоромъ завелъ школу Риторики *). Впрочемъ это направленіе имѣло слѣдствіемъ то, что литература получила въ Римѣ право гражданства; ибо какъ скоро философія, поэзія и исторія самымъ тѣснымъ образомъ соединены были съ изу-

*) *Горацій* въ первомъ письмѣ второй книги своихъ посланій дѣлаетъ занимательное обозрѣніе исторіи Римскаго образованія. Онъ говоритъ ст. 156:

Graecia capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio.
Et post Punica bella quietus quaerere coepit,
Quid Sophocles et Thespis et Aeschylus utile ferrent.

Но это такъ мало дѣйствовало на народъ, что поэтъ, представляя намъ театральную сцену, на которой вкусъ народа сталкивается со вкусомъ всадниковъ, смѣется надъ этимъ въ слѣдующихъ словахъ:

Media inter carmina poscunt
Aut ursum, aut pugiles; his nam plebecula gaudet etc.

ченіемъ краснорѣчія и правовѣдѣнія, то нашлась сторона, въ которой онѣ гармонировали съ Римскимъ духомъ. Это соединеніе было приготовляемо со временъ Гракха, но приведено въ исполненіе *Цицерономъ* и его современниками. Отъ предшествовавшихъ Цицерону ораторовъ не дошло до насъ ни одного сочиненія, и мы знаемъ о нихъ только по его сужденіямъ; о нѣкоторыхъ, какъ напр. о Крассѣ и Антоніи, онъ отзывается съ большою похвалою. Но Цицеронъ собственно былъ первый, который далъ литературѣ свойственное ей направленіе. Хотя онъ получилъ совершенно Греческое образованіе, однако отъ этого онъ не только не разучился понимать и чувствовать свой природный языкъ, но даже, напротивъ, это болѣе всего способствовало тому, что онъ могъ узнавать собственный характеръ Латинскаго языка и пользоваться имъ *). Кромѣ того, что онъ отличался уже тонкимъ знаніемъ духа Латинскаго языка и какъ ораторъ умѣлъ производить имъ сильное дѣйствіе, было еще другое обстоятельство, которое дѣлало его краснорѣчіе великимъ и единственнымъ,—это его искусство пользоваться исторіею. Цицеронъ вывелъ исторію на форумъ, чтобы, по примѣру Грековъ, какъ онъ самъ выражается, вызывать изъ царства мертвыхъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей. Дѣйствіе его краснорѣчія замѣтно во всѣхъ рѣчахъ, но особенно го-

*) *Cic.* de orat. lib. III. cap. 11: Quare cum sit quaedam certa vox Romani generis urbisque propria, in qua nihil offendi, nihil displicere, nihil animadverti possit, nihil sonare aut olere peregrinum, hanc sequamur, neque solum rusticam asperitatem, sed etiam peregrinam insolentiam fugere discamus.

сударственныя доставляютъ ему славу великаго оратора *). Если бы даже не осталось ни одной изъ его рѣчей, то такое выгодное понятіе дало бы намъ о немъ одно то обстоятельство, что онъ, не прославившись на войнѣ, не имѣя приверженцевъ между аристократіею, безъ денегъ, безъ партіи, только своими талантами достигъ такого значительнаго мѣста въ государствѣ! И если онъ не сдѣлалъ для отечества ничего больше, то это надобно приписать слабости его характера. Цицеронъ, какъ *философъ*, является совершенно зависимымъ отъ Грековъ, и вся его дѣятельность въ этомъ отношеніи направлена только къ извлеченію изъ Греческой жизни того, что могло быть принято въ Римскую. Онъ самъ нигдѣ не выдаетъ себя за самостоятельнаго умозрительнаго мыслителя; своимъ онъ только называетъ форму, а на содержаніе предоставляетъ полное право Греческимъ писателямъ, которыхъ обыкновенно именуетъ. Вліяніе, оказанное на него философіею, онъ старался распространить на другихъ, и какъ ни былъ несправедливъ его эклектицизмъ въ ученомъ отношеніи, однако, не смотря на то, полнаго уваженія заслуживаетъ его стремленіе заинтересовать Римлянъ, народъ воинственный и склонный къ изученію правовѣдѣнія, предметами, касающимися не одной только внѣшней жизни. Цицеронъ разсматривалъ философскіе предметы, сообразуясь съ тѣмъ, какъ тогда занимались фи-

*) Dialogus de oratorib. cap. 37: Nec Ciceronem magnum oratorem P. Quinctius defensus aut Licinius Archias faciunt; Catilina et Milo et Verres et Antonius hanc famam illi circumdederunt.

лософіею въ Римѣ. Каждая секта философскаго догматизма имѣла здѣсь своихъ приверженцевъ; ученія эпикурейское, стоическое и академическое были приняты какъ законъ и образецъ во всей жизни и дѣйствіяхъ. На семъ основаніи Цицеронъ разбираетъ каждый предметъ, соображаясь со взглядами, сдѣланными на него въ той или другой догматической системѣ. Потомъ изъ всего этого онъ извлекаетъ, какъ результатъ, то, что ему кажется лучшимъ, при томъ всегда съ приложеніемъ къ практической жизни. Какъ *Риторъ*, или учитель краснорѣчія, Цицеронъ былъ единственнымъ человѣкомъ, соединяя съ теоріею всѣ преимущества отличной практики, и въ самомъ дѣлѣ отъ кого лучше захотѣли бы слушать правила краснорѣчія, какъ не отъ того, кто былъ признанъ величайшимъ Римскимъ ораторомъ? Особенное достоинство риторическихъ сочиненій Цицерона состоитъ въ томъ, что онъ все, чему по этой части учили въ Греческихъ школахъ, сохранилъ для насъ и пояснилъ примѣрами. Что касается до писемъ Цицерона, то они во первыхъ занимательны потому, что сохраняютъ не вымышленный, какъ въ его діалогахъ о философскихъ предметахъ, но настоящій тонъ общества. Далѣе, изъ отвѣтовъ Цицероновыхъ корреспондентовъ видно, что иное, что мы приписали бы индивидуальности Цицерона, было характеромъ времени; потому что всѣ знатные люди, съ которыми онъ находился въ перепискѣ, обнаруживаютъ такое же живое участіе къ умственнымъ и литературнымъ интересамъ, какъ онъ самъ, и да-

же, находясь въ опасномъ положеніи, не меньше занимаются литературою, какъ и политикою. Наконецъ въ письмахъ Цицерона мы можемъ изучить разнообразіе Латинскаго слога, во многихъ отношеніяхъ весьма любопытное. Однимъ словомъ: чтеніе Цицероновыхъ писемъ принадлежитъ къ числу самыхъ полезныхъ и поучительныхъ занятій. Цицеронъ писалъ также стихи; я привожу это для того, чтобы показать, что въ вѣкъ, подобный тогдашнему, всякій человѣкъ образованный и со вкусомъ можетъ писать правильные стихи, нисколько не будучи поэтомъ. Для упражненія онъ перевелъ *τὰ φαινόμενα* Арата и, увлекшись тщеславіемъ, счелъ дѣла своего консульства предметомъ достойнымъ героической поэмы. Впрочемъ время вступило надъ этими стихотвореніями въ свои права; они потеряны всѣ кромѣ тѣхъ, которыя онъ приводитъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ. Вліяніе Цицерона состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ риторику въ основаніе Римскаго образованія и тѣмъ далъ ей національный характеръ. Это риторическое направленіе распространилось теперь на всѣ отрасли наукъ и особенно на исторію и поэзію.

Сначала въ Римѣ знали двѣ формы писать исторію, свойственныя характеру Римской жизни — *лѣтописи* и *записки*. Отъ первыхъ, которыя по всей вѣроятности ничѣмъ не отличались отъ хроникъ среднихъ временъ, до насъ не дошло ни одного отрывка, и къ вѣчному нашему сожалѣнію изъ множества записокъ, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ были написаны, не сохранилось ни од-

нѣхъ кромѣ комментаріевъ Цезаря. Такъ напр. Скавръ написалъ три книги de rebus a se gestis. Рутилій и Катулъ также оставили свои записки *), О запискахъ Суллы и Лукулла, писанныхъ по Гречески, мы знаемъ изъ Плутарха, который не только пользовался ими, но даже приводилъ изъ нихъ цѣлыя мѣста. Отъ записокъ Брута, равно какъ и Аттика также не сохранилось ничего; какъ образецъ сего любопытнаго рода сочиненій остались одни комментаріи Цезаря. Въ нихъ отпечатлѣлся весь духъ и характеръ сего необыкновеннаго человѣка, и можно видѣть даже въ писателѣ мужа, рожденнаго повелѣвать, дѣлающаго себя средоточіемъ всего, что ни случалось. Онъ вездѣ описываетъ фактъ простыми словами; онъ не имѣетъ никакой причины умалчивать о жестокихъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, и единственное, чего должно читая его остерегаться, есть его апологическія обращенія, которыми онъ старается свои мѣры не оправдать, но представить дѣломъ благоразумія. Грубаго искаженія истины тѣмъ менѣе можно въ немъ предполагать, что онъ издалъ свои записки въ то время, когда находились въ живыхъ многіе свидѣтели — очевидцы описываемыхъ имъ событій. Совершенно необыкновенное явленіе въ исторической Литературѣ Римлянъ есть *Саллюстій*. Кажется необъяснимымъ, какимъ образомъ человѣкъ безнравственный въ жизни могъ показаться въ сочиненіяхъ такимъ строгимъ

*) *Tacit.* Agricol. cap. 1: Ac plerique suam ipsi vitam narrare fiduciam potius morum, quam arrogantiam arbitrati sunt, nec id Rutilio et Scauro citra fidem aut obtrectationi fuit.

проповѣдникомъ нравственности и порицателемъ тѣхъ самыхъ правилъ, которымъ самъ слѣдовалъ. Но если обратимъ вниманіе на изысканность его слога, на его стараніе ловить устарѣлыя выраженія и формы языка, то ключъ къ этой кажущейся загадкѣ найденъ. Тогда въ Саллюстіи узнаемъ человѣка, имѣвшаго довольно ума и силы, чтобъ приложить образъ сужденія древнихъ Римлянъ къ своему времени. Посему-то онъ и избралъ рядъ низостей предметомъ своего разсказа, который тѣмъ больше представляетъ совершенства и искусства, чѣмъ больше является чистымъ произведеніемъ мыслящаго ума. Нося въ себѣ сознаніе нравственной испорченности, онъ не легко вѣритъ во что нибудь благородное въ другихъ и ищетъ пружины всѣхъ человѣческихъ дѣйствій въ эгоизмѣ и стремленіи къ чувственнымъ наслажденіямъ. Добродѣтель для него идеалъ, и такъ какъ въ слѣдствіе этого ея притязанія на людей представляются слишкомъ высокими, то и въ теоріи весь взглядъ его на жизнь есть одна высокопарность. Римская Исторія Саллюстія, потерянная для насъ, обнимаетъ только время съ того момента, когда Сулла сложилъ съ себя диктатуру, до закона Манилієва, доставившаго Помпею начальство надъ войскомъ противъ Митридата: слѣдовательно не болѣе двѣнадцати лѣтъ, но онъ въ видѣ введенія начинаетъ съ борьбы Марія съ Суллою, такъ что, если присоединить къ сему исторію Югурты и Катилины, его сочиненіе заключаетъ въ себѣ почти все седьмое столѣтіе отъ построенія Рима. Противоположность

Саллюстію образуетъ авторъ жизнеописанія великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ, обыкновенно означаемый именемъ *Корнелія Непота.* Между тѣмъ какъ первый изображалъ въ людяхъ только эгоизмъ и представлялъ только своекорыстныя стремленія, Корнелій Непотъ въ краткихъ, но изящныхъ очеркахъ возвышалъ блестящую и благородную сторону человѣческаго характера. Цѣль его сочиненій—чисто нравственная и наставительная. Его книга, подобно галлереѣ образцовыхъ произведеній, долженствовала возбуждать въ Римскихъ юношахъ энтузіазмъ къ добродѣтели, воодушевлять ихъ патріотизмъ, исполнять храбростію и т. д., и она служитъ для этой цѣли донынѣ, будучи принята для преподаванія въ новѣйшихъ школахъ. Но первый *Т. Ливій* далъ Римской Исторіи оригинальное направленіе и чисто національный тонъ. Ливій осуществилъ идеалъ Цицерона о національномъ историкѣ, который по его мнѣнію долженствовалъ пользоваться искусствомъ оратора, чтобы успѣшно дѣйствовать на читателей *). Согласно съ этимъ, исторія Ливія есть риторическое описаніе того, что случилось по всей вѣроятности, и его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать въ душахъ читателей рѣшимость, мужество и воодушевленіе къ новымъ подвигамъ. Посему при безпристрастной оцѣнкѣ

*) Мѣсто, гдѣ Цицеронъ выражаетъ объ этомъ свою мысль, находится въ его сочиненіи de leg. lib. I. cap. 2. Здѣсь Аттикъ проситъ Цицерона написать отечественную исторію, ut patria, quae salva per te est, per te eundem sit ornata. Potes autem tu profecto satisfacere in ea, *quippe cum sit opus*, ut tibi quidem videri solet, *unum hoc oratorium maxime.*

Ливіева творенія всегда должно разсматривать его въ отношеніи къ цѣли, и кто станетъ отрицать, что онъ наилучшимъ образомъ достигъ ея и облекъ предъ потомками неугасаемымъ блескомъ дѣянія предковъ? Къ сожалѣнію изъ 140 книгъ этого національнаго творенія до насъ дошло только 35. У Ливія краснорѣчіе еще чисто и сильно, но оно очень легко превращается въ декламацію, потому естественно, что тонъ историческихъ сочиненій скоро измѣнился и чрезъ нѣсколько поколѣній уже принялъ направленіе, достигшее въ Тацитѣ своей кульминаціонной точки.

Характеръ Августова вѣка во всѣхъ отношеніяхъ походилъ бы на характеръ Александрійскаго, если бы таланты нѣкоторыхъ мужей, умѣвшихъ, не теряя своей самостоятельности, подражать Греческимъ образцамъ, не осуществили многихъ родовъ Римской литературы, которые доселѣ были оставляемы въ совершенномъ пренебреженіи. Сюда относятся три главные поэта, имѣвшіе по своему вліянію на поэзію Римлянъ такое же значеніе, какое Цицеронъ для прозы. Оригинальнѣйшій изъ нихъ есть *Горацій* и по сему надобно сперва сказать о немъ. Въ своихъ лирическихъ сочиненіяхъ онъ ограничивается подражаніемъ Греческимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ воспѣвается и одобряется мудрое наслажденіе жизнію; посему собственное значеніе его заключается не въ одахъ, но въ посланіяхъ и сатирахъ, въ которыхъ онъ является совершенно самостоятельнымъ; въ нихъ съ удивительною граціею онъ проложилъ себѣ путь меж-

ду поэзіею и прозою и облекъ стихотворство въ какую то привлекательную простоту. Глубокое знаніе свѣта и людей и тѣсное знакомство съ потребностями высшихъ сословій доставили Горацію вліяніе не только на своихъ современниковъ, но и сдѣлали его книгу въ послѣдствіи времени руководствомъ къ мудрой жизни для всѣхъ, желавшихъ соединить наслажденіе своимъ богатствомъ со вкусомъ и наукою *). Столь же великое вліяніе, только въ другомъ отношеніи, имѣлъ *Виргилій*, по чистотѣ отдѣлки, музыкѣ и гармоніи стиховъ, въ чемъ никто его не превосходитъ. Главное твореніе его есть героическая поэма Энеида. Подражать Гомерову тону не могло придти ему въ голову во время, такъ отдаленное отъ героическаго, оттого сила его состоитъ въ описаніи и искусство заключается въ удачномъ выборѣ предмета, который далъ ему возможность въ одно время сказать что-нибудь пріятное господствующей фамиліи Цезарей и польстить національной гордости Римлянъ. Эней по преданію считается родоначальникомъ Римлянъ, и отъ сына его Іула ведетъ родъ свой gens Julia — этого для искуснаго поэта достаточно, чтобы національное чувство соединить такъ тѣсно съ ласкательствомъ, касающимся царствующей династіи, что одно кажется необходимымъ для другаго. Но судя во-

*) Чтобы составить себѣ о Гораціи вѣрное понятіе, должно особенно прочесть 6-ю сатиру 2-й книги, гдѣ онъ описываетъ свою сельскую жизнь и 6-ю первой, гдѣ онъ разсказываетъ исторію своей жизни и описываетъ свое пребываніе въ городѣ.

обще, достоинство Энеиды состоитъ въ формѣ, и вотъ что побудило поэта передъ смертью пожелать ея уничтоженія. Онъ чувствовалъ, что не имѣлъ довольно времени дать всѣмъ двѣнадцати пѣснямъ такую гладкость, чтобъ стереть всякій слѣдъ труда, котораго стоило ему это твореніе. Впрочемъ вѣчно должно было бы сожалѣть, еслибъ это желаніе его было исполнено: потому что, при всѣхъ несовершенствахъ Энеиды, нельзя не сознаться, что поэтъ успѣлъ въ ней поэтически украсить Латинскія преданія и Римскую Исторію, и влить въ Греческія формы Римскій духъ. Виргилій является оригинальнымъ въ своемъ стихотвореніи о земледѣліи. Дидактическое стихотвореніе, произведеніе Александрійскаго періода, само по себѣ конечно имѣетъ характеръ прозы, но Виргилій умѣлъ найти въ своемъ предметѣ поэтическія стороны и въ превосходныхъ стихахъ воспѣлъ поэзію природы. Совершенно ошибочно направленіе, принятое имъ въ идилліяхъ, особенномъ родѣ поэзіи, который также разцвѣлъ въ первый разъ въ Александрійскій періодъ и послужилъ ему образцемъ для подражанія. Греческій поэтъ Ѳеокритъ, съ успѣхомъ введшій этотъ родъ поэзіи при дворѣ Птоломеевъ, имѣлъ то преимущество, что могъ заставить своихъ пастуховъ и пастушекъ говорить на Дорійско-Сикеліотскомъ нарѣчіи и такимъ образомъ простымъ чувствованіямъ придавалъ наивнымъ языкомъ еще болѣе прелести; напротивъ Виргилій употреблялъ въ своихъ идилліяхъ утонченный языкъ образован-

наго общества и посему поставилъ убранство и размѣръ ихъ въ странное противорѣчіе съ содержаціемъ. Третій поэтъ, по своему вліянію заслуживающій быть поставленнымъ на ряду съ Гораціемъ и Виргиліемъ, хотя значительно уступающій имъ въ силѣ дарованія, есть *Овидій*. Такъ какъ его сочиненія легко можно понять и въ нихъ содержится много свѣдѣній касательно Древней Исторіи и Миѳологіи, то въ средніи и новѣйшія времена они имѣли многихъ читателей и такимъ образомъ пріобрѣли великое вліяніе на фантазію и представленія новаго міра. Впрочемъ, какъ мало Овидій обладалъ истинно-поэтическою силою, это видно изъ того, что онъ не оставляетъ ничего воображенію своего читателя, но самъ распространяется обо всемъ до малѣйшихъ подробностей. Въ семъ отношеніи онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, о которыхъ Лукіанъ смѣясь говоритъ, что, если бъ они вздумали представить въ своихъ сочиненіяхъ Тантала или Иксіона, то имъ нужно бы было множество стиховъ, чтобы довести воду только до губъ Тантала, или чтобы заставить Иксіона одинъ разъ перевернуть свое колесо. *Катуллъ, Тибуллъ* и *Проперцій* во всѣхъ отношеніяхъ подражатели Грековъ, и особенно Катуллъ изъ подражанія имъ пускался въ самыя трудныя тонкости и принималъ самые смѣлые размѣры. Но какъ ни велико оставалось вліяніе Грековъ, во всякомъ случаѣ золотой періодъ Римской литературы доставилъ по крайней мѣрѣ то, что и поэзія облеклась въ національную одежду

и что гордость Римлянъ могла любоваться собственными образцовыми твореніями.

Какъ славный памятникъ ученаго стремленія этого времени, мы имѣемъ передъ глазами обширное сочиненіе Страбона по части географіи. Страбонъ родился на Востокѣ; основательное изученіе, далекія путешествія и собственное знаніе описываемыхъ имъ странъ дѣлали его особенно способнымъ къ предпринятому имъ труду. Съ этими преимуществами онъ соединялъ еще ясное представленіе о томъ, каково должно быть землеописаніе, строгую критику и слѣдовательно отчужденіе отъ всякой страсти къ чудеснымъ разсказамъ. Посему его твореніе обладаетъ достоинствами, какихъ не имѣетъ ни одно произведеніе древности въ этомъ родѣ. Такъ какъ отселѣ въ Римѣ какъ въ Александріи, стали заниматься учеными изслѣдованіями, то одинакая потребность произвела здѣсь такія же слѣдствія, какъ въ Египетской столицѣ. Уже Цезарь хотѣлъ основать въ Римѣ публичную библіотеку и поручилъ учрежденіе ея ученому Варрону, но смерть рушила этотъ планъ его, равно какъ и многіе другіе. Впрочемъ Августъ возобновилъ его. Онъ приказалъ сперва Азинію Полліону на площади подлѣ храма Либерты устроить зданіе для библіотеки и раздѣлилъ ее на двѣ части—на Греческую и Латинскую; другую библіотеку онъ заложилъ на Палатинскомъ холмѣ. Имѣя большія библіотеки, Римъ сдѣлался теперь и средоточіемъ учености, и литература Имперіи приняла два на-

правленія—собственно Латинское и Греческое, причемъ замѣчательно то, что собственно Латинскою литературою больше занимались въ послѣдствіи времени не Италіянцы, а Испанцы, Галлы и Африканцы.

Конецъ первой части.

